THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

This book must not
be taken from the
Library building.

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/istoricheskarkhi1919unse

ee rec'd. 1-12-00
CD1710 .I8 1919 kn.1

ИСТОРИЧЕСКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГЛАВНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ АРХИВНЫМЪ ДѢЛОМЪ.

1919.

ПЕРВАЯ КНИГА.

ПЕТРОГРАДЪ.

Содержаніе 1-ой книжки „Историческаго Архива".

стр.

Декретъ о реорганизаціи и централизаціи Архивнаго дѣла Россійской соціалистической федеративной Совѣтской Республики.

Николаевъ, А. С.—Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ 1

Переметевскій, В. В.—Археографическія работы по документамъ Разряда, хранящимся въ б. Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи 65

Макаровъ, А. Н.—Проектъ архивной реформы бар. Г. А. Розенкампфа (1820 г.) 101

Лаппо-Старженецкая Е. А.—Французскіе архивы въ ихъ прошломъ и настоящемъ 143

Абрамовичъ, Д. И.—Памяти митрополита Евгенія (Болховитинова) . 190

Дьяконовъ, М. А.—Источники девятнадцатой главы Соборнаго Уложенія 1649 г. 224

Лаппо-Данилевскій, А. С.—Россія и Гольштинія (очеркъ изъ исторіи германо-русскихъ отношеній въ XVIII вѣкѣ). 255

Платоновъ, С. Ѳ.—Лѣтописный разсказъ о крещеніи княгини Ольги въ Царьградѣ 283

Григорьевъ, В. А.—Словесный Судъ въ реформѣ мѣстнаго управленія Екатерины II 289

Хоментовская, А. И.—Н. Г. Чернышевскій и подпольная литература начала 60-хъ г.г. 324

Голицынъ, Н. В.—Некрологъ С. М. Горяинова 414

Богоявленскій, С. К.—Некрологъ С. А. Бѣлокурова 422

Хроника: Лѣтопись Архивной жизни. 437

„ Союзъ Архивныхъ Дѣятелей 516

„ Памяти А. С. Лаппо-Данилевскаго. 521

Критика и библіографія: Поліевктовъ, М. А.—Проф. Тарле. Западъ и Россія. Статьи и документы изъ исторіи XVIII—XIX в.в.—Прѣсняковъ, А. Е.—Сборникъ статей въ честь М. К. Любавскаго.—Дьяконовъ, М. А.—Архивъ Строева. 524

ОТДЕЛ ОФИЦИАЛЬНЫЙ.

ДЕКРЕТ

о реорганизации и централизации архивного дела.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства № 514.

1) Все архивы правительственных учреждений ликвидируются, как ведомственные учреждения, и хранящиеся в них дела и документы отныне образуют Единый Государственный Архивный Фонд.

2) Заведывание Государственным Архивным Фондом возлагается на главное Управление Архивным делом.

3) Все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25 Октября 1917 года, поступают в Государственный Архивный Фонд.

За период времени, особо определяемый Главным Управлением Архивным делом каждого ведомства по соглашению с ним, дела, не утратившие значения для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, и не поступают в ведение и распоряжение Главного Управления Архивным Делом.

4) Все ныне производящиеся дела и переписка правительственных учреждений остаются при них в течение срока, устанавливаемого для каждого ведомства особым положением. После указанного срока все оконченные дела передаются в Государственный Архивный Фонд.

5) Правительственные учреждения не имеют права уничтожать какие бы то ни было дела и переписку или отдельные бумаги без письменного разрешения Главного Управления Архивным делом.

Нарушители сего запрещения будут привлечены к судебной ответственности.

6) Главное Управление Архивным Делом должно немедленно установить порядок получения справок из Государственного Архив-

ного Фонда, причем преимущественное право получения справок предоставляется тому ведомству, которое производило данное дело.

7) В целях лучшего научного использования, а также для удобства, хранения и экономии расходов, отдельные части Государственного Архивного Фонда по возможности должны быть соединены по принципу централизации архивного дела.

8) Главное Управление Архивным Делом входит в Народный Комиссариат Просвещения, составляя в нем особую часть.

9) Заведующий Главным Управлением Архивным делом утверждается по представлению Народного Комиссара Просвещения Центральным Правительством.

Он пользуется правами члена Коллегии Народного Комиссариата Просвещения и является представителем Управления Архивным Делом в Центральном Правительстве с правом непосредственного доклада.

10) Положение о Главном Управлении Архивным Деломъ и подведомственных ему областных управлениях будет издано дополнительно.

11) С опубликованием настоящего декрета отменяется действие всех доныне изданных декретов и постановлений об организации архивного дела в России.

12) С 1-го Июля 1918 года кредиты, открытые различным ведомством на содержание состоящих при них архивов, передаются в распоряжение Народного Комиссариата Просвещения на нужды Главного Управления Архивным Делом.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров *Вл. Ульянов* (Ленин). Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *Вл. Бонч-Бруевич.*

Секретарь Совета *Н. П. Горбунов.*

1-го Июня (19 Мая) 1918 г.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ АРХИВНЫМЪ ДѢЛОМЪ.

(Апрѣль—Октябрь 1918 года).

I.

Тяжелое наслѣдіе отъ прошлаго получило Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ: неупорядоченные вѣдомственные архивы, отсутствіе какой-либо организаціи въ постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи, сильный недостатокъ подготовленныхъ для спеціальной работы въ архивномъ дѣлѣ лицъ и полное неуваженіе къ документу въ широкихъ массахъ.

Всякій, кому приходилось соприкасаться съ русскими архивами, научно въ нихъ работая или только наводя текущую справку, отлично знаетъ, что такое вѣдомственный архивъ. Каждое казенное учрежденіе, большое или маленькое, имѣло свой архивъ. Это—складъ дѣлъ и бумагъ, неупорядоченный, содержащійся въ большинствѣ случаевъ въ хаотическомъ состояніи, неимѣющій сплошь и рядомъ не только алфавитовъ, но даже описей. Въ сознаніи чиновниковъ и обывателя архивъ—груды бумаги, подлежащія уничтоженію, какъ потерявшія всякое значеніе для жизни. Уничтоженіе старыхъ дѣлъ и бумагъ производилось весьма свободно: случайные люди, руководствуясь совершенно случайными соображеніями, продавали груды бумагъ на писчебумажныя фабрики и отдѣльнымъ скупщикамъ. Если подвести итогъ тому, что уничтожено и зарегистрировано, какъ уничтоженное, получится поражающій въ количественномъ отношеніи списокъ разнаго рода историческихъ документовъ, навсегда утраченныхъ для науки. Кромѣ весьма немногихъ единичныхъ архивовъ, которые можетъ перечислить всякій образованный человѣкъ (такихъ архивовъ не больше десяти на всю Россію), содержавшихся въ нѣкоторомъ порядкѣ и имѣвшихъ у себя штатъ спеціалистовъ-работниковъ, научно ставившихъ дѣло, вся остальная масса архивовъ, огромная въ количественномъ отношеніи, содержалась въ хаотическомъ состояніи и вѣдалась лицами, вышедшими уже въ тиражъ изъ чиновничьяго строя и доживавшими свой

вѣкъ на покоѣ; руководили вѣдомственными архивами или ветхіе старцы, или люди, посаженные правительствомъ на кормленіе. Дѣятельность вѣдомственнаго архива сводилась къ двумъ главнѣйшимъ функціямъ: выдачѣ справокъ, трафаретныхъ образцовъ для текущаго дѣлопроизводства, и къ уничтоженію старыхъ архивныхъ дѣлъ. Когда чиновнику не хотѣлось отнестись къ дѣлу по существу, онъ искалъ прецедента въ дѣлопроизводствѣ, посылалъ за архивной справкой. Такія справки, давая готовую форму, сплошь и рядомъ губили живую мысль, живое начинаніе. Негостепріимно и угрюмо, какъ нежеланнаго гостя, встрѣчалъ вѣдомственный архивъ ученаго, пришедшаго искать матеріаловъ для своего научнаго построенія. Ученому приходилось работать въ сыромъ, плохо освѣщенномъ помѣщеніи, пользоваться самымъ ограниченнымъ временемъ для своихъ научныхъ изысканій, встрѣчать казенное, зачастую опасливое къ себѣ отношеніе со стороны архивныхъ служащихъ. Не этимъ ли объясняется постоянный пробѣлъ, постоянное отсутствіе цѣлаго ряда фактическихъ данныхъ, на которыя мы наталкиваемся сплошь и рядомъ въ большинствѣ историческихъ изслѣдованій? Всякая попытка оживить архивное дѣло въ вѣдомственныхъ архивахъ встрѣчала въ большинствѣ случаевъ не только равнодушное, но даже негодующее къ себѣ отношеніе: ассигновать лишнюю копейку на этотъ мертвый, никому не нужный хламъ, считалось прямо легкомысленнымъ. Кому приходилось работать въ вѣдомственномъ архивѣ, пытаясь строить его на сколько-нибудь отвѣчающихъ важности хранящихся въ немъ документовъ научныхъ принципахъ, тотъ хорошо знаетъ, сколько героическихъ усилій, стойкости, твердости и постоянства приходилось проявлять, чтобы добиться вниманія начальствующихъ лицъ къ серьезности дѣлаемыхъ попытокъ въ архивномъ строительствѣ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти попытки оканчивались безрезультатно, пропадали энергія и иниціатива, и дѣло оставалось въ прежнемъ состояніи. Каждый вѣдомственный архивъ велъ дѣло по своему. Взгляните, напримѣръ, на отдѣльныя изданія описаній архивныхъ дѣлъ. Здѣсь, что ни архивъ, то свой пріемъ, свой методъ, свои иногда очень своеобразные въ научномъ отношеніи методы обращенія съ историческимъ документомъ. Отношеніе правительства къ архивамъ передалось въ широкія массы: слова: архивъ, архивный стали синонимами ненужнаго, потерявшаго значеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Такова въ общихъ чертахъ печальная картина прошлаго. 1917 годъ внесъ въ архивное дѣло еще большее разстройство. Послѣ Февраля 1917 г. началась во многихъ случаяхъ вѣдомственная перестройка: одни вѣдомства были ликвидированы, другія выдѣлили изъ себя нѣсколько

новыхъ учрежденій, третьи слагались изъ отдѣльныхъ частей ряда прежнихъ вѣдомствъ. Перестройка вѣдомства всегда, конечно, отражается на дѣлопроизводствѣ. Спѣшная вѣдомственная перестройка, происходившая въ 1917 г., существеннымъ образомъ отразилась на дѣлопроизводствахъ. Въ томъ же 1917 г. произведена была спѣшная, недостаточно продуманная эвакуація ряда архивовъ въ разные города. Подъ вліяніемъ опасенія занятія Петрограда нѣмцами, спѣшно и очень небрежно грузились въ вагоны, а чаще въ баржи ящики, а иногда прямо тюки архивныхъ дѣлъ; вывозили спѣшно то, что казалось наиболѣе цѣннымъ и важнымъ. Произошло благодаря этому нарушеніе самаго существеннаго въ правильной постановкѣ архивнаго дѣла—нарушеніе единыхъ архивныхъ фондовъ. Съ Октября 1917 г. въ правительственныхъ, а затѣмъ и общественныхъ учрежденіяхъ начался саботажъ служащихъ. Фактически это привело къ слѣдующему. Вмѣстѣ съ другими учрежденіями и архивы оказались безъ своихъ служащихъ, оставленными на произволъ судьбы, на попеченіи младшихъ служащихъ—сторожей и курьеровъ. Октябрь, Ноябрь, Декабрь 1917 г. и Январь, Февраль и Мартъ 1918 г. много бѣдъ надѣлали документамъ, хранившимся въ дѣлопроизводствахъ и архивныхъ хранилищахъ. Многія учрежденія упразднились безслѣдно. Ихъ замѣнили новыя учрежденія. Пришли въ помѣщенія, въ которыхъ находились прежнія упраздненныя учрежденія и въ которыхъ стали уже функціонировать новыя учрежденія, новые люди. Они принесли съ собою убѣжденіе, что здѣсь дѣлалось праздное и никому ненужное дѣло, что ушедшіе съ службы саботажники оставили никому ненужный бумажный хламъ. А это убѣжденіе о ненужномъ бумажномъ хламѣ воспитывалось вѣдь цѣлыми поколѣніями. Ненужный хламъ стали выкидывать изъ шкафовъ на полъ, перебрасывали его изъ комнаты въ корридоръ, изъ корридора на чердакъ, и, какъ макулатура, потекъ архивный матеріалъ широкими волнами къ скупщику, къ букинисту, на бумажную фабрику. Вся страна представляла собою кипящую лавину: взволнованные, разгоряченные, потерявшіе равновѣсіе люди, привыкшіе жить среди пальбы, постоянныхъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, недовѣрчиво и раздраженно относящіеся другъ къ другу, стали искать враговъ, производя постоянные обыски; поиски приводили искавшихъ и въ тѣ мѣста, гдѣ хранилась архивная бумага. Во время эвакуаціи 1917 г. бывали случаи, когда съ архивными бумагами и подъ видомъ архивныхъ бумагъ эвакуированы были ящики съ цѣнными предметами, такъ что при обыскахъ, разгоряченные люди, и безъ того привыкшіе относиться съ презрѣніемъ къ бумажному хламу, дѣлали въ ящикахъ неожиданныя

для себя находки. Выводъ отсюда ясный. Поиски въ архивномъ хранилищѣ начинали производиться уже съ опредѣленной цѣлью, надо было скорѣе разрыть бумажныя кипы, чтобы въ нихъ найти цѣнное для искавшаго. Многое такъ погибло и погибло безвозвратно.

Въ Мартѣ 1918 г. стала спѣшно проводиться новая эвакуація учрежденій изъ Петрограда, главнымъ образомъ, въ связи съ переѣздомъ правительства въ Москву. Учрежденія, ѣхавшія въ Москву вслѣдъ за правительствомъ, должны были везти съ собою и рядъ дѣлъ, необходимыхъ для текущаго дѣлопроизводства. Саботажъ во многихъ случаяхъ все еще продолжался. Въ архивахъ, куда зачастую сброшены были остатки вѣдомственныхъ производствъ, находились на службѣ люди, сплошь и рядомъ совершенно не знакомые съ составомъ дѣлопроизводства того или иного учрежденія. Напримѣръ, въ одномъ учрежденіи оказались при дѣлахъ корабельный инженеръ и акушеръ. Вполнѣ естественно, что увозили то, что было совсѣмъ не нужно, и наоборотъ, оставляли то, что оказалось потомъ настоятельно необходимымъ для текущаго дѣлопроизводства. Вторая эвакуація внесла еще большее разстройство въ состояніе архивныхъ фондовъ и окончательно привела ихъ въ полный хаосъ.

Подводя итогъ тому, что получило правительство въ наслѣдство въ архивномъ дѣлѣ отъ прошлаго, необходимо еще отмѣтить ужасное состояніе архивныхъ фондовъ и вѣдомственнаго дѣлопроизводства, оставшагося отъ разлагавшейся съ головокружительною быстротою арміи: отдѣльныя части ея распылялись, распыляя съ собою и все имущество, составлявшее хозяйство этой части. Груды бумагъ и дѣлъ, разсказывавшихъ о переживаніяхъ арміи въ теченіе четырехъ лѣтъ, о героической ея работѣ и великихъ страданіяхъ, оставлены были на произволъ судьбы.

Вотъ то наслѣдіе, которое получило Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ. Ужасающее состояніе, въ которое попалъ документъ, почувствовано было и историками, и всѣми тѣми культурными людьми, которые ясно сознавали, что массовая гибель документа разоряетъ націю, унося въ пропасть забвенія историческій матеріалъ и лишая историка и изслѣдователя возможности возстановить когда-либо истину. Чувствовалась настоятельнѣйшая необходимость обратиться съ громовымъ словомъ увѣщанія къ широкимъ массамъ, убѣждая ихъ не уничтожать свое собственное, драгоцѣнное, невозстановимое уже ничѣмъ имущество. Существовавшій въ Петроградѣ Союзъ Россійскихъ Архивныхъ Дѣятелей и отдѣльныя лица были безсильны что-либо предпринять въ этомъ отношеніи.

II.

1 Апрѣля 1917 г. вѣдѣніе всѣми архивами возложено было центральнымъ правительствомъ на Д. Б. Рязанова, и это было началомъ строительной работы въ архивномъ дѣлѣ, предпринятой въ очень широкомъ масштабѣ.

Время съ 1 Апрѣля 1918 г. по 25 Октября 1918 г. распадается на два періода: періодъ подготовительный до 1 Іюня и періодъ уже созидательный съ 1 Іюня.

Въ Апрѣлѣ 1918 г. Д. Б. Рязанову пришлось начать эту работу, получивъ въ наслѣдіе необычайный архивный хаосъ, не имѣя людей, которые, какъ спаенная группа, вышли бы на работу, и не имѣя какихъ либо ассигнованныхъ на это денежныхъ средствъ. Первой задачей было найти работниковъ-строителей. Такое ядро образовалось въ теченіе Апрѣля и Мая въ Петроградѣ: вмѣстѣ съ заслуженнымъ профессоромъ Петроградскаго университета С. Ф. Платоновымъ на работу вышелъ цѣлый рядъ историковъ и архивистовъ. Сдѣлано было обращеніе къ ряду ученыхъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ помѣщеніи бывшаго Государственнаго Архива безъ перерыва съ утра до вечера шла подготовительная организаціонная работа. Вырабатывался проектъ декрета о реорганизаціи архивнаго дѣла въ Россіи, намѣчалось устройство центральнаго и мѣстнаго управленія архивнымъ дѣломъ, составлялся списокъ учрежденій, въ которыхъ продолжали еще валяться безпризорныя дѣла, производилось обслѣдованіе архивныхъ хранилищъ, подготовлялся матеріалъ для смѣты расходовъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ. Главнымъ затрудненіемъ въ работѣ, препятствовавшимъ ея планомѣрному развитію, было отсутствіе работниковъ на мѣстахъ. На очереди сталъ и вопросъ о будущемъ устройствѣ русскихъ архивовъ. Вполнѣ естественно, что, возстановляя остановившуюся жизнь въ архивахъ, налаживая разбитый аппаратъ, разыскивая и спасая угрожаемые архивные фонды, не приходилось сколько-нибудь жалѣть о смерти вѣдомственнаго архива и желать возстановленія его въ какомъ-либо видѣ. Долго и страстно дебатировался вопросъ о двухъ принципахъ, которые возможно положить въ основу будущаго архивнаго строительства—историческомъ (вѣдомственное происхожденіе архивныхъ фондовъ) и логическомъ (группировка родственныхъ по содержанію архивныхъ фондовъ).

Въ основу строительства положены были отдѣльные архивные фонды, органически сложившіеся въ опредѣленной исторической обстановкѣ. Твердо установился взглядъ, что такой внутренне цѣльный и

единый по своему существу архивный фондъ ни въ коемъ случаѣ нельзя дробить. Комплексы такихъ архивныхъ фондовъ могутъ быть группируемы съ большимъ удобствомъ уже по логическому принципу. Такимъ образомъ, естественно сложилось принятое затѣмъ декретомъ 1 Іюня понятіе «Единый Государственный Архивный Фондъ». Это комплексъ всѣхъ архивныхъ фондовъ, созидавшихся органически на разныхъ корняхъ и вращающихся около отдѣльныхъ основныхъ стержней. Единый Государственный Архивный Фондъ охватываетъ собою всѣ комплексы государственныхъ архивовъ и отражаетъ въ историческомъ процессѣ дѣятельность коллективнаго строителя государственно-общественной жизни, дѣятельность всего народа. За безбрежнымъ океаномъ документовъ, входящихъ въ составъ Единаго Государственнаго Архивнаго Фонда, историкъ видитъ строителя государственно-народной жизни, созидающаго матеріальную и духовную культуру. Единый Государственный Архивный Фондъ, включающій въ себя всю массу отдѣльныхъ архивныхъ фондовъ, распадается на рядъ большихъ группъ, секцій. Такихъ секцій намѣтилось пока семь. Первая секція содержитъ архивные фонды, связанные съ исторіей законодательства, верховнаго управленія и внѣшней политики Россіи, и потому можетъ быть названа секціей законодательства, верховнаго управленія и внѣшней политики; II секція представляетъ собою комплексъ юридическихъ фондовъ; III—военно-морскихъ; IV—охватываетъ фонды, касающіеся народнаго просвѣщенія, печати, искусства и исповѣданій; V—историко-экономическая содержитъ фонды, касающіеся торговли, промышленности, финансовъ, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ; въ VI секціи объединены архивные фонды, рисующіе внутреннее управленіе и самоуправленіе; наконецъ, въ VII секціи выдѣлены историческіе архивные фонды, отражающіе борьбу правительства съ лицами и группами лицъ, стремившимися къ новому устройству государственной жизни; VII секція можетъ быть названа, слѣдовательно, историко-революціонной.

Секціи раздѣляются на отдѣленія, охватывающія собою исторически сложившіеся, благодаря дѣятельности однородныхъ учрежденій, комплексы архивныхъ фондовъ.

Вотъ основная идея, которая положена была въ новое начатое строительство архивнаго дѣла въ Совѣтской Федеративной Республикѣ. Строительная работа начата была почти одновременно съ Петроградомъ и въ Москвѣ: группа московскихъ историковъ и архивистовъ образовала дѣловое ядро около проф. Московскаго университета М. К. Любавскаго. И въ Москвѣ со второй половины Мая въ бывшемъ Москов-

скомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ историки и архивисты стали работать надъ основными вопросами строительства и организаціи архивнаго дѣла. Руководитель Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ Д. Б. Рязановъ, постоянно переѣзжая изъ Петрограда въ Москву, участвовалъ въ работахъ обѣихъ группъ, и Петроградской и Московской, энергично добывая у правительства средства, необходимыя для начавшагося въ широкомъ масштабѣ дѣла. На очереди сталъ основной, центральный моментъ работы—собрать возможно исчерпывающій списокъ архивовъ и дѣлопроизводствъ въ обѣихъ столицахъ. Налаженъ былъ систематическій обходъ учрежденій. Приходилось проникать въ безпризорное учрежденіе, убѣждать, разъяснять и иногда умолять лицъ, не отдававшихъ себѣ отчета въ томъ, къ какимъ тяжелымъ послѣдствіямъ, реально тяжелымъ для жизни, ведетъ гибель документа,—не выбрасывать архивные фонды, охранять ихъ, дать имъ временный пріютъ. Равнодушіе и непониманіе важности дѣла, вкоренившіяся исторически въ сознаніе широкихъ массъ, мѣшали, и конечно, долго будутъ мѣшать въ творческой строительной работѣ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ.

1-го Іюня Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ утвержденъ былъ декретъ о реорганизаціи и централизаціи архивнаго дѣла въ Россійской Соціалистической Федеративной Республикѣ. Въ декретѣ 12 статей. Вотъ его существо. Всѣ архивы правительственныхъ учрежденій ликвидированы, какъ вѣдомственныя учрежденія; хранящіеся въ архивахъ дѣла и документы отнынѣ образуютъ Единый Государственный Архивный Фондъ. Въ него поступаютъ всѣ дѣла и переписка правительственныхъ учрежденій, законченныя къ 25 Октября 1917 года. Въ него же будутъ поступать всѣ дѣла и переписка правительственныхъ учрежденій, которыя закончатся производствомъ и утратятъ значеніе для текущей жизни. Завѣдываніе Государственнымъ Архивнымъ Фондомъ возлагается на Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ. Декретъ, подъ угрозой судебной отвѣтственности, запрещаетъ уничтожать какія-бы то ни было дѣла, переписку или отдѣльныя бумаги безъ письменнаго разрѣшенія Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ. Вновь созданное учрежденіе должно установить нормальный порядокъ полученія справокъ изъ Государственнаго Архивнаго Фонда. Декретъ намѣчаетъ въ цѣляхъ лучшаго изслѣдованія, а также для удобства храненія и экономіи расходовъ централизацію архивнаго дѣла. Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ составляетъ особую часть въ составѣ Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію, а завѣдующій его имѣетъ право непосредственнаго доклада въ центральномъ правительствѣ.

Проведеніе въ жизнь декрета въ обѣихъ столицахъ поставило прежде всего на очередь задачу возстановить жизнь въ тѣхъ архивахъ, которые прекратили ее съ конца Октября 1917 г. Пришлось искать, находить и ставить людей на мѣста, пришлось прежде всего выяснять и устанавливать отдѣльныя архивныя и дѣлопроизводственныя единицы, группируя ихъ затѣмъ въ отдѣленія и объединяя рабочую силу отдѣленій въ секціи. Два практическихъ затрудненія сразу поставила жизнь: вопросъ о помѣщеніяхъ, временныхъ и постоянныхъ, въ которыхъ можно было бы хранить архивные фонды, и вопросъ о перевозочныхъ средствахъ. Съ помѣщеніями удовлетворительнѣе дѣло обстояло въ Петроградѣ. Здѣсь удалось намѣтить, а затѣмъ и получить въ собственность Главнаго Управленія рядъ зданій. Центральнымъ зданіемъ, въ которомъ помѣстилось Главное Управленіе и рядъ секцій (вторая, второе отдѣленіе четвертой, второе отдѣленіе пятой, седьмая),—оказался огромный стильный домъ, помѣщавшій въ себѣ ликвидированные Правительствующій Сенатъ и Синодъ. Подъ временное храненіе большого числа архивныхъ фондовъ, оставшихся за распадомъ старой арміи, удалось получить огромное зданіе Кронверка. Рядъ архивовъ остается на прежнихъ мѣстахъ, для многихъ получены временныя помѣщенія. Несравненно сложнѣе обстоитъ вопросъ съ помѣщеніями для архивовъ въ Москвѣ, гдѣ въ этомъ отношеніи дѣло налаживается съ большимъ трудомъ. Централизація архивныхъ фондовъ встрѣтила и встрѣчаетъ огромное затрудненіе въ полномъ почти отсутствіи перевозочныхъ средствъ: затрудненія этого рода оказываются при современномъ состояніи транспорта почти непреодолимыми.

Къ Октябрю 1918 г. выясняется по существу совершенно новая структура архивнаго строительства—вѣдомственные архивы замѣнились секціями; въ секціяхъ имѣется уже живой рабочій аппаратъ, центръ тяжести строительной работы по собиранію, обслѣдованію и спасенію архивныхъ фондовъ ложится уже на работниковъ секцій.

Нижеслѣдующія данныя даютъ представленіе о секціяхъ Петрограда и Москвы.

III.

Въ Петроградѣ семь секцій, распадающихся на 14 отдѣленій.

Въ составъ I отдѣленія I секціи вошли слѣдующіе архивные фонды:

1) Архивъ Совѣтовъ при высочайшемъ дворѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II и императора Павла I и Архивъ Непремѣннаго Совѣта 1801—1810 г.г., всего около 272 дѣлъ и 34 книги.

2) Архивъ Государственнаго Совѣта (1810—1917 гг.), въ томъ числѣ архивы Временныхъ Департаментовъ, Особыхъ Присутствій, Совѣщаній, Комитетовъ, Комиссій, учреждавшихся въ разное время при Государственномъ Совѣтѣ, а равно дѣла и бумаги предсѣдателей и членовъ Государственнаго Совѣта, около 95.720 дѣлъ и 2.823 книги.

3) Архивъ Государственной Канцеляріи (1810—1916 гг.), около 5.632 дѣлъ и 407 книгъ.

4) Архивъ Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ, Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Комиссіи составленія законовъ и Законодательныхъ Комиссій XVIII вѣка, около 10.518 дѣлъ, 1.683 связки и 600 книгъ.

5) Архивъ Государственной Думы (1906—1917 гг.), 13.898 дѣлъ, 151 книга и 30 связокъ.

6) Архивъ б. Собств. Е. И. В. Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго (1807—1876 гг.), около—32.000 дѣлъ и 717 книгъ.

7) Архивъ Герцогства Курляндскаго—2.266 документовъ.

Въ настоящее время къ указаннымъ архивнымъ фондамъ надлежитъ присоединить архивы, помѣщающіеся уже въ зданіи б. Архива Законодательныхъ Дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по содержанію своему примыкающіе къ основнымъ архивнымъ фондамъ Отдѣленія, т. е. къ дѣламъ законодательства и верховнаго управленія. Архивами этими являются:

1) Архивъ б. Комитета Министровъ и Совѣта Министровъ (1801—1906 гг.), около 5.635 номеровъ журналовъ и приложеній къ нимъ (производствъ) и архивы разныхъ Комитетовъ (1821—1882 гг.), около 16.388 дѣлъ и 6 книгъ журналовъ. Со сдачею же въ Отдѣленіе дѣлъ съ 1906 г. Канцеляріи б. Совѣта Министровъ и Временнаго Правительства численность ихъ соразмѣрно должна быть увеличена.

2) Архивъ Канцеляріи Е. И. В. по принятію прошеній (1801—1915 гг.), около 100.000 дѣлъ и 1.148 томовъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и журналовъ.

Численность дѣлъ, составляющихъ перечисленные архивные фонды, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Дѣлъ.	Документовъ.	Книгъ.	Связокъ.
Архивъ Законодательныхъ Дѣлъ.	158.041	2.266	4.732	1.713
Архивъ Совѣта Министровъ и Врем. Правит. . . .	16.408	—	5.641	—
Архивъ Канцеляріи по принятію прошеній . . .	100.000	—	1.148	—
Итого	274.449	2.266	11.521	1.713

2 отдѣленіе I секціи (Петроградскій Архивъ б. Министерства Двора) представляетъ собой по громадности, богатству и исторической цѣнности своего состава одинъ изъ богатѣйшихъ архивныхъ фондовъ въ Россіи, а по однородности, особности и цѣльности своего внутренняго содержанія, пополняющагося нынѣ новыми вкладами изъ ликвидируемыхъ установленій вѣдомства,—нѣчто совершенно самобытное и цѣлое.

Петроградскій Архивъ б. Министерства Двора, учрежденный 22 Іюня 1882 г., объединилъ въ себѣ рядъ архивовъ, существовавшихъ при отдѣльныхъ установленіяхъ Министерства Двора, и хранитъ дѣла императорскаго періода. По роду и характеру хранящихся въ немъ документовъ Архивъ долженъ быть названъ чисто бытовымъ. Въ его документахъ находитъ свое освѣщеніе и отраженіе вся бытовая, хозяйственная и церемоніальная сторона жизни русскихъ монарховъ, а также всѣ тѣ сферы русскаго быта, которыя съ ней соприкасались. Въ этомъ богатѣйшемъ историческомъ матеріалѣ выдѣляются своимъ значеніемъ такіе документы, какъ поденная хроника государевой и придворной жизни отъ Петра Великаго до нашихъ дней въ такъ называемыхъ Петровскихъ «походныхъ» и смѣнившихъ ихъ «камеръ-фурьерскихъ» журналахъ, дѣла статсъ-секретарскія по разнообразнымъ предметамъ царскихъ распоряженій, пожалованій, созиданій и пріобрѣтеній въ области строительства, искусства и художества, какъ то: дѣла императорскихъ театровъ, по исторіи царскихъ имуществъ, земель и другихъ владѣній, управленія ими и проч.

По своему происхожденію и разрядамъ во 2 отдѣленіи I секціи хранятся дѣла: канцелярій и конторъ лицъ императорской фамиліи (по преимуществу лицъ царствовавшихъ, но имѣются и нѣкоторыя велико-княжескія, наприм., архивъ вел. князя Константина Павловича и др.); кабинета Е. И. В., Егермейстерской Конторы; Юрисконсультской Части; Канцеляріи Министерства Двора; по части Оберъ-Камергера Е. И. В.; Придворной и Гофъ-Интендантской конторъ; Коронаціонныхъ и Печальныхъ Комиссій; Придворно-Медицинской Части; Контроля и Кассы М-ства Двора; Дирекціи императорскихъ театровъ; Дворцоваго Управленія; Гофмаршальской и Церемоніальной Части; походные и камеръ-фурьерскіе журналы и журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ (18-го столѣтія) и др.

Общее количество дѣлъ къ 1 Января 1917 г. въ Петроградѣ насчитывалось свыше 300.000 (причемъ высочайшіе указы и повелѣнія не за отдѣльными номерами, а по книгамъ).

Въ настоящее время количество дѣлъ удвоилось, не только вслѣдствіе поступленія въ Отдѣленіе новыхъ архивныхъ фондовъ: Канцеляріи императрицъ Александры Ѳеодоровны и Маріи Ѳеодоровны, Капитула Орденовъ, Дворцовой полиціи и Дворцоваго коменданта и др., но и потому, что съ 1917 г. всѣ учрежденія б. Министерства Двора стали усиленно сдавать накопившіяся у нихъ дѣла, часто за десятки лѣтъ.

Кромѣ того, въ Отдѣленіи хранится свыше 12.000 плановъ, чертежей и гравюръ.

Въ основу б. Государственнаго Архива, нынѣ 3 отдѣленія I секціи, при его учрежденіи легли бумаги, находившіяся въ кабинетѣ Екатерины II. Въ началѣ царствованія Николая I къ нимъ присоединены дѣла слѣдственной комиссіи и верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами, въ 1827 году—кабинетъ Петра Великаго, а черезъ два года—бумаги, касающіяся императорской фамиліи, и дѣла особой важности, находившіяся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ до ея упраздненія, черезъ пять лѣтъ; по упраздненіи Архива старыхъ дѣлъ, сюда же поступили документы тайнаго приказа, тайной канцеляріи, тайной экспедиціи. Впослѣдствіи Государственный Архивъ, слитый административно съ Петроградскимъ Главнымъ Архивомъ б. Министерства Иностранцыхъ Дѣлъ, не впитывалъ въ себя значительныхъ фондовъ вплоть до 1917 года; послѣ февральской революціи въ него привезены бумаги Зимняго Дворца, Аничковскаго Дворца и частію—дворцовъ: въ Петергофѣ, Гатчинѣ и Царскомъ Селѣ.

Несмотря на такое разновременное поступленіе въ бывшій Государственный Архивъ отдѣльныхъ фондовъ, онъ представляетъ собою не случайное собраніе, а однородное исторически-сложившееся цѣлое. Въ немъ сосредоточены бумаги, относящіяся къ исторіи верховной власти и къ ея носителямъ въ XVIII и XIX вв., а также слѣдственныя дѣла и прочіе документы по исторіи государственныхъ переворотовъ и политическаго движенія въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, неразрывно связанные съ исторіей верховной власти и личностями носителей ея. Преимущественно на его фондахъ построена разработка русской исторіи XVIII и частію XIX вѣка, а также публикаціи драгоцѣннѣйшихъ историческихъ матеріаловъ, каковы, напримѣръ, письма и бумаги Петра Великаго, издаваемыя Академіей Наукъ, или бумаги Екатерины II, занимающія нѣсколько томовъ Сборника Русскаго Историческаго Общества.

Къ Архиву Государственному тѣсно примыкаетъ Главный Архивъ б. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, содержащій дипломатическіе документы XIX вѣка.

Въ настоящее время значительная часть бумагъ бывшихъ Государственнаго и Главнаго Архивовъ находится внѣ Петрограда, а именно въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ (немного болѣе 300 ящиковъ) и въ Москвѣ (свыше 100 ящиковъ); въ Петроградѣ находится болѣе 230 шкафовъ съ дѣлами Государственнаго Архива (14 разрядовъ изъ 29) и свыше 440 шкафовъ Главнаго Архива (преимущественно первой половины XIX вѣка по департаментамъ Азіатскому, Внутреннихъ сношеній и Личнаго состава).

I отдѣленіе II секціи, б. Сенатскій Архивъ, содержитъ въ себѣ слѣдующіе архивные фонды:

I. Высочайшіе указы и повелѣнія, какъ подлинныя, такъ и въ копіяхъ, если эти повелѣнія не имѣются въ подлинникахъ, дѣла Комиссій печальныхъ (о погребеніяхъ) и о коронаціяхъ; документы и дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта; Конференціи, при Высочайшемъ Дворѣ учрежденной; дѣла политическія; жалованныя грамоты, дипломы, патенты на чины; планы, карты, атласы.

II. Дѣла собственно Сената: его пяти департаментовъ, департаментовъ апелляціоннаго и кассаціоннаго, общихъ собраній, межевого департамента и чертежной, временнаго департамента казенныхъ и интересныхъ дѣлъ, дѣла генералъ-прокурора и Министерства Юстиціи, Комитета обозрѣнія дѣлъ по всеподданнѣйшимъ жалобамъ на рѣшенія департаментовъ Сената за 1802—1805 гг.

III. Дѣла Комитета объ откупныхъ и питейныхъ недоимкахъ (1815—1816 гг.), Комитета 1822 г. по Бессарабскимъ дѣламъ; сенаторскія ревизіи; формулярные списки и автографы; дѣла разныхъ комиссій о злоупотребленіяхъ и растратахъ; дѣла Д. П. Трощинскаго; присяжные листы; Высочайшіе приказы по военному и гражданскому вѣдомствамъ; дѣла Высшаго дисциплинарнаго суда; дѣла Комитета для освидѣтельствованія министерскихъ отчетовъ; дѣла хозяйственныя Сената и состоящихъ при немъ типографіи и др. учрежденій. Всѣхъ дѣлъ числится въ Отдѣленіи до 5.200.000.

Въ Отдѣленіе имѣютъ поступить дѣла девяти упраздненныхъ учрежденій, а именно: архивы гербовый и департамента герольдіи, содержащій документы о службѣ, чинопроизводствѣ; дѣла б. М-ства Юстиціи, которыя послужатъ дополненіемъ къ дѣламъ, нынѣ хранящимся въ Отдѣленіи; дѣла Петроградскихъ судебныхъ установленій: Палаты, Окружнаго Суда, Мирового и Уѣздныхъ Съѣздовъ; дѣла Коммерческаго суда, заключающіе цѣннѣйшіе матеріалы для торговаго права (торговыя книги) и исторіи торговли, между прочимъ, свѣдѣнія объ аваріяхъ; дѣла Главнаго Тюремнаго Управленія и

Военныхъ Судовъ и Главнаго Военно-Суднаго Управленія; двѣ послѣднія категоріи дѣлъ сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ судебныя дѣла за время войны, дающія матеріалы для исторіи правовой жизни арміи и свѣдѣнія о подсудности части личнаго ея состава (дѣла о преступленіяхъ). Всѣхъ этихъ новыхъ дѣлъ вольется въ отдѣленіе до 3.000.000.

I отдѣленіе III секціи (бывшіе военные архивы), вновь организуемое въ Петроградѣ, должно явиться объединеннымъ хранилищемъ громадныхъ архивныхъ фондовъ всѣхъ органовъ центральнаго управленія русской вооруженной силы, всѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ войсковыхъ частей Петроградскаго и окрестныхъ гарнизоновъ и органовъ управленія этими войсками и вообще всѣмъ бывшимъ Петербургскимъ военнымъ округомъ за двухвѣковой періодъ, за исключеніемъ 4 архивныхъ фондовъ спеціальнаго характера, передаваемыхъ въ другія отдѣленія.

Въ составъ отдѣленія должны были по первоначальному плану влиться слѣдующіе военные архивы:

а) крупные архивы центральныхъ военныхъ органовъ:

1) Военнаго Совѣта и Канцеляріи Военнаго Министерства.

2) Военно-ученый Архивъ и прочіе Архивы Управленій, подвѣдомственныхъ главному управленію Генеральнаго Штаба (топографическій, военныхъ сообщеній и др.).

3) Главнаго Артиллерійскаго Управленія, Управленія Генералъ-Инспектора артиллеріи и подвѣдомственныхъ имъ петроградскихъ заводовъ, арсеналовъ, полигоновъ и т. п.

4) Главнаго Военно-Техническаго (Инженернаго) Управленія, Управленія Генералъ-Инспектора по инженерной части, электротехническаго управленія и другихъ подвѣдомственныхъ органовъ.

5) Главнаго Интендантскаго Управленія съ техническимъ комитетомъ и другими подвѣдомственными органами.

6) Главнаго Военно-Санитарнаго (Медицинскаго) Управленія съ подвѣдомственными Петроградскими лечебными заведеніями, заводомъ военно-врачебныхъ заготовленій и др. органами.

7) Главнаго Военно-Ветеринарнаго Управленія.

8) Главнаго Управленія по квартирному довольствію войскъ.

9) Бывшаго Главнаго Управленія казачьихъ войскъ (затѣмъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба).

10) Военно-походной Канцеляріи бывшихъ императоровъ съ ихъ Главной квартирой и свитой.

11) Фельдегерскаго Корпуса.
12) Александровскаго Комитета о раненыхъ.
13) Комитетовъ Государственной Обороны и Крѣпостного.
14) Комитета по образованію войскъ.
15) Управленія генералъ-инспектора Стрѣлковой Части.
16) Управленія генералъ-инспектора Кавалеріи.

б) Архивы спеціальныхъ офицерскихъ школъ:

1) Стрѣлковой,
2) Кавалерійской,
3) Артиллерійской,
4) Электротехнической,
5) Воздухоплавательной,
6) Авіаціонной,
7) Автомобильной,
8) Фехтовально-гимнастической

со всѣми строевыми частями учебнаго характера, состоящими при этихъ школахъ.

в) Крупные архивы окружныхъ и мѣстныхъ Петроградскихъ Управленій и Штабовъ:

1) Штаба войскъ гвардіи и Петроградскаго военнаго округа и прежнихъ гвардейскихъ корпусовъ до-милютинской эпохи.

2) Петроградскихъ окружныхъ совѣтовъ и управленій: артиллерійскаго, инженернаго, интендантскаго, санитарнаго, ветеринарнаго и квартирнаго.

3) Бывшей 1-ой саперной бригады, затѣмъ инспекціи инженерныхъ войскъ округа и упраздненныхъ инженерныхъ частей округа.

4) Петроградскаго Комендантскаго Управленія.

5) Комендантскаго Управленія Петроградской крѣпости, крѣпостныхъ штаба и артиллеріи.

6) Мѣстной бригады, воинскаго начальника и мѣстныхъ войскъ.

г) Крупные, большей частью двухвѣковые или вѣковые, архивы старыхъ гвардейскихъ полковъ, артиллерійскихъ частей и штабовъ:

1) Преображенскаго,
2) Семеновскаго,
3) Измайловскаго,
4) Егерскаго,
5) Московскаго,
6) Гренадерскаго,
7) Павловскаго,
8) Финляндскаго,
9) Литовскаго,
10) Кексгольмскаго,
11) Петроградскаго,
12) Волынскаго,
13—16) Четырехъ Стрѣлковыхъ,
17) Сапернаго,
18) Кавалергардскаго,
19) Коннаго,
20—21) Двухъ кирасирскихъ,
22) Конно-гренадерскаго,
23) Драгунскаго,
24—25) Двухъ уланскихъ,

26—27) Двухъ гусарскихъ,
28—30) Трехъ казачьихъ,
31) Конно-піонернаго дивизіона,
32) Ординарческаго (жанд.) эск.,
33—40) Артиллерійскихъ бригадъ: легкихъ 1-ой (Петровской бомбардирской), 2-ой и 3-ьей, Стрѣлковой и Конной, и дивизіоновъ: 1-го, 2-го мортирнаго и тяжелаго.
41—59) Запасныхъ полковъ: 12 пѣхотныхъ и 4 стрѣлковыхъ, одноименныхъ кореннымъ гвардейскимъ полкамъ, и кавалерійскаго, артиллерійскаго дивизіона и запаснаго баталіона сапернаго полка.
60—70) Штабовъ: Гв. Корпуса, затѣмъ отряда, 1-го, 2-го и кавалерійскаго гв. корпусовъ, 1-ой, 2-ой и 3-ей пѣхотныхъ, стрѣлковой 1-ой, 2-ой и 3-ей кавалерійскихъ гв. дивизій.

д) Архивы войсковыхъ частей придворной службы:

1) Роты дворцовыхъ гренадеръ,
2) Конвоя,
3) Сводно-пѣхотнаго полка,
4) Желѣзнодорожнаго полка.

е) Архивы армейскихъ частей и штабовъ Петроградскаго и окрестныхъ гарнизоновъ:

1) 145 пѣх. Новочеркасскаго полка (Охта),
2) 146 пѣх. Царицынскаго полка (Ямбургъ),
3) 147 пѣх. Самарскаго полка (Ораніенбаумъ),
4) 148 пѣх. Каспійскаго полка (Н.-Петергофъ),
5) 200 пѣх. Кронштлотскаго полка (Кронштадтъ),
6) 18 Инженернаго (Сапернаго) полка (Петроградъ),
7) 7 Понтоннаго баталіона (Усть-Ижора),
8) 23 Артиллерійской бригады (Гатчина),
9) 18 Мортирнаго дивизіона (Луга и Гатчина),
10) 1-ой Искровой роты (Жерновка, бл. Охты),
11) Штаба 37-ой пѣх. дивизіи (Петроградъ),
12) Штаба 1-го Армейскаго корпуса (Петроградъ).

ж) Архивы разнородныхъ частей, штабовъ и учрежденій, сформированныхъ въ Петроградѣ и окрестностяхъ или прибывшихъ туда во время войны.

Архивы запасныхъ и временныхъ армейскихъ и спеціальныхъ частей, санитарныхъ и иныхъ учрежденій Петрограда и окрестностей, эвакуированныхъ изъ Прибалтійскаго края, Финляндіи и другихъ мѣстъ войсковыхъ и крѣпостныхъ штабовъ частей и учрежденій и т. п.—точно выяснить число архивовъ этой группы въ настоящее время не представляется возможнымъ: въ Ликвидаціонный Окружной

Архивъ ихъ уже сдано около полутораста; можно предположить, что въ Петроградѣ и окрестностяхъ имѣется еще столько же, а когда установятся сообщенія въ государствѣ, можно разсчитывать на громадный приливъ архивовъ, временно оставленныхъ въ мѣстахъ расформированія многихъ частей Петроградскаго округа и окупированныхъ раіоновъ. Во всякомъ случаѣ, число такихъ архивовъ надо учитывать въ сотняхъ.

Изъ Петроградскихъ архивныхъ фондовъ военнаго вѣдомства не были предназначены къ поступленію въ отдѣленіе нижеслѣдующіе:

1) Архивъ Главнаго Штаба, т. к. вся историческая часть его хранится въ Москвѣ въ Лефортовскомъ дворцѣ, а въ Петроградѣ находится лишь позднѣйшая справочно-канцелярская часть за послѣдніе годы и дѣла эмеритальной кассы.

2) Архивы Управленія Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства и подвѣдомственныхъ ему церквей и учрежденій передаются въ б. Архивъ Синода.

3) Архивы Главныхъ Военнаго Суда и Военно-Суднаго Управленія и подвѣдомственныхъ ему судовъ и учрежденій передаются въ б. Сенатскій Архивъ.

4) Архивы Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, генералъ-инспектора этихъ заведеній, подвѣдомственныхъ военныхъ училищъ, корпусовъ, педагогическаго музея и курсовъ и проч. учрежденій, а также не подвѣдомственныхъ военныхъ академій и спеціальныхъ училищъ передаются въ б. Архивъ Народнаго Просвѣщенія.

Примѣчаніе. Конечно, при окончательной конструкціи Отдѣленія выяснится необходимость перераспредѣленія нѣкоторыхъ архивныхъ фондовъ.

Сдѣлать даже приблизительный подсчетъ громаднаго архивнаго матеріала, принимаемаго I отдѣленіемъ III секціи, въ настоящее время немыслимо, такъ какъ этотъ фондъ находится въ хаотическомъ состояніи; за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ въ принимаемыхъ архивахъ не имѣется никого изъ лицъ, ими вѣдающихъ, и матеріалъ прошелъ черезъ много чужихъ рукъ; мѣстонахожденіе нѣкоторыхъ архивовъ и судьбу ихъ приходится еще выяснять.

Тѣмъ не менѣе, громадность фонда I отдѣленія III секціи и его крупнѣйшее научно-историческое значеніе не подлежатъ сомнѣнію уже потому, что въ него вливаются:

1) архивы многихъ центральныхъ управленій военнаго вѣдомства, заключающіе въ себѣ громаднѣйшую часть безцѣнныхъ первоисточни-

ковъ по изученію созданія и развитія русской военной силы за весь Петербургско-Императорскій періодъ исторіи Россіи;

2) архивы старыхъ гвардейскихъ полковъ и штабовъ, дающіе обширный историческій матеріалъ о старѣйшихъ частяхъ русской арміи, организованныхъ въ свое время, какъ постоянный образецъ для устройства и воспитанія остальной арміи; кромѣ того, помимо военно-историческаго значенія, архивы эти имѣютъ не меньше значенія для общей исторіи Государства, такъ какъ гвардейскіе полки играли значительную роль во всѣхъ государственныхъ и династическихъ переворотахъ за послѣднія два столѣтія;

3) архивы запасныхъ гвардейскихъ и армейскихъ частей Петроградскаго и окрестныхъ гарнизоновъ, сформированныхъ во время послѣдней войны, помимо военнаго матеріала, дающіе обильный матеріалъ по исторіи революціи 1917 года.

Морской Архивъ, нынѣ 2 отдѣленіе III секціи, коему черезъ 6 лѣтъ истекаетъ 200 лѣтъ его фактическаго существованія, образовавшійся изъ «Адмиралтейской Архивы» (Архива Адмиралтействъ-Коллегіи, конторъ, экспедицій и учрежденій, существовавшихъ до ихъ образованія—Адмиралтейской Канцеляріи, Приказа Царскаго Шатра на Воронежѣ, Азовской приказной палаты и др.), уже въ середины XIX вѣка всталъ на путь централизаціи храненія матеріаловъ для исторіи флота и морского вѣдомства и постепенно принялъ въ себя съ упраздненіемъ частныхъ архивовъ какъ архивы дѣлъ и чертежей отдѣльныхъ штабовъ, канцелярій и департаментовъ Морского Министерства (Главнаго Морского Штаба Его Величества, Канцеляріи Морского Министерства, Инспекторскаго, Аудиторіатскаго, Медицинскаго, Гидрографическаго, Корабельныхъ лѣсовъ, Кораблестроительнаго, Артиллерійскаго, Строительнаго департаментовъ), такъ и цѣлаго ряда портовъ—Архангельскаго, Астраханскаго, Бакинскаго, Ревельскаго, Рижскаго, Свеаборгскаго, Порта императора Александра III, Петроградскаго, частично Портъ-Артура, Владивостока, Охотскаго порта и черноморскихъ—Таганрогскаго, Николаевскаго, Измаильскаго и др. Изъ этихъ двухъ архивныхъ фондовъ, послѣдніе, т. е. портовые архивы представляютъ собою не однородные, а группы фондовъ цѣлаго ряда мѣстныхъ портовыхъ управленій, отдѣльныхъ учрежденій, госпиталей, фабрикъ, заводовъ, укрѣпленій, береговыхъ морскихъ командъ (экипажей, ротъ и т. п.).

Помимо этого, особыя группы въ I отдѣленіи III секціи составляютъ дѣла собственно флота—клеркскіе протоколы, шканечные, машинные, навигаціонные, флагманскіе, вахтенные и историческіе журналы, дѣла военно-походныхъ канцелярій, адмираловъ и личныхъ канце-

лярій президентовъ адмиралтействъ коллегіи и морскихъ министровъ, частные и семейные архивы адмираловъ, какъ-то: гр. Апраксина, Беринга, Бредаля, Крюйса, Змаевича, Головина, Спиридова, Эльфинстона, Биллингса, Хметевскаго, Потемкина-Таврическаго, Зубова, гр. Мордвинова, кн. Меншикова, Лазарева, Крузенштерна, Корнилова, Копытова, Лихачева, Макарова, Витгефта, Алексѣева (намѣстника), Скрыдлова, Григоровича, Эссена и цѣлаго ряда другихъ.

Въ I отдѣленіи III секціи хранятся также дѣла морскихъ учебныхъ заведеній—Морского Шляхетнаго Корпуса и Училища Корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ, Училища Корабельной Архитектуры, I Морского учебно-рабочаго экипажа (Техническое Училище), Артиллерійскаго Инженернаго Училища, Морской Академіи и т. д.

За послѣдніе 40—50 лѣтъ въ Архивъ Морского Министерства сдавались ежегодно дѣла всѣхъ центральныхъ управленій (за исключеніемъ лишь Морского Генеральнаго Штаба, существующаго съ 1906 г.), какъ-то: Канцеляріи Морского Министерства, Главнаго Морского Штаба, Главнаго Управленія Кораблестроенія и Снабженія, Морского Техническаго комитета (дѣла и чертежи), Главнаго Морского Хозяйственнаго Управленія, Главнаго Управленія Кораблестроенія, Гидрографическаго Управленія, Морской Строительной части, Главнаго Военно-морского Суднаго Управленія, Главнаго медицинскаго инспектора и Управленія Санитарной частью флота, гвардейскаго экипажа, флотскихъ экипажей, 2 Балтійскаго экипажа, Инвалиднаго Дома, Военно-Морской Исправительной тюрьмы и пр.

Существенный отдѣлъ составляютъ дѣла Русско-Японской войны, а также дѣла современной войны и революціи (Военно-Морскихъ управленій при верховномъ главнокомандующемъ, при главнокомандующемъ VI арміей и арміями Сѣвернаго фронта, Морского Штаба верховнаго главнокомандующаго, начальника морскихъ баталіоновъ и рѣчныхъ флотилій въ дѣйствующей арміи, Штаба командующаго флотомъ Балтійскаго моря, Морской Крѣпости Императора Петра Великаго, морскихъ баталіоновъ, полковъ и бригадъ, дѣйствовавшихъ въ сухопутной арміи, службы связи, судовые и радіо-телеграфные журналы, документы и дѣла судовъ, плавающихъ штабовъ, дивизій, дивизіоновъ, и другихъ военныхъ организацій, возникшихъ въ связи и по поводу военныхъ дѣйствій, каковы: посты, пункты, посадки, представительства при штабахъ, назначенія для связи и порученія и пр.).

Въ ближайшемъ времени въ Отдѣленіе, кромѣ дѣлъ, эвакуированныхъ и ликвидированныхъ частей флота и учрежденій морского вѣдомства (въ количествѣ до 50.000 дѣлъ), должны поступить свыше

100.000 дѣлъ Кронштадскаго порта, часть коихъ уже упакована и подготовлена къ отправкѣ въ Морской Архивъ, Архивъ Картъ Главнаго Гидрографическаго Управленія, Архивъ Морского Генеральнаго Штаба и пр.

Общее количество дѣлъ, хранящихся во 2 отдѣленіи III секціи, очень трудно поддается точному учету вслѣдствіе того, что за XVIII вѣкъ большая ихъ часть переплетена въ томы, доходящіе толщиною до 8—9 вершковъ и содержащіе десятки и сотни дѣлъ, что цѣннѣйшіе матеріалы хранятся отдѣльными документами и сборниками, что въ составѣ Архива находится большое число картъ, плановъ, чертежей, а также журналовъ, протоколовъ и вообще книгъ. Можно лишь приблизительно указать, что въ Отдѣленіи уже находится не менѣе 1.500.000 дѣлъ, 500.000 книгъ, формуляровъ, журналовъ, протоколовъ и др. и около 100.000 картъ, плановъ и чертежей. Болѣе яркое представленіе о составѣ Отдѣленія можетъ дать количество отдѣльныхъ архивныхъ фондовъ, число коихъ доходитъ до 1.000 наименованій.

Представляя собраніе документовъ и историческихъ матеріаловъ, начиная съ половины XVIII вѣка, 2 отдѣленіе III секціи, содержитъ въ себѣ матеріалы, цѣнные не только для исторіи флота и Морского Вѣдомства, но и для исторіи Россіи вообще, какъ политической, экономической, такъ и исторіи просвѣщенія, права и спеціальныхъ наукъ.

I отдѣленіе IV секціи (бывшій Архивъ Народнаго Просвѣщенія) состоитъ изъ 3 отдѣловъ, органически связанныхъ другъ съ другомъ процессомъ роста и развитія Вѣдомства Народнаго Просвѣщенія: отдѣла исторіи школы, гдѣ хранятся матеріалы по исторіи школы всѣхъ типовъ и ступеней, просвѣщенія и связанныхъ съ ними учрежденій, отдѣла печати, въ которомъ сосредоточены архивные фонды по исторіи цензуры въ Россіи, и отдѣла инославныхъ вѣроисповѣданій, содержащаго принятые и вновь поступающіе изъ Архива бывшаго Департамента инославныхъ вѣроисповѣданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ матеріалы по исторіи всѣхъ вѣроисповѣданій, кромѣ православнаго. Органическая связь всѣхъ 3-хъ названныхъ отдѣловъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Наиболѣе богатымъ является отдѣлъ исторіи школы, заключающій въ себѣ матеріалы по исторіи школы всѣхъ типовъ и ступеней, дѣла, связанныя съ дѣятельностью центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій Вѣдомства Народнаго Просвѣщенія въ ихъ историческомъ развитіи отъ журналовъ и дѣлопроизводствъ Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ и Главнаго Правленія Училищъ вплоть до дѣлъ различныхъ департаментовъ и разрядовъ бывшаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебныхъ округовъ, а также дѣла состоявшихъ

въ вѣдѣніи Министерства ученыхъ обществъ и учрежденій, напр., Академіи Наукъ, Публичной Библіотеки, Археографической Комиссіи и т. д. Въ этотъ же отдѣлъ вливаются матеріалы ряда упраздняемыхъ военныхъ архивовъ, отражающіе педагогическую дѣятельность военнаго вѣдомства, а именно: архивы Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, генералъ-инспектора военно-учебныхъ заведеній, военныхъ академій: Николаевской, Михайловской, Артиллерійской, Николаевской инженерной, Александровской военно-юридической, Военно-Медицинской, Интендантской; военныхъ училищъ: Михайловскаго и Константиновскаго артиллерійскихъ, Павловскаго, Владимірскаго, Николаевскаго инженернаго и кавалерійскаго и военно-топографическаго, а также педагогическихъ курсовъ при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній. Всѣ перечисленные архивы военнаго вѣдомства передаются I отдѣленію IV секціи въ виду того, что этотъ послѣдній долженъ явиться центральнымъ государственнымъ хранилищемъ всѣхъ матеріаловъ по исторіи школы и просвѣщенія въ Россіи. Въ это же Отдѣленіе вошли и архивы бывшаго вѣдомства императрицы Маріи, въ научномъ отношеніи почти совершенно неиспользованные.

Фонды цензурнаго отдѣла — дѣла печати, — складываются изъ: 1) „дѣлъ о цензурѣ и сочиненіяхъ“, восходившихъ на усмотрѣніе Министра Народнаго Просвѣщенія между 1802 и 1818 г.г., 2) изъ дѣлопроизводства Главнаго Управленія Цензуры, находившагося въ вѣдѣніи Министра Народнаго Просвѣщенія до 1863 г., 3) изъ уцѣлѣвшихъ послѣ нѣсколькихъ пожаровъ документовъ Петербургскаго Цензурнаго Комитета съ 1804 по 1850 г.г., хранившихся прежде въ Архивѣ Петроградскаго университета; 4) изъ дѣлопроизводства съ 1850 по 1917 гг., переданнаго Архиву Народнаго Просвѣщенія изъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и 5) Комитета Цензуры Иностранной при ихъ ликвидаціи. Кромѣ перечисленныхъ цензурныхъ фондовъ, громадный матеріалъ по исторіи цензуры и печати заключается въ журналахъ Главнаго Правленія Училищъ, б. первоначально высшей цензурной инстанціей, въ дѣлахъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, въ бумагахъ Петербургскаго учебнаго округа и многихъ др. учрежденій вѣдомства, что значительно упростило концентрацію, описаніе и изученіе въ отдѣлѣ печати всѣхъ вообще цензурныхъ матеріаловъ, число которыхъ превышаетъ нынѣ 100.000 дѣлъ, бумагъ, запрещенныхъ рукописей, корректуръ и т. д. Такимъ образомъ предстоящая передача Отдѣленію фондовъ драматической цензуры явится лишь естественнымъ завершеніемъ концентраціи въ немъ всѣхъ матеріаловъ по исторіи свѣтской цензуры въ Россіи.

Отдѣлъ инославныхъ исповѣданій точно также тѣсно связанъ съ исторіей Вѣдомства Народнаго Просвѣщенія въ виду того, что съ 1817 по 1824 гг. завѣдываніе дѣлами инославныхъ исповѣданій было объединено съ заботами о просвѣщеніи въ особомъ „Министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія". Поэтому передача Отдѣленію дѣлъ б. департамента инославныхъ вѣроисповѣданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ оказывается простымъ возсоединеніемъ этихъ двухъ нынѣ разъединенныхъ фондовъ.

Такимъ образомъ, I отдѣленіе IV секціи въ законченномъ своемъ видѣ явится центральнымъ государственнымъ древлехранилищемъ, имѣющимъ сосредоточить въ себѣ всѣ матеріалы по исторіи школы и просвѣщенія въ Россіи, общей численностью въ ближайшемъ будущемъ, до 2-хъ милліоновъ дѣлъ.

2 отдѣленіе IV секціи (б. Архивъ Синода) сложилось изъ трехъ большихъ архивовъ, въ которые въ свою очередь вошли многіе сравнительно небольшіе архивы: во-первыхъ, Архивъ Высшаго Церковнаго Управленія, ядромъ коего служатъ архивы Канцеляріи Св. Синода и Канцеляріи Оберъ-Прокурора; около нихъ группируются архивы Центральнаго Управленія духовно-учебными заведеніями (Комиссія Духовныхъ Училищъ, Духовно-Учебный Комитетъ, Училищный Совѣтъ съ Издательскою Комиссіею), Екатерининской Комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, Россійскаго Библейскаго Общества, Главнаго Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, Хозяйственнаго Управленія, Контроля, Бухгалтеріи, Казначейства, Синодальной Типографіи, Юрисконсультской части, бб. греко-уніатскихъ митрополитовъ, 2-го Департамента римско-католической духовной коллегіи, греко-уніатской духовной коллегіи, Бѣлорусско-Литовской духовной коллегіи, Общаго Собранія Римско-Католической духовной коллегіи и Холмскихъ уніатовъ. Во-вторыхъ, Архивъ мѣстнаго епархіальнаго управленія, т. е. архивы Петроградской Духовной Консисторіи, Канцеляріи Петроградскаго Митрополита, Александро-Невской Лавры, Соловецкаго монастыря, Петроградскаго Духовно-Цензурнаго Комитета, Казанскаго Исаакіевскаго соборовъ, монастырей, также церквей, духовно-учебныхъ заведеній, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ, духовныхъ слѣдователей, благочинныхъ и др. Сюда же можетъ быть отнесенъ и Архивъ Новгородскаго епархіальнаго управленія. Въ-третьихъ, Архивъ Управленія военными и придворными церквами, въ составъ коего входятъ архивы Духовнаго Правленія при Протопресвитерѣ военнаго и морского духовенства, канцелярій бывшихъ главныхъ священниковъ мирнаго и военнаго времени, подвѣдомыхъ имъ просвѣ-

тительныхъ и благотворительныхъ обществъ и учрежденій, а равно церквей и школъ; канцеляріи завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ и подвѣдомыхъ ему соборовъ, церквей и учрежденій.

Всѣ перечисленные архивы хранятъ свыше 1.920.000 дѣлъ и до 100.000 книгъ разныхъ документовъ, ярко и во всѣхъ подробностяхъ отражающихъ всю жизнь и дѣятельность Церкви преимущественно за два послѣднихъ столѣтія (XVIII, XIX и начало XX), съ ея высшимъ для всей Россіи и заграничныхъ церквей управленіемъ, мѣстнымъ епархіальнымъ въ предѣлахъ Петрограда и его окрестностей и отдѣленнымъ въ началѣ XIX столѣтія отъ высшаго управленіемъ полковыми и придворными церквами по всей Россіи. Въ указанныхъ архивахъ сосредоточены единственные матеріалы для исторіи Русской Православной Церкви Синодальнаго періода и нѣкоторая часть матеріаловъ для исторіи инославныхъ церквей. При помощи этихъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ съ исчерпывающею полнотою могутъ быть научно обслѣдованы всѣ вопросы и стороны церковной жизни и дѣятельности за два минувшихъ вѣка и начало текущаго.

Архивъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, нынѣ I отдѣленіе V секціи, существуетъ съ 1838 г., но имѣетъ въ своемъ составѣ дѣла и документы, начиная съ XVI столѣтія.

Въ составѣ Отдѣленія выдѣляются слѣдующія отдѣльныя учрежденія, дѣла которыхъ въ цѣломъ, или въ значительной части, хранятся въ немъ:

1. Архивъ Эдукаціоннаго фундуша (поіезуитскій) съ XVI до XIX вв.
2. — Канцеляріи Опекунства Иностранныхъ съ 1763 по 1782 гг.
3. — Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, и какъ продолженіе его Департамента Государственнаго Хозяйства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ 1797 г.
4. — Департамента Государственныхъ Имуществъ Министерства Финансовъ съ 1811 до 1837 гг.
5. — Канцеляріи Осушенія окрестностей Петербурга.
6. — Разныхъ частей Министерства Государственныхъ Имуществъ (1838—1894 г.).
7. — Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ (1894—1905 г.).
8. — Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія (1905—1916 г.).
9. — Министерства Земледѣлія.

Сверхъ того, въ составъ Отдѣленія вошли въ теченіе послѣдняго года слѣдующіе архивы: 1) Архивъ Переселенческаго Управленія; 2) б. Управленія Удѣловъ; 3) б. Государственнаго Коннозаводства; 4) Землемѣрно-Технической части Межевого Управленія; 5) Плановый Архивъ Отдѣла Земельныхъ улучшеній; 6) Архивъ б. Министерства Продовольствія (старыя дѣла); 7) б. Мѣстнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Всего въ Архивѣ въ настоящее время находится до 700.000 дѣлъ и до 100.000 отдѣльныхъ документовъ.

Вновь формируемое 2 отдѣленіе V секціи обнимаетъ собою архивы б. Министерствъ Финансовъ, Торговли и Промышленности и Государственнаго Контроля.

Изъ б. Министерства Финансовъ входятъ архивы слѣдующихъ учрежденій: Общей Канцеляріи б. Министра Финансовъ, Особенной Канцеляріи по кредитной части, Департамента Государственнаго Казначейства, Петроградскаго Монетнаго Двора, Государственной Комиссіи погашенія долговъ, Государственнаго Банка, Управленія Государственными кассами, Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка, Крестьянскаго Поземельнаго Банка, Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, Департамента Окладныхъ Сборовъ, Главнаго Управленія Неокладныхъ Сборовъ и Казенной Продажи Питей и Петроградскаго Губернскаго Акцизнаго Управленія, Департамента Таможенныхъ Сборовъ, Петроградской Казенной Палаты и Губернскаго Казначейства и Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи. Изъ бывшаго же Министерства Торговли и Промышленности входятъ Архивы отдѣловъ Торговли, Промышленности, Торговаго Мореплаванія, Торговыхъ портовъ, фабричной инспекціи и Палаты мѣръ и вѣсовъ и Горнаго Департамента. Кромѣ того, во 2 отдѣленіе V секціи входитъ Архивъ Государственнаго Контроля. Такимъ образомъ отдѣленіе формируется изъ Архивовъ 18-ти учрежденій.

Общее количество архивныхъ дѣлъ названныхъ учрежденій составитъ приблизительно цифру 6.000.000. Въ значительной своей части они восходятъ къ первой четверти XVIII вѣка и касаются торговли и промышленности, условій труда рабочихъ и ихъ положенія, прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, пошлинъ и сборовъ, горнаго дѣла, изготовленія денежныхъ знаковъ и ихъ обращенія, кредитныхъ учрежденій, государственнаго долга, бюджетнаго хозяйства и пр. Этимъ содержаніемъ опредѣляется и ихъ историческое значеніе. Достаточно сказать, что въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, какъ напр. Департаментѣ Таможенныхъ Сборовъ, хранятся дѣла, книги и доку-

менты XVI и XVII столѣтій, дѣла коммерцъ-коллегіи, министра коммерціи, департамента внѣшней торговли, комиссіи о коммерціи, поташной конторы, Сибирскаго приказа, коммерцъ-конторы и т. п.; въ Горномъ Департаментѣ—дѣла бергъ-коллегіи, въ Главномъ Управленіи Неокладныхъ Сборовъ дѣла камеръ-коллегіи въ Департаментѣ Окладныхъ Сборовъ—окладныя книги Екатерининской эпохи, дѣла выкупной операціи по надѣленію землей бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 3000 картонахъ заключена картина жизни крѣпостной Россіи, нашедшей себѣ отраженіе въ уставныхъ грамотахъ, посемейныхъ спискахъ и приговорахъ, изображеніе состоянія крѣпостного хозяйства наканунѣ реформы, условія выкупа крестьянскихъ земель. Посемейные списки даютъ богатый статистическій матеріалъ, представляя по всѣмъ имѣніямъ количество земли на крестьянское хозяйство по угодьямъ до реформы и послѣ нея, стоимость земли, количество барщинныхъ дней и переводъ ихъ на деньги и общую цифру всей операціи. Кромѣ того, въ большинствѣ старыхъ учрежденій имѣются подлинные высочайшіе и сенатскіе указы, всеподданнѣйшіе доклады министра финансовъ, а въ Общей Канцеляріи Министра Финансовъ—секретныя дѣла II отдѣленія, дѣла Особенной Канцеляріи по секретной части и секретной экспедиціи, императорскіе указы министрамъ финансовъ и всеподданнѣйшія докладныя записки министровъ финансовъ съ 1802 по 1917 г., отчеты министровъ финансовъ за 1803—1805 г.г. и за 1826—1863 г.г., бумаги изъ кабинета графа Канкрина, бумаги, оставшіяся послѣ смерти графа М. М. Сперанскаго въ его кабинетѣ и т. д.

Матеріалы, входящіе въ составъ 2 отдѣленія V секціи, объясняютъ съ исчерпывающею полнотою правительственные взгляды на тѣ или иныя мѣропріятія по финансовой части, рисуютъ картину состоянія и развитія торговли и промышленности, даютъ исторію системы сборовъ и податей и дѣйствительное поступленіе послѣднихъ, указываютъ размѣры произведенныхъ издержекъ, послѣдовательное развитіе доходовъ и расходовъ по смѣтнымъ предположеніямъ и, что весьма важно, служатъ провѣркою цѣлесообразности принятыхъ въ разное время финансовыхъ мѣръ.

Въ составъ 3 отдѣленія V секціи входятъ Общій Архивъ б. Министерства Путей Сообщенія, содержащій въ себѣ историческіе матеріалы съ момента первыхъ построекъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, по созданію корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, Института Путей Сообщенія, построекъ желѣзныхъ дорогъ, работы и эксплоатаціи ихъ, Управленія внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, упра-

вленія желѣзныхъ дорогъ и управленія по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, Юридической части Управленія жел. дор., Департамента Желѣзнодорожныхъ Дѣлъ, Управленій I и II округа Путей Сообщенія, Правленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, цѣлаго ряда бюро-конторъ, партій по изслѣдованію водныхъ путей, учебнаго отдѣла б. Министерства Путей Сообщенія, Отдѣла по испытанію и освидѣтельствованію заказовъ Министерства Путей Сообщенія, отдѣла статистики и картографіи, Петроградскаго Округа Путей Сообщенія; эти архивы могутъ быть объединены въ крупный и цѣннѣйшій въ научно-техническомъ и справочномъ отношеніи отдѣлъ Путей Сообщенія 3 отдѣленія V секціи Государственнаго Архивнаго Фонда. Находящіеся въ Петроградѣ архивы правительственныхъ учрежденій по созданію средствъ сношеній, т. е. б. Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, Управленія Петроградскаго почтово-телеграфнаго округа, Главнаго Почтамта и Главной Телеграфной Конторы съ управленіемъ телеграфа въ Петроградѣ и цѣлаго ряда мѣстныхъ почтово-телеграфныхъ учрежденій въ Петроградѣ, конторъ, экспедицій по отправкѣ почты, управленій по перевозкѣ почты по желѣзнымъ дорогамъ и т. п. образуютъ другой отдѣлъ той же секціи.

Общее число дѣлъ, хранящихся въ I отдѣленіи VI секціи (бывшій Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), достигаетъ въ настоящее время 800.000; дѣла размѣщены по отдѣламъ въ соотвѣтствіи съ центральными учрежденіями б. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣятельность которыхъ они отражаютъ.

Въ Отдѣленіи сосредоточены дѣла слѣдующихъ учрежденій:

1. Департамента Общихъ Дѣлъ (до 1842 г. Канцелярія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ).
2. Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ.
3. Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ по дѣламъ дворянства.
4. Главнаго Управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства (б. Хозяйственный Департаментъ).
5. Управленія Главнаго Врачебнаго Инспектора (б. Медицинскій Департаментъ).
6. Департамента Полиціи Исполнительной (1802—1880 гг.). Сюда же входятъ дѣла б. Министерства Полиціи (1810—1819 гг.).
7. Земскаго Отдѣла.
8. Управленія по воинской повинности.
9. Центральнаго Статистическаго Комитета.

10. Техническо-Строительнаго Комитета и Строительнаго Училища. Сюда же входятъ дѣла б. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій по строительной части, переданныя изъ Министерства Путей Сообщенія (1737—1866 гг.).

11. Департамента Государственнаго Хозяйства и Публичныхъ зданій:

а) по Крымской Комиссіи (1802—1810 гг.).
б) о переселеніи казенныхъ крестьянъ (1798—1837 гг.).
в) по разнымъ предметамъ (1798—1829 гг.).
г) по проектамъ и сочиненіямъ (1797—1837 гг.).
д) по приказному столу (1797—1833 гг.).
е) о привилегіяхъ (1815—1837 гг.).
ж) о высылкѣ солдатскихъ женъ и дѣтей (1811—1830 гг.).
з) о вѣсахъ и мѣрахъ (1802—1826 гг.).
и) о приготовленіи новыхъ аршиновъ (1808—1829 гг.).
к) по винокуренію и по разнымъ предметамъ (1797—1830 гг.).

12. Главнаго Тюремнаго Управленія (1856—1893 гг.). Сюда же входятъ дѣла Канцеляріи Президента Общества Попечительнаго о тюрьмахъ (1820—1879 гг.).

Кромѣ вышеуказанныхъ дѣлъ хранятся въ Отдѣленіи слѣдующіе архивные фонды:

1) Медицинской Канцеляріи (1737—1766 гг.).
2) Медицинской Коллегіи (1764—1805 гг.).
3) Канцеляріи графа Васильева по управленію медицинскою частью (1793—1803 гг.).
4) Тоже князя Кочубея (1798—1805 гг.).
5) „ князя Куракина (1812—1816 гг.).
6) СПБ. Физиката (1796—1837 гг.).
7) Медицинскаго Совѣта (1738—1887 гг.).
8) Канцеляріи Генералъ Штабъ-Доктора (1810—1837 гг.).
9) Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія (1810—1818 гг.) (по Медико-Хирургической Академіи).
10) Временной Загородной Больницы (1865—1886 гг.).
11) Медико-Хирургической Академіи (1806—1823 гг.).
12) По составленію въ губерніяхъ милиціи (1806—1832 гг.).
13) О башкирахъ (1834—1865 гг.).
14) Комитета объ устроеніи Новороссійскихъ губерній 1809 г.
15) Комитета объ устроеніи земскихъ повинностей въ Государствѣ (1842—1851 гг.).

16) Канцеляріи по управленію Бессарабскою областью (1816—1829 гг.).

17) Комиссіи по выдачѣ пособій жителямъ, пострадавшимъ отъ разоренія непріятелемъ въ 1812 г.

18) Комитета СПБ. ополченія 1812 г.

19) О каменномъ строеніи въ СПБ. и Москвѣ (1763—1796 гг.).

20) Таврическаго Комитета 1819 г.

21) Дѣла по расколу за 1799—1905 гг.

22) Нижегородскаго, Казанскаго, Симбирскаго, Саратовскаго и Пензенскаго Генералъ-Губернатора Бахметева (1825—1828 гг.).

23) Витебскаго, Могилевскаго и Смоленскаго Генералъ-Губернатора (1845—1856 гг.).

24) Прибалтійскаго Генералъ-Губернатора 1905 г.

25) СПБ. Генералъ-Губернатора 1905 г.

26) Особой Комиссіи празднованія 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ 1913 г.

27) По Русско-Прусской и Русско-Австрійской Комиссіи о границахъ (1823—1913 гг.).

Въ I отдѣленіе VI секціи имѣютъ поступить дѣла:

а) б. Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, находящіяся въ настоящее время въ Земскомъ Отдѣлѣ (около 50.000).

б) б. Россійскаго Общества Краснаго Креста (до 25 тыс.) и

в) эвакуированныхъ и упраздненныхъ центральныхъ учрежденій б. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Во 2 отдѣленіи VI секціи (б. Архивъ Мѣстнаго Управленія и Самоуправленія) объединяются нижеслѣдующіе въ настоящее время разрозненные фонды, составляющіе 3 основныхъ отдѣла: 1) Мѣстнаго Управленія, 2) Земскаго Самоуправленія, 3) Городского Самоуправленія. Основнымъ фондомъ I отдѣла являются дѣла Архива Петроградскаго Губернскаго Правленія, содержащаго уже въ настоящее время дѣла всѣхъ отдѣловъ Правленія, какъ то: Врачебнаго, Ветеринарнаго, Строительнаго, Тюремнаго и Межевого, а также и всѣхъ другихъ губернскихъ учрежденій—Канцеляріи Губернатора, дѣла по гор. Петрограду до выдѣленія его въ особое градоначальство, Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія, Воинскаго Присутствія, Статистическаго Комитета; сюда же должны войти дѣла Петроградской губернской землеустроительной комиссіи и др. губернскихъ и уѣздныхъ петроградскихъ учрежденій. II-ой отдѣлъ Земскаго Самоуправленія составляютъ въ настоящее

время находящіеся въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ архивы Губернской Земской Управы, Уѣздной Земской Управы, Дворянской Опеки, Дворянскаго Депутатскаго Собранія и пр. дворянскихъ сословныхъ учрежденій; въ III отдѣлъ должны войти дѣла Общаго городского архива, городского межевого и планового архива, городского по воинской повинности Присутствія, Канцеляріи особаго по городскимъ дѣламъ Присутствія и архивы всѣхъ вообще городскихъ учрежденій, какъ то: Управленія телефонною сѣтью, Управленія городскихъ желѣзныхъ дорогъ и пр. городскихъ предпріятій, купеческой, ремесленной Управы и др. городскихъ сословій.

Представляя собраніе документовъ, всесторонне освѣщающее мѣстную городскую и земскую жизнь, 2 отдѣленіе VI секціи явится цѣннѣйшимъ хранилищемъ документовъ и матеріаловъ для научныхъ изслѣдованій, какъ съ юридически-правовой точки зрѣнія, такъ и мѣстной бытовой.

I отдѣленіе VII секціи (Историко-Революціонный Архивъ) должно сосредоточить въ своемъ составѣ всѣ архивные матеріалы по исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ XIX и XX вѣкахъ.

Первыми задачами учреждаемаго Отдѣленія является: 1) приведеніе въ порядокъ Архива Департамента Полиціи; 2) пополненіе архивныхъ фондовъ дѣлами и документами, соотвѣтствующими основной задачѣ Отдѣленія, и 3) выясненіе путемъ поѣздокъ на мѣста настоящаго положенія провинціальныхъ архивовъ жандармскихъ учрежденій и забота о скорѣйшей ихъ передачѣ въ Отдѣленіе.

При Отдѣленіи учреждается центральная библіотека по изученію исторіи революціонныхъ движеній, которая должна включить: 1) всѣ изданія такъ называемой нелегальной подпольной печати, какъ въ Россіи, такъ и заграницей; 2) всѣ воззванія, листки, прокламаціи, летучки какъ печатные, такъ и гектографированные; 3) всѣ секретныя правительственныя изданія, имѣющія касательство до исторіи революціоннаго движенія, и 4) всю легальную литературу по исторіи революціоннаго движенія.

I отдѣленіе VII секціи создается въ интересахъ изученія русской революціонной исторіи. Облегчая всѣмъ работающимъ занятія исторіей нашего революціоннаго движенія сосредоточеніемъ всѣхъ архивныхъ матеріаловъ въ одномъ мѣстѣ, оно приступило къ изученію важнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ по исторіи революціи по нѣсколькимъ серіямъ.

Первая серія—составленные въ Департаментѣ Полиціи обзоры и сводки по исторіи революціоннаго движенія (Обзоръ соціально-революціонно-

ціоннаго движенія въ Россіи 1880 г.; Исторія соціально-революціоннаго движенія въ Россіи 1884 г.; такъ называемые, обзоры Е. К. Климовича; Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, произведенныхъ въ жандармскихъ управленіяхъ и т. д.).

Вторая серія—политическіе процессы. Въ первую группу должны войти процессы декабристовъ, петрашевцевъ, каракозовцевъ; во вторую группу—процессы 70-хъ годовъ; въ третью народовольческіе; въ четвертую—позднѣйшіе процессы с.-р и с.-д.

Эта серія, разсчитанная на рядъ томовъ, должна явиться основнымъ пособіемъ по исторіи общественныхъ движеній.

Третья серія—матеріалы по исторіи рабочаго движенія, стачекъ, забастовокъ.

Четвертая серія—произведенія такъ называемой нелегальной политической литературы, изданныя въ Россіи и заграницей. Этотъ отдѣлъ долженъ охватывать всю, такъ называемую, подпольную литературу листковъ, прокламацій, воззваній и т. д.

Пятая серія—изслѣдованія по отдѣльнымъ періодамъ и вопросамъ нашей революціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе приступаетъ къ составленію полной библіографіи по русскому революціонному движенію.

IV.

Въ Москвѣ создается 11 отдѣленій секцій Государственнаго Архивнаго Фонда.

Во 2 Московскомъ отдѣленіи I секціи (Общій Архивъ б. Министерства Двора) хранятся слѣдующіе архивные фонды:

1) Бывшій Архивъ Оружейной Палаты, слагающійся изъ столбцовъ (разобранныхъ 52.078 №№ и не разобранныхъ до 1200 №№, 1613—1705 гг.) и книгъ (№№ 1—3806, 1584—1835 гг.). Столбцы и книги обнимаютъ дѣятельность цѣлаго ряда старинныхъ приказовъ (особенно выпукло и подробно Казеннаго, Конюшеннаго, Большого Дворца, Тайныхъ Дѣлъ, Холопьяго, а также менѣе подробно многихъ другихъ, какъ напр., Патріаршаго, Каменныхъ дѣлъ, Рейтарскихъ дѣлъ и проч.), палатъ Государевой мастерской и Царицыной мастерской, Золотой, Серебряной, Оружейной, Государева Кабинета. Въ этихъ документахъ содержатся обильныя данныя для обрисовки картинъ оффиціальной царской жизни (выходы, церковныя торжества, пріемъ посольствъ, сношенія съ разными европейскими державами и азіат-

скими сосѣдями Россіи) и домашняго царскаго быта. Съ равнымъ правомъ, генеалогія, гражданская и церковная археологія, финансовыя и другія науки могутъ успѣшно разрабатываться на почвѣ хранящихся въ Отдѣленіи документовъ, включающихъ въ свой составъ между прочимъ выписки изъ писцовыхъ, переписныхъ, межевыхъ и отписныхъ книгъ.

2) Документы, обнимающіе дворцовое хозяйство по Петрограду и Москвѣ за XVIII—XIX вв. и характеризующіе дѣятельность учрежденій: а) Главной Дворцовой Канцеляріи и ея московской вѣтви—Московской Конторы Главной Дворцовой Канцеляріи за 1724—1786 гг.; б) Придворной Конторы, преимущественно за вторую половину XVIII в. и Московской ея вѣтви — Московской Экспедиціи Придворной Конторы (1786—1797 гг.); в) Придворной Канцеляріи, замѣнившей въ царствованіе Павла I прежнюю Главнаго Дворца Канцелярію и даже подчинившую себѣ Придворную Контору и ея Московское отвѣтвленіе—Московскую Экспедицію Придворной Конторы (1797—1801 гг.); г) Экспедиціи Кремлевскаго Строенія (1768—1831 гг.); д) Московской Дворцовой Конторы (1831—1858 гг. и 1858—1886 гг.); е) Московскаго Дворцоваго Управленія (1886—1903 гг.).

3) Дѣла по Московскому Отдѣленію Контроля и Кассы бывшаго Министерства Двора (1866—1891 гг.).

4) Дѣла Архива Кабинета Его Величества (1718—1823 гг.) по разнымъ отраслямъ его дѣятельности.

5) Дѣла Алмазной мастерской—Камеральнаго Отдѣленія (1740—1803 гг.).

6) Дѣла и бумаги статсъ-секретарей: Трощинскаго, Муравьева, Кикина, Молчанова (1768—1809 гг.).

7) Дѣла конторъ: а) Гофъ-Интендантской (1730—1838 гг.); б) Придворно-Конюшенной (1717—1864 гг.); в) Егермейстерской (XVIII в.); г) Рекетмейстерской (1762—1816 гг.); д) графа Левенвольда и барона Фонъ-Розена по Управленію дворцовыми имѣніями (1730—1742 гг.).

8) Дѣла канцеляріи: а) по Придворной части (1816—1826 гг.); б) Собственной Е. И. В. Вотчиной (1722—1799 гг.); в) графа С. А. Салтыкова и Фонъ-Миниха (1726—1744 гг.).

Общее количество дѣлъ за XVIII—XIX вв., отмѣченныхъ разрядовъ восходитъ въ общей сложности до 78.472.

9) Особнякомъ еще стоитъ фондъ дѣлъ Стараго Царскосельскаго Архива (1711—1745 гг.) въ количествѣ 17.500.

Всего же документовъ XVI—XX вв. въ Отдѣленіи насчитывается 149.250. Кромѣ того, въ немъ хранится до 287 номеровъ картъ, плэ-

новъ и чертежей XVIII—XIX вв., преимущественно относящихся къ построенію московскихъ дворцовъ. Отдѣленію предстоитъ принять еще дѣла ликвидируемыхъ московскихъ дворцовыхъ учрежденій: Московскаго дворцоваго управленія, Кассы и Контроля быв. Министерства Двора.

Въ составъ 3 отдѣленія I секціи вошелъ Московскій Главный Архивъ б. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Являясь продолженіемъ бывшаго Архива Посольскаго Приказа и Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ хранитъ документы, касающіеся дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами до 1801 года, а также внутренняго дѣлопроизводства приказа и коллегіи. Дипломатическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статейные списки, грамоты, трактаты, ратификаціи, консульскія дѣла, донесенія русскихъ посланниковъ, архивы миссій и пр. Документы расположены по державамъ и подраздѣляются на 3 отдѣла: Архивъ древній—до 1700 г., Архивъ старый—до 1762 г. и Архивъ новый—до 1801 г. Общее число дѣлъ дипломатическаго характера простирается до 1.000.000 и хранится въ видѣ переплетенныхъ книгъ (до 1.000 рукописей), частью въ картонахъ (до 17.000 картоновъ), частью въ связкахъ и свиткахъ, которые также желательно размѣстить по картонамъ. Такъ какъ въ XVII в. Посольскій приказъ завѣдывалъ не только дипломатической перепиской, но и нѣкоторыми городами (Романовъ, Касимовъ), монастырями, отдѣльными лицами (иностранцы и Строгановы), московскими слободами (Нѣмецкой и Мѣщанской), устройствомъ театра, заводами Марселиса, бархатной фабрикой, стекляннымъ заводомъ, то отдѣлъ недипломатическій занимаетъ среди указаннаго количества дѣлъ, иногда очень обширныхъ, много картоновъ и свитковъ разнообразнаго содержанія и представляетъ громадную цѣнность, привлекающую вниманіе многихъ изслѣдователей родной старины. Кромѣ того, среди «Приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ» (болѣе 1.000 картоновъ) помѣщены дѣлопроизводства тѣхъ приказовъ, которые были соединены съ Посольскимъ подъ однимъ управленіемъ: Новгородская, Устюжская, Галицкая и Владимірская четверти, Малороссійскій, Литовскій, Смоленскій приказы, приказъ Сбора ратныхъ людей и пр. Этотъ разнообразный матеріалъ высокой научной цѣнности даетъ отвѣты по внутренней исторіи государства въ самыхъ существенныхъ ея частяхъ: о земскомъ самоуправленіи, о писцовомъ и переписномъ дѣлѣ, объ организаціи войска на новыхъ началахъ, о таможенной и винной организаціи, объ областной администраціи, по исторіи городовъ и уѣздовъ и пр. и пр. Пользоваться громаднымъ матеріаломъ Отдѣленія можно при помощи 397 описей, составленныхъ

въ разное время, и разныхъ научныхъ достоинствъ, начиная отъ самыхъ краткихъ инвентарныхъ и кончая составленными спеціалистами, точно передающими содержаніе дѣлъ. Значительное количество документовъ, однако, не имѣетъ вовсе описей, а часть столбцовъ XVII вѣка лежитъ еще въ своемъ первоначальномъ видѣ. Считая приблизительно картонами принятаго въ Архивѣ образца, объемомъ въ 600—700 листовъ, ждутъ научнаго описанія:

1) не разобранныхъ и не описанныхъ—1.220 карт.,

2) разобранныхъ, но не описанныхъ—5.645 карт.,

3) разобранныхъ, но описанныхъ неудовлетворительно—1.525 карт., всего 8.390 карт. или 5.034.000—5.873.000 листовъ.

Кромѣ того, Отдѣленію предстоитъ принять значительное количество ящиковъ съ бумагами, эвакуированными изъ Петрограда, какъ изъ Архива, такъ и изъ другихъ отдѣловъ Комиссаріата Иностранныхъ Дѣлъ, которыя потребуютъ усиленной работы по разборкѣ ихъ вслѣдствіе той поспѣшности, съ которой производилась укладка документовъ въ ящики.

При Отдѣленіи состоитъ Государственное Древлехранилище хартій, рукописей и печатей, возникшее въ 1853 году. По характеру памятниковъ Древлехранилище распадается на 2 отдѣленія: памятники вещественные и памятники письменные. Среди первыхъ находятся государственныя и разныхъ лицъ печати, перстни (до 487 экз.), медали, монеты и пр.; среди вторыхъ 920 нумеровъ грамотъ, актовъ разнаго содержанія, духовныхъ и договорныхъ грамотъ Московскихъ князей, начиная съ 1328 года, подлинныхъ писемъ русскихъ государей и членовъ царскаго семейства, дѣло о избраніи и вѣнчаніи государей, рукописей разнаго содержанія, какъ то: пергаментный списокъ Русской Правды, уставы кн. Владиміра и Ярослава о церковныхъ судахъ, списки судебниковъ и пр. Въ Древлехранилищѣ собраны рукописи и старопечатныя книги исключительно величайшей рѣдкости и важнѣйшаго научнаго значенія, а потому Древлехранилище находится подъ особо строгой охраной.

Кромѣ документовъ, Архивъ обладаетъ замѣчательной библіотекой, начало которой восходитъ ко временамъ Посольскаго приказа. Въ настоящее время ее можно раздѣлить на 6 отдѣловъ: 1) книгъ гражданской печати болѣе 46.000 названій (свыше 100.000 томовъ); 2) книгъ церковной печати около 1.000; 3) рукописей на разныхъ языкахъ около 3.800; 4) портфелей съ историческими матеріалами—460 картоновъ; 5) картографическій—2.500 №№, и 6) галлереи портретовъ и собранія эстамповъ—до 3.000 №№. Такой составъ Библіо-

теки дѣлаетъ ее весьма цѣнною въ научномъ отношеніи, въ качествѣ самостоятельнаго отдѣла, могущаго дать богатый матеріалъ, еще не использованный, для изслѣдователей русской старины.

Въ основу 1 московскаго отдѣленія 2-ой секціи положенъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи—самый богатый количественно и качественно документами по внутренней исторіи Россіи съ XIV по XVIII столѣтіе и отчасти за XIX вѣкъ. Сосредоточивая въ себѣ до 2.500.000 рукописныхъ сборниковъ («книгъ», «столбцовъ», «вязокъ» и «дѣлъ»), заключающихъ въ себѣ много свыше 200 милліоновъ историко-юридическихъ актовъ, онъ представляетъ собою богатѣйшее въ Европѣ собраніе старыхъ манускриптовъ. По своему содержанію онъ собственно глубоко историческій. Образовался онъ, по закону 7-го Іюля 1852 года, изъ трехъ крупныхъ, находившихся при московскихъ департаментахъ Сената и потому называвшихся сенатскими, архивовъ: Разряднаго, Вотчиннаго и Государственнаго архива Старыхъ дѣлъ, которые въ свое время поглотили много десятковъ крупныхъ перво- и второстепенныхъ архивовъ. Изъ Разряднаго архива въ Архивъ Министерства Юстиціи поступило 16.504 номера книгъ, столбцовъ, вязокъ и дѣлъ, содержащихъ въ себѣ дѣлопроизводства приказовъ Разряднаго, Малороссійскаго и Сибирскаго, Верхотурскаго уѣзднаго суда, конторъ: Герольдмейстерской, Печатной и Раскольнической, дѣла Молдавскія и Мунтянскія и разныхъ комиссій. Изъ другого Сенатскаго Архива—«Вотчиннаго» Архивъ б. Министерства Юстиціи получилъ 113.839 книгъ, 945.609 дѣлъ и 41.477 столбцовъ съ дѣлопроизводствами центральнаго помѣстно-вотчиннаго учрежденія, сначала носившаго названіе Помѣстнаго приказа, затѣмъ—Вотчинной Конторы и наконецъ Вотчинной Коллегіи. Сюда относятся книги писцовыя, переписныя, записныя, платежныя, межевыя и др., дѣла приказныя, сказки Генеральнаго двора, столбцы, грамоты жалованныя, сыскныя, отказныя, мѣновыя и др. Отъ архива «Старыхъ Дѣлъ» Архивъ б. Министерства Юстиціи унаслѣдовалъ 337.079 номеровъ, по преимуществу отъ учрежденій XVII вѣка и отчасти XVI. Сюда входятъ дѣла приказовъ Дворцоваго Патріаршаго, Казеннаго Патріаршаго, Монастырскаго, Суднаго, Сыскного, Преображенскаго и Каменнаго, коллегій: Юстицъ, Ревизіонъ, Камеръ и Экономіи, Камеръ-Коллегіи и Юстицъ-Коллегіи, лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, конторъ Главной, Соляной, Ямской, Московской Дворянскаго банка, Цалмейстерской, Корчемной и Штатсъ-Конторы, канцелярій Московскихъ Губернской и Полицмейстерской, Дмитровской воеводской, Розыскной и Конфискаціи, Тайной Канцеляріи и Экспедиціи, комиссій составленія свода запрещенія и разрѣшенія на имѣнія и др.,

комитетовъ для описанія архивовъ, по улучшенію быта крестьянъ Остзейскихъ губерній и др., магистратовъ Главнаго, Московскаго, Дмитровскаго, судовъ Московскихъ Надворнаго и Словеснаго и многихъ уѣздныхъ и др.

Послѣ учрежденія Архива шли новыя большія приращенія документовъ. Въ 1857 и послѣдующіе годы Архивомъ было принято 34.411 книгъ и вязокъ съ дѣлами Правительствующаго Сената. Съ 1867 года началась присылка въ Архивъ б. Министерства Юстиціи дѣлъ, принадлежащихъ учрежденіямъ, упраздненнымъ судебною реформою 1864 года: къ 1 Января 1890 г. количество такихъ дѣлъ равнялось 800.000. Въ 1880 году Московская Городская Дума безвозмездно уступила Архиву для постройки новаго зданія участокъ земли на Дѣвичьемъ полѣ, подъ условіемъ отвода въ этомъ зданіи особаго помѣщенія для дѣлъ закрывшейся Московской Управы Благочинія и Городской дореформенной Думы. Дѣла этихъ учрежденій въ количествѣ 10.516 книгъ и 168.119 дѣлъ были приняты Архивомъ въ 1885 и 1889 годахъ. Осенью 1887 года въ Московскій Архивъ б. Министерства Юстиціи была переведена изъ Петербурга такъ называемая Литовская Метрика, въ составѣ 1063 книгъ, 38 актовъ, 50 родословныхъ и 19 межевыхъ картъ. Въ 1913—1916 годахъ Архивомъ было принято болѣе 2000 дѣлъ о сектантахъ, присланныхъ изъ архивовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Наконецъ, въ Октябрѣ 1916 г. изъ архива Воронежскаго Окружнаго Суда были доставлены въ Архивъ б. Министерства Юстиціи 200 тюковъ съ дѣлами бывшей Воронежской Палаты гражданскаго суда.

Съ 1885 года Архивъ б. Министерства Юстиціи помѣщается на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ на безвозмездно уступленномъ Московскимъ Городскимъ Управленіемъ участкѣ земли построено новое зданіе, приспособленное для храненія древнихъ рукописей. Весь рукописный архивный матеріалъ размѣщенъ въ 3-хъ каменныхъ пятиярусныхъ корпусахъ на полкахъ, общая длина которыхъ равна почти 50 верстамъ.

Отдѣленію нынѣ предстоитъ принять еще отдѣльные фонды: 1) Московскаго Окружнаго Суда, 2) Московской Судебной Палаты, 3) Московскаго Столичнаго Съѣзда Мировыхъ Судей, 4) Старшаго Нотаріуса, 5) Московской Губернской Тюремной инспекціи, 6) Губернской тюрьмы, 7) Исправительной тюрьмы, 8) Женской тюрьмы, 9) Центр. Пересыльной тюрьмы и 10) Московскаго Коммерческаго Суда.

Военные архивы, находящіеся въ Москвѣ, составляющіе I московское отдѣленіе III секціи имѣютъ первостепенное значеніе не только

для военной исторіи, но и для общей: въ нихъ заключается богатый матеріалъ по географіи, статистикѣ, колонизаціи и по многимъ другимъ отраслямъ знанія. Они хранятъ весьма богатые первоисточники: безъ работы по нимъ нельзя обойтись ни по одному сколько нибудь важному вопросу, касающемуся войнъ, веденныхъ на протяженіи $2^1/_2$ вѣковъ до настоящаго времени включительно.

Въ Москвѣ находятся слѣдующіе военные архивы.

I. Лефортовскій архивъ, состоящій изъ 2-хъ частей; первая изъ нихъ носитъ названіе 1 Московскаго отдѣленія архива Управленія по командному составу арміи Всероссійскаго Главнаго Штаба. Этому архиву безспорно принадлежитъ видное мѣсто какъ по количеству дѣлъ, такъ и по ихъ значенію въ историческомъ отношеніи. Онъ учрежденъ еще въ 1819 году и ведетъ свое начало отъ поступившаго въ него архива б. Государственной военной коллегіи (съ 1719 года). Онъ размѣщенъ въ огромномъ двухэтажномъ трехфасномъ зданіи б. Лефортовскаго дворца (по ул. Коровій бродъ, д. № 1). Собственно подъ архивныя помѣщенія отведено 130 комнатъ дворца и 27 комнатъ подъ канцелярію архива и справочно-историческую библіотеку. Въ цѣляхъ наилучшаго приспособленія зданія для актохранилища съ 1914 года было приступлено къ капитальному его переустройству, но, по обстоятельствамъ военнаго времени, работы по переустройству, за недостаткомъ строительнаго матеріала, а затѣмъ и денежныхъ средствъ прерваны. Въ 43 отремонтированныхъ комнатахъ устроены желѣзо-бетонныя перекрытія и часть этихъ помѣщеній оборудована металлическими стелажами клѣточной системы. Длина всѣхъ полокъ простирается свыше 30 верстъ. Архивъ является самымъ крупнымъ въ Россіи военнымъ актохранилищемъ, содержащимъ свыше $3^1/_2$ милліоновъ дѣлъ и документовъ, принадлежащихъ большимъ и малымъ архивамъ разныхъ учрежденій, главнокомандовавшихъ и командовавшихъ арміями, отдѣльными частями и проч.

Главнѣйшіе фонды его дѣлъ (имѣется свыше 1500 описей) слѣдующіе:

А. Дѣла центральныхъ учрежденій военнаго вѣдомства: Разряднаго приказа и Военной Канцеляріи (1634—1718 г. г.); Военной Коллегіи (ея повытій и экспедицій—1719—1812 г.г.); Комитета, учрежденнаго при Военной Коллегіи для образованія департамента министра военно-сухопутныхъ силъ, и комиссіи для составленія воинскихъ уставовъ и уложеній (1806—1815 г.г.); Временнаго Комитета, учрежденнаго при Военной Коллегіи для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ

военнаго вѣдомства (1793—1818 г.г.); Комиссіи по пересмотру рекрутскаго устава (1862—1872 г.г.); Военной Конторы (1729—1776 г.г); Воинской Комиссіи (1720—1810 г.г.); «Кабинетскія» (1707—1789 г.г.); Военно-Сиротскихъ отдѣленій (1799—1822 г.г.); Инспекторскаго департамента Военнаго Министерства (1812—1865 г.г.); Комитета, учрежденнаго при Инспекторскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства для рѣшенія неоконченныхъ дѣлъ Военной Коллегіи, послѣ учрежденія Министерствъ (1797—1822 г.г.); Департамента Военныхъ Поселеній (1817—1862 г.г.); Управленій округовъ пахотныхъ солдатъ (1804—1859 г.г.); Комиссаріатскаго и Провіантскаго Департаментовъ (1776—1864 г.г.); Фельдъегерскаго корпуса (1797—1830 г.г.); Совѣта Военнаго Министра (1812—1832 г.г.); Совѣта Военнаго Министерства (1812—1833); Главнаго Управленія иррегулярныхъ войскъ (1831—1855 г.г.); Комиссіи составленія уставовъ (1808—1813 г.г.); Воинскихъ комиссій, учреждавшихся въ разное время для изысканія средствъ по приведенію русской арміи въ болѣе совершенное состояніе (1710—1808 г.г.); Канцеляріи Военно-Топографическаго Департамента (1822—1864 г.г.); Военно-Походной его величества канцеляріи (1747—1820 г.г.); Военно-Походной его величества канцеляріи и Главнаго Штаба его величества (1759—1846 г.г.); Общей Канцеляріи Военнаго Министерства (1812—1816 г.г.); Вице-президента Валахскаго Дивана, русской миссіи въ Бѣлградѣ и по гражданскому управленію Бухареста, а также комендантовъ Рущука, Силистріи и Бухареста (1809—1812 г.г.); Войска цесаревича Константина Павловича (отдѣльный Литовскій корпусъ и Варшавскій гвардейскій отрядъ, а также и по должности начальника военно-учебныхъ заведеній, 1814—1834 г.г.); Главнаго Штаба (1865—1916 г.г.); Генеральнаго Штаба (1812—1865 и 1905—1911 г.г.); Отчеты по рекрутскимъ наборамъ (1793—1861 г.г.); Лейбъ-Кампанскаго и Кавалергардскаго корпусовъ (1726—1798 г.г.); Нарвской гарнизонной канцеляріи и Нарвскаго комендантскаго управленія (1703—1864 г.г.); «Сказки» (прототипъ послужныхъ списковъ) и смотровые списки полковъ (1697—1793 г.г.); формулярные списки и мѣсячные (строевые) рапорты полковъ (1754—1916 г.г.); Главнаго Управленія казачьихъ войскъ (1898—1910 г.г.); Канцеляріи докладчика по дѣламъ Финскихъ войскъ (1887—1896 г.г.); Особаго дѣлопроизводства по дѣламъ Средне-Азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ при Управленіи Военныхъ Сообщеній Главнаго Штаба (1896—1900 г.г.); Главнаго Тюремнаго Комитета (1867—1884 г.г.); Военнаго отдѣла Управленія Прибалтійскаго генералъ-губернатора (1905—1909 г.г.); Полтавской комиссіи (1909—1912 г.г.) и другіе.

Б. Дѣла армій, дѣйствовавшихъ во время войнъ, веденныхъ до 1914 года. Дѣлопроизводства главнокомандовавшихъ и командовавшихъ арміями и отдѣльными отрядами: графа Румянцова-Задунайскаго (1732—1796 г.г.); князя Потемкина-Таврическаго (по формированію войскъ; по первой Турецкой войнѣ 1769—1774 г.г.); военнымъ дѣйствіямъ на Кавказской границѣ въ 1784—1789 г.г.; второй Турецкой войнѣ 1787—1791 г.г.; президента Военной Коллегіи графа Н. И. Салтыкова (по казачьимъ войскамъ и Эстляндскому егерскому корпусу за 1788—1794 г.; по войнѣ со шведами 1788—1789 г.г., военнымъ дѣйствіямъ подъ Анапой, Измаиломъ и Хотинымъ и по семилѣтней войнѣ); графа Ангальта и Финляндскаго егерскаго корпуса (1786—1811 г.г.; подготовка отряда къ отправленію въ 1788 году въ Средиземное море на эскадрѣ адмирала Грейга; формированіе Эстляндскаго егерскаго корпуса); корпуса принца Конде (дѣйствія въ 1799 г. въ Швейцаріи); генерала Уварова (военныя дѣйствія кавалеріи въ кампанію 1807 г., Финляндскую войну 1808—1809 г.г.; въ составѣ Молдавской арміи въ 1810 г. и въ 1812 г.); Днѣстровской, Молдавской и Дунайской армій въ кампанію 1805—1812 г.г. (генералъ Михельсонъ, князь Прозоровскій, гр. Каменскій 2-й, кн. Багратіонъ, кн. Голенищевъ-Кутузовъ, ген. Эссенъ); эпоха коалиціонныхъ войнъ 1805—1807 г.г.; Отечественная война 1812 года и кампанія 1813—1815 г.г.; (дѣла главнокомандующихъ ген. Барклая де-Толли и кн. Кутузова-Смоленскаго, 1-й и 2-й западныхъ армій, армій ген. Бенигсена, соединенныхъ армій, резервной арміи кн. Лобанова-Ростовскаго и барона Меллеръ-Закомельскаго, кавалерійскихъ резервовъ ген. Кологривова, волонтерныя и ополченскія части, русско-нѣмецкій легіонъ и др.); армій, дѣйствовавшихъ въ Крымскую кампанію 1853—1856 г.г.; Русско-Турецкая война 1877—1878 г.г.—дѣйствія на Европейскомъ театрѣ войны (дѣла полевого штаба и его управленій и отдѣловъ, комендантовъ желѣзнодорожныхъ станцій и военно-санитарныхъ поѣздовъ, начальниковъ этаповъ въ Румыніи, Валахіи, Болгаріи; временной комиссіи для окончанія дѣлъ и счетовъ дѣйствовавшихъ въ войну 1877—1878 г.г. армій; командующаго войсками, оставленными для оккупаціи Болгаріи въ 1878—1880 г.г. и друг.); Маньчжурскихъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Японіи въ войну 1904—1905 г.г. (штаба намѣстника на Дальнемъ Востокѣ и главнокомандующаго морскими и сухопутными силами и управленій штабовъ командовавшихъ 1, 2 и 3 арміями) и другія.

В. Дѣла мѣстныхъ управленій и воинскихъ частей. Ландмилицкой комиссіи и Сѣвскаго пѣхотнаго полка (1733—1778 г.г.); Кексгольм-

скаго мушкетерскаго полка (1784—1805 г.г.); Ревельскихъ гарнизонныхъ батальоновъ и 3-го Морского полка (1714—1812 г.г.); Аландскаго и Выборгскаго гарнизонныхъ полковъ, лейбъ-гвардіи гарнизоннаго Великолуцкаго, Кексгольмскаго, Новгородскаго и Шлиссельбургскаго гарнизонныхъ батальоновъ (1780—1816 г.г.); Отдѣльнаго корпуса Внутренней Стражи (1811—1864 г.г.); Штаба Харьковскаго военнаго округа (1833—1888 г.г.); Отдѣльнаго Гренадерскаго корпуса (1852—1863 г.г.) и другія.

По содержанію своему хранящіяся въ архивѣ дѣла крайне разнообразны и обнимаютъ всю жизнь арміи, что уже видно изъ приведенныхъ названій управленій и учрежденій. Въ этихъ дѣлахъ заключаются свѣдѣнія по организаціи, дислокаціи и составу войскъ; по укомплектованію войскъ и военныхъ управленій и заведеній; по устройству, внутреннему управленію, обученію, службѣ, размѣщенію, снаряженію, вооруженію, обмундированію, хозяйству войскъ, колонизаціи, по передвиженію войскъ желѣзными и грунтовыми и водяными путями, по перевозкѣ военныхъ грузовъ и по завѣдыванію желѣзнодорожными войсками, по астрономическимъ, геодезическимъ, топографическимъ, картографическимъ работамъ военнаго вѣдомства и проч. Особенно большую по количеству дѣлъ и богатую по содержанію цѣнность составляютъ дѣла по личному составу арміи.

Событія, вызванныя послѣднею войною, привели Лефортовскій архивъ въ такое положеніе, что лишаютъ его возможности правильно функціонировать. Причины тому слѣдующія: во 1-хъ, еще весной 1914 года, т. е. наканунѣ послѣдней войны было приступлено къ капитальному переустройству Лефортовскаго дворца, что заставило изъ ремонтируемыхъ помѣщеній вынести въ другія мѣста архива около одного милліона дѣлъ и временно размѣстить ихъ среди другихъ; во 2-хъ, несмотря на создавшіяся указаннымъ ремонтомъ затрудненія въ размѣщеніи дѣлъ, въ 1916—1918 г.г. изъ Петроградскаго отдѣленія архива было доставлено въ Лефортовскій архивъ 28 вагоновъ новыхъ дѣлъ, большая часть которыхъ была вскрыта изъ ящиковъ и тюковъ и уже разставлена на полкахъ; остальныя же необходимо еще разобрать, привести въ порядокъ и проч.; и въ 3-хъ, съ театра бывшей войны доставлено огромное количество ящиковъ и тюковъ съ дѣлами, которыми переполнены всѣ корридоры, лѣстничныя клѣтки и подвалы зданій дворца.

II. 2-ю часть Московскаго отдѣленія архива Управленія по командному составу арміи составляетъ центральное хранилище дѣлъ по войнѣ 1914—1918 г.г. Въ 1914 году, на основаніи приказа верхов-

наго главнокомандующаго за № 65, при Московскомъ отдѣленіи архива Главнаго Штаба, нынѣ Управленія по командному составу арміи Всероссійскаго Главнаго Штаба, было учреждено центральное хранилище дѣлъ войсковыхъ частей, штабовъ, управленій, учрежденій и заведеній, относящихся къ войнѣ 1914 — 1918 г.г. Съ учрежденіемъ въ Москвѣ отдѣленія Военно-Ученаго архива Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, нынѣ Оперативнаго Управленія Всероссійскаго Главнаго Штаба, изъ числа упомянутыхъ дѣлъ были выдѣлены и переданы въ это отдѣленіе дѣла оперативныя и военно-историческаго характера. Дѣла же общаго характера остались въ Московскомъ отдѣленіи архива Управленія по командному составу арміи. До настоящаго времени въ этотъ архивъ доставлено дѣлъ, книгъ, плановъ, картъ, приказовъ и другихъ матеріаловъ въ количествѣ до 13.000 ящиковъ, тюковъ и посылокъ или свыше $2^1/_2$ милліоновъ архивныхъ единицъ отъ слѣдующихъ войсковыхъ частей, штабовъ и учрежденій—штабовъ: Верховнаго главнокомандующаго, 5-ти фронтовъ (Западнаго, Сѣверо-Западнаго, Сѣвернаго, Юго-Западнаго и Румынскаго); 11-ти армій (1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12 и Особой); 45 корпусовъ (гвардейскаго, Кавказскаго, 3-хъ Сибирскихъ и 40 армейскихъ); 68 дивизій (пѣхотныхъ кавалерійскихъ, гренадерской, Сибирскихъ и Финляндскихъ стрѣлковыхъ, латышской, Заамурской конной); 45 пѣхотныхъ и 64 ополченскихъ бригадъ; гвардейскаго отряда; полковъ гвардейскихъ, гренадерскихъ и пѣхотныхъ, стрѣлковыхъ и другихъ (390), кавалерійскихъ и казачьихъ (91), пластунскихъ и пограничныхъ (106), крѣпостныхъ (2), и другихъ; баталіоновъ: запасныхъ пѣхотныхъ, обозныхъ, этапныхъ и другихъ (104); артиллерійскихъ, строевыхъ и вспомогательныхъ частей (364); инженерныхъ частей (258), интендантскихъ частей (229); санитарныхъ частей (65), управленій, учрежденій и заведеній военнаго вѣдомства, а также разнаго рода частей, командъ, транспортовъ и проч. (1282); всего отъ 3-хъ слишкомъ тысячъ войсковыхъ частей и учрежденій. Поступленіе дѣлъ, подлежащихъ сдачѣ, продолжается безпрерывно, и, такъ какъ дѣла сданы еще не отъ всѣхъ частей, штабовъ, управленій, учрежденій и заведеній, то должно поступить и еще весьма много дѣлъ. Кромѣ того, предстоитъ собрать и то огромное количество дѣлъ по минувшей войнѣ, которое, благодаря несогласованности разновременно изданныхъ распоряженій, было сдано въ военно-окружные архивы, въ Демобилизаціонное управленіе при Военно-Законодательномъ Совѣтѣ, въ Нижегородскій военный архивъ и различныя другія мѣста, а равно въ Совдепы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расформировывались войсковыя части.

Дѣла эти, по своему внутреннему содержанію, главнымъ образомъ, относятся къ инспекторской, хозяйственной, артиллерійской, инженерной, интендантской, санитарной, транспортной и другимъ частямъ и заключаютъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія по личному составу армій какъ по прохожденію службы, такъ и по боевой его дѣятельности; по организаціи арміи, по снабженію арміи боевыми матеріалами и другими припасами; по довольствію войскъ денежнымъ, вещевымъ и прочими видами довольствія, по реквизиціямъ, денежной и матеріальной отчетности и проч. Само собою разумѣется, что по обилію и полнотѣ заключающихся въ этихъ дѣлахъ данныхъ, они представляютъ собою историческій матеріалъ исключительной важности не только для исторіи небывалой міровой войны, но также для исторіи революціи и вообще переживаемой нынѣ эпохи.

III. Военно-Ученый архивъ Оперативнаго Управленія Всероссійскаго Главнаго Штаба послѣ Лефортовскаго актохранилища одинъ изъ весьма цѣнныхъ и важныхъ архивовъ. Онъ состоитъ изъ большого числа частныхъ и правительственныхъ собраній картъ, плановъ и вообще дѣлъ военнаго и политическаго содержанія, какъ-то: Департамента Генеральнаго Штаба, Депо картъ Павла I и Александра I, Эрмитажа, ген.-Прокурора кн. П. В. Лопухина, гр. Аракчеева, гр. Ф. В. Салтыкова, кн. А. П. Голицина, св. кн. А. А. Безбородко, ген.-фельдмаршала гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго и др. По окончаніи каждой войны Россіи, дѣла Управленій Главнокомандующихъ арміями, журналы военныхъ дѣйствій, реляціи, инструкціи, планы сраженій, отчеты и проч. поступали въ этотъ архивъ. Въ немъ сосредоточены также свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ. Въ общемъ, въ этомъ архивѣ хранится около 500.000 томовъ дѣлъ. Архивъ этотъ, находившійся въ Петроградѣ, въ самое послѣднее время почти весь перемѣщенъ уже въ Москву.

IV. Московское отдѣленіе Военно-Ученаго архива учреждено въ 1916 году изъ дѣлъ оперативнаго и военно-историческаго характера войсковыхъ частей, штабовъ, управленій, учрежденій и заведеній по войнѣ 1914—1918 гг., переданныхъ изъ центральнаго хранилища Московскаго отдѣленія архива Управленія по командному составу. Такъ какъ дѣла не разобраны, то опредѣлить точное количество ихъ еще не представляется возможнымъ. Приблизительно ихъ имѣется не менѣе 500.000. Они продолжаютъ поступать и нынѣ. Дѣла имѣютъ первостепенное значеніе для исторіи войны. Отдѣленіе архива помѣщается по Малой Грузинской улицѣ, д. 15, бывшій музей Щукина. Помѣщеніе тѣсно и совершенно недостаточно.

V. Архивъ Московскаго окружнаго комиссаріата по военнымъ дѣ-

ламъ, бывшій военно-окружный архивъ Штаба Московскаго военнаго округа. Въ немъ хранятся дѣла военно-окружныхъ управленій Московскаго военнаго округа со времени учрежденія этого округа въ 1864 году по 1914 годъ включительно, а именно: 1) На Причистенкѣ, въ зданіи штаба округа, д. № 7—Окружнаго военнаго совѣта, Штаба округа, Окружнаго военно-санитарнаго управленія, 1-й Московской инженерной дистанціи, Особо Уполномоченнаго Краснаго Креста, Санитарныхъ поѣздовъ, сформированныхъ въ Русско-Японскую войну 1904—1905 гг., Сибирскаго запаснаго баталіона, Строительныхъ войсковыхъ комиссій. Всего 390.000 дѣлъ. Помѣщеніе занимаетъ 6 комнатъ въ 2-хъ этажахъ, площадью 108 кв. саж.

2) При Симоновскихъ артиллерійскихъ складахъ, въ каменномъ зданіи, площадью въ 150 кв. саж.—Военно-окружнаго артиллерійскаго управленія, Военно-окружнаго управленія по квартирному довольствію войскъ, военно-окружнаго интендантскаго управленія, Мѣстнаго интенданта, Московскаго комендантскаго управленія, бывшаго штаба мѣстныхъ войскъ. Всего 410.000 дѣлъ.

3) Въ Хамовникахъ, въ зданіи манежа Сумскаго гусарскаго полка—дѣла 310 расформированныхъ воинскихъ частей, штабовъ, управленій, учрежденій и заведеній бывшей дѣйствовавшей арміи въ войну 1914—1918 гг. Всего 950 ящиковъ, 150.000 дѣлъ.

VI. Архивъ 2-го Московскаго квартирнаго отдѣла занимаетъ одну комнату въ канцеляріи 2 Московскаго квартирнаго отдѣла, по Лефортовской площади, въ домѣ квартирнаго вѣдомства. Дѣлъ около 5.000.

VII. Архивъ Управленія уѣзднаго воинскаго начальника хранитъ свои дѣла съ 1874 года и бывшаго Управленія Московскаго губернскаго воинскаго начальника съ 1874 по 1880 г. Всего около 50.000 дѣлъ. Помѣщается въ Крутицкихъ казармахъ.

Для дѣлъ расформированныхъ частей, штабовъ, управленій, учрежденій и заведеній бывшей арміи за прежнее время до 1914 г. учрежденъ временный архивъ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ. Подъ помѣщеніемъ его отведено два корпуса казармъ. Въ этотъ архивъ поступила часть дѣлъ и по минувшей войнѣ. Дѣла эти съ одной стороны приняты въ ящикахъ, съ другой—находятся еще въ періодѣ пріема ихъ съ желѣзныхъ дорогъ и потому сколько-нибудь точныхъ данныхъ о количествѣ ихъ пока не имѣется.

Въ составъ 1-го московскаго отдѣленія IV секціи войдутъ архивы: Московскаго Университета и другихъ учебныхъ заведеній Москвы, Управленія Московскаго Учебнаго Округа, Дирекціи народныхъ училищъ Московской губ., Городского Училищнаго Совѣта, Губернскаго и Уѣзд-

наго Училищнаго совѣтовъ, Московскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта, Отдѣленія Контроля вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи—(Московская экспедиція), Управленія доходными домами вѣдомства импер. Маріи, Московскаго Комитета по дѣламъ печати, Московской Иностранной Цензуры и Московскаго духовно-цензурнаго Комитета.

Документы, хранящіеся въ перечисленныхъ спеціальныхъ архивахъ, представляютъ большую цѣнность для исторіи школы, какъ для исторіи общаго развитія педагогическаго дѣла въ Россіи, такъ и тѣхъ спеціальныхъ условій, которыя вызывались школьной политикой въ связи съ измѣненіями общаго политическаго курса. Особый интересъ представляетъ Архивъ Московскаго Университета, какъ перваго разсадника высшаго научнаго образованія въ Россіи.

Большой интересъ представляютъ документы, относящіеся къ вѣдомству учрежденій имп. Маріи, какъ по разнообразію учрежденій, находившихся въ сферѣ дѣятельности указаннаго вѣдомства, такъ и по совершенно своеобразному положенію вѣдомства въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій.

Наконецъ, для исторіи печати представляютъ выдающійся интересъ архивы Московскаго Комитета по дѣламъ печати, Московской Иностранной цензуры и Московскаго духовно-цензурнаго Комитета.

Всѣ перечисленные архивы находились и частью находятся въ настоящее время въ крайне неопредѣленномъ и нѣкоторые прямо въ жалкомъ положеніи: свалены въ кучу въ разныхъ помѣщеніяхъ.

2-е московское отдѣленіе IV-й секціи государственнаго архивнаго фонда содержитъ въ себѣ патріаршее собраніе рукописей греческихъ и славянскихъ, частію въ видѣ огромныхъ фоліантовъ, частію въ видѣ рядовыхъ книгъ и свитковъ, оставшихся отъ личнаго архива патріарховъ и взятыхъ изъ Успенскаго собора и Донского монастыря; къ патріаршему собранію пріобщаются также рукописныя собранія бывшей Синодальной типографіи, Епархіальнаго дома и монастырей: Троицкаго Сергіева и Никольскаго Единовѣрческаго (вкладъ купца Хлудова) и другихъ монастырей и церквей, гдѣ пользованіе памятниками въ интересахъ науки представляется или крайне затруднительнымъ или же прямо невозможнымъ. Въ то же отдѣленіе должны влиться архивы упраздненныхъ нынѣ духовныхъ правленій Московской епархіи, Московской Синодальной Конторы, Московской Духовной Консисторіи, бывшихъ придворныхъ Московскихъ церквей, а также Московскихъ мужскихъ и женскихъ монастырей.

Патріаршее собраніе содержитъ памятники византійскіе съ VI в., славянскіе съ XI в. Извѣстные ученые Горскій и Невоструевъ въ 6 большихъ томахъ описали менѣе половины одного славянскаго отдѣленія патріаршаго собранія и этотъ трудъ является настольной книгой для историка, филолога, литератора, канониста и вообще славяновѣда и византолога. Греческое отдѣленіе того же собранія описано цѣликомъ на русскомъ, латинскомъ (2 раза) и греческомъ языкахъ, и эти описанія являются необходимѣйшими справочными пособіями при самыхъ разнообразныхъ ученыхъ работахъ (отъ изданія текстовъ библіи и гимновъ Гомера до изученія басенъ, гадапій и народныхъ повѣрій). Къ патріаршему собранію рукописи изъ другихъ мѣстъ храненія пріобщались уже во 2-й половинѣ XVII в. и въ самое недавнее время оно обогатилось фондами Московскихъ соборовъ, Успенскаго и Архангельскаго, и монастырей: Чудова, Воскресенскаго, Новоспасскаго, Донского и Симонова. Настоятельнѣйшею потребностью момента является расширеніе и углубленіе такого собиранія памятниковъ: сосредоточенныя въ одномъ мѣстѣ рукописи не только могутъ раціональнѣе храниться, но и съ большимъ удобствомъ изучаться путемъ сравненія одного памятника съ другимъ. Съ удаленіемъ изъ дома бывшей Синодальной конторы, канцелярій и присутствій сразу же освобождается мѣсто для пріема провинціальныхъ и Московскихъ рукописныхъ фондовъ, при непремѣнномъ, однако, условіи—перестройки отопленія. 13 мужскихъ и 7 женскихъ монастырей въ Москвѣ съ ихъ архивами, иногда упорядоченными и описанными, какъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, представляютъ много матеріала для ученыхъ работъ, тѣмъ болѣе, что иные изъ нихъ имѣютъ акты и документы XVII в., а въ копіяхъ и письменные памятники XIV—XV вв., когда возникали самыя монашескія общежитія Сѣверной Руси. О разнообразномъ по содержанію бытовомъ матеріалѣ архива духовной консисторіи говоритъ обширный трудъ Розанова «Исторія московскаго епархіальнаго управленія», части I—IV, Москва 1867—71 гг., доводящій изложеніе лишь до 1821 г. Архивъ бывшей Синодальной Конторы, начинаясь съ 1732 г., содержитъ данныя, иногда очень и очень цѣнныя, по самымъ разнообразнымъ вопросамъ прошлаго. Какія многогранныя историческія показанія имѣются въ этомъ архивѣ видно изъ составленной всецѣло по его матеріаламъ обширной работы Скворцова: «Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII в.» вв. 1—2, напечатанной въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ за 1911 и 1914 гг.

Архивные фонды названныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства рѣзко распадаются на слѣдующіе отдѣлы: 1) рукописей греческихъ и сла-

вянскихъ, какъ нынѣ пребывающихъ въ патріаршемъ и типографскомъ собраніяхъ, такъ и намѣченныхъ къ дополненію этихъ коллекцій; 2) архивныхъ дѣлъ, касающихся административно-хозяйственныхъ и судныхъ функцій съ обширнымъ кругомъ метрическихъ записей и книгъ.

Московское 1-ое отдѣленіе V секціи государственнаго фонда слагается изъ архивовъ: 1) Межевой канцеляріи, 2) Чертежнаго архива, 3) Писцоваго архива; 4) архива Московской губернской чертежной, 5) Московскаго Удѣльнаго Округа, 6) Московско-Тверского управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, 7) канцеляріи окружного инспектора Московскаго Горнаго Округа, 8) гидромодульной части Московскаго воднаго управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, 9) центральной организаціи по изысканіямъ и работамъ въ верхнемъ, среднемъ и южномъ Поволжьѣ, 10) московскихъ губернской и уѣздной землеустроительныхъ комиссій, 11) управленія Московской заводской и аукціонной конюшни и 12) Московскаго комитета винодѣлія.

На ряду съ очень небольшими архивами мѣстнаго или областного характера, возникшими 7—10 лѣтъ тому назадъ, имѣются архивы съ громаднымъ количествомъ дѣлъ, которыя имѣютъ значеніе общегосударственное. Таковы прежде всего архивы Чертежной и Писцовой. Въ Чертежномъ архивѣ хранятся оригинальные планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній, межевыя книги, атласы, карты, экономическія примѣчанія, каталоги и алфавиты—являющіеся исключительнымъ по цѣнности матеріаломъ, который, кромѣ огромнаго научнаго значенія въ области исторіи государственнаго и народнаго хозяйства и исторической географіи, имѣетъ и текущій практическій интересъ въ виду коренного переустройства въ области земельныхъ отношеній. Писцовый архивъ насчитываетъ около 650.000 дѣлъ, представляющихъ собою дѣлопроизводство бывшихъ провинціальныхъ конторъ. Въ архивѣ центральной организаціи по изысканіямъ и работамъ въ верхнемъ, среднемъ и южномъ Поволжьѣ заключается очень много цѣнныхъ матеріаловъ по геологическимъ изысканіямъ, произведеннымъ съ 1913 года.

Въ составъ 2-го Московскаго отдѣленія V-й секціи Государственнаго Архивнаго Фонда входятъ архивы 18 московскихъ учрежденій, относящихся къ вѣдомствамъ б.: I) Министерства Финансовъ, II) Торговли и Промышленности и III) Государственнаго Контроля, а именно: 1) Казенной Палаты, 2) Губернскаго Казначейства, 3) Контрольной Палаты, 4) Конторы Государственнаго Банка, 5) Отдѣленія Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка, 6) Отдѣленія Крестьян-

скаго Поземельнаго Банка, 7) Государственной Сберегательной Кассы, 8) Ссудной Казны, 9) Московской Таможни, 10) Окружного Пробирнаго Управленія, 11) Повѣрочной Палаты торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, 12) Окружного Акцизнаго Управленія, 13) Губернскаго Акцизнаго Управленія, 14) Казеннаго Виннаго Склада № 1, 15) Казеннаго Склада № 3, 16) Хлѣбной Биржи, 17) Отдѣленія Совѣта Торговли и Мануфактуръ и 18) Биржевого Комитета.

Общее количество дѣлъ не поддается точному учету потому, что нѣкоторые большіе архивы—таможни, Биржевого Комитета, Хлѣбной Биржи, виннаго склада и др.—находятся въ хаотическомъ состояніи, и не имѣютъ описей, хотя потребность въ нихъ сознавали даже случайные люди, соприкасавшіеся съ архивнымъ матеріаломъ.

Хранятся нѣкоторые изъ перечисленныхъ архивовъ крайне неудовлетворительно: въ темныхъ и сырыхъ комнатахъ, въ подвалахъ, на чердакахъ, одинъ—въ лабазѣ, другой—въ Кремлевской башнѣ. Между тѣмъ въ Московскихъ архивахъ б. министерствъ Финансовъ, Торговли и Промышленности находятся цѣннѣйшіе матеріалы, объясняющіе многіе экономическіе и финансовые вопросы за послѣднее столѣтіе—періодъ наибольшаго роста и расцвѣта производительныхъ силъ государства. Исключительное значеніе въ этомъ отношеніи московскихъ архивовъ само собою понятно, особенно въ виду центральной и руководящей роли московскаго торговопромышленнаго раіона во всѣхъ проявленіяхъ экономической жизни страны.

Временно находятся въ Москвѣ и эвакуированные архивы Ломжинской, Петроковской и Лифляндской казенныхъ палатъ.

Въ составъ Московскаго 3-го отдѣленія V секціи Государственнаго архивнаго фонда входятъ архивы: 1) Правленія Московскаго Округа Путей Сообщенія, 2) Николаевской желѣзной дороги, 3) Московско-Курской, Нижегородской и Муромской желѣзныхъ дорогъ, 4) Александровской желѣзной дороги, 5) Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, 6) Контроля Московско-Курской, Нижегородской и Муромской желѣзныхъ дорогъ, 7) Контроля Александровской желѣзной дороги, 8) Контроля Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, 9) Контроля по строительнымъ операціямъ Общества Московско-Казанской желѣзной дороги, 10) Городской Станціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, 11) Правительственной инспекціи шоссейныхъ дорогъ, 12) Управленія Московскаго Почтово-Телеграфнаго округа, 13) Московскаго Почтамта и 14) Управленія Московскихъ городскихъ телеграфовъ и др.

Одинъ уже перечень архивныхъ фондовъ наглядно свидѣтельствуетъ, какой громадный по количеству (дѣла отдѣльныхъ архивовъ исчи-

сляются десятками тысячъ №№ или тысячами пудовъ) матеріалъ объединится въ 3-емъ отдѣленіи V секціи. Общегосударственное, а не мѣстное лишь значеніе этого отдѣленія, опредѣляется не столько тѣмъ, что въ него входятъ архивы находящихся въ Москвѣ управленій крупныхъ желѣзнодорожныхъ магистралей, обслуживающихъ обширныя территоріи, сколько тѣмъ, что Москва является центральнымъ узломъ пересѣченія основныхъ нитей въ сложной паутинѣ взаимнаго обмѣна между всѣми частями страны. Документы этихъ архивовъ цѣнны не своей древностью: они имѣютъ начальной датой, главнымъ образомъ, вторую половину XIX в. (въ Архивѣ Московскаго Почтамта, впрочемъ, хранятся дѣла въ копіяхъ съ 1722 г.). Помимо значенія этихъ документовъ для исторіи желѣзнодорожнаго и почтово-телеграфнаго дѣла въ узкомъ смыслѣ этого слова, они сберегутъ будущимъ историкамъ, соціологамъ и изслѣдователямъ народной жизни неоцѣнимый по полнотѣ и точности статистическій матеріалъ для изученія средствъ и путей человѣческаго взаимообщенія какъ внутри страны, такъ и во внѣшнихъ ея міровыхъ связяхъ и сношеніяхъ.

Положеніе почти всѣхъ указанныхъ выше архивовъ крайне неудовлетворительно. Въ ихъ задачу входитъ исключительно обслуживаніе узко-техническихъ требованій текущаго момента. Большинство архивовъ не имѣетъ опредѣленныхъ штатовъ служащихъ, а въ силу этого не имѣетъ и удовлетворительно составленныхъ описей хранящихся въ нихъ дѣлъ; помѣщенія носятъ случайный характеръ и не приспособлены для храненія дѣлъ. Въ лучшихъ случаяхъ архивы размѣщены въ 10, 5, 3 комнатахъ при томъ или иномъ учрежденіи, въ худшихъ—свалены на чердакахъ, въ подвалахъ, амбарахъ и сараяхъ, иногда даже за чертой города.

Главной составной частью I-го отдѣленія VI-ой секціи является Московскій Губернскій Архивъ старыхъ дѣлъ. Первоначально онъ состоялъ только изъ тѣхъ документовъ, которые съ 24 Марта 1823 года стали поступать изъ Московскихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, именно: Канцеляріи Московскаго Генералъ-Губернатора, Московскаго Губернскаго Правленія, Казенной Палаты, Дворянской Опеки, Сиротскаго Суда, Медицинской Конторы, Губернскаго Магистрата, Палаты Уголовнаго и Палаты Гражданскаго Суда, Надворнаго Суда (верхняго и нижняго), Уѣзднаго Суда, Совѣстнаго Суда, Верхней Расправы, Верхняго Земскаго Суда, Городского Юстицкаго Правленія, Словеснаго Суда, Коммерческаго Суда, Правленія 3-го округа Путей Сообщенія, Военной Канцеляріи, Цензурнаго Комитета; отъ нѣкоторыхъ другихъ инстанцій, а также нѣкоторыхъ временныхъ пра-

вительственныхъ комиссій. Въ концѣ XIX вѣка и началѣ XX сюда же поступали дѣла изъ Канцеляріи Московскаго Генералъ-Губернатора, Сиротскаго Суда, Коммерческаго Суда, Дворянской Опеки, Врачебной Управы и Губернскаго Правленія. Сейчасъ къ этой категоріи документовъ присоединяются бумаги изъ упраздненныхъ послѣ февральской революціи 1917 г. губернскихъ учрежденій.

Общее число дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Губернскомъ Архивѣ Старыхъ дѣлъ, въ 1897 году доходило до 2-хъ милліоновъ слишкомъ номеровъ (приблизительно 2.121.518). По учрежденіямъ, сдававшимъ въ архивъ свои старыя дѣла, матеріалъ архива располагается слѣдующимъ образомъ: наибольшее количество составляютъ дѣла канцеляріи Московскаго Генералъ-Губернатора (около 150.000), затѣмъ идутъ дѣла Губернскаго Правленія (около 125.000), далѣе— дѣла Губернскаго Магистрата (около 1147), Палаты Гражданскаго Суда (около 69.000) и т. д. Древнѣйшими документами архива нужно считать дѣла, относящіяся къ 1755 г. Вообще же дѣлъ XVIII вѣка здѣсь насчитывается около 30.000.

Губернскій Архивъ Старыхъ Дѣлъ для храненія архивныхъ документовъ обладалъ восемью помѣщеніями: три башни Китайской стѣны (башня у Воспитательнаго Дома, башня на Старой площади и Владимирская башня), 2 кладовыя во дворѣ Губернскаго Правленія и 2 башни Кремлевской стѣны (Никольская и Угольная Арсенальная) и полукруглая башня на Москворѣцкой набережной. Послѣдняя послѣ наводненія 1908 года, когда затоплены были хранившіяся тамъ дѣла, признана была совершенно негодной даже для временнаго храненія дѣлъ. Неудовлетворительность или даже негодность помѣщеній Архива давно признана всѣми и еще въ 1909 г., началось дѣло о постройкѣ новаго зданія для архива, доселѣ не получившее благопріятнаго разрѣшенія, несмотря на то, что не разъ отмѣчалась „массовая гибель документовъ отъ сырости и другихъ неустройствъ архивныхъ помѣщеній", указывалось, что „по сравненію... въ смыслѣ благоустройства съ архивами другихъ министерствъ, имѣющими прекрасно оборудованныя помѣщенія... онъ (Архивъ Старыхъ Дѣлъ) занимаетъ... послѣднее мѣсто несмотря на то, что онъ имѣетъ „массу цѣннаго и историческаго матеріала" и „заслуживаетъ особо внимательнаго и заботливаго... отношенія". Въ 1912 г. считалось вообще утерянными, погибшими отъ сырости, а также уничтоженными архивной Комиссіей (по инструкціи 19 Апр. 1904 г.), около 150.000 дѣлъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ дѣлъ, хранившихся въ Никольской и Арсенальской башняхъ Московскаго Кремля, погибло въ концѣ 1917 г. и началѣ 1918 г.

Постройка особаго зданія или подысканіе новаго помѣщенія для Архива является неотложной насущной потребностью. Онъ долженъ еще увеличиться вслѣдствіе присоединенія къ нему остатковъ фондовъ Губернскаго Правленія, Генералъ-Губернатора, Губернатора, Сиротскаго Суда и Воспитательнаго Дома, Полицейскаго архива и Московскаго Градоначальника.

2-ое московское отдѣленіе VI секціи Государственнаго Архивнаго фонда объединяетъ архивныя собранія слѣдующихъ московскихъ городскихъ и губернскихъ учрежденій: 1) Московскаго Городского Общественнаго Управленія, 2) Московскаго Особаго по Городскимъ Дѣламъ Присутствія, 3) Московскаго Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія, 4) Губернской и Уѣздной Земскихъ Управъ, 5) Московскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, 6) Московскаго Дворянства, 7) Московской Дворянской Опеки, 8) Купеческой Управы, 9) Мѣщанской Управы и 10) Московскаго Ямского Управленія.

Въ своей совокупности документы этихъ архивовъ даютъ богатѣйшій матеріалъ для историческаго изученія разныхъ сторонъ дѣятельности московскихъ земскихъ органовъ самоуправленія, московскаго городского самоуправленія, московскихъ сословныхъ учрежденій и т. д. Количество сохранившихся документовъ въ поименованныхъ учрежденіяхъ громадно, особенно въ Губернской Земской Управѣ, Московскомъ Городскомъ Общественномъ Самоуправленіи (2 зала въ зданіи Городской Думы и 1 этажъ въ Сухаревой башнѣ), Купеческой Управѣ (2 комнаты) и въ Мѣщанской Управѣ (до 11.000 дѣлъ, не менѣе 600 пудовъ).

Въ большей части названныхъ архивовъ дѣла находятся въ весьма неудовлетворительномъ видѣ. Необходимо отмѣтить, что октябрьскій переворотъ, уничтожившій сословныя и другія учрежденія, вызвалъ временное прекращеніе дѣятельности архивовъ этихъ учрежденій.

Такова общая структура секцій по Петрограду и Москвѣ.

V.

Наладивъ работу въ столицахъ, Главное Управленіе приступило уже ко второй своей грандіозной задачѣ—обслѣдованію и выясненію архивныхъ фондовъ въ провинціи. Вполнѣ ясно, что работа въ провинціи много сложнѣе работы въ центрахъ. Въ столицахъ нашлись культурныя силы, которыя оказалось возможнымъ привлечь къ строительной работѣ. Въ этомъ отношеніи провинція стоитъ въ несравненно худшихъ условіяхъ. Все пространство Республики охвачено сложными

стихійными переживаніями. Классовая борьба вызываетъ волненія, приводящія къ столкновеніямъ отдѣльныхъ группъ, къ уничтоженію стараго; огонь и разгромы охватили большинство населенныхъ мѣстъ страны. Старое, отжившее уничтожается, замѣняясь новыми очертаніями и контурами. Горятъ города и деревни, передвигаются и перемѣщаются учрежденія, выбрасываются и уничтожаются архивные фонды. Старыя учрежденія, вѣдавшія на мѣстахъ дѣлопроизводствами учрежденій и законченными архивными фондами, перестали и перестаютъ существовать. Главное Управленіе ищетъ людей, дѣятелей, работниковъ. Губернскія архивныя комиссіи во многихъ случаяхъ замерли. Если и въ прежніе годы дѣятельность большинства изъ нихъ, плохо поддерживаемая правительствомъ, не была выпукла и особенно плодотворна, то теперь она во многихъ случаяхъ замерла совершенно. Многіе прежніе дѣятели архивныхъ комиссій оказались выброшенными за бортъ современной жизни и лишены возможности работать. На помощь Главному Управленію Архивнымъ Дѣломъ идутъ на мѣстахъ новые люди и молодыя только что возникшія учрежденія. Это Отдѣлы народнаго образованія. Задачей Главнаго Управленія въ провинціи, задачей неотложной, является привлеченіе къ своему дѣлу новыхъ работниковъ, новыхъ учрежденій и возрожденіе къ обыкновенной работѣ тѣхъ прежнихъ учрежденій, которыя носятъ въ себѣ задатки жизни, которыя не отпали отъ архивнаго дерева, какъ отсохшія вѣтки. Предстоитъ въ этомъ отношеніи грандіозная строительная работа. Главнымъ Управленіемъ въ настоящее время детально разработанъ анкетный листъ, руководствуясь которымъ надлежитъ и на мѣстахъ производить учетъ архивныхъ фондовъ [1]). При выработкѣ этого анкетнаго листа приняты во вни-

[1]) Печатаемъ два анкетныхъ листа. Первый изъ нихъ разсылается въ тѣ учрежденія, которыя, обладая штатомъ служащихъ, могутъ дать обстоятельныя свѣдѣнія объ архивныхъ фондахъ. Второй предназначенъ для тѣхъ архивныхъ и дѣлопроизводственныхъ хранилищъ, гдѣ при заполненіи его придется пользоваться случайными работниками. Вотъ текстъ этихъ опросныхъ листовъ.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТЪ

Справочно-Статистическаго Отдѣла при Главномъ Управленіи Архивнымъ Дѣломъ.

1. Точное наименованіе учрежденія, въ составѣ котораго до 25-го Октября 1917 г. находились либо архивъ оконченныхъ дѣлъ, либо текущее дѣлопроизводство (широко разумѣя подъ послѣднимъ во всѣхъ пунктахъ, гдѣ оно упоминается, не только дѣла, уже подшитыя или сброшюрованныя, но и отдѣльные документы и разрозненныя бумаги, либо и то и другое).

2. Точный адресъ и номеръ телефона какъ самого учрежденія, такъ и имѣю-

маніе недочеты четырехъ анкетныхъ опросовъ, производившихся въ Россіи въ 1873 г., въ 1884 г., въ 1899 г. и въ 1914 г. Главное Управленіе нашло уже рядъ опредѣленныхъ работниковъ на мѣстахъ. Работы по выявленію и обереганію архивныхъ фондовъ начаты въ Сѣверной

щихся при немъ архива и дѣлопроизводства, а равно адресъ и телефонъ лица фактически вѣдающаго архивомъ и допускомъ къ нему.

3. Возникновеніе и компетенція наименованнаго учрежденія въ составѣ того вѣдомства (упраздненнаго или реорганизованнаго) или общественной организаціи, къ которымъ оно принадлежитъ (желательно, по возможности, привести также перечень названій учрежденія съ его основанія по 1917 г.).

4. Перемѣны, происшедшія съ архивомъ и дѣлопроизводствомъ учрежденія послѣ февральской революціи 1917 г.

5. Перемѣны, происшедшія съ архивомъ и дѣлопроизводствомъ учрежденія послѣ октябрьской революціи 1917 г.

6. Былъ ли архивъ или дѣлопроизводство полностью или частично эвакуированы во время первой эвакуаціи, бывшей въ Сентябрѣ и Октябрѣ 1917 г., и во время второй эвакуаціи, происходившей въ Мартѣ 1918 г.

7. Если эвакуація (полная или частичная) была произведена, то: а) куда, б) въ какомъ порядкѣ, в) какимъ способомъ, г) благополучно ли, д) гдѣ въ настоящее время дѣла находятся, е) въ какомъ помѣщеніи, и ж) въ какомъ состояніи.

8. Подъ чьимъ завѣдываніемъ находятся эвакуированные архивъ и дѣлопроизводство или части ихъ, каково отношеніе къ нимъ мѣстныхъ властей, и, въ частности, хозяевъ помѣщенія, въ которомъ находятся эвакуированныя дѣла; какая имѣется охрана и на чьи средства содержится.

9. Приняты ли мѣры къ возвращенію эвакуированныхъ дѣлъ и къ кому надо обращаться по вопросу о реэвакуаціи.

10. Вошли ли архивъ и дѣлопроизводство наименованнаго учрежденія въ Единый Государственный Архивный Фондъ и, если вошли, то въ какую Секцію и въ какое ея Отдѣленіе; въ какомъ положеніи засталъ ихъ декретъ 1 Іюня 1918 года (угрожаемость, отсутствіе охраны).

11. Подготовляются ли, въ связи съ этимъ присоединеніемъ, архивъ и дѣлопроизводство къ перевозкѣ въ другое помѣщеніе, перевезены ли, остаются ли временно въ прежнемъ помѣщеніи.

12. Были ли взяты въ расчетъ архивъ и дѣлопроизводство поименованнаго учрежденія при распредѣленіи архивовъ по Секціямъ и Отдѣленіямъ Архивнаго Фонда.

13. Каково помѣщеніе, въ которомъ нынѣ находятся архивы и дѣлопроизводства:

а) особое зданіе или отведенное въ зданіи помѣщеніе;

б) каменное или деревянное;

в) какой этажъ;

г) количество, площадь и высота комнатъ, служащихъ хранилищемъ и помѣщеніемъ (тѣхъ и другихъ отдѣльно) для занятій (служебныхъ и ученыхъ);

д) свѣтло ли и сухо ли помѣщеніе;

е) соотвѣтствуетъ ли оборудованіе помѣщенія требованіямъ архивной техники и въ какой степени (въ частности, какіе шкафы и полки);

и Московской областяхъ. Имѣются опредѣленные работники, которымъ даны инструкціи и нѣкоторыя средства, въ городахъ Петрозаводскѣ, Вологдѣ, Череповцѣ, Новгородѣ, Кирилловѣ, Кронштадтѣ, Ямбургѣ, Богородскѣ, Тулѣ, Курскѣ. Направлены работники въ Саратовъ, Ка-

---

ж) безопасно ли въ пожарномъ и техническомъ отношеніяхъ, а также въ отношеніи наводненія (какіе полы, есть ли своды, каково количество и расположеніе входовъ и лѣстницъ, каковы двери и окна, система печей, освѣщеніе, сосѣдство деревянныхъ построекъ, жилыхъ помѣщеній, квартиръ и опасныхъ въ пожарномъ отношеніи складовъ; имѣется ли служебное лицо, живущее при архивѣ и охраняющее его);

з) безопасно ли архивохранилище отъ расхищенія;

и) не было ли помѣщеніе архива кѣмъ либо использовываемо для склада и храненія вещей и предметовъ, не имѣющихъ отношенія къ архиву;

к) количество пыли въ хранилищѣ и въ помѣщеніи для занятій, лежитъ ли пыль только на дѣлахъ или и въ воздухѣ ощущается ея присутствіе.

14. Кому принадлежитъ зданіе, въ коемъ помѣщается архивъ, и въ чьемъ вѣдѣніи оно находится (комиссаріатъ, учрежденіе, городъ, общественная организація, монастырь, частное лицо и т. п.).

15. Какія временныя взаимоотношенія установились между ними и архивомъ послѣ введенія декрета о реорганизаціи архивнаго дѣла (выдача комиссаріату, учрежденію и т. п. дѣлъ и справокъ, удовлетвореніе хозяйственныхъ и канцелярскихъ нуждъ, пользованіе прислугой, освѣщеніемъ и телефонами, безпрепятственность входа въ зданіе и выхода изъ него служащихъ архива и т. п.).

16. Каково помѣщеніе, въ которое архивъ и дѣлопроизводство предназначено перевести для слія́нія ихъ съ другими архивами (отвѣты по такимъ же вопросамъ, какъ въ пунктахъ 13-омъ и 14).

17. Личный составъ архива:

а) списокъ лицъ штатныхъ и временнослужащихъ;

б) возрастъ;

в) семейное положеніе;

г) должность;

д) съ какого времени (годъ, мѣсяцъ и число) состоитъ на службѣ въ архивѣ.

Примѣчаніе. Если то или иное лицо до поступленія на службу въ данный архивъ служило въ другихъ архивахъ, то показать отдѣльно: съ какого времени—въ данномъ архивѣ и съ какого—вообще началась его архивная служба;

е) образовательный цензъ;

ж) знаніе иностранныхъ языковъ;

з) какими языками свободно владѣетъ;

и) печатные труды научно архивнаго характера;

к) какія отвѣтственныя работы исполнены по архиву за время службы.

Примѣчаніе 1-ое. По лит. а) нужно представить списокъ лицъ, свѣдѣнія же по остальнымъ литерамъ — дать въ видѣ приложеній о каждомъ лицѣ отдѣльно.

зань, Пермь. Созданъ штатъ инспекціи архивовъ. Во главѣ инспекціи, какъ главный инспекторъ архивовъ, сталъ проф. А. Е. Пресняковъ, привлекшій для Сѣверной области рядъ энергичныхъ работниковъ. Въ Москвѣ старшимъ инспекторомъ является знатокъ архивнаго дѣла,

Примѣчаніе 2-ое. Отвѣты на весь 17 вопросъ безусловно необходимы и отъ тѣхъ архивовъ, которые уже отвѣчали по аналогичнымъ пунктамъ запроса Справочно-Статистическаго Отдѣла отъ 3 Августа сего года, за № 1.

18. Есть-ли низшіе служащіе и сколько ихъ.

19. Случаи профессіональныхъ заболѣваній (экзема, въ особенности, кожи рукъ и головы, острый и хроническій конъюнктивитъ, ослабленіе и разстройство зрѣнія, острое и хроническое воспаленіе слизистой оболочки носа, горла и гортани, ревматизмъ, легочныя заболѣванія, послѣдствія несчастныхъ случаевъ во время работы и другія заболѣванія) при констатированіи врачемъ происхожденія таковыхъ, именно, на почвѣ архивной профессіи.

Примѣчаніе 1-ое. Если данное заболѣваніе и связь его съ архивной работой установлены не врачемъ, то это должно быть оговорено.

Примѣчаніе 2-ое. Отвѣтъ на 19-ый вопросъ требуется относительно служащихъ всѣхъ категорій, штатныхъ, временныхъ и низшихъ служащихъ.

20. Общее количество дѣлъ (сшитыхъ бумагъ, книгъ, столбцовъ, связокъ, отдѣльныхъ актовъ и проч.).

21. Дѣятельность какихъ учрежденій и за какіе годы отражаютъ дѣла.

22. Расположеніе дѣлъ (на полкахъ, въ шкафахъ, сундукахъ, картонахъ, мѣшкахъ, связкахъ, безпорядочныхъ грудахъ).

23. Правила и практика храненія дѣлъ.

24. Правила и практика уничтоженія дѣлъ.

25. Имѣются ли дѣла, предназначенныя къ уничтоженію до вступленія въ силу декрета 1 Іюня 1918 года; гдѣ и какъ они хранятся. Имѣются ли списки ранѣе уничтоженныхъ дѣлъ.

26. Количество дѣлъ, попорченныхъ или погибшихъ отъ непріятеля, пожаровъ, наводненій, разграбленій, подмоканія, разныхъ видовъ плѣсени, архивныхъ хищниковъ (мышей, крысъ, насѣкомыхъ и личинокъ послѣднихъ).

27. Количество дѣлъ, попорченныхъ или погибшихъ въ связи съ событіями революціи.

28. Внутреннее состояніе архива (всѣ ли дѣла разобраны и систематизированы, имѣются ли описи и алфавиты ихъ).

29. Правила и практика выдачи дѣлъ и справокъ: а) учрежденіямъ, б) частнымъ лицамъ (документовъ, формуляровъ и т. п.) и в) для научныхъ занятій (съ приведеніемъ, по возможности, цифровыхъ данныхъ о количествѣ выдачи дѣлъ и справокъ каждаго рода).

30. Имѣется ли при архивѣ справочная библіотека.

31. Имѣются ли при архивѣ спеціальныя учрежденія (комиссіи по описанію или изданію документовъ, комиссіи по разборкѣ дѣлъ, библіотечныя комиссіи, справочные органы и т. п.).

32. Изданія, выпущенныя какъ самимъ архивомъ, такъ и состоящими при немъ спеціальными учрежденіями (описанія документовъ, изданія документовъ,

работавшій въ рядѣ архивовъ и прекрасно знающій отдѣльные архивные фонды С. Б. Веселовскій. Послѣднимъ приглашенъ для Московской области рядъ энергичныхъ архивныхъ работниковъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія въ

сборники постановленій и распоряженій по данному вѣдомству, юбилейные изданія, историческіе обзоры и очерки вѣдомствъ учрежденій и архивовъ, оффиціальные отчеты, библіотечные каталоги, правила описанія дѣлъ, правила о порядкѣ храненія и уничтоженія дѣлъ, правила о разборѣ архивовъ, правила для занимающихся въ архивѣ, инструкціи для служащихъ въ архивѣ, различные проекты, касающіеся архивнаго дѣла, печатныя описи, алфавиты, карточки, ярлыки для наклеиванія на дѣла и проч.), а также изданія архивныхъ матеріаловъ, выпущенныя постороними учрежденіями и лицами.

Примѣчаніе 1-ое. Отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ отъ всѣхъ архивовъ, независимо отъ обращенія Справочно-Статистическаго Отдѣла отъ 6 Августа за № 7 съ просьбой о присылкѣ всѣхъ подобныхъ изданій.

Примѣчаніе 2-ое. Тѣ Отдѣленія Архивнаго Фонда, которыя еще не прислали своихъ изданій, благоволятъ прислать таковыя.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТЪ.

1. Имѣются ли въ вашей округѣ сколько—нибудь значительныя собранія старинныхъ (до 18 Іюля 1914 г., т. е. до начала войны) и новѣйшихъ (послѣ этого срока) документовъ губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ учрежденій; церковныхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ, крестьянскихъ и т. п.

2. Точное ихъ мѣстонахожденіе (губернія, уѣздъ, городъ, улица и домъ, или волость и селеніе).

3. Хотя бы приблизительное разстояніе собраній подобныхъ документовъ отъ ближайшихъ—желѣзнодорожной, телеграфной и почтовой станцій.

4. Въ случаѣ мѣстонахожденія старинныхъ документовъ въ селеніи, какая дорога (шоссейная, почтовая, проселочная и т. п.) ведетъ отъ него къ ближайшей желѣзнодорожной станціи.

5. Каково приблизительное количество документовъ, хранящихся въ данномъ мѣстѣ (отдѣльныхъ дѣлъ, связокъ, ящиковъ и т. п.).

6. Не портятся ли документы отъ храненія въ неподходящемъ помѣщеніи (отъ дождя, снѣга, сырости, возможности пожара и т. д.).

7. Нѣтъ ли возможности перенести ихъ въ болѣе подходящее помѣщеніе и какое именно (сухой сарай, отапливаемая, но не жилая изба и пр.).

8. Находятся ли документы подъ охраной какого либо учрежденія или должностного лица.

9. Наблюдаетъ ли кто нибудь въ дѣйствительности за цѣлостью всего собранія документовъ.

10. Къ какому должностному лицу или учрежденію слѣдуетъ обращаться съ просьбой объ охранѣ собранія документовъ.

11. Какому лицу или учрежденію можетъ быть поручено дѣйствительное наблюденіе на мѣстѣ за цѣлостью собранія документовъ.

12. Не имѣется ли новѣйшихъ бумагъ, касающихся эпохи войны (напр., дѣлъ воинскихъ учрежденій, частныхъ писемъ съ фронтовъ и на фронтъ и т. д.)

сѣти городовъ устроилъ съѣзды для дѣятелей единой трудовой школы. На съѣзды съѣхались учителя первой и второй ступеней школы. Архивное Управленіе широко использовало учительскіе курсы для популяризаціи идеи архивнаго строительства. На курсы въ различные города командированы были опытные архивисты, читавшіе лекціи по архивоведенію [1]). Необычайно отрадное впечатлѣніе вынесли лекторы изъ общенія съ аудиторіями: народный учитель понялъ всю культурную важность начатаго дѣла, съ охотой взялъ анкетный листъ, обѣщалъ всякую помощь въ обереганіи и спасеніи архивныхъ фондовъ на мѣстахъ. Предстоитъ въ концѣ Апрѣля 1919 года въ Петроградѣ съѣздъ представителей отдѣловъ народнаго образованія, который въ образуемой спеціальной архивной секціи будетъ широко использованъ для архивнаго строительства.

Съ первыхъ шаговъ дѣятельности Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ центральной его заботой является забота о созданіи кадра работниковъ спеціалистовъ по архивному дѣлу. Въ настоящее время въ отдѣленіяхъ секцій мы имѣемъ двѣ категоріи работниковъ спеціалистовъ (прежніе архивы этихъ двухъ категорій почти не знали и не различали). Это—архиваріусы и архивисты. Архиваріусъ—хранитель архивнаго дѣла, архивистъ—лицо, научно обрабатывающее архивный матеріалъ. Временные штаты, выработанные Главнымъ Управленіемъ, разграничиваютъ обѣ категоріи служащихъ. Первая категорія (со спеціальной теоретической и практической архивной подготовкой) распадается на помощниковъ архиваріуса, архиваріусовъ и старшихъ архиваріусовъ. Архиваріусы ссбираютъ архивныя дѣла, приводятъ во внѣшній порядокъ и хранятъ ихъ. Вторая категорія служащихъ состоитъ изъ помощниковъ архивиста, архивистовъ и старшихъ архи-

---

13. Не имѣется ли новѣйшихъ бумагъ, касающихся событій обѣихъ революцій (февральской и октябрьской), какъ напримѣръ: бумагъ совдеповъ, рабочихъ и крестьянскихъ союзовъ и организацій, воинскихъ, земельныхъ и революціонныхъ комитетовъ, сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ кооперативовъ и другихъ подобныхъ организацій.

Примѣчаніе. При отвѣтахъ о новѣйшихъ бумагахъ, упомянутыхъ въ вопросахъ 12 и 13, желательны также отвѣты по вопросамъ 2—11.

Отвѣты на эти вопросы благоволите прислать по адресу: Петроградъ, наб. Краснаго Флота, 6. Англійская наб., 4, Справочно-Статистическій Отдѣлъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ.

[1]) И. Л. Маяковскій прочелъ лекціи въ Череповцѣ и Вологдѣ, А. С. Николаевъ въ Кронштадтѣ, Новгородѣ и Ямбургѣ, В. В. Снигиревъ въ Петроградѣ и Петрозаводскѣ.

вистовъ. Эти лица съ высшимъ образованіемъ и со спеціальной архивной подготовкой. Они работаютъ надъ документами, подготовляя ихъ къ пользованію изслѣдователями-историками. Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ, озабоченное созданіемъ кадра спеціалистовъ архивнаго дѣла—архиваріусовъ и архивистовъ, устроило въ Петроградѣ, а затѣмъ устраиваетъ и въ Москвѣ спеціальные архивные курсы. Въ Петроградѣ эти курсы открылись при Археологическомъ Институтѣ 31 Августа прошлаго года. Петроградскіе курсы привлекли много желающихъ работать: записалось слушателей до 300 человѣкъ. Часть изъ нихъ откомандирована отдѣленіями секцій, часть вольнослушатели. Курсъ распадается на слѣдующія спеціальныя дисциплины: архивоведеніе (теорія и практика архивнаго дѣла), архивовѣдѣніе (исторія и законодательство архивнаго дѣла на Западѣ въ Россіи), исторія учрежденій центральныхъ и мѣстныхъ съ конца 17-го вѣка, дипломатика государственныхъ и частныхъ актовъ. На курсахъ читаютъ лекціи историки и архивисты, въ томъ числѣ профессора С. Ф. Платоновъ, А. Е. Пресняковъ, М. А. Поліевктовъ, Е. В. Тарле, О. А. Добіашъ-Рождественская, И. И Любименко, Г. Ф. Церетелли, В. Л. Гофманъ, академики: М. А. Дьяконовъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. В. Бартольдъ, архивисты практики: И. А. Блиновъ, Г. А. Князевъ, В. Н. Кунъ, А. И. Лебедевъ, А. Н. Макаровъ, И. Л. Маяковскій, А. С. Николаевъ, С. А. Розановъ, В. В. Снигиревъ, Н. П. Черепнинъ, докторъ А. А. Садовъ, библіотекарь Б. П. Гущинъ и директоръ Русскаго Музея А. А. Миллеръ. Завѣдующимъ курсами состоитъ, по избранію Археологическаго Института, управляющій I отдѣленіемъ IV секціи Государственнаго Архивнаго Фонда А. С. Николаевъ. Лекціи записываются спеціально приглашенными для этой цѣли лицами. Въ результатѣ будетъ напечатанъ цѣлый рядъ курсовъ, который возможно будетъ широко распространить по провинціи, давъ въ руки мѣстныхъ архивныхъ дѣятелей теоретическое и практическое руководство по архивному дѣлу. Къ концу Декабря закончился теоретическій курсъ и съ Января по Май мѣсяцъ предположены практическія занятія по архивному дѣлу въ отдѣленіяхъ секцій. Эти послѣднія будутъ заключаться въ изученіи разнаго рода и типа дѣлопроизводствъ, въ самостоятельныхъ работахъ учащихся по печатнымъ справочникамъ и пособіямъ, описямъ и алфавитамъ, въ слушаніи лекцій по исторіи тѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, дѣятельность которыхъ отражаютъ соотвѣтственные архивные фонды, въ экскурсіяхъ по отдѣленіямъ секцій. Московское областное управленіе открываетъ въ Ноябрѣ вечерніе безплатные полугодичные архивные курсы и практическія занятія по архивовѣдѣнію и

архивоведенію, а равно и соприкасающимся къ нимъ дисциплинамъ съ цѣлью подготовки кадра ученыхъ архивистовъ для обслуживанія реформированныхъ архивныхъ учрежденій. Были намѣчены слѣдующіе курсы: исторія центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій Россіи 15—19 вѣковъ (проф. А. Н. Филипповъ); историческая географія Россіи со времени образованія Московскаго государства (проф. М. К. Любавскій); памятники русскаго права въ связи съ ихъ терминологіей (проф. А. Н. Филипповъ и П. А. Бѣляевъ); обзоръ источниковъ русской исторіи, памятники повѣствовательнаго характера (С. В. Бахрушинъ); курсъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ архивахъ и ихъ составѣ (проф. Ю. В. Готье); внѣшняя исторія русскихъ архивовъ съ 16-го вѣка (проф. С. Б. Веселовскій); англійскіе, нѣмецкіе, шведскіе и варшавскіе архивы (профессора: А. Н. Савинъ, Д. Н. Егоровъ, Ю. В. Готье, Д. В. Цвѣтаевъ); фактическая постановка техники архивнаго дѣла на Западѣ и въ Россіи—централизація архивовъ и принципы научнаго архивоведенія (Н. В. Рождественскій); дипломатика съ добавленіемъ свѣдѣній по сфрагистикѣ и хронологіи (Е. А. Косминскій, Н. Н. Ардашевъ и Н. П. Лихачевъ); актовый языкъ (академикъ А. И. Соболевскій); палеографія (акад. А. И. Соболевскій); метрологія и нумизматика (А. В. Орѣшниковъ); обзоръ иностранной археографіи и изданій документовъ (проф. Д. Н. Егоровъ); обзоръ русской археографіи и изданій документовъ (проф. А. И. Яковлевъ). Практическія занятія предположены въ 3-мъ отдѣленіи I секціи (бывш. архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) и въ I-мъ отдѣленіи II секціи (б. Архивъ Министерства Юстиціи). Надо надѣяться, что съ половины настоящаго года Главное Управленіе будетъ имѣть уже въ своемъ распоряженіи нѣкоторый кадръ подготовленныхъ практиковъ—спеціалистовъ по архивному дѣлу.

Въ Главномъ Управленіи съ 1 Іюня шла спѣшная организаціонная работа. Прошлое не оставило никакой общей организаціи въ постановкѣ архивнаго дѣла: страна имѣла лишь отдѣльные вѣдомственные архивы, существованіе которыхъ опредѣлялось отдѣльными положеніями и инструкціями, выработанными отдѣльными вѣдомствами. Намѣченная реорганизація всего архивнаго дѣла въ предѣлахъ Совѣтской Республики потребовала стройно намѣченнаго плана центральныхъ и мѣстныхъ органовъ. Въ составѣ Главнаго Управленія было создано центральное управленіе архивнымъ дѣломъ всей Совѣтской Республики. Первоначально предполагалось распредѣлить страну на рядъ отдѣльныхъ областныхъ управленій, изъ которыхъ каждое должно вѣдать архивные фонды своей области. Намѣтились предѣлы двухъ областей: Сѣверной,

охватывающей 11 губерній—Архангельскую, Сѣверо-Двинскую, Вологодскую, Олонецкую, Вятскую, Петроградскую, Новгородскую, Череповецкую, Псковскую, Тверскую и Витебскую,—и Московской, охватывающей предѣлы 14 губерній: Московской, Владимірской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Орловской, Тульской, Калужской, Курской, Смоленской и Воронежской. Въ дальнѣйшемъ центрами областей намѣчены были Казань, Пермь и Саратовъ. Но опытъ показалъ чрезмѣрную громоздкость подобной организаціи. Главное Управленіе пришло къ выводу, что болѣе правильной должна быть признана иная постановка дѣла. Въ основѣ управленія архизнымъ дѣломъ на мѣстахъ должна быть положена организація губернскихъ архивныхъ фондовъ, сконцентрированныхъ въ порядкѣ завѣдыванія ими къ одному центральному хранилищу мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ—губернскому архиву. Разработка раціональной организаціи и постановки архивнаго дѣла въ провинціи съ привлеченіемъ мѣстныхъ культурныхъ силъ—очередная задача Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ. Вся организаціонно-распорядительная работа въ настоящее время производится временнымъ комитетомъ, въ составъ котораго вошли представители Главнаго Управленія и отдѣленій секцій государственнаго фонда. Высшимъ органомъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ былъ намѣченъ Совѣтъ, въ составъ котораго включены: завѣдующій Главнымъ Управленіемъ Архивнымъ Дѣломъ въ качествѣ предсѣдателя, главный инспекторъ архивовъ и другіе архивные дѣятели Петрограда, Москвы и провинціи, а равно представители отъ Россійской Академіи Наукъ, Археографической Комиссіи и Россійскихъ Университетовъ.

Съ 1 Іюня по 25 Октября 1918 г. Главное Управленіе спѣшно разрѣшало текущія, неотложныя, выдвигавшіяся жизнью и обстоятельствами разнообразныя стороны архивной жизни. Первое мѣсто заняли, конечно, тѣ стороны, которыя выдвинула жизнь и которыя, въ виду необходимости спасенія архивныхъ фондовъ, отложить и отодвинуть оказалось невозможнымъ. Въ планомѣрное устроеніе архивной жизни все время врѣзались клиномъ вопросы о сохраненіи въ цѣлости угрожаемыхъ архивовъ. Жизнь повелительно ставитъ требованія розыскивать угрожаемые архивные фонды, принимать экстренныя мѣры къ ихъ охранѣ, подыскивать хотя бы временныя помѣщенія для ихъ храненія и изыскивать способы перевозки. Въ этомъ отношеніи существенна роль организаціонно-хозяйственнаго отдѣла Главнаго Управленія. При Главномъ Управленіи созданъ рядъ артелей изъ безработныхъ: артель перевозочная, переносочная, деревообдѣлочная. Спа-

сеніе угрожаемаго архива сводится по существу къ необходимости спѣшно приготовить его къ перевозкѣ, спѣшно перевезти, спѣшно устроить въ новомъ помѣщеніи, расположивъ дѣла хотя бы такъ, чтобы ими можно было бы пользоваться для выдачи необходимыхъ и неотложныхъ текущихъ справокъ. Въ этомъ отношеніи артели помогли перевести рядъ архивныхъ фондовъ и оборудовать временныя помѣщенія для ихъ храненія. Неопредолимыя затрудненія въ Петроградѣ при спасеніи угрожаемыхъ архивовъ ставило и ставитъ ужасающее состояніе перевозочныхъ средствъ: полное почти отсутствіе лошадиной силы и невозможность достать бензинъ или его суррогаты разрушили весь стройный планъ перевозочной организаціи, продуманный и разработанный организаціонно-хозяйственнымъ отдѣломъ. Пришлось прибѣгать къ всевозможнымъ способамъ перевозки и переноски. Приходится людямъ работать въ крайне тяжелыхъ гигіеническихъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи необходимо засвидѣтельствовать о героическихъ усиліяхъ, проявляемыхъ работниками какъ отдѣленій, такъ и артели, образованной при Главномъ Управленіи. Приводимая ниже справка о дѣятельности хозяйственно-организаціоннаго отдѣла, руководимаго М. Ф. Селюкомъ, даетъ цифровыя данныя для сужденія о томъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи Главнымъ Управленіемъ.

Хозяйственно-организаціонный отдѣлъ въ составѣ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ по роду и характеру выполняемыхъ имъ функцій распадается на двѣ части—хозяйственную и организаціонную, и находится въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ высшимъ хозяйственнымъ органомъ Народнаго Комиссаріата по просвѣщенію—бывшимъ Комиссаріатомъ Имуществъ Республики.

Въ хозяйственной своей части данный отдѣлъ вѣдаетъ всѣми хозяйственными дѣлами, касающимися какъ самого Главнаго Управленія, такъ и входящихъ въ составъ Единаго Государственнаго Архивнаго Фонда секцій и отдѣленій. Кругъ обязанностей, задачъ и вопросовъ, которые приходится рѣшать въ этой области отдѣлу, весьма разнообразенъ. Прежде всего—это тѣ вопросы, которые такъ или иначе связаны съ необходимостью заново оборудовать помѣщенія для поступающихъ въ вѣдѣніе Главнаго Управленія архивныхъ фондовъ, а также и приспособить старыя хранилища сообразно съ увеличеннымъ масштабомъ и требованіями происходящей коренной реформы всего архивнаго дѣла.

Крупныя строительныя работы и мелкій ремонтъ, поддержаніе помѣщеній въ чистотѣ и порядкѣ, забота объ отопленіи и освѣщеніи зданій, сношеніе по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ съ соотвѣт-

ствующими органами, учрежденіями и лицами, полученіе необходимыхъ авансовъ и непосредственное расходованіе отпущенныхъ кредитовъ, наконецъ, контроль надъ всѣми счетами, представляемыми для оплаты въ Главное Управленіе,—таковы тѣ разнообразныя функціи, которыя приходится осуществлять хозяйственно-организаціонному отдѣлу по части собственно хозяйственной.

Что же касается части организаціонной, то здѣсь отдѣлъ является отвѣтственнымъ руководящимъ центромъ по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ процессомъ охраны на мѣстахъ и концентраціи разрозненныхъ архивныхъ фондовъ въ Единый Государственный Архивный Фондъ. Ближайшимъ образомъ въ его вѣдѣніи находится вся эвакуація и реэвакуація архивовъ, библіотекъ, упраздненныхъ дѣлопроизводствъ, отдѣльныхъ документовъ и т. п., находящихся на территоріи Петроградской Трудовой Коммуны и предназначенныхъ для объединенія въ ту или иную секцію.

Помимо личнаго постояннаго состава канцеляріи отдѣлъ располагаетъ возможностью временно организовывать группу поденныхъ работниковъ, которые спеціально предназначаются для работъ по охранѣ и эвакуаціи архивныхъ фондовъ Численный ея составъ видоизмѣняется въ зависимости отъ размѣровъ тѣхъ требованій и задачъ, которыя въ данной области приходится рѣшать отдѣлу.

Періодъ возникновенія Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ совпалъ съ періодомъ настоятельной необходимости, съ одной стороны, принять экстренныя мѣры по охранѣ и спасенію гибнущихъ, послѣ бывшихъ политическихъ переворотовъ, архивныхъ сокровищъ, а съ другой—съ острымъ періодомъ безработицы. Преслѣдуя двоякую цѣль—эвакуацію архивныхъ фондовъ и оказаніе соціальной помощи безработнымъ, завѣдующій Главнымъ Управленіемъ въ комиссіи по борьбѣ съ безработицей выхлопоталъ для указанной цѣли, согласно представленной смѣтѣ, кредиты въ размѣрѣ 988.060 руб. Такимъ образомъ, создана была возможность приступить къ организаціи работъ въ широкихъ размѣрахъ. Эти работы по эвакуаціи архивныхъ фондовъ, на которыя привлечена была главнымъ образомъ нуждающаяся интеллигенція, производились въ теченіе шести мѣсяцевъ и, какъ видно изъ подробнаго отчета, представленнаго хозяйственно-организаціоннымъ отдѣломъ по этому вопросу, дали возможность оказать существенную матеріальную поддержку 400 безработнымъ при среднемъ ежедневномъ заработкѣ каждаго въ размѣрѣ 20 рублей.

За указанный періодъ эвакуаціи было охранено на мѣстахъ и подготовлено къ эвакуаціи 3.505.000; эвакуировано въ другія помѣщенія,

главнымъ образомъ въ зданія бывшихъ Сената и Синода, отведенныя, какъ центральное хранилище, для Единаго Государственнаго Архивнаго Фонда—3.606.000, а всего охранено и подготовлено къ эвакуаціи и эвакуировано 7.011.000 архивныхъ дѣлъ, отдѣльныхъ изданій, книгъ и проч.

Вмѣстѣ съ архивными дѣлами приходилось эвакуировать также и всѣ тѣ приспособленія (въ видѣ шкафовъ самой разнообразной конструкціи, стеляжей и т. п.), которыя были предназначены для храненія дѣлъ.

Всего было эвакуировано вмѣстѣ съ дѣлами 1454 архивныхъ шкафа, изъ которыхъ 1.309 оказались разборными и потребовали при эвакуаціи спеціальныхъ техническихъ работъ по разборкѣ на мѣстѣ, перевозкѣ, сборкѣ и установкѣ въ новомъ помѣщеніи. Деревянныхъ стеляжей (при среднемъ размѣрѣ: 6 аршинъ—длина, 5—высота и ширина—двѣ доски) было эвакуировано 74.

На охрану, подготовку къ эвакуаціи и самую эвакуацію указаннаго количества (7.011.00) томовъ архивныхъ дѣлъ, изданій, книгъ и проч. было истрачено—300.000 р. при значительной экономіи по сравненію съ той смѣтой, согласно которой были отпущены кредиты въ размѣрѣ 988.060 руб., разсчитанные на эвакуацію 6.000.000 томовъ дѣлъ.

По отдѣльнымъ рубрикамъ расходы по эвакуаціи распадаются слѣдующимъ образомъ:

1. Оплата труда при эвакуаціи архивныхъ фондовъ	198.444 р.	29 к.
2. Оплата транспорта	12.010 »	80 »
3. Оплата разнаго рода техническихъ работъ .	55.545 »	50 »
4. Упаковочные матеріалы и всѣ хозяйственные расходы, связанные съ эвакуаціей .	33.999 »	41 »

Конкретные результаты работы во всякомъ случаѣ налицо: спасено громадное число брошенныхъ съ Октября 1917 г. дѣлъ, валявшихся безъ призора въ разныхъ учрежденіяхъ; дѣла эти сконцентрированы въ безопасныхъ помѣщеніяхъ; расположены такъ, что возможно удовлетворять справками учрежденія и отдѣльныхъ лицъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда оказалось совершенно невозможнымъ, за полнымъ отсутствіемъ транспорта, произвести перевозку, дѣла подъ прежними крышами снесены въ болѣе безопасныя помѣщенія. Обслѣдованіе отдѣльныхъ учрежденій дало возможность сдѣлать уже рядъ цѣннѣйшихъ находокъ: найдены, наприм., подлинные высочайшіе указы со времени Екатерины II, дѣло о князѣ Меншиковѣ, бумаги Д. П. Тро-

щинскаго, патера Грубера, подлинныя бумаги Екатерины II, касательно комиссіи по составленію уложенія, черновикъ наказа, документы, относящіеся до вопроса о престолонаслѣдіи при Александрѣ I, рядъ папскихъ буллъ, относящихся къ 13—18 вѣкамъ, цѣлый рядъ рукописей, содержащихъ въ себѣ неизвѣстныя до настоящаго времени и находившіяся подъ запретомъ цензуры произведенія ряда писателей и т. д. Въ ближайшіе дни русское общество получитъ напечатанными рядъ произведеній русскихъ классиковъ, до настоящаго времени не попавшихъ въ печать. Въ первомъ томѣ выходящаго въ свѣтъ Литературнаго Архива, издаваемаго I отдѣленіемъ IV секціи, будутъ помѣщены неизвѣстныя доселѣ русскому читателю новыя произведенія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова и мног. другихъ писателей и публицистовъ; будутъ даны и обильные историко-литературные матеріалы, характеризующіе жизнь и творчество литературныхъ работниковъ. Принятыя отдѣленіями архивныя сокровища далеко еще не разобраны. Реорганизація архивнаго дѣла въ ближайшее время передъ русскимъ обществомъ и учеными обнаружитъ большія культурныя сокровища, валявшіяся въ полномъ смыслѣ этого слова и обреченныя на безусловную погибель.

Въ составѣ Главнаго Управленія съ Іюня мѣсяца, какъ постоянный органъ, работало совѣщаніе управляющихъ отдѣленій секцій Государственнаго Фонда. Органъ этотъ, не предусмотрѣнный проектомъ положенія о Главномъ Управленіи, вызванъ былъ къ дѣятельности самою жизнью. Явилась острая необходимость при участіи практиковъ спеціалистовъ координировать дѣйствія отдѣленій секцій. На совѣщанія управляющихъ стали приходить представители отъ секціи, возникавшихъ въ составѣ Главнаго Управленія Отдѣловъ, архитекторъ, приглашенный для разработки гигіеническихъ вопросовъ архивной жизни врачъ, представители законодательнаго отдѣла, справочно-статистическаго и, наконецъ, выявившіеся на дѣлѣ работники въ отдѣленіяхъ. Совѣщанія Управляющихъ приступили къ планомѣрной разработкѣ ряда законодательныхъ и научно-техническихъ сторонъ архивной жизни. Вопросы ставитъ сама жизнь, ибо прошлое оставило лишь тѣ законодательныя нормы архивной жизни, которыя утратили рѣшительно всякое значеніе. Собраніе Управляющихъ собираетъ матеріалъ, намѣчаетъ основные вопросы, выдѣляетъ комиссіи для детальнаго ихъ изученія и разрабатываетъ проекты. Рядъ вопросовъ уже разработанъ, рядъ поставленъ на разработку; устройство отдѣленій, ихъ составныя части, прохожденіе архивной службы, обязанности, которыя падаютъ на разныя категоріи служащихъ, устройство настоя-

тельно необходимыхъ для ученыхъ работниковъ вечернихъ занятій въ архивахъ, выдача текущихъ справокъ, междувѣдомственный обмѣнъ справками, выдѣленіе изъ массы архивныхъ дѣлъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣли ни историческаго значенія, ни значенія для текущаго дѣлопроизводства, правила для работающихъ въ архивахъ, способы наилучшаго храненія архивныхъ дѣлъ, способы выдѣленія изъ архивныхъ дѣлъ лишней бумаги, рѣшеніе цѣлаго ряда архивно-гигіеническихъ вопросовъ, способы пропаганды архивнаго строительства на мѣстахъ, изученіе отдѣльныхъ архивныхъ фондовъ, анкетный матеріалъ и т. д.—вотъ рядъ сторонъ архивной жизни, который поставленъ на рѣшеніе, разрѣшается и въ ближайшее время будетъ разрѣшенъ. Матеріалы, собранные совѣщаніемъ, и проекты, имъ намѣченные, вносятся во временный Комитетъ Главнаго Управленія.

Вся текущая повседневная жизнь проходитъ черезъ Комитетъ, руководимый замѣстителемъ завѣдующаго Главнымъ Управленіемъ. Расходованіе денежныхъ средствъ, ассигнованіе на текущія нужды, вопросы организаціонные, возникающіе въ составѣ Главнаго Управленія, перевозочныя средства, сношенія съ разными органами центральной и мѣстной власти, заслушиваніе отчетовъ по текущей работѣ, производящейся въ столицахъ и провинціи и т. д., составляютъ объектъ занятій систематически происходящихъ засѣданій Комитета.

Въ составѣ Главнаго Управленія образовался справочно-статистическій отдѣлъ, намѣтившій стройный планъ обслѣдованія архивныхъ фондовъ, собиранія о нихъ систематическихъ данныхъ и обработки поступающихъ разными путями свѣдѣній о состояніи архивныхъ фондовъ. Въ составѣ статистическаго отдѣла ведутся работы въ трехъ направленіяхъ: во-первыхъ, по собиранію свѣдѣній и обработки ихъ о русскихъ архивахъ, во-вторыхъ, по собиранію свѣдѣній и обработки ихъ по западно-европейскимъ архивамъ и въ-третьихъ, по собиранію печатнаго матеріала, отражающаго въ себѣ данныя о русскихъ и иностранныхъ архивахъ. Справочно-статистическій отдѣлъ ставитъ ближайшею своею цѣлью выпускъ въ свѣтъ печатныхъ путеводителей прежде всего по отдѣленіямъ Петрограда и Москвы, а затѣмъ и провинціи.

Въ составѣ Главнаго Управленія работаетъ архитекторская часть и спеціально приглашенный для ряда наблюденій въ области архивной гигіены врачъ-спеціалистъ. Надо замѣтить, что архивное прошлое абсолютно пренебрегало устройствомъ сколько-нибудь сносныхъ въ пожарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ архивныхъ хранилищъ. Мы имѣемъ единичные случаи тѣхъ архивныхъ зданій, которыя сколько-

нибудь приспособлены для храненія архивныхъ дѣлъ съ точки зрѣнія пожарной и технической. Не имѣется даже въ большинствѣ случаевъ плановъ зданій, въ которыхъ хранятся дѣла. Когда происходитъ нагрузка архивныхъ помѣщеній, совершенно открытымъ остается вопросъ о томъ, выдержитъ ли то или иное зданіе огромный грузъ, который представляетъ собою кипы архивныхъ дѣлъ. Служба архивныхъ работниковъ протекаетъ въ невѣроятно тяжелыхъ гигіеническихъ условіяхъ: сырость, пыль, копившаяся въ дѣлахъ десятками лѣтъ, переноска тяжестей, полная неприспособленность помѣщеній для работы,—вотъ тѣ условія, въ которыхъ работаетъ труженикъ-архивистъ. Заболѣваемость среди архивныхъ работниковъ огромная. Врачъ спеціалистъ и организація черезъ больничныя кассы врачебной помощи должны придти навстрѣчу архивному труженику, работа котораго протекаетъ въ столь тяжелыхъ условіяхъ. Настоятельна задача для врача-гигіениста и бактеріолога освѣтить всѣ эти стороны архивнаго быта.

Собираніе разбросанныхъ архивныхъ фондовъ поставило Главное Управленіе передъ необходимостью заботиться и о спасеніи ряда библіотекъ, офиціальныхъ и частныхъ матеріаловъ, оставшихся въ наслѣдіе отъ прежнихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, и цѣлаго ряда печатныхъ изданій, издававшихся въ разные моменты учрежденіями и валявшимися безъ всякаго учета въ складахъ, никѣмъ не охраняемыхъ и иногда незапертыхъ. Въ Главномъ Управленіи положено начало соціально-юридической библіотеки, надъ созданіемъ которой и спасеніемъ отдѣльныхъ библіотекъ, неразрывно связанныхъ съ архивными фондами, работаетъ спеціальная библіотечная комиссія. При библіотекѣ, какъ особый отдѣлъ, намѣчено учрежденіе, въ которомъ систематически будутъ сосредоточены отдѣльные печатные офиціальные матеріалы прошлаго.

Условія, въ которыхъ протекаетъ повседневная работа тружениковъ архивнаго дѣла, вызвали въ жизни образованіе профессіональнаго союза, поставившаго себѣ цѣлью охранять духовныя и матеріальныя нужды архивныхъ служащихъ.

VI.

И такъ, что же сдѣлано Главнымъ Управленіемъ съ 1 Іюня по 25 Октября 1918 г.?

Сдѣлана прежде всего огромная организаціонная работа. Изъ ничего, изъ пустого мѣста, выросло учрежденіе, поставившее своей задачей спасти, охранить, упорядочить, подготовить для научной работы

архивные фонды, разбросанные по всей территоріи Совѣтской Республики. Найдены и установлены принципы организаціи всего дѣла. Спасены архивныя дѣла, фактически спасены отъ гибели. Цифра спасенныхъ дѣлъ не можетъ быть учтена пока съ полною точностью, но она уже по поступившимъ отчетамъ можетъ быть измѣряема нѣсколькими милліонами. Сдѣланъ рядъ цѣннѣйшихъ въ историческомъ отношеніи находокъ, которыя прольютъ новый свѣтъ на историческое прошлое. Возобновлена и вновь намѣчена широкая научно-издательская дѣятельность: кромѣ періодическаго органа, предполагается изданіе ряда научныхъ описаній архивныхъ фондовъ и сборниковъ, содержащихъ въ себѣ вновь открытыя культурныя сокровища.

Въ короткій срокъ сдѣлано много и сдѣлано въ невѣроятно тяжелой обстановкѣ. Сдѣлать это было лишь возможно при беззавѣтной любви историковъ и архивистовъ къ историческому документу.

А. Николаевъ.

АРХЕОГРАФИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ПО ДОКУМЕНТАМЪ РАЗРЯДА, ХРАНЯЩИМСЯ ВЪ Б. МОСКОВСКОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ [1]).

I. Архивное нестроеніе.

Описаніе Разряднаго архива имѣетъ свою трехвѣковую исторію. Страшный пожаръ 3 Мая 1626 года, скрывшій отъ насъ подъ грудами пепла почти весь начальный періодъ исторіи Разряда, въ то же время подарилъ насъ первымъ образцомъ описи всей „вынесенной“ изъ огня документальной наличности этого приказа [2]). Сорокъ лѣтъ спустя, „подъ смотрѣніемъ“ начальника Разряда думнаго дьяка Дементія Минича Башмакова была произведена общая перепись всѣхъ дѣлъ Разряднаго архива. Наравнѣ съ дошедшими до насъ результатами этихъ экстренныхъ валовыхъ переписей [3]) мы имѣемъ образцы описей XVII вѣка и въ отдѣльныхъ книгахъ и столбцахъ. Описи, подобныя „Башмаковской“, представляютъ драгоцѣнные источники для исторіи Разряда, для ознакомленія съ его организаціей и компетенціей, незамѣнимыя пособія для изученія старой приказной терминологіи. Но, очутившись въ разрядномъ архивѣ XVII вѣка, мы съ одной „Башмаковской“ описью въ рукахъ не ушли бы далеко въ своихъ изысканіяхъ ученаго или практическаго характера. Описи XVII вѣка вообще представляютъ инвентари самаго примитивнаго типа и чисто охранительнаго характера. Книги и столпы описывались тогда „глу-

[1]) Нынѣ I-мъ Московскомъ Отдѣленіи II-й секціи Единаго Государственнаго архивнаго фонда.

[2]) Москов. стола кн. 19, напечатанная въ приложеніи къ книгѣ Н. П. Лихачева „Разрядные Дьяки“.

[3]) „Башмаковская“ опись въ книгахъ „прежнихъ описей“ № 1—4.

хою статьею": книгѣ давался общій краткій заголовокъ, о столпѣ дѣлалась краткая замѣтка, относившая его къ тому или другому типу столповъ, то въ общихъ выраженіяхъ, въ родѣ: „приказной", „всякихъ дѣлъ", „полковой", „вѣстовой", „помѣтной" и т. п., то въ болѣе спеціальныхъ, въ родѣ: „о задорехъ отъ Литовскіе стороны", „моровыхъ дѣлъ" (о карантинахъ), „татарской" (о плѣнныхъ), „о аглинскихъ и ирляндскихъ нѣмцахъ" (о выѣзжихъ иноземцахъ) и т. п. Немного даетъ, напримѣръ, такая опись: „коробья осиновая, а въ ней столпъ Псковской о всякихъ дѣлехъ 126 году, списокъ новгородцовъ 123 году . . .; двѣ связки съ рознью (съ дефектными и обрывочными документами разнообразнаго содержанія), дѣло бѣлянина посадцково человѣка Лучки Бобрищева 129 году, дѣло торопченина Михайла Мормылева съ братьею" [1]) и т. д. Подьячіе XVII вѣка при всей ихъ дѣловитости не додумались даже до необходимости давать каждой книгѣ и каждому столпу особый архивный нумеръ, указывать содержаніе отдѣльныхъ частей архивныхъ сборниковъ, обозначать въ описи число листовъ книги или составовъ столбца. Книги, особенно до-пожарнаго времени, иногда описаны до извѣстной степени удовлетворительно; книга, напримѣръ, Московскаго стола № 1, относящаяся къ 7079 (1571) году, имѣетъ на 11 листахъ опись, раздѣленную на 34 „главы", съ указаніемъ на соотвѣтствующихъ листахъ нумеровъ этихъ „главъ"; иныя книги, напримѣръ, книга Бѣлгородскаго стола № 121, съ годовой смѣтой 1683 года, имѣютъ не только нумерацію листовъ, но и дѣленіе на „главы", также нумерованныя, и въ описи указанной Бѣлгородской книги читаемъ: „глава 55—Чернь—листъ 896" и т. д. Но въ столбцахъ мы не встрѣчаемъ и такой археографической обработки, и иногда (Приказнаго стола ст. 536, л. 229) имѣется лишь опись съ указаніемъ, на сколькихъ „столпцахъ", т. е. листахъ, помѣщается каждое дѣло, нисколько не облегчающимъ отысканіе въ столбцѣ нужнаго дѣла. Попытки составить болѣе подробныя описи даютъ до крайности неуклюжіе образцы, свидѣтельствующіе лишь о времени, безплодно потраченномъ на выписку длинныхъ помѣтъ или перечисленіе всѣхъ лицъ, приложившихъ руки къ извѣстному документу (Прик. стола ст. 357, л. 102, ст. 478, л.л. 35 — 50). Такого рода описи являются не ключами, открывающими доступъ къ документальнымъ богатствамъ, а, въ лучшемъ случаѣ, замками, да къ тому же, и не слишкомъ крѣпкими, лишь охраняющими эти богатства отъ расхищенія.

---

[1]) Лихачевъ, „Разрядные Дьяки", прил., стр. 36, 41.

Съ реформами Петра въ Россію должны были проникнуть начала европейскаго раціональнаго архивоведенія. Власти послѣ-петровскаго періода смотрѣли на приведеніе въ порядокъ архивовъ, „яко на саионужнѣйшее дѣло“: и генералъ-прокуроръ XVIII вѣка кн. Трубецкой и министръ юстиціи XIX вѣка гр. Панинъ очень настаивали на коренномъ упорядоченіи разряднаго архива; въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII вѣка, равно какъ и въ тѣхъ же годахъ XIX вѣка, въ этомъ архивѣ, по „рапортамъ“ и по „отчетамъ“, кипѣла описательная работа; въ XVIII вѣкѣ „для лучшаго способа и ускорительства“ въ прибавку къ архивному штату „помѣсячно“ командировались приказные служители изъ разныхъ канцелярій, въ XIX вѣкѣ съ той же цѣлью учреждались спеціальный описательный комитетъ 1835 года и разные „добавочные“ и „дополнительные“ штаты 1840-хъ годовъ.

Но на всемъ пространствѣ обоихъ столѣтій однѣ и тѣ же причины сводили на нѣтъ всю описательную работу, уничтожали въ архивѣ послѣдній порядокъ и истребляли частями документальныя сокровища. На разрядный архивъ постоянно обрушивались всевозможныя стихійныя бѣдствія, ему угрожали „потопъ, огнь, мечъ и нашествіе иноплеменныхъ“, по опасливому выраженію XVIII вѣка, „пожарные (отъ чего, Боже, сохрани!) случаи“ и даже „водяные штормы“.

Въ началѣ исторіи разряднаго архива стоитъ страшный пожаръ 1626 года, въ серединѣ—Наполеоновскій разгромъ, во время котораго дѣла Сенатскаго разряднаго архива „безъ изъятія всѣ были разбросаны по Кремлю и внѣ его по разнымъ мѣстамъ“, поздней осенью „въ общемъ смѣшеніи“ съ документами другихъ Сенатскихъ архивовъ мокли и смерзались въ Кремлевскомъ рву и утратили почти всѣ свои описи и алфавиты. Ураганный „Троицкій“ пожаръ 29 Мая 1737 года по счастливой случайности пощадилъ разрядный архивъ, но въ 55-ю годовщину этого пожара—29 Мая 1792 года архивъ въ своемъ временномъ помѣщеніи на Берсеневкѣ „подвергся крайней опасности“ отъ подобнаго же бѣдствія, постигшаго Замоскворѣчье, а въ Апрѣлѣ 1789 года едва не затонулъ въ томъ же помѣщеніи во время сильнаго половодья. Даже въ самомъ концѣ XIX вѣка для разряднаго архива, соединеннаго уже тогда съ Архивомъ Министерства Юстиціи, не нашлось болѣе безопаснаго помѣщенія, чѣмъ бывшій жилой домъ на Басманной въ близкомъ сосѣдствѣ съ табачной фабрикой, одинъ изъ корпусовъ которой сгорѣлъ вскорѣ за переселеніемъ Архива въ спеціально оборудованное зданіе на Дѣвичьемъ полѣ.

Внѣшній лоскъ цивилизаціи не сообщилъ послѣ-петровскимъ распорядителямъ судьбами архива убѣжденія въ необходимости дать

этому драгоцѣнному древлехранилищу сухое, свѣтлое, безопасное отъ огня помѣщеніе. И въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ архивъ временами буквально „скитался межъ дворъ", рискуя, по выраженію старинныхъ челобитныхъ, „въ конецъ погинуть и разориться". Въ XVIII вѣкѣ чистосердечно считали подходящимъ мѣстомъ для архива подвалы подъ папертями Благовѣщенскаго собора, наскоро заложенную съ обѣихъ сторонъ кирпичемъ арку „проѣзжихъ воротъ" подъ соборомъ Черниговскихъ Чудотворцевъ или стоявшее у самой рѣки и обращавшееся въ руину зданіе „Корчемной конторы" съ ветхими печами и дававшей „немалую течь" гонтовой крышею. Тогда же спокойно смотрѣли на то, что въ архивномъ помѣщенін „съ трудомъ ходить можно", „совсѣмъ весьма не видно", а документы „тлѣютъ" отъ сырости.

Само собою разумѣется, что въ „крайней тѣснотѣ", темнотѣ и холодѣ вообще трудно было архивнымъ „приказнымъ служителямъ письменныя дѣла исправлять." Но дѣло въ томъ, что составъ архивваго штата за все описываемое время самъ по себѣ былъ неспособенъ успѣшно „исправлять письменныя дѣла" археографическаго характера. Хотя въ XIX вѣкѣ такой близкій къ архивнымъ кругамъ человѣкъ, какъ митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, полагалъ, что „архиваріусы знаютъ выгоды своей спокойной службы, а на случай и доходы", но среди приказныхъ XVIII вѣка господствовало, повидимому, искреннее убѣжденіе въ томъ, что, „около архивы живучи, немного сытъ будешь, развѣ дѣла кусать". Поэтому знавшіе себѣ цѣну канцеляристы при привычкѣ „довольствоваться" отъ челобитчиковъ „скучали" у „бездохсдныхъ" дѣлъ по описанію архива и неудержимо стремились туда, гдѣ пахло „акциденціей". Начальство рекомендовало принимать на службу въ архивъ людей „надежиыхъ и способныхъ, трезваго житія и неподозрительныхъ, въ порокахъ и иныхъ пристрастіяхъ не замѣченныхъ", но на практикѣ архиву доставались канцеляристы или „престарѣлые", неспособные „упражняться" въ археографическихъ „трудахъ" уже за однимъ „малозрѣніемъ", или „малолѣтніе", по возрасту своему не смѣвшіе претендовать на назначеніе къ „безкорыстнымъ" архивнымъ дѣламъ; имъ, конечно, мало помогали мѣнявшіеся „помѣсячно" приказные изъ неимѣвшихъ никакого отношенія къ археографіи присутственныхъ мѣстъ.

Но общимъ недостаткомъ приказныхъ того времени помимо низкаго уровня умственнаго развитія была крайняя малограмотность, благодаря которой архивные документы „за самымъ имѣвшимся въ нихъ старымъ письмомъ и весьма за прежними нарѣчіями являлись имъ зѣло непонятны".

Какъ ни страннымъ это кажется на первый взглядъ, но это положеніе архивовъ не измѣнилось и въ 30—40-хъ годахъ XIX вѣка, когда, по весьма голословному утвержденію директора Архива Министерства Юстиціи Иванова, „благотворное вниманіе государя императора и дѣятельная попечительность г. министра юстиціи далеко опередили по этому важному отдѣлу государственнаго устройства всѣ распоряженія правительствъ въ другихъ государствахъ Европы". Отзывъ самого Иванова о служебномъ персоналѣ Московскихъ Сенатскихъ архивовъ 1840-хъ годовъ какъ разъ сближаетъ этотъ персоналъ съ приказными архивовъ XVIII вѣка. „Къ сожалѣнію, писалъ этотъ несомнѣнный знатокъ архивныхъ нравовъ своего времени, до сихъ поръ еще въ архивы помѣщаются люди или ни къ чему неспособные, или тѣ, коимъ совершенно невозможно сдѣлать никакого довѣрія; это тѣ же прежнихъ службъ съ приписью подьячіе, а отъ сего сколько погибло по архивамъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ частью отъ невѣжества, частью изъ корыстныхъ видовъ". Мѣры воздѣйствія начальства на этихъ „лѣнивыхъ и лукавыхъ рабовъ" также не измѣнились въ XIX вѣкѣ сравнительно съ предшествовавшимъ. Вмѣсто того, чтобы стараться улучшить матеріальное положеніе служащихъ, поднять ихъ умственный уровень, дѣйствовать на ихъ чувство человѣческаго достоинства, архивное начальство всѣхъ степеней какъ въ XVIII, такъ и въ XIX вѣкѣ умѣло лишь „неослабно понуждать" своихъ подчиненныхъ, „какъ до полудня, такъ и послѣ полудня сидѣть въ архивѣ неотступнымъ", въ случаѣ же малой, по его мнѣнію, успѣшности ихъ работы трудиться „сверхъ регламента", иногда „съ 5 часовъ утра до 9 пополудни".

Директоръ Ивановъ, по свидѣтельству архивныхъ старожиловъ, держалъ себя настоящимъ „генераломъ" Николаевскаго времени: онъ не только наваливалъ на подчиненныхъ массу внѣслужебной казенной работы и, желая поставить ихъ въ полную отъ себя зависимость, пытался оцѣнивать ихъ занятія „по трудамъ и заслугамъ", т. е. по усмотрѣнію начальства, но и вмѣшивался въ ихъ личную жизнь и, считая, съ своей точки зрѣнія стараго холостяка, бракъ „баловствомъ", не дозволялъ инымъ жениться; молодые же канцеляристы обязаны были „послѣ службы и своего обѣда являться къ директору и просиживать у него и для него за чтеніемъ (вслухъ) газетъ и книгъ время отъ 5 до 11 часовъ ночи". По отзывамъ архивныхъ старожиловъ, подтверждаемымъ и оффиціальными данными отчетовъ о необыкновенной спѣшности и въ то же время успѣшности археографическихъ предпріятій Иванова, директоръ „обращалъ вниманіе больше

на количество работы, чѣмъ на качество ея"; онъ „зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы каждый чиновникъ написалъ наибольшее количество листовъ описей, чтобы и онъ могъ возможно большее же количество показать въ своихъ отчетахъ Министерству Юстиціи", а подчиненные, „зная характеръ своего начальника, изо всѣхъ силъ старались прежде всего написать наибольшее количество листовъ".

Благодаря такой системѣ управленія, Ивановъ, конечно, не создалъ въ своемъ архивѣ „разсадника дѣлателей-сподвижниковъ на трудномъ поприщѣ архивной службы", какъ онъ надѣялся въ началѣ своей архивной карьеры. Проф. И. Д. Бѣляевъ и В. М. Ундольскій, конечно, были полезными „сподвижниками" въ ученыхъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ предпріятіяхъ директора. Но наука при Ивановѣ проникла только на самыя верхнія ступени архивной іерархіи, и преемникъ Иванова Н. В. Калачовъ вынужденъ былъ констатировать, что „большая часть" перешедшихъ къ нему отъ Иванова „чиновниковъ не получила никакого ученаго образованія, и даже немногіе умѣли правильно писать". Ивановъ еще въ 1844 году имѣлъ смѣлость обѣщать „въ будущности поставить свои архивы [1]) на возможную степень совершенства, до которой едва ли достигли подобныя учрежденія въ Германіи и Франціи", и черезъ 15 лѣтъ, ссылаясь на авторитетъ какихъ-то людей, „посѣтившихъ многія благоустроенныя архивныя учрежденія различныхъ государствъ Западной Европы", не безъ гордости докладывалъ министру, что во всякомъ случаѣ часть Архива М. Ю. можетъ „стать на ряду съ подобными древлехранилищами". Въ отношеніи устройства „разноцвѣтныхъ для каждаго мѣста (т. е. учрежденія) картонныхъ обертокъ" и ярлыковъ съ „каллиграфическими надписями", Ивановъ дѣйствительно могъ блеснуть передъ стоявшимъ не близко къ археографіи гр. В. Н. Панинымъ, но въ одномъ изъ „чулановъ" за шкафами архива доспѣвали послѣ лежанія въ Кремлевскомъ рву книги и столбцы разряднаго архива [2]). Ивановъ, правда, не водилъ въ заповѣдные „чуланы" высокихъ посѣтителей, да и самъ едва ли зналъ про нихъ, интересуясь не столько приращеніемъ архива, сколько истребленіемъ „по неприложимости для выноса справокъ и для ученыхъ изысканій" дѣлъ Камеръ и Ревизіонъ-Кол-

[1]) Онъ въ качествѣ инспектора тогда объединялъ подъ своимъ надзоромъ всѣ три архива при Московскихъ департаментахъ Сената.

[2]) При разборѣ этихъ дѣлъ послѣ Иванова изъ нихъ къ разрядному фонду было причислено 15 вязокъ и 71 столбецъ („Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю.", VII, отд. I, стр. 107).

легій и составленіемъ проекта такого же истребленія „дѣлъ съ извѣстнымъ титуломъ“ [1]), давшихъ потомъ при Калачовѣ матеріалъ для весьма важнаго „обозрѣнія“.

Единство системы управленія и единство личнаго состава между архивомъ XVIII вѣка и архивомъ первой половины XIX вѣка обусловило одинаковыя качества описей того и другого. Архивъ XVIII вѣка, усвоивъ кое-какіе новые сравнительно съ XVII вѣкомъ археографическіе пріемы, вродѣ снабженія каждой книги и каждаго столбца особымъ нумеромъ, не сдѣлалъ своихъ описей болѣе толковыми и обстоятельными, но лишь утратилъ въ нихъ сочность стараго русскаго языка и красочность старой приказной терминологіи. Крайняя невразумительность описей, особенно описей столбцовъ, была замѣчена еще ихъ современниками. Послѣ краткаго заголовка и даже послѣ краткаго изложенія содержанія перваго дѣла столбца составитель описи по большей части добавлялъ „иныя дѣла тому же подобныя“ или „тутъ же принадлежащія къ сей матеріи памяти и отпуски и грамоты“, а иногда дѣлалъ и совсѣмъ уже наивную приписку въ родѣ „и о протчемъ, о чемъ значится въ томъ столпу“. Еще въ 1719 году архиваріусъ дьякъ Окуньковъ, критикуя прежнія описи, требовалъ, чтобы дѣла „въ столпахъ“ (т. е. всѣ отдѣльныя, входящія въ столбецъ) описывались „именно“. Въ 1776 году секретарь архива далъ, хотя и въ немногихъ словахъ, вполнѣ цѣлесообразную программу описанія столбповъ. „Въ вышеписанныхъ столбцахъ, писалъ онъ, какъ по описи явствуетъ, болѣе 700 столбцовъ такихъ, что, о какомъ именно дѣлѣ столпъ, матерія онаго въ описи написана, а на конецъ приглушена таковою рѣчью—и о прочемъ,—о другихъ же совсѣмъ и матеріи не изъяснено, а написано—столпъ о разныхъ дѣлахъ“. Далѣе этотъ понимавшій, повидимому, архивное дѣло чиновникъ XVIII вѣка рекомендовалъ всѣ такіе столбцы „разбитые собрать такъ, какъ оные прежде были, съ примѣчаніемъ обстоятельства дѣла..., а потомъ уже склеить, или для лучшаго впредь храненія и удобнѣйшихъ справокъ связать каждый столпъ въ тетради, а потомъ уже тѣ столпы и должно всѣ безъ изъятія подлинникомъ проходить и читать“. Надо замѣтить, что въ этихъ описяхъ, какъ бы въ объясненіе ихъ краткости, часто о столбцахъ дѣлались стереотипныя замѣтки въ родѣ „оный весь расклеился“, „ветхъ“, „весь погнилъ и разобрать невоз-

---

[1]) Т. е. всѣхъ дѣлъ царствованія Іоанна III Антоновича (съ 17 Октября 1740 по 25 ноября 1741 года).

можно", по которымъ видно, что уже въ 1758 году была въ цѣлости лишь десятая часть столбцовъ. [1]).

Описи XIX вѣка оказываются родными сестрами, а иногда (когда опись списана со старой) и близнецами описей XVIII вѣка. Мы постоянно встрѣчаемъ въ [нихъ [забракованное уже въ XVIII вѣкѣ выраженіе „и о протчемъ" и ссылки на то, что такой-то столбецъ „ветхъ", „гнилъ и слѣпъ", „гнилъ и весь разбитъ, а потому вѣрно описать нельзя" и т. п. Описи XVIII вѣка не такъ легко провѣрить, но всѣ столбцы, показанные въ Ивановской описи „гнилыми", были успѣшно описаны въ 1895—1914 годахъ. О содержаніи столбца судили на лучшій конецъ по ближайшимъ къ его внѣшней поверхности склейкамъ. Примѣромъ куріозовъ, обусловленныхъ такими археографическими пріемами, можетъ служить столбецъ Приказнаго стола № 519, въ которомъ, по описи, находятся „отписки къ Преосвященнѣйшему Корнилію архіепископу Сибирскому о переводѣ священниковъ и прочее духовенство въ разныя мѣста и частныхъ лицъ о томъ же; столбъ разбитъ, начала нѣтъ". Между тѣмъ въ этомъ столбцѣ заключается частная переписка князей Хованскихъ, изданная Г. Г. Лукьяновымъ („Старина и Новизна", X, 1905 г.), и поводомъ къ указанному qui pro quo послужило то обстоятельство, что на трехъ близкихъ къ поверхности столбца склейкахъ находятся дѣйствительно письма къ Корнилію. Хорошо и опись столбца № 203 того же стола, гласящая буквально: „отпуски съ грамотъ обобреченныхъ еретникахъ и гадальныхъ книгахъ и отписки изъ городовъ о наказаніи кнутомъ высказываніи Государево слово о выпускѣ изъ тюрьмы разныхъ чиновъ людей, которые посажены не въ татейныхъ и не въ разбойныхъ и неубивственныхъ дѣлахъ,—столбъ разбитъ и расклеенъ". И весь этотъ безграмотный наборъ словъ [2]) „свидѣтельствованъ" по всѣмъ правиламъ Ивановскаго архивоведенія, кромѣ нѣкоего помощника архиваріуса Медвѣдева, никѣмъ другимъ, какъ самимъ секретаремъ Разряднаго архива В. М. Ундольскимъ.

Составленные (а частью списанные со старыхъ) при Ивановѣ многочисленные алфавиты, какъ плодъ болѣе или менѣе механической работы, конечно, исправнѣе описей того времени, но не всегда можно

---

[1]) „Описаніе Документовъ и Бумагъ М. А. М. Ю.", V, отд. I, 30, 32, 44—47, 58, 63, 72—75, 77—79, 83, VI, отд. I, 48, VII, отд. I, 6, 7, 11, 14, 93—95, 122, 128, 132; „Чтенія О. И. Др. Рос." 1898 г., II, Протоколы (68—80), „Памяти А. Н. Зерцалова" П. С. Бѣляева.

[2]) Новая опись этого столбца занимаетъ $2^{1}/_{2}$ печатныхъ страницы („Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю", XV, 243—245).

положиться на ихъ полноту, такъ какъ, по достовѣрному свидѣтельству одного не такъ давно умершаго участника архивныхъ предпріятій Иванова, иной канцеляристъ, получивъ на домъ для переписки къ слѣдующему дню груду несчитанныхъ отрѣзковъ алфавита и, отчаявшись въ успѣшномъ окончаніи такого египетскаго „плинѳодѣланія", кривилъ душею и спускалъ половину алфавита въ какое-нибудь неподобающее мѣсто.

Болѣе или менѣе осязательными плодами археографической дѣятельности Иванова въ области Разряда являются изданные при немъ „Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ" (1853 г.), не безполезный для справокъ при занятіяхъ и другими отдѣлами Разряда, и „Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива съ присовокупленіемъ списковъ со многихъ хранящихся въ немъ любопытныхъ документовъ" (1842 г.). Послѣдній отдѣлъ книги дѣйствительно могъ быть „любопытнымъ" для мало знакомой съ первоисточниками большой публики того времени [1]); отдѣлъ же съ документами, „относящимися до вступленія на Россійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова", долженъ былъ обратить на издателя благосклонное вниманіе высшихъ сферъ. Изложеніе, впрочемъ, довольно смутно и сбивчиво, напримѣръ, въ отдѣлахъ „Десятенныхъ" и „Смотрѣнныхъ списковъ", и основано не столько на документахъ, сколько на „Полномъ Собраніи Законовъ", причемъ цитируются, повидимому, съ особой цѣлью „указы", какъ бы рукописные, а не нумера „Полнаго Собранія". Въ виду полнаго отсутствія разработки разрядныхъ матеріаловъ въ 1840-хъ годахъ Иванову нельзя ставить въ вину ненаучность его воззрѣній на организацію столовъ Разряда, но и въ то время спеціалистъ по этому архивному отдѣлу долженъ былъ бы лучше знать номенклатуру разрядныхъ городовъ и не повторять ошибокъ своего первоисточника, т. е. „Полнаго Собранія Законовъ" (№ 516 и 522), въ родѣ „Хапиложской" вмѣсто „Хотмышскъ" [2]), „Красный Кустъ" вмѣсто „Красный Кутъ", „Черновой" вмѣсто „Челновой".

Такимъ образомъ, въ общемъ первое (разрядное) отдѣленіе Московскаго Архива Министерства Юстиціи 13 Декабря 1864 года, день смерти директора Иванова, и по личному составу и по характеру

---

[1]) При маломъ пользованіи въ ученой литературѣ того времени архивными матеріалами даже К. Д. Кавелинъ сочувственно встрѣтилъ „Описаніе" Иванова.

[2]) Впрочемъ, въ спискѣ Иванова, рядомъ съ „апокрифическимъ" Хапиложскомъ поставленъ и настоящій „Хотмыжъ".

дѣятельности не слишкомъ много отличалось отъ стараго Разряднаго архива, какимъ онъ оказывался 4 Января 1719 года, день смерти его перваго архиваріуса дьяка Ивана Уланова.

II. Начало археографическихъ работъ.

Не приходится много говорить о томъ, что назначеніе въ 1865 г. управляющимъ такого первокласснаго знатока исторіи русскаго права, какъ Н. В. Калачовъ, было началомъ новой эры для Архива М. Ю. вообще и для его разряднаго отдѣленія въ частности.

Признавая разрядный фондъ наряду съ помѣстно-вотчиннымъ „важнѣйшимъ", Н. В. Калачовъ, занятый изданіемъ писцовыхъ книгъ, посвятилъ писцовому матеріалу двѣ первыя книги основаннаго имъ архивнаго изданія „Описаніе Документовъ и Бумагъ". Только въ IV книгѣ этого изданія [1]), вышедшей въ свѣтъ въ 1884 году, появилось „Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в.в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа". Этотъ образцовый трудъ Н. Н. Оглоблина, ученика Н. В. Калачова по С.-Петербургскому Археологическому Институту, заключающій въ себѣ точныя, основанныя на документальныхъ данныхъ и мастерски отшлифованныя характеристики значительной части видовъ разрядныхъ документовъ, сдѣлался настольной книгою для всякаго занимающагося Разрядомъ и впервые поставилъ на вполнѣ научную почву вопросы объ организаціи этого приказа и о составѣ его фонда въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Еще въ 1878 году проф. Загоскинъ въ статьѣ „Столы Разряднаго приказа по хранящимся въ Московскомъ Архивѣ М. Ю. книгамъ ихъ", принимая архивные отдѣлы „столовъ" Разряда за подлинное дѣлопроизводство каждаго изъ этихъ столовъ, не всегда приходилъ къ вѣрнымъ заключеніямъ объ ихъ компетенціи. Кромѣ открытія неизвѣстныхъ до того времени столовъ—Хлѣбнаго и Азовскаго и объясненія встрѣтившагося впервые названія Станичнаго стола [2]), Н. Н. Оглоблинъ ранѣе всѣхъ обратилъ вниманіе на „искусственность" архивныхъ отдѣловъ Разряда на „произволъ лицъ, производившихъ распредѣленіе разрядныхъ книгъ по столамъ приказа",

[1]) Третья книга занята двумя диссертаціями по документамъ XVIII вѣка.

[2]) Судейскій столъ, также встрѣченный Оглоблинымъ, по всѣмъ признакамъ былъ „присутствіемъ" приказа, гдѣ сидѣли „начальные люди" или „судьи", въ противоположность приказной канцеляріи съ ея столами.

а также указалъ на необходимость „это распредѣленіе подвергнуть строгой разработкѣ“ [1]).

Эти положенія Н. Н. Оглоблина послужили исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ ученыхъ розысканій въ области исторіи Разряда. Уже Н. П. Лихачевъ въ своей диссертаціи „Разрядные Дьяки XVI вѣка“ (1888 г.), не зная въ то время, сохранились ли въ Архивѣ М. Ю. „старыя описи XVII столѣтія“ кромѣ изданной имъ описи 1626 года, указалъ на „первостепенную важность этихъ описей для рѣшенія вопроса о точномъ опредѣленіи сферы дѣятельности Разряднаго приказа и о функціяхъ отдѣльныхъ его столовъ“, составляющаго „камень преткновенія для любого архивиста“ (стр. 455). А. А. Голомбіевскій вскорѣ по поступленіи своемъ на службу въ Архивъ М. Ю. использовалъ открытую имъ „Башмаковскую“ опись 1668 года въ связи съ данными „записныхъ книгъ“ и въ статьѣ „Столы Разряднаго приказа въ 1668—1670 годахъ“ (Журн. М. Н. Пр. 1890 г., № 7) впервые представилъ научно обоснованный очеркъ организаціи столовъ Разряда въ половинѣ XVII вѣка, въ томъ числѣ бывшаго извѣстнымъ только по имени стола Хлѣбнаго. Это изслѣдованіе разъ навсегда установило, что: 1) въ Разрядѣ „въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ образовано было нѣсколько новыхъ столовъ, въ которые отдавалась извѣстная территорія, а также передавались и прежнія дѣла изъ тѣхъ столовъ, въ которыхъ означенныя мѣстности вѣдались до того времени“, 2) при вѣчныхъ перемѣщеніяхъ архива ни „подъячіе“ XVIII вѣка, ни „позднѣйшіе канцеляристы и чиновники разныхъ наименованій не относились къ распредѣленію документовъ на отдѣлы съ достаточной осторожностью“, вслѣдствіе чего въ архивныхъ отдѣлахъ Разряда „смѣшано дѣлопроизводство разныхъ столовъ приказовъ“, и „изъ содержанія самыхъ документовъ, числящихся въ архивѣ въ томъ или другомъ столѣ, едва ли можно опредѣлить кругъ вѣдѣнія того или другого стола приказа въ XVII вѣкѣ“. С. К. Богоявленскій („Къ вопросу о столахъ Разряднаго приказа“) и П. Н. Милюковъ („Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII-столѣтія и реформа Петра Великаго“), стоя на той-же вполнѣ научной почвѣ, продолжали изысканія объ организаціи Разряда въ XVII вѣкѣ, а Н. Н. Ардашевъ въ статьѣ „Вопросъ о Помѣстномъ столѣ въ связи съ поземельной дѣятельностью

---

[1]) „Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю.“, IV, отд. II, 166, 411—413. Въ 1886 г. Н. Н. Оглоблинъ въ „Кіевской Старинѣ“ (№ 11) напечаталъ статью „Кіевскій столъ Разряднаго приказа“.

Разряда" (Журн. М. Н. Пр. 1895 г., № 8) разрушилъ миѳъ о „Помѣстномъ столѣ" Разряда и доказалъ, что въ архивѣ этого приказа лишь сохранялись „помѣстные" столбцы по городамъ, вѣдавшимся въ Разрядѣ „землями".

Поручивъ Н. Н. Оглоблину составить „обозрѣніе" книгъ Разряда въ историко-географическомъ отношеніи, Н. В. Калачовъ предпринялъ новую работу по Разряду, которая должна была коснуться и малодоступной тогда области разрядныхъ столбцовъ. 31 Мая 1883 года онъ въ засѣданіи Академіи Наукъ выступилъ съ предложеніемъ собрать „доклады и приговоры, состоявшіеся въ Московской Боярской Думѣ, разныхъ до-петровскихъ приказахъ и въ учрежденіяхъ областныхъ и сельскихъ" и на первый разъ избралъ для этихъ розысканій столбцы Московскаго стола Разряда. Въ задачу этого очерка не входитъ оцѣнка „Актовъ Московскаго Государства", явившихся плодомъ этого проекта; намъ важно лишь прослѣдить вліяніе, какое имѣло это археографическое предпріятіе на ходъ и характеръ работъ Архива М. Ю. по документамъ Разряда. Въ Архивѣ была образована коммиссія, которая занялась составленіемъ описей разрядныхъ столбцовъ, копируя дословно всѣ помѣты, даже не имѣющія значенія, въ родѣ „выписать", „записать въ книгу" и т. п. Само собой разумѣется, что при такихъ пріемахъ составители описей, даже получая изъ ассигнованной на это дѣло суммы по пятачку съ каждой склейки столбца, въ теченіе двухъ лѣтъ покончили лишь съ двумя первыми сотнями столбцовъ Московскаго стола.

Проф. Н. А. Поповъ, наслѣдовавшій въ 1885 г. Н. В. Калачову и въ качествѣ начальника Архива М. Ю., и въ качествѣ редактора „Актовъ Московскаго Государства", прежде всего приступилъ къ осуществленію мысли своего предшественника относительно изданія исторіи Архива М. Ю. и архивовъ, изъ которыхъ онъ былъ образованъ въ 1852 году, и прежде всего Сенатскаго Разряднаго Архива. А. А. Голомбіевскій, встрѣтившись впервые на этой работѣ съ богатыми данными „прежнихъ" описей, представилъ дышащую жизнью картину дѣятельности и быта архива при Разрядѣ и Сенатскаго Разряднаго архива до 1812 года („Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю.", V, 1888 г.). Эта исторія была продолжена до 1888 года И. И. Шимко, Н. Я. Токаревымъ и авторомъ настоящаго очерка („Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю.", VI и VII, 1889 г. и 1890 г.) Попутно А. А. Голомбіевскій напечаталъ открытую имъ въ той же „Башмаковской" описи „опись чертежей, хранившихся въ Разрядѣ во второй половинѣ XVII вѣка", снабдивъ ее весьма содержательнымъ, основан-

нымъ на документальныхъ данныхъ обзоромъ средствъ и пріемовъ для составленія чертежей въ Московскомъ государствѣ [1]).

Для ознакомленія публики съ современнымъ состояніемъ Архива М. Ю. также по мысли Н. В. Калачова была въ 1890 году издана „Памятная Книжка", въ которой отдѣлъ о Разрядѣ былъ составленъ тѣмъ же А. А. Голомбіевскимъ съ классификаціей разрядныхъ книгъ и столбцовъ согласно съ терминологіей старыхъ описей.

Одновременно съ этимъ В. Н. Сторожевъ приступилъ къ научной разработкѣ труднѣйшаго разряднаго отдѣла „Десятенъ" и въ VII книгѣ „Описанія Документовъ и Бумагъ" (1890 г.) далъ „первую полную" топографическо-хронологическую опись десятенъ и хронологическія описи сборниковъ десятенъ, а также смѣтныхъ, раздаточныхъ и др. книгъ, причисленныхъ къ отдѣлу „Десятенъ", съ указаніемъ „наиболѣе важныхъ разрядныхъ помѣтъ", встрѣчающихся въ описанныхъ книгахъ и служащихъ, по выраженію издателя, „пособіемъ" къ изученію канцелярской техники Разряда. Въ слѣдующей VIII книгѣ архивнаго изданія (1891 г.) В. Н. Сторожевъ напечаталъ текстъ 10 десятенъ XVI вѣка (отд. II, стр. I—IV, 1—459) со скрупулёзно составленными учеными „поясненіями" и „примѣчаніями" [2]), а также алфавитъ къ опубликованной ранѣе („Временникъ", XX) И. Д. Бѣляевымъ „Тысячной книгѣ". Н. А. Поповъ предполагалъ посвятить одну изъ дальнѣйшихъ книгъ архивнаго изданія десятнямъ 1621—1622 годовъ въ обработкѣ того же В. Н. Сторожева, но этому не было суждено состояться. Послѣ перехода В. Н. Сторожева на городскую службу въ 1895 году Архивъ уже не видѣлъ на страницахъ своего изданія его работъ по важнымъ вопросамъ исторіи служилаго сословія. Продолжая изданіе «Матеріаловъ для исторіи русскаго дворянства» («Чтенія О. И. Др. Р.» 1909 г., III) [3]), В. Н. Сторожевъ для «примѣчаній и текстуальныхъ сопоставленій» къ матеріалу своихъ основныхъ источниковъ пользуется также данными разрядныхъ столбцовъ, а при составленіи родословной Нелидовыхъ-Отрепьевыхъ опирается на сдѣлавшіяся извѣстными при послѣднемъ описаніи столбцовъ выписку

---

[1]) „Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю.", VI, 1889 г.

[2]) Каково сопоставленіе Коломенской десятни съ Коломенской писцовой книгой.

[3]) Матеріалы по исторіи дворянства Воронежскаго, Нижегородскаго, Рязанскаго и Тверского В. Н. Сторожевъ печаталъ ранѣе въ „Трудахъ" соотвѣтствующихъ архивныхъ комиссій.

изъ столбца Московскаго стола № 955 и челобитную изъ столбца того же стола № 731. [1])

Издавая описи В. Н. Сторожева, какъ образцы ученыхъ систематическихъ описей, Н. А. Поповъ не относился отрицательно и къ описямъ другихъ типовъ до инвентарной включительно. Уже въ первый годъ своего управленія Архивомъ онъ поручилъ составить опись 26 разрядным столбцамъ изъ собранія коллекціонера П. Ѳ. Карабанова [2]) по системѣ, принятой при Калачовскомъ описаніи разрядныхъ столбцовъ, т. е. съ копированіемъ помѣтъ (опись № 248), съ приложеніемъ алфавита собственныхъ именъ; тогда же были составлены чисто инвентарная опись и алфавитъ нѣсколькимъ и разряднымъ «вязкамъ». Вообще Н. А. Поповъ высказывалъ опредѣленное намѣреніе отъ «словесности», подъ которой онъ разумѣлъ «Исторію», занимавшую значительное мѣсто въ V—VII книгахъ «Описанія Документовъ и Бумагъ», перевести служащихъ въ «описательномъ», или, какъ тогда говорили, «редакціонномъ» отдѣленіи къ «строго-архивнымъ трудамъ» и прежде всего къ составленію описей наименѣе упорядоченнымъ архивнымъ фондамъ.

Предметомъ для описательной работы Н. А. Поповъ избралъ столбцы Московскаго стола Разряда. Во-первыхъ, эти столбцы, не имѣвшіе по большей части нумераціи склеекъ и другихъ описей, кромѣ Ивановскихъ, настоятельно требовали приведенія въ порядокъ съ внѣшней стороны и выясненія ихъ содержанія; во-вторыхъ, въ это время уже изсякла сумма, ассигнованная на подготовительныя работы для «Актовъ Московскаго Государства», и собираніе матеріала для этого изданія было поручено одному лицу—старшему помощнику редактора Архива А. А. Востокову, которому была безусловно необходима путеводная нить для розысканій въ области этихъ, тогда въ полномъ смыслѣ «безгласныхъ», столбцовъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадали интересы Архива съ интересами академическаго изданія, и Н. А. Поповъ не покривилъ душой въ пользу «Актовъ», когда въ концѣ 1889 года направилъ работу 3—4 молодыхъ архивистовъ на описаніе столбцовъ Московскаго стола. Какъ участникъ этой работы, я долженъ сказать, что намъ не было дано никакой инструкціи, но, имѣя дѣло со сборниками докумен-

---

[1]) По исторіи служилаго сословія Калачовскій архивистъ А. А. Востоковъ издалъ: 1) «Боярскія книги, какъ матеріалъ для исторіи высшаго русскаго сословія» («Матеріалы» Калачова, III), 2) «Русское служилое сословіе по десятнямъ» (Юрид. Вѣстникъ 1888 г., №№ 6 и 7).

[2]) Они поступили въ Архивъ въ 1852 году.

товъ разнообразнаго содержанія, мы сами додумались положить въ основу описанія группировку документовъ по содержанію. Для достиженія единообразія въ описяхъ работа была начата снова съ перваго столбца; при этомъ столбцы перенумеровывались по ставамъ (склейкамъ, листамъ) и въ развернутомъ видѣ, или расклеенные по всѣмъ ставамъ, или съ перерывами черезъ извѣстное число ставовъ столбцовой ленты, складывались каждый между двумя листами толстаго картона и перевязывались бичевками [1]).

Впрочемъ, это предпріятіе вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ силахъ не привело къ существеннымъ результатамъ, и «Акты» скоро опередили описаніе столбцовъ, которое и при Н. А. Поповѣ не перешагнуло черезъ роковые предѣлы тѣхъ же двухъ первыхъ сотенъ столбцовъ Московскаго стола.

III. Описаніе разрядныхъ книгъ и столбцовъ.

Назначенный 29 Января 1892 года управляющимъ проф. Д. Я. Самоквасовъ по ознакомленіи съ архивомъ пришелъ къ убѣжденію, что «описи древнихъ документовъ, составленныя въ первой половинѣ XIX столѣтія малообразованными канцелярскими чиновниками, такъ неполны и невѣрны, что мало пригодны для охраны цѣлости документовъ, для научныхъ цѣлей и практическихъ справокъ». Поэтому уже въ концѣ 1892 года было начато описаніе книгъ Разряда, которое затѣмъ было окончено въ два года и вошло въ IX и X книги «Описанія Документовъ и Бумагъ М. А. М. Ю.» (1896 и 1897 г.г.). Эта работа была произведена по чисто инвентарной системѣ съ перечисленіемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣхъ входящихъ въ книгу отдѣльныхъ дѣлъ [2]). Эти пріемы описанія были признаны неподходящими по отношенію къ столбцамъ, какъ сборникамъ документовъ разнообразнаго содержанія съ значительной долею неимѣющаго историко-юридической цѣнности канцелярскаго балласта XVII вѣка, и была выработана программа описанія столбцовъ, которая и была утверждена Д. Я. Самоквасовымъ 17 Ноября 1894 года. При Д. Я. Самоквасовѣ (съ Февраля 1895 года) были изданы 6 томовъ (1899—1910 г.г.)

---

[1]) Опытъ переплета столбцовъ въ книги при Н. В. Калачовѣ оказался неудачнымъ, какъ это видно на первыхъ столбцахъ Московскаго стола и Сибирскаго приказа.

[2]) Т. е. книгъ же, которыя обыкновенно переплетались по нѣсколько въ одинъ переплетъ.

съ описями столбцовъ Московскаго, Владимірскаго, Новгородскаго, Бѣлгородскаго и Приказнаго столовъ (книги XI—XVI), а 7-й томъ съ окончаніемъ описи столбцовъ Приказнаго стола (книга XVII), начатый печатаніемъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни Д. Я. Самоквасова, вышелъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти [1]).

При преемникѣ Д. Я. Самоквасова проф. Д. В. Цвѣтаевѣ было закончено описаніе столбцовъ Сѣвскаго стола, и описаны столбцы послѣднихъ столбцовыхъ отдѣловъ Разряда—«Разныхъ столовъ» и «Помѣстнаго стола». Описаніе столбцовъ Сѣвскаго стола вошло въ XVIII и XIX книги «Описанія Документовъ и Бумагъ» (1913 и 1914 г.г.). Въ настоящее время печатается XX книга, которая должна закончить описаніе разрядныхъ столбцовъ.

Кромѣ столбцовъ, зарегистрированныхъ старыми описями, въ Архивѣ хранилось подъ страннымъ названіемъ «безгласныхъ» нѣкоторое число столбцовъ, по большей части дефектныхъ и сильно попорченныхъ сыростью, по какимъ-то причинамъ отбившихся отъ своихъ отдѣловъ, въ томъ числѣ и отъ разряднаго. Еще Д. Я. Самоквасовъ обратилъ вниманіе на эти столбцы, и по его порученію было описано 3—4 десятка этихъ столбцовъ. Когда работа по описанію зарегистрированныхъ столбцовъ стала подходить къ концу, сама собой явилась мысль разобрать и описать эти «безгласные» столбцы въ надеждѣ найти среди нихъ десятка два столбцовъ, зарегистрированныхъ въ старыхъ описяхъ, но не оказавшихся на лицо при послѣднемъ описаніи разряднаго фонда. Съ этой цѣлью, въ 1914 году послѣ тщательныхъ поисковъ по всему архиву подобныхъ же отбившихся отъ своихъ отдѣловъ столбцовъ была начата работа по описанію «безгласныхъ» столбцовъ, сопряженная съ большими затрудненіями и требовавшая особой осмотрительности въ виду плохого состоянія этого отдѣла. Изъ этихъ столбцовъ за исключеніемъ столбцовъ, на самомъ дѣлѣ «гнилыхъ и слѣпыхъ», былъ составленъ новый «дополнительный» отдѣлъ, въ числѣ до 200 нумеровъ. Къ сожалѣнію, при этомъ было найдено не болѣе 3—4 столбцовъ, зарегистрированныхъ по старымъ описямъ. Описями «безгласныхъ» столбцовъ съ прибавленіемъ переработанной согласно съ программой описи столбцовъ «Карабановскихъ» [2]) предположено закончить XX книгу «Описанія Документовъ и Бумагъ». Кромѣ того, редактору всего описанія столбцовъ поручено управляющимъ проф. Д. В. Цвѣтаевымъ составить для той же книги «послѣсловіе», имѣющее

[1]) 5 Августа 1911 г.

[2]) Изъ собранія коллекціонера Карабанова.

цѣлью 1) дать библіографическія указанія на матеріалы разрядныхъ столбцовъ, использованные при помощи новыхъ ихъ описей въ историко-юридической литературѣ послѣднихъ 20—15 лѣтъ, 2) помочь лицамъ, занятымъ подобными же описательными работами, нѣкоторыми основанными на долгомъ опытѣ совѣтами практическаго характера. Должно еще указать, что разрядные книги и столбцы дали обильный и исчерпывающій тему матеріалъ для VI тома архивнаго «Сборника» (1914 г.), посвященнаго исторіи Пскова и его области. [1]).

Описательная программа 1894 года теоретически опиралась на основное положеніе Н. В. Калачова («Описаніе Док. и Бумагъ» I, стр. I), признававшаго необходимымъ «начать описаніе каждаго разряда документовъ съ составленія имъ описей, которыя должны имѣть значеніе инвентарей, давая краткій, но ясный отчетъ о каждомъ дѣлѣ, книгѣ и отдѣльномъ документѣ». Что касается примѣненія этой программы на практикѣ, то имѣлось въ виду лишь устранить слишкомъ сложные описательные пріемы, тормозившіе это дѣло при Н. В. Калачовѣ и Н. А. Поповѣ, съ наименьшей затратою времени на описаніе дать возможность ориентироваться въ содержаніи того или другого столбца. Для этой цѣли было признано необходимымъ: 1) группировать данныя каждаго столбца по ихъ содержанію, чтобы дать возможность сразу «обозрѣть» содержаніе всего столбца и остановиться на нужномъ матеріалѣ, 2) разгрузить опись отъ всѣхъ подробностей, не имѣющихъ общаго значенія, и личныхъ именъ, умѣстныхъ въ алфавитѣ. Эти упрощенія касались прежде всего матеріаловъ по исторіи организаціи Разряда, въ частности документовъ приходо-расходныхъ, и столбцовъ «полковыхъ» и т. п., при описаніи которыхъ было принято ограничиваться лишь заголовкомъ, характеризующимъ ихъ содержаніе въ общихъ выраженіяхъ; точно также въ столбцахъ «воеводскихъ» (объ «отпускѣ» воеводъ въ города) отмѣчалось при общей датировкѣ всего столбца лишь названіе города и упоминалось лишь о назначеніи или смѣнѣ воеводы безъ указанія даты и фамиліи. Но наибольшая экономія времени при описательной работѣ была достигнута по отношенію къ подавляющему количеству документовъ «о служилыхъ людяхъ», носящихъ по преимуществу, такъ сказать, формулярный характеръ. Было признано необходимымъ вносить въ описи только свѣдѣнія 1) о службѣ исторически извѣстныхъ лицъ (напримѣръ, какого-нибудь Ѳедора Михайловича Ртищева и т. п.), 2) имѣющія

[1]) Выходъ въ свѣтъ этого тома былъ пріуроченъ къ археологическому съѣзду въ Псковѣ, не состоявшемуся вслѣдствіе военныхъ событій.

общее историческое значеніе [1]). Всѣ остальные документы «о служилыхъ людяхъ» генеалогическаго или біографическо-формулярнаго характера предположено было снабдить алфавитомъ именъ и фамилій, и этотъ алфавитъ въ настоящее время составленъ къ столбцамъ Московскаго, Владимірскаго и Новгородскаго столовъ и части столбцовъ Бѣлгородскаго стола.

Эта программа, представляющая только maximum того, что Архивъ могъ дать при своихъ силахъ и средствахъ въ 1895 году, расширялась по мѣрѣ увеличенія этихъ силъ и средствъ, параллельно съ выясненіемъ въ ученой литературѣ потребности въ матеріалахъ по тому или другому историко-юридическому вопросу, а также и по указаніямъ опыта.

Организованныя Н. Н. Ардашевымъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ работы по описанію приходо-расходныхъ документовъ Помѣстнаго приказа («А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ, Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа», 1910 г.) показали первостепенное значеніе бюджета приказовъ для выясненія всей организаціи этихъ учрежденій и побудили описывать расходные столпы Разряда со внесеніемъ въ описи свѣдѣній о важнѣйшихъ статьяхъ расхода.

При составленіи въ 1894 году программы описанія столбцовъ производилась работа по подготовленію матеріала для III тома «Актовъ Московскаго Государства». Въ этотъ томъ должны были войти изъ столбцовъ Московскаго стола всѣ матеріалы о Польской войнѣ за обнимаемый томомъ періодъ (1660—1664 г.г.); предполагалось, что матеріалы по военной исторіи за слѣдующіе годы XVII вѣка войдутъ въ дальнѣйшіе томы академическаго изданія, и не представлялось цѣлесообразнымъ описывать подробно то, что вскорѣ должно было появиться въ печати въ подлинникѣ. Но въ виду невозможности сопоставлять данныя столбцовъ Московскаго стола съ данными другихъ неописанныхъ столбцовъ Разряда за тѣ же годы программа IV тома какъ разъ исключила матеріалы по исторіи войнъ, а, слѣдовательно, особенно послѣ прекращенія самаго изданія «Актовъ», явилась надобность въ подробномъ описаніи «полковыхъ» столбцовъ.

Изданные въ 1902 году «Списки городовыхъ воеводъ» А. П. Барсукова показали всю неполноту печатныхъ источниковъ и возложили

---

[1]) Напримѣръ, игнорируя пожалованіе придачъ вообще, составитель описи (XI стр. 29) отмѣчалъ пожалованія придачъ «при царѣ Василѣ» или пожалованіе придачи за какую-либо особую службу, за такое то посольство и т. п.

на нашъ архивъ обязанность, если не составить по документальнымъ даннымъ полный списокъ воеводъ за XVII столѣтіе, то во всякомъ случаѣ увеличить, сколь возможно, печатный матеріалъ по этому вопросу введеніемъ въ описи фамилій воеводъ и хронологическихъ данныхъ объ ихъ отпускѣ на воеводство и перемѣнѣ.

Постепенно по указаніямъ опыта былъ расширенъ и предметный указатель, особенно къ рубрикамъ о воеводахъ, крестьянахъ, помѣстьяхъ и судѣ.

Вообще надо имѣть въ виду нѣкоторое различіе между описями книгъ и описями столбцовъ. Составителямъ описей книгъ не было дано опредѣленной инструкціи, и редакціонное объединеніе описей производилось безъ особой настойчивости. Одни авторы довольствовались только заголовками дѣлъ, идущихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ въ той или другой книгѣ или вязкѣ, другіе старались ввести читателя глубже въ содержаніе дѣлъ съ помощью весьма полезныхъ для этой цѣли подстрочныхъ примѣчаній, и эти примѣчанія, «скрашивающія», по признанію одного строгаго рецензента [1]), неудобство канцелярскихъ описей», идутъ красной нитью въ IX и X книгахъ «Описанія Документовъ и Бумагъ» черезъ работы автора, признававшаго необходимость такихъ примѣчаній. Точно также авторы описей, бывшіе приверженцами группировки документовъ по содержанію, имѣли свободу дать образцы такой группировки, ставшей потомъ обязательной при описаніи столбцовъ, и въ описяхъ «разрядныхъ вязокъ» № 51 и № 53 мы встрѣчаемъ разнесеніе матеріала по рубрикамъ, во всякомъ случаѣ не служащее во вредъ описямъ этихъ вязокъ по сравненію съ описями предшествующихъ и послѣдующихъ. По такому, напримѣръ, обширному отдѣлу, какъ „дѣла разрядныя“, почти не прошлась редакціонная работа, и авторъ этихъ описей старается ограничиться неопредѣленными указаніями на содержащіяся въ этихъ книгахъ дѣла „административнаго“ „судебнаго“ и даже „частнаго характера“, отсылая читателя къ старой „подробной“ описи № 90, представляющей надранные по обычаю Иванова изъ книгъ и переплетенные въ одинъ фоліантъ неудобовразумительные и даже неудобочитаемые реестры первой половины XIX столѣтія. Эти недостатки, обусловленные исключительно тяжелой нервной болѣзнью редактора И. И. Шимко [2]), ученѣйшаго архивиста и аккуратнѣйшаго человѣка, не восполняются об-

[1]) „Русская Мысль“ 1897 г., № 4.

[2]) Приведшей его вскорѣ къ трагической смерти подъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ (7 Августа 1897 года.).

стоятельностью указателей, содержащихъ только личныя имена (да еще съ исключеніемъ именъ въ скрѣпахъ), географическія названія и названія учрежденій, при отсутствіи полнаго предметнаго указателя.

IV. Результаты описательной работы.

При оцѣнкѣ новыхъ описей надо имѣть въ виду, что описательная работа въ 1892—1917 годахъ происходила при другихъ условіяхъ, чѣмъ при Ивановѣ и даже при Калачовѣ. Послѣдній стремился обезпечить матеріальное положеніе и тѣмъ поднять образовательный уровень архивистовъ, но перваго онъ могъ достигнуть лишь цѣной незамѣщенія извѣстнаго числа архивныхъ должностей, второе же осуществилось лишь отчасти, благодаря привлеченію имъ на службу въ Архивъ нѣсколькихъ (въ большинствѣ случаевъ недолго остававшихся на ней) молодыхъ ученыхъ, въ томъ числѣ слушателей Археологическаго Института Н. Н. Оглоблина и А. А. Востокова.

Новый штатъ 1887 года при не слишкомъ большой щедрости на архивныя нужды со стороны Государственнаго Совѣта старыхъ временъ, старавшагося урвать даже такіе пустяки, какъ какіе-нибудь 4 рубля изъ мѣсячнаго оклада библіотекаря [1]), тѣмъ не менѣе далъ Н. А. Попову возможность обновить личный составъ Архива введеніемъ въ него нѣсколькихъ человѣкъ своихъ университетскихъ слушателей. „Частая мѣна необезпеченныхъ въ средствахъ жизни архивныхъ чиновниковъ высшаго образованія“ побудила Д. Я. Самоквасова послѣдовательно провести два архивныхъ штата 1897 и 1911 годовъ. Эти реформы до извѣстной степени улучшили матеріальное положеніе архивистовъ. Кромѣ того, увеличеніе вообще числа людей съ высшимъ образованіемъ и извѣстное тяготѣніе людей съ запросами научнаго характера къ большимъ культурнымъ центрамъ, въ родѣ Москвы, дали возможность производить описательныя работы по Разряду исключительно при помощи лицъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ. Всѣ 34 лица [2]), трудившіяся надъ описаніемъ разрядныхъ столбцовъ, имѣли высшее историческое или юридическое образованіе, а иные сверхъ того прошли курсъ археологическихъ институтовъ; въ числѣ ихъ находились два профессора (Ю. В. Готье и М. В. Довнаръ-Запольскій), два приватъ-доцента (К. А. Стратонитскій и Н. Н. Хару-

[1]) Библіотекарю было убавлено 4 рубля изъ 58 рублеваго оклада, назначеннаго младшимъ помощникамъ редактора и архиваріусовъ.

[2]) Кромѣ одного медика.

зинъ), одинъ университетскій лекторъ (А. Д. Григорьевъ) и одинъ преподаватель Московскаго Археологическаго Института (Н. Н. Ардашевъ), изъ остальныхъ участниковъ почти три четверти были такъ или иначе прикосновенны къ научной литературѣ.

Подобный составъ „Описательнаго“ отдѣленія послѣ 1892 года въ значительной степени гарантировалъ описи Разряда отъ промаховъ описей предшествовавшаго періода.

Надо также имѣть въ виду, что постепенно составился болѣе или менѣе постоянный контингентъ описательнаго персонала изъ людей, не только привыкшихъ къ работѣ за время болѣе или менѣе продолжительнаго археографическаго стажа, но и преданныхъ археографическому дѣлу[1]). Редакція можетъ констатировать въ описяхъ лишь такіе промахи, которые происходили отъ незнакомства составителей съ предметами очень спеціальнаго характера и болѣе или менѣе второстепеннаго значенія, что, конечно, требовало отъ редакціи тѣмъ болѣе внимательнаго отношенія къ дѣлу.

Наиболѣе опасными и обезцѣнивающими описи должны считаться ошибки въ личныхъ именахъ и особенно въ географическихъ названіяхъ. Въ этомъ отношеніи камнемъ преткновенія являлось нерѣдко обращеніе употреблявшихся въ дѣлопроизводствѣ XVII вѣка уменьшительныхъ именъ въ полныя. Составители описей не всегда могли разобраться въ разныхъ Тренкахъ, Трушкахъ, Трошкахъ, Прошкахъ и Пронькахъ и дѣлали иногда изъ Прошки не Прохора, а Прокофія, изъ Проньки не Прокофія, а какого-то Прона (сѣв. 332); уменьшительныя Алешка для Алексѣя и Александра и Левка для Льва и Леонтія также подавали поводъ къ недоразумѣніямъ, а имена Никифоръ, Никита, Дмитрій и даже Михаилъ при уменьшительныхъ Микишка, Микитка, Митка и Мишка требовали особой бдительности со стороны редакціи. Фамиліи людей „боярскаго списка“, въ общемъ въ виду ихъ ограниченнаго числа приглядѣвшіяся редакціи, почти не подвергались опасности остаться въ неисправномъ видѣ, и редакція, встрѣчая въ описи (Прик. 2262) князя Чернаго-Волконскаго, безъ справки съ подлинникомъ замѣняла его Чермнымъ-Волконскимъ, или считала нужнымъ справляться, видя Соковскихъ вмѣсто Соковниныхъ (Бѣлг. 364) въ стольникахъ, или зная, какъ легко смѣшиваются люди, съ похожими одна на другую фамиліями въ родѣ князей Шехонскихъ и князей Шахов-

[1]) Въ настоящее время лица, прошедшія архивную школу на описаніи дѣлъ Разряда, имѣются почти во всѣхъ отдѣлахъ Архива, въ томъ числѣ помощникъ управляющаго и завѣдующій первымъ отдѣломъ.

скихъ (писавшихся къ тому же часто Шеховскими). Еще болѣе портятъ описи ошибки въ географической номенклатурѣ, и надо обратить вниманіе на то, что существуетъ десятка два опасныхъ въ смыслѣ возможности ихъ искаженія именъ городовъ XVII вѣка, теперь уже большей частью упраздненныхъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ города Бѣлгородскаго полка (въ нынѣшнихъ Воронежской, Курской и Харьковской губерніяхъ) и во главѣ ихъ городъ Болховой или Болховецъ (теперь село въ 7 верстахъ отъ Бѣлгорода). Этотъ городъ, внесенный въ „Полное Собраніе Законовъ“ (I, № 516) подъ именемъ „Волхового“, хронически смѣшивается съ общеизвѣстнымъ Орловскимъ Болховомъ, и въ этомъ повинны Загоскинъ (стр. 24), Шумаковъ (на всемъ пространствѣ его описи книгъ Бѣлгородскаго стола)[1], А. П. Барсуковъ („Списки городовыхъ воеводъ“, 17) и даже Голомбіевскій въ начальномъ періодѣ своихъ занятій Разрядомъ („Оп. Док. и Бум.,“ V, отд. I, 5)[2]; забываютъ также, что по Болхову служили болховичи, а по Болховому болховчане или болховцы, и, встрѣчая этихъ болховцевъ, называютъ ихъ городъ не Болховымъ, а Болховомъ. Составителямъ описей былъ предложенъ для руководства списокъ такихъ сомнительныхъ вслѣдствіе созвучія названій городовъ, но до самаго конца описательной работы редакція всегда обращалась къ подлиннику при встрѣчѣ съ Болховомъ или Болховымъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ случаяхъ. Не представлялось возможнымъ пропустить ошибку, когда авторы описей помѣщали въ числѣ русскихъ городовъ XVII вѣка или не принадлежавшій тогда Россіи Луцкъ (Бѣлг. 1295) вмѣсто Лукъ-Великихъ по общему обоимъ городамъ прилагательному „луцкій“, или учрежденный при Екатеринѣ II Ковровъ вмѣсто Каширы (Коширы), или нигдѣ не существовавшій Кадашевъ (Прик. 1045 и 1898) вмѣсто Московской Кадашевской слободы. Названія безчисленныхъ рѣкъ, селъ, деревень и т. п. при безконечномъ ихъ разнообразіи требовали, кромѣ случаевъ несомнѣнной на первый же взглядъ подлинности, постоянной провѣрки по документамъ. Названія многочисленныхъ въ XVII вѣкѣ монастырей, частью теперь уже упраздненныхъ и вообще мало извѣстныхъ не спеціалистамъ, заставляли редакцію быть особенно осмотрительной; ей удавалось, конечно, безъ справки измѣнять ошибочныя названія обще-

---

[1]) „Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю.,“ X, стр. 5, 17, 31.

[2]) Хотя Неволинъ (Списокъ городовъ, т. VI) и Дополненія къ Актамъ Истор. (IX, № 106) давно уже различали эти города, не говоря уже объ Н. Н. Оглоблинѣ. Самъ авторъ этого очерка молодымъ архивистомъ не зналъ этого различія.

извѣстныхъ монастырей, напримѣръ, Возминскаго вмѣсто Возмицкаго въ Волокѣ-Ламскомъ, или Крупецкаго вмѣсто Крыпецкаго во Псковской области, но для замѣны Ржевскаго Михайловскаго (Моск. 437) Рождественскимъ въ г. Михайловѣ приходилось обращаться къ подлиннику.

Нѣкоторая доля ошибокъ, и притомъ большая, обусловливалась ошибочнымъ чтеніемъ текста документовъ. Узнавъ, напримѣръ, изъ описи (Безгл. 107) о посылкѣ грамотъ въ г. Броды, т. е. въ Галицію, редакція съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ обратились къ подлиннику и нашла тамъ „городы", причемъ „Г" было принято за лѣвую палочку „Б," а близко стоявшую къ „Г" букву „О" за брюшко той же буквы „Б."

Во многихъ случаяхъ причиною ошибки было неисправное состояніе черновика описи, и въ этомъ отношеніи составителямъ описей надо быть особенно осторожными. Встрѣчая, напримѣръ, въ описи (Безгл. 89) въ концѣ списка „замосковныхъ" городовъ (центральной области Московскаго государства) не имѣвшій съ ними никакой связи Бѣлгородъ, редакція по справкѣ нашла вмѣсто Бѣлгорода „замосковный же городъ Бѣлоозеро. Очевидно, имя этого города было неразборчиво написано въ черновикѣ и при переписке было принято за Бѣлгородъ. Тѣмъ же объясняются qui pro quo, состоящія въ томъ, что станичникъ иногда принимался за стольника, постельный истопникъ за какого-то „постельнаго стольника", а дворникъ за дворянина[1]).

Такія погрѣшности въ общемъ случайнаго характера, вполнѣ устранимыя и въ большинствѣ случаевъ устраненныя, не могли умалить пользу новыхъ описей документовъ Разряда для изслѣдователей.

За первыя 40 лѣтъ существованія Архива М. Ю. (1852—1892) дѣла Разряда и особенно его „хаотическіе" съ внѣшней стороны столбцы, не имѣя описей, представляли болѣе, чѣмъ второстепенный источникъ для посѣщавшихъ Архивъ ученыхъ. За это время съ серьезной научной цѣлью занимались Разрядомъ только С. М. Соловьевъ, историкъ флота Елагинъ, И. Е. Забѣлинъ, Н. П. Загоскинъ, В. О. Ключевскій, В. А. Гольцовъ, А. П. Барсуковъ, Д. В. Цвѣтаевъ, В. Н. Латкинъ, Д. И. Багалѣй, Н. П. Лихачевъ и П. Н. Милюковъ, притомъ всѣ съ замѣтнымъ и вполнѣ естественнымъ тяготѣніемъ къ книгамъ Разряда, несравненно болѣе доступнымъ, чѣмъ столбцы. Пе-

[1]) Разнообразные случаи такихъ ошибокъ подробно разсмотрѣны въ имѣющемъ появиться въ печатаемой XX книгѣ „Описанія Документовъ и Бумагъ" „послѣсловіи" къ описямъ Разряда.

редъ твердыней же столбцовъ ученые или отступали, или дѣлали по истинѣ героическія усилія, чтобы овладѣть хотя бы малой долей богатствъ, заключающихся въ этой, по выраженію одного изслѣдователя, „настоящей сокровищницѣ“ историко-юридическихъ матеріаловъ.

„Весьма неудобный способъ храненія“ столбцовъ принудилъ проф. Загоскина, пріѣзжавшаго въ Москву со спеціальной цѣлью занятій дѣлами Разряда для выясненія компетенціи этого приказа, ограничиться лишь знакомствомъ съ разрядными книгами. Энергичный Н. И. Костомаровъ содрагался при мысли о необходимости для него „залѣзть въ чащу“ столбцовъ Бѣлгородскаго стола, а Д. И. Багалѣй, побѣдоносно пробившійся черезъ эту „чащу“, навсегда сохранилъ не слишкомъ пріятное воспоминаніе о „дебряхъ“ этого архивнаго отдѣла. Незадолго до составленія новой описи столбцамъ Приказнаго стола „хаотичность“ ихъ приводила буквально въ „отчаяніе“ такого опытнаго и трудолюбиваго изслѣдователя, какъ С. А. Бѣлокуровъ. На примѣрѣ подвижника исторической науки — С. М. Соловьева лучше всего можно видѣть, какъ мало онъ могъ использовать богатѣйшіе матеріалы Разряда. Конечно, и по неопредѣленнымъ и отрывочнымъ указаніямъ безграмотной описи того времени иногда можно было намѣтить нужный столбецъ и потомъ проходить его подлинникомъ. Историкъ, конечно, понималъ, что дѣло идетъ о возмущеніи Соловецкихъ монаховъ противъ новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ, когда встрѣчалъ въ старой описи упоминаніе объ „отпискѣ изъ Соловецкаго монастыря Игнатья Волохова“ (Прик. 375) или о „дѣлахъ о Соловецкомъ монастырѣ, въ которомъ учинили черницы и мірскіе люди мятежъ“ (Прик. 1009); не трудно было также ему догадаться, что онъ найдетъ матеріалы для исторіи народнаго движенія 1662 года въ столбцѣ (Прик. 327), котораго опись не слишкомъ складно говорила „о приходѣ въ село Коломенское воровъ и бунтовщиковъ къ Государеву Дворцу москвичей и городовыхъ всякихъ чиновъ людей рейтарскаго и пешего строю наличныхъ людей съ фальшивымъ письмомъ въ чемъ имъ учинены распросы и наказанія“ со стереотипнымъ предостереженіемъ для приступающаго къ столбцу смѣльчака, что „столпъ расклеенъ“. Но хаотичность столбцовъ совсѣмъ не позволила историку использовать богатѣйшія данныя столбцовъ для разсказа о польскихъ и крымскихъ походахъ и принудила его по этимъ вопросамъ довольствоваться лишь матеріалами архивовъ Минист. Иностр. Дѣлъ и Государственнаго. Точно также Соловьеву удалось едва коснуться поверхности прямо неисчерпаемыхъ въ этомъ отношеніи матеріаловъ разрядныхъ столб-

цовъ для главъ о „внутреннемъ состояніи“ Россіи въ XVII вѣкѣ: какой-нибудь десятокъ столбцовъ, въ которыхъ заключалось по 2—3 дѣла, не остановившихъ въ виду ихъ малаго числа ивановскихъ канцеляристовъ передъ составленіемъ описи каждому дѣлу (напр., Прик. 1126, 1421), послужилъ при этомъ единственнымъ источникомъ автору „Исторіи Россіи“. Надо также имѣть въ виду привилегированное положеніе С. М. Соловьева, получившаго несовмѣстимое съ раціональнымъ архиведеніемъ право пользоваться документами у себя на дому.

Почти одновременно съ Соловьевымъ начавшій занятія въ Архивѣ историкъ Азовскаго періода русскаго флота Елагинъ въ изданной имъ въ 1864 году „Исторіи Русскаго Флота“ (приложенія VIII и IX и прибавленіе къ приложенію III) опубликовалъ довольно большое число матеріаловъ изъ столбцовъ Бѣлгородскаго Приказнаго и Московскаго столовъ. Но дѣло въ томъ, что Елагинъ использовалъ почти исключительно по одному столбцу каждаго стола: Бѣлгородскаго № 5343 (по старой нумераціи), Московскаго № 778, принадлежавшій къ немногимъ перемѣченнымъ по листамъ и кое-какъ описаннымъ, и Приказнаго № 3804, состоявшій всего изъ 30 листовъ и, благодаря этому, имѣвшій опись всѣхъ входящихъ въ него 5 небольшихъ дѣлъ.

Менѣе привилегированные изслѣдователи уже вполнѣ зависѣли въ своихъ розысканіяхъ отъ „любезнаго содѣйствія“ хранителей документовъ, и проф. Латкинъ, напримѣръ, довольно широко использовавшій разрядные матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ, былъ, по собственному признанію, этимъ „всецѣло обязанъ“ А. Н. Зерцалову, помощнику архиваріуса, большому знатоку архива.

Въ настоящее время при наличности новыхъ описей изслѣдователи уже не зависятъ отъ предупредительности архиваріусовъ, и за послѣдніе годы въ читальномъ залѣ Архива можно было ежедневно видѣть груды приносимыхъ изъ хранилища разрядныхъ столбцовъ и за ними ученыхъ, проходившихъ при помощи новыхъ описей эти удобно уложенные и читаемые, какъ книги, документы, представлявшіе еще такъ недавно недоступные для пользованія свитки безъ нумераціи листовъ и безъ путеводной нити въ ихъ почти невѣдомомъ содержаніи.

Облегченіе пользованія документами Разряда и прежде всего разрядными столбцами не замедлило отразиться на развитіи научной литературы послѣднихъ 20—15 лѣтъ. За это время появилось много диссертацій и статей по самымъ разнообразнымъ историко-юридическимъ вопросамъ, основанныхъ въ цѣломъ или въ частяхъ на матеріалахъ Разряда.

Изысканія по исторіи смутнаго времени, оживившіяся передъ пришедшимся на 1913 годъ юбилеемъ, не могли въ разрядномъ архивѣ провести къ осязательнымъ результатамъ вслѣдствіе гибели почти всѣхъ дѣлъ Разряда за первую четверть XVII вѣка во время пожара 1626 года. Впрочемъ, редакторы изданія „Смутное время Московскаго Государства“ предпринятаго „Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, Л. М. Сухотинъ и А. М. Гнѣвушевъ извлекли изъ дѣлъ Разряда нѣкоторые, второстепенные, правда, для задачъ ихъ выпусковъ, матеріалы, а въ столбцѣ „разныхъ столовъ“ № 139 былъ найденъ отрывокъ боярскаго списка времени царя Василія съ упоминаніемъ въ числѣ стольниковъ „Михайлы Ѳедорова сына Романова“, приложенный въ фототипической репродукціи къ статьѣ проф. Д. В. Цвѣтаева „Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство“ (Журн. М. Ю. 1913 г., № 1). По той же причинѣ Е. Д. Сташевскій въ изслѣдованіи „Очерки по исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича, ч. I, до эпохи Смоленской войны“ (1913 г.), могъ пользоваться лишь небольшимъ, хотя и цѣннымъ, разряднымъ матеріаломъ, прежде всего по вопросу о крестьянскихъ „урочныхъ годахъ“. Тотъ-же вопросъ разработанъ въ статьяхъ того же автора („Лѣтопись Ист. Родосл. О-ва въ Москвѣ“ 1915 г., в. 1—4) и П. П. Смирнова („Чтенія О. И. Др. Р.“ 1915 г., III) прежде всего на основаніи коллективной челобитной 1637 г. изъ столбца Владимірскаго стола[1]).

По исторіи соборнаго представительства первой половины XVII вѣка столбцы Разряда дали новые матеріалы, главнымъ образомъ по характеристикѣ выборовъ на земскіе соборы въ провинціи, для ряда трудовъ В. П. Алексѣева, Г. Н. Шмелева, проф. Ю. В. Готье и А. К. Кабанова[2]); причемъ одну найденную Ю. В. Готье въ столбцѣ Бѣлгородскаго стола челобитную ельчанъ С. А. Аваліани признаетъ „самымъ замѣчательнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ“.

Что касается исторіи приказовъ, то дѣла Разряда[3]) послужили весьма важнымъ источникомъ для диссертаціи И. Я. Гурлянда „При-

---

[1]) Болѣе подробныя библіографическія указанія будутъ приведены въ имѣющемъ выйти въ свѣтъ „послѣсловіи“ къ XX книгѣ „Описанія Документовъ и Бумагъ“.

[2]) Труды Археогр. Ком. при М. Археолог. О-вѣ, II, в. I, 1900 г.; Сборникъ статей учениковъ Ключевскаго 1909 г.; Памятники Русск. Исторіи, изд. подъ редакціей преподавателей русск. исторіи М. Унив., Труды Рязанск. Арх. коммиссіи, XXXIII, в. I и Ж. М. Н. Пр. 1910 г., № 99.

[3]) Т. е., главнымъ образомъ сданныя въ разрядный архивъ дѣла приказа тайныхъ дѣлъ и опись ихъ въ столбцѣ Московскаго стола № 751.

казъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ" (1902 г.) и главнымъ источникомъ для изслѣдованія—рецензіи проф. Д. Я. Самоквасова „Царскій контроль приказной службы въ XVII вѣкѣ" („Архивное Дѣло въ Россіи", II, 1902 г.). Исторія „Сыскныхъ приказовъ" разработана тѣмъ же И. Я. Гурляндомъ („Сборникъ" Владимірскаго-Буданова 1904 г.) и отчасти кн. Н. Д. Шаховской (Журн. Мин. Н. Пр. 1914 г., № 10) на основаніи небольшого, но цѣннаго матеріала разрядныхъ столбцовъ.

По исторіи самого Разряда, кромѣ основаннаго почти исключительно на матеріалѣ разрядныхъ столбцовъ сжатаго очерка дѣятельности этого приказа въ книгѣ Н. А. Рожкова „Происхожденіе самодержавія въ Россіи" (1906 г.), С. И. Порфирьевъ при свѣтѣ „разбросанныхъ въ дѣлахъ указаній" („Извѣстія Казан. О-ва Арх., Ист. и Этн., XXVIII, 1913 г.) установилъ существованіе, хотя и недолгое, въ Разрядѣ Казанскаго и Смоленскаго столовъ, В. П. Алексѣевъ и проф. М. В. Довнаръ—Запольскій познакомили („Труды Археограф. Коммиссіи", II, 1900 г.) публику съ данными разрядныхъ столбцовъ о бюджетѣ Разряда, Е. Д. Сташевскій со „смѣтами военныхъ силъ Московскаго Государства" („Воен. Ист. Вѣстникъ" 1910 г., № 9—10, „Кіев. Унив. Извѣстія" 1910 г., № 7) изъ столбцовъ Московскаго стола № 49 и „Разныхъ столовъ" № 8, а смѣта этого послѣдняго столбца была въ 1911 году полностью напечатана С. Б. Веселовскимъ („Чтенія О. И. Др. Рос.").

Въ своихъ изслѣдованіяхъ „Новгородскій Дворцовый приказъ въ XVII вѣкѣ" (1911 г.) и „Приказъ Сбора ратныхъ людей" („Ученыя Записки" Моск. Унив. 1917 г.), А. М. Гнѣвушевъ и А. И. Яковлевъ, имѣя въ качествѣ основныхъ источниковъ, первый помѣстно—вотчинные матеріалы нашего же архива, а второй—Московскаго Дворцоваго, пользовались разрядными данными лишь для отдѣлки деталей [1]).

И. П. Козловскій для своего изслѣдованія „Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ государствѣ" (1913 г.), извлекъ матеріалы первостепеннаго значенія изъ разрядныхъ столбцовъ объ организаціи почтоваго вѣдомства въ XVII вѣкѣ и біографическія свѣдѣнія объ организаторахъ этого вѣдомства—Марселисѣ и Виніусахъ.

Что касается исторіи военно-служилаго сословія, то дѣла Разряда, представляя главнѣйшій и благодаря новымъ описямъ, а особенно

---

[1]) А. И. Яковлевъ пользовался разрядными матеріалами для иллюстрированія примѣрами отдѣла (стр. 161—336) о „реакціи служилыхъ людей на сборы".

алфавитамъ, вполнѣ доступный источникъ для работъ чисто генеалогическаго и біографическаго характера, за послѣдніе годы дали обильный матеріалъ для генеалоговъ и біографовъ, Г. А. Власьева („Потомство Рюрика"), В. С. Арсеньева, Г. Н. и Н. А. Юреневыхъ, А. В. Селиванова, Л. М. Савелова, С. С. и Ю. В. Татищевыхъ, Н. П. Чулкова, И. П. Козловскаго („Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, 1906 г.), Ю. В. Арсеньева („Ближній бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій", 1903 г.) и др.[1]).

Кромѣ упомянутыхъ трудовъ В. Н. Сторожева (глава II), за послѣднее время по исторіи служилаго сословія вышли опирающіяся на разрядныя данныя изслѣдованія—В. И. Новицкаго, „Выборное и большое дворянство XVI—XVII вѣковъ" (1915 г.), А. Изюмова „Жилецкое землевладѣніе въ 1632 году" („Труды Ист. Родосл. О-ва" 1913 г.) и П. И. Иванова „Сябры—помѣщики" („Журн. М. Н. Пр." 1903 г., № 12).

Небогатый матеріалами по исторіи Москвы, архивъ Разряда, сосредочившаго въ себѣ воеводское управленіе большею частью территоріи Европейской Россіи XVII вѣка, является незамѣнимымъ источникомъ для исторіи областей и городовъ Московскаго государства.

Исторіи Сѣвернаго края[2]), кромѣ упомянутаго выше VI-го Псковскаго тома архивнаго „Сборника", посвященъ основанный прежде всего на разрядныхъ данныхъ трудъ И. И. Побойнина „Торопецкая Старина" („Чтенія О. И. Др. Р." 1902 г.); изданы также въ болѣе или менѣе сыромъ видѣ матеріалы по исторіи Кашина І. Я. Кунинымъ („Чтенія О. И. Др. Р." 1903 г., IV, 1905 г., III)[3]) и Старицы И. П. Крыловымъ (1904 г.).

Диссертація проф. Ю. В. Готье „Замосковный край въ XVII вѣкѣ" (1906 г.), какъ „опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси", основана главнымъ образомъ на матеріалахъ Помѣстнаго приказа и Коллегіи Экономіи, но авторъ при обработкѣ де-

---

[1]) В. Н. Сторожевъ въ своихъ этюдахъ о служилыхъ иноземцахъ (Лермантъ, Лесли) выдвинулъ значеніе хранящихся въ нашемъ Архивѣ и „затертыхъ рубрикой Разряда" дѣлъ Иноземскаго приказа.

[2]) Собственно городовъ „Новгородскаго разряда" въ отличіе отъ Поморскихъ и другихъ, не имѣвшихъ служилаго населенія городовъ вѣдомства Четей—Новгородской и Устюжской.

[3]) Н. П. Вишняковъ въ своемъ очеркѣ „Свѣдѣнія о (Кашинскомъ) купеческомъ родѣ Вишняковыхъ" (1903 г.), основываясь на разрядныхъ данныхъ, далъ нѣсколько деталей по исторіи посадскаго населенія Кашина въ XVII вѣкѣ.

талей внимательно обслѣдовалъ и описанные къ тому времени документы Разряда.

Изслѣдованіе Г. М. Бѣлоцерковскаго „Тула и Тульскій уѣздъ въ XVI и XVII вѣкахъ“ (1915 г.) точно также имѣетъ задачею „изученіе соціально-экономическаго положенія Тульскаго уѣзда“, но заключаетъ въ себѣ главу объ оборонѣ Тульской окраины, основанную на «многочисленныхъ малоиспользованныхъ» матеріалахъ разряднаго архива, а въ приложеніяхъ напечатаны документы Разряда о засѣчномъ дѣлѣ, въ томъ числѣ росписи Тульскихъ засѣкъ 146—49 годовъ. Трактующая о томъ же «очень важномъ для исторіи засѣчной черты моментѣ—лѣтѣ 1638 года», когда былъ начатъ ремонтъ этой черты, диссертація А. И. Яковлева „Засѣчная черта Московскаго Государства въ XVII вѣкѣ“ («Записки отд. рус. и слав. археологіи Р. Археолог. О—ва» 1917 г., XIII) имѣетъ своимъ главнымъ источникомъ матеріалы разряднаго архива, особенно столбцы Владимірскаго стола.

Для исторіи территоріи Бѣлгородскаго полка, обнимавшей части Тульской, Рязанской, Орловской, Курской и Тамбовской губерній и цѣлыя губерніи Воронежскую и Харьковскую, и въ частности выдѣлившейся изъ нея территоріи Слободскихъ черкасскихъ полковъ (въ Харьковской, Воронежской и Курской губерніяхъ) служитъ главнѣйшимъ источникомъ архивъ Бѣлгородскаго стола Разряда. Мѣстные историки съ патріархомъ научной исторіи Харьковщины Д. И. Багалѣемъ во главѣ встрѣтили весьма сочувственно [1]) появленіе въ печати описей столбцовъ Бѣлгородскаго стола, которые вслѣдъ за тѣмъ дали матеріалъ для нѣсколькихъ этюдовъ историку г. Усмани Б. Княжнинскому, г. Лебедяни Г. М. Бѣлоцерковскому и Воронежскимъ историкамъ С. Н. Введенскому, П. В. Никольскому и Т. Олейникову [2]).

Что касается исторіи Слободской Украйны, то Д. И. Багалѣй не только использовалъ сдѣлавшіеся ему извѣстными, благодаря новымъ описямъ, матеріалы столбцовъ Бѣлгородскаго стола для своей „Исторіи города Харькова“, но и напечаталъ ихъ особо (Сборникъ Харьк. Ист. Фил. О—ва, XVI) въ убѣжденіи, что въ извлеченіи эти матеріалы „далеко не даютъ понятія о полнотѣ ихъ содержанія“. Историкъ Харьковскаго казачества Е. А. Альбовскій счелъ нужнымъ на основаніи новыхъ матеріаловъ того же архивнаго отдѣла переработать

---

[1]) Въ разрядномъ архивѣ не мало дѣлъ приказа Великія Россіи, вѣдавшаго съ 1687 г. черкасскіе полки. Сборникъ Харьк. Ист. Фил. О—ва, XVI, 19.

[2]) Не считая малонаучной книги А. А. Танкова „Историческая Лѣтопись Курскаго дворянства“ (1913 г.), довольно широко использовавшей данныя разряднаго архива.

первыя 7 главъ своей изданной въ 1895 году „Исторіи Харьковскаго Слободскаго Казачьяго полка“, которыя и вышли въ свѣтъ въ 1914 году особой книгой подъ заглавіемъ „Харьковскіе Казаки“. Изъ того же источника В. Е. Данилевичъ почерпнулъ матеріалъ для нѣсколькихъ своихъ статей по спеціальнымъ вопросамъ Слободской исторіи („Труды Харьк. Археолог. Съѣзда“, 1902 г., «Сборникъ Ключевскаго» 1909 г.).

Для исторіи средняго и нижняго Поволжья съ его находившимися въ вѣдомствѣ приказовъ Новгородскаго, Большого Дворца и Казанскаго Дворца городами разрядный архивъ не представляетъ первостепеннаго источника, хотя А. К. Кабановъ, С. И. Порфирьевъ и А. А. Гераклитовъ [1]) использовали матеріалы Разряда для административной исторіи Нижегородскаго, Казанскаго и Саратовскаго краевъ. Поступившія въ Разрядъ въ 1674 году дѣла полковъ воеводъ, дѣйствовавшихъ противъ Разина, дали новый матеріалъ для исторіи Разинскаго движенія тѣмъ же С. И. Порфирьеву и А. К. Кабанову, а также П. В. Никольскому [2]).

Что касается исторіи селъ, то въ этомъ отношеніи разрядные матеріалы за послѣднее время использованы лишь для работъ въ родѣ книгъ В. А. Капустина о подмосковномъ Леоновѣ (1908 г.) или гр. П. С. Шереметева—о Звенигородскихъ Вяземахъ (1916 г.), написанныхъ по шаблону съ хрониками мѣстныхъ церквей и мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ на первомъ планѣ.

Матеріалы Разряда для финансово-хозяйственной исторіи Россіи XVII вѣка, такъ сказать, лишь намѣчены въ научной обработкѣ трудами проф. А. С. Мулюкина „Очерки по исторіи юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ Государствѣ“ (1912 г.), Е. Д. Сташевскаго „Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры Московскаго Государства“ („Журн. М. Н. Пр.“ 1912 г., № 4 и № 5) и С. Б. Веселовскаго „Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго Государства“ („Сборникъ Ключевскаго“, 1909 г.). На матеріалахъ разрядныхъ столбцовъ всецѣло основанъ этюдъ В. В. Соколова „Пьянство на Руси въ эпоху первыхъ Романовыхъ“ („Голосъ Минувшаго“ 1915 г., № 9). Но матеріалы столбцовъ Бѣлгородскаго

---

[1]) „Матеріалы по исторіи Нижегор. края“, вып. 2, „Извѣстія О—ва Арх., Ист. и Этн. при Казан. унив.“, XXVII, „Труды Сарат. Арх. Коммисіи“, вып. 29.

[2]) „Изв. О-ва Арх. Ист. Этн. при Каз. Унив., XXIX, в. 5—6; „Сборникъ Нж. Арх. Ком.“, XVII, в. 3; „Труды Ряз. Арх. Ком.“, XXVI, в. 2; „Воронеж. Старина“, XIII.

и Приказнаго столовъ для исторіи продовольственнаго строенія»[1]) съ большой полнотою изданы въ появившемся въ 1914 году первомъ томѣ „Очерковъ внутренняго управленія въ Московской Руси XVII столѣтія“ проф. Н. Я. Новомбергскаго.

Тотъ же проф. Новомбергскій широко использовалъ матеріалы разрядныхъ столбцовъ для своихъ изданій по исторіи политическаго суда и по исторіи медицины XVII вѣка подъ заглавіемъ „Слово и дѣло государевы“ (т. II, 1911 г.)[2]) и „Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи“ (томы I—IV, 1905—1907 г.г.). Матеріалы по исторіи медицины были обработаны проф. Новомбергскимъ въ статьѣ „Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси“ („Вѣстникъ Арх. и Ист.“ 1906 г., XVII) и въ изслѣдованіи „Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси“ (1907 г.)[3]).

Одновременно съ проф. Новомбергскимъ въ области политическаго суда по матеріаламъ разрядныхъ столбцовъ работали Г. Г. Тельбергъ для диссертаціи „Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ Государствѣ (1912 г.) и отчасти В. И. Веретенниковъ[4]), въ области же исторіи медицины М. Ю. Лахтинъ, авторъ работъ „Военно-медицинская организація въ прошломъ“ (1902 г.) и „Медицина и врачи въ Московскомъ государствѣ“ (1906 г.).

Слѣдуетъ упомянуть, что проф. Новомбергскій обнародовалъ грандіозный, расчитанный на 15 лѣтъ и 12 томовъ проектъ изданія матеріаловъ разрядныхъ столбцовъ по исторіи „строеній“—„пожарнаго“, „питейнаго“, „ремесленнаго“, „денежнаго“, „податного“, торговли, земледѣлія и всѣхъ отраслей добывающей промышленности,—планъ археографическаго предпріятія, обѣщающаго исчерпать большую часть этого документальнаго фонда.

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что во многихъ изъ упомянутыхъ выше изслѣдованіяхъ и изданіяхъ (Гурлянда, Рожкова, Новомбергскаго и др.) наглядно обнаруживается зависимость ихъ отъ изданныхъ ко времени ихъ изысканій новыхъ описей, позволяющая имъ цитировать только столбцы, описанные къ тому времени, иные (кн. Н. Д. Шаховская, проф. Мулюкинъ) ссылаются прямо на печатныя описи

---

[1]) Хлѣбные сборы, хлѣбная торговля, недороды и т. п.

[2]) До изданія Уложенія 1649 г.

[3]) Подробный критическій разборъ этихъ работъ проф. Новомбергскаго данъ проф. Д. В. Цвѣтаевымъ и помѣщенъ въ „Отчетѣ о 51-мъ присужденіи Академіею Наукъ наградъ гр. Уваровой“, Спб., 1910.

[4]) Для первой главы его „Исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени“ (1610 г.).

столбцовъ, а Е. А. Альбовскій даже лично не былъ въ Архивѣ, а лишь по печатнымъ описямъ намѣчалъ для переписки нужные ему матеріалы.

Въ то же время самая работа надъ описаніемъ разрядныхъ столбцовъ попутно подсказывала историко-юридическія темы многимъ участникамъ описанія, каковы В. П. Алексѣевъ, П. И. Ивановъ, С. И. Порфирьевъ, В. В. Соколовъ, Г. Н. Шмелевъ и другіе.

V. Археографическія перспективы въ области Разряда.

При окончаніи трудной и продолжительной описательной работы у лица, близко къ ней стоявшаго, является естественное желаніе подвести ей итоги, такъ сказать, отдѣлать ее на бѣло.

Наиболѣе подходящимъ завершеніемъ описанія документовъ Разряда было бы составленіе имъ систематическаго „обозрѣнія“. Въ этомъ отношеніи Архивъ едвали можетъ отговариваться недостаточностью рабочихъ силъ или ссылаться на способность серіознаго изслѣдователя самостоятельно оріентироваться въ нужномъ ему матеріалѣ. Увеличеніе числа рабочихъ часовъ и ожидаемое увеличеніе служебнаго персонала Архива могутъ дозволить эту существенную для научной работы археографическую роскошь. Вторая археографическая заповѣдь Н. В. Калачова („Оп. Док. и Бум. М. А. М. Ю.“, I, стр. I) говоритъ о необходимости послѣ составленія точныхъ и ясныхъ инвентарныхъ описей „по таковымъ описямъ, пользуясь по мѣрѣ надобности документами, составлять систематическіе перечни содержанія ихъ“. Научная археографія, по мнѣнію лица, авторитетнаго въ этой области [1]), „должна чутко прислушиваться къ запросамъ исторической науки и согласно съ этими запросами разрабатывать и издавать архивный матеріалъ въ наиболѣе цѣлесообразномъ для изслѣдователей видѣ, *стараясь, насколько возможно болѣе, избавлять послѣднихъ отъ черной подготовительной работы разбора и описанія массы матеріала*“.

Въ первую очередь для Архива выдвигается задача составить краткое „обозрѣніе“ документовъ Разряда для новаго изданія архивной „Памятной Книжки“, вышедшей въ свѣтъ въ 1890 году и совершенно устарѣвшей, особенно въ отношеніи разряднаго фонда, приведеннаго въ порядокъ и описаннаго какъ разъ послѣ 1890 года. Это

---

[1]) „Описаніе Док. и Бумагъ М. А. М. Ю.“, VII, отд. II, описаніе десятенъ В. Н. Сторожева, стр. 64.

краткое „обозрѣніе“ предполагается составить изъ трехъ частей: 1) „отдѣлы разряднаго фонда“ (статистическія данныя, свѣдѣнія о столахъ разряда, какъ имѣющихъ свои архивные отдѣлы, такъ и не имѣющихъ, и объ условномъ характерѣ архивныхъ отдѣловъ Разряда); 2) „виды и содержаніе документовъ“; 3) „описи и алфавиты“. Вторую часть этого „обозрѣнія“ предполагается раздѣлить на рубрики сообразно съ различными отраслями компетенціи Разряда и подъ каждой такой рубрикой помѣстить: 1) перечни видовъ относящихся къ ней документовъ съ сохраненіемъ приказной терминологіи XVII вѣка; 2) соотвѣтственныя библіографическія указанія.

Программа краткаго «обозрѣнія» выработана въ слѣдующемъ видѣ.

Часть первая: Матеріалы для общей исторіи Разряда.

I. Разрядъ, какъ „Государственная Канцелярія“ (отношенія къ царю, Боярской Думѣ, земскимъ соборамъ и приказамъ).

II. Разрядъ, какъ центральное правительственное учрежденіе со спеціальной компетенціей: 1) разрядная территорія въ отношеніи къ территоріямъ другихъ областныхъ приказовъ; 2) столы Разряда (компетенція столовъ и распредѣленіе между ними разрядной территоріи) [1]; 3) личный составъ; 4) помѣщеніе Разряда и приказная обстановка („приказной нарядъ“); 5) архивъ (составъ, способъ храненія, описи).

Часть вторая: Матеріалы для гражданско-административной дѣятельности Разряда:

I. Участіе Разряда въ управленіи столицею: 1) полицейскія и судебныя функціи разрядныхъ объѣзжихъ головъ; 2) попеченіе о санитарномъ благополучіи Москвы [2]; 3) экстренныя порученія строительнаго и религіозно-благотворительнаго характера (дачи монастырямъ и церквамъ).

II. Областное управленіе: 1) воеводы и другіе административные органы (ихъ отношенія къ Разряду, другимъ приказамъ и между собою) [3]; 2) канцеляріи областныхъ административныхъ органовъ и приказная обстановка на мѣстахъ (организація канцелярій, личный составъ, помѣщеніе, архивы, воеводскіе дворы, казенныя зданія).

---

[1]) Можетъ показаться, что здѣсь повторяется то же, что въ первой части обозрѣнія, но тамъ будутъ даны свѣдѣнія о столахъ для читателя „Памятной Книжки“, а здѣсь перечни матеріаловъ о столахъ для изслѣдователя исторіи Разряда.

[2]) Устройство „заставъ“ и вообще карантинныя мѣры имѣли въ виду не столько оздоровленіе областей, сколько обереганіе столицы и прежде всего дворца отъ заноса заразы.

[3]) Матеріалы для военной исторіи изъ смѣтъ и т. п. войдутъ въ третью часть.

III. Судебная компетенція Разряда: 1) судоустройство и судопроизводство Разряда; 2) областное судоустройство и судопроизводство: А) воеводскій судъ; Б) губные старосты и сыщики; 3) духовный судъ въ отношеніяхъ къ суду свѣтскому, приказному и областному; 4) мѣста заключенія и система наказаній [1]).

IV. Финансовая компетенція Разряда: 1) финансовое хозяйство Разряда: А) бюджетъ Разряда; Б) отношенія къ приказамъ съ финансовой компетенціей и междувѣдомственное движеніе денежныхъ суммъ („переносныя деньги"); В) разрядная бухгалтерія [2]); 2) областное финансовое хозяйство (финансовая компетенція Разряда на территоріяхъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ): А) окладные доходы, прямые и косвенные; Б) неокладные доходы; В) надзоръ за исправнымъ несеніемъ тягла мѣстнымъ (посадскимъ) населеніемъ и учетъ его, надзоръ за торговлей и промыслами.

Часть третья: Матеріалы для военно-административной дѣятельности Разряда:

I) Организація и комплектованіе военно-служилаго сословія: 1) думные, дворовые и Московскіе чины, кормовщики „Московского чину"; 2) служилые люди городовые: А) по верстанью; Б) по прибору; 3) служилые иноземцы и инородцы и люди (русскіе) иноземнаго строя: А) выѣзжіе иноземцы; Б) шляхта (Смоленская), литва и черкасы; В) татары, мордва и т. п.; Г) служилые люди иноземнаго строя (начальные люди, гусары, драгуны, копейщики, рейтары, солдаты) [3]); 4) сборы даточныхъ людей; 5) смѣта военныхъ силъ Московскаго государства; 6) служилое землевладѣніе (помѣстный окладъ въ противоположность помѣстной дачѣ, земельная компетенція Разряда на территоріяхъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ); 7) служилое владѣніе людьми [4]).

II. Укрѣпленіе и охрана городовъ и рубежей: 1) укрѣпленіе и охрана старыхъ городовъ; 2) стратегическая колонизація (заселеніе но-

---

[1]) Ссылка въ колонизаціонныхъ цѣляхъ войдетъ въ третью часть, въ подъ-отдѣлъ колонизаціи.

[2]) Дачи монастырямъ и церквамъ на новыхъ разрядныхъ территоріяхъ войдутъ въ третью часть, въ подъ-отдѣлъ колонизаціи, равно какъ матеріалы по исторіи епархій Бѣлгородской, Воронежской и Тамбовской и соотвѣтственныхъ частей патріаршей области.

[3]) Здѣсь же о компетенціи Разряда въ отношеніи къ Московской Новонѣмецкой слободѣ.

[4]) Этотъ терминъ едва ли не умѣстенъ въ виду постепенной и быстрой утраты въ XVII вѣкѣ крестьянами признаковъ лично свободныхъ государственныхъ тяглецовъ.

выхъ территорій Бѣлгородскаго и Слободскихъ черкасскихъ полковъ); 3) укрѣпленіе и охрана рубежей: А) засѣки и черты; Б) организація развѣдочной службы (вѣстовой, станичной, сторожевой); В) пограничныя сношенія и „задоры“; 4) укрѣпленіе новозавоеванныхъ мѣстъ въ бассейнахъ нижнихъ теченій Днѣпра и Дона (Каменный Затонъ, Самарскіе города, Азовъ, Троицкій и Сергіевскій на Таганрогѣ).

III. Мобилизація: 1) объявленіе указовъ о мобилизаціи; 2) явка на службу и смотры; 3) освобожденіе отъ полковой службы, сыскъ и наказаніе нѣтчиковъ и бѣглецовъ.

IV. Снабженіе войскъ и крѣпостей: 1) хлѣбными и вообще съѣстными припасами; 2) солью; 3) полковыми припасами (нарядомъ, ружьемъ, аммуниціей и т. п.); 4) лошадьми и конскими кормами.

V. Обезпеченіе сообщеній: 1) сухимъ путемъ: А) устройство и починка дорогъ; Б) сборы подводъ и подъемныхъ лошадей; В) организація почтовыхъ сношеній; 2) водянымъ („плавнымъ“) путемъ (струговое дѣло и Донской, Кіевскій, Таванскій, Самарскій, Азовскій и др. „отпуски“).

VI. Корабельное дѣло (начало флота).

VII. Руководство военными дѣйствіями (ежегодные сборы для охраны рубежей отъ прихода „воинскихъ людей“—крымцевъ, ногайцевъ, калмыковъ и т. п., внѣшнія польскія, шведскія и турецкая войны, усмиренія народныхъ движеній): 1) организація „полковъ“ (армій или корпусовъ); 2) походы (разрядные „шатры“, какъ военно-походныя отдѣленія Разряда); 3) роспускъ ратныхъ людей со службы; 4) военная добыча: А) завоеваніе городовъ и областей; Б) захватъ плѣнныхъ („язычники“, положеніе плѣнныхъ и владѣніе „полонными людьми“; В) „сеунчи“ (трофеи); 5) военныя потери: А) территоріальныя уступки; Б) разореніе русскихъ областей и городовъ; В) раненые и убитые („лѣчба“ раненыхъ, учетъ и погребеніе убитыхъ); Г) полоняники („розмѣна“, „окупъ“, „выходъ собою“); 6) пожалованія за полковую службу, за смерть родичей, „за кровь“, „за полонное терпѣнье“, „за выходъ“, „за подначальство“: А) повышеніемъ въ чинахъ; Б) придачами къ окладамъ; В) служебными и другими привилегіями и льготами; Г) „милостивою похвалою“; Д) денежнымъ жалованьемъ, золотыми, шубами, кубками, иконами и т. п.

Желательно было бы, по моему мнѣнію, это краткое „обозрѣніе“ принять за срединную точку для концентрической работы по составленію полнаго „обозрѣнія“ дѣлъ Разряда, дополненнаго рядомъ приложеній, имѣющихъ болѣе или менѣе общее историческое значеніе, какъ, напримѣръ: 1) „Башмаковская“ опись (требующая, впрочемъ,

безотлагательнаго опубликованія), 2) списокъ дѣлъ разряднаго фонда, принадлежащихъ не Разряду, 3) карта территоріи Разряда и другихъ приказовъ; 4) списокъ воеводъ городовъ, вѣдавшихся въ Разрядѣ; 5) „памяти“, присылавшіяся въ Разрядъ изъ другихъ приказовъ „для годовыя смѣты“ со свѣдѣніями о воеводахъ и другихъ должностныхъ лицахъ въ городахъ по „Отпуску“ изъ этихъ приказовъ(въ хронологическомъ подборѣ), и другіе важнѣйшіе документы Разряда.

В. Шереметевскій.

7 Ноября 1918 г.

ПРОЕКТЪ АРХИВНОЙ РЕФОРМЫ БАР. Г. А. РОЗЕНКАМПФА (1820 Г.).

Исторія архивнаго дѣла въ Россіи еще ждетъ своей разработки. Въ частности весьма неполно изслѣдована у насъ исторія архивнаго законодательства, мало изучены попытки это законодательство реформировать. Одному изъ проектовъ архивной реформы, не обратившему на себя въ свое время того вниманія, котораго онъ безусловно заслуживалъ, а затѣмъ и вовсе забытому, и посвящена настоящая моя статья.

Авторомъ этого проекта былъ старшій членъ совѣта Комиссіи составленія законовъ баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ, имя котораго столь тѣсно связано съ кодификаціонными работами первой четверти XIX вѣка [1]). 8 Апрѣля 1820 г. Розенкампфъ представилъ Главноуправляющему Комиссіей составленія законовъ князю Петру Васильевичу Лопу-

[1]) См. біографію Розенкампфа, составленную П. Майковымъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, томъ „Рейтернъ-Рольцбергъ“, Спб. 1913 г., стр. 365, а также П. Майковъ, „Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ“, „Русская Старина“, 1904 г., т. 120-й, стр. 140 слл. Послѣдняя работа П. М. Майкова является, собственно говоря, нѣсколько дополненнымъ переводомъ отрывка нѣмецкой автобіографической записки Розенкампфа, хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Россійской Публичной Библіотеки. Отрывокъ этотъ обнимаетъ собой жизнь Розенкампфа съ 1789 г. по 1810 г.; дополненія П. М. Майкова заключаютъ въ себѣ краткое повѣствованіе о годахъ жизни Розенкампфа, не затрагиваемыхъ въ запискѣ.

хину [1]) рапортъ и при рапортѣ этомъ двѣ записки, названныя имъ „Планами“. Оба „Плана“ имѣли отношеніе къ архивному дѣлу, но первый заключалъ въ себѣ нѣкоторыя предположенія относительно архива Комиссіи составленія законовъ [2]), второй-же былъ планомъ „о приведеніи въ лучшее устройство Архивовъ вообще“ [3]). Непосредственнымъ предметомъ моей статьи будетъ разсмотрѣніе предположеній Розенкампфа относительно общей архивной реформы, но поскольку предположенія эти связаны въ его запискѣ съ мѣропріятіями по архиву Комиссіи, мнѣ придется остановиться и на послѣднихъ.

Въ рапортѣ, при которомъ представлены были Лопухину оба исходившіе отъ Розенкампфа плана, относительно того изъ нихъ, который заключалъ въ себѣ проектъ общей архивной реформы, авторъ его писалъ: „... припоминая, что за нѣсколько предъ симъ времени Вашей Свѣтлости угодно было поручить мнѣ изложить мнѣніе о лучшемъ устройствѣ Архивовъ, кои находятся въ великомъ запущеніи, я имѣю честь представить у сего записку о семъ предметѣ“. Врядъ-ли можно, однако, сомнѣваться въ томъ, что это исходившее отъ Лопухина порученіе было вызвано по иниціативѣ самого-же Розенкампфа: пользованіе архивами, какъ увидимъ ниже, было слишкомъ тѣсно связано съ производившейся подъ руководствомъ Розенкампфа работой, чтобы онъ могъ спокойно пройти

---

[1]) Князь П. В. Лопухинъ былъ въ то же время предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ (см. біографію Лопухина, составленную М. Поповымъ, въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, томъ „Лабзина-Ляшенко“, Спб. 1914 г., стр. 686—687; „Государственный Совѣтъ, 1801—1901 г., Спб. 1901 г., стр. 29; С. М. Середонинъ, „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“, т. I, Спб. 1902 г., стр. 599).

[2]) Озаглавленъ онъ былъ „Планъ для составленія Хронологическаго Реестра всѣмъ узаконеніямъ и Указамъ, хранящимся въ Архивѣ Комиссіи составленія законовъ“.

[3]) Какъ рапортъ Розенкампфа, такъ и оба плана напечатаны въ изданіи „Труды Коммисіи Составленія Законовъ. Томъ I. Постановленія объ образованіи Коммисіи“. Второе изданіе. Санктпетербургъ, 1822 г., стр. 189—203. Въ дальнѣйшемъ это изданіе будетъ мною цитироваться „Труды“.

мимо великаго ихъ „запущенія“ [1]). Надо думать поэтому, что не только содержаніе конкретныхъ мѣропріятій, намѣченныхъ въ запискѣ Розенкампфа, но и самое возбужденіе вопроса о постановкѣ на очередь общей архивной реформы принадлежитъ безраздѣльно послѣднему.

„Планъ о приведеніи въ лучшее устройство Архивовъ вообще“ по содержанію своему распадается на три части: прежде всего Розенкампфъ развиваетъ соображенія о государственной важности „порядочнаго“, какъ онъ выражается, устройства архивовъ и отмѣчаетъ неудовлетворительность постановки архивнаго дѣла въ Россіи, поясняя попутно, почему именно Комиссія составленія законовъ должна была неизбѣжно эту неудовлетворительность ощутить. Затѣмъ онъ указываетъ на тѣ причины, которыми обусловливается неустройство отечественныхъ архивовъ. Наконецъ, намѣчаетъ тѣ мѣропріятія, которыя должны это неустройство устранить. Къ порядку этихъ трехъ частей я и пріурочу разсмотрѣніе записки Розенкампфа.

I.

„Порядочное устройство Государственныхъ Архивовъ есть предметъ не только немаловажный, но можно смѣло сказать одинъ изъ полезнѣйшихъ и необходимыхъ, на который Правительство должно обратить свое вниманіе“. Такъ начинаетъ

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что предположенія Розенкампфа имѣли основаніе встрѣтить благопріятное къ себѣ отношеніе Лопухина, такъ какъ послѣдній имѣлъ случай лично убѣдиться въ „великомъ запущеніи“ архивнаго дѣла: въ бытность свою Министромъ Юстиціи, въ 1808 году, Лопухинъ производилъ ревизію Московскаго Архива старыхъ дѣлъ, результатомъ которой явилось обнаруженіе не только весьма значительнаго количества дѣлъ неразобранныхъ и неописанныхъ, но и множества дѣлъ, совершенно погибшихъ „отъ гнилости“. Столь печальное положеніе архива было отнесено „на счетъ нерадѣнія господъ присутствующихъ архива“; послѣ нѣсколькихъ неблагопріятныхъ для послѣднихъ донесеній оберъ-прокурора Шетнева, которому поручено было наблюденіе за работами по приведенію архива въ порядокъ, все присутствіе архива и секретарь его были отрѣшены отъ должностей. См. И. И. Шимкова А. А. Гоздаво-Голомбіевскій, „Архивъ старыхъ дѣлъ до 1812 года“ („Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи“, кн. V-я, М. 1888 г.), стр. 467—468.

свою записку Розенкампфъ. Это основное положеніе подкрѣпляется имъ въ дальнѣйшемъ рядомъ соображеній, изъ которыхъ явствуетъ, что Розенкампфъ весьма неотчетливо различаетъ два типа архивныхъ учрежденій: архивъ, какъ хранилище историческихъ и дѣлопроизводственныхъ дѣлъ и документовъ съ одной стороны, и архивъ, какъ хранилище крѣпостныхъ актовъ, утверждающихъ права на недвижимости, съ другой. Аргументація со ссылкой на необходимость въ интересахъ государственныхъ имѣть точную освѣдомленность, гдѣ можно найти документы законодательнаго и административнаго свойства, перемежевывается съ аргументаціей частноправового порядка, съ указаніями на желательность сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ всѣхъ актовъ на недвижимыя имущества, причемъ, какъ это ни странно, аргументація второго рода преобладаетъ. Соображенія въ пользу упорядоченія архивныхъ хранилищъ публично-правовыхъ документовъ даже внѣшнимъ образомъ не выдѣлены изъ разсужденій относительно образованія архивовъ крѣпостныхъ актовъ [1]). Произведя все же такое выдѣленіе, мы должны будемъ признать, что Розенкампфъ выдвигаетъ лишь одинъ доводъ въ пользу приведенія историческихъ и дѣлопроизведственныхъ архивовъ въ благоустроенное состояніе: правительству необходимо знать, гдѣ находятся бумаги, принадлежащія къ одной и той же отрасли управленія, необходимо имѣть возможность производить общій его обзоръ. Желательность благоустройства архивовъ крѣпостныхъ актовъ поддерживается Розенкампфомъ тѣмъ соображеніемъ, что и правительство, и частныя лица заинтересованы въ томъ, чтобы всѣ крѣпости, сдѣлки и прочіе акты какъ на государственныя, такъ и на частныя недвижимыя имущества сосредоточены были въ одномъ мѣстѣ. „Что сказали бы“, спра-

[1]) Соотвѣтственное мѣсто записки Розенкампфа гласитъ: „.... Правительство обширной Имперіи должно затрудняться, и нерѣдко имѣть недостатокъ въ нужныхъ свѣдѣніяхъ, когда документы, содержащіе въ себѣ нетокмо разныя крѣпости, сдѣлки и прочіе акты на Государственныя и частныя имущества, однимъ словомъ самые источники Законовъ разсѣяны во сто и болѣе мѣстахъ, такъ что Правительству весьма трудно знать, гдѣ находятся бумаги, принадлежащія къ одной и той же части управленія, а еще менѣе имѣть общее обозрѣніе всѣхъ частей его“. („Труды“, стр. 198—199).

шиваетъ Розенкампфъ, „о частномъ человѣкѣ, имѣющемъ въ разныхъ губерніяхъ движимое и недвижимое имущество, который вмѣсто того, чтобы собрать всѣ крѣпости, акты и сдѣлки на свое имѣніе, разсѣялъ бы ихъ по многимъ мѣстамъ, не сдѣлавъ даже и общей описи“? Тѣмъ большія неудобства должно испытывать отъ аналогичнаго положенія вещей правительство.

Уже усиленное подчеркиваніе неудобства разбросанности архивнаго матеріала заставляетъ предположить, что проектъ Розенкампфа будетъ направленъ въ сторону его централизаціи. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе уже въ той части „Плана“, которая мною сейчасъ разсматривается. Утверждая, что „порядочное“ устройство государствомъ архивовъ является предметомъ полезнѣйшимъ и необходимымъ, Розенкампфъ отмѣчаетъ, что „истина сія признана всѣми просвѣщенными Европейскими Державами“, и, въ частности, указывается на то, что „въ Англіи, Франціи и Германіи устройство Архивовъ приведено въ самое цвѣтущее и сообразнѣйшее съ ихъ цѣлью положеніе“. Дальше, отмѣтивъ тѣ затрудненія, которыя проистекаютъ отъ разбросанности архивныхъ матеріаловъ, Розенкампфъ указываетъ, что въ перечисленныхъ имъ государствахъ затрудненія эти исключены, такъ какъ тамъ „всѣ Архивы соединены въ одинъ составъ и приведены въ надлежащій порядокъ“; тутъ же общія указанія на страны, въ которыхъ архивное дѣло благоустроено, и архивы соединены „въ одинъ составъ“ дополняется конретной ссылкой и на „бывшій Польскій Архивъ“ [1]).

Изъ названныхъ Розенкампфомъ странъ Франція являла, безспорно, наиболѣе яркій примѣръ архивной централиза-

[1]) Упоминаніе Польскаго Архива приводитъ къ тому, что Розенкампфъ снова возвращается къ вопросу объ устройствѣ архива крѣпостныхъ актовъ: „Каждому владѣльцу въ Польскихъ Провинціяхъ и Польшѣ еще легко отыскать въ Метрикѣ, имѣющейся при Сенатѣ, всѣ нужныя ему крѣпости на недвижимыя имѣнія, и всякаго рода по онымъ сдѣлки. Но сколько трудовъ, времени и издержекъ стоило бы въ Россіи, если бы кто потерявъ документы на свое имѣніе, пожелалъ ихъ отыскать и возстановить. Иногда даже и вовсе сего невозможно“. („Труды“, стр. 199).

ціи. Начало образованія національнаго архива (Archives nationales) положено было регламентомъ 29 Іюля 1789 г., въ силу котораго при Учредительномъ Собраніи созданъ былъ архивъ всѣхъ относящихся до его работъ документовъ („Dépôt de toutes les pièces originales relatives aux opérations de l' Assemblée") [1]). Наименованіе „archives nationales" было даровано этому архиву декретомъ 12 Сентября 1790 г., который опредѣлилъ ближайшимъ образомъ его составъ какъ собраніе документовъ, устанавливающихъ конституцію королевства, его публичное право, законы и раздѣленіе на департаменты [2]). Значительно шире вопросъ объ архивной централизаціи былъ поставленъ затѣмъ закономъ 7 Мессидора II года: [3]) въ силу этого закона національный архивъ былъ объявленъ центральнымъ хранилищемъ для всей республики, [4]) всѣ остальныя хранилища были признаны состоящими въ его вѣдомствѣ подъ общимъ надзоромъ законодательнаго собранія, въ частности подъ надзоромъ комитета архивовъ [5]). Всѣ эти хранилища должны были составить суммарную опись своего содержанія и препроводить ее въ національный архивъ. Независимо отъ этого, всѣ документы, касающіеся поземельной собственности государства (titres domaniaux), гдѣ бы они ни находились, признаны были составной частью секціи домэновъ національнаго архива и комитету архивовъ предоставлено было въ любое время распорядиться о доставленіи ихъ въ эту секцію [6]). Тѣмъ же закономъ 7 Мессидора II года созданъ былъ особый органъ Agence temporaire des titres, призванный разобрать архивные документы по тремъ категоріямъ: въ первую изъ

[1]) H. Bordier, „Les archives de la France", Paris, 1855, p. 2; Langlois et H. Stein, „Les archives de l'histoire de France", Paris, 1893, p. 5.

[2]) „Les Archives nationales sont le dépôt de tous les actes qui établissent la constitution du royaume, son droit public, ses lois et sa distribution en départements".—См. Bordier, o. c., p. 4.

[3]) Текстъ этого закона см. у Bordier, o. c., p. 384—389.

[4]) Art. 1: „Les archives établies auprés de la représentation nationale sont un dépôt central pour toute la république".

[5]) Art. 3.

[6]) Art. 6.

нихъ должны были быть включены документы, признанные нужными и въ силу этого подлежащіе передачѣ въ національный архивъ; во вторую категорію отнесены были документы безполезные съ точки зрѣнія интересовъ собственности государственной или частныхъ лицъ и обреченные къ уничтоженію; въ третью категорію включены были хартіи и рукописи, относящіяся къ исторіи, наукѣ или искусству—законъ требовалъ передачи ихъ въ Парижѣ въ Національную Библіотеку, а въ департаментахъ—въ библіотеки каждаго дистрикта. Разборъ документовъ, порученный въ Парижѣ упомянутому уже Agence temporaire des titres, въ департаментахъ долженъ былъ быть произведенъ спеціально призванными къ тому гражданами (preposés au triage), назначенными конвентомъ по представленію комитета архивовъ. Законъ 7 Мессидора II года, получи онъ полное осуществленіе, привелъ бы къ объединенію въ нѣдрахъ національнаго архива архивныхъ фондовъ, собранныхъ со всей страны. Однако, постановленія этого закона въ значительной своей части остались на бумагѣ: разборъ архивныхъ документовъ въ департаментахъ вовсе почти произведенъ не былъ и пополненія національнаго архива съ мѣстъ оказались воистину ничтожными [1]). Законъ 5 Брюмера V года организовалъ къ тому же департаментскіе архивы [2]). Существенной датой въ исторіи національныхъ архивовъ является дата 8 преріаля VIII года: въ этотъ день послѣдовалъ указъ перваго консула [3]), отдѣлившій архивъ отъ законодательнаго собранія и поставившій управляющаго архивомъ (archiviste) въ непосредственную зависимость отъ перваго консула. Но объединенные въ административномъ отношеніи архивные фонды, составлявшіе національный архивъ фонды, продолжали быть размѣщенными въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ помѣщеній и лишь послѣ того, какъ пріобрѣтено было въ силу декрета 6 Марта 1808 года [4]) обширное

[1]) Bordier, o. c., p. 342—343; Langlois et Stein, o. c., p. 68.

[2]) Langlois et Stein, o. c., p. 7. Организація ихъ была завершена закономъ 28 Плювіоза VIII года—см. Bordier, o. c., p. 343.

[3]) Указъ этотъ напечатанъ у Bordier, o. c., p. 391—392.

[4]) Bordier, o. c., p. 17.

зданіе Hôtel Soubise, удалось объединить эти архивные фонды и пространственно. Въ силу этого декрета въ зданіи Hôtel Soubise должны быть помѣщены всѣ существовавшіе въ Парижѣ архивы, какъ бы они ни именовались, но и это постановленіе осталось на бумагѣ и цѣлый рядъ вѣдомственныхъ архивовъ продолжалъ свое самостоятельное существованіе, весьма случайно и не регулярно сдавая дѣла въ національный архивъ. Никакой законодательной регламентаціи обязательности такой сдачи и ея порядка не существовало [1]). Лишь послѣ размѣщенія національнаго архива въ Hôtel Soubise была произведена стоявшимъ во главѣ его Daunou предметная классификація составившихъ его фондовъ, т. е. образованы были отдѣльныя секціи [2]). На этомъ предположенія централизаціи архивныхъ фондовъ въ императорской Франціи не остановились: декретомъ 21 Марта 1812 г. [3]), Наполеонъ предписалъ постройку грандіознаго зданія на лѣвомъ берегу Сены между мостами Іены и Согласія, призваннаго вмѣстить въ себѣ всѣ архивы Имперіи. Постройка этого зданія была начата [4]), но событія того же 1812 года, а затѣмъ обрушившіяся на Францію несчастія послѣдующихъ годовъ оставили её незавершенной. Точно также потерпѣлъ крушеніе вмѣстѣ съ военнымъ счастьемъ Наполеона и другой его планъ, частично успѣвшій получить уже осуществленіе,—планъ сдѣлать парижскій архивъ хранилищемъ не только всѣхъ архивныхъ фондовъ Франціи, но и центральнымъ архивнымъ хранилищемъ всѣхъ исторически цѣннѣйшихъ фондовъ всей Европы: въ Парижъ были свезены документы изъ архива ватиканскаго, изъ цѣлаго ряда другихъ итальянскихъ архивовъ, акты германскаго имперскаго архива, матеріалы изъ архивовъ голландскихъ и др. [5]). Реставрація Бурбоновъ имѣла непосредствен-

[1]) Bordier, o. c., p. 284—285.
[2]) Bordier, o. c., p. 17, 54—55.
[3]) Bordier, o. c., p. 392—393.
[4]) Borbier, o. c., p. 27—28.
[5]) См. „Tableau des archives étrangères réunies aux archives de l'empire par Napoléon I-er“ у Bordier, o. c., p. 396—407.

нымъ своимъ слѣдствіемъ возвращеніе всѣхъ этихъ фондовъ тѣмъ правительствамъ, которымъ они ранѣе принадлежали.

Несмотря на то, что Наполеоновскій проектъ полной централизаціи архивныхъ фондовъ не получилъ осуществленія, Франція той эпохи, къ которой относится изучаемая записка Розенкампфа, безспорно являла собой убѣдительный примѣръ страны, въ которой значительные архивные фонды объединены „въ одинъ составъ“ и въ достаточной степени упорядочены.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ Германіей, на которую опять-таки ссылается Розенкампфъ. Въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ централизація архивовъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ въ то время, когда писалъ свою записку Розенкампфъ, осуществлена не была: исключеніе составляла едва ли не одна только Баварія. Два государства привлекаютъ къ себѣ, обычно, вниманіе изслѣдователей, какъ идейные руководители сѣвера и юга Германіи,—Пруссія и Бавaрія. Краткое изложеніе архивнаго законодательства этихъ странъ первой четверти прошлаго вѣка покажетъ намъ въ какой мѣрѣ составитель являющагося предметомъ нашего разсмотрѣнія „плана“ могъ использовать положеніе архивовъ въ Германіи какъ примѣръ ихъ централизаціи и, что тѣсно по мысли Розенкампфа одно съ другимъ связано, ихъ благоустроенности.

Въ Пруссіи единства архивнаго управленія въ 1820 г. не существовало. Первое мѣсто среди прусскихъ архивовъ принадлежало такъ называемому Тайному Государственному архиву (Geheimer Staats-Archiv), обособленнымъ отдѣленіемъ котораго являлся Geheimer Cabinets-Archiv [1]) [2]). Реформа

[1]) v. Lancizolle, „Denkschrift über die Preussischen Staats-Archive“, 1855, s. 13.

[2]) Въ Geh. Staats-Archiv въ началѣ XIX в. хранились дѣла и документы Государственнаго Совѣта (Staatsrath), дѣла Cabinets-Ministerii, дѣла составлявшихъ отдѣльныя вѣдомства Staats-Ministerii департаментовъ (Justiz-Departement, Lehns-Departement) и др.; въ Geh. Cabinets-Archiv хранились документы, относившіеся къ королевскому дому, трактаты съ иностранными державами и др. См. v. Lancizolle, o. c., s. 14.

центральнаго управленія, связанная съ именами Штейна и Гарденберга, поставила Тайный Государственный Архивъ подъ непосредственный надзоръ государственнаго канцлера [1]). Послѣднимъ изданъ былъ 2 Іюля 1812 г. новый архивный регламентъ, въ которомъ заключалось, между прочимъ, слѣдующаго рода требованіе: всѣ учрежденія, дѣла которыхъ за прежнее время хранились въ Тайномъ Государственномъ Архивѣ, должны были и впредь въ опредѣленные сроки сдавать въ этотъ архивъ дѣла, ненужныя для текущаго дѣлопроизводства [2]). На дѣлѣ это постановленіе регламента почти совсѣмъ не выполнялось: за исключеніемъ министерства двора и министерства иностранныхъ дѣлъ, ни одно изъ вѣдомствъ не сдавало въ Тайный Государственный Архивъ своихъ дѣлъ сколько-нибудь регулярно и планомѣрно [3]). Вмѣсто Тайнаго Государственнаго Архива дѣла эти попадали частью въ такъ называемый Ministerial-Archiv, образовавшійся изъ „регистратуры“ General-Directorium'а, т. е. созданнаго еще при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I центральнаго коллегіальнаго органа внутренняго управленія, лишь послѣ реформъ 1808—1810 гг. уступившаго мѣсто бюрократически организованнымъ министерствамъ [4]), частью—въ вѣдомственныя „регистратуры“. Послѣ упраздненія въ 1808 г. General-Directorium'а архивъ его не былъ переданъ въ вѣдѣніе Тайнаго Государственнаго Архива, а управлялся какъ обособленное архивное установленіе, состоящее въ вѣдомствѣ министерства финансовъ [5]). Въ этотъ Ministerial-Archiv и попадали дѣла изъ дѣлопроизводствъ отдѣльныхъ министерствъ, дѣла, по регламенту 1812 г., безусловно подлежавшія сдачѣ въ Тайный Государственный Архивъ. Записка директора архива Raumer'а, относящаяся

---

[1]) v. Lancizolle, o. c., s. 15. Произошло это по иниціативѣ самаго Гарденберга: см. R. Koser, „Die Neuordnung des preussischen Archivwesens durch den Staatskanzler Fürsten von Hardenberg“ („Mitteilungen der K. Preussischen Archivwerwaltung“, Heft. 7), 1904, s. V.

[2]) v. Lancizolle, ibid.

[3]) v. Lancizolle, o. c., s. 16.

[4]) Bornhak, Preussisches Staatsrecht, II, 1912, s. 400.

[5]) v. Lancizolle, o. c., s. 18—19.

къ 1845 г. [1]), рисуетъ намъ фактическое положеніе архивовъ въ довольно безотрадныхъ краскахъ: размѣщенные въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ помѣщеній архивные дѣла и документы не могли быть приведены въ надлежащій порядокъ и хранились даже въ условіяхъ, не вполнѣ обезпечивавшихъ ихъ безопасность въ пожарномъ отношеніи.

Итакъ, относительно Пруссіи утвержденіе, что архивы ея „соединены въ одинъ составъ“ и приведены въ „цвѣтущее“ положеніе, а таково именно утвержденіе записки Розенкампфа, не можетъ считаться отвѣчающимъ въ полной мѣрѣ дѣйствительности. Къ 1819—1822 гг. относится весьма интересная попытка произвести централизацію прусскихъ архивовъ, связанная опять-таки съ именемъ Гарденберга [2]), но возникшія тогда на этотъ счетъ предположенія осуществленія не получили.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Баваріи. Еще въ 1799 г. распоряженіемъ курфюрста было предписано всѣ документы и акты государственныхъ учрежденій сосредоточить въ Мюнхенѣ въ трехъ архивахъ: въ Hausarchiv—всѣ документы, имѣвшіе касательство къ царствующему дому, въ Staatsarchiv—всѣ документы по сношенію съ иностранными державами, въ Landesarchiv—всѣ документы внутренняго государственнаго устройства и управленія [3]). Централизація архивовъ осуществлена была уже послѣ возведенія Баваріи изъ курфюршества въ королевство, а именно указомъ 21 Апрѣля 1812 года [4]). Въ силу этого указа Hausarchiv и Staatsarchiv были слиты воедино; образованный путемъ такого сліянія „geheimes Staats- und Hausarchiv“ были подчинены управленію министра двора и иностранныхъ дѣлъ. Landesarchiv составилъ основной архивный фондъ вновь образованнаго Reichsarchiv'а, а всѣ безъ исключенія мѣстные архивы на пространствѣ всей Баваріи

---

[1]) v. Lancizolle, o. c., ss. 23—26.

[2]) Всѣ документы, относящіеся къ проекту централизаціи прусскихъ архивовъ 1819—1822 гг., напечатаны R. Koser'омъ (o. c.).

[3]) Д. Я. Самоквасовъ, „Централизація государственныхъ архивовъ. Архивное дѣло на Западѣ“. М. 1900 г., стр. 2.

[4]) См. Löher, „Das bayerische Archivwesen“ („Archivalische Zeitschrift“, Bd. I, 1876) ss. 90—91; Д. Я. Самоквасовъ, н. с., стр. 2—3.

объявлены были филіальными отдѣленіями этого Reichsarchiv'a; слѣдовательно подчинены его вѣдомству: описи (Repertorien) мѣстныхъ архивовъ подлежали немедленному доставленію въ Reichsarchiv и должны были разсматриваться какъ составныя части общей описи (Generalrepertorium) этого архива. Помимо передачи своихъ описей мѣстные архивы обязаны были передать Reichsarchiv'у всѣ подлинные документы до 1400 г. [1]). Примѣнительно къ Баваріи, слѣдовательно, Розенкампфъ имѣлъ основаніе говорить о соединеніи всѣхъ архивовъ „въ одинъ составъ", подлинно всѣхъ архивовъ всего королевства за изъятіемъ лишь архива двора и иностранныхъ дѣлъ (Staats- und Hausarchiv).

Въ другихъ государствахъ, нынѣ входящихъ въ составъ Германской Имперіи, центральные государственные архивы учреждены были преимущественно лишь во второй половинѣ XIX столѣтія [2]).

Ссылка Розенкампфа на Англію является наименѣе обоснованной. Централизація архивнаго управленія была достигнута въ Англіи лишь въ 1840 году, а пространственное объединеніе отдѣльныхъ архивныхъ фондовъ въ спеціально построенномъ для того зданіи—въ 1866 г. [3]). Слѣдовательно, ни соединеніе архивовъ „въ одинъ составъ", ни приведеніе ихъ въ „самое цвѣтущее и сообразнѣйшее съ ихъ цѣлью положеніе" въ современной Розенкампфу Англіи мѣста не имѣло. Правда, нѣкоторые шаги, свидѣтельствующіе о развивавшемся интересѣ къ архивному дѣлу, предпринимались въ началѣ XIX вѣка и въ Англіи, но изъ стадіи кабинетной работы шаги эти не выходили. Еще въ 1703 г. была создана особая комиссія палаты лордовъ по архивному дѣлу, но никакихъ мало-мальски осязательныхъ результатовъ дѣятельность этой комиссіи не дала [4]). Въ 1800 г. комиссія палаты общинъ опубликовала отчетъ. въ которомъ приведены

[1]) Д. Я. Самоквасовъ, н. с., стр. 56.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ, „Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи", М. 1899, стр. 173.

[3]) Д. Я. Самоквасовъ, „Централизація государственныхъ архивовъ...", стр. 161.

[4]) Langlois et Stein, o. c., p. 713.

были суммарные инвентари лондонскихъ архивовъ. Дѣятельность этой комиссіи продолжалась до 1837 г., но выражалась исключительно въ изданіи архивныхъ текстовъ; никакой организаціонной работы она не произвела [1]) и фактически архивные фонды Лондона продолжали пребывать въ совершенно неприспособленныхъ для храненія ихъ помѣщеніяхъ: всего насчитывалось 33 архивныхъ хранилища, причемъ одинъ изъ архивныхъ фондовъ (Kings Remembrancer) помѣщался въ королевскихъ конюшняхъ [2]).

Не ограничиваясь упоминаніемъ объ архивахъ Англіи, Франціи и Германіи, Розенкампфъ ссылается и на „бывшій Польскій Архивъ". Судьба этого архивнаго фонда и положеніе его въ то время, къ которому относится „планъ" Розенкампфа, были таковы. Послѣ взятія Суворовымъ Варшавы въ 1794 г. государственные архивы Польши (такъ называемыя „метрики" Коронная и Литовская) вмѣстѣ съ архивомъ президента гор. Варшавы Игнатія Закржевскаго и библіотекой Залусскаго были перевезены въ Петербургъ и переданы въ вѣдѣніе Императорскаго Кабинета [3]). Указомъ 1796 г. Управляющему кабинетомъ В. С. Попову [4]) поручено было разобрать метрики и препроводить одну ихъ часть въ Сенатъ, а другую—въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Для разбора метрикъ образована была тогда же комиссія изъ одного чиновника Сената и семи чиновниковъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, завершившая свои труды къ Маю 1798 г. Комиссія

[1]) Langlois et Stein, ibid.; Д. Я. Самоквасовъ, н. с., стр. 160—161.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ, н. с., стр. 160; Langlois et Stein, o. c., p. 712—713.

[3]) См. „Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго", изд. кн. М. Оболенскимъ и проф. И. Даниловичемъ, М., 1843 г., стр. IV; С. Л. Пташицкій, „Описаніе книгъ и актовъ Литовской метрики", Спб. 1887 г., стр. 12 сл.; И. С. Рябининъ, „Архивъ Царства Польскаго", ч. I, „Внутреннія дѣла Польши", М. 1914 г., стр. III; И. Лаппо, „Метрика Коронная и Метрика Литовская" въ „Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ", т. 26-й, стр. 410—413.

[4]) О В. С. Поповѣ см. біографію его, составленную Б. Алексѣевскимъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ", томъ „Плавильщиковъ—Примо", Спб. 1905 г., стр. 535—539, а также „200-лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества", Спб. 1911 г., стр. 446 слл.

эта раздѣлила метрики на два разряда: на дѣла внѣшнія, по сношеніямъ Польши съ иностранными дворами, и на дѣла, касающіяся внутренняго управленія. Дѣла первой категоріи были переданы въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а второй— въ Сенатъ. Въ слѣдующемъ же 1799 г. часть документовъ изъ метрики, а именно дипломатическіе акты и другого рода документы, касающіеся областей, отошедшихъ по раздѣламъ къ Пруссіи, была передана послѣдней [1]). Въ 1809 г. изъ состава метрики, находившейся при Сенатѣ, нѣкоторые документы, имѣющіе историческій интересъ, но не нужные для справокъ по производящимся въ Сенатѣ дѣламъ, были переданы въ „депо манускриптовъ“ при Императорской Публичной Библіотекѣ [2]).

Розенкампфъ упоминаетъ въ своей запискѣ о метрикѣ, „имѣющейся при Сенатѣ“, отмѣчая, что каждый владѣлецъ недвижимости въ Польшѣ можетъ легко отыскать въ ней всѣ нужные ему крѣпостные акты, касающіеся его имущества. Онъ имѣетъ въ виду, слѣдовательно, „книги записей“ (Libri Inscriptionum), въ которыя заносились всяческіе акты на недвижимости—купчія, закладныя, долговыя обязательства и пр. Эти „книги записей“, составляя значительную часть метрикъ, отнюдь не исчерпывали собой ихъ содержанія, и спеціальное упоминаніе о нихъ лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Розенкампфъ всячески выдвигалъ на первый планъ практическое значеніе архивовъ. Вскорѣ послѣ передачи въ Сенатъ части Коронной и Литовской метрикъ былъ поставленъ на очередь вопросъ о приведеніи ихъ въ надлежащій порядокъ. Указомъ Правительствующему Сенату 9 Іюня 1803 года [3]) при Сенатѣ учреждена была особая экспедиція подъ названіемъ „Метрика присоединенныхъ провинцій“, на которую „по важности государственныхъ актовъ, содержащихся въ бывшей польской

---

[1]) Часть этихъ документовъ (пергаментныя грамоты по исторіи сношеній Польши съ Тевтонскимъ орденомъ) была передана въ Берлинъ, остальная часть возвращена въ Варшаву: см. [Ѳ. Вержбовскій], „Описаніе дѣлъ, хранящихся въ Варшавскомъ Главномъ Архивѣ древнихъ актовъ“, т. I, Варшава, 1912 г., стр. I.

[2]) С. Л. Пташицкій, н. с., стр. 16.

[3]) П. С. З., XXVII, № 20790; С. Л. Пташицкій, н. с., стр. 17.

Коронной и Литовской Метрикахъ, особенно касательно правъ и привиллегій на разные роды имѣній" возложено было привести эти метрики въ порядокъ, а именно: разобрать ихъ „по сортамъ" и завести надлежащія книги. Экспедиція эта была поставлена подъ непосредственное вѣдѣніе Министра Юстиціи, а по выполненіи возложеннаго на нее порученія Сенатъ долженъ былъ войти съ докладомъ „гдѣ и на какомъ основаніи хранить тѣ дѣла". Съ порученнымъ ей дѣломъ Экспедиція справилась сравнительно быстро, потому что уже 27 Августа 1805 г. послѣдовалъ указъ Сенату[1]), опредѣлявшій дальнѣйшее положеніе уже приведенныхъ въ порядокъ Метрикъ. Не останавливаясь на деталяхъ этого указа, отмѣчу лишь, что акты Метрикъ поручались имъ вѣдѣнію оберъ-прокурора 3-го Департамента Сената и должны были храниться при Канцеляріи этого Департамента.

Благоустроенности западно-европейскихъ архивовъ и упорядочности метрики Розенкампфъ противопоставляетъ состояніе архивовъ русскихъ. Говоря объ архивномъ дѣлѣ въ Россіи, онъ называетъ его „частью" далекой отъ своего совершенства, совершенно забытой и требующей особеннаго вниманія со стороны правительства. Но прежде чѣмъ перейти къ выявленію и поясненію всѣхъ недостатковъ организаціи отечественныхъ архивовъ, Розенкампфъ, какъ я указывалъ уже выше, отмѣчаетъ, почему именно Комиссія составленія законовъ должна была эти недостатки особенно интенсивно ощутить. Начиная съ года учрежденія Комиссіи, т. е. съ 1804 г., въ кругъ возложенныхъ на нее работъ неизмѣнно входили работы историко-кодификаціоннаго свойства: „съ самаго ея образованія", пишетъ про Комиссію Розенкампфъ, „при производствѣ трудовъ своихъ, она находилась въ обязанности не только принимать въ соображеніе отечественные Законы въ томъ видѣ, въ какомъ они нынѣ существуютъ, но и вникать въ постепенный ходъ всѣхъ частей законодательства, послѣдовать шагъ за шагомъ за всѣми происхо-

[1]) П. С. З., XXVIII, № 21881; С. Л. Пташицкій, н. с., стр. 17—19; см. также В. А. Гаген ъ въ „Исторіи Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ", Спб. 1911 г., т. III, стр. 284.

дившими въ нихъ перемѣнами, разсматривать причины таковыхъ перемѣнъ, однимъ словомъ, обозрѣвать каждую часть въ Исторической связи съ самыхъ отдаленныхъ временъ, дабы тѣмъ удобнѣе приступить къ настоящему своему предмету, т. е. къ приведенію въ извѣстность разсѣянныхъ Узаконеній и исправленію въ оныхъ недостатковъ". Дѣйствительно, систематическое собираніе историческаго законодательнаго матеріала производилось Комиссіей составленія законовъ съ самаго начала ея дѣятельности. Направленіе этой дѣятельности было, какъ извѣстно, опредѣлено въ Высочайше утвержденномъ 28 Февраля 1804 года докладѣ Министерства Юстиціи[1]), ближайшимъ авторомъ котораго былъ тотъ-же Розенкампфъ[2]). Задача Комиссіи опредѣлялась въ докладѣ прежде всего отрицательно: въ нее не должно было входить ни составленіе сводовъ существующихъ законовъ, ни „сочиненіе" законовъ новыхъ[3]). Комиссія должна была заняться составленіемъ „основаній права", а затѣмъ общихъ государственныхъ законовъ и законовъ „частныхъ", т. е. мѣстныхъ. Нельзя не согласиться съ бар. А. Э. Нольде[4]), что задача разработки „основаній права" была формулирована въ докладѣ весьма туманно и неуловимо; весьма неясно указанъ былъ и методъ работы при изложеніи законовъ „государственныхъ" и „частныхъ", но при всей неопредѣлительности формулировки доклада, существо возложенной на Комиссіи въ 1804 г. задачи все-же подлежитъ ура-

[1]) Докладъ этотъ напечатанъ въ П. С. З., XXVIII, № 21187. Имѣется отдѣльное изданіе его съ переводомъ на языки французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій: „Докладъ Министерства Юстиціи о преобразованіи Комиссіи составленія законовъ, Высочайше утвержденный Его Императорскимъ Величествомъ, и Выписка изъ поднесенныхъ Его Императорскому Величеству Присутствіемъ Комиссіи Рапортовъ объ успѣхѣ трудовъ ея, по Высочайшему повелѣнію переведенныя на разныя языки". Ч. I. Спб. 1804 г. Тотъ-же докладъ перепечатанъ въ „Трудахъ" Комиссіи, стр. 1—74. Дальнѣйшія ссылки будутъ дѣлаться на это послѣднее изданіе.

[2]) См. П. М. Майковъ, „Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ", „Русская Старина", 1904 г., т. 120, стр. 182.

[3]) „Труды", стр. 20—21.

[4]) Бар. А. Э. Нольде, „Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ", вып. I, Спб. 1906 г., стр. 37—38.

зумѣнію: Комиссія призвана была составить „книгу законовъ“, включивъ въ нее законы существующіе, но исправленные [1]). Такое заданіе неизбѣжно ставило на очередь возможно точное выявленіе отечественнаго положительно-правоваго матеріала. Дѣйствительно, къ систематическому собиранію источниковъ нашего права Комиссія приступила съ самаго начала ея работъ [2]). Такого рода своды именовались въ Комиссіи „status quo“ [3]), причемъ разработка ихъ до преобразованія Комиссіи при Сперанскомъ (въ 1809 г.) производилась довольно интенсивно [4]). Преобразованіе Комиссіи составленія законовъ указомъ 7-го Марта 1809 г. [5]) не лишило своды существующихъ законовъ практическаго значенія, такъ какъ предписало при „изложеніи“ законовъ сообразоваться съ этими сводами [6]). На дѣлѣ въ годы, когда у власти былъ Сперанскій, съ сводами существующихъ законовъ считались меньше, чѣмъ до него или послѣ него: общеизвѣстны нападки обрушившіеся на разсматривавшійся въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1810 г. проектъ Гражданскаго Уложенія со сто-

---

[1]) Обоснованіе этого положенія завлекло бы меня слишкомъ далеко отъ непосредственной темы настоящей статьи: я предполагаю сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Въ представленіи Совѣта Комиссіи Кн. П. В. Лопухину отъ Мая 1812 г. говорится, что въ 1804 г. были приняты слѣдующія правила для составленія книги Законовъ: „Расположивъ титулы, долженствовавшіе входить въ Уложеніе... почли за нужное приступить первоначально къ собранію сколь можно болѣе полному Законовъ, Указовъ, Докладовъ и прочихъ источниковъ права, и распредѣлить ихъ сообразно съ начертаннымъ планомъ“. См. „Труды“, стр. 143. Черновая этого представленія см. 1-е отдѣленіе I секціи Государственнаго Архивнаго Фонда (при дальнѣйшихъ ссылкахъ я буду обозначать „1 о. 1 с. Г. А. Ф.“), дѣла Комиссіи составленія законовъ (при дальнѣйшихъ ссылкахъ я буду обозначать „К. С. З.“), связка 401.

[3]) См. „Труды“, стр. 144, 215, прим.

[4]) Памятникомъ такой разработки является „Собраніе существующихъ въ Россійской Имперіи Законовъ“ (прибавлю—законовъ гражданскихъ и уголовныхъ) въ 21 книгахъ (1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., связка 296).

[5]) П. С. З., XXX, № 23525.

[6]) Ст. 35 Положенія о составѣ и управленіи Комиссіи составленія Законовъ гласитъ: „Изложеніе законовъ должно быть со всею точностію соображаемо со сводами законовъ Россійскихъ; въ тѣхъ же статьяхъ, гдѣ они могутъ быть не полны и не ясны, или же между собою противорѣчущи, они должны быть дополняемы соображаясь съ общимъ ихъ разумомъ“.

роны охранителей исконныхъ началъ отечественнаго права [1]). Съ паденіемъ Сперанскаго „историческое направленіе“ кодификаціонныхъ работъ стало проявляться особенно интенсивно. „Всякіе Законы тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству“, утверждалъ Совѣтъ Комиссіи составленія законовъ въ своемъ представленіи Лопухину отъ 13 Мая 1812 г., „когда они освящены уже временемъ... Не одни люди, но и время постановляетъ и опредѣляетъ начала Законодательства“ [2]). Отсюда такое опредѣленіе возложенной на Комиссію задачи: „...разобрать начала существующія, изложить происхожденіе и духъ древнихъ законовъ, показать какимъ образомъ дѣлались постепенно перемѣны... и представить несовершенства, которыя открылъ опытъ“ [3]). При такой постановкѣ дѣла собираніе источниковъ права, какъ дѣйствовавшаго, такъ и дѣйствующаго пріобрѣтало весьма существенное значеніе [4]). Въ 1815 году производившіяся Комиссіей въ этомъ направленіи работы получили качество работъ, которыми выполняется обособленное заданіе, хотя и служебнаго свойства. Когда Государственный Совѣтъ въ концѣ 1814 г. приступилъ къ вторичному разсмотрѣнію проекта гражданскаго уложенія у нѣкоторыхъ его членовъ возникли сомнѣнія относительно соотвѣтствія этого проекта „отечественнымъ постановленіямъ“ [5]). Въ виду этого, по предложенію князя А. Н. Салтыкова, рѣшено было разсматривать проектъ гражданскаго уложенія съ помощью сводовъ суще-

---

[1]) „...Издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія“, писалъ Карамзинъ въ запискѣ „О древней и новой Россіи“, „что-же находимъ? Переводъ Наполеонова Кодекса. Какое изумленіе для Россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя...“ Н. М. Карамзинъ, „Записка о древней и новой Россіи“, ред. В. В. Сиповскаго, СПБ. 1914 г., стр. 106).

[2]) „Труды“, стр. 137, 139.

[3]) 1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., связка 401; „Труды“, стр. 140.

[4]) Не безынтересно отмѣтить, что работа по составленію систематическихъ сводовъ возложена была на Архивъ Комиссіи (см. между прочимъ рапортъ начальника Архива Ильинскаго отъ 29 Апрѣля 1812 г.—1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., св. 259).

[5]) См. напр. мнѣніе Д. П. Трощинскаго („Архивъ Государственнаго Совѣта“, т. IV, „Журналы по дѣламъ Департамента Законовъ“, ч. I, СПБ. 1874 г., стр. 148).

ствующихъ законовъ, причемъ для облегченія ихъ сравненія постановлено было своды эти напечатать [1]). Во исполненіе такого постановленія Государственнаго Совѣта Комиссія составленія законовъ въ томъ-же 1815 году приступила къ обработкѣ и печатанію „Систематическаго Свода существующихъ Законовъ съ основаніями права, изъ оныхъ извлеченными". Всего за годы съ 1815 по 1822 напечатаны были 21 томъ свода законовъ гражданскаго и 1 томъ свода уголовныхъ законовъ [2]). Подобнаго рода работа требовала возможно болѣе полнаго овладѣнія источниками отечественнаго права, а въ первую очередь, конечно, возможно болѣе полнаго ихъ собранія. Комиссія составленія законовъ имѣла свой архивъ, откуда она, очевидно, и могла въ первую голову черпать необходимый для своихъ трудовъ матеріалъ. Приведеніе архива въ порядокъ и поддержаніе этого порядка составляли предметъ постоянныхъ попеченій Комиссіи. Положеніемъ 1804 г. на третью экспедицію возложено было „пересмотрѣть и привести въ настоящій порядокъ архивъ Комиссіи" [3]), значительное вниманіе удѣляло архиву и Положеніе объ управленіи Комиссіи 1809 г., требуя, чтобы въ архивѣ было достигнуто „сколь можно систематически" расположенное собраніе всѣхъ нужныхъ Комиссіи матеріаловъ [4]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 164.

[2]) Во всѣхъ частяхъ Свода расположеніе матеріала было единообразное: каждая такая „часть" подраздѣлялась въ свою очередь на двѣ части, внѣшне отдѣленныя самостоятельной для каждой изъ нихъ нумераціей страницъ. Первую часть составляли „основанія права", т. е. сущность систематически собранныхъ воедино законовъ, причемъ каждый § этихъ „основаній" подкрѣплялся цитатой, перечислявшей тѣ законодательные акты, изъ которыхъ онъ составился. Во второй-же части печатались соотвѣтственныя выдержки изъ этихъ актовъ въ порядкѣ входившихъ въ первую часть цитатъ. Каждому § первой части соотвѣтствовалъ № второй. Нумерація страницъ первой части обозначалась римскими цифрами, а второй арабскими.

[3]) „Труды", стр. 77.

[4]) Ст. 55 Положенія: „Архивъ Комиссіи долженъ быть такъ устроенъ, чтобъ онъ представлялъ полное и сколь можно систематически расположенное собраніе матеріаловъ по всѣмъ предметамъ къ Комиссіи принадлежащимъ".

Ст. 56: „Посему должность Начальника Архива и помощниковъ его, состоитъ не только въ храненіи и распорядкѣ дѣлъ, въ немъ содержащихся, но и въ продолженіи и усовершенствованіи сводовъ и въ доставленіи разнымъ частямъ свѣдѣній, отъ него зависящихъ".

Согласно опредѣленію Комиссіи отъ 19 Ноября 1808 г. [1]) въ архивѣ Комиссіи должны были быть составлены двѣ книги: 1) общая алфавитная книга всѣхъ узаконеній и актовъ, 2) книга узаконеній и актовъ, раздѣленная „по матеріямъ“, т. е. расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ [2]). Неизбѣжной предпосылкой составленія такихъ книгъ являлась полнота подлежавшихъ использованію матеріаловъ. Отсюда неотступная, постоянная провѣрка реестровъ имѣвшихся въ Архивѣ узаконеній на предметъ пополненія обнаруженныхъ при такой повѣркѣ пробѣловъ. Такая повѣрка предписывалась „Инструкціей о распорядкѣ Архива“ 14 Мая 1809 г. и въ дѣйствительности производилась на протяженіи послѣдующихъ годовъ дѣятельности Комиссіи [3]) [4]). Пополненіе архива Комиссіи неизбѣжно влекло за собой сношенія Комиссіи съ

---

[1]) См. журналы К. С. З. въ 1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., связка 246; выписка изъ соотвѣтственнаго журнала—тамъ-же, связка 244.

[2]) Порядокъ составленія этихъ книгъ былъ опредѣленъ въ „Инструкціи о распорядкѣ Архива“, утвержденной Правленіемъ Комиссіи 14 Мая 1809 г. (см. 1 о. I с. Г. А. Ф., тамъ-же).

[3]) См., напримѣръ, рапортъ чиновника архива Энгельсона начальнику архива Ильинскому отъ 19 Ноября 1810 г., (1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., связка 245), рапортъ самаго Ильинскаго отъ 23 Декабря 1811 г. (тамъ-же связка 259), рапортъ Ильинскаго отъ 29 Апрѣля 1812 г. (тамъ-же). Въ представленіи Совѣта Комиссіи Кн. Лопухину отъ 13 Мая 1812 г. читаемъ: „Дополненіе Архива есть одинъ изъ существеннѣйшихъ предметовъ. Весьма было бы полезно, что бы чиновники, принадлежащіе къ оному, занялись какъ можно скорѣе повѣркою собраній Законовъ и Указовъ, дабы сдѣлать ихъ столь полными, какъ они должны быть...“ (Труды, стр. 151). Повѣрка производилась и въ 1818 г.— см. донесеніе архиваріуса Иванова и помощника его Фомина отъ 31 Декабря 1818 г. (1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., связка 233).

[4]) До 1809 г. пробѣлы въ Архивѣ Комиссіи были, повидимому, довольно значительны. Такъ, въ рукописи, озаглавленной „Предварительныя замѣчанія Начальника Архива и его помощниковъ“, не подписанной, но датированной рукой Н. С. Ильинскаго—„Поданы Апрѣля 7-го 1809 г.“ („замѣчанія“ эти, надо думать, должны быть поставлены въ связь съ подготовкой Инструкціи 14 Мая того-же 1809 г.), читаемъ: „...Реестры каждаго года указовъ со времени Уложенія также никѣмъ о полнотѣ ихъ не удостовѣрены, кромѣ сего открывается, что и противъ сихъ неполныхъ реестровъ весьма многихъ указовъ и законовъ нѣтъ, а потому слѣдуетъ выписать и засвидѣтельствовать, реестры же самые, извѣря съ Сенатскимъ Архивомъ, переписать на бѣло...“ (1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., связка 243).

архивами другихъ государственныхъ учрежденій [1]), а опытъ этихъ сношеній и поставилъ передъ Розенкампфомъ вопросъ о необходимости общей архивной реформы. „Для полученія всѣхъ нужныхъ ей источниковъ", писалъ Розенкампфъ въ своей запискѣ 1820 г., „Комиссіи весьма часто надлежало обращаться къ Государственнымъ Архивамъ; но, не взирая на всѣ ея усилія и употребленіе даже собственныхъ своихъ чиновниковъ, при всемъ содѣйствіи самихъ Архивовъ, покушенія ея отыскать нужныя и удовлетворительныя для себя свѣдѣнія оставались почти всегда тщетными, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что помянутые Архивы содержатъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе матеріалы для отечественнаго законодательства и для исторіи вообще". Въ чемъ же лежитъ причина такого „затрудненія?" ставилъ себѣ вопросъ Розенкампфъ и давалъ на него отвѣтъ точный и категорическій—въ „непорядочномъ устройствѣ" старыхъ архивовъ.

II.

Устройство старыхъ архивовъ представлялось Розенкампфу „непорядочнымъ". Прежде чѣмъ остановиться на тѣхъ отрицательныхъ сторонахъ постановки архивнаго дѣла, которыя имъ подчеркивались, я напомню въ самыхъ общихъ чертахъ основныя начала современнаго Розенкампфу отечественнаго архивнаго законодательства и, поскольку это представляется возможнымъ, укажу на фактическое состояніе архивовъ въ то время, когда имъ писалась изучаемая нами сейчасъ записка.

Собственно говоря, архивнаго права, какъ хотя-бы лишь до извѣстной степени разработанной и замкнутой въ себѣ отрасли правопорядка, у насъ въ годы дѣятельности Розенкампфа не существовало: законодательныя постановленія объ архивахъ носили фрагментарный характеръ, либо устраивая

[1]) Для примѣра укажу на сношенія Комиссіи съ Княземъ П. С. Мещерскимъ (въ Январѣ 1818 г.) на предметъ полученія указовъ „по духовной части"; Мещерскій просилъ прислать чиновниковъ Комиссіи для списыванія этихъ указовъ (см. 1 о. I с. Г. А. Ф., дѣла К. С. З., № 701).

тѣ или иные конкретные архивные фонды, либо регулируя общимъ образомъ архивную часть опредѣленныхъ административныхъ учрежденій, но подходя къ ней исключительно съ точки зрѣнія дѣлопроизводственной [1]).

Наибольшее число историческихъ архивныхъ фондовъ находилось въ вѣдомствѣ Сената. Такимъ историческимъ архивомъ въ Петербургѣ былъ Санктпетербургскій Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ, образованный указомъ 24 Октября 1780 г. [2]) для храненія дѣлъ упраздненныхъ въ виду осуществленія губернской реформы центральныхъ присутственныхъ мѣстъ. Архивъ этотъ находился въ вѣдѣніи Перваго Департамента Сената [3]). Въ Москвѣ такой же Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ былъ учрежденъ указомъ 2 октября 1782 г. [4]) и подчиненъ Пятому Департаменту Сената [5]). Въ связи съ осуществленіемъ той же губернской реформы находится образованіе въ Москвѣ (указомъ 7 января 1786 г. [6]) другого историческаго архива, находившагося въ вѣдомствѣ Сената, — Государственнаго Архива прежнихъ вотчинныхъ дѣлъ. Въ архивъ этотъ должны были поступить какъ документы и дѣла упразднявшейся тѣмъ же указомъ Вотчинной Коллегіи, такъ и уже ранѣе состоявшій при этой коллегіи „Государственный Вотчинный Архивъ“, причемъ для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ учрежденъ былъ временно Вотчинный Департаментъ; послѣдній просуществовалъ, однако, до 1852 г., какъ справочное учрежденіе по вотчиннымъ дѣламъ [7]),

---

[1]) Эта фрагментарность и пестрота нормъ архивнаго права сохранилась и въ нашемъ до-революціонномъ законодательствѣ XX вѣка: показательнымъ ея памятникомъ являются тѣ извлеченія изъ Свода Законовъ и Свода Военныхъ Постановленій, которыя напечатаны въ „Сборникѣ матеріаловъ, относящихся до архивной части въ Россіи“, томъ I, Пгр., 1916 г.

[2]) П. С. З., XX, № 15.074.

[3]) См. „Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи“, М., 1890, стр. 10.

[4]) П. С. З., XXI, № 15.530.

[5]) „Памятная книжка Московскаго А. М. Ю.“, ibid.

[6]) П. С. З., XXII, № 16.307.

[7]) См. „Памятная книжка М. А. М. Ю“, стр. 6; Н. Н. Ардашевъ, „Исторія Вотчиннаго Архива до 1812 года“ („Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.“, кн. V, М. 1888 г.), стр. 165—166, 172—173.

управлявшее въ то-же время и архивомъ. Члены Вотчиннаго Департамента назначались и увольнялись Сенатомъ, а прочіе чины Министромъ Юстиціи [1]). Третьимъ значительнымъ историческимъ архивомъ въ Москвѣ былъ архивъ Разрядный, слитый, впрочемъ, съ 1763 г. воедино съ текущимъ Московскимъ сенатскимъ архивомъ и именовавшійся „Сенатскій Разрядный Архивъ“ [2]) Архивъ этотъ, согласно штатамъ 1819 г. [3]), находился въ вѣдѣніи „Герольдмейстерскихъ дѣлъ“, но Министръ Юстиціи „для лучшаго надзора“ поручалъ его наблюденію одного изъ оберъ-прокуроровъ Московскихъ департаментовъ Сената. Таковы были четыре историческихъ архива Сенатскаго вѣдомства въ ту эпоху, когда писалъ свою записку Розенкампфъ: Государственный архивъ старыхъ дѣлъ въ Петербургѣ, архивы — старыхъ дѣлъ, вотчинный и архивный фондъ Разряднаго архива въ составѣ Сенатскаго архива въ Москвѣ. Помимо этихъ архивовъ историческихъ, Сенатъ имѣлъ свои архивы текущихъ дѣлъ: дѣла московскихъ департаментовъ сдавались въ Разрядный архивъ, дѣла петербургскихъ департаментовъ — въ архивъ Сенатскій. Послѣдній тѣсно связанный съ Сенатской канцеляріей, начиная съ 1817 года имѣлъ своимъ прямымъ начальникомъ оберъ-прокурора Перваго Департамента Сената, какъ замѣстителя генералъ-прокурора [4]).

Помимо архивовъ сенатскихъ архивнымъ наслѣдіемъ XVIII вѣка въ первой четверти XIX являлись архивы не упразднявшихся „государственныхъ“ коллегій: коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военной коллегіи и адмиралтействъ коллегіи. Однако, въ области законодательнаго опредѣленія организаціи этихъ архивныхъ фондовъ, интересующая насъ эпоха являла

---

[1]) Судя по ст. 735 Учр. Прав. Сената (Св. Зак. т. I, изд. 1832 г.).

[2]) См. „Памятная книжка Сенатскаго Архива“, СПБ. 1913 г., стр. 3: А. А. Гоздаво-Голомбіевскій. „Исторія Разряднаго Архива (1711—1812 г.)“. („Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.“. кн. V, М. 1888 г.), стр. 47.

[3]) П. С. З., XLIV, Штаты Г, № 27778 (прим. 3); см. Н. Я. Токаревъ, „Исторія Московскихъ сенатскихъ архивовъ съ 1813 по 1835 г.“ („Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.“, кн. VI, М. 1889 г.), стр. 68.

[4]) „Памятная книжка Сенатскаго Архива“, стр. 5.

собой пустое мѣсто: постановленія Петровскаго Генеральнаго Регламента безнадежно разошлись съ жизнью, Общее Учрежденіе Министерствъ закрывало глаза на сложившіяся до него отношенія. Между тѣмъ, московскій архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, начиная со второй половины XVIII вѣка, могъ считаться первымъ по благоустроенности архивомъ въ Россіи (объ этомъ мнѣ придется говорить ниже). Отнюдь нельзя было сказать того-же про архивъ Адмиралтействъ — коллегіи: обслуживавшійся ничтожнымъ штатомъ архивъ этотъ до 1827 г. находился въ условіяхъ, плохо обезпечивавшихъ даже простую сохранность документовъ и дѣлъ [1]).

Реформа государственныхъ учрежденій, связанная съ именемъ Сперанскаго, принесла за собой новую постановку законодательной регламентаціи архива. Послѣдній мыслился какъ необходимая составная часть вновь создававшихся органовъ, притомъ какъ часть, призванная не только заботиться о сохраненіи законченныхъ производствомъ дѣлъ, но и выполнять необходимыя для того учрежденія, при которомъ архивъ состоялъ, работы справочнаго характера. Такое служебно-дѣлопроизводственное значеніе архива опредѣленно проявляется и въ Учрежденіи Государственнаго Совѣта 1810 г., и въ Общемъ Учрежденіи Министерствъ 1811 г. Учрежденіе Государственнаго Совѣта [2]) говоритъ объ архивѣ Государственной Канцеляріи, какъ составной части одного изъ отдѣленій, на которыя Государственная Канцелярія подраздѣлялась. Отдѣленія эти отвѣчали „раздѣленію дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ“ (§ 116), причемъ архивъ входилъ въ составъ отдѣленія, названнаго „содержаніе и храненіе журналовъ, постановленій и Архивъ“. Уже это противопоставленіе содержанія и храненія журналовъ и постановленій архиву заставляетъ предполагать, что послѣдній призванъ былъ быть не только хранилищемъ документовъ: параграфъ, спеціально архиву Государственной Канцеляріи посвященный, въ полной мѣрѣ это предположеніе оправды-

[1]) См. „Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія“, т. I, СПБ. 1877, стр. II.

[2]) П. С. З., XXXI, № 24.064.

ваетъ; въ немъ говорится больше о собраніи свѣдѣній „по дѣламъ государственнымъ прежнихъ лѣтъ“ и о настоящемъ положеніи „каждой части“, чѣмъ о храненіи журналовъ Государственнаго Совѣта [1]). Архивъ мыслился тутъ не какъ хранилище дѣлъ и документовъ, а скорѣе какъ справочный отдѣлъ по предметамъ вѣдѣнія Государственнаго Совѣта. Точно также положеніе о составѣ и управленіи Комиссіи законовъ 1809 года возлагало на архивъ ея не только храненіе дѣлъ, но и „продолженіе и усовершеніе“ сводовъ и доставленіе „разнымъ частямъ свѣдѣній отъ него зависящихъ“ [2]). Какъ мы видѣли выше, историческіе своды дѣйствительно архивомъ и составлялись.

По Общему Учрежденію Министерствъ 1811 года архивъ мыслился состоящимъ при каждомъ департаментѣ министерства: это явствуетъ изъ того, что начальники архива ставились въ непосредственное подчиненное положеніе директору департамента [3]). Никакого центральнаго вѣдомственнаго архива Учрежденіе Министерствъ не знаетъ, а департаментскіе архивы имѣютъ опять таки чисто служебное по отношенію къ каждому данному департаменту значеніе: всѣ постановленія Учрежденія 1811 г. относительно порядка содержанія архивовъ имѣютъ въ виду исключительно департаментскую дѣлопроизводственную работу [4]). Мы до сихъ поръ не знаемъ,

---

[1]) Учр. Гос. Сов. § 141: „Архивъ Государственной Канцеляріи составляется: 1) Изъ собранія самыхъ положительныхъ свѣдѣній по дѣламъ Государственнымъ прежнихъ лѣтъ: 2) изъ свѣдѣній самыхъ полныхъ о настоящемъ каждой части положеній, собранныхъ по ихъ отдѣленіямъ; 3) изъ журналовъ Государственнаго Совѣта и послѣдовавшихъ по онымъ Высочайшихъ рѣшеній“.

[2]) Ст. 56 Положенія (см. выше, стр. 119).

[3]) Общ. Учр. Мин., § 371: „Экзекуторы, Казначеи, Контролеры, Бухгалтеры, Начальники Архива и Чертежной подчиняются непосредственно Директору“. Ср. § 164 того же Учрежд.: „Никакое дѣло и никакая выписка не исходитъ изъ Архива внѣ Департамента безъ точнаго приказанія Директора; въ Департаментъ же дѣла и выписки обращаются по запросамъ Начальниковъ Отдѣленій“.

[4]) Въ силу § 163 Учрежденія архивъ долженъ былъ имѣть два рода описей— алфавитную и „частную“, т. е. раздѣленную на столько частей, сколько отдѣленій имѣется въ департаментѣ. Начальникъ архива долженъ содержать архивъ въ надлежащемъ порядкѣ, составлять справки и свѣдѣнія и немедленно сообщать ихъ въ тѣ отдѣленія департамента, куда они потребовались (§ 360 Учрежденія). Порядокъ содержанія архива долженъ былъ обезпечиваться слѣдующими поста-

какъ претворялись въ жизнь нормы Учрежденія Министерствъ 1811 г., какъ осуществлялась фактически дѣлопроизводственная работа въ годы, непосредственно къ этому Учрежденію примыкающіе. Нѣтъ у насъ никакихъ данныхъ, чтобы судить и о томъ, въ какой мѣрѣ осуществились постановленія Учрежденія 1811 г. и относительно архивовъ. Остается открытымъ, въ частности, вопросъ, какъ въ дѣйствительности произошло примиреніе между посвященными устройству архивовъ параграфами Учрежденія и устройствомъ архивныхъ документовъ тѣхъ органовъ, по отношенію къ которымъ министерства явились какъ бы правопреемниками, ибо характерной чертой Учрежденія Министерствъ является то, что оно строитъ новое административное зданіе, не заботясь о судьбѣ отдѣльныхъ частей стараго. Надо думать, что въ отдѣльныхъ хотя бы случаяхъ въ Министерствахъ издавались инструкціи въ развитіе постановленій Учрежденія 1811 года объ устройствѣ архивовъ, но подтвердить это предположеніе ссылкой на какой-либо опредѣленный документъ мнѣ не позволяетъ все та же неразработанность исторіи архивнаго дѣла въ Россіи.

Никакихъ иныхъ законодательныхъ постановленій объ архивахъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій въ первой четверти XIX вѣка не существовало. Законодательныя постановленія относительно архивовъ мѣстныхъ учрежденій были еще болѣе незначительны. Екатерининское Учрежденіе о губерніяхъ обходило вопросъ объ архивахъ полнымъ молчаніемъ и единственнымъ актомъ, сколько-нибудь общимъ образомъ этотъ вопросъ разрѣшавшимъ, былъ Наказъ губернаторамъ и воеводамъ 1728 года [1]). Какъ претворялись нормы

новленіями: § 361. „Начальникъ Архива долженъ разбирать и располагать въ Архивѣ всѣ дѣла по предметамъ и содержанію оныхъ; наблюдать, чтобы всѣ поступающія дѣла были дѣйствительно кончены, отпуски свѣрены, число листовъ перемѣчено, всякое дѣло скрѣплено Начальникомъ Отдѣленія и Столоначальникомъ и имѣло надлежащую и вѣрную опись". § 362. „Онъ обязанъ содержать опись всѣмъ дѣламъ, въ Архивѣ находящимся, располагая оную по содержанію дѣлъ и по годамъ ихъ производства".

[1]) П. С. З., VIII, № 5333 („...совершенныя и дѣйствомъ оконченныя и старыхъ лѣтъ дѣла, которыя уже къ дѣйству и рѣшенію не подлежатъ, тѣ, отобравъ, положить въ особливое безопасное мѣсто, и учинить имъ роспись съ нумерами,

этого наказа въ строѣ губернскихъ учрежденій послѣ Екатерининской реформы судить болѣе чѣмъ затруднительно [1]).

Таково въ общихъ чертахъ положеніе архивовъ, которое засталъ Розенкампфъ, съ точки зрѣнія нормъ архивнаго права. Какова была фактическая постановка архивнаго дѣла въ первой четверти XIX вѣка—объ этомъ мы можемъ судить также лишь по даннымъ въ достаточной степени отрывочнымъ. Но и эти данныя въ полной мѣрѣ подтверждаютъ обоснованность жалобъ Розенкампфа на „неустройство“ отечественныхъ архивовъ. Въ томъ же 1820 г., къ которому относится записка Розенкампфа, Сенатъ по поводу одного восходившаго на его разсмотрѣніе дѣла (о злоупотребленіяхъ въ связи съ казенными поставками купца Косиковскаго) имѣлъ случай столкнуться съ вопросомъ объ архивныхъ непорядкахъ и, отмѣтивъ „чрезвычайное небреженіе о сохраненіи и цѣлости дѣлъ, книгъ и реестровъ, содержащихся въ Архивахъ“, въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣлилъ то, что ему пришлось въ этомъ отношеніи наблюсти: „Изъ отношеній, сдѣланныхъ Правительствующему Сенату отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ, видно, что нѣкоторыя дѣла, книги и реестры по прошествіи 15 лѣтъ сгнили, другіе при бывшемъ пожарѣ истреблены, третьихъ отыскать не могутъ: слѣдственно дѣла сіи не были описаны, не здавались съ рукъ на руки и самые Архивы никогда не свидѣтельствовались, а оставались безъ всякаго надзора...“ [2]) Дѣло Косиковскаго обнаружило ужасающіе непорядки въ цѣломъ рядѣ архивовъ мѣстныхъ

чтобъ въ случаѣ пріисковъ не было бъ затрудненій, и никакое дѣло не утратилось, также и впредь оконченныя и вершенныя дѣла въ помянутое храненіе съ роспискою отдавать и въ росписи вносить... Допошенія, отписки и рапорты, также о расходахъ ассигнаціи, указы собирать по числамъ и номеровать одно по другому, какъ номера для скораго освидѣтельствованія и пріиска вношены быть имѣютъ при запискѣ въ приходныхъ и расходныхъ книгахъ, по прошествіи жъ года переплетать и по счетѣ вмѣстѣ съ приходными и расходными книгами отдавать въ архивъ...“

[1]) Лишь вопросъ о дѣлахъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ разрѣшался общимъ образомъ указомъ 18 Февраля 1798 г. (П. С. З., XXV, № 18,387).

[2]) П. С. З., XXXVII, № 28.460.

учрежденій [1]). Не многимъ лучше обстояло дѣло въ началѣ XIX вѣка и въ архивахъ учрежденій центральныхъ. Укажу для примѣра на архивъ адмиралтействъ-коллегіи. Въ архивѣ этомъ „дѣла, присылаемыя изъ разныхъ мѣстъ, нерѣдко получались безъ всякихъ описей, въ куляхъ, неспитыми и перемѣшанными. Обыкновенно такой архивный матеріалъ сваливался въ разныхъ, ни для чего другого не удобныхъ, помѣщеніяхъ Адмиралтейства, не исключая и чердаковъ, и тамъ, кромѣ порчи отъ сырости и крысъ, иногда расхищался сторожами, продававшими дѣла въ мелочныя лавки на вѣсъ бумаги“ [2]). Наконецъ, оставляло желать много лучшаго и положеніе дѣла въ архивахъ историческихъ. Московскіе сенатскіе архивы съ трудомъ ликвидировали послѣдствія разгрома, которому они подверглись въ 1812 году [3]). Работа шла не особенно успѣшно, потому что еще въ 1833 г. оберъ-прокуроръ Морозъ нашелъ въ Вотчинномъ архивѣ „множество дѣлъ, заключающихся въ столбцахъ, книгахъ и связкахъ, еще не разобранными и не описанными, столбцы не оклеенными и всѣмъ симъ дѣламъ ни реестровъ, ни алфавитовъ не сдѣлано“ [4]). И въ московскомъ Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ обнаружена была въ 1820 г. „крайняя неуспѣшность“ въ разборѣ дѣлъ [5]), что оправдывалось, впрочемъ, незначительностью штата архива.

Признавая, что число обслуживавшихъ архивы чиновниковъ совершенно не соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ архивной работы, многіе непорядки приходится отнести и на счетъ культурнаго уровня архивнаго чиновничества.

---

[1]) Въ петербургской управѣ благочинія, въ конторѣ надъ кронштадтскимъ портомъ, при петербургскихъ и ревельскихъ „оберъ-провіантмейстерскихъ дѣлахъ“, въ кронштадтской таможнѣ и др.

[2]) См. „Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства“. Т. I, Спб. 1877 г., стр. II.

[3]) См. И. И. Шимко. „Московскіе департаменты Сената и подвѣдомственные имъ архивы въ 1812—1814 годахъ“ („Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.“, кн. VI, М. 1889 г.).

[4]) См. Н. Я. Токаревъ, „Исторія Московскихъ Сенатскихъ Архивовъ съ 1813 по 1835 г.“ („Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.“, кн. VI), стр. 76—77.

[5]) Н. Я. Токаревъ, н. с., стр. 91—92.

Н. Я. Токаревъ [1]) приводитъ нѣсколько яркихъ примѣровъ, характеризующихъ чиновниковъ московскаго архива старыхъ дѣлъ какъ разъ въ 20-е годы XIX столѣтія: если эти примѣры, примѣры ужасающей духовной темноты, небреженія къ дѣлу, пьянства, показательно очерчиваютъ архивное чиновничество въ центрѣ, можно себѣ представить, какъ обслуживались архивы на мѣстахъ.

Въ чемъ же видитъ недостатки организаціи отечественныхъ архивовъ самъ Розенкампфъ? Онъ отмѣчаетъ 1) „непорядочное“ ихъ устройство, 2) храненіе документовъ въ неприспособленныхъ для архивовъ помѣщеніяхъ и 3) неудовлетворительный составъ обслуживающихъ архивы чиновниковъ. На „непорядочности“ устройства архивовъ, т.-е. на дефектахъ внутренней ихъ организаціи, Розенкампфъ не останавливается, считая, повидимому, эту „непорядочность“ въ достаточной степени обоснованной всей предшествующей аргументаціей, направленной на то, чтобы доказать желательность архивной реформы. По поводу помѣщеній архивовъ онъ говоритъ также не много, отмѣчая лишь, что изложенныя имъ „затрудненія“, которыя неизбѣжно испытываетъ всякій, кому приходится войти въ соприкосновеніе съ архивами, проистекаютъ и отъ „храненія ихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они со временемъ болѣе и болѣе приходятъ въ безпорядокъ и даже въ разстройство“. Наконецъ, подробнѣе всего Розенкампфъ останавливается на неудовлетворительности обслуживающаго архивы административнаго персонала. Сужденія его по этому вопросу настолько опредѣленны и выразительны, что не нуждаются въ какихъ либо комментаріяхъ, почему я и позволю себѣ привести цѣликомъ соотвѣтственное мѣсто его записки. „Всѣ употребленные при оныхъ чиновники“, пишетъ про архивы Розенкампфъ, „имѣютъ въ виду одно только сбереженіе ввѣренныхъ имъ бумагъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на главнѣйшій предметъ, а именно на систематическое ихъ обработаніе. При настоящемъ положеніи сіе и быть иначе не можетъ.

[1]) Н. с., стр. 120—121.

Начальство, управляющее Архивами, почитаетъ ихъ частію весьма маловажною, и такъ сказать постороннею для себя, употребляетъ къ тому такихъ чиновниковъ, которыхъ ни къ какимъ важнымъ трудамъ не считаетъ способными, оставляетъ ихъ въ совершенномъ забвеніи и лишаетъ чрезъ сіе способныхъ людей всякой охоты употребить себя на службу по сей части". Врядъ ли можно что либо прибавить къ этимъ словамъ Розенкампфа, развѣ только то, что такъ рѣшительно и опредѣленно отмѣченная имъ заброшенность и я бы сказалъ, безнадежность архивной службы оставалась общимъ правиломъ на долгія десятилѣтія, слѣдовавшія за годомъ составленія Розенкампфомъ его записки [1]).

Печальное положеніе архивовъ можетъ быть устранено и архивное дѣло можетъ быть усовершенствовано только въ томъ случаѣ, если правительство приметъ „надлежащія мѣры": къ такому выводу приходитъ Розенкампфъ, завершая имъ критическую часть своей записки.

III.

Какія же мѣры рекомендуетъ Розенкампфъ для упорядоченія архивнаго дѣла? Мѣры эти, излагаемыя имъ „вкратцѣ", сводятся къ слѣдующимъ. Прежде всего должно быть произведено объединеніе всѣхъ столичныхъ архивовъ, какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ, въ административномъ отношеніи путемъ подчиненія ихъ особому Главному Управленію Архивовъ. Отъ подчиненія этому Главному Управленію изъемлется лишь архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Далѣе, объединенные въ административномъ отношеніи архивы должны составить по общему для нихъ всѣхъ образцу полные хронологическіе реестры входящихъ въ ихъ составъ документовъ. Такимъ образцомъ Розенкампфъ предлагалъ счи-

[1]) Обстоятельство это постоянно отмѣчалось и въ позднѣйшей литературѣ: см. Н. В. Калачовъ („Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство", оттискъ изъ Сборника Государственныхъ Знаній, т. IV, стр. 4); А. Н. Львовъ. („Труды XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ 1899 г.", т. II, М. 1902 г., стр. 3—4).

тать образецъ, разработанный для архива Комиссіи составленія законовъ и представленный имъ на утвержденіе кн. П. В. Лопухина одновременно съ запиской объ общей архивной реформѣ. Всѣ составленные по отдѣльнымъ архивамъ хронологическіе реестры должны быть затѣмъ соединены въ единомъ общемъ алфавитномъ и систематическомъ реестрѣ. По завершеніи этихъ предварительныхъ работъ надлежитъ соединить всѣ отдѣльные архивы въ особомъ Государственномъ Архивѣ, каковое соединеніе Розенкампфъ считаетъ „главной и прямой цѣлью“ реформы. Для обслуживанія архивовъ должны быть опредѣлены свѣдущіе люди, знакомые съ архивной наукой. Наконецъ, о занятіяхъ Главнаго Управленія Архивовъ долженъ представляться ежегодный отчетъ Государственному Совѣту.

Таковы основныя положенія проектируемой Розенкампфомъ архивной реформы. Централизація столичныхъ архивовъ является основной ея сущностью, централизація не только въ отношеніи единства управленія отдѣльными архивными фондами, но и въ смыслѣ пространственнаго ихъ объединенія въ единомъ Государственномъ Архивѣ.

Если мы спросимъ себя о тѣхъ вліяніяхъ, которыя проявились въ этой основной идеѣ реформы Розенкампфа, то мы должны будемъ, конечно, указать на принципы архивнаго законодательства французскаго, основныя начала котораго были изложены мною выше. Обратимся теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію тѣхъ отдѣльныхъ мѣропріятій, изъ которыхъ должна была въ конечномъ итогѣ сложиться проектировавшаяся Розенкампфомъ реформа.

Первой „мѣрой“ изъ всѣхъ, представлявшихся Розенкампфу необходимыми для поднятія благоустройства архивовъ, являлась слѣдующая: „Подчинить всѣ имѣющіеся нынѣ какъ въ здѣшней, такъ и въ Московской Столицѣ Архивы, исключая Архива Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, особому Управленію, подъ наименованіемъ: Главное Управленіе Архивовъ“. Этимъ путемъ достигалась административная централизація всѣхъ столичныхъ архивовъ, кромѣ архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Изъятіе, установленное въ пользу послѣд-

няго объясняется, надо думать, съ одной стороны той обособленностью, которую вѣдомство иностранныхъ дѣлъ традиціонно занимало по отношенію ко всѣмъ прочимъ органамъ центральнаго управленія, а съ другой тѣмъ фактическимъ положеніемъ, въ которомъ московскій архивъ коллегіи находился. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ столичнымъ архивамъ онъ безспорно являлся тѣломъ инороднымъ, выдѣляясь своей благоустроенностью и научно-издательской дѣятельностью. Такое положеніе московскаго архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что еще въ серединѣ XVIII вѣка къ устройству и разработкѣ этого архива привлеченъ былъ исторіографъ Г. Ф. Миллеръ, сумѣвшій не только лично поставить порученный ему архивъ на должную высоту, но и создать цѣлую школу архивистовъ, поддерживавшую заложенныя Миллеромъ въ работу традиціи. Миллеръ былъ назначенъ начальникомъ архива въ 1766 г. [1]). Непосредственно вслѣдъ за своимъ назначеніемъ онъ занялся пріисканіемъ подходящаго для архива помѣщенія, такъ какъ въ домѣ Ростовскаго подворья (на Варваркѣ), куда контора Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ архивомъ была помѣщена въ 1762 г. [2]), послѣднему достались самыя плохія комнаты и подвалы [3]). Стараніямъ Миллера купленъ былъ домъ князя Голицына (недалеко отъ Покровки, у Ивановскаго монастыря), въ которомъ и былъ устроенъ въ 1770 году архивъ [4]). Затѣмъ приступлено было къ систематическому разбору дѣлъ и составленію къ нимъ реестровъ и указателей. Миллеръ умеръ въ 1783 г., но дѣло, начатое имъ, не было заброшено.

---

[1]) См. И. Ѳ. Аммонъ, „Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1862 году“ въ „Сборникѣ Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ“, вып. 2-й, М. 1881 г., стр. 135. П. Милюковъ, „Главныя теченія русской исторической мысли“, 3-е изд., Спб. 1913 г., стр. 69. См. также П. Пекарскій, „Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ“, т. I, Спб. 1870 г., стр. 394—395; С. Соловьевъ, „Герардъ-Фридрихъ Мюллеръ“ („Современникъ“, 1854 г., т. 47, № 10), стр. 141.

[2]) „Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1802—1902 г.“. Спб. 1902 г., стр. 68.

[3]) И. Ѳ. Аммонъ, н. с., стр. 134.

[4]) И. Ѳ. Аммонъ, н. с., стр. 135.

Управленіе архивомъ поручено было первоначально тремъ лицамъ—Н. Н. Бантышъ-Каменскому, Соколовскому и Стриттеру, а съ 1800 г. онъ переданъ былъ въ вѣдѣніе статскаго совѣтника (съ званіемъ управляющаго) и канцеляріи совѣтника. Первымъ съ 1800 по 1814 г. былъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, а съ 1814 г.—исполнявшій до того обязанности канцеляріи совѣтника сенаторъ А. Ѳ. Малиновскій [1]). Ко времени управленія архивомъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго относится окончательное приведеніе въ порядокъ древнихъ и старыхъ дѣлъ и составленіе къ нимъ точныхъ реестровъ [2]). Помимо работъ по приведенію архива въ должный порядокъ, при немъ налажена была и большая архивно-издательская работа. Въ 1811 г. [3]) канцлеромъ графомъ Румянцовымъ была учреждена при архивѣ Комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, тогда же приступившая къ работѣ [4]). До 1820 г., т. е. до года составленія Розенкампфомъ изучаемой нами записки, Комиссіей подъ непосредственнымъ руководствомъ гр. Румянцова и на его личныя средства изданы были два тома „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“: первый въ 1813 г. подъ наблюденіемъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, второй—въ 1819 г. подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Малиновскаго [5]).

---

[1]) И. Ѳ. Аммонъ, н. с., стр. 136.

[2]) Тамъ же.

[3]) Собственно говоря, впервые вопросъ объ издательской дѣятельности архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ былъ поставленъ на очередь еще въ царствованіе Екатерины II: указомъ 28 Января 1779 г. Г. Ф. Миллеру поручено было „учинить собраніе всѣхъ россійскихъ древнихъ и новыхъ публичныхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ тому подобныхъ актовъ, по примѣру Дюмонова дипломатическаго корпуса“. Г. Ф. Миллеръ приступилъ немедленно къ работѣ и подготовилъ собраніе трактатовъ между русскимъ и римскимъ дворами, снабдивъ его историческими примѣчаніями на нѣмецкомъ языкѣ, но за смертью Миллера работа его издана не была и вообще порученное ему дѣло не получило дальнѣйшаго осуществленія (См. „Очеркъ дѣятельности Комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д“., М. 1877 г., стр. 1 сл., „Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, стр. 94). П. Милюковъ, н. с. стр. 102—103.

[4]) „Очеркъ дѣятельности Комиссіи....“, стр. 8.

[5]) „Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, стр. 94—95.

Приведенныя мною данныя о положеніи московскаго архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ началѣ XIX столѣтія въ достаточной степени объясняютъ ту оговорку, которую внесъ въ свой проектъ административной централизаціи архивовъ Розенкампфъ: подведеніе подъ общую мѣрку архива, въ достаточной степени благоустроеннаго, пользовавшагося къ тому же особымъ вниманіемъ графа Румянцова, конечно, неизбѣжно поставило бы подъ сомнѣніе осуществимость всей задуманной имъ архивной реформы.

Итакъ, по проекту Розенкампфа всѣ столичные архивы, кромѣ архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, должны были быть подчинены Главному Управленію Архивовъ. Формулировка Розенкампфомъ этого основного положенія намѣчавшейся имъ реформы оставляетъ не разрѣшенными два весьма существенныхъ вопроса. Во первыхъ, остается не выясненнымъ, подпадаютъ ли вѣдѣнію вновь создаваемаго Главнаго Управленія всѣ безъ исключенія архивы (за изъятіемъ, конечно, архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ), т. е. архивы текущіе наряду съ архивами историческими. Надо думать, что дѣлопроизводственные архивы функціонирующихъ учрежденій не могли мыслиться Розенкампфомъ подлежавшими передачѣ въ вѣдомство Главнаго Управленія Архивовъ безъ какихъ бы то ни было ограниченій, особенно въ виду того значенія справочныхъ отдѣловъ, которое придавалось имъ Общимъ Учрежденіемъ Министерствъ. Но ограниченія эти—ни хронологическія, ни предметныя установлены имъ не были: въ силу этого утрачивалось представленіе о точномъ объемѣ намѣчавшейся реформы. Во вторыхъ, оставался не вполнѣ выясненнымъ вопросъ о мѣстѣ, которое должно было принадлежать Главному Управленію Архивовъ въ общемъ строѣ административныхъ учрежденій, въ частности, слѣдовательно, вопросъ о самостоятельности вѣдомства Главнаго Управленія Архивовъ или о вѣдомственной подчиненности его одному изъ министровъ. Повидимому, Розенкампфъ мыслилъ Главное Управленіе Архивовъ, какъ вѣдомство самостоятельное.

Къ такому выводу приводятъ двоякаго рода соображенія. Съ одной стороны, употребляемая Розенкампфомъ термино-

логія: въ то время, когда онъ писалъ свою записку, Главное Управленіе юридически приравнивалось только Министерству. Общее Учрежденіе Министерствъ 1811 г. знало два Главныхъ Управленія—Главное Управленіе Путей Сообщенія и Главное Управленіе Духовныхъ дѣлъ разныхъ Исповѣданій (§ 3). Въ 1820 г. продолжало самостоятельно существовать только первое изъ нихъ, такъ какъ съ учрежденіемъ въ 1817 г. Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія [1]) Главное Управленіе Духовныхъ Дѣлъ разныхъ Исповѣданій было поглощено этимъ Министерствомъ. § 213 Общаго Учрежденія Министерствъ 1811 г. юридически приравнивалъ къ министрамъ управляющихъ разными частями „въ общемъ раздѣленіи ихъ отдѣльное министерство составляющихъ“ [2]). Это „раздѣленіе государственныхъ дѣлъ“ съ пріуроченіемъ къ каждой отдѣльной отрасли ихъ опредѣленныхъ Министерствъ и Главныхъ Управленій устанавливалось §§ 1 и 3 того-же Учрежденія [3]): всякое послѣдующее измѣненіе въ общемъ составѣ министерствъ и главныхъ управленій для юридической четкости объема § 213 требовало соотвѣтственнаго отраженія въ § 3. На дѣлѣ такія измѣненія въ § 3 не заносились, благодаря чему § 213 мало-по-малу утрачивалъ присущую ему первоначально юридическую ясность. Созданіе Главнаго Управленія Архивовъ безъ включенія его въ перечень § 3 Общаго Учрежденія Министерствъ оставляло бы, слѣдовательно, открытымъ вопросъ объ объемѣ правомочій того должностного лица, которое было бы во главу этого Управленія поставлено. Я упоминалъ, однако, уже о томъ, что въ то время, къ которому относится изучаемый проектъ Розен-

[1]) П. С. З., XXXIV, № 27.106.

[2]) Общ. Учр. Мин. § 213: „Главные Директоры и Управляющіе разными частями, хотя бы и не имѣли они названія Министровъ, но когда ввѣрено имъ главное управленіе Государственныхъ дѣлъ, въ общемъ раздѣленіи ихъ отдѣльное Министерство составляющихъ, имѣютъ тѣ же права, власть и обязанности, какія присвоены Министрамъ, если особенными уставами и учрежденіями не постановлено для нихъ изъятія въ распространеніи ихъ власти, или къ ея ограниченію“.

[3]) Тѣсную связь § 213 Общ. Учр. Мин. съ § 3 того же Учр. правильно подчеркиваетъ бар. Б. Э. Нольде, „Очерки русскаго государственнаго права“, Спб., 1911 г., стр. 161, прим.

кампфа, терминъ Главное Управленіе употреблялся исключительно для обозначенія самостоятельнаго вѣдомства, т. е. юридически приравнивался термину Министерство: наименованіе главными управленіями составныхъ частей министерства, столь распространенное въ нашемъ административномъ правѣ второй половины XIX и начала XX вѣка [1]), т. е. низведеніе главнаго управленія на положеніе департамента, въ 1820 г. извѣстно еще не было [2]).

Помимо соображеній терминологическаго порядка, въ пользу признанія проектировавшагося Розенкампфомъ Главнаго Управленія Архивовъ самостоятельнымъ вѣдомствомъ говоритъ и намѣченный въ его запискѣ порядокъ представленія по этому Управленію отчетовъ. Въ „планѣ“ Розенкампфа проектировалось представленіе ежегоднаго отчета „объ успѣхахъ въ занятіяхъ Управленія Архивовъ“ Государственному Совѣту [3]), а, согласно дѣйствовавшему въ 1820 г. законодательству, „на уваженіе“ Государственнаго Совѣта должны были вноситься отчеты всѣхъ министерствъ, т. е. вѣдомствъ самостоятельныхъ [4]).

Если такъ, если Главное Управленіе Архивовъ дѣйствительно мыслилось Розенкампфомъ вѣдомствомъ самостоятельнымъ, т. е. равноправнымъ министерствамъ, нельзя не подивиться предметной и пространственной незначительности круга его вѣдѣнія. Самостоятельному Главному Управленію вручалось только завѣдываніе архивами, притомъ архивами только столичными и съ изъятіемъ наиболѣе благоустроеннаго изъ нихъ.

---

[1]) Н. М. Коркуновъ, „Русское государственное право“, т. II, изд. 6-е, Спб., 1909 г., стр. 384.

[2]) Впервые терминъ „Главное Управленіе“ для обозначенія составной части Министерства употребленъ былъ въ 1828 г., когда Уставъ о цензурѣ 22 Апрѣля 1828 г. (П. С. З., III, № 1979) создалъ Главное Управленіе Цензуры въ составѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (§§ 4 и 5).

[3]) Одинъ изъ тезисовъ проекта гласитъ: „Представлять Государственному Совѣту объ успѣхахъ въ занятіяхъ Управленія Архивовъ ежегодный отчетъ, раздѣляя оный по разнымъ частямъ законодательства“.

[4]) Общ. Учр. Мин., § 228, п. 8; Учр. Гос. Совѣта, § 29, п. 10.

„Главной и прямой“ цѣлью проектировавшейся реформы было, однако, какъ уже указывалось выше, не только единство управленія архивами, но и единство ихъ состава, т. е. объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ архивовъ въ особомъ Государственномъ Архивѣ. Достиженію этой конечной цѣли должны были предшествовать нѣкоторыя предварительныя мѣропріятія, общія во всѣхъ подвѣдомственныхъ главному архивному управленію архивахъ. Каждый отдѣльный архивъ долженъ былъ составить полный хронологическій реестръ всѣхъ хранящихся въ немъ документовъ, а затѣмъ всѣ эти реестры должны были быть объединены въ общемъ реестрѣ алфавитномъ и систематическомъ. Образцомъ такихъ реестровъ долженъ былъ служить реестръ, проектировавшійся для архива Комиссіи составленія законовъ [1]).

Записка объ этомъ реестрѣ вмѣстѣ съ пятью первыми „образцовыми“ листами, уже составленными, была представлена Розенкампфомъ кн. П. В. Лопухину того-же 8 Апрѣля 1820 г. [2]). Согласно высказаннымъ въ ней предположеніямъ, въ хронологическій реестръ должны были войти всѣ узаконенія, раздѣленныя на три періода: первый—отъ изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича до 1700 года, второй—съ 1700 г. до 1801 г., т. е. до вступленія на престолъ Императора Александра I, третій—съ 1801 г. Кромѣ этихъ узаконеній въ реестръ (очевидно въ „образцовые листы“) помѣщены были „нѣкоторые списки грамотъ и указовъ прежнихъ временъ“, хранившіеся въ архивѣ Комиссіи, начиная со вступленія на престолъ дома Романовыхъ. Вслѣдъ за хронологическимъ реестромъ намѣчалось составленіе реестра алфавитнаго или, какъ говорилось въ запискѣ, „изложеніе сихъ же узаконеній по алфавитному порядку“. До составленія, однако, такого алфавитнаго реестра хронологическій

---

[1]) Соотвѣтственное положеніе записки гласитъ: „На первый случай составить всѣмъ вышеупомянутымъ Архивамъ, по свойству предметовъ каждаго изъ нихъ, полные хронологическіе реестры, по примѣру образца, представляемаго при семъ для Архива Коммисіи составленія законовъ; а потомъ соединить ихъ въ общемъ Алфавитномъ и Систематическомъ реестрѣ“.

[2]) См. „Труды“, стр. 189.

реестръ для чисто практическихъ цѣлей работы Комиссіи составленія законовъ долженъ былъ быть снабженъ особыми помѣтками, призванными указывать „къ которой части законодательства и государственнаго управленія“ принадлежитъ каждое изъ вошедшихъ въ реестръ узаконеній. Перечень этихъ „частей“ пріуроченъ былъ въ общихъ чертахъ къ систематическому раздѣленію законовъ, установленному во введеніи къ своду существующихъ законовъ, издававшемуся Комиссіей, какъ уже указывалось выше, начиная съ 1815 года [1]) [2]). Розенкампфъ придавалъ большое практическое значеніе намѣченнымъ къ составленію реестрамъ, совершенно правильно, конечно, считая, что такіе реестры „въ особенности способствовать будутъ какъ присутственнымъ мѣстамъ, такъ и по законодательной части къ обозрѣнію всѣхъ донынѣ существующихъ учрежденій, уставовъ и постановленій всякаго рода“. Отсюда понятно высказанное имъ въ запискѣ предположеніе о напечатаніи этихъ реестровъ. Предположеніе это кн. П. В. Лопухинъ, до крайности ревниво оберегавшій всегда казенныя суммы отъ расходованія [3]), въ намѣчавшемся Розенкампфомъ объемѣ не раздѣлилъ и разрѣшилъ Комиссіи напечатать реестръ лишь въ числѣ экземпляровъ, потребныхъ для нея самой, но и то лишь тогда, когда „Комиссія будетъ имѣть довольное количество денегъ“ [4]). На дѣлѣ напечатаніе ре-

---

[1]) „Систематическій сводъ существующихъ законовъ. Право гражданское“. Томъ I, §§ 9—21.—Ср. „Основанія россійскаго права, извлеченныя изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи“, томъ I, Спб., 1818 г., §§ 8—21. Въ перечнѣ, приводимомъ въ запискѣ, заключаются ссылки на §§ „Основаній права“.

[2]) Въ качествѣ примѣра укажу, какими помѣтками предположено было снабдить хронологическій реестръ:

1) Законы, относящіеся до Высочайшей Особы Государя Императора и Самодержавной Власти	Высоч. Вл.
2) Законы, относящіеся до Императорской Фамиліи и Ихъ собственности и Удѣловъ	Имп. фам. Удѣл.
. . . . .	„
7) О Правосудіи и Судопроизводствѣ	Правос. Судопр. и т. д.

[3]) См. П. М. Майковъ, „Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи“, Спб., 1906 г., стр. 15, прим.

[4]) Положенная кн. П. В. Лопухинымъ на рапортѣ Розенкампфа резолюція гласитъ (См. „Труды“, стр. 190): „Планъ и образецъ для сочиненія Хроноло-

естровъ хранившихся въ архивѣ Комиссіи узаконеній такъ и не осуществилось.

Итакъ, по намѣченному для архива Комиссіи составленія законовъ образцу, должны были составить реестры всѣ объединявшіеся въ вѣдѣніи главнаго архивнаго управленія архивы. Всѣ эти реестры отдѣльныхъ архивовъ подлежали затѣмъ соединенію въ одномъ общемъ алфавитномъ и систематическомъ реестрѣ. Послѣ завершенія этихъ работъ, мыслившихся предварительными, должна была наступить, по предположеніямъ Розенкампфа, завершительная стадія реформы архивнаго дѣла: соединеніе всѣхъ отдѣльныхъ архивовъ, соединеніе всѣхъ, какъ говорится въ запискѣ, источниковъ законодательства, исторіи и статистики въ особомъ Государственномъ Архивѣ, т. е. созданіе единаго, если не государственнаго, то столичнаго архивнаго фонда не только въ силу единства административнаго имъ завѣдыванія, но и въ силу единства мѣстонахожденія нѣкогда разбитыхъ по вѣдомствамъ, пространственно разсыпанныхъ архивовъ [1]).

Выше мнѣ пришлось указать на нѣкоторыя сомнѣнія, которыя вызываются проектомъ въ первой стадіи намѣченной Розенкампфомъ реформы—въ стадіи образованія Главнаго Управленія Архивовъ, сомнѣнія, объясняемыя недоговоренностью записки въ этомъ пунктѣ. Сомнѣнія неизбѣжно возникнутъ у насъ и въ связи съ послѣдней стадіей той же реформы, т. е. въ связи съ проектировавшимся образованіемъ единаго Государственнаго Архива, если мы вспомнимъ, что подлежавшіе объединенію въ Государственномъ Архивѣ

гическаго реестра законамъ имѣющимся въ Архивѣ Коммисіи составленія Законовъ очень хорошъ и для Комисіи нуженъ, для чего и должно стараться оный сочинить, и тогда, когда Комиссія будетъ имѣть довольное количество денегъ, то оный можно напечатать въ числѣ экземпляровъ сколько для Комиссіи потребно, а чтобъ печатать и для продажи, то оное будетъ безполезно, потому что никто оный покупать не будетъ, потому что имѣвши Сводъ всѣхъ законовъ въ реестрѣ таковомъ надобности никому не будетъ. Апрѣля 9 дня 1820 года".

[1]) Соотвѣтственное положеніе записки гласитъ: „По составленіи таковыхъ реестровъ приступить къ главной и прямой цѣли Архивовъ, т. е. соединить всѣ сіи источники законодательства, Исторіи и Статистики въ особомъ Государственномъ Архивѣ и пріуготовить ихъ для способнѣйшаго употребленія во всякомъ случаѣ".

архивные фонды находились какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Врядъ ли можно колебаться въ опредѣленіи западно-европейскаго источника завершительной стадіи исходившаго отъ Розенкампфа проекта: образованіе единаго Государственнаго Архива, очевидно, должно было быть произведено по образцу помѣщеннаго въ силу упоминавшагося уже выше декрета 6 Марта 1808 г. [1]) въ зданіи Hôtel Soubise Національнаго архива Франціи (въ 1820 г. онъ именовался Archives du royaume), составленнаго изъ нѣкогда разрозненныхъ архивныхъ фондовъ. Но французскіе столичные архивы естественно только и могли быть объединены въ Парижѣ, тогда какъ для столичныхъ архивовъ отечественныхъ неизбѣжно вставалъ вопросъ, гдѣ создать призванный поглотить эти архивы Государственный Архивъ—въ Петербургѣ или Москвѣ. Вопросъ этотъ, технически весьма существенный, остался Розенкампфомъ не разрѣшеннымъ.

Большой заслугой изучаемаго проекта является то обстоятельство, что онъ не ограничился предположеніями относительно организаціи архивныхъ фондовъ, но и затронулъ вопросъ о персоналѣ, эти фонды обслуживающемъ. Но, затронувъ, разрѣшилъ его столь широкой формулой, что конкретизація ея сама по себѣ могла бы составить предметъ самыхъ разнообразныхъ проектовъ: для архивной службы Розенкампфъ предполагалъ „опредѣлить свѣдущихъ людей, кои бы могли усовершенствовать себя въ такъ называемой архивной наукѣ“ [2]). Мысль о спеціальной, притомъ спеціально-научной архивной подготовкѣ призваннаго обслуживать архивы служебнаго персонала, продиктованная, конечно, отмѣчавшимся и въ запискѣ Розенкампфа весьма плачевнымъ уровнемъ современнаго ему архивнаго чиновничества,— мысль въ высокой степени цѣнная, не утратившая остроту

---

[1]) Bordier, o. c., p. 17.

[2]) Упомянувъ о пріуготовленіи соединенныхъ въ особомъ Государственномъ Архивѣ источниковъ законодательства, исторіи и статистики „для способнѣйшаго употребленія во всякомъ случаѣ“, Розенкампфъ устанавливаетъ такое положеніе: „Для сего опредѣлить свѣдущихъ людей, кои бы могли усовершенствовать себя въ такъ называемой Архивной наукѣ“.

злободневности до дней уже нашихъ. Приходится, однако, снова и снова пожалѣть, что свойственная вообще проекту Розенкампфа недоговоренность, не позволяетъ судить, какими мѣропріятіями предполагалъ онъ эту мысль претворить въ дѣйствительность.

Таково содержаніе составленнаго Розенкампфомъ „Плана о приведеніи въ лучшее устройство архивовъ вообще". Подводя итоги намѣчавшимся имъ мѣропріятіямъ—объединенію столичныхъ архивовъ въ отношеніи административномъ, сведенію воедино составленныхъ по отдѣльнымъ архивамъ хронологическихъ и систематическихъ реестровъ, соединенію отдѣльныхъ архивовъ въ Архивѣ Государственномъ, наконецъ, требованію спеціальной научной подготовки призваннаго обслуживать этотъ архивъ чиновнаго персонала,—мы должны признать всѣ эти мѣропріятія свидѣтельствующими о весьма серьезномъ отношеніи Розенкампфа къ архивному дѣлу. Составленный имъ проектъ по новизнѣ для Россіи положеннаго въ его основу принципа архивной централизаціи опережалъ на многія и многія десятилѣтія слѣдовавшія за нимъ новеллы архивнаго права, приближаясь къ предположеніямъ, заложеннымъ въ проекты и осуществленія, намъ современные. Но признавая весьма значительныя идейныя достоинства проекта, нельзя закрывать глаза и на присущіе ему недостатки. Два основныхъ недостатка мнѣ представляются существенными. Озабоченный упорядоченіемъ архивнаго дѣла въ столицахъ, Розенкампфъ закрылъ совершенно глаза на архивы провинціальные, между тѣмъ ихъ положеніе, являлось, конечно, еще болѣе угрожающимъ въ смыслѣ неустроенности, чѣмъ положеніе архивовъ, находившихся въ непосредственномъ вѣдѣніи центральныхъ учрежденій. Но и устанавливая основныя положенія реформы архивнаго дѣла въ столицахъ, Розенкампфъ употребилъ столь широкія формулы, что далъ полное основаніе неоднократно упоминать о присущей его проекту недоговоренности.

„Планъ“ Розенкампфа осуществленія не получилъ. Въ „Трудахъ“ Комиссіи составленія законовъ перепечатка его снабжена слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Планъ сей вмѣстѣ съ предыдущимъ объ Архивѣ Комиссіи представленъ былъ Г. Главноуправляющему для поднесенія Государю Императору“ [1]). Въ моемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, чтобы судить былъ ли составленный Розенкампфомъ проектъ дѣйствительно представленъ Александру I. Но если даже предположить, что представленіе это состоялось, практическихъ результатовъ оно не имѣло. Правда, къ тому же 1820 году относится сенатскій указъ, на которомъ намъ приходилось уже останавливаться, указъ 11 Ноября 1820 г. [2]), состоявшійся по поводу дѣла купца Косиковскаго и направленный къ огражденію „на будущее время правительства отъ вреда, производимаго безпорядочнымъ содержаніемъ архивовъ“, но установить причинную связь этого указа съ разработаннымъ Розенкампфомъ „планомъ“ невозможно. Въ качествѣ источника обнаруженныхъ непорядковъ сенатскій указъ упоминаетъ объ отношеніяхъ „сдѣланныхъ Правительствующему Сенату отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ“, а способъ искорененія этихъ непорядковъ видитъ не въ реформѣ архивнаго дѣла, а въ точномъ соблюденіи Петровскаго Генеральнаго Регламента (въ частности главъ его 38-й и 44-й, т. е. главъ „о положеніи въ сохраненіе денегъ и дѣлъ“ и „о архивахъ“) и указа 28 Мая 1768 г., указа, который въ П. С. З. озаглавленъ „О опредѣленіи въ Архиваріусы людей трезвыхъ и неподозрительныхъ и о свидѣтельствованіи архива ежегодно“ [3]).

Проекту Розенкампфа суждено было остаться отдаленнымъ предтечей законодательныхъ предположеній иныхъ временъ, иныхъ людей.

А. Н. Макаровъ.

---

[1]) „Труды“, стр. 203, прим.
[2]) П. С. З., XXXVII, № 28460; см. выше стр. 127.
[3]) П. С. З., XVIII, № 13127.

ФРАНЦУЗСКІЕ АРХИВЫ ВЪ ИХЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Въ связи съ поставленнымъ нынѣ на очередь вопросомъ о централизаціи архивнаго дѣла у насъ, пробуждается интересъ къ исторіи архивныхъ учрежденій въ другихъ странахъ, и особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ въ этомъ отношеніи Франція, какъ потому, что она первая стала на путь централизаціи архивовъ, такъ и потому, что на исторіи этихъ ея учрежденій особенно ярко отразилась богатая событіями политическая исторія самой страны.

Возникновеніе архивовъ во Франціи восходитъ къ глубокой древности. И всѣ собиратели французскаго королевства со временъ первыхъ Капетинговъ проявляли большую заботливость о своихъ архивахъ. Въ цѣляхъ объединенія королевства они прибѣгали къ оружію, „mais de très bonne heure“, говоритъ авторъ блестящей статьи, посвященной исторіи знаменитаго „Trésor des Chartes“, H. Fr. Delaborde“, „les armes matérielles n'eurent d'autre rôle que de seconder les armes morales, celles qui constituaient ce que Dupuy a appellé les „ Droits du Roi“, droits qui, dans ce temps où le pays s'incarnait dans son chef, n'étaient autres que les droits de la France [1])“. Арсеналомъ же этихъ „armes morales“ и были архивы.

[1]) Archives nationales. Inventaires et documents. Layettes du Trésor des Chartes T. V. 1909. Etude sur la constitution du Trésor des Chartes et sur les origines de la Série des Sacs.

Подъ 813 годомъ авторъ „Annales des Francs“ [1]) опредѣленно указываетъ, что приказы королей передавались для храненія въ дворцовый архивъ. Къ этому же времени относятся данныя о существованіи трехъ родовъ архивныхъ хранилищъ (tabularia) въ большихъ городахъ—это архивы графскій, епископскій и общинный (universitas); церкви и монастыри имѣли также свои архивы, и въ нихъ, въ силу того уваженія, которымъ пользовалось въ тѣ времена религіозныя учрежденія, нерѣдко въ періоды смутъ, частныя лица помѣщали важнѣйшія изъ своихъ документовъ; кромѣ того въ замкахъ образовались свои отдѣльные архивы. Главнымъ содержаніемъ всѣхъ этихъ хранилищъ (dépôts) являлись документы, относящіеся до политическаго и гражданскаго строя отдѣльныхъ областей Франціи.

Рядомъ ордонансовъ Людовика Кроткаго установлены были правила, касающіяся доставленія подлинниковъ королевскихъ указовъ въ архивъ дворца (in archivio palatii), гдѣ они находились въ вѣдѣніи канцлера, уполномоченнаго выдавать съ нихъ копіи лишь по приказу самого суверена. Эти правила сохранили силу ко времени третьей династіи и дѣйствовали еще въ ту эпоху, когда Франція стала ареной непрестанной борьбы феодаловъ и подвергалась нападеніямъ чужеземныхъ завоевателей. Дворецъ короля превратился въ его лагерь, и во время походовъ на ряду съ прочимъ дворцовымъ имуществомъ начали перевозить съ собою и архивъ („viatoria“). Это обыкновеніе привело къ трагическому для памятниковъ древней Франціи событію: 5 Іюля 1194 г. Филиппъ Августъ, разбитый при Фретевалѣ, отдалъ въ руки англичанъ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ своего двора и королевскій архивъ. Съ тѣхъ поръ варварскому обычаю перевозить вслѣдъ за королемъ важнѣйшіе документы относящіеся до правъ короны, былъ положенъ конецъ, и въ ближайшіе-же годы возникъ королевскій архивъ, къ исторіи котораго намъ и надлежитъ теперь перейти.

---

[1]) Eccard. Introduction à la diplomatique. Sect. 1 cap. 1 § 19. Цит. по Dalloz'y. Répertoire T. V. 1847 г. Archives § 4—6.

Цитированная выше статья Delaborde'a, возстанавливая судьбу этого учрежденія, представляетъ много новаго по сравненію съ предшествующими работами, посвященными королевскому архиву [1]), а потому въ дальнѣйшемъ мы будемъ пользоваться ею, въ качествѣ основы нашего изложенія.

Чтобы составить представленіе о потеряхъ, понесенныхъ Филиппомъ Августомъ при Фретевалѣ, необходимо было-бы располагать подробнымъ описаніемъ содержанія королевскаго архива, но ни одинъ изъ историковъ, упоминающихъ объ этомъ событіи, такихъ свѣдѣній не сообщаетъ. То обстоятельство, что въ Англіи до сихъ поръ не обнаружено никакихъ слѣдовъ этихъ документовъ, заставляетъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ изслѣдователей отрицать самый фактъ утраты Филиппомъ Августомъ своего архива [2]), но хронологическая таблица, которая приводится Teulet въ I томѣ „Les layettes du Trésor des chartes", не подтверждаетъ такого вывода. Имѣется, правда, всего только два указанія на архивные документы, попавшіе въ руки англичанъ,—одно Roger de Howden'a со стороны англичанъ, другое—Guillaume le Breton'a со стороны французовъ; первый сообщаетъ, что въ числѣ этихъ документовъ были „Carte universorum hominum regis Anglie qui se dederant regi Francie et comiti Iohanni contra eum" [3]); второй-же въ своей хроникѣ указываетъ лишь на утрату королевской печати и регистровъ, заключающихъ поземельныя записи (libelli computorum fisci) [4]). Такимъ образомъ изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно заключить, что въ составъ погибшаго архива входили хартіи (carte) и регистры (libelli).

---

[1]) Dupuy. Traitez touchant les droits du Roy. 1670. Du trésor des chartes du Roy. p.p. 668—675. Marcarel et Boulatignier. De la fortune publique. 1838. T. 1 p. 522; Dalloz. Répertoire T. V. 1847. v. „Archives"; Bordier. Les archives de France 1855; Dessales. Le Trésor des Chartes (Mémoires présentés... à l'Académie des Inscriptions et des Belles-lettres T. I. I partie); Teulet. Trésor des Chartes (Layettes du Trésor des Chartes T. I). 1863. Richon. Traité théorique et pratique des archives publiques. 1883. Pandectes françaises. T. VIII. 1890. v. „Archives".

[2]) Dessales o. c. p. 368 note 1, p. 369 note 5.

[3]) Roger de Howden. éd. Stubbs. T. III p. 256.

[4]) Guillaume le Breton. éd. de le Société de l'histoire de France T. 1. p. 297, § 74.

Съ присущимъ ему пониманіемъ государственныхъ задачъ Филиппъ Августъ не замедлилъ принять мѣры къ возстановленію утраченныхъ документовъ, поручивъ выполненіе этой отвѣтственной работы Gautier le Chambellan'y, dit le Jeune. Слѣдующее описаніе работы по возстановленію архива даетъ Guillaume le Breton въ Филиппидѣ:

«... sed scripta quibus prenosse dabatur
Quid deberetur fisco, que quanta tributa,
Nomine quid census, que, vectigalia, quantum
Quisque teneretur feodali solvere jure,
Qui sint exempti, vel quos agraria damnet,
Qui sint vel glebe servi vel conditionis,
Quove manumissus patrono juris ligetur,
Non nisi cum summo poterit rescire labore.
Prefuit huic operi Galterus junior; ille
Hoc quave sumpsit onus in se qui cuncta reduxit
In genio naturali sensus que vigore
In solitum rectum que statum..... [1])

И такъ, Gautier le Jeune возстановилъ королевскій архивъ или, по крайней мѣрѣ, тѣ его части, о которыхъ говорится въ послѣднихъ трехъ стихахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были до Фретеваля. Для нахожденія требуемыхъ документовъ и полученія съ нихъ копій, онъ производилъ розысканія въ рядѣ хранилищъ, при чемъ особенно цѣнными въ этомъ отношеніи оказались архивы церквей и монастырей.

Работы по возстановленію архива были закончены не ранѣе 1200—1204 года, и къ тому же времени относится помѣщеніе его для постояннаго храненія во дворцѣ короля въ Парижѣ. Охрана архива была поручена, наравнѣ съ прочимъ дворцовымъ имуществомъ, привратнику (concierge) королевской резиденціи Adam'y.

Мѣра эта лишила короля возможности имѣть при себѣ всегда необходимые для дѣлъ управленія документы и привела къ другой не менѣе благотворной для архива мѣрѣ,— къ составленію регистровъ копій важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи документовъ; регистръ легко было брать съ собою

[1]) Philippide T. IV. p. 561.

при путешествіяхъ короля, подлинники-же оставались въ безопасномъ мѣстѣ въ архивѣ дворца. Первымъ изъ такихъ регистровъ является „Registrum vetorius“, составленный между 1205 и 1212 г.г. Подлинникъ его хранится въ библіотекѣ Ватикана, и только недавно существовавшій благодаря этому пробѣлъ въ регистрахъ національнаго архива былъ восполненъ доставленнымъ Delisl'омъ экземпляромъ, воспроизводящимъ этотъ древнѣйшій памятникъ исторіи французскихъ архивовъ. Registrum vetorius, какъ и всѣ послѣдующія работы надъ матеріалами королевскаго архива, преслѣдуетъ практическія задачи, связанныя съ управленіемъ страной, и страдаетъ поэтому присущимъ всѣмъ такимъ регистрамъ недостаткомъ—онъ охватываетъ лишь наиболѣе часто въ то время требуемые документы, а потому не даетъ полнаго представленія о содержаніи архива.

Трудности, встрѣчавшіяся при пользованіи этимъ регистромъ, принудили стоявшаго во главѣ королевской канцеляріи Guérin, приступить къ составленію новаго описанія, которое въ большей степени удовлетворяло-бы текущимъ потребностямъ. По проекту Guérin всѣ документы, могущіе служить для обоснованія правъ короля, должны были быть расположены въ систематическомъ порядкѣ, и выполненіе этой работы поручено было одному изъ служащихъ королевской канцеляріи Etienne de Gallardan (1220 г.), такъ какъ въ тѣ времена не существовало еще особой должности завѣдывающаго архивомъ, а отдѣльныя порученія по этой части возлагались на служащихъ королевской канцеляріи.

Вернувшись къ традиціямъ королей первыхъ двухъ династій, Филиппъ Августъ, какъ мы уже знаемъ, помѣстилъ свой архивъ во дворцѣ. Но уже при Людовикѣ Святомъ, подъ вліяніемъ принятаго тогда обыкновенія сохранять все наиболѣе цѣнное въ неприкосновенныхъ стѣнахъ священныхъ зданій, архивъ и библіотека короля помѣщены были въ возведенной имъ Sainte Chapelle, въ двухъ комнатахъ, надъ ризницей. Отсюда и произошло наименованіе королевскаго архива „Trésor des Chartes“, встрѣчающееся впервые въ 1334 г.; до того этотъ архивъ въ отдѣльныхъ документахъ назы-

вался описательно—„littere deposite in armorio domini regis", „archivium litterarum et privilegiorum desuper thesaurum capelle regalis Parisiensis palati existens". Шкафы въ этомъ хранилищѣ имѣлись съ давнихъ временъ, самые же документы принято было помѣщать въ мѣшки, и тогда только вкладывать ихъ въ сундуки или въ ящики (layettes, scrinia), которые разставлялись на полки.

Непрерывный рядъ лицъ, которымъ поручалось завѣдываніе королевскимъ архивомъ, появляется со времени назначенія Pierr'a d' Etampes (27 Апрѣля 1307 г.) для исполненія спеціальныхъ обязанностей по архиву. Въ приказѣ о назначеніи его, Филиппъ Красивый именуетъ его „commissarium nostrum", что свидѣтельствуетъ объ отсутствіи еще въ то время спеціальной должности хранителя архива. Pierre d'Etampes долженъ былъ ознакомиться съ содержаніемъ хранилища, озаботиться принятіемъ мѣръ къ сохраненію документовъ въ неприкосновенности, составить описаніе ихъ, а также доставлять, по требованію суверена, нужные ему по дѣламъ управленія матеріалы.

Въ ту эпоху королевскій архивъ значительно обогатился, благодаря присоединенію вассальныхъ земель, такъ какъ послѣдствіемъ этихъ присоединеній явилось доставленіе въ архивъ всѣхъ документовъ, входившихъ въ составъ хранилищъ, принадлежавшихъ покореннымъ вассаламъ. На ряду съ такими чрезвычайными поступленіями, архивъ короля возросталъ также за счетъ тѣхъ трактатовъ, буллъ и современныхъ законченныхъ дѣлъ, которые должны были, согласно установленнымъ правиламъ, доставляться въ него подлежащими органами власти. Къ числу послѣднихъ относилась учрежденная Филиппомъ Красивымъ Палата счетовъ (chambre des comptes), которая, вѣдая всѣми поземельными дѣлами, стояла естественно весьма близко къ архиву, при чемъ впослѣдствіи близость эта привела даже къ вѣковымъ пререканіямъ между хранителемъ архива и Палатой, которая склонна была разсматривать архивъ какъ учрежденіе ей подвѣдомственное. Къ тому же времени относится поступленіе въ Trésor des Chartes цѣннѣйшихъ историческихъ документовъ, принадлежавшихъ высшимъ

представителямъ администраціи и имѣвшихъ значеніе государственныхъ. Архивисту поручались также отдѣльныя работы по собиранію матеріаловъ, касающихся главнымъ образомъ вопросовъ внѣшней политики, привлекавшихъ особое вниманіе современниковъ Филиппа Красиваго. Слабой стороной веденія архивнаго дѣла являлось изъятіе изъ архива (déplacement) цѣлаго ряда документовъ, требуемыхъ для справокъ, главнымъ образомъ, по распоряженіямъ короля или канцлера; несмотря на принимаемыя мѣры по регистраціи этихъ выдачъ, равно какъ и по регистраціи расписокъ, въ полученіи документовъ, многіе изъ нихъ никогда не были возвращены въ королевскій архивъ.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ своего назначенія въ архивъ, Pierre d'Etampes приступилъ, по распоряженію короля, къ составленію своего „Registr'a". Ему поручено было составить сводку указателей къ отдѣльнымъ категоріямъ документовъ особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли отношеніе къ интересамъ короны. Несмотря на всю его неполноту и незаконченность, регистръ этотъ представляетъ большую цѣнность для ознакомленія съ тогдашнимъ состояніемъ Trésor des Chartes. Но ближайшее разсмотрѣніе этой большой работы хранителя архива даетъ основаніе утверждать, что въ нее включены документы, принадлежавшіе Палатѣ счетовъ и Парламенту, а слѣдовательно, никогда не входившіе въ составъ королевскаго архива. Поэтому, какъ замѣчаетъ Delaborde, нельзя приписывать этому регистру наименованіе инвентаря.

27 Февраля 1325 г., послѣ смерти Pierre d'Etampes назначенъ былъ новый хранитель, „garde des privilèges du roi" — Pierre Julien. При немъ архивъ обогатился поступленіемъ въ него документовъ, находившихся въ хранилищѣ вступившаго на престолъ Филиппа Валуа, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые подлежали передачѣ въ Палату счетовъ. Съ этого же времени въ архивъ начали поступать регистры королевской канцеляріи; что касается документовъ, относящихся до международныхъ отношеній и особенно дѣлъ поземельныхъ, то таковые, въ достаточной мѣрѣ регулярно доставлялись въ

Trésor des Chartes. Есть даже основанія предполагать, что королю уже тогда принадлежало право виндикаціи документовъ, имѣющихъ значеніе государственныхъ, гдѣ бы они не находились. Но на ряду съ увеличеніемъ состава королевскаго архива и, можно сказать, по причинамъ того же порядка,—происходило и сокращеніе его. Такъ, при отпаденіи, отдѣльныхъ владѣній, входившихъ временно въ составъ французскаго королевства, изъ архива извлекались соотвѣтствующія собранія документовъ. Возникавшія при выдачѣ этихъ собраній неудобства, привели къ принятію мѣръ, направленныхъ къ сохраненію подлинниковъ таковыхъ въ королевскомъ архивѣ и къ выдачѣ однѣхъ лишь завѣренныхъ копій (приказы на имя P. Julien отъ 22 Октября и 4 Ноября 1328 г., относящіеся до выдачи копій документовъ королевства Наваррскаго).

Преемникъ Pierr'a Julien, Jean de Coeuvres, назначенный 5 Сентября 1333 г., получалъ содержаніе изъ Палаты счетовъ, въ вѣдѣніи которой находилось зданіе Sainte Chapelle, и тѣмъ самымъ окончательно закрѣпилъ притязанія этой Палаты на участіе въ дѣлахъ королевскаго архива. При немъ составлена была самая древняя опись регистровъ (1350 г.).

Блестящую страницу въ исторіи королевскаго архива составило правленіе Карла V. Онъ былъ одушевленъ сознаніемъ того великаго значенія, которое имѣютъ памятники исторіи, и въ этой области ему принадлежатъ три крупныя начинанія—при немъ создана королевская библіотека, издана первая исторія Франціи и приведенъ въ порядокъ архивъ королевства.

Послѣдняя работа была выполнена вступившимъ въ исполненіе обязанностей хранителя архива 31 Декабря 1370 г., Gérard'омъ de Montaigu, который нашелъ ввѣренный ему архивъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Новый хранитель проявилъ большой практическій смыслъ въ дѣлѣ разрѣшенія поставленной передъ нимъ трудной задачи; онъ началъ съ того, что провѣрилъ наличность архива по тому описанію, которое было наиболѣе употребительнымъ при его предшественникахъ (Rotulus ad corium rubeum) и затѣмъ составилъ алфавитный

указатель къ „layettes". Кромѣ того, пользуясь также спискомъ регистровъ, оставшимся отъ прежнихъ хранителей, онъ составилъ свою опись регистровъ (112) и присоединилъ ее къ составленному имъ указателю (1371 г.). Продолжая трудиться надъ переработкой этихъ описей, онъ мечталъ о составленіи общаго предметнаго указателя, который раскрылъ бы содержаніе обѣихъ частей архива—и „layettes", и регистровъ. Послѣдняя работа не была имъ закончена, а первая въ теченіе восьми лѣтъ передѣлывалась пять разъ. На ряду съ этими капитальными трудами, Montaigu занимался также собираніемъ матеріаловъ по отдѣльнымъ финансовымъ вопросамъ. Съ этого времени „Trésor des Chartes" дѣлится на двѣ части —„les layettes" и „les régistres"; установленная Montaigu для первой части классификація продержалась въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, для второй она сохранилась и до нашихъ дней. Рвеніе архивиста встрѣтило должную оцѣнку со стороны Карла V, цѣнившаго высоко свой архивъ, какъ „le trésor le plus précieux de tous mes trésors temporels"; для заслуженнаго хранителя архива была создана въ 1378 г. должность „Trésorier des privilèges, chartes et régistres du roi", съ дарованіемъ ему правъ „secrétaire du roi".

XV и XVI столѣтія являются періодомъ полнѣйшей дезорганизаціи королевскаго архива. Работы Montaigu, особенно тотъ предметный указатель, начало которому было положено имъ (законченъ онъ былъ при его ближайшихъ преемникахъ), настолько удовлетворяли потребностямъ новыхъ хранителей при выполненіи ими поступавшихъ въ архивъ требованій, что никакихъ новыхъ работъ въ области классификаціи документовъ въ этотъ періодъ не производилось, регистрировались лишь текущія поступленія. Въ это время возникла, по мнѣнію Delabord'a, третья часть „Trèsor des Chartes", носившая прежде наименованіе „les Sacs", а затѣмъ получившая несоотвѣтствующее ея содержанію названіе—„Supplément du Trèsor des Chartes".

Можно было ожидать, что установленная Montaigu классификація послужитъ основаніемъ для соотвѣтственнаго распредѣленія новыхъ поступленій. Серія регистровъ должна

была пополняться за счетъ регистровъ королевской канцеляріи, и дѣйствительно, вплоть до иноземной оккупаціи, поступленіе этихъ регистровъ не прерывалось. Слѣдующее затѣмъ поступленіе относится къ 1497 г. (всего 48 регистровъ за время отъ 1410 по 1492 г.), такъ какъ при вступленіи своемъ на престолъ Карлъ VII (1436 г.) не сдѣлалъ своевременнаго распоряженія о передачѣ регистровъ въ архивъ, ограничившись приказомъ о наложеніи печатей на помѣщеніе „Trèsor des Chartes“. Затѣмъ, въ разное время, доставлено было еще 44 регистра, изъ которыхъ послѣдній прерывается на 1568 г. Съ этого времени серія регистровъ болѣе не пополнялась, такъ какъ канцлеръ l'Hopital создалъ для своего секретаря новую должность „contrôleur et garde des rôles“ канцеляріи и поручилъ ему храненіе регистровъ и бумагъ. Во избѣженіе тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которые могли имѣть мѣсто при утратѣ отдѣльныхъ документовъ, въ эту эпоху предпринята была работа по составленію подробнаго описанія содержанія каждой „layette“; но описаніе это (transcripta) ограничилось документами всего лишь 58 ящиковъ. Переданныя въ королевскій архивъ „coffres des chancelliers“ послужили, по мнѣнію Delaborde'a, къ образованію той новой части „Trèsor des Chartes“, которой посвященъ изданный подъ его редакціей томъ инвентаря національнаго архива—„les Sacs“. Какъ было уже сказано выше, со временъ Филиппа Красиваго, бумаги высшихъ представителей администраціи, имѣющіе отношеніе къ интересамъ короны, а равно принадлежавшіе ранѣе къ составу архивныхъ фондовъ, послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, должны были передаваться въ архивъ. Къ моменту реорганизаціи „Trésor des Chartes“ налицо имѣлось 15 ящиковъ съ такого рода документами; при условіи непрерывности и полноты этихъ матеріаловъ, коллекція бумагъ отошедшихъ въ вѣчность сановниковъ представляла-бы величайшую историческую цѣнность, такъ какъ при отсутствіи организованныхъ вѣдомственныхъ архивовъ, послѣдніе являлись держателями всей официальной переписки и прочихъ документовъ, но, благодаря господствовавшему въ архивѣ безпорядку, въ этихъ ящикахъ оказались сложен-

ными и другіе случайные документы, напротивъ, многихъ-же изъ тѣхъ, о поступленіи которыхъ имѣются прямыя указанія, тамъ не достаетъ.

Итакъ, со времени возвращенія Карла VII въ Парижъ, безпорядокъ, царившій въ Королевскомъ архивѣ, несмотря на рядъ распоряженій о производствѣ ревизій, все возросталъ, достигнувъ устрашающаго предѣла.

При вступленіи своемъ на престолъ Франциск I обратилъ вниманіе на плачевное состояніе Королевскаго архива и назначилъ четырехъ комиссаровъ (1539 г.), которымъ поручено было совмѣстно съ архивистомъ „renouveller, amplifier et augmenter les inventaires, car il y avait beaucoup de choses non inventoriées“; и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлено было также право исключать изъ инвентарей то, что будетъ признано ими ненужнымъ. Король озаботился также принятіемъ мѣръ къ доставленію въ „Trèsor des Chartes“ ряда дѣлъ изъ Палаты счетовъ, равно какъ и къ полученію обратно выданныхъ въ разное время изъ архива документовъ. Но реальнаго значенія эти мѣры не имѣли.

Несмотря на царившій въ Королевскомъ архивѣ хаосъ, къ работамъ въ немъ допущены были занимающіяся научными изслѣдованіями лица, которыя оставили по себѣ весьма печальную память, не оправдавъ оказаннаго имъ довѣрія. Такъ, Jean Tillet, которому одно время врученъ былъ даже ключъ отъ архива, настолько любилъ документы, что, по выраженію Delaborde'a, разъ взявъ ихъ въ руки, онъ уже не могъ съ ними разстаться; не меньшую свободу въ обращеніи съ документами проявилъ и авторъ кодекса Генриха III, Brisson; наиболѣе-же опаснымъ для Trèsor des Chartes оказался Pierre Pithou, широкіе замыслы котораго находились въ полномъ соотвѣтствіи съ размѣромъ произведенныхъ имъ хищеній. Эти факты свидѣтельствуютъ о преступной небрежности хранителей архива, если не говорить уже о прямомъ содѣйствіи съ ихъ стороны вышеуказаннымъ изслѣдователямъ, въ дѣлѣ расхищенія архивныхъ документовъ.

Къ этимъ бѣдствіямъ, въ концѣ XVI вѣка присоединилось еще новое—завѣдываніе архивомъ было передано его главному кліенту, генералъ-прокурору парламента, который постоянно долженъ былъ опираться на документальныя данныя для отстаиванія правъ короля. Связанная съ полученіемъ изъ архива документовъ переписка показалась непроизводительной генералъ-прокурору de la Guesl'у, который въ 1582 г. испросилъ у Генриха III санкцію на присоединеніе къ выполняемымъ имъ обязанностямъ храненіе „Trèsor des Chartes". Мѣра эта не могла оказаться полезной для Королевскаго архива, такъ какъ переобремененный другими дѣлами генералъ-прокуроръ, безъ подчиненнаго ему служебнаго персонала по архиву, не могъ заниматься даже и текущей работой въ этомъ хранилищѣ, не говоря уже о принятіи какихъ-либо мѣръ по приведенію его въ порядокъ. И Dupuy [1]) видитъ единственный результатъ этой мѣры въ томъ увеличеніи содержанія, которое выпало на долю генералъ-прокурора.

Въ періодъ времени отъ 1583 по 1586 г. произведена была ревизія Королевскаго архива, причемъ изъ сохранившихся записокъ ея участниковъ видно, что, со временъ Montaigu, архивъ значительно разросся и занялъ почти всю вторую комнату, находящуюся надъ первоначальнымъ помѣщеніемъ архива; документы, сложенные въ этомъ „Trésor d'en haut", подвергались дѣйствію сырости и прочихъ опасностей, связанныхъ съ плохимъ состояніемъ зданія. Такъ какъ за это время упадка „Trésor des Chartes" увеличеніе серіи „layettes" ограничилось поступленіемъ не болѣе одного десятка документовъ, а число регистровъ со временъ Montaigu увеличилось всего на 150 томовъ, слѣдуетъ предполагать, что верхнее помѣщеніе занималось вновь поступавшими документами, нижнее-же заключало тѣ двѣ части, которыя были приведены въ порядокъ Montaigu. Такъ и распредѣляли матеріалы участники ревизіи восьмидесятыхъ годовъ XVI столѣтія.

---

[1]) Dupuy. Traitè des droits du Roy, p. 1012.

Мѣры по упорядоченію постановки дѣла въ Королевскомъ архивѣ были приняты вновь, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, въ ту эпоху, когда завѣдываніе этимъ хранилищемъ перешло къ знаменитому администратору генералъ-прокурору Mathieu Molé. Онъ самъ выбралъ двухъ ученыхъ для производства новаго описанія архива и поручилъ имъ привести „Trésor des Chartes“ въ такое состояніе, при которомъ возможно было-бы пользоваться матеріалами, необходимыми для дѣлъ управленія. Эти ученые, Pierre Dupuy и Théodore Godefroy, составили 8 томовъ инвентарныхъ описаній, неутратившихъ своего значенія и до сихъ поръ; работа эта носитъ обычно имя Dupuy, которому принадлежитъ большая часть ея. Великая заслуга этихъ ученыхъ по приведенію архива въ порядокъ, заставляетъ, какъ говоритъ Delaborde, забыть о томъ, что описанные ими документы не исчерпывали всего содержанія „Trésor des Chartes“; изъ имѣющихся нынѣ въ этомъ собраніи 29000 документовъ, не считая регистровъ, въ инвентарѣ Dupuy описано всего лишь 16945, и всѣ непопавшіе въ это описаніе матеріалы оставались недоступными для изслѣдованій вплоть до начала XIX вѣка; въ составъ этой части архива, какъ сказано было выше, кромѣ дѣлъ канцлеровъ, входили извлеченныя изъ „Trésor d'en bas“ въ разное время документы, а также тѣ новые поступленія, которыя архивисты не знали куда отнести.

Приступая къ работамъ (1 Іюля 1615 г.), Dupuy и Godefroy, дабы ориентироваться въ томъ величайшемъ безпорядкѣ, который царилъ въ архивѣ, приняли для руководства чисто внѣшній признакъ. Какъ указано выше, при поступленіи въ архивъ, хартіи складывались въ мѣшки, а затѣмъ уже помѣщались въ сундуки (coffres) или въ ящики меньшаго размѣра (scrinia, layettes), и вотъ эти ученые установили дѣленіе архивныхъ матеріаловъ на три группы—„les coffres et layettes“, „les sacs“ и „les registres“, отнеся ко второй все то, что заключалось въ мѣшкахъ, но не было вложено въ ящики; если принять во вниманіе, говоритъ Delaborde, то небрежное отношеніе, которое характеризуетъ храненіе документовъ въ тѣ времена, то вполнѣ будетъ понятно, что

въ часть, именуемую „les sacs", попали самыя разнородныя бумаги, составляющія нынѣ ту серію, которая носитъ названіе „Supplément du Trésor des Chartes". Что касается регистровъ, то сомнѣній по поводу ихъ расположенія быть не могло — они должны были быть распредѣлены въ хронологическомъ порядкѣ царствованій отдѣльныхъ королей. Въ отношеніи же серіи „les layettes", которая къ этому времени состояла изъ 350 ящиковъ, 15 сундуковъ и 52 мѣшковъ, Dupuy и Godefroy ограничились переводомъ имѣвшихся на этихъ вмѣстилищахъ надписей на французскій языкъ, не мѣняя внутренняго расположенія документовъ. Главной ихъ задачей явилось созданіе новой классификаціи матеріаловъ, относящихся до этой серіи — „L'ordre y fut mis tel qu'il est aujourd'hui, où l'on voit les Layettes mises en bon ordre par les Douze Gouvernements, puis les Affaires étrangéres, les Personnes et les Mélanges", говоритъ Dupuy въ „Traité des droits du roi". Но благодаря тому, что наиболѣе многочисленной изъ всѣхъ частей оказалась группа „mélanges", пользованіе матеріалами, заключенными въ „les layettes", оставалось въ значительной мѣрѣ затруднительнымъ. Delaborde подчеркиваетъ то небрежное отношеніе къ созданной самими же составителями системѣ, которое сказывается на каждомъ шагу, при ознакомленіи съ этимъ описаніемъ. Что же касается третьей части „les sacs", то ею эти ученые не занимались вовсе. Благодаря тѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, которыя принималъ Molé къ доставленію въ архивъ извлеченныхъ изъ него въ разное время по разнымъ основаніямъ документовъ, собраніе это возрастало также и за счетъ тѣхъ изъ возвращаемыхъ документовъ, установить первоначальное мѣстонахожденіе которыхъ оказывалось невозможнымъ. Такимъ образомъ единственной живой частью архива являлась именно эта совершенно неописанная серія „les sacs".

Въ цѣляхъ доставленія въ архивъ выданныхъ изъ него прежде документовъ, а также и для полученія имѣющихъ отношеніе до интересовъ короны данныхъ, при этомъ дѣятельномъ „Trésorier des Chartes" издано было два указа, отъ 23 Сентября и отъ 10 Декабря 1628 г., которыми генералъ-

прокурору, въ качествѣ „Trésorier des Chartes“, предоставлялись особыя въ этой области полномочія; кромѣ того, Molé поручилъ Dupuy составить записку, гдѣ, со ссылкой на историческія данныя и на примѣръ Испаніи, подтверждается право короля на обратное полученіе архивныхъ документовъ, а также и на присоединеніе къ архиву бумагъ, имѣющихъ государственное значеніе.

Но всѣ эти мѣры оказались мало продуктивными, и главнымъ образомъ въ силу того противодѣйствія, которое онѣ встрѣчали со стороны Ришелье. Послѣднему совсѣмъ не нравилось независимое положеніе хранителя архива и онъ проектировалъ даже образованіе въ Луврѣ второго архива, въ составъ котораго входили бы различные документы правительственныхъ учрежденій, а также регистры канцеляріи, государственнаго совѣта и генеральнаго контролера финансовъ.

При знаменитомъ „Surintendant des finances“ Nicolas Fouquet, вступившемъ въ исправленіе своихъ трудныхъ обязанностей въ странѣ, раззоренной войной, приступлено было вновь къ приведенію въ порядокъ Королевскаго архива, въ цѣляхъ выясненія поземельныхъ правъ, какъ отчужденныхъ и заложенныхъ, такъ и оставшихся въ распоряженіи короны имуществъ. Для этихъ работъ учреждены были особыя должности „intendants des Chartes“, во главѣ которыхъ, въ виду невозможности для хранителя архива самому наблюдать за ихъ занятіями, поставленъ былъ (въ 1658 г.) „contrôleur général, concierge et garde du Trésor des Chartes“; онъ приносилъ присягу передъ генералъ-прокуроромъ и находился въ его непосредственномъ подчиненіи. Восемь „intendants des Chartes“ начали съ того, что собрали всѣ разбросанныя бумаги; затѣмъ они замѣнили поломанные ящики новыми, дабы предохранить документы отъ дѣйствія сырости, такъ какъ зданіе архива пришло къ этому времени въ совершенно негодное состояніе. Закончивъ эту работу, они приступили къ составленію „Table générale des chartes et titres du Trésor de la Sainte-Chapelle de Paris“; сохранивъ основныя подраздѣленія, которыя были установлены Dupuy, они снабдили

свой указатель подробными свѣдѣніями о новомъ мѣстонахожденіи каждаго документа.

Въ 1660 г. должности интендантовъ и приглашенныхъ въ помощь имъ другихъ служащихъ были упразднены, и вслѣдствіе этого всѣ работы были пріостановлены. Такимъ образомъ, попытка Fouquet создать кадры архивныхъ служащихъ потерпѣла неудачу. Въ теченіе XVIII в. никакихъ работъ, если не считать нѣкотораго оживленія, внесеннаго въ жизнь архива d'Aguesseau, не производилось. Зависимость „Trésor des Chartes" отъ Палаты счетовъ прекратилась лишь со времени указа государственнаго совѣта отъ 9 Іюля 1696 г.

Передъ самой революціей (1783 г.) Королевскій архивъ перенесенъ былъ изъ своего помѣщенія въ новое, спеціально для него построенное, гдѣ онъ былъ размѣщенъ въ томъ же порядкѣ въ двухъ комнатахъ; при этомъ многіе ящики совершенно развалились и ихъ пришлось замѣнить большими мѣшками; хаосъ, царившій въ Sainte-Chapelle, достигъ здѣсь своего предѣла. Когда-же для работъ трибунала (17 Августа 1792 г.) была занята верхняя комната, всѣ хранившіеся въ ней документы были просто сброшены въ нижнюю, и эта послѣдняя оказалась настолько загроможденной, что явившіеся туда члены комитета по разбору документовъ не были въ состояніи сдѣлать въ ней ни шагу [1]).

Таково было то плачевное состояніе, въ какое пришелъ Королевскій архивъ ко времени революціи.

Даже въ періодъ своего разцвѣта „Trésor des Chartes" не могъ быть разсматриваемъ, въ качествѣ центральнаго архива королевства. Со временъ Людовика Святого возникъ цѣлый рядъ постоянныхъ учрежденій, для потребностей которыхъ дѣла сохранялись въ ихъ канцеляріяхъ, а потому всѣ эти цѣнные историческіе матеріалы никогда не передавались въ „Trésor des Chartes".

При Кольберѣ, широкіе планы котораго вызывали особый съ его стороны интересъ къ архивнымъ даннымъ, Sarcavy и Balize составили по его распоряженію особое собраніе

[1]) Bordier, o. c. p. 145.

(cabinet) изъ наиболѣе цѣнныхъ для управленія страной данныхъ, извлеченныхъ какъ изъ „Trésor des chartes“, такъ и изъ архивовъ высшихъ судебныхъ мѣстъ. Въ этотъ „cabinet“ поступили и тѣ матеріалы, которые собраны были въ мѣстныхъ архивахъ Франціи президентомъ Doat и архивріусомъ Палаты счетовъ Godefroy. Не стѣсняясь въ средствахъ и вдохновляемые своимъ руководителемъ агенты Кольбера проявляли большую энергію въ дѣлѣ добыванія цѣнныхъ рукописей изъ частныхъ хранилищъ. Но обогащавшееся такимъ образомъ собраніе это, по понятіямъ того времени, составляло частную собственность Кольбера и только впослѣдствіи пріобрѣтено было Людовикомъ XV и передано имъ въ королевскую библіотеку. Прочіе министры Людовика XIV также занимались собираніемъ документовъ по вопросамъ, входящимъ въ область ихъ компетенціи, и эти собранія послужили основаніемъ для образованія министерскихъ архивовъ [1]).

Преемники Кольбера продолжали удѣлять вниманіе собиранію документовъ, имѣвшихъ значеніе въ дѣлѣ управленія финансами страны. Такъ въ 1688 г. генеральный контролеръ Le Peletier предписалъ всѣмъ интендантамъ составить описаніе архивовъ палатъ счетовъ, а также и прочихъ мѣстныхъ финансовыхъ учрежденій, и доставить копіи этихъ описей въ парижскую Палату счетовъ; это собраніе, долженствующее составить полный „Terrier“, имѣло цѣлью предоставить въ непосредственное распоряженіе генералъ-контролера всѣ данныя, необходимыя для управленія доменами. Другая не менѣе важная мѣра этого администратора заключалась въ томъ, что положено было начало систематическому храненію всѣхъ бумагъ, поступающихъ въ правительственныя учрежденія; съ этого же времени начинаетъ искореняться взглядъ на подобные документы, какъ на личную собственность ихъ держателей, являющихся таковыми по роду своей службы.

Второму преемнику Кольбера, M. de Pontchartrain, принадлежитъ рядъ мѣръ по организаціи общинныхъ архивовъ,

[1]) При Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ архивъ былъ образованъ въ 1671 г., при Военномъ въ 1701 г., при Морскомъ въ 1659 г.

особыя должности по охранѣ которыхъ созданы были еще Кольберомъ (1634 г.). Придавая большое значеніе мѣстнымъ архивамъ, Pontchartrain учредилъ при непосредственно подчиненныхъ ему интендантахъ особыя должности королевскихъ прокуроровъ, на обязанности которыхъ лежало также храненіе бумагъ по дѣлопроизводству интенданта. При немъ же учреждены были должности хранителей архивовъ при цѣломъ рядѣ учрежденій, но вслѣдствіе того, что желающихъ выкупить ихъ не оказалось, онѣ въ ближайшее же время были упразднены (1709 г.).

Къ началу XVIII вѣка относятся также мѣры по собиранію документовъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства государственнаго контроля; изъ этого собранія образовался впослѣдствіи финансовый архивъ. Государственный контролеръ, M. de Silouette, положилъ основаніе знаменитой финансовой библіотекѣ, въ которой предполагалось собрать полную коллекцію эдиктовъ, регламентовъ и всякаго рода другихъ распоряженій, относящихся до всѣхъ вѣтвей администраціи, юстиціи, финансовъ и прочихъ частей управленія. Во главѣ этого учрежденія поставленъ былъ адвокатъ Moreau, который мечталъ соединить въ своихъ рукахъ всѣ архивы, содержащіе матеріалы административнаго характера. Но, сознавая невозможность извлеченія всѣхъ этого рода документовъ изъ другихъ архивовъ, онъ хотѣлъ составить „une table générale rangée par matières et dans laquelle on eût trouvé à coup sur la date de la pièce que le ministre désirait et l'indication du lieu ou elle était conservée“. Въ 1739 г., по распоряженію бывшаго тогда у власти Bertin'a, къ этому собранію присоединено было другое—„dépôt de législation“, а позднѣе, въ 1764 г., оба эти собранія переданы были въ королевскую библіотеку для того, чтобы облегчить пользованіе ими всѣмъ министрамъ. Bertin'у принадлежитъ также заслуга по организаціи „Cabinet des chartes“ (1762 г.); при участіи привлеченнаго къ этой работѣ Moreau было положено начало того „magazin'a“, о которомъ писалъ этотъ послѣдній въ своей запискѣ на имя Bertin'a; это собраніе должно было состоять изъ копій инвентарей Королевскаго архива съ одной сто-

роны и, изъ копій, имѣющихъ историческую цѣнность документовъ, находящихся въ церковныхъ, монастырскихъ и прочихъ мѣстныхъ архивахъ, равно какъ и въ архивахъ частныхъ лицъ съ другой. Особенностью этого начинанія является впервые признанное офиціально первенствующее значеніе научныхъ изслѣдованій передъ административными интересами лицъ, стоящихъ во главѣ управленія. Къ работамъ въ провинціальныхъ архивахъ привлечены были бенедиктинцы, которые доставили свыше 50.000 копій документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ провинціальныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и частныхъ. Рядъ ученыхъ, Bréquigny въ Лондонѣ, La Porte du Teil въ Ватиканѣ, другіе ученые въ Нидерландахъ, разыскивали и снимали копіи съ документовъ, относящихся до исторіи Франціи, доставляя ихъ Moreau. Въ 1786 г. финансовая библіотека была изъята изъ королевской библіотеки и присоединена къ „Cabinet des Chartes“, регламентомъ же отъ 10 Октября 1788 г. изъ этихъ двухъ собраній образована была „Bibliothèque de législation“, съ подчиненіемъ ея королевской канцеляріи. Декретомъ 14 Августа 1790 г., несмотря на протесты историографа Франціи, плоды его трудовъ переданы были въ Королевскую (Національную) Библіотеку, гдѣ они находятся и до сихъ поръ.

Для характеристики того состоянія, въ которомъ находились архивы Франціи ко времени революціи, всего лучше сослаться на слова перваго архивиста Camus'a [1]). Вотъ какъ онъ смотрѣлъ на установленіе постепенно создавшихся на ряду съ „Trésor des Chartes“ отдѣльныхъ вѣдомственныхъ архивовъ: „C'est ainsi que les établissements formés avec le plus grands soin et une haute sagesse pour la conservation des actes publics sont exposés à perdre leur utilité et quelquefois même leur existence. On diffère d'y porter les actes tant que l'on croit en avoir besoin, parce qu'après leur entrée dans le dépôt, il devient plus difficile de les avoir à sa disposition. Les personnes employés en sous ordre pour les garder ne sont nullement empressés de les remettre, par la crainte de voir leur

[1]) Richou, o. c., p. 25 note I.

place supprimée si leur dépôt cesserait par le déplacement des papiers, d'avoir une apparence d'intêret. Peu à peu le dépôt prend une consistance et ce qui n'était qu'une garde momantanée de titres récents pour la suite des affaires, devient un établissement fixe, au prèjudice du dépôt légal que l'on oublie. Les précautions prises pour assurer la conservation des actes publics deviennent alors illusoires: elles s'appliquent à des dépôts qu'on laisse vides et les lieux où les actes existent réellement ne sont point sous la garantie et la sauvegarde du législateur qui, n'ayant pas connu leur formation, ne leur a donné aucune loi". Подобныя же мысли мы встрѣтимъ у французскихъ дѣятелей XX вѣка, критически относящихся къ современному положенію архивнаго дѣла во Франціи.

По даннымъ 1782 г. по всей территоріи королевства разсѣяно было до 1.225 архивовъ [1]), въ одномъ Парижѣ ихъ насчитывалось до 405. Со всѣмъ этимъ богатымъ наслѣдствомъ новой Франціи пришлось имѣть дѣло съ первыхъ дней революціи. Когда же къ нему стали присоединяться все новыя собранія документовъ, постепенно отмиравшихъ учрежденій стараго порядка, въ распоряженіи новаго правительства оказалось безчисленное множество документовъ какъ въ Парижѣ, такъ и на мѣстахъ [2]).

Первой мѣрой, принятой въ области архивнаго дѣла Учредительнымъ Собраніемъ, является образованіе особаго архива для храненія всѣхъ подлинныхъ документовъ, относящихся до работы самаго собранія (Réglement à l'usage de

---

[1]) Bordier, o. c., стр. 326, основываясь на данныхъ интендантовъ (1770 г.), говоритъ о 5.700 архивахъ, изъ которыхъ 1.700 монастырскихъ и 1.780 фамильныхъ архивовъ дворянъ.

[2]) Bordier, Richou и др. работы, указанныя на стр. 145, а также Delaborde. Les archives de la France. 1867, Blanche. Dictionnaire général d'administration. 1861, Block. Dictionnaire général de politique. 1873. Preussische Jahrbücher, 1875 Bd. 36 стр. 626—Baumgarten. Archive und Bibliotheken in Frankreich und Deutschland. Langlois et Stein. Les archives de l'histoire de France. 1892. А. Вороновъ. Къ вопросу о положеніи архивнаго дѣла во Франціи (Вѣстникъ археол. и исторіи. Вып. X. 1898 г.). Самоквасовъ. Централизація государственныхъ архивовъ западной Европы 1899 г. (стр. 31—109). Gr. Wolf. Einführung in des Studium des neueren Geschichte. 1910.

l'Assemblée nationale, ch. VIII—des archives et du secrétariat) [1]). Въ засѣданіи 4 Августа первымъ хранителемъ памятниковъ новой Франціи избранъ былъ Camus, и оглашеніе результатовъ этого избранія встрѣтило большое сочувствіе среди членовъ собранія [2]).

Интересы перваго архивиста къ памятникамъ прошлаго проявились въ сдѣланномъ имъ въ засѣданіи 14 Ноября [3]) заявленіи о желательности принятія мѣръ къ охранѣ библіотекъ и архивовъ, находящихся въ церквахъ и монастыряхъ. Согласно этого предложенія лица, стоящія во главѣ различныхъ религіозныхъ учрежденій, должны были озаботиться составленіемъ описей всѣхъ архивныхъ документовъ, а также и книгъ, выдѣливъ особо могущія оказаться въ библіотекахъ рукописи, и передать завѣренныя копіи этихъ описей въ королевскую канцелярію или же въ ближайшій муниципалитетъ; кромѣ того, для завѣдыванія этими архивами и библіотеками тѣмъ же лицамъ поручалось назначить особыхъ хранителей.

Только 19 Мая 1790 г. [4]) образована была комиссія для разработки вопроса объ организаціи Національнаго архива; проектъ составленъ былъ Camus'омъ и доложенъ однимъ изъ комиссаровъ при архивѣ, Gossin, въ засѣданіи 29 Іюня [5]); послѣ новаго обсужденія [6]) онъ получилъ силу закона 12 Сентября [7]). Декретъ этотъ имѣетъ отношеніе къ организаціи архива самого учредительнаго собранія, въ который должны поступать согласно ст. 1: „Tous les actes qui établissent la constitution du royaume, sont droit public, ses lois et sa distribution en départements“, но одна изъ его статей имѣетъ значеніе общаго характера — ибо архивъ дѣлается доступнымъ для публики учрежденіемъ и 3 раза въ недѣлю онъ долженъ

[1]) Archives parlementaires I S. t. VIII, p. 300. Séance du 29 Juillet 1789.
[2]) Ibid., p. 437. Séance du 14 Août 1789.
[3]) Ibid., t. X, p. 54.
[4]) Ibid., t. XVI, p. 561.
[5]) Ibid., t. XVII, p. 652.
[6]) Ibid., t. XVIII, p. 572.
[7]) Ibid., t. XVIII, p. 648. Bull. 6 n°52.

былъ быть открытъ для выдачи справокъ всѣмъ желающимъ обратиться за таковыми.

Параллельно съ обсужденіемъ проекта организаціи Національнаго архива, по иниціативѣ Финансоваго Комитета [1]) выдвинутъ былъ вопросъ о необходимости объединенія въ одномъ хранилищѣ всѣхъ архивовъ, находящихся въ Парижѣ. Однако, вопросъ этотъ еще долго не получилъ реальнаго осуществленія и многочисленные цѣнные архивы Парижа продолжали оставаться въ своихъ прежнихъ, въ достаточной мѣрѣ неудовлетворительныхъ, хранилищахъ.

Въ рядѣ докладовъ [2]), представленныхъ комиссарами при Національномъ архивѣ, дается самая лестная оцѣнка работамъ архивиста по собиранію и систематизаціи матеріаловъ революціоннаго періода; особенно интересенъ приложенный къ докладу комитета отъ 13 Октября 1791 г. отчетъ Camus'a, гдѣ данъ обзоръ дѣятельности всѣхъ комитетовъ Учредительнаго Собранія [3]).

Раньше, чѣмъ перейти къ изложенію тѣхъ мѣропріятій, которыя разработаны были Конвентомъ, нельзя не упомянуть о тѣхъ потеряхъ и о томъ вандализмѣ, съ какимъ уничтожались памятники стараго строя въ первые годы революціи. Рядъ декретовъ 1792 года направленъ былъ непосредственно на уничтоженіе всѣхъ „titres généalogiques", которые будутъ обнаружены въ публичныхъ архивахъ; отборъ документовъ производился весьма поверхностно, и подъ эту категорію, обреченныхъ на гибель бумагъ, подпали и совершенно неимѣющія къ нимъ отношенія. 12 Марта 1792 г. на Вандомской площади въ Парижѣ, въ присутствіи представителей власти сожжены были документы древнѣйшихъ знатныхъ родовъ Франціи, и подобныя торжества происходили по всей странѣ, нанося непоправимый ущербъ многовѣковымъ хранилищамъ и лишая будущихъ изслѣдователей возможности работать по первоисточникамъ. Другая мѣра, принятая Конвентомъ въ

[1]) Bull. 5 n°45 7 Août 1790.

[2]) Arch. parlem. ls., t. XXXIV, p. 158, t. XLIX, p. 516, t. LII. p. 434.

[3]) Ibid., t. XXXIV, p. 203. „Notice générale et particulière des travaux de l'Assemblée constituante et état de ces travaux au 30 Septembre 1791".

періодъ наиболѣе напряженной внѣшней борьбы, находившейся на краю гибели революціонной Франціи, оказалась еще болѣе пагубной для архивовъ, особенно мѣстныхъ— сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ изъ архивовъ документовъ [1]) опредѣленнаго размѣра для заворачиванія въ нихъ снарядовъ; отборъ этотъ поручался военнымъ властямъ, съ тѣмъ, чтобы документы доставлялись въ ближайшіе арсеналы. Часть такихъ документовъ оказалась неиспользованной и возвращена теперь въ архивы по принадлежности [2]).

20 Февраля 1793 г. [3]) возбужденъ былъ вновь вопросъ о соединеніи всѣхъ архивовъ Парижа, въ одномъ хранилищѣ во исполненіе декрета 8 Августа 1790 г. Тому же вопросу посвященъ также докладъ, представленный въ засѣданіи 12 Брюмера II г. (2 Ноября 1793 г.) [1]) депутатомъ L'Official'омъ отъ имени комитетовъ по дѣламъ доменовъ, финансоваго и законодательнаго. Въ этомъ докладѣ, касающемся организаціи Національнаго архива, указывается на то, что декреты 8 Августа 1790 г. и 23 Февраля 1793 г. остаются мертвой буквой, въ то время какъ памятники исторіи гибнутъ въ пришедшихъ въ ветхость помѣщеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ подвергается критикѣ записка министра внутреннихъ дѣлъ отъ 5 Мая 1793 г., въ которой этотъ послѣдній доказываетъ невозможность объединенія всѣхъ документовъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ Парижа въ Луврѣ за неимѣніемъ подходящаго помѣщенія и предлагаетъ произвести отборъ (triage), уничтоживъ всѣ тѣ документы, которые, въ силу проведенія въ жизнь новыхъ законовъ, утратили свое значеніе, стали „ненужными“; что же касается документовъ, которые признаны будутъ достойными сохраненія, то министръ предлагалъ распредѣлить ихъ между имѣющими быть образованными при каждомъ министерствѣ архивами, съ тѣмъ чтобы документы, имѣющіе характеръ „monuments historiques“, были переданы въ архивъ министерства народнаго просвѣ-

[1]) Richou, o. c. p. 34.
[2]) Delaborde, o. c. p. 264.
[3]) Arch. parl. t. LIX, p. 34.

щенія. Для производства этого „triag'a" министръ внутреннихъ дѣлъ проектировалъ образованіе особой комиссіи, въ составѣ комиссаровъ отъ всѣхъ вѣдомствъ, съ одной стороны, и бывшихъ служащихъ, съ другой; всѣ документы должны были быть пересмотрѣны и описаны. Докладчикъ рѣзко критикуетъ положеніе этой записки, усматривая въ ней желаніе, подъ видомъ вѣдомственныхъ архивовъ, создать лишь новыя должности и вовлечь правительство въ непроизводительные расходы, причемъ самая организація Національнаго архива, въ качествѣ центральнаго хранилища, была бы надолго отсрочена. Но при этомъ трудность объединенія всѣхъ архивовъ Парижа подъ руководствомъ одного лица признается и докладчикомъ (эти архивы занимаютъ въ общей сложности 29 комнатъ). Характеризуя далѣе, предположенные къ объединенію архивы—Луврскій, Archives des Grands Augustins (соединенный съ архивомъ des Petits Pères), архивъ de Sainte-Croix de la Boutinnerie, Conseil de Lorraine, Maison du roi,—какъ со стороны ихъ помѣщеній, такъ и со стороны содержанія ихъ, L'Official подчеркиваетъ, что соединеніе всѣхъ этихъ историческихъ матеріаловъ требуетъ къ себѣ особаго вниманія и что произведено оно должно быть въ большомъ порядкѣ; онъ предлагаетъ образовать два хранилища съ тѣмъ, чтобы разборъ дѣлъ былъ произведенъ уже по передачѣ туда документовъ; въ этихъ двухъ помѣщеніяхъ сосредоточены будутъ всѣ матеріалы, относящіеся до государственныхъ поземельныхъ имуществъ, а также памятники французской исторіи; они составятъ двѣ секціи Національнаго архива и будутъ находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ архивиста [1]).

Интересы финансоваго характера, игравшіе, какъ мы видѣли, такую большую роль въ исторіи архива старой Франціи,—„Trésor des chartes",—оказали рѣшительное вліяніе на постановку архивнаго дѣла и въ періодъ революціонный, положивъ конецъ массовому уничтоженію памятниковъ исторіи. Идея централизаціи архивовъ, имѣвшаяся въ зародышѣ въ декретѣ 12 Брюмера II года, выражена была съ полною

[1]) Bull. 36 n° 111. Décret du 12 Brumaire an II (2 nov. 1793).

опредѣленностью въ знаменитомъ декретѣ 7 Мессидора тогоже года (25 Іюня 1794 г.) [1]), обсужденіе котораго происходило въ жесточайшіе дни террора. Согласно этого декрета, архивъ народнаго представительства признается центральнымъ архивомъ, всѣ прочіе архивы публичнаго характера ставятся въ связь съ нимъ и подчиняются законодательному корпусу, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Комитета по дѣламъ архивовъ. Всѣ документы, могущіе служить обоснованіемъ поземельныхъ правъ государства, безразлично отъ мѣста ихъ нахожденія, признаются принадлежащими къ вотчинной секціи архива, которая имѣетъ быть образованной въ Парижѣ, и по первому требованію Комитета должны быть пересланы секціи. Далѣе въ декретѣ перечисляются тѣ дѣла, которыя уже входятъ въ составъ Національнаго архива, а также и тѣ, которыя подлежатъ передачѣ въ него; кромѣ того, въ концѣ этого перечисленія указывается на необходимость составленія общаго указателя, въ которомъ имѣлись бы свѣдѣнія о хранящихся во всѣхъ архивахъ республики документахъ, касающихся интересовъ государства. Комитетъ по дѣламъ архива долженъ былъ немедленно приступить къ отбору всѣхъ документовъ относящихся до поземельныхъ правъ государства. Отсюда явствуетъ, что разборъ документовъ диктовался соображеніями фискальными. Производство этого „triag'a“ возлагалось на особую „agence temporaire des titres“, члены которой, въ количествѣ девяти, должны были быть назначены Конвентомъ изъ числа гражданъ „versés dans la connaissance des chartes, lois et des monuments“; срокъ для окончанія ихъ работы былъ установленъ въ шесть мѣсяцевъ; для той-же цѣли въ департаментахъ, въ зависимости отъ количества подлежащихъ разсмотрѣнію матеріаловъ, должно было быть назначено отъ 3 до 9 лицъ „préposés au triage“, обязанныхъ закончить ихъ работу въ 4 мѣсяца. Всѣ архивы, въ томъ числѣ и архивы бывшихъ представителей власти на мѣстахъ, должны были быть доступны лицамъ, которымъ поручался разборъ документовъ. Кромѣ извлеченія изъ всѣхъ хранилищъ

[1]) Bull. 12 n° 58.

документовъ, относящихся до поземельныхъ правъ, а также до дѣлъ судебныхъ и административныхъ, имъ поручалось еще и собираніе рукописей и хартій, могущихъ быть отнесенными къ „monuments historiques“ или же пригодныхъ „pour servir à l'instruction“; такіе документы подлежали передачѣ въ Парижѣ въ Національную Библіотеку, въ департаментахъ—въ библіотеки дистриктовъ. Само собою напрашивалось еще одно подраздѣленіе архивныхъ матеріаловъ—„papiers évidement inutiles et de rebut“, подъ которыми разумѣлись „tout vestige monarchique ou féodal, justement proscrit sous le règne de la liberté et l'égalité“.

Этотъ декретъ, проектъ котораго былъ составленъ Baudin des Ardennes, отдаетъ еще значительную дань нетерпимому отношенію къ источникамъ прошлаго; но мы увидимъ ниже, какъ работавшія надъ разборомъ документовъ, лица чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникались уваженіемъ къ этимъ памятникамъ и соотвѣтственно толковали положенія декрета. Указаній на то, какъ долженъ былъ производиться разборъ документовъ въ декретѣ нѣтъ; самое же распредѣленіе матеріаловъ на вотчинные, судебно-административные и относящіеся до памятниковъ исторіи, привело къ пагубному распыленію дѣлъ, ибо, какъ удачно выразился Richou, „pour la plupart des pièces, les retirer de leur dossier originaire, c'est leur ôter leur couleur et leur vie“. Установленные для производства разбора сроки, несмотря на то рвеніе, которое было проявлено первоначально назначенными для того лицами, съ самаго ихъ принятія признаны были недостаточными. Члены „agence du triage“ въ своемъ отчетѣ 1795 г. такъ характеризуютъ состояніе архивовъ къ разбору которыхъ имъ пришлось приступить: „Le terrorisme et le vandalisme se sont portés à de si grands excès que toutes les archives de la République en ont prodigieusement souffert; elles ont été pilliées, promenées, disséminées, brulées, barbouillées d'encre, déchirées, vendues sans choix et sans discernement, avec une fureur extrême et un goût décidé pour la destruction, jusqu'au Trésor des Chartes“... Протоколы работъ самой комиссіи по разбору дѣлъ свидѣтельствуютъ, однако, что, несмотря на со-

ставъ ея [1]), она во многомъ уподоблялась тѣмъ, кого такъ жестоко критиковала, особенно въ первые мѣсяцы своей работы.

21 Ноября 1794 г. девять ученыхъ приступили къ разбору документовъ, имѣя передъ собою 405 архивовъ, съ 500 милліоновъ документовъ, и ограниченные въ своей работѣ минимальнымъ срокомъ. Подробное изложеніе работъ „agence du triage“ и столкновеній членовъ ея съ Camus'омъ даетъ Delaborde [2]). Въ 1796 г. по возвращеніи изъ австрійскаго плѣна, Camus замѣнилъ „agence temporaire des titres“, менѣе многочисленнымъ „bureau du triage“, находившимся подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ; члены Комитета отдавали себѣ отчетъ о томъ неисправимомъ вредѣ, который наносился архивнымъ документамъ отъ разобщенія ихъ, а потому они настаивали на сохраненіи всѣхъ ихъ хотя бы въ одномъ помѣщеніи; имъ удалось повліять на Camus'а въ дѣлѣ сохраненія „monuments historiques“, которые предписано было передать Національной Библіотекѣ [3]). Послѣ посѣщенія бельгійскихъ архивовъ взгляды Camus'а на историческіе документы значительно измѣнились и это сказалось на работахъ „bureau des monuments historiques“, когда возобновленъ былъ разборъ документовъ прекратившійся со времени упраздненія „bureau du triage“ [4]).

Въ теченіе всего революціоннаго періода архивы находились въ вѣдѣніи законодательныхъ учрежденій; когда же конституція VIII года выдвинула на первый планъ власть исполнительную, послѣдняя незамедлила взять въ свои руки управленіе архивами, передавъ ихъ въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Архивъ національный въ тѣсномъ смыслѣ оставался при законодательномъ корпусѣ, а вновь образованные изъ состава прежнихъ хранилищъ секціи помѣщались — „section judiciaire“ въ „Palais de Justice“, „section domaniale“, на-

[1]) Delaborde, o. c., p. 349 (p. 130 note I).
[2]) Ibid., p.p. 128—145.
[3]) Compte rendu du 25 Brumaire an VIII, Richou, p. 38.
[4]) Bull. 64 n°482. Arr. Consul. du 1 Pluv. an IX (21 Janvier 1801).

ходившаяся къ этому времени въ „Palais nationale des sciences et des arts“ предназначена была къ переводу въ другое помѣщеніе [1]). Право назначенія архивиста перешло къ первому консулу, который ввѣрилъ храненіе архивовъ работавшему съ первыхъ дней революціи въ этой области Camus'у. Благодаря тому, что правительство консулата, а за нимъ и имперіи, стало оставлять для храненія всѣ дѣла по управленію страной въ своемъ „Secrétariat“, Національный архивъ утратилъ свое прежнее значеніе, тѣмъ болѣе, что и законодательный корпусъ не доставлялъ также никакихъ матеріаловъ въ архивъ. Эти обстоятельства привели даже къ тому, что въ 1807 г. возбужденъ былъ вопросъ объ упраздненіи этого архива, въ качествѣ центральнаго, съ предоставленіемъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ права создавать свои вѣдомственные архивы [2]).

Но такъ далеко, однако, дѣло не дошло и Наполеонъ поручилъ преемнику Camus'а [3]), знаменитому библіотекарю Daunou [4]), разработать планъ реорганизаціи Національнаго архива [5]). Ни одинъ изъ представленныхъ Daunou проектовъ одобренія не получилъ, а въ 1808 г. [6]) пріобрѣтенъ былъ Hôtel Soubise для сосредоточенія въ немъ всѣхъ архивовъ Парижа; но эта задача, выдвинутая въ первый годъ революціи, во всей своей полнотѣ не осуществлена и понынѣ; и архивы отдѣльныхъ министерствъ, какъ мы увидимъ ниже, продолжаютъ сохранять свое обособленное положеніе.

Въ концѣ Фримера VIII года въ это новое помѣщеніе доставленъ былъ „Trésor des Chartes“; для производства работъ по переносу дѣлъ, приняты были мѣры къ ознакомленію съ имѣвшимися въ Національной Библіотекѣ инвентарями, въ особенности же съ инвентаремъ Dupuy; документы, внесенные въ его описаніе, раздѣлены были на пять частей—въ первую

---

[1]) Bull. 45 n°337 Arr. cons. du 8 Prairial an VIII (28 Mai 1801).
[2]) Richon, o. c., p. 40.
[3]) Умеръ 2 Ноября 1804 г.
[4]) См. оцѣнку его дѣятельности у Bordier, o. c., p. 16.
[5]) Delaborde, o. c., p. 145.
[6]) Декретъ 15 Марта 1808 г.

вошли регистры, во вторую—матеріалы по исторіи двѣнадцати „gouvernements“ старой Франціи, въ третью—Miscelanea, въ четвертую—такіе документы, которые подлежали водворенію на свои прежнія мѣста и, наконецъ, въ пятую отнесены были инвентари; невошедшіе въ описаніе Dupuy документы и нѣсколько обнаруженныхъ при разборѣ „monuments“ составили другую группу; первые изъ нихъ описаны были при преемникѣ Camus'a (въ 1805—1806 г.) Don Joubert'омъ [1]), сообразно тому дѣленію, которое установлено было Dupuy для серіи „layettes“; прежнее наименованіе „les Sacs“ при этомъ возстановлено не было и то разнообразное собраніе документовъ, составъ котораго намѣчался со временъ Dupuy, размѣщенъ былъ въ третьемъ отдѣлѣ „Trésor des Chartes“ подъ названіемъ „Supplément“ совершенно несоотвѣтствующимъ (какъ доказалъ H. Delaborde) ея содержанію. Этотъ архивъ избѣгъ пагубныхъ послѣдствій разбора документовъ, такъ какъ онъ признанъ былъ не подлежащимъ дѣйствію этой мѣры. Одинъ изъ комиссаровъ, старый архивистъ Berger, такъ говоритъ о „Trésor des Chartes“: „dans ce dépot tout est précieux, rien n'est à supprimer... c'est un diamant brute qui demande un lapidaire habile, qui, par des facettes artistement taillées, saura en faire connaître le prix et la beauté“. [2]).

Судя по даннымъ переписки Наполеона, планы его въ области охраны памятниковъ французской исторіи были весьма обширны, но внѣшнія обстоятельства препятствовали проведенію ихъ въ жизнь. И то зданіе, о возведеніи котораго было объявлено въ декретѣ 21 Марта 1812 г., долженствовавшее стать хранилищемъ всѣхъ архивныхъ матеріаловъ, осталось лишь въ проектѣ, въ качествѣ свидѣтельства о грандіозности тѣхъ заданій, какія намѣчалъ въ этой области Наполеонъ.

А тѣмъ временемъ Daunou продолжалъ работу по разбору документовъ и создавалъ свою—по признанію всѣхъ занимавшихся исторіей французскихъ архивовъ—совершенно не-

---

[1]) Layettes du Trésor des Chartes. T. V. Delaborde p. ccxiij.

[2]) Ibid, p. ccxj.

удовлетворительную классификацію, сохранившуюся тѣмъ не менѣе и впредь. Извлеченные до него „monuments historiques“ онъ раздѣлилъ на двѣнадцать категорій, образовавъ изъ нихъ второй Trésor des Chartes (Lettre K).

Daunou установилъ шесть секцій въ архивѣ — Section législative, administrative, historique, topographique, domaniale et judiciaire; этимъ дробленіемъ онъ принесъ еще большій вредъ архивнымъ матеріаламъ, такъ какъ его подходъ къ нимъ носилъ на себѣ слишкомъ большой отпечатокъ его библіотечныхъ навыковъ.

Что же касается департаментскихъ архивовъ, въ составъ которыхъ въ періодъ революціи вошли мѣстные архивы всѣхъ провинціальныхъ учрежденій, равно какъ и другіе мѣстные архивы, то они подверглись, вслѣдствіе царившаго въ нихъ безпорядка, а также и въ силу инертности тѣхъ, кому эта работа была поручена, сравнительно меньшимъ послѣдствіямъ „triag'a“. Но подобно Camus'y, Daunou отрицалъ значеніе мѣстныхъ архивовъ и стремился произвести отборъ всѣхъ документовъ, подлежащихъ, по его мнѣнію, передачѣ въ центральный архивъ. Однако, великій хаосъ, царившій въ департаментскихъ архивахъ, спасъ отъ этихъ поползновеній мѣстныя хранилища. Разобраться въ послѣднихъ было по истинѣ невозможно—дѣла всѣхъ старыхъ архивовъ, а также и дѣла провинціальныхъ учрежденій, прекратившихъ свое существованіе въ періодъ революціи, доставляемыя, согласно предписаніямъ, въ „chef lieu“ департамента складывались за недостаткомъ мѣста просто на чердакахъ и въ подвалахъ.

Увлеченіе Daunou въ области концентрированія въ центральномъ архивѣ всѣхъ подлинныхъ документовъ по исторіи страны, вызвалъ въ періодъ побѣдоносныхъ войнъ Наполеона, доставку въ Парижъ архивовъ Испаніи, Бельгіи, Германіи, Вѣны и Рима. Но разборъ этихъ матеріаловъ не былъ законченъ къ тому времени, когда союзные войска вступили въ столицу Франціи и кратковременному пребыванію иноземныхъ архивовъ въ „Archives Nationales“ насталъ конецъ.

Въ эпоху реставраціи, Daunou лишенъ былъ званія архивиста и на долю преемника его, de La Rue, выпало про-

изводство выдачи ряда поступившихъ въ Національный архивъ во время революціи документовъ, принадлежавшихъ принцамъ крови и эмигрантамъ. 31 Іюля 1829 г. образована была новая секція Національнаго архива, предназначенная для храненія инвентарей департаментскихъ архивовъ, но вслѣдствіе плачевнаго состоянія, въ которомъ находились перешедшіе въ вѣдѣніе префектуръ мѣстные архивы, доставлены были описанія лишь семи такихъ архивовъ, и при вступившемъ вновь въ исполненіе обязанностей архивиста послѣ іюльской революціи Daunou, секція эта была упразднена. Эпоха реставраціи ознаменовалась учрежденіемъ „Ecole des Chartes“, первой школы для подготовки спеціалистовъ по архивному дѣлу [1]). Ко времени іюльской монархіи относятся широкіе планы министра народнаго просвѣщенія Guizot по изданію историческихъ памятниковъ. Въ 1834 г. учрежденъ былъ „Comité d'histoire“ и начала выходить въ свѣтъ „Collection des documents inédits, relatifs à l'histoire de France“. Къ тому же году относится и возникновеніе „Société de l'histoire de France“, преслѣдующее также цѣли опубликованія матеріаловъ по исторіи.

Работы по опубликованію и изученію историческихъ матеріаловъ продолжали развиваться при слѣдующемъ хранителѣ архива, выдающемся ученомъ Letronn'ѣ [2]). Въ 1842 г. „Hôtel d'Assy“ (смежный съ „Hôtel Soubise“) былъ присоединенъ къ зданію Національнаго архива, а черезъ пять лѣтъ послѣ этого „Section judiciaire“ переведена была наконецъ въ центральный архивъ. Съ этого же времени открыта была зала для работъ посѣтителей (Salle de lecture) и стала правильно развиваться библіотека архива, основанная еще въ 1808 г. Daunou. Letronne удѣлялъ много времени заботамъ о „Trésor des Chartes“ и многія подготовительныя работы по позднѣйшимъ изданіямъ Національнаго архива должны быть отнесены къ этому періоду жизни центральнаго хранилища. Въ 1846 г. число секцій было сокращено до трехъ.

---

[1]) См. у Самоквасова переводы ордонансовъ 22 Февр. 1821 г. и 11 Ноября 1829 г. стр. 75.

[2]) Wolf. o. c. p. 671, Baumgarten, Langlois et Stein.

Во время управленія архивомъ M. de Chartier, смѣнившимъ Letronn'a, Національный архивъ по декрету 22 Декабря 1855 г. [1]) перешелъ въ вѣдѣніе Ministère d'Etat, утративъ свою прежнюю связь съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которому онъ былъ подчиненъ на ряду съ другими архивами со временъ іюльской монархіи (1834 г.), причемъ должность хранителя архива „garde générale" была переименована въ „directeur général des Archives" [2]).

Въ періодъ второй имперіи Національный архивъ проявилъ большую дѣятельность въ дѣлѣ изданія архивныхъ матеріаловъ, подъ руководствомъ маркиза Delabord'a, долгое время состоявшаго директоромъ этого архива [3]).

Мы не будемъ останавливаться на законодательствѣ, относящемся до архивнаго дѣла во Франціи въ періодъ времени отъ начала второй имперіи и до конца девяностыхъ годовъ XIX столѣтія, такъ какъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ мѣропріятіяхъ имѣются въ вышецитированныхъ работахъ Самоквасова и Воронова.

Съ возстановленіемъ республики центральный архивъ вновь получилъ свое первоначальное наименованіе „Archives Nationales", директоръ былъ снова переименованъ въ „garde général", самое же управленіе архивами перешло къ министру народнаго просвѣщенія, а затѣмъ (7 Ноября 1884 г.) къ „Commission superieure des archives", въ составѣ 14 членовъ. Изданныя въ періодъ республики отдѣльныя законодательныя мѣры, относящіяся до центральнаго архива декретомъ 14 Мая 1887 г. [4]), объединены были съ соотвѣтствующими законоположеніями Наполеона III; 16 Мая того же года министръ народнаго просвѣщенія въ особомъ приказѣ [5]) преподалъ рядъ указаній по примѣненію этого декрета. Черезъ десять лѣтъ

[1]) Wolf. o. c. p. 671, Baumgarten, Langlois et Stein.

[2]) Bull 69 n°629. Décret du 7 Juillet 1853.

[3]) См. у Wolf'a, Langlois et Stein'a и у Воронова. Изд. Arch. nationales „Juventaire et documents", „Juventaire sommaire et date méthodique des fonds, conservés aux archives nationales". Juventaires sommaires des archives départementaux и др.

[4]) См. у Самоквасова стр. 63.

[5]) Самоквасовъ, стр. 66.

министръ народнаго просвѣщенія Рамбо [1]) внесъ предложеніе о реорганизаціи Національнаго архива. Считая неудачнымъ существовавшій въ теченіе всего XIX вѣка порядокъ, при которомъ архивы находились въ вѣдѣніи отдѣльныхъ министерствъ, онъ находилъ желательнымъ передать ихъ вновь, какъ то было въ эпоху революціи, въ непосредственное завѣдываніе законодательныхъ учрежденій, и, возставая противъ царящей въ архивѣ рутины, онъ предлагалъ отрѣшиться отъ изученія однихъ лишь памятниковъ старой Франціи; что-же касается дѣленій Національнаго архива, то по его мнѣнію должны существовать только двѣ основныя группы документовъ—одна, заключающая всѣ памятники стараго порядка, другая—документы новой Франціи. Декретомъ 23 Февраля 1897 г. [2]) Національный архивъ соотвѣтственно предположеніямъ Рамбо раздѣленъ былъ на три отдѣла, изъ которыхъ одинъ заключаетъ современные документы и возрастаетъ вслѣдствіе поступленія передаваемыхъ изъ правительственныхъ учрежденій дѣлъ, а другіе два содержатъ, первый—судебные и административные документы стараго режима и второй—прочіе историческіе памятники, относящіеся ко временамъ до-революціоннымъ. Согласно этого декрета служащіе мѣстныхъ архивовъ подчинены были секретаріату Національнаго архива, а главный хранитель его сталъ вновь называться директоромъ архива. „Commission supérieur des archives“, которой ввѣрено высшее руководство архивнымъ дѣломъ, должна собираться въ концѣ 1, 2 и 3 триместра каждаго года; техническіе же вопросы подлежатъ разрѣшенію директора Національнаго архива совмѣстно съ тремя представителями этой комиссіи. Въ отношеніи сдачи дѣлъ въ архивъ въ настоящее время дѣйствуетъ изданный 25 Января 1898 г. [3]) декретъ, основныя положенія котораго сводятся къ слѣдующему: всѣ дѣла, утратившія значеніедля текущей работы, передаются подлежащими правительственными учрежденіями въ Національный архивъ ежегодно въ теченіе перваго полугодія

[1]) Самоквасовъ, стр. 66.
[2]) Тамъ же переводъ декрета на стр. 73.
[3]) Journ. off. du 25 Janvier 1898.

и составляютъ особый фондъ. Лицамъ, желающимъ пользоваться архивными матеріалами, таковые предоставляются по истеченіи 50 лѣтней давности, за исключеніемъ дѣлъ, имѣющихъ характеръ конфиденціальныхъ, а также касающихся отдѣльныхъ личностей (эти дѣла могутъ быть доступны для работающихъ въ архивахъ, только по смерти даннаго лица). Уничтоженіе бумагъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ силу прямого указанія закона, или же по соглашенію директора Національнаго архива съ представителемъ подлежащаго вѣдомства, при самой передачѣ данной группы дѣлъ въ архивъ. Въ 1899 г. [1]) въ Національный архивъ поступила богатая коллекція документовъ морского министерства. Секретаріатъ Національнаго архива въ 1903 г. [2]) преобразованъ въ отдѣлъ, вѣдающій архивами департаментовъ, общинъ, а также и архивами благотворительныхъ учрежденій [3]).

Въ томъ же году въ докладѣ по бюджету [4]) M. Simyan высказалъ предположеніе о необходимости реорганизовать все дѣло управленія архивами. Онъ рекомендовалъ, во-первыхъ, отказаться отъ дѣленія архивовъ на древніе и современные, такъ какъ по его мнѣнію „il n'y a que des archives en incessant travail de transformation", и во-вторыхъ, перестать назначать на должности по храненію архивныхъ документовъ лицъ, къ тому не подготовленныхъ и притомъ нерѣдко признанныхъ уже неспособными нести болѣе отвѣтственную активную службу; архивы должны стать поприщемъ для работы однихъ только спеціалистовъ этого дѣла, какъ того требуетъ самое пониманіе архива, въ качествѣ „laboratoire du sociologue".

Въ силу этого, по мнѣнію докладчика, представляется необходимымъ въ значительной мѣрѣ измѣнить программу преподаванія въ „Ecole des Chartes", которая должна занять

---

[1]) Journ. off. du 29 Mai.

[2]) Journ. off. du 7 Mai 1903.

[3]) Соотвѣтственно число завѣдывающихъ отдѣлами доведено до 4, равно какъ и число ихъ помощниковъ. Число архивистовъ достигаетъ 20, не считая прочихъ служащихъ архива.

[4]) Annales de la chambre des députés. Doc. parlam. 1903. Sess. ord. 2 p. p. 1600 et. 1603.

мѣсто національной школы архивистовъ и библіотекарей. То ненормальное явленіе, которое наблюдается теперь, когда немногочисленные архивисты, оканчивающіе эту школу, остаются безъ дѣла, само собою прекратится при новой постановкѣ всего архивнаго дѣла. Архивисты займутъ положеніе правительственныхъ чиновниковъ, и связывающія ихъ въ данное время ограниченія въ области пенсіонныхъ правъ должны быть устранены. Теперь карьера департаментскаго архивиста опредѣляется исключительно случаемъ, такъ какъ, несмотря на предоставленное ему декретомъ 14 Мая 1887 г. право перевода въ Національный архивъ послѣ десятилѣтней службы, онъ все же обрекается на продолженіе своихъ работъ по архиву департамента, лишаясь въ противномъ случаѣ пенсіонныхъ взносовъ, зачисляемыхъ въ капиталы даннаго департамента. Эти предположенія M. Simyan'a легли въ основаніе законопроекта объ общей реорганизаціи французскихъ архивовъ, который внесенъ былъ въ палату депутатовъ за подписью депутатовъ Gabriel'я Deviil'я, Barthou, Clémentel'я, Cruppi, Jaurés'a, Millerand'a и Simyan'a въ засѣданіи 8 Февраля 1904 г. [1]) Этотъ проектъ имѣетъ цѣлью обезпечить „la conservation effective des archives françaises, et leur utilisation scientifique en même temps que d'améliorer sensiblement, sans augmentation de dépenses et par une simple formalité d'écriture, la situation administrative d'un corps de fonctionnaires qui a droit à la sympathie des pouvoirs publics". По утвержденію иниціаторовъ этой реформы, для всей исторіи организаціи французскихъ архивовъ являются характерными двѣ черты—теоретическій подходъ къ архивнымъ матеріаламъ, съ одной стороны, и техническая неподготовленность служебнаго персонала, съ другой. Проектъ устанавливаетъ сроки для передачи дѣлъ въ архивы: въ Національный архивъ должны доставляться ежегодно всѣ дѣла правительственныхъ учрежденій Парижа, по истеченіи пятидесятилѣтней давности; они могутъ быть тѣмъ не менѣе оставлены на храненіе въ

[1]) Annales de la Chambre des députés. Doc. parl. Sess. ord. 1904 T. 66 Annexe № 1496.

прежнихъ помѣщеніяхъ, при условіи одобренія организаціи таковыхъ со стороны министра народнаго просвѣщенія, но самая охрана документовъ переходитъ къ Національному архиву; для дѣлъ, имѣющихъ быть переданными въ департаментскіе архивы, устанавливается та же давность, за исключеніемъ дѣлъ судебныхъ, которые должны поступать въ архивъ департамента черезъ 100 лѣтъ, и дѣлъ нотаріальныхъ, поступающихъ въ архивъ лишь черезъ 150 лѣтъ; но при этомъ признается безусловно необходимымъ, чтобы со времени вступленія этого закона въ силу, всѣ документы нотаріальныхъ архивовъ дореволюціонной эпохи перешли подъ охрану департаментскихъ архивовъ; въ отношеніи всѣхъ этихъ департаментскихъ дѣлъ допускается также оставленіе ихъ въ прежнихъ помѣщеніяхъ, но опять таки не иначе, какъ съ санкціи министра народнаго просвѣщенія. Этому послѣднему предоставляется право дѣлать распоряженіе о передачѣ въ архивъ дѣлъ, не достигшихъ установленныхъ давностныхъ сроковъ, равно какъ и дѣлъ муниципальныхъ и благотворительныхъ учрежденій, а также и всякаго рода другихъ установленій, публичныхъ и частныхъ, утратившихъ значеніе для текущихъ работъ. Что же касается уничтоженія документовъ, то таковая допускается только съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Далѣе, во второй главѣ этого законопроекта, мы находимъ новое положеніе, касающееся организаціи профессіональной школы архивистовъ и библіотекарей—(Ecole professionnelle des archivistes et bibliothécaires); согласно этому положенію лица, имѣющія званіе „licencié ès lettres“, или получившія таковое во время прохожденія курса обученія, имѣютъ право на полученіе при окончаніи профессіональной школы спеціальнаго званія „archiviste et bibliothécaire du gouvernement“ и имъ предоставляется исключительное право на занятіе соотвѣтствующихъ должностей. Что же касается оканчивающихъ Ecole des Chartes, то права этихъ архивистовъ-библіографовъ остаются въ прежней силѣ. Всѣ служащіе въ архивахъ подвѣдомственны министру народнаго просвѣщенія и распредѣляются на 9 классовъ, причемъ не проводится больше

никакого различія между служащими въ Національномъ архивѣ и въ архивахъ департаментскихъ; для занятія низшей должности установленъ стажъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Должности инспекторовъ надъ архивами, которыхъ предположено три, соединяются съ обязанностями по наблюденію и надъ библіотеками. Для занятія должности инспектора требуется, равно какъ и для назначенія на должность директора Національнаго архива, соотвѣтствующій десятилѣтній стажъ, а также дипломъ объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія; для занятія должности директора, которому будетъ ввѣрено общее управленіе архивами Франціи, установлены еще слѣдующія дополнительныя требованія—онъ долженъ состоять не менѣе десяти лѣтъ преподавателемъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній и быть включеннымъ въ списокъ кандидатовъ, который представляется министру народнаго просвѣщенія совмѣстно отъ имени „Académie des sciences morales et politiques“ и „Académie des inscriptions“; назначается онъ по представленію министра народнаго просвѣщенія особымъ декретомъ. Для обезпеченія матеріальнаго положенія департаментскихъ архивистовъ проектъ предлагаетъ привлечь правительство къ участію въ оплатѣ труда ихъ и реорганизовать постановку дѣла въ отношеніи пенсіонныхъ взносовъ. Проведеніе всѣхъ этихъ мѣръ, по мнѣнію авторовъ проекта, дало бы надежду на то, что существующая нынѣ въ архивахъ „méthode théorique et sterille“ замѣнена будетъ „par la méthode expérimentale et féconde des exament sur place“.

Въ засѣданіи палаты 3 Іюля 1905 г. [1]) депутатъ Beauquier сдѣлалъ докладъ отъ имени „Commission de l'administration générale, départementale et communale des cultes et de la décentralisation“, которой было поручено разсмотрѣніе этого законопроекта. Признавая всю неудовлетворительность постановки дѣла въ различныхъ архивахъ отдѣльныхъ „services publics“, докладчикъ считаетъ проектъ Devill'я слишкомъ радикальнымъ и трудно осуществимымъ; безъ предварительной подготовки соотвѣтствующихъ помѣщеній нельзя приступать

[1]) Annales de la chambre des députés, Doc. parl T. 68 Annexe n° 2544.

въ концентраціи разнообразныхъ матеріаловъ въ департаментскихъ архивахъ, возлагать-же на архивиста обязанности по наблюденію за отдѣльными архивами на мѣстахъ, безъ доставленія ихъ въ архивъ, докладчику представляется мѣрою мало дѣйствительною. Что же касается высшихъ правительственныхъ учрежденій, находящихся въ Парижѣ, то перевозить содержащіеся въ надлежащемъ порядкѣ архивы (военнаго министерства, министерства иностранныхъ дѣлъ), которые доступны и для публики, должно быть признано совершенно излишнимъ. Высказываясь въ общемъ за желательность реорганизаціи архивнаго дѣла, докладчикъ предлагаетъ поручить особой комиссіи разработку новаго проекта реформы, который, порвавъ съ рутиной, заставилъ бы подлежащія учрежденія освободиться отъ тѣхъ грудъ ненужныхъ имъ бумагъ, имѣющихъ въ глазахъ историковъ большую цѣнность. Такая комиссія была образована 26 Мая 1905 г.

Проектъ Devill'я привлекъ къ себѣ вниманіе архивистовъ и обсужденію его посвящены были собранія, какъ „Société de l'Ecole des Chartes“ [1]) такъ и образовавшейся въ 1904 г. „Assossiation amicale des archivistes français“ [2]). И та и другая организація архивныхъ дѣятелей высказывалась сочувственно по поводу проекта въ той его части, которая касается положеній общихъ; но самыя рѣзкія возраженія встрѣтили его статьи, относящіяся до реорганизаціи „Ecole des Chartes“, и регламентирующія служебныя права архивистовъ.

При комиссіи, учрежденной 26 Мая 1905 г. директоромъ Національнаго архива, для изученія вопросовъ архивнаго и библіотечнаго дѣла была образована особая подкомиссія по дѣламъ архивовъ, въ которую историкъ Aulard внесъ проектъ, относящійся до служебнаго персонала архивовъ (Projet sur le personnel des archives [3]). Для назначенія на должность архивиста Aulard требуетъ обязательнаго представленія „certificat d'aptitude“, который присуждается послѣ особаго испытанія передъ жюри, со-

[1]) Bibliothèque de l'Ecole des Chartes 1904. T. 65 p. 673.
[2]) Bibliothèque de l'Ecole des Chartes 1905. T. 66 p. 747.
[3]) Ibid. 1906. T. 67 p. 150.

стоящаго изъ 5 человѣкъ, назначаемыхъ на каждую сессію министромъ народнаго просвѣщенія. Перечисляя тѣ условія, которымъ должны удовлетворять лица, желающія подвергнуться такого рода испытанію, Aulard приравниваетъ окончившихъ „Ecole des Chartes“ къ лицамъ, имѣющимъ „la licence ès lettres“ или же „diplôme d'étude supérieure d'histoire“. Эта статья проекта встрѣтила горячіе нападки со стороны P. Meyer'a, директора „Ecole des Chartes“ [1]), а также M. Gabriel'я Monod [2]), отстаивавшихъ значеніе той спеціальной подготовки, какую получаютъ учащіеся въ „Ecole des Chartes“, и выдвигавшихъ вопросъ о практическомъ опытѣ, пріобрѣтаемомъ въ этомъ учебномъ заведеніи, имѣющемъ особую цѣнности для архивистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по указанію этихъ авторовъ, программа преподаванія въ „Ecole des Chartes“ за послѣдніе годы значительно расширена и нельзя упрекать преподавателей ея въ чрезмѣрномъ увлеченіи средневѣковьемъ. На съѣздѣ архивистовъ, имѣвшемъ мѣсто 21 Апрѣля 1906 г. [3]), принята была по этому поводу резолюція, къ которой единогласно присоединилась въ засѣданіи 26 Апрѣля того же года „Société de l'Ecole des Chartes“. Названныя общества становятся также на защиту школы архивистовъ, указывая на то, что безъ крупныхъ реформъ университеты не въ состояніи дать той подготовки, которая необходима для обращенія съ архивнымъ матеріаломъ; что-же касается „Ecole des Chartes“, то, по ихъ мнѣнію, устранить недостатки преподаванія тамъ нетрудно, и многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано. Было постановлено обратиться въ комиссію по дѣламъ библіотекъ и архивовъ съ ходатайствомъ о пересмотрѣ принятаго подкомиссіей по дѣламъ архивовъ небольшимъ большинствомъ (8 Февраля 1906 г.) законопроекта Aulard'a.

Касаясь далѣе условій архивной службы какъ въ департаментахъ, такъ и въ Національномъ архивѣ, законопроектъ Aulard'a предусматриваетъ образованіе „Conseil supérieur

[1]) Ibid. 1906 T. 67 p. 333.
[2]) Ibid. 1906. T. 67 p. 341.
[3]) Bibliothèque de l'Ecole des Chartes 1906. T. 67 p. 345.

des Archives", которому поручается общее руководство всѣми архивными работами, а также и разрѣшеніе дисциплинарныхъ вопросовъ. Національный архивъ, согласно проекту, предполагается раздѣлить на четыре секціи: 1. „la section historique", въ которую должны войти всѣ дѣла до-революціонной эпохи (до 1790 г.); 2. „La section moderne", заключающую въ себѣ, кромѣ документовъ временъ революціи, консулата и имперіи, и законченныя серіи дѣлъ болѣе поздняго времени—иными словами „les séries fermées"; 3. „La section administrative", содержащая „les series ouvertes", и 4. „La section du secrétariat". Наконецъ, что касается административнаго состава архива, то, по проекту, директоръ Національнаго архива, избирается изъ числа архивистовъ, обладающихъ десятилѣтнимъ стажемъ, профессоровъ университетовъ „des facultés des lettres" и преподавателей „Collège de France"; на обязанности его лежитъ храненіе и управленіе Національнымъ архивомъ, а также подготовка и представленіе на подпись министру народнаго просвѣщенія бумагъ, относящихся до сношеній съ архивами департаментовъ. Для инспекторовъ надъ архивами, назначаемыхъ декретомъ, по представленію министра, предполагается установить также десятилѣтній стажъ; на нихъ возлагается наблюденіе за работами въ Національномъ архивѣ, въ архивахъ департаментовъ, общинъ, министерствъ, а также прочихъ правительственныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

Этотъ проектъ, вносящій крупныя измѣненія въ дѣлѣ управленія архивами Франціи, силы закона не получилъ и приведенъ нами лишь для ознакомленія съ тѣми теченіями, которыя наблюдаются въ этомъ вопросѣ въ послѣднее время.

Съ отдѣленіемъ церкви отъ государства по ст. 16 закона 9 Декабря 1905 г. архивы и библіотеки религіозныхъ учрежденій должны были быть описаны, и тѣ изъ нихъ, которыя признаны будутъ собственностью государства, должны быть переданы въ подлежащіе архивы. Во исполненіе этого требованія закона 16 Марта 1906 г. былъ изданъ декретъ, указывающій порядокъ производства этихъ описаній; префекту предоставлено назначеніе департаментскаго архивиста или же

другого компетентнаго лица, для составленія инвентаря въ присутствіи управомоченныхъ къ тому представителей религіозныхъ учрежденій; причемъ перечисляются тѣ документы, которые подлежатъ передачѣ префекту или мэру, для присоединенія ихъ къ публичнымъ архивамъ.

Къ этому же времени относится постановленіе палаты депутатовъ (27 Ноября 1903 г.) о принятіи мѣръ къ печатанію матеріаловъ по экономической исторіи революціи. Въ виду того, что работа по опубликованію этихъ данныхъ представляетъ большія трудности, министромъ народнаго просвѣщенія былъ разосланъ префектамъ соотвѣтствующій циркуляръ [1]), согласно которому изданіе относящихся сюда памятниковъ должно производиться по департаментамъ и работающимъ предлагается строго соблюдать единообразіе въ подборѣ документовъ, сохраняя индивидуальность каждаго изъ нихъ и регистрируя ихъ въ порядкѣ номеровъ; каждое изъ издаваемыхъ собраній должно быть снабжено личнымъ и предметнымъ указателями; самое же производство работъ возлагается на особые департаментскіе комитеты.

Таково было положеніе архивнаго вопроса во Франціи ко времени перваго международнаго съѣзда архивистовъ, состоявшагося въ Брюсселѣ въ послѣднихъ числахъ Августа 1910 г. [2]). На этомъ съѣздѣ французскіе архивисты выступили съ рядомъ докладовъ, въ которыхъ отразился возрастающій въ этой странѣ интересъ къ сохраненію всѣхъ документовъ, могущихъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи помочь изслѣдователямъ въ ихъ работахъ по возсозданію ея историческаго прошлаго. Такъ, архивистъ F. Pasquier посвятилъ одинъ изъ своихъ докладовъ нотаріальнымъ архивамъ Франціи [3]), которые, въ силу особаго положенія, занимаемаго нотаріатомъ въ рядѣ другихъ учрежденій Франціи, до сихъ поръ не вошли въ составъ мѣстныхъ архивовъ и недо-

[1]) Journ. off. du 3 Avr. 1906.

[2]) Commission permanante des Congrès internationaux des Archivistes et des Bibliothècaires.—Congrès de Bruxelles 1910. Actes publiés par J. Cuvelier et L. Steiner. 1912. Bruxelles.

[3]) Ibid p.p. 166—185.

ступны для изслѣдованій; между тѣмъ цѣнность матеріаловъ, сосредоточенныхъ въ этомъ фондѣ, несомнѣнна, такъ какъ съ XVI вѣка они отражаютъ на себѣ экономическое развитіе страны, являясь подлинными „archives sociales“. Авторъ доклада предлагаетъ въ заботахъ о сохраненіи этихъ матеріаловъ, которые нерѣдко гибнутъ при упраздненіи нотаріальныхъ конторъ, предоставить для нихъ особыя помѣщенія, сдѣлавъ доступными для публики матеріалы со временъ Ventos'a XI года [1]). Но именно въ виду того особаго положенія, которое занимаютъ нотаріальныя учрежденія во Франціи, архивная секція конгресса никакой резолюціи по этому докладу не приняла. Pasquier выступилъ еще и со вторымъ докладомъ на тему о частныхъ архивахъ [2]); онъ указывалъ на то, что многіе изъ древнихъ родовъ Франціи сами предоставили уже государству свои архивы, другіе же издаютъ инвентарныя описанія своихъ хранилищъ; является весьма желательнымъ, по мнѣнію докладчика, участіе въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ этихъ цѣнныхъ архивныхъ матеріаловъ, въ качествѣ руководителей, какъ мѣстныхъ историческихъ обществъ, такъ и департаментскихъ архивистовъ, а также и спеціально для того откомандированныхъ архивистовъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ Англіи, гдѣ по иниціативѣ „Historical Manuscript Commission“ еще съ 1869 г., привлекающіе къ себѣ большое вниманіе частные архивы, нерѣдко доставляются даже для приведенія ихъ въ порядокъ въ Record Office; докладчикъ указываетъ также и на то, что государство и органы мѣстнаго управленія должны дать матеріальныя средства для поддержанія этихъ начинаній, причемъ въ качествѣ органа, представляющаго министерство народнаго просвѣщенія, могъ-бы быть привлеченъ „Comité des travaux historiques“. Другой французскій архивистъ Fr. Galobert представилъ докладъ, относящійся до „régistres parroissiaux“ [3]), являющихся собраніемъ актовъ гражданскаго состоянія со времени возникновенія ихъ въ

[1]) 25 Ventose un XI Loi contenant l'oganisation du notariat Bull. 258 n° 2440.
[2]) Ibid p.p. 317—330.
[3]) Ibid p. 118.

XVI столѣтіи до самой революціи; записи эти, полнота и точность которыхъ въ отдѣльныхъ приходахъ была различна, представляютъ, въ общей своей совокупности, большую цѣнность, а потому авторъ доклада предлагаетъ передать ихъ для приведенія въ порядокъ въ архивы департаментовъ, изъ мэрій, куда они поступили согласно закону 20 Сентября 1792 г. Помощникъ завѣдывающаго секціей секретаріата Національнаго архива, H. Stein, въ своемъ докладѣ подъ заглавіемъ „La partie administrative d'un grand dépôt d'Archives“ [1]) ознакомилъ Конгресъ съ постановкой дѣла въ административной секціи въ этомъ архивѣ, которая вѣдаетъ всею хозяйственной частью, а также читальной залой и всѣми сношеніями съ публикой; всѣ запросы посѣтителей поступаютъ первоначально въ справочный отдѣлъ при секретаріатѣ; затѣмъ, требованія передаются въ подлежащую секцію архива, и по наведеніи справки, за подписью завѣдывающаго секціей, препровождаются въ справочный отдѣлъ для сообщенія лицу, подавшему требованіе. Сношенія же этого рода съ архивами департаментовъ возлагаются на самого завѣдывающаго архивомъ и на трехъ его помощниковъ.

Наиболѣе боевымъ вопросомъ на съѣздѣ явился поднятый бельгійскимъ архивистомъ Cuvélier [2]) вопросъ о той подготовкѣ, какую должны имѣть лица, посвящающія себя работамъ въ архивахъ. Въ преніяхъ по этому докладу участіе приняли и французскіе архивные дѣятели; резолюція принятая съѣздомъ выдвигаетъ на первый планъ историческую подготовку для архивистовъ, при томъ, однако, условіи, чтобы знанія эти были восполнены изученіемъ правовыхъ институтовъ.

Отмѣтимъ еще докладъ другого бельгійскаго архивиста Nélis'a, въ которомъ затрагиваются также весьма существенныя стороны архивнаго дѣла; докладъ этотъ озаглавленъ такъ—„Quelles sont les publications à entreprendre par les administrations des Archives“? [3]). Въ своемъ обзорѣ, касающемся

[1]) Ibid p. 229.
[2]) Ibid p. 301.
[3]) Ibid p. 144.

того, что сдѣлано въ отдѣльныхъ странахъ въ области опубликованія архивныхъ данныхъ, докладчикъ отдаетъ должное работамъ французскихъ архивистовъ [1]) и намѣчаетъ программу работъ, могущихъ быть осуществленными лишь при условіи тѣснаго общенія архивныхъ дѣятелей всѣхъ странъ.

Изъ законодательныхъ мѣръ, относящихся до архивовъ во Франціи, намъ остается только указать на декретъ 19 Декабря 1911 г. [2]), который внесъ новое измѣненіе въ управленіе Національнымъ архивомъ; Національный архивъ раздѣляется теперь на два отдѣла, изъ которыхъ первый, въ свою очередь, имѣетъ два подотдѣла — „Section ancienne“ и „Section moderne“; во главѣ каждаго изъ этихъ подотдѣловъ поставленъ завѣдывающій и два помощника его; второй отдѣлъ вѣдаетъ всѣми административными дѣлами, какъ Національнаго архива, такъ и архивовъ мѣстныхъ— департаментскихъ, общинныхъ, а также и архивовъ благотворительныхъ учрежденій. Въ 1912 г. [3]) введены новые штаты для служащихъ Національнаго архива и повышены оклады ихъ содержанія.

Со времени вступленія въ исполненіе обязанностей директора Національнаго архива Ch. v. Langlois начинаютъ снова печататься ежегодные отчеты о дѣятельности этого архива [4]), изъ которыхъ мы можемъ почерпнуть позднѣйшія свѣдѣнія о положеніи архивнаго дѣла во Франціи. Въ первомъ своемъ отчетѣ [5]) (за 1913 г.) новый директоръ архива даетъ общій обзоръ состоянія ввѣреннаго ему учрежденія и приводитъ данныя какъ о количествѣ посѣтителей архива, которое достигло въ теченіе послѣдняго года, предшествовавшаго войнѣ, 3265 человѣкъ (причемъ число предоставленныхъ для работъ документовъ выразилось цифрою 97.701) — такъ и о сообще-

---

[1]) Annuaire des bibliothèques et archives de France, Etat génér. par fonds des archives départementales

[2]) Journ. off. du 19 Déc. 1911.

[3]) Journ. off. du 4 Juin 1912.

[4]) Послѣдній отчетъ директора архива M. G. Servois относится къ 1 Января 1902 г.

[5]) Journ. off. du 9 Juillet 1914.

ніяхъ, которыя сдѣланы архивомъ по запросамъ отдѣльныхъ ученыхъ и разнаго рода архивовъ за отчетный годъ; такихъ сообщеній произведено было 3.513, не считая 417 дѣлъ, выданныхъ по требованіямъ министерствъ. Langlois указываетъ, что со времени вступленія его въ должность директора Національнаго архива, имъ приняты были мѣры къ сокращенію формальностей при наведеніи справокъ со стороны посѣтителей архива; въ справочномъ отдѣлѣ сосредоточено теперь до 60.000 карточекъ, на которыхъ занесены запросы уже удовлетворенные, и до передачи требованія въ соотвѣтствующую секцію архива, справки наводятся предварительно здѣсь; кромѣ того, для удобства публики устроенъ особый залъ, въ которомъ помѣщены всѣ имѣющіеся въ Національномъ архивѣ „répertoires"; въ этой „Salle des inventaires" постоянно дежуритъ одинъ изъ архивистовъ, могущій дать соотвѣтствующія разъясненія. Расширенная въ 1902 г. „Salle de lecture" уже не можетъ вмѣстить всѣхъ посѣтителей, а потому для работъ по картамъ и планамъ отведены особыя помѣщенія. Ближайшей задачей архива является, на ряду съ выполненіемъ начатыхъ работъ по описанію отдѣльныхъ группъ документовъ, составленіе „d'un état complet des répertoires de tout genre qui ont été exécutés", подготовка къ которому производится съ 1849 г. О департаментскихъ архивахъ Langlois обѣщаетъ позаботиться также въ ближайшее время и въ этихъ цѣляхъ переработать устарѣвшую инструкцію, сообщенную въ циркулярѣ 12 Августа 1887 г.

Слѣдующіе отчеты [1]) директора архива относятся уже къ періоду войны. Въ нихъ отмѣчается энергія и самоотверженіе архивистовъ тѣхъ департаментовъ, на территоріи которыхъ разыгрались военныя дѣйствія; цѣннѣйшія коллекціи архивовъ Реймса и Арраса были такимъ образомъ спасены; многіе общинные архивы доставлены въ Парижъ; и единственнымъ пострадавшимъ серьезно архивомъ Langlois считаетъ архивъ Pas de Calais. Въ послѣднемъ отчетѣ, за время съ 1 Мая 1915 г. по 1 Мая 1916 [2]), отмѣчается

[1]) Journ. off. du 4 Juin 1916 et du 2 Juin 1917.
[2]) Ibid. 2 Juin 1917 p. 4310.

крупное поступленіе, обогатившее въ этомъ году Національный архивъ; оно состоитъ изъ собранія „dépêches officielles" за время съ 1794 г., когда основано было центральное почтовое учрежденіе, и до 1869 г. Вызванный войной бумажный голодъ, для удовлетворенія котораго въ Апрѣлѣ 1916 г. поднятъ былъ вопросъ о собираніи всѣхъ „vieux papiers" за исключеніемъ „papiers dits des chiffoniers", для новой переработки ихъ, принудилъ министра народнаго просвѣщенія предпринять шаги въ отношеніи охраны архивовъ, особенно мѣстныхъ, чтобы предупредить отъ гибели архивные матеріалы. Представители подлежащихъ вѣдомствъ завѣрили министра въ томъ, что никакая опасность какого-бы то ни было рода архивамъ не угрожаетъ.

Мы ознакомились съ основными этапами въ области развитія архивнаго дѣла во Франціи. Тѣ большіе вопросы, которые были поставлены въ концѣ XVIII вѣка исторіографомъ Франціи Могеаu, оказались неразрѣшенными и понынѣ. Не объединены до сихъ поръ въ одномъ помѣщеніи всѣ хранилища центральныхъ учрежденій Парижа, отдѣльные министерства продолжаютъ сохранять свои вѣдомственные архивы; состояніе мѣстныхъ архивовъ оставляетъ желать, какъ мы видѣли изъ проекта Devill'я, многаго. Самое крупное изъ заданій—составленіе того „magazin'a, о которомъ мечталъ Могеаu, видимо еще долго не получитъ своего осуществленія, равнымъ образомъ, указанія Langlois на состояніе работъ по объединенію указателей самаго Національнаго архива, которые производятся съ 1849 г., не даетъ надежды на скорое выполненіе даже и этой работы.

Что же касается проектовъ реорганизаціи всего архивнаго дѣла, которые появились въ началѣ XX вѣка, то едва-ли могутъ быть сдѣланы сколько нибудь серіозныя возраженія противъ той системы охраны архивныхъ матеріаловъ, которую выдвигаетъ проектъ Devill'я, но сосредоточеніе всѣхъ архивныхъ документовъ въ архивѣ національномъ, съ одной стороны, и въ архивахъ департаментовъ—съ другой, намъ не представляется возможнымъ, да и врядъ-ли оно можетъ быть признано желательнымъ; поступленіе-же документовъ подъ охрану архивистовъ департамен-

овъ по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ на мѣстахъ, и установленія такого же наблюденія за архивами центральныхъ учрежденій въ Парижѣ со стороны директора Національнаго архива, при томъ условіи, чтобы во главѣ всѣхъ архивовъ находились подготовленныя къ дѣятельности этого рода лица, послужило-бы достаточной гарантіей для обезпеченія сохранности всѣхъ матеріаловъ, долженствующихъ стать источниками будущей исторіи Франціи.

Ек. Лаппа-Старженецкая.

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ (БОЛХОВИТИНОВА).

Къ 150-лѣтію со дня его рожденія [1]).

18-го Декабря 1917 г. исполнилось 150 лѣтъ со дня рожденія Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова,— „нашего неутомимаго бенедиктинца", какъ назвалъ его Погодинъ.

„Вотъ былъ человѣкъ, который не могъ пробыть нигдѣ одного дня безъ того, чтобы не ознаменовать его трудами на пользу исторіи... Гдѣ судьба его ни водворяла, онъ тотчасъ начиналъ свои розысканія, собиранія, описанія... Новгородъ, Псковъ, Вологду, Кіевъ онъ наградилъ плодами своей неутомимой дѣятельности. Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали"... („Москвитянинъ" 1842 г., № 8, стр. 255—256).

Первые литературные опыты Евгенія относятся къ студенческимъ годамъ въ Славяно-греко-латинской академіи (1785—1788 г.), когда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слушалъ лекціи и въ Московскомъ университетѣ (у Шадена, Роста, Бодуэна и Гейма).

Въ Москвѣ — „столицѣ русской литературы" — Евгеній (тогда еще Евѳимій Алексѣевичъ Болховитиновъ) довольно близко сошелся съ членами Новиковскаго кружка и, „ободряемъ будучи примѣромъ другихъ" участниковъ Ученаго Дружескаго Общества, принялся за переводъ „Краткаго описа-

[1]) Докладъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при Петроградскомъ Университетѣ и въ Обществѣ Любителей Древней Письменности.

нія жизней древнихъ философовъ съ присовокупленіемъ отборнѣйшихъ ихъ мнѣній, системъ и нравоученій, сочиненнаго г. Фенелономъ, архіепископомъ Камбрійскимъ". Далѣе слѣдуютъ переводы: „Похвальнаго слова чему-нибудь, посвященнаго отъ сочинителя кому-нибудь, а отъ переводчика никому, съ присовокупленіемъ похвальнаго письма ничему", „Прекрасной Полонянки", „Парнасской Исторіи", „Удовольствія отъ способности воображенія", „Магазина чтенія для всякаго возраста и пола людей, собраннаго изъ разныхъ повѣстей, сказокъ, басенъ, анекдотовъ, стихотворческихъ и др. краткихъ сочиненій", и др.

Судя по выбору книгъ для перевода,—справедливо замѣчаетъ Тихонравовъ,—симпатіи Болховитинова не всегда были тамъ, куда стремилось склонить ихъ академическое преподаваніе. (Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, ч. 1, стр. 285).

Въ переводчикѣ ясно сказывается и критическое отношеніе къ литературнымъ традиціямъ, и исканіе чего-то новаго, лучшаго. Такъ, въ Фенелоновой книгѣ Евгенія особенно привлекаетъ „расположеніе порядочное и обстоятельное, штиль естественный.., отрывность, разнообразіе и пріятность". Переводя „Парнасскую исторію", Болховитиновъ зналъ, что сатирическія выходки автора могли имѣть полное примѣненіе къ современнымъ русскимъ стихотворцамъ, и въ примѣчаніяхъ прибавилъ, что законъ объ изгнаніи съ Парнасса сочинителей „многотрудныхъ бездѣлицъ и заботныхъ пустошей" прилагается къ Хераскову и его сотрудникамъ по изданію „Свободныхъ Часовъ".

Не удержало переводчика и то, что авторъ „Парнасской исторіи" принадлежалъ къ горячимъ сторонникамъ „безсмертнаго Вольтера".

Переводческая дѣятельность Евгенія продолжается и по окончаніи академическаго курса, когда онъ (въ концѣ 1788 г.) былъ назначенъ учителемъ риторики и французскаго языка въ родную Воронежскую духовную семинарію. Въ Воронежѣ Евгеній переводитъ брошюру Мирабо о Каліостро и Лафатерѣ, „Философическія размышленія о происхожденіи языковъ и знаменованіи словъ" Мопертюи, „Волтеровы заблужденія,

обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ", „Размышленія о краснорѣчіи вообще и особенно о проповѣдническомъ краснорѣчіи" аббата Трюбле, „Всеобщую хронологію знаменитыхъ мужей, прославившихся искусствами, науками, изобрѣтеніями и сочиненіями во всемъ свѣтѣ отъ начала міра до нашихъ временъ", поэму Попа „Опытъ о человѣкѣ", и др.

Въ выборѣ книги Трюбле сказалось отрицательное отношеніе переводчика къ риторикѣ и схоластикѣ, къ „пузырному и декламаторскому штилю". Природа—выше искусства. „Есть еще особое краснорѣчіе школьное, краснорѣчіе риторическое, пышное, надутое и пр., которое столько же невкусно для отличныхъ свѣтскихъ людей, какъ для народа... Школьнаго краснорѣчія существенный признакъ есть декламація, состоящая въ чрезвычайномъ увеличиваніи или уменьшеніи своей матеріи одними только словами, безъ основательныхъ доводовъ. Слишкомъ блистательный и цвѣтущій слогъ неумѣстенъ въ проповѣдяхъ. Онѣ должны быть понятны для всѣхъ, и потому въ нихъ не надобно отвращаться низкихъ и простонародныхъ мыслей и словъ. Мы находимъ въ превосходныхъ писателяхъ и въ превосходнѣйшихъ ихъ сочиненіяхъ тому примѣры. Кажется, что они тѣмъ хотѣли показать, что они не имѣютъ той чрезвычайной уже разборчивости, которая похожа на брезгливость и происходитъ иногда отъ хвастовства, а иногда отъ несмѣлости"... (Размышленія о краснорѣчіи... М. 1793 г., стр. 37, 43, 74).

Аббатъ Трюбле навсегда остался авторитетомъ Болховитинова въ теоріи краснорѣчія и въ вопросахъ литературной критики. Истинное „краснорѣчіе не въ тропахъ и фигурахъ и не въ картинахъ воображенія, а въ чувствованіяхъ и въ духѣ истины, какъ и апостолъ говоритъ: 1 Кор. II, 4 и 13". „Опытъ о человѣкѣ" Попа Болховитиновъ полагаетъ „въ числѣ классическихъ книгъ чувствительной философіи": въ немъ „основательность" соединяется съ „трогательностью".

Изданіе книги аббата Нонота о „Волтеровыхъ заблужденіяхъ" встрѣтило затрудненія со стороны московской духовной цензуры, которая вычеркнула изъ книги именно то,

противъ чего предлагалось возраженіе (изложеніе „догматическихъ заблужденій“ Вольтера).

„Вѣсть о второй части моей книги,—жалуется Евгеній въ письмѣ къ своему товарищу Селивановскому,—взбѣсила меня, и я клялся ничего въ Москвѣ не печатать. Помарка его въ предисловіи больше всего (простите моему самолюбію) доказываетъ его трусость и (съ позволенія сказать) глупость“. („Библіографическія Записки“ 1859 г., № 3, стр. 68).

„Простодушный нашъ неученый соотечественникъ, слыша повсюду славу Вольтера и язвительныя его насмѣшки всему священному и почитаемому, сперва подвигается благочестивымъ ужасомъ и негодованіемъ; но можетъ-ли онъ потомъ защищать отъ заразы сердце свое сими одними чувствованіями, когда онъ не утвержденъ въ основательныхъ истинахъ и когда онъ почти вездѣ слышитъ только крикливыя вольнодумцевъ похвалы Вольтеру, но не видитъ обличенія лжей и клеветъ его?..“.

Изъ оригинальныхъ трудовъ Евгенія къ этому Воронежскому періоду относятся: „Полное описаніе жизни преосв. Тихона... епископа Воронежскаго и Елецкаго“ (Ворон. 1796 г.), „Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губ., собранное изъ исторій, архивскихъ записокъ и сказаній“ (1800 г.), „Историческое разсужденіе вообще о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи Россійскія церкви съ нужными на оное примѣчаніями и съ присовокупленіемъ другого краткаго разсужденія о томъ, что алтарныя украшенія нашей церкви сходны съ древними“ (1799 г.), и нѣсколько диссертацій богословскаго содержанія, оставшихся не напечатанными [1]). Здѣсь же, въ Воронежѣ, Евгеній принялся было за составленіе „Россійской Исторіи“ и къ началу 1793 г. уже окончательно приготовилъ „двѣ эпохи, т. е. до нападенія татаръ на Россію“, но потомъ забросилъ эту работу, какъ непосильную, и рѣшилъ поработать на

[1]) Подробн. см. Е. Ф. Шмурло. Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Спб., 1888, стр. 423—30.

болѣе „мелкомъ и частномъ“ („Библіографич. Зап.“ 1859 г., № 3, стр. 66).

Въ 1796 г. Болховитиновъ принялъ священный санъ, а черезъ три года, потерявъ дѣтей и жену, рѣшилъ постричься въ монахи. По рекомендаціи Бантышъ-Каменскаго, близко знавшаго Болховитинова еще какъ студента, Евгеній былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ префектомъ и учителемъ философіи и краснорѣчія въ Александро-Невской академіи. „Марта 1-го (1800 г.) пріѣхалъ я въ Петербургъ,—пишетъ Евгеній одному изъ своихъ Воронежскихъ друзей (Г. А. Петрову),—2-е число употребилъ на то, чтобы инкогнито потаскаться по Петербургу. 3-го явился въ Невскій и того же числа опредѣленъ академіи префектомъ и учителемъ философіи и краснорѣчія; а 4-го переселился я въ монастырь и вступилъ въ должность. Четыре дня только погулялъ я бѣльцемъ, а 9-го Марта монахи, какъ пауки, въ утреню опутали меня въ черную рясу, мантію и клобукъ. Имя я себѣ выбралъ Евгеній. 11-го владыка нашъ въ обѣдню возложилъ на меня митру, крестъ и палицію. И такъ я теперь Евгеній, архимандритъ Зеленецкаго монастыря“. (Русск. Арх.“ 1873 г., № 3, стр. 389).

Петербургъ, повидимому, не оправдалъ тѣхъ надеждъ, какія возлагалъ на него Евгеній. Въ письмахъ къ друзьямъ онъ часто жалуется на „хлопоты“, „каторжную“ службу, необходимость „идолопоклонничать по синодальнымъ“ и сознается, что „горитъ нетерпѣніемъ оставить Петербургъ“.

„По вольности цензуры,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ отъ Марта 1802 г.,—съ весны привезутъ намъ милліонъ новыхъ книгъ, да ба! читать намъ некогда... А силы въ службѣ уже ослабѣваютъ при безчисленныхъ здѣшнихъ должностяхъ и дѣлахъ“. („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 811, 808). „Евгеній,—говоритъ онъ про себя,—теперь законопаченъ въ монастырѣ и рѣдко, рѣдко выѣзжаетъ вонъ; ибо на извощикѣ стыдно, а карету нанимать дорого, своей же нѣтъ. Въ монастырѣ обходиться кромѣ ректора не съ кѣмъ: всѣ скрытны и не очень сговорчивы, не такъ, какъ въ Воронежѣ или матушкѣ-Москвѣ“ („Русск. Арх.“ 1873 г., № 3, стр. 389). „Отъ множества должностей рѣдко высыпаюсь и отъ того чувствую

даже боль въ груди, въ спинѣ, въ головѣ. Вся академія взвалена на мои плечи и въ ней 200 человѣкъ на всемъ содержаніи, а тамъ еще два класса, консисторія, церковь и пр. Только и отдыху послѣ обѣда въ субботу да воскресеніе". „Недосуги мнѣ иногда дохнуть не даютъ. А недосуги сіи суть все мелочные—смотрѣніе за академистами. Но за мелочи здѣсь больше взыскиваютъ... За то хочу бросить все тщаніе"... („Русск. Арх." 1870 г., стр. 774, 786—87).

Кромѣ службы въ академіи (префектура; преподаваніе философіи, богословія и церковной исторіи; руководство составителями кандидатскихъ диссертацій), Евгенію пришлось быть членомъ Духовной консисторіи и Благотворительнаго общества для призрѣнія бѣдныхъ, управлять сначала Зеленецкимъ монастыремъ, а потомъ Сергіевой пустынью и выполнять разныя особыя порученія высшаго начальства.

Такъ, по порученію митрополита Амвросія, Евгеній составляетъ „Каноническое изслѣдованіе о папской власти въ христіанской церкви, на латинскомъ и россійскомъ языкѣ" и „Записку о разговорѣ съ двумя духоборцами". Къ Петербургскимъ трудамъ Евгенія „надъ ученическими опытами" относятся: „Историческое изслѣдованіе о соборахъ россійскія церкви" (1803 г.), „Разсужденіе о соборномъ дѣяніи, бывшемъ въ Кіевѣ 1157 г. на еретика Мартина" (1804 г.), „Разсужденіе о книгѣ, именуемой „Православное исповѣданіе вѣры соборныя и апостольскія церкви восточныя", сочиненной Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою" (1804 г.), „Историческое разсужденіе о чинахъ греко-россійскія церкви" (1805 г.) и др.

Въ связи съ преподавательской дѣятельностью въ Александро-Невской академіи стоятъ также двѣ актовыхъ рѣчи Евгенія: „Изслѣдованіе и обращеніе славянъ въ христіанскую вѣру" и „Историческое разсужденіе о переводѣ Библіи". Изъ пріятельскихъ „времяпрепровожденій" Евгенія съ Грузинскимъ епископомъ Варлаамомъ составилась книга „Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея отношеніи". Книга эта, несмотря на всѣ свои недостатки (поверхностность и бѣглость многихъ сообщеній,

недостаточное знакомство съ литературой предмета), обратила на себя вниманіе, была переведена на иностранные языки и удостоилась „очень лестной“ рецензіи со стороны Шлецера. „Мы съ Грузинскимъ,—сознается Евгеній въ одномъ изъ писемъ къ Македонцу,—сами хохотали, что изъ шутки вышла книга... Онъ мнѣ разсказывалъ да разсказывалъ про Грузію, а я слушалъ да слушалъ, да на усъ себѣ моталъ, а тамъ якъ присѣвъ писать, ажъ смотрю, уже цѣлая книга о Грузіи маранья скопилась... Просимъ не погнѣваться... Все это писалъ человѣкъ, ни слова по-грузински не знающій и отъ роду Грузіи не видавшій“... („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 814—815). Живя въ Петербургѣ, хотя и „по пустыннически“, Евгеній заводитъ очень цѣнныя для него знакомства и связи въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Здѣсь началось его сближеніе съ тогдашнимъ министромъ коммерціи, графомъ Н. П. Румянцовымъ, который даже на придворномъ обѣдѣ у вдовствующей императрицы рекомендуетъ Евгенія, какъ „пріятеля своего и ученаго человѣка“ („Русск. Арх. 1870 г., 826); съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, оберъ-прокуроромъ Св. Синода; съ архіепископомъ Евгеніемъ Булгарисомъ и др.

Въ самомъ началѣ 1804 г. Евгеній былъ назначенъ викаріемъ Новгородской митрополіи, епископомъ Старорусскимъ. „Теперь душа моя на мѣстѣ,—пишетъ онъ Македонцу. Служба была не долга, но крайне тяжела“... („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 835).

Интересны первыя впечатлѣнія Евгенія отъ „ветхаго деньми“ Новгорода. „Онъ мнѣ самыми сѣдинами и меланхолическою унылостію нравится. Я часто со вздохами взираю на мѣсто Ярославля двора, на руины Княжого дому, на щебень Марѳиныхъ палатъ, на мѣстѣ коихъ, кажется, никто со времени смерти ея не осмѣлился еще ставить своего жилья. А Софійскій соборъ! palladium древнихъ Новгородцевъ. Онъ много видалъ около себя происшествій славныхъ и позорныхъ, радостныхъ и плачевныхъ. Онъ всѣ ихъ пережилъ, былъ увѣшиваемъ и трофеями и омываемъ слезами. Такой старецъ достоинъ низкаго поклона отъ всякаго мимоходящаго. И онъ то у меня передъ окнами. Я часто, раз-

вертывая, глядя на него, Новгородскую лѣтопись, писанную старинным языкомъ Новгородцевъ, возобновляю въ сердцѣ моемъ при оригинальныхъ ихъ фразахъ ихъ чувствованія, и самъ себѣ кажусь существующимъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ. Вотъ мои упражненія на досугѣ, котораго однакожъ у меня немного къ сожалѣнію моему. Иначе я бы могъ открыть здѣсь многое, сокровенное отъ Русскихъ историописателей". („Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ", т. V—I, стр. 5—6).

Какъ и слѣдовало ожидать, для своихъ научныхъ разысканій Евгеній нашелъ въ Новгородѣ богатѣйшую почву: библіотека и архивъ Софійскаго собора; архивъ архіерейскаго дома и губернскаго правленія; окрестные монастыри. „Объ архивскихъ бумагахъ, великою кучею лежащихъ въ Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ, доношу,—пишетъ Евгеній графу Румянцову,—что онѣ находятся при всходѣ по лѣстницѣ вверхъ, въ чуланѣ, близъ библіотеки верхней. Бумаги сіи въ свиткахъ и листахъ, большею частью епархіальныя, но туда же брошены и многія статьи губернскія, коимъ мѣста не нашли въ прежнихъ присутственныхъ мѣстахъ. Развѣ не выкинута ли уже въ рѣку или въ печи вся сія куча? Я, пріѣхавши въ Новгородъ въ 1804 г., нашелъ и архіерейскаго дома старую архиву, разбросанную по двору и кое-что выбралъ. Въ бывшихъ присутственныхъ мѣстахъ, сгорѣвшихъ въ 1812 г., не было уже старыхъ бумагъ, а давно до того вынесены онѣ подъ Софійскую колокольню. Оставались только въ губернскомъ правленіи двѣ подробныя описи Новгороду 1615 и 1623 годовъ. Но онѣ въ пожарѣ сгорѣли. Къ счастію, я изъ нихъ прежде выписалъ опись Новгородскихъ концовъ, церквей и пятинъ и напечаталъ при моихъ Историческихъ разговорахъ о древностяхъ Великаго Новгорода. Въ Москвѣ 1808 г.". (Переписка, стр. 30). Любопытны подробности поѣздки Евгенія въ Юрьевскій монастырь, гдѣ онъ, какъ извѣстно, нашелъ Мстиславову грамоту, „передовую между всѣми дошедшими древними до насъ грамотами". Ѣхать въ монастырь Евгеній могъ одною изъ двухъ дорогъ: или верхнею, болѣе проѣзжею, но скуч-

ною, или нижнею, близъ Волхова, менѣе удобною, но занимательною. Онъ поѣхалъ нижнею — противъ ожиданія монастырскаго начальства. Близъ самаго монастыря Евгеній встрѣтился съ возомъ, ѣхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инока. На вопросъ, что везетъ инокъ, тотъ отвѣчалъ, что въ возу разный соръ и хламъ, который просто кинуть въ навозную кучу нельзя, а лучше бросить въ рѣку. Подойдя къ возу и приподнявъ рогожу, Евгеній убѣдился, что монахъ везетъ остатки старинныхъ книгъ. Тогда онъ велѣлъ возницѣ вернуться назадъ и предложилъ настоятелю передать эту ненужную для монастыря ветошь въ его распоряженіе. Среди этого „сора и хлама“ оказались такія рѣдкости, какъ листы Псалтыри XI вѣка и отрывки изъ житій св. Кондрата и св. Ѳеклы. („Сборн. Отд. р. яз. и слов“. V—I, стр. 23—24). Плодомъ изученія памятниковъ Новгородской старины явились „Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода“ (М. 1808 г.). „Посылаю книгу мою,—замѣчаетъ Евгеній въ письмѣ къ Македонцу,—для Новгородцевъ написанную, шутя, въ ребяческихъ разговорахъ. Пусть Новгородцы помянутъ, что Евгеній, бывшій у нихъ, не оставилъ безъ вниманія ихъ древнюю славу, которую и сами забыли и почти ничего нынѣ не знаютъ“. („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 865). По плану и подъ руководствомъ Евгенія начато также однимъ изъ Новгородскихъ протопоповъ описаніе Софійскаго собора, порученное впослѣдствіи Амвросію, епископу Старорусскому („Древн. и Нов. Рос.“ 1880 г., № 12, стр. 625).

Съ 1805 г. Евгеній начинаетъ печатать на страницахъ журнала „Другъ просвѣщенія“ свои „записки для россійской литературной исторіи“, которую онъ, по его собственнымъ словамъ, „любитъ по преимуществу“. Это—„Новый опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ“,—трудъ едва-ли не всей жизни Евгенія. „Исторія писателей, — читаемъ въ предисловіи, — есть существенная часть литературы, потому что они составляютъ даже эпохи и періоды ея. Но знать писателей чужестранныхъ есть посторонняя для насъ честь, а не знать своихъ отечественныхъ есть собственный стыдъ нашъ. Отечество наше, недавно

обогатившееся науками, давно однакожъ имѣло своихъ писателей, и въ нѣкоторомъ смыслѣ періодъ нашъ справедливѣе можемъ мы назвать возобновленіемъ и усовершеніемъ, нежели новымъ введеніемъ наукъ въ Россіи. Чтобы увѣриться въ этомъ, стоитъ только обозрѣть списокъ древнихъ и новыхъ нашихъ ученыхъ. Но въ семъ-то способѣ мы бѣднѣе иностранцевъ. За 32 года предъ симъ одинъ патріотъ нашей литературы издалъ опытъ такового сочиненія, принятый съ благодарностью отъ всѣхъ снисходительныхъ любителей нашей словесности, но отъ нѣкоторыхъ строгихъ и взыскательныхъ аристарховъ съ критикою и даже съ бранью. Сочинитель, обѣщавшійся дополнять и поправлять свою книгу, закрылся завѣсою молчанія, а изъ критиковъ никто не захотѣлъ принять на себя труда его. Между тѣмъ книга, несмотря на свое несовершенство, вся вышла, и охотники съ великимъ уже трудомъ успѣваютъ сыскать оную. Не хвалясь большимъ успѣхомъ, мы для удовольствія снисходительныхъ читателей предпріемлемъ здѣсь помѣщать въ каждый мѣсяцъ по нѣскольку статей... Во всѣхъ сихъ статьяхъ мы, сколько успѣемъ, стараться будемъ помѣщать біографическія и особливо ученыя обстоятельства авторовъ, Означимъ также время и мѣсто изданія ихъ сочиненій, о мертвыхъ иногда отважимся сказать свое или другихъ мнѣніе, а о живыхъ все сужденіе предоставимъ потомству, которое одно безпристрастно о нихъ судить можетъ... При всемъ нашемъ желаніи сдѣлаться виновными болѣе въ излишествѣ, нежели въ недостаткѣ, мы напередъ признаемся, что плана сего во всемъ совершенствѣ его мы не выполнимъ, но, по крайней мѣрѣ, утѣшаемся тѣмъ увѣреніемъ, что для пользы соотечественниковъ лучше сдѣлать хотя несовершенное что-нибудь, нежели ничего. И если маркизъ д'Аржанъ въ Бейлевѣ „Историческомъ словарѣ“ замѣтилъ 583 неисправности, если и 19 изданій Моріеріева „Историческаго словаря“, обрабатываемаго многими ученѣйшими людьми, не сдѣлали его еще совершеннымъ, ни даже исправнымъ, то чего можно строго взыскивать отъ вторичнаго опыта въ семъ родѣ сочиненія нашей литературы?... Легко можетъ статься также, что отъ забвенія пропустимъ

мы многихъ достойнѣйшихъ нашихъ писателей или ихъ сочиненія и переводы (такъ, какъ Бейль пропустилъ Цицерона и другихъ великихъ людей). Но въ такомъ случаѣ просимъ всякаго доброжелательнаго читателя, вмѣсто обвиненія насъ, дополнять и поправлять недостатки наши. Всѣ дополненія и исправленія мы будемъ принимать и помѣщать въ семъ же журналѣ".

Всего, въ продолженіи двухъ лѣтъ, было напечатано 298 статей: первая—объ Аблесимовѣ, а послѣдняя—о Кирилловѣ Иванѣ. Въ концѣ 24-ой книжки „Друга Просвѣщенія" помѣщено было такое послѣсловіе „къ читателямъ": „Издатели журнала „Другъ просвѣщенія" имѣютъ честь объявить почтенной публикѣ, что, по причинѣ обстоятельствъ, помянутое изданіе на слѣдующій годъ продолжаться не будетъ, и при семъ прекращается и изданіе сего Опыта Историческаго Словаря. Со временемъ можетъ быть издатели постараются напечатать его особою книгою, а при семъ за долгъ почитаютъ предъ публикою принести искреннюю свою благодарность всѣмъ споспѣшествовавшимъ сему Опыту сообщеніями разныхъ біографическихъ и литературныхъ извѣстій, и даже цѣлыхъ статей, наипаче о писателяхъ новѣйшихъ и живыхъ. Но вмѣстѣ за долгъ почитаютъ и признаться, что, несмотря на все ихъ тщаніе издать сколько можно исправнѣе статьи сіи, не мало просмотрѣно въ нихъ ошибокъ историческихъ и безчисленное множество типографическихъ, иногда портящихъ даже и связь и смыслъ рѣчи. Съ своей стороны читатели, конечно, могли замѣтить множество и такихъ погрѣшностей, которыхъ издатели сами еще не замѣчаютъ. Впрочемъ, всякая справедливая поправка или безпристрастное замѣчаніе о какихъ-либо писателяхъ приняты будутъ отъ издателей съ искреннею признательностью".

Съ прекращеніемъ журнала „Другъ просвѣщенія" Евгеній, однако, не оставляетъ работъ надъ Словаремъ и въ концѣ 1812 г. отправилъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей огромный фоліантъ въ 1110 листовъ, „съ тѣмъ, что буде Общество, по разсмотрѣніи, его одобритъ: то онъ предоставляетъ Обществу напечатать его".

Въ Обществѣ Исторіи и Древностей рукопись пролежала совершенно безрезультатно до 1818 г., когда Евгенію пришла мысль отдѣлить писателей духовнаго чина отъ свѣтскихъ и напечатать біографіи первыхъ особымъ изданіемъ, на средства „кассира русской словесности“ графа Румянцова и при близкомъ участіи Анастасевича. Словарь вышелъ въ свѣтъ въ Октябрѣ 1818 г., но въ такомъ, по признанію самого Евгенія, „жалкомъ“ и „несчастномъ“ видѣ, что отъ него готовы были отречься и составитель и издатель. „Когда Анастасевичъ принесъ мнѣ,—пишетъ Румянцовъ Евгенію въ письмѣ отъ 21-го Октября,—одинъ экземпляръ напечатаннаго важнаго Словаря духовныхъ россійскихъ писателей, я восхищался тѣмъ, что въ состояніи былъ о появленіи сего преполезнаго сочиненія дать отчетъ Вашему Преосвященству; но радость моя скоро перемѣнилась на печаль, когда я усмотрѣлъ, что сіе для меня по многимъ причинамъ драгоцѣнное сочиненіе издается въ свѣтъ такъ дурно, что едва-ли есть хуже сего изданія; могъ-ли я ожидать отъ г. Анастасевича, къ коему съ полною довѣренностью обратился я, сложивъ на него одного всё попеченіе, такое явное небреженіе, и тѣмъ для меня удивительнѣе, что онъ Вамъ, кажется, совершенно преданъ и мною быть довольнымъ имѣетъ причину. Я точно требовать буду, чтобы первый листъ всякаго тома перемѣненъ былъ; не принесетъ мнѣ почести, а неминуемо подвергнетъ меня осужденію, что на сихъ листахъ сказано, что изданію таковому я причиною“. (Переписка, стр. 13). Отвѣчая на это письмо графа (4 Ноября 1818 г.), Евгеній тоже „жалуется на жалкое изданіе“ и при этомъ добавляетъ: „та же причина, по которой Ваше Сіятельство лишили оное патріотическаго своего имени въ заглавіи, убѣдила и меня не означать имени сочинителя и не прилагать никакого предисловія“... (Переписка, стр. 14). Одновременно Евгеній начинаетъ подготовлять матеріалы для 2-го изданія Словаря, „во многихъ статьяхъ пополненнаго, поправленнаго, а индѣ вновь совершенно передѣланнаго. Dies diem docet“... Посылая 1-й томъ Анастасевичу, въ концѣ Января 1822 г., онъ проситъ пересмотрѣть всѣ

статьи, нѣтъ-ли ошибокъ „особливо въ хронологіи“, а затѣмъ передать рукопись въ цензуру Красовскому: „Къ сему,—замѣчаетъ Евгеній,—NB: если бы онъ вздумалъ о сей книгѣ сноситься съ духовною цензурою, всячески отклоните сіе. Вы знаете недоброхотство ко мнѣ нашихъ. Они затруднятъ выпускъ. Растолкуйте, что книга сія и прежде вышла изъ гражданской цензуры и притомъ она не догматическая, а литературная, историческая“... („Древн. и Нов. Рос.“ 1881 г., № 2, стр. 309). Первая часть Словаря была разрѣшена къ напечатанію 27 Февраля 1822 г., а 2-ая 29 Декабря того же года, но въ свѣтъ Словарь могъ быть выпущенъ лишь въ 1827 г.,—„иждивеніемъ“ книгопродавца Глазунова.

„Нѣтъ нужды, полагаю,—писалъ Погодинъ,—говорить много о пользѣ и даже необходимости, слишкомъ очевидной, подобныхъ словарей въ литературѣ. Они весьма много облегчаютъ труды ученыхъ, занимающихся науками, къ области которыхъ относятся. Такъ, съ объявляемымъ здѣсь Словаремъ часто будетъ справляться при изслѣдованіяхъ и историкъ русскій, и литераторъ, и филологъ, и даже неученый читатель, и всякій разъ получитъ отвѣтъ удовлетворительный о нужныхъ для себя лицахъ. Кромѣ сей пользы, общей сему Словарю со всѣми подобными сочиненіями, онъ имѣетъ еще свое особливое достоинство: въ немъ находится множество новыхъ матеріаловъ и множество указаній на новые матеріалы исторіи русской политической, церковной, литературной,—матеріалы, о коихъ не было у насъ никакого свѣдѣнія. Сочиненіе его сопряжено было съ великими затрудненіями, и только особенное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ привело сочинителя въ состояніе составить оный... Отечественные ученые должны принести благодарность сочинителю за то, что онъ не упустилъ случая воспользоваться встрѣтившимися средствами. Сколько, къ сожалѣнію, видимъ мы людей, которые, обладая у насъ драгоцѣнными матеріалами, ни сами не созидаютъ, ни другимъ не даютъ созидать зданія!..“ („Московск. Вѣстн.“ 1827 г., № 18, стр. 187—192). Другая половина библіологическаго труда Евгенія—Словарь

свѣтскихъ писателей—издана уже по кончинѣ Евгенія, въ 1845 г., благодаря Погодину. Что же касается I-го тома „Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи", вышедшаго въ 1838 г. (на буквы отъ А до Г), то, по компетентному разъясненію А. Ѳ. Бычкова, „изданіе это нельзя назвать трудомъ Евгенія, хотя онъ видѣлъ и одобрилъ первыхъ пять отпечатанныхъ листовъ". („Сборн. Отд. р. яз. и сл." V—1, стр. 237). По справедливому замѣчанію П. П. Пекарскаго, „можно смѣло сказать, что изъ тогдашнихъ русскихъ ученыхъ одинъ только митр. Евгеній былъ въ состояніи предпринять подобный трудъ, который требовалъ и огромной начитанности, наблюдательности и близкаго знакомства съ самыми разнообразными матеріалами, въ тѣ времена далеко еще не совсѣмъ извѣстными... Впослѣдствіи, при болѣе внимательныхъ разысканіяхъ, а также при большей доступности разныхъ матеріаловъ, стали въ немъ открываться,—какъ и слѣдовало ожидать въ такомъ обширномъ трудѣ,—недостатки, неполноты и т. п., но при всемъ томъ нерѣдко можно замѣтить, что многіе изъ порицателей и поправителей митр. Евгенія пользовались и пользуются, если можно выразиться такъ, канвою, заготовленною этимъ достойнымъ ученымъ... Словарь сдѣлался краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ почти изслѣдованій по части нашей духовной литературы"... („Записки Имп. Акад. Наукъ" 1863 г., т. IV, кн. 1, стр. 87—90). „Съ появленіемъ Словаря Евгенія,—добавляетъ акад. М. И. Сухомлиновъ,—началось въ нашихъ университетахъ систематическое преподаваніе исторіи русской литературы... Въ своемъ словарѣ русскихъ писателей Евгеній далъ превосходные, для своего времени, образцы и научнаго изслѣдованія, и литературной критики, и вмѣстѣ съ тѣмъ картину всей русской литературы, собралъ множество данныхъ, рисующихъ движеніе нашей умственной жизни"... Составленные Евгеніемъ словари духовныхъ и свѣтскихъ русскихъ писателей должно назвать „первообразомъ и главнѣйшимъ не только пособіемъ, но весьма часто даже источникомъ для трудовъ по исторіи русской литературы вообще"... („Исторія

Россійск. Академіи", т. VII, стр. 262—269; „Журн. Мин. Нар. Пр." 1871 г., Авг., стр. 161). Къ Словарямъ Евгенія приходится обращаться и современному изслѣдователю, такъ какъ за утратою многихъ матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи составителя, эти Словари пріобрѣтаютъ цѣну первоисточника.

Въ Новгородѣ Евгеній озабоченъ и изданіемъ Исторіи Россійской Іерархіи, задуманной еще въ Петербургѣ, а можетъ быть и въ Воронежѣ. Въ своей автобіографіи митр. Евгеній пишетъ, что Исторія россійск. іерархіи „вся подъ его руководствомъ, разсмотрѣніемъ и цензурою начата и окончена", а въ одномъ изъ писемъ къ Анастасевичу поясняетъ, что ему принадлежитъ добрая половина этого труда, что онъ „началъ и собралъ матеріалы, а изданіе только пополнить поручилъ о. Амвросію". („Древн. и Нов. Рос." 1880 г., III, стр. 355). И Амвросій въ ненапечатанномъ предисловіи къ 1-ой части Исторіи россійской іерархіи говоритъ, что онъ, „издатель", пользовался „личнымъ и всегдашнимъ чрезъ все продолженіе труда руководствомъ, наставленіемъ и поощреніемъ преосв. Евгенія". Какъ бы то ни было, въ Исторіи россійской іерархіи перу Евгенія принадлежатъ статьи: „Всеобщее хронологическое обозрѣніе учрежденія и распространенія россійскихъ духовныхъ училищъ" (ч. I), „Всеобщее введеніе въ исторію монастырей Грекороссійской церкви" (ч. II), „Описаніе Псковскаго монастыря" (ibid.), а также и описаніе всѣхъ Вологодскихъ и Воронежскихъ монастырей, разсѣянное по разнымъ частямъ „Исторіи", начиная съ III-й. Изъ болѣе мелкихъ статей слѣдуетъ назвать очерки о Ниловомъ скитѣ, о Новгородской семинаріи и упраздненныхъ Новгородскихъ монастыряхъ (ч. IV).

Между древними рукописями Новгородскаго Софійскаго собора Евгеніемъ найдено было и приготовлено къ печати „Хожденіе" игумена Даніила. „Эта находка,—пишетъ Евгеній А. А. Нартову 13 Іюня 1807 г.,—для русской словесности, кажется, должна быть драгоцѣнна. Я уже изъ четырехъ списковъ свелъ и исправилъ текстъ. Теперь дѣлаю кое-какія примѣчанія". (М. И. Сухомлиновъ. Истор. Рос. Акад. VII,

стр. 272). Въ 1813 или 1814 г. Евгеній отправилъ свой трудъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей, гдѣ онъ, повидимому, и былъ затерянъ. Во всякомъ случаѣ, по свидѣтельству М. А. Веневитинова, „ни одинъ изъ издателей Даніилова „Хожденія“ не воспользовался сводами Евгенія“. („Лѣтопись занятій Археогр. Коммис.“ VII, стр. 18).

24-го Ноября 1806 г., по предложенію Державина, Евгеній былъ единогласно избранъ въ члены Россійской Академіи. „Но симъ титломъ,—замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Городчанинову,—я не льщусь, потому что въ Академіи сей всякая всячина набита въ членство, даже и такіе, которые отъ роду никогда ничего не писывали Русскаго“... („Сборн. Отд. р. яз. и слов.“ V—1, стр. 50—51). [1]).

Изъ Новгорода Евгенія перевели (24 Янв. 1808 г.) на Вологодскую каѳедру. Результатомъ пятилѣтняго пребыванія въ Вологдѣ явился рядъ трудовъ по исторіи сѣверо-восточныхъ монастырей: „Всеобщее введеніе въ исторію монастырей греко-россійскія церкви“ (напечатано во II-ой части Исторіи россійской іерархіи), „Описаніе Псковскаго монастыря“ (тамъ же), „Описаніе (88) монастырей Вологодской епархіи, нынѣ находящихся и прежде бывшихъ“ (III—VI ч. Исторіи россійской іерархіи), „Историческое свѣдѣніе о Вологодской епархіи и о Пермскихъ, Вологодскихъ и Устюжскихъ преосвя-

---

[1]) По поводу такого отношенія Евгенія къ Россійской Академіи историкъ послѣдней, М. И. Сухомлиновъ, замѣчаетъ, что „иначе и быть не могло. Россійская академія не представляла того, что имѣло большое значеніе въ глазахъ Евгенія. Въ ней не было тогда ни духа науки, ни крупныхъ талантовъ, ни вѣрнаго взгляда на цѣль и направленіе академической дѣятельности. Вмѣсто дружной семьи просвѣщенныхъ тружениковъ, въ академіи работалъ, собственно говоря, только одинъ человѣкъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы труды его не прошли даромъ. Но водворяемое имъ направленіе не обѣщало большого добра и не могло возбуждать особеннаго сочувствія. Проницательный и чуткій Евгеній ясно понималъ, къ чему поведетъ такой порядокъ вещей, такое отчужденіе отъ всего того, что заключало въ себѣ залогъ движенія и жизни въ литературѣ, а слѣдовательно и въ литературномъ языкѣ. Въ то самое время, когда Евгеній указывалъ на пользу и необходимость знакомства съ произведеніями современной литературы, съ языкомъ нашихъ новыхъ писателей, съ журнальными статьями Карамзина и его послѣдователей,—въ Россійской Академіи воздвигалось на нихъ безпощадное гоненіе“ (Ист. Рос. Акад. VII, стр. 269—270).

щенныхъ архіереяхъ", и др. Къ тому же времени относятся напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы" статьи: „Замѣчанія на Новгородскія грамоты" (1813 г., № 12), „О личныхъ собственныхъ именахъ у Славено-Руссовъ" и „О разныхъ родахъ присягъ у Славено-Руссовъ" (1813 г., № 13), „О Славенорусскихъ типографіяхъ" (1813 г., № 14), „О древностяхъ Вологодскихъ и Зырянскихъ" (1813 г., № 17), „Объ уставныхъ и губныхъ грамотахъ" (1813 г., № 21—23),—а также переводъ труда Адама Селлія „Schediasma litterarium de scriptoribus, qui Historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt" („Каталогъ писателей, сочиненіями своими объясняющихъ гражданскую и церковную россійскую исторію". М. 1815 г.).

Изъ Вологды, въ началѣ 1812 г., Евгеній послалъ въ Россійскую Академію, на имя президента Нартова, и свое „Изслѣдованіе о славянскомъ переводѣ Священнаго Писанія". Предварительное разсмотрѣніе этого труда Евгенія было поручено Академіею своему сочлену, Тверскому архіепископу Меѳодію, который пришелъ къ заключенію, что „вышепомянутое сочиненіе не можетъ быть назначено къ напечатанію, а должно передать его благоразсмотрѣнію Святѣйшаго Правительствующаго Синода". „При разсматриваніи" рецензентъ нашелъ: 1-е, что вообще въ семъ сочиненіи (кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ несходствъ съ извѣстными въ нашей церкви преданіями и положеніями) вводятся неосновательные разсказы иностранцевъ, какъ-то: Балдиновы, Ганкенстеиновы, Шлецеровы и др. . . . 2-е. Ослабляется или вовсе отвергается принятое уже у насъ Несторово повѣствованіе относительно времени, въ каковое переведены Священныя Книги съ греческаго на славянскій языкъ. . . . 3-е. Къ концу помянутаго сочиненія . . . выставляются разнорѣчія списковъ Священнаго Писанія въ славянскомъ переводѣ — непредусмотрительно, поелику отъ таковыхъ разнорѣчій, частію сдѣлавшихся извѣстными, и безъ того много вышло шуму въ народѣ; и 4-е. Сочиненіе то относить къ россійской литературѣ или, иначе сказать, словесности, никакъ не можно: оно есть прямо церковное и нѣкоторымъ образомъ принадлежащее къ христіанскому

благочестію". (Сухомлиновъ. Истор. Рос. Академ. VII, стр. 276—78). Узнавъ о намѣреніи Академіи представить „Изслѣдованіе о переводѣ Св. Писанія" на разсмотрѣніе Св. Синода, Евгеній попросилъ возвратить ему рукопись, чтобы самому распорядиться дальнѣйшею судьбою своего труда.

Въ Калугѣ, куда Евгеній былъ назначенъ епископомъ осенью 1813 г. и оставался до весны 1816 г., онъ занятъ, главнымъ образомъ, составленіемъ „Исторіи славено-русской церкви", начатой, повидимому, въ Вологдѣ. Трудъ этотъ цѣликомъ въ печати не появлялся и хранится въ рукописяхъ Кіево-Софійскаго собора и С.-Петербургской духовной академіи. „Исторія славено-русской церкви" состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Въ „Введеніи" идетъ рѣчь о древнѣйшемъ вѣроисповѣданіи и богопочитаніи славеноруссовъ до обращенія ихъ къ вѣрѣ Христовой и о началѣ проповѣди евангелія. I глава—объ основаніи и распространеніи славено-россійской іерархіи при князѣ Владимирѣ; II—о правахъ, преимуществахъ и уставахъ первой славено-русской церкви; III—о распространеніи россійской іерархіи при князѣ Ярославѣ Владимировичѣ и объ установленіи всероссійской митрополіи въ видѣ экзархіи Константинопольскаго патріарха; IV—о началѣ Кіевопечерскаго монастыря и монашескаго въ Россіи общежительства и о введеніи Студитскаго устава; V—о происшествіяхъ Славенорусскія церкви при наслѣдникахъ Ярославовыхъ, великихъ князьяхъ Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ и при всероссійскихъ митрополитахъ Иларіонѣ, Георгіи, Іоаннѣ I, Іоаннѣ II и Ефремѣ. Особенно много мѣста удѣлено въ „Исторіи" вопросамъ о славено-русской языческой миѳологіи и о христіанствѣ въ Россіи до 988 г. (Подробн. см. Н. Полетаевъ. Труды митр. Кіевскаго Евгенія Болховитинова по исторіи русской церкви. Каз. 1889 г., стр. 436—526; Д. Сперанскій. Опыты митр. Евгенія по составленію полной исторіи Русской церкви—„Странникъ" 1887 г., № 6—7, стр. 266—85). „Исторія славено-русской церкви",—справедливо замѣчаетъ проф. Е. Шмурло,—„можетъ не удовлетворять наше время, но она была серьезной попыткой дать цѣльное и связное изображеніе судебъ русской церкви вполнѣ на основѣ тѣхъ

научныхъ требованій, какъ они понимались современниками Евгенія". (Указ. соч. стр. 390—91). Какъ на очень любопытную подробность, слѣдуетъ указать на высказанное Евгеніемъ (глава V, § 252) предположеніе, что изъ-за „смутныхъ обстоятельствъ" на Кіевскомъ престолѣ и „происковъ римскаго двора" всероссійскій митрополитъ Иларіонъ въ 1071 г., оставивъ свой престолъ, принялъ схиму подъ именемъ Ефрема [1]). Но въ Исторіи Кіевской іерархіи достовѣрность преданія о принятіи митр. Иларіономъ схимы Евгеній оставляетъ подъ большимъ сомнѣніемъ.

Въ связи съ работами надъ „Исторіею славено-россійской церкви" стоитъ, вѣроятно, и сдѣланный подъ руководствомъ Евгенія переводъ Шлёцерова „Nestor'a", хранящійся въ библіотекѣ Кіевскаго Софійскаго собора.

Весною 1816 г. Евгеній переходитъ на Псковскую архіепископію. Привѣтствуя владыку съ новымъ назначеніемъ, графъ Румянцовъ пишетъ ему: „Въ изслѣдованіяхъ древней Россійской исторіи я отличной пользы отъ того ожидаю, что толь знаменитый ученостію мужъ нынѣ Псковскою епархіею управляетъ. Вѣроятно, что богатое подъ спудомъ тамъ хранится сокровище и предопредѣлено, можетъ быть, было судьбами къ обработанію тому, кто болѣе другихъ къ сему способенъ... Питаю надежду, что мы пребыванію вашему во Псковѣ наконецъ обязаны будемъ появленіемъ ученой лѣтописи сего для исторіи нашей любопытнаго края". (Переписка, стр. 5). Дѣйствительно, по признанію самого Евгенія, онъ „нигдѣ еще такъ довольно, спокойно и для наукъ досужно не живалъ, какъ въ Псковѣ... Бѣдный Псковъ для меня пріятнѣе богатой столицы". Занявшись съ самаго пріѣзда въ Псковъ „собираніемъ монастырскихъ грамотъ и другихъ извѣстій, сверхъ собранныхъ уже изъ печатныхъ лѣтописей и надписей, и изданныхъ, Евгеній въ Ноябрѣ 1818 г. сообщаетъ графу Румянцову, что „Псковскую исторію

[1]) Ср. М. Д. Приселковъ. Митр. Иларіонъ, въ схимѣ Никонъ, какъ борецъ за независимую Русскую церковь въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову", стр. 188—201, и Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв., СПБ. 1913 г.

въ чернѣ давно уже кончилъ". (Переписка, стр. 14). Подъ „Псковской исторіей" здѣсь разумѣется „Исторія княжества Псковскаго", третья часть которой спеціально посвящена исторіи Псковской церковной іерархіи. Въ печати этотъ трудъ появился лишь въ 1821 г., когда Евгеній былъ уже въ Кіевѣ. За „Псковской исторіей" слѣдуетъ описаніе шести Псковскихъ монастырей (Печерскаго, Святогорскаго Успенскаго, Іоанно-Предтечева, Никандровой пустыни, Іоанно-Богословскаго Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снѣтогорскаго) и „Лѣтопись древняго Славенорусскаго княжескаго города Изборска". Въ этихъ, какъ и въ другихъ своихъ работахъ Евгеній не вдается ни въ какія критическія изслѣдованія, ограничиваясь лишь приведеніемъ въ систематическій порядокъ собранныхъ матеріаловъ, но нельзя не согласиться съ критикомъ „Московскаго Телеграфа", что „еслибы о всѣхъ губерніяхъ россійскихъ были написаны подобныя исторіи, то это безконечно облегчило бы изысканія бытописателей и статистиковъ нашего отечества". (1831 г., №№ 22, стр. 249—251, и 24, стр. 488—489). Въ Псковѣ Евгеніемъ закончены начатыя въ Новгородѣ „Замѣчанія на грамоту великаго князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новгородскаго, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю" („Вѣстн. Европы" 1818 г., №№ 15, 16 и 20; „Труды и лѣтоп. Общ. Ист. и Др. Рос." III—I, стр. 3—64). По отзыву Срезневскаго, которому принадлежитъ новѣйшее изданіе этого памятника, „Замѣчанія" Евгенія на Мстиславову грамоту, сдѣланныя въ то время, когда у насъ еще почти не было попытокъ трудовъ такого рода, не потеряли своего значенія и теперь „какъ образецъ... между прочимъ и въ палеографическомъ отношеніи, указывая, какъ надобно издавать памятники древняго письма и вглядываться въ особенности ихъ написанія". („Сборн. Отд. р. яз. и слов." V—I, стр. 29).

24 Января 1822 г. Евгеній былъ назначенъ архіепископомъ Кіевскимъ, а 16 Марта возведенъ въ санъ митрополита. Въ Кіевъ Евгеній прибылъ 11 Апрѣля, а 11 Октября пишетъ профессору Перевощикову въ Дерптъ: „Въ Кіевѣ нашелъ я весьма много

любопытныхъ книгъ польскихъ, касающихся до Кіева и Россіи. Жаль только, что мало имѣю досуга читать ихъ, и все почти чтеніе мое занимаютъ епархіальныя дѣла, крайне запутанныя". Та же жалоба и въ письмѣ къ Перевощикову отъ 6 Декабря: „Много мнѣ трудовъ въ Кіевѣ. Но еслибы я уменьшилъ ихъ хотя на одинъ день, то слѣдующій былъ бы вдвое, третій втрое и такъ далѣе тяжелѣе; ибо наша должность, не какъ ваша, измѣряется не временемъ, а числомъ дѣлъ. А епархія Кіевская втрое больше числомъ церквей, нежели Псковская; некогда даже газетъ, а тѣмъ меньше журналовъ, прочесть". („Русск. Арх." 1890 г., т. III, стр. 439—440). Несмотря на обиліе и трудность дѣлъ по управленію митрополіею, пребываніе Евгенія въ Кіевѣ—„на классической сей землѣ древностей нашихъ" — ознаменовалось нѣсколькими очень цѣнными работами по изученію мѣстной старины, дающими поводъ графу Румянцову назвать Евгенія „единственнымъ путеводителемъ" при изслѣдованіяхъ Кіевскихъ древностей: „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и исторія Кіевской іерархіи" (1825 г.); „Описаніе Кіево-Печерской Лавры" (1826 и 1831 г.); „Кіевскій мѣсяцесловъ, съ присовокупленіемъ разныхъ статей, къ Россійской исторіи и Кіевской іерархіи относящихся" (1832 г.). Подъ редакціею Евгенія и съ его добавочными статьями изданъ также „Кіевскій Синопсисъ" Иннокентія Гизеля (1823 и 1836 г.). „Кіевскій мѣсяцесловъ", одобренный къ печати Кіевскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ 22 Сентября 1827 г. и уже напечатанный въ типографіи Печерской Лавры въ 1832 г., встрѣтилъ цензурныя „помѣхи" и, по порученію Синода, въ 1834 г. былъ переданъ для новаго разсмотрѣнія въ Московскій духовно-цензурный комитетъ. Въ концѣ концовъ состоялось такое опредѣленіе Св. Синода: „Кіевскій Мѣсяцесловъ" и пр. разрѣшить выпустить въ свѣтъ въ настоящемъ видѣ,—съ тѣмъ, однакожъ, чтобы тѣ листы, на коихъ объ иконѣ Байбузской Божіей Матери что-либо напечатано, непремѣнно были перепечатаны нынѣ же... и чтобы впредь, при будущемъ изданіи, оная книга была снова препровождена въ цензурный комитетъ для исправленія и прежде напечатанія представлена

еще на разсмотрѣніе въ Св. Синодъ"... (Н. Полетаевъ. Труды митр. Кіевск. Евгенія Болховитинова. Прил., стр. 11—17). Изъ Кіева, въ концѣ 1824 г., Евгеній былъ вызванъ въ Петербургъ для ближайшаго участія въ дѣлахъ церковнаго управленія. „Намъ предстоитъ,—писалъ Евгенію А. С. Шишковъ,—общій и весьма тяжелый трудъ и борьба, но Богъ поможетъ намъ. Онъ подкрѣпитъ наши силы и не допуститъ мерзости и запустѣнію быть на мѣстѣ святѣ"... („Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос." 1868 г., III, стр. 79—80). Еще больше обрадовался вызову Евгенія архимандритъ Фотій: „Святая и православная наша церковь торжествуетъ: вѣра Христова наша на орлѣ православія всюду летаетъ. И такъ прилети ты къ намъ, святитель Божій: тебя зоветъ, желаетъ, ожидаетъ церковь, нуждаясь въ тебѣ; тебя помазанникъ Божій знаетъ, какъ святителя Божіяго; тебя сонмъ православныхъ и новый нашъ святитель Николай, съ новымъ Георгіемъ, знаютъ, какъ столпа святыя церкви, за законы отеческіе ревнителя, пастыря и учителя правовѣрнаго. Скажу же тебѣ и радость велію, что богоборное скопище, яко адъ, возстена и сокрушися силою Христовою, и уже престало время свѣтильнику быть подъ спудомъ... Почти небывалое дѣло дѣется нынѣ, что изъ Богоспасаемаго Кіева грядетъ святитель во градъ св. Петра на дѣло Божіе. Чудо сіе есть чудо для людей, а не для Бога нашего"... (Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ половинѣ XIX ст. СПБ. 1894 г., стр. 246—247). Однако, надежды Фотія и Шишкова на Евгенія оправдались лишь въ незначительной степени, такъ какъ Евгеній по прежнему больше интересовался учеными изысканіями, чѣмъ церковно-политическими проектами. 14 Декабря 1825 г. Евгенію пришлось быть близкимъ свидѣтелемъ событій на Сенатской площади. По желанію государя Евгеній съ митрополитомъ Серафимомъ выѣзжалъ на площадь для духовнаго увѣщанія мятежниковъ („Русск. Стар." 1870 г., II, стр. 154).

23-го февраля 1837 г. Евгенія не стало. „Малый и тѣсный придѣлъ церковный (въ Софійскомъ соборѣ),—пишетъ Аскоченскій,—служитъ теперь надгробнымъ памятникомъ тому,

кто, не довольствуясь умнымъ дѣланіемъ въ настоящемъ, жилъ мыслію и думами въ далекомъ прошедшемъ, воскрешая забытую память отжившихъ предковъ. Мѣдная вызолоченная доска, похожая на ту, которая стоитъ въ Кіевскихъ пещерахъ при мощахъ преподобнаго Нестора съ краткою эпитафіею и словами пророка: „Помянухъ дни древнія и поучихся". Эти слова краснорѣчиво характеризуютъ покоящагося тамъ знаменитаго іерарха"... (В. И. Аскоченскій. Истор. Кіевск. Акад., 168—170).

Въ высшихъ духовныхъ сферахъ Евгеній, повидимому, не пользовался большими симпатіями, и въ его перепискѣ неоднократно встрѣчаются жалобы на „недоброхотство и пересуды своей братіи", на „враговъ и гонителей". Въ этомъ отношеніи очень интересно письмо князя А. Н. Голицына, оберъ-прокурора Св. Синода, къ Фотію Юрьевскому отъ 23 Янв. 1823 г. „Я желаю спросить васъ,—пишетъ Голицынъ,—о Евгеніи Кіевскомъ, знаете-ли вы его лично или по чьимъ словамъ? Я вамъ откровенно скажу, что я въ немъ нахожу какую-то холодность къ паствѣ его, когда онъ былъ въ другихъ епархіяхъ,—я говорю о душахъ и о спасеніи ввѣренной паствы; потомъ всѣ ученые свѣтскіе его очень любятъ, и въ его здѣсь (въ Петербургѣ) пребываніе безпрестанно онъ съ ними былъ, а нѣкоторые изъ нихъ вольнодумцы. Самъ я его видѣлъ нѣсколько разъ; видъ его находилъ почтеннымъ; въ разговорахъ основателенъ, а говорилъ болѣе объ устройствѣ и экономіи епаршеской, но не распространялся со мною о духовныхъ матеріяхъ и былъ со мною генерально скрытенъ... Вотъ я вамъ сказалъ, что мнѣ въ немъ казалось; я бы желалъ знать, коротко-ли вы его знаете и ежели имѣете вѣрныя объ немъ свѣдѣнія, я очень радъ буду ошибиться, ибо я иного не желаю, какъ отыскивать людей для служенія церкви Господней. Ничего нѣтъ сего важнѣе. Что хочешь устраивай и пиши, ежели нѣтъ исполнителей, боящихся Бога и любящихъ Его, ничего добраго не будетъ". („Русск. Стар." 1882 г., т. XXXIV, 431). Съ нѣкоторою подозрительностью относились и къ ученымъ изысканіямъ Евгенія—за ихъ нѣсколько раціоналистическій

оттѣнокъ. „Странно,—замѣчаетъ проф. Малышевскій,—что этотъ знаменитый іерархъ-ученый, членъ столькихъ ученыхъ обществъ, чествуемый уже тогда (20 и 30 годы) всѣми свѣтскими представителями современной учености, повидимому, не видѣлъ полнаго признанія своихъ достоинствъ, какъ ученаго, со стороны представителей или авторитетовъ духовной науки. Тогда какъ не было, кажется, ни одного ученаго общества въ Россіи, гдѣ бы онъ не былъ избранъ въ члены, двѣ духовныя академіи не имѣли его членомъ своихъ конференцій. Будучи докторомъ медицины, онъ не былъ докторомъ богословія, хотя докторство это, раздававшееся, правда, не щедро, всѣтаки доставалось въ его или ближайшее къ нему время лицамъ, далеко не столько ученымъ, какъ онъ. Это, думаемъ, объясняется наиболѣе тѣмъ, что въ Евгеніи не замѣчали сильнаго догматика или оратора, блеска ума теоретическаго и искусства логическаго, быть можетъ забывая о великомъ значеніи и достоинствѣ его историко-археологической учености. За то и Евгеній, какъ кажется, не очень высоко цѣнилъ подобный блескъ и искусство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыхъ докторовъ богословія“ („Труды Кіевск. дух. Акад.“ 1867 г., т. IV, стр. 37—38).

Кромѣ очень значительнаго количества учено—литературныхъ работъ, изъ которыхъ многія и до сихъ поръ еще не изданы [1]), послѣ Евгенія осталась обширная переписка, дающая богатѣйшій матеріалъ для характеристики Евгенія и какъ ученаго, и какъ человѣка. Въ разное время Евгеній переписывался: съ графомъ Н. П. Румянцовымъ [2]), съ Державинымъ [3]), съ В. Г. Анастасевичемъ [4]), съ графомъ Д. И.

---

[1]) Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ Евгенія за время 1785—1804 г.г. см. въ „Библіографѣ“ 1887—1888 г.г.

[2]) Переписка митр. Кіевск. Евгенія съ государственнымъ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ и съ нѣкоторыми другими современниками (съ 1813 по 1825 г. включительно). Изд. Воронежск. Губернск. Статист. Комит. В. I—Ш. Ворон. 1868—72 г.

[3]) Сборн. статей, читан. въ Отдѣленіи русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. Т. V, вып. I, стр. 65—87; Я. Гротъ. Жизнь Державина по его сочин. и письм. и по историч. документ. Т. I—II. СПБ. 1880—83 г.

[4]) „Древн. и Нов. Россія“ 1880 г., III и 1881 г., № 2; „Русскій Архивъ“ 1889 г., II.

Хвостовымъ [1]), съ профессоромъ Казанскаго Университета Г. К. Городчаниновымъ [2]), съ В. И. Македонцемъ [3]), съ профессоромъ Дерптскаго Университета В. М. Перевощиковымъ [4]), съ В. С. Сопиковымъ [5]), съ Востоковымъ [6]), съ Калайдовичемъ [7]), Кеппеномъ [8]), А. А. Нартовымъ [9]) А. Н. Олениннымъ [10]), Погодинымъ [11]), барономъ Г. А. Розенкампфомъ [12]), И. М. Снегиревымъ [13]), Х. М. Френомъ [14]) и мн. др.

По вѣрному замѣчанію издателя переписки Евгенія съ Городчаниновымъ, архимандрита Макарія, въ письмахъ „видѣнъ духъ преосв. Евгенія гораздо болѣе, нежели въ другихъ его ученыхъ произведеніяхъ,—видѣнъ во всемъ величіи и простотѣ. Необыкновенный умъ, изящный вкусъ, теплота души, нѣжность чувствъ, твердый и открытый характеръ; а вмѣстѣ съ симъ часто открывается и духъ того времени, особенно въ отношеніи къ литературѣ и тогдашнимъ вопросамъ". („Журн. Мин. Нар. Пр." 1857 г., т. XCIV, стр. 2—3).

Для графа Румянцова Евгеній—незамѣнимый „совѣтникъ", „другъ", „учитель и наставникъ", „мужъ ученый".

---

[1]) Сборн. стат., читан. въ Отдѣл. р. яз. и слов. Акад. Наукъ. Т. V—I. стр. 97—210.

[2]) „Журн. Мин. Нар. Просв." 1857 г., Апрѣль, Отд. VII, стр. 1—23.

[3]) „Русск. Архивъ" 1870 г., стр. 769—80.

[4]) „Русск. Архивъ" 1890 г., т. III, № 12.

[5]) „Древн. и Нов. Рос." 1881 г., № 2, стр. 314—17.

[6]) Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго—въ Сборн. статей, читан. въ Отд. р. яз. и слов. Акад. Н. V—2.

[7]) А. Ивановскій. Митр. Кіевск. и Галицк. Евгеній. СПБ. 1872 г., стр. 29—31.

[8]) „Журн. Мин. Нар. Просв." 1867 г., № 12, стр. 727—28, 732—33; Евгеніевскій Сборникъ. Матеріалы для біографіи митр. Евгенія. СПБ. 1871 г., 26. 90—91; ср. „Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ". Т. I—1 (1896), стр. 396—99.

[9]) М. И. Сухомлиновъ. Исторія Россійск. Акад. VII, стр. 271—276, 601—603.

[10]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, стр. 3—4; А. Ивановскій. Митр. Кіевск. и Галицк. Евгеній, стр. 33—37.

[11]) А. Ивановскій, указ. соч., стр., 87—89; Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II, стр. 9, 15.

[12]) Евгеніевскій сборникъ, 66 (на французскомъ языкѣ).

[13]) „Старина русской земли", стр. 107—136.

[14]) А. Ивановскій. Указ. соч., стр., 85 с. (на латинскомъ языкѣ).

духомъ истинной исторической критики преисполненный", которому „дѣлать всегда угодное" онъ вмѣняетъ себѣ „въ истинное удовольствіе". Посылая Евгенію только что вышедшій экземпляръ изслѣдованія Калайдовича объ Іоаннѣ, экзархѣ Болгарскомъ, Румянцовъ замѣчаетъ: „И кому же первому сдѣлать мнѣ таковое приношеніе? Я въ васъ имѣю себѣ друга, и вы у насъ лучшій судія въ семъ дѣлѣ". Или: „Вы, по Государѣ, первая особа, къ которой тороплюсь препроводить второй томъ Государственыхъ грамотъ"... „Каждое письмо Вашего Высокопреосвященства есть для меня сущій даръ... Я въ немъ нашелъ многое себѣ просвѣщеніе и обыкновенное снисхожденіе... Какія обширныя свѣдѣнія Вы имѣете въ древней Россійской исторіи"...

Переписка Евгенія съ Румянцовымъ носитъ преимущественно научный характеръ и касается разныхъ вопросовъ изъ области древней письменности, исторіи, археологіи: о Никонѣ Черногорцѣ и его Тактиконѣ; о Кормчей; о Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.; о Кириллѣ Туровскомъ; объ употребленіи въ древнихъ рукописяхъ буквъ „шт" вм. „щ"; о сборникѣ Кирши Данилова; о цифровыхъ знакахъ въ рукописяхъ и древнемъ счисленіи; о складныхъ грамотахъ; о Псковскихъ уставныхъ грамотахъ; о шестникахъ Псковской лѣтописи; о Псковской палицѣ и о зобницахъ; о раскопкахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ; о надгробныхъ надписяхъ; о древнихъ гривнахъ; о Черниговской и Кіевской золотыхъ медаляхъ; о „россахъ", упоминаемыхъ у Арабскихъ писателей, и т. п.

По указанію Евгенія Румянцовъ дѣлаетъ разысканія въ Новгородской Софійской библіотекѣ, въ Холмогорскомъ, Архангельскомъ и Вологодскомъ монастырскихъ архивахъ, а въ Могилевскихъ, Полоцкихъ и Мстиславскихъ архивныхъ собраніяхъ съ тою же цѣлью занимался протоіерей Григоровичъ, причемъ Евгеній настаивалъ на осмотрѣ всѣхъ бѣлорусскихъ архивовъ, тогда почти еще не тронутыхъ. При посредствѣ Евгенія Румянцовъ знакомится съ Кіевскими древностями и получаетъ переводъ Кенигсбергскихъ актовъ, сдѣланный студентами Кіевской духовной Академіи. Наконецъ, тому же Евгенію Румянцовъ обязанъ пріобрѣтеніемъ для

описанія своихъ рукописныхъ сокровищъ такого знатока дѣла, какъ Востоковъ. Называя себя „не токмо другомъ и почитателемъ“ Евгенія, но и „работникомъ преусерднымъ“, Румянцовъ, съ своей стороны, снабжаетъ своего корреспондента всевозможными справками, копіями и выписками, а также безчисленнымъ количествомъ новыхъ или рѣдкихъ книгъ. „Нельзя, говоритъ Е. Ѳ. Коршъ, не отдать чести Румянцову за то, что онъ избралъ себѣ умственнымъ духовникомъ и руководителемъ именно такого человѣка, какъ Евгеній, проникнутаго любовью къ наукѣ, уваженіемъ къ трудамъ западныхъ ея подвижниковъ и въ то же время настолько безпристрастнаго и самостоятельнаго, чтобы не ослѣпляться ихъ научнымъ превосходствомъ надъ нами“. (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцевскаго Музея. Вып. I, стр. 67, 68).

Не менѣе интересна и цѣнна и переписка съ Анастасевичемъ,—тѣмъ болѣе, что въ этихъ письмахъ Евгеній не такъ оффиціаленъ и сдержанъ, какъ въ письмахъ къ Румянцову. Въ письмахъ къ Анастасевичу Евгеній высказывается не только по разнымъ научнымъ и литературнымъ вопросамъ (о догматизмѣ въ наукѣ; объ уніи; о гіероглифахъ; о первобытной связи языковъ; о санскритѣ; о языкѣ Несторовой лѣтописи; о Словѣ о полку Игоревѣ; о вліяніи Монгольскаго нашествія на русское просвѣщеніе; объ Иванѣ Грозномъ; о Библейскомъ Обществѣ и переводѣ Библіи на русскій языкъ; о Шатобріанѣ; о Вукѣ Караджичѣ; о Воейковѣ, Карамзинѣ, Державинѣ, Коцебу; объ основахъ морали; объ истинѣ и убѣжденіи, и т. п.), но и по вопросамъ современной общественной и политической жизни, напр., о вѣротерпимости; о Польшѣ и польской націи; о финансовыхъ реформахъ; о статистикѣ; о привиллегіяхъ въ фабричномъ производствѣ; о каналахъ, какъ путяхъ сообщенія; о выдѣлкѣ хлопчатой бумаги; о новомъ винномъ уставѣ; объ интендантахъ и мн. др.

Дружескія сношенія между Евгеніемъ и Державинымъ начались въ 1805 г., когда Евгеній, тогда еще викарій Новгородской епархіи, проводилъ лѣто въ Хутынскомъ монастырѣ, въ 60 верстахъ отъ Званки. О первомъ знакомствѣ съ поэтомъ Евгеній пишетъ графу Хвостову (22 Августа

1805 г.): „Я ѣздилъ къ Гаврилѣ Романовичу въ другой разъ и, заставъ его дома, препроводилъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ время, цѣлыя сутки. Начитался, наговорился и получилъ еще надежду впредь пользоваться знакомствомъ нашего Горація“... Какъ можно видѣть изъ послѣдующей переписки, Державинъ дѣлился съ Евгеніемъ своими литературными планами, обращался за историческими и библіографическими справками (напр., для Посланія къ вел. княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ о покровительствѣ отечественному слову), а нѣкоторыя изъ своихъ произведеній (напр., трагедію „Евпраксія“ и „Разсужденіе о лирической поэзіи“) посылалъ на судъ Евгенія даже въ рукописи, прося откровенно высказаться, что̀ Евгеній и дѣлалъ. „Изъ письма вашего,— пишетъ онъ 15 Августа 1815 г.,—я вижу, что для васъ пріятнѣе критика, нежели похвалы льстивыя. Горацій и Боало совѣтовали также слушать больше первыхъ, нежели послѣднихъ. Еще скажу вамъ, что въ сочиненіи вашемъ (имѣется въ виду „Разсужденіе о лирической поэзіи“) часто слогъ слишкомъ отрывенъ и нигдѣ нѣтъ связи мыслей и замѣчаній. Нужно сіи мѣста посвязать, а линеички (тиреты) многія выключить. Все сіе сочиненіе ваше полезно будетъ издать особою книжкою... Въ надеждѣ вашего в-пр. милостиваго ко мнѣ расположенія пишу я столь откровенно. А при томъ я усерднѣйшій желатель распространенія славы вашей“. Какъ извѣстно, Державинъ посвятилъ Евгенію нѣсколько своихъ стихотвореній (въ томъ числѣ „Жизнь Званскую“) и подарилъ акварель—видъ Званки—съ надписью:

На память твоего, Евгеній, посѣщенья
Усадьбы маленькой изображенъ здѣсь видъ.
Горацій какъ бывалъ Меценомъ въ восхищеньи,
Такъ былъ обрадованъ тобой мурза—піитъ.

Подъ этими стихами Евгеній сдѣлалъ приписку:

Средь сихъ болотъ и ржавинъ
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ.

Переписка съ графомъ Д. И. Хвостовымъ знакомитъ насъ съ литературными взглядами и мнѣніями Евгенія. „Литература наша,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ,—во всесвѣтной еще азбука. Вездѣ у насъ только что переводы, и самые журналы набиты ими, такъ что очевидно, что наши писатели или, лучше сказать, писцы больше знаютъ чужое, нежели свое. Послѣ сего, какъ можно хвалиться литературою"... Или въ другомъ письмѣ: „Прежде спросите, имѣемъ-ли мы о сю пору свою классическую словесность. Не все-ли у насъ заимствованное? Есть-ли хотя 200 книгъ оригинальныхъ русскихъ?.. Самая Россійская Академія не установила еще порядочныхъ правилъ языка и не объявила въ оном классиковъ. Многихъ изъ писакъ нашихъ мы называли и Расинами, и Виргиліями, и Гораціями, и Пиндарами. Но что то никто не вѣритъ, и чаще иностранцы говорятъ про насъ по Ювеналу: „o imitatores! Servum pecus!"... Еще болѣе отрицательно относится Евгеній къ современной литературной критикѣ. „Ваша правда, что у насъ нѣтъ еще здоровой критики, а вездѣ пристрастная, почти личная и блестящая эгоизмомъ. Но правда и то, что у насъ мало даже и предметовъ критики. Нельзя вполнѣ критиковать сочиненія, не сравнивая его со многими той же матеріи и рода. А у насъ едва по одиночкѣ еще появилось на каждый родъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ приравниваніе нашихъ сочиненій къ иностраннымъ таковымъ же"... „Мнѣ кажется, лучшій способъ наслаждаться успѣхами своими есть тотъ, чтобы не слишкомъ трогаться всякими сужденіями современниковъ, а потомство послѣ насъ какъ хочетъ, такъ и говоритъ пусть"... „Критиковъ излишне пугаться не для чего. Сіи насѣкомыя изъ Парнасскихъ болотъ вѣчно вылетать будутъ: но горный вѣтеръ ихъ скоро сдуваетъ въ свою отчизну"...

Что касается отдѣльныхъ представителей нашей литературы, то Евгеній выдѣляетъ „почтеннаго по многимъ отношеніямъ" Тредьяковскаго; Державина, у котораго „никакая критика не отниметъ первенства въ лирическомъ у насъ родѣ"; Ломоносова, „и писателя, и

творца"; Карамзина, „не ретора, а оратора", давшаго намъ „образцы почти классическіе"; Сумарокова и, наконецъ, самого Хвостова, „Нестора нашего Парнасса". Безъ Тредьяковскаго, „можетъ быть, не видали бы мы ни Ломоносова, ни Сумарокова, начавшихъ славиться уже тогда, когда онъ увядать сталъ.... Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ стихотворцевъ написалъ бы ему апологію, и напримѣръ, хотя посланіемъ къ нему въ царство мертвыхъ, но не такимъ, какъ написалъ каррикатурно Николевъ. Сравнивъ Тредьяковскаго съ нашими настоящими писцами, можно больше окритиковать сихъ послѣднихъ, несмотря на то, что они издѣваются надъ его „Телемахидою" или надъ стихами: „Поютъ птички со синички, хвостомъ машутъ и лисички". Не должно судить о немъ ни по тому, ни по другому. Въ „Телемахидѣ" виденъ перезрѣвшій старикъ, опоздавшій уже писать, а въ стишкахъ—не созрѣвшій ребенокъ, гонявшійся только за риѳменнымъ звукомъ. Надобно смотрѣть на писателя между 30 и 50 его годами. Въ сіи лѣта и Тредьяковскій лучше писалъ"... („Сборн. Отдѣл. р. яз. и слов." V—1, стр. 149—150).

Кантемировыми стихами Евгеній недоволенъ. „Кто не читалъ Горація, Ювенала и Боало, тотъ можетъ любоваться симъ не подражателемъ, а чаще всего спицикомъ ихъ. Въ Сумароковыхъ сатирахъ больше оригинальности и сатирической оборотливости мыслей. За то я почитаю его истиннымъ русскимъ сатирикомъ, а Кантемира переводчикомъ и даже безвкуснымъ. Въ исторіи русскихъ писателей онъ значитъ нѣчто, но въ русской словесности—ничего. Легко могутъ явиться нынѣ гораздо лучшіе сатирики. Сатира Дмитріева Чужой толкъ несравненна. Въ Тредьяковскомъ даже больше поэзіи, нежели въ Кантемирѣ. Но вкусъ у обоихъ равенъ и, право, нельзя предпочитать одного другому"... (Ibid., 152).

Извѣстенъ отзывъ Евгенія и о Пушкинѣ, въ письмѣ къ Снегиреву: „онъ былъ хорошій стихотворецъ, но худой сынъ, родственникъ и гражданинъ" („Старина Русск. Земли", стр. 135). А въ письмѣ къ Хвостову довольно презрительное замѣчаніе о „Русланѣ и Людмилѣ", какъ о „книжонкѣ".

Изъ писемъ научнаго характера обращаетъ также на себя вниманіе письмо къ Кеппену отъ 1-го Октября 1820 г., въ которомъ Евгеній высказываетъ свое мнѣніе о дѣленіи русскаго языка на діалекты („Евгеніевскій сборникъ", стр. 90—92; ср. „Извѣст. Отд. р. яз. и слов. Акад. Н." I—1 (1896 г.), стр. 396—99).

Переписка съ Воронежскимъ другомъ В. И. Македонцемъ,—„благодѣтелемъ паче родныхъ", какъ называетъ его Евгеній,—носитъ преимущественно интимный характеръ и потому представляетъ не столько научный интересъ, сколько автобіографическій. Здѣсь и описаніе Іордани, и о посѣщеніи Академіи Художествъ и Кунсткамеры, и о похоронахъ Суворова, и о цѣнахъ на „шпанскія" вишни, и о томъ, что онъ попробовалъ самыхъ лучшихъ „устресовъ", но „безъ омерзенія не могъ съѣсть съ принужденіемъ больше 12, да и то индигестіею мучился", и слухи о сватовствѣ великихъ княженъ, и предложеніе прислать женѣ Македонца „пары двѣ зеренъ на серги" (изъ тѣхъ четокъ чернаго янтаря, которыми Евгенія благословилъ при постриженіи преосв. Амвросій), и даже о нарядахъ придворныхъ дамъ на праздникѣ 30-го Августа.

Въ своихъ печатныхъ трудахъ Евгеній придерживается того мнѣнія, что „живыхъ... и хвалить и критиковать еще не время", но въ частныхъ письмахъ онъ позволяетъ себѣ очень рѣзкіе отзывы и сужденія, напр., о Калайдовичѣ („хвастливость, догадливость и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всѣмъ извѣстна", „пьяный издатель"), о Каченовскомъ („сумасшедшій", „площаднымъ образомъ и подлымъ хрипитъ на исторіографа"), объ Аделунгѣ („Аделунгово постыдное вранье"), о Карамзинѣ („сей спѣсивой авторъ очень не сговорчивъ", „щиплетъ Шлёцера, но какъ блоха, а самъ сплошь его замѣчаніями дышетъ въ своей исторіи, не сказывая, откуда напился крови"), о преосв. Ѳеофилактѣ Горскомъ („на ученомъ поприщѣ очень малъ", „его латинская богословія есть посрамленіе ему и цѣлой Россійской церкви"), о Церковной Исторіи Иннокентія („прежалкая и превздорная во многихъ

статьяхъ"), о Россійской Церковной Исторіи Платона („это отнюдь не исторія, а лѣтопись, въ коей на лыко лѣтосчисленія нанизаны бытія, какъ будто вмѣстѣ и калачи, и сайки, и бублики"), о Россійской Академіи („всякая всячина набита въ членство", „между членами ея весьма многіе совершенные трутни"), объ акад. Кругѣ („читалъ и Кругову выкличку... Нѣмцы любятъ себѣ присвоять чужое... за все берутся, чего и не знаютъ"), о Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей („заснуло", отъ него „нечего успѣшнаго ожидать... Они даже готоваго, уже собраннаго исправно издать не умѣютъ"), о русскихъ профессорахъ („даже о Россіи больше любопытнаго написали чужестранцы, нежели наши профессоры"), о Казанскомъ университетѣ („безплоднѣе всѣхъ прочихъ и истинно сибирской"), о Кіевскихъ профессорахъ („своего ничего не знаютъ", стремятся къ одной наживѣ денегъ), о нѣмецкой учености („это подлинно нѣмецкій ослиный трудъ"), и т. д.,—даже о графѣ Румянцовѣ („бояринъ", „щедрый на комплименты, никогда не исполняющій" своихъ обѣщаній, „охоты много, но скоро и остываетъ") и Державинѣ („инова лучше бы онъ и не писалъ или, по крайней мѣрѣ, не издавалъ").

Общая оцѣнка учено-литературной дѣятельности Евгенія дана еще Погодинымъ. „Разсматривалъ, — пишетъ Погодинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ изъ Вологды, — матеріалы, собранные преосв. Евгеніемъ, во время управленія его Вологодскою епархіею, для здѣшней исторіи церковной и гражданской, статистики его времени... Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали. Съ собою не бралъ онъ ни откуда ничего. Гдѣ что собралъ, тамъ то и оставилъ, приведя въ порядокъ, перемѣтивъ, означивъ, откуда что и какъ взято. Это былъ русскій Миллеръ. Замѣчу еще особенность въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная положительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Это былъ какой-то статистикъ исторіи. Онъ, кажется, даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему не доставало въ исторіи; для него было это какъ-будто все равно. Что есть—хорошо, а чего нѣтъ—нечего о томъ и

думать. Никакихъ разсужденій, заключеній" („Москвитянинъ", 1842 г., № 8, стр. 255—56).

Та же мысль, только болѣе рѣзко выраженная, и у Черниговскаго архіепископа Филарета, въ его „Обзорѣ русской духовной литературы". „При взглядѣ на такое множество сочиненій, преимущественно историческихъ, очевидно, что митрополитъ Евгеній одаренъ былъ обширною памятію и владѣлъ богатымъ запасомъ свѣдѣній. Богатство свѣдѣній его, переданныхъ печати, много принесло пользы любителямъ отечественной исторіи. Это—заслуга его. Но при разборѣ каждаго изъ сочиненій преосвященнаго,—не въ униженіе его говоримъ, а показывая характеръ его, — видимъ, что у него не было систематическаго взгляда на явленія исторіи. Вы видите кучи историческихъ явленій, но не соединенныхъ общею мыслію и не оживленныхъ чувствомъ. У него нѣтъ охоты даже къ тому, чтобы попадающіяся ему на глаза явленія раздѣлить на классы ихъ; онъ передаетъ вамъ ихъ, какъ попались они ему случайно. Факты собираются у него безъ различія важнаго отъ пустого и безъ вниманія къ тому, что въ ряду ихъ не достаетъ тамъ и здѣсь событій, служившихъ переходомъ отъ одного событія къ другому; причинъ и слѣдствій событія не увидите у него, развѣ тамъ, гдѣ онѣ попались ему на глаза... Въ митрополитѣ Евгеніи сколько изумляетъ собою обширность свѣдѣній его, столько же поражаетъ бездѣйствіе размышляющей силы, часто и рѣзко выказывающееся". (Изд. 3. СПБ. 1884 г. Кн. II, стр. 443—44).

Дальнѣйшія изслѣдованія о жизни и трудахъ Евгенія (Е. Шмурло. Митр. Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804 г. СПБ. 1888 г.; Н. Полетаевъ. Труды митр. Кіевск. Евгенія Болховитинова по исторіи русск. церкви. Каз. 1889 г.; П. Н. Милюковъ. Главныя теченія русск. историч. мысли. Т. I. Изд. 2. М. 1898 г.; С. М. Карповъ. Евгеній Болховитиновъ, какъ митрополитъ Кіевскій. Кіевъ 1914 г., и др.) существенно не измѣнили такого приговора надъ его ученой дѣятельностью, но за

то въ достаточной мѣрѣ выяснили, что Евгеній, какъ ученый, сынъ своего времени.

Погоня за полнотою свѣдѣній въ ущербъ достовѣрности ихъ, неразборчивость и двойственность въ отношеніи къ источникамъ, отсутствіе авторской индивидуальности—все это характерныя черты тогдашней ученой манеры. Евгеній знаетъ, напр., что Никоновская лѣтопись „имѣетъ много недостатковъ", а Іоакимовская—„сомнительная и мнимая"; что Синопсисъ „исполненъ ошибокъ и неисправностей"; что„ около XVI в. богемскія, польскія и прусскія басни вошли въ русскія лѣтописи, а особливо въ Степенныя книги"; что Татищеву недоставало „строгой критики",—но въ то же время онъ настаиваетъ, что повѣствованій Іоакимовской лѣтописи или Степенной книги „нельзя почесть всѣ сущими вымыслами, ибо они... во многомъ дополняютъ сказанія Нестора". Или: Шведскій историкъ Далинъ—„врунъ, недостойно названный государственнымъ историкомъ", но и „въ семъ есть многія нужныя намъ подробности, коихъ у другихъ нѣтъ"... „Сущность исторіи,—по опредѣленію Евгенія,—состоитъ въ томъ, чтобы представить бытіе и дѣянія сколько можно такъ, какъ они были, и въ такомъ порядкѣ, какъ были". „Я вѣрю,—пишетъ онъ,—что и мелочныя замѣчанія часто объясняютъ цѣлую исторію, ибо въ натурѣ вещей мелочи сопровождаютъ важности... Non sunt contemnenda quasi parva, sine quibus magna constare nequeunt"...

Насколько цѣнны труды митр. Евгенія и при современномъ состояніи науки, можно видѣть изъ того, что высказанная Срезневскимъ въ 1868 г. мысль объ изданіи сочиненій Евгенія, „какъ богатаго сборника данныхъ о предметахъ важныхъ и любопытныхъ" („Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н." V—1, 40), повторяется акад. И. В. Ягичемъ въ 1910-мъ („Исторія славянск. филологіи", стр. 163).

Дм. Абрамовичъ.

ИСТОЧНИКИ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ГЛАВЫ СОБОРНАГО УЛОЖЕНІЯ 1649 Г.

Глава XIX Уложенія о посадскихъ людяхъ по содержанію своему считается одною изъ наиболѣе глубоко измѣнившихъ строй общественныхъ союзовъ, о которыхъ говоритъ. Въ этомъ смыслѣ правила этой главы признаются наиболѣе новыми, въ которыхъ отчетливѣе, чѣмъ къ какой-либо другой главѣ, отразилась правотворческая дѣятельность составителей Уложенія.

Вопросъ этотъ всего лучше можетъ быть освѣщенъ изученіемъ источниковъ данной главы; а онъ поставленъ лишь сравнительно недавно. Болѣе ранніе труды, посвященные изученію Уложенія, хотя и касались главы XIX, но не задавались вопросомъ объ ея источникахъ; и лишь Неволинъ отмѣтилъ, изучая вопросъ о правѣ владѣнія городскими дворами, источники двухъ статей этой главы [1]) (о чемъ ниже).

[1]) Именно статьи 39-я и 40-я; о первой изъ нихъ сказано: „Въ указѣ, изданномъ непосредственно передъ Уложеніемъ и въ самомъ Уложеніи было снова повторено, что черные люди не должны продавать и закладывать тяглыхъ своихъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ бѣломѣстцамъ“ (П. С. З., II, с. 723; Улож. XIX, 39); о второй дано такое указаніе: „По отношенію къ Москвѣ въ 1643 г., состоялось повелѣніе—въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ и за городомъ въ слободахъ нѣмцамъ и нѣмкамъ вдовамъ не покупать и не брать въ закладъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ у русскихъ людей; нѣмецкія молельни, которыя поставлены у нѣмцевъ на дворахъ близко русскихъ церквей, сломать. Этотъ указъ вошелъ почти точными словами въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“ (А. И., III, с. 114—115; ср. С. Г. Г., III, № 116; Улож. XIX, 40). Собр. соч. К. А. Неволина, IV, стр. 270 пр. 509 и стр. 274 пр. 724 сл.

Впервые поставилъ вопросъ объ источникахъ главы XIX А. Щаповъ. Онъ подошелъ къ этому вопросу, изучая роль выборныхъ на земскомъ соборѣ 1648—49 г., и указалъ на двѣ челобитныхъ выборныхъ людей на этомъ соборѣ, изъ которыхъ одна касалась отобранія у духовенства вотчинныхъ земель, другая же „представляла о государственно-экономическомъ уравненіи всѣхъ людей, о небытіи льготныхъ слободъ около городовъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, и проч.“ Приведя выдержку изъ челобитной торговыхъ посадскихъ людей и докладъ по ней 13 Ноября, Щаповъ затѣмъ объясняетъ складъ и интересы земскихъ общинъ въ XVII в., вызвавшіе такое ходатайство. Какъ отразилось это челобитье на содержаніи XIX главы, — этого вопроса онъ совершенно не касался, ограничившись лишь постановкою вопроса [1]).

Пристальнѣе взглянулъ на этотъ вопросъ В. И. Сергѣевичъ. Со свойственной ему ученою осторожностью онъ подвелъ такой итогъ своихъ наблюденій: „изъ 40 статей XIX главы Уложенія „о посадскихъ людяхъ“ 17 (1, 3, 5—18, 39) составлены почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей“. Къ этому онъ добавилъ, что „къ сожалѣнію это челобитье извѣстно намъ не въ оригиналѣ, а изъ двухъ выписокъ, одна изъ которыхъ находится въ переписной книгѣ сыскныхъ дѣлъ (А. Э. IV, 32), а другая въ наказной памяти Колычеву (А. Э. IV 36). Эти челобитныя докладывались государю боярами кн. Одоевскимъ и кн. Прозоровскимъ, околничимъ кн. Волконскимъ, дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, т. е. тѣми же самыми лицами, которымъ поручено было собрать весь необходимый матеріалъ для составленія Уложенія“ [2]).

Н. П. Загоскинъ вновь пересмотрѣлъ вопросъ объ источникахъ XIX главы и черезъ четыре года послѣ статьи Сергѣевича опубликовалъ свои выводы. Въ нихъ онъ указалъ, что „30 Октября 1649 г. (надо читать 1648 г.) поданы были два письменныхъ челобитья отъ выборныхъ людей земского

[1]) Земскій соборъ 1648—1649 и собраніе депутатовъ 1767 гг. Отч. Зап. 1862 г., № 11, стр. 5—11.

[2]) Сборн. госуд. знаній, т. II, 1875 г.: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, стр. 43 и прим. 1.

собора 1648—1649 г.: одно изъ нихъ отъ лица представителей служилаго класса; второе—выборными отъ гостей, торговцевъ гостиной и суконной сотенъ и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей. Сущность обоихъ челобитій — одна и та же". Изложивъ ихъ содержаніе, Загоскинъ далѣе указалъ, что „двѣ недѣли спустя, именно 13 Ноября, совокупныя челобитья представителей служилыхъ, торговыхъ и посадскихъ людей докладывались государю и думѣ его членами редакціонной комиссіи (поименованы), и воспослѣдовавшій по этому поводу царскій указъ и боярскій приговоръ утвердилъ всѣ ходатайства выборныхъ [1]). Это утвержденное въ законодательномъ порядкѣ челобитье дало содержаніе шести статьямъ XIX главы (ст. 1, 6, 7, 9, 10, 15); если же мы допустимъ въ общее число статей, почерпнувшихъ свое содержаніе изъ соборнаго челобитья 30 Октября, и статьи, составляющія дальнѣйшее развитіе этихъ шести основныхъ статей (именно еще статьи 2—5, 8, 11, 12, 14, 16, 17), то общее число статей XIX главы, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому челобитью, дойдетъ до 16. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ ходатайства выборныхъ, не дожидаясь окончательной санкціи и вступленія въ обязательную силу вновь составляемаго Уложенія, данъ былъ указъ Сыскному Приказу о сыскѣ и отпискѣ на государя въ тягло слободъ, заведенныхъ около Москвы и другихъ городовъ, и всѣхъ людей въ нихъ живущихъ, начиная съ 1613 г. Это распоряженіе дало поводъ новому челобитью соборныхъ людей 25 Ноября объ отпискѣ на государя слободъ и въ нихъ людей „безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ"... Это дополнительное челобитье шло на утвержденіе государя уже не черезъ редакціонную комиссію, а черезъ Сыскной Приказъ, такъ какъ сюда переданъ былъ на исполненіе царскій указъ и боярскій приговоръ по основному челобитью. Это дополнительное челобитье, также утвержденное царемъ [2]), вызвало къ жизни три новыя статьи XIX главы Уложенія (именно ст. 13, 18 и 20),

[1]) А. Э. IV № 32 (I и II).
[2]) А. Э. IV № 32 III.

а если принять въ соображеніе статьи, составляющія ихъ дальнѣйшее развитіе (19, 21—34), то мы найдемъ, что общее число статей, вызванныхъ челобитьемъ 25 Ноября, доходитъ до 18. Такимъ образомъ, челобитья выборныхъ людей отъ 30 Октября и 25 Ноября были причиною изданія 9 статей XIX главы, непосредственно изъ нихъ вытекавшихъ, и 25 статей той же главы, составлявшихъ дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ 9 статей. Если мы примемъ въ соображеніе, что дальнѣйшія статьи XIX главы 35—39 имѣютъ непосредственное и тѣсное отношеніе къ предыдущимъ, а послѣдняя 40-я, воспрещающая отчужденіе и закладъ московскихъ дворовъ иноземцамъ, является отвѣтомъ на челобитье о томъ въ 1643 г. московскаго приходскаго духовенства, по всей вѣроятности подтвержденнаго (?) на соборѣ выборными людьми, то окажется, что вся XIX глава Уложенія возникла (за исключеніемъ развѣ можетъ быть ст. 40, коренящейся въ предшествовавшемъ челобитьи духовенства) по иниціативѣ и при участіи выборныхъ соборныхъ людей уже послѣ представленія кн. Одоевскимъ съ товарищами выработаннаго ими проекта Уложенія“ [1]).

Получился знаменательный результатъ: вся глава XIX, можетъ быть за исключеніемъ единственной статьи 40-й, включенной, вѣроятно, по повторному челобитью выборныхъ, возникла въ силу челобитій выборныхъ людей. Однако, пріемы Н. П. Загоскина въ отысканіи новыхъ статей, особенно возникшихъ по челобитьямъ, вызвали рядъ замѣчаній и поправокъ. Рядъ исправленій предложилъ Д. М. Мейчикъ, хотя его указанія относились къ другимъ главамъ Уложенія. Чрезвычайно интересна поправка, внесенная С. Ѳ. Платоновымъ въ его статьѣ „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“ (1883 г.). Здѣсь онъ указалъ, что Загоскинъ, „отыскивая источникъ первыхъ 34-хъ статей XIX главы, видитъ его въ двухъ челобитьяхъ земскаго собора отъ 25 Октября и 25 Ноября 1648 г., въ которыхъ выборные люди просятъ

[1]) Уложеніе царя и в. кн. Алексѣя Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 г. Рѣчь, произнесенная 5 Ноября 1879 г. Казань, 1879 г., стр. 41—45.

государя „отписать на себя“ промышленныя слободы бѣломѣсцевъ (А. Э. IV № 32). Дѣйствительно, первыя 33 статьи XIX главы ясно вытекаютъ изъ этихъ челобитій. Статья же 34-я приказываетъ городскимъ торговымъ людямъ, которые записаны въ гостиную и суконную сотни, жить непремѣнно на Москвѣ, а не въ ихъ городахъ, и нести тягло съ городскихъ своихъ дворовъ, если они эти дворы не захотятъ продать. Содержаніе этой статьи такимъ образомъ не заключается въ содержаніи вышеназванныхъ челобитій, и Н. П. Загоскинъ ошибается, усматривая здѣсь зависимость. Статья 34-я вытекла изъ другого совершенно челобитья, изъ челобитья гостей и гостиной сотни, поданнаго государю 4 Января 1649 г. (Доп. къ А. И. III, № 47). Исторія этой 34-й статьи такова: въ Іюлѣ 1648 г., во время московскихъ смутъ, посадскіе люди „разныхъ городовъ“ били челомъ, чтобы дозволить ихъ товарищамъ, записаннымъ въ гостиную и суконныя сотни, отправлять свою службу не въ чужихъ, а въ своихъ городахъ (А. Э. IV, № 28). Правительство эту просьбу исполнило и тѣмъ возбудило неудовольствіе со стороны москвичей, членовъ гостиной сотни и гостей, которымъ отъ новаго порядка вещей тяжелѣе стало служить. Они 4 Января 1649 г. подали челобитную, прося возстановленія старыхъ служебныхъ обычаевъ, и правительство, не смотря на то, что люди черныхъ сотенъ старались этому противодѣйствовать, согласилось на доводы гостей и гостиной сотни и указало взятымъ въ гостиную и суконную сотни людямъ жить постарому на Москвѣ, а не по городамъ. Этотъ то указъ, отмѣнявшій распоряженіе 1648 г., вошелъ въ Уложеніе и составилъ 34-ю статью XIX главы, о чемъ свидѣтельствуетъ позднѣйшая, отъ 15 Февраля 1649 г., челобитная тѣхъ же гостей (Д. къ А. И. III, № 47, стр. 158: „а по твоему государеву уложенію велѣно тѣмъ людямъ быти въ гостиной сотнѣ“, т. е. въ Москвѣ). Всѣ документы по этому любопытному дѣлу напечатаны въ Доп. къ А. И. (т. III, № 47) и совершенно ясно указываютъ, что происхожденіе 34-й статьи иное, чѣмъ полагаетъ г. Загоскинъ“ [1]).

[1]) Статьи по русской исторіи. Изд. 2. Спб. 1912 г., стр. 17—18.

Не безынтересно отмѣтить, что, помимо указанной поправки, С. Ѳ. Платоновъ призналъ выводы Загоскина касательно первыхъ 33-хъ статей XIX главы вполнѣ пріемлемыми. Также и В. Н. Латкинъ въ своемъ трудѣ о земскихъ соборахъ, дѣлая сводъ предложенныхъ другими поправокъ къ изысканіямъ Загоскина, считаетъ основный его выводъ, „что до 80 статей Уложенія были составлены при участіи выборныхъ людей", вполнѣ доказаннымъ, и въ частности о главѣ XIX онъ говоритъ, что „благодаря изысканіямъ г. Загоскина, оказывается, что вся XIX глава Уложенія, заключающая въ себѣ 40 статей, возникла по иниціативѣ и при участіи выборныхъ людей" [1]). Наконецъ, въ сводной статьѣ объ источникахъ Уложенія К. Верховскаго о XIX главѣ сказано: „изъ наказной памяти, данной Колычеву въ Февралѣ 1649 г., слѣдовательно, послѣ Уложенія (А. Э. IV, 36), узнаемъ о челобитьѣ царю. Здѣсь приведено рѣшеніе царя, гдѣ послѣдовательно и буквальными словами изложены статьи 1, 3, 5, 7—23, 26—39. Изъ сравненія обнаруживается полнота рѣшенія царя и неясность челобитья. Можно думать, что на подлинномъ челобитьѣ имѣли мѣсто (?) всѣ статьи XIX главы". Далѣе обозначенъ, согласно указаніямъ С. Ѳ. Платонова, источникъ статьи 34-й и о статьѣ 40-й сказано, что она заимствована изъ указа 1643 г. [2]).

Такъ сложилось и оказалось господствующимъ мнѣніе историковъ объ источникахъ XIX главы Уложенія. Вся она возникла изъ челобитій заинтересованныхъ выборныхъ людей или представителей общественныхъ классовъ, такъ какъ государь и его дума пошли навстрѣчу этимъ домогательствамъ и удовлетворили челобитья просителей. Всѣ статьи XIX главы содержатъ правила, являющіяся отвѣтомъ на челобитья 25 Октября и 25 Ноября 1648г. и 4 Января 1649 г. Самой старой надо признать послѣднюю статью—40-ю, которая явилась отвѣтомъ на челобитье 1643 г.

---

[1]) Земскіе соборы древней Руси. Спб. 1885 г., стр. 222 сл.

[2]) Источники Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Юрид. Вѣстн. 1889 г. Ноябрь, 386).

За истекшую съ тѣхъ поръ, какъ установлены эти итоги, четверть вѣка появился рядъ новыхъ историческихъ матеріаловъ, проливающихъ новый свѣтъ какъ на земскій соборъ 1648—1649 г., такъ и на порядокъ составленія Уложенія и его источники. Эти новыя данныя побуждаютъ пересмотрѣть и рѣшенный, казалось бы, вопросъ объ источникахъ XIX главы Уложенія. Одни изъ этихъ данныхъ носятъ частный и случайный характеръ, другія имѣютъ болѣе общее значеніе.

Къ числу первыхъ надлежитъ отнести нѣсколько частныхъ новыхъ фактовъ, сообщенныхъ въ трудѣ Е. Сташевскаго [1]). Въ обзорѣ внутренней политики правительства за первые годы новаго царствованія до возвращенія митр. Филарета авторъ касается какъ мѣропріятій по возврату разошедшихся и ставшихъ въ иные чины или заложившихся посадскихъ тяглецовъ, такъ и отношеній правительства къ бѣлымъ дворамъ на посадахъ и къ частновладѣльческимъ слободамъ. Тѣ же вопросы разсмотрѣны и за время правительства патріарха Филарета [2]). Автору не удалось внести въ разъясненіе и освѣщеніе указанныхъ вопросовъ ничего оригинальнаго, но къ извѣстнымъ фактамъ онъ присоединилъ рядъ новыхъ, подобранныхъ въ московскихъ архивахъ. Для примѣра можно указать напечатанную въ приложеніи IX царскую грамоту на Рязань отъ 24 Декабря 7130 г., въ которой сказано: „А за бояры нашими и за дворяны указалі есмя в дворникех быті на дворничестве по одному человѣку, которые б былі молотчие, хотя и пріхожие люді, а не торговые“. Къ этой выдержкѣ авторъ прибавляетъ, что „не извѣстно, какъ соблюдалось на практикѣ это ограниченіе количества дворниковъ и сколь долго оно удержалось. Въ 146 г. по государеву указу было велѣно „въ городехъ на осадныхъ дворехъ властемъ и боярамъ и всякихъ чиновъ людемъ на дворехъ держать дворниковъ человѣка по 2 и по 3, а больши 4 человѣкъ дворниковъ держать не велѣно“ [3]). Оставляя въ дворникахъ людей дворо-

[1]) Очерки по исторіи царствованія Михаила Ѳедоровича. Ч. 1-я, Кіевъ. 1913 г.
[2]) Указ. соч., стр. 133—163 и 235—261.
[3]) „Объ этомъ узнаемъ изъ челобитья боярина Ѳ. И. Шереметева“.

владѣльца и прихожихъ—не торговыхъ или посадскихъ, правительство на будущее время требовало взиманія пошлинъ съ торгу и промыслу, если такіе дворники начнутъ торговать или промышлять: „а съ торгу его и съ промыслу наши всякіе пошлины велѣлъ имать, какъ и съ иныхъ со всякихъ торговыхъ людей, чтобъ безпошлинно не торговалъ никто“ [1]). Безспорна связь этого матеріала съ содержаніемъ ст. 14 гл. XIX, хотя это обстоятельство авторомъ и не отмѣчено, какъ не отмѣчено имъ и прямое отношеніе челобитья 1613 г. посадскихъ людей Устюга Великаго на устюжанъ, взятыхъ въ гостиную сотню къ Москвѣ, съ исторіей ст. 34 той же главы: посадскіе люди жаловались, что писцы писали дворы этихъ людей „не въ тягло, и тѣ люди къ тѣмъ своимъ дворомъ покупаютъ у посадскихъ людей тяглые черные дворы і мѣста, и съ тѣхъ черныхъ тяглыхъ дворовъ никакихъ твоихъ государевыхъ четвертныхъ доходовъ съ намі не платятъ“ [2]).

Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ вновь опубликованные матеріалы о сыскѣ посадскихъ людей, разошедшихся съ посадовъ. Давно было извѣстно, что въ Сентябрѣ 1638 г. поручено было Сыскному Приказу во главѣ съ боярином кн. П. А. Репнинымъ сыскивать въ Москвѣ и по городамъ за властями, монастырями и за всякихъ чиновъ вотчинниками и помѣщиками „закладчиковъ и въ черныхъ сотняхъ и слободахъ и въ городахъ тяглыхъ людей, которые вышли изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и въ городахъ съ посаду съ тягла, съ московскаго разоренья“, т. е. съ воцаренія Михаила Ѳедоровича, и возвращать назадъ на посады, „гдѣ кто жилъ напередъ сего“ [3]). Но о результатахъ дѣятельности этого предпринятого сыска долгое время не было ничего извѣстно, пока не обнаружено было обширное дѣлопроизводство указаннаго сыскного приказа въ архивѣ Оружей Палаты. По предложенію Н. П. Павлова-Сильванскаго Археографическая Комиссія признала возможнымъ издать лишь часть этого обшир-

[1]) Изъ актовъ 130 г. Указ. соч., стр. 255—256 и прил № 9.
[2]) Тамъ же, стр., 147, прим. 2.
[3]) А. А., III, № 279.

наго собранія, что и было осуществлено съ выходомъ въ свѣтъ „Актовъ о посадскихъ людяхъ закладчикахъ“. Но преждевременная кончина Н. П. Павлова-Сильванскаго лишила всѣхъ заинтересованныхъ возможности узнать выводы и наблюденія издателя, хотя онъ изучалъ подобранный матеріалъ преимущественно для выясненія природы института закладничества [1]). Такимъ образомъ, и эта часть архивнаго фонда Оружейной Палаты осталась не обработанной, а большая часть его совсѣмъ не использованной.

Н. Д. Шаховская, по указанію А. И. Яковлева, вновь обратилась къ изученію этого фонда, такъ какъ незначительная часть дѣлъ, раньше напечатанныхъ, не даетъ понятія о всемъ фондѣ, свѣдѣній о которомъ въ исторической литературѣ вовсе не имѣлось. Новымъ изслѣдователемъ, по собственному его признанію, „сохранившійся матеріалъ далеко не вполнѣ использованъ“. Однако, онъ впервые указываетъ во-1-хъ, хронологическія границы дѣятельности приказа Сыскныхъ Дѣлъ, начиная съ 25 мая 1639 г. и кончая началомъ или срединой 1645 г., „причемъ на 1640 и 1641 гг. падаетъ наиболѣе интенсивный періодъ „сыскной“ и „свозной“ дѣятельности“; во 2-хъ, устанавливаетъ географическія рамки или главную территорію сыска, охватившаго по списку автора 40 городовъ, но не коснувшагося нижняго Поволжья (Казани, Астрахани), южной и юго-восточной окраинъ и такихъ крупныхъ пунктовъ Поморья, какъ Архангельскъ и Холмогоры. Если принять во вниманіе, что въ изданныхъ Павловымъ-Сильванскимъ „Актахъ“ использованы дѣлопроизводства только по четыремъ городамъ—Твери, Новгороду, Устюгу и Нижнему Новгороду и при этомъ полностью только о Твери, а о трехъ остальныхъ городахъ лишь въ извлеченіяхъ,—то можно приблизительно представить объемъ матеріаловъ, относящихся до 40 городовъ. Г-жа Шаховская намѣчаетъ и результаты энергичной пятилѣтней работы Сыскного Приказа. Здѣсь не мѣсто пересказывать ея выводы, предлагая интересующимся

[1]) Лѣтопись занятій Арх. Ком., вып. XXII, 1910 г.

обратиться къ самому труду автора [1]). Необходимо лишь отмѣтить, что при руководствѣ столь обширнымъ и труднымъ дѣломъ, вызывавшимъ острыя столкновенія затронутыхъ интересовъ, Сыскному Приказу приходилось многократно ставить законодательной власти вопросы, какъ надлежитъ примирять интересы фиска, въ частности посадского тягла, съ притязаніями и пріобрѣтенными правами отдѣльныхъ лицъ съ одной стороны уклонившихся отъ тягла, съ другой—тѣхъ властныхъ землевладѣльцевъ, которые спѣшили использовать выгодно предлагавшіеся силы и трудъ. Отвѣты на эти вопросы, т. е. государевы указы и боярскіе приговоры, представляютъ безспорно цѣннѣйшій матеріалъ для изученія исторіи посадскаго тягла и посадскаго права. Въ кругъ задачи автора не входило, повидимому, составленіе исчерпывающаго подбора указовъ, изданныхъ по поводу производившагося сыска посадскихъ тяглецовъ. Но и не задаваясь такою цѣлью, авторъ не могъ не обратить вниманія на рядъ такихъ указовъ, которые должны были служить руководствомъ для сыщиковъ. Онъ отмѣтилъ среди нихъ и такіе, которые полностью вошли въ Уложеніе. Вотъ относящееся сюда сравненіе текстовъ:

Указъ 148 года.

Которые посадцкіе люди а зятей своихъ принимали въ домы и за нихъ давали дочерей своихъ для того, чтобы тѣмъ ихъ зятемъ жити въ ихъ домѣхъ по ихъ животъ и ихъ поити и кормити и отдали послѣ ихъ имъ: и въ томъ дому имъ жити и государево тягло тянути для того, что они шли въ домы и тѣхъ дѣвокъ имали.

Арх. Ор. Пол. № 41601, л. 339.

Уложеніе.

А которые посадскіе люди зятей своихъ принимали въ домы и за нихъ давали дочерей своихъ для того, чтобы тѣмъ ихъ зятемъ жити въ ихъ домѣхъ по ихъ животъ и ихъ кормити; и тѣмъ всѣмъ жити въ тяглѣ въ сотняхъ и въ слободахъ; а будетъ за кого выйдутъ, и ихъ взяти въ посадъ.

XIX, ст. 23.

---

[1]) Сыскъ посадскихъ тяглецовъ и закладчиковъ въ первой половинѣ XVII в., Журн. Мин. Нар. Просв. 1914 г., № 10.

Въ наказѣ свощикамъ 151 года.

О стрѣльцахъ государь указалъ: самихъ, которые были на тяглѣ, и съ ними дву сыновъ взять въ тягло, гдѣ хто жилъ, а третьева сына оставить въ стрѣльцахъ; а которые дѣти отъ тяглыхъ людей и писались въ стрѣлецкую службу у отца одинъ сынъ или два, и тѣхъ имать въ тягло, и будетъ три сына, а третій написался стрѣльцомъ, и 3-го сына не имать, а быть въ стрѣльцахъ.

Арх. Ор. Пол. № 41724, л. 120.

А которые московскіе и городовые тяглые люди сами на тяглѣ жили и тяглыхъ отцовъ дѣти и стали въ стрѣльцы своей охотою, а не неволею: и тѣхъ людей, которые были на тяглѣ и съ ними двухъ сыновъ изъ стрѣльцовъ взяти въ тягло, кто гдѣ жилъ, а третьяго сына, будетъ есть, оставити въ стрѣльцахъ.

XIX, ст. 26.

А которые московскихъ и городовыхъ посадскихъ людей дѣти отходили отъ тяглыхъ людей и писалися въ стрѣлецкую службу, а у отца только одинъ сынъ или два: и тѣхъ имати въ тягло, а будетъ у отца три сына, а третій написанъ въ стрѣльцы, и третьяго сына не имати, быти ему въ стрѣлцахъ.

XIX, ст. 27.

Въ государевѣ указѣ въ статейномъ спискѣ за помѣтою Ивана Гивренева написано: которые и тяглые люди сами на тяглѣ жили и тяглыхъ отцовъ дѣти и были въ полону въ разныхъ мѣстахъ и тѣмъ быть по прежнему, гдѣ хто ныне живетъ для того, что они отъ тягла свободилися полонскимъ терпѣньемъ.

Арх. Ор. Пол. № 41724, л. 174.

А которые московскіе и городовые тяглые люди жили на тяглѣ сами или тяглыхъ отцовъ дѣти, а были въ полону въ разныхъ мѣстехъ: и тѣмъ жити, гдѣ кто похочетъ, для того, что они отъ тягла свободилися полономъ.

XIX, ст. 33.

Это сопоставленіе текстовъ авторъ сопровождаетъ замѣчаніемъ, что все это „можетъ быть интересно, какъ матеріалъ

для исторіи Уложенія, въ сущности еще не написанной“ [1]).

Нельзя не привѣтствовать такой починъ использованія указной практики изъ періода, непосредственно предшествующаго составленію Уложенія. Изъ предложеннаго авторомъ сравненія вскрывается зависимость текста Уложенія отъ предшествующей редакціи указа. Далеко не столь ясенъ и безспоренъ другой пріемъ, примѣненный тѣмъ же авторомъ къ выясненію источниковъ статей 19 и 20 той же XIX главы. Эти статьи, по мнѣнію автора, „становятся вполнѣ ясными только изъ ихъ отношенія къ сыскной дѣятельности предшествующихъ годовъ“. Приведя текстъ ст. 19-й, авторъ съ полной увѣренностью (курсивъ мой) относитъ „эти слова къ предшествующей дѣятельности, направленной, между прочимъ, на переводъ тяглецовъ изъ города въ городъ по старинѣ, противъ чего въ свое время довольно рѣшительно, хотя и своеобразно, протестовали нижегородцы. Слова эти получаютъ свой совершенно жизненный смыслъ при воспоминаніи о спорахъ Твери или Костромы съ Нижнимъ-Новгородомъ изъ-за тяглецовъ, о жалобахъ свощиковъ на то, что бѣглые люди съ Москвы и изъ дальнихъ городовъ не присланы, о донесеніи воеводъ, что свозные люди сбѣжали на старыя мѣста, и о сказкахъ посадскихъ людей о сошедшихъ безвѣстно“. Приведя затѣмъ текстъ ст. 20-й, авторъ опять заключаетъ, что „и здѣсь, въ противоположность дѣятельности свощиковъ въ 1639—1643 гг., вмѣсто возвращенія на мѣсто тяглаго происхожденія говорится о взятіи въ посадъ по мѣсту фактическаго жительства“ [2]). Такимъ образомъ, статьи 19-я и 20-я, по мнѣнію автора, возникли въ противовѣсъ прежней дѣятельности свощиковъ, дѣйствовавшихъ въ силу преподанныхъ имъ наказовъ, т. е. явились не только отмѣной прежнихъ указовъ, но создали право, прямо имъ противоположное. Такое заключеніе безъ болѣе основательнаго его подтвержденія вызоветъ основательное сомнѣніе. Что предшествовавшая практика можетъ послужить историческимъ комментаріемъ для уразумѣнія истиннаго

[1]) Указ. соч., стр. 280 прим. 6.
[2]) Тамъ-же, стр. 312—313.

смысла закона, это положеніе стоитъ внѣ спора. Но комментарій долженъ быть по возможности текстуальнымъ, а не основаннымъ лишь на „полной увѣренности". Во всякомъ случаѣ, вопросъ о происхожденіи указанныхъ статей требуетъ дальнѣйшихъ розысканій. Ниже будетъ указана возможность объяснить возникновеніе текста ст. 19-й болѣе прямымъ и простымъ путемъ.

При перечисленіи трудовъ, посвященныхъ изысканіямъ по исторіи Уложенія, здѣсь нельзя обойти молчаніемъ цѣнныхъ изслѣдованій П. П. Смирнова. Хотя въ нихъ и нѣтъ непосредственныхъ указаній на происхожденіе текста главы XIX-й, но содержатся чрезвычайно важныя указанія на исторію челобитій различныхъ общественныхъ группъ объ ихъ нуждахъ и объ устраненіи различныхъ государственныхъ нестроеній, подрывающихъ основныя условія быта этихъ группъ и тѣмъ грозящихъ серьезными потрясеніями самому государству. Въ частности открытыя П. П. Смирновымъ новыя данныя проливаютъ новый свѣтъ на челобитія разныхъ чиновъ, сыгравшія немаловажную роль въ исторіи подготовки и редактированія Уложенія [1]).

Но особенно цѣнными надо признать изслѣдованія и изданія актовъ С. Б. Веселовскаго. Его обширный трудъ по исторіи посошнаго обложенія не обошелъ и вопроса объ обложеніи посадовъ, и спеціальная глава, посвященная изученію посадской сохи, появилась раньше выхода въ свѣтъ всего изслѣдованія въ видѣ особой статьи [2]), а затѣмъ, съ небольшими измѣненіями заняла свое мѣсто во второмъ томѣ изслѣ-

---

[1]) Новое челобитье московскихъ торговыхъ людей о высылкѣ иноземцевъ (Изъ общественныхъ настроеній горожанъ XVII в.). Чтенія Общ. Нестора Лѣтописца 1912 г., кн. 22, вып. IV; О началѣ Уложенія и земскаго Собора 1648—1649 г. Ж. М. Н. Пр. 1913 г., № 9; Нѣсколько документовъ къ исторіи Соборнаго Уложенья и земскаго собора 1648—1649 гг. Чтенія Общ. ист. и др. 1913 г., кн. 4, смѣсь; Челобитныя дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ въ первой половинѣ XVII в. Чтенія Общ. ист. и др. 1915 г., кн. 3.

[2]) Посадская соха въ первой половинѣ XVII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1910 г., №№ 5 и 7; Сошное письмо. Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошного обложенія Московскаго государства. Т. I. Главы I—VIII. М. 1915 г. Т. II. Главы IX—XIX. М. 1916 г.

дованія, какъ глава XIII подъ названіемъ „Посадская соха“ (стр. 263—337). Здѣсь не мѣсто передавать результаты, добытые авторомъ послѣ многолѣтняго кропотливаго труда надъ подборомъ богатаго новаго матеріала въ московскихъ архивахъ для своей обширной работы и, въ частности, для освѣщенія вопроса о посадскомъ тяглѣ. Благодаря особо счастливымъ условіямъ, авторъ изслѣдованія не ограничился сообщеніемъ лишь выдержекъ изъ собраннаго имъ обширнаго матеріала, но предпринялъ тяжелый трудъ изданія собранныхъ имъ документовъ. Эти изданія составили внушительное собраніе актовъ, обнимающее не менѣе семи томовъ или выпусковъ, и еще не доведены до конца. Тяжелыя условія послѣднихъ трехъ лѣтъ затормозили окончаніе изданія. Но и то, что издано, столь значительно обогатило фондъ печатныхъ русскихъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ, что теперь никто изъ интересующихся указанной эпохой не можетъ пройти мимо актовъ Веселовскаго. Среди нихъ первое мѣсто по цѣнности и по объему занимаютъ безспорно „Акты писцоваго дѣла“. Изданіе не окончено. Обстоятельства вынудили „пріостановить изданіе впредь до наступленія болѣе благопріятныхъ для печатанія научныхъ трудовъ условій“ и прервать изданіе второго тома, выпустивъ въ свѣтъ лишь его первый выпускъ и отложивъ для второго 68 нумеровъ актовъ и указатель ко всему тому [1]). Подобранъ матеріалъ и для третьяго тома, но увидѣть его, очевидно, суждено лишь молодымъ историкамъ.

Будемъ благодарны неутомимому собирателю и за то, что онъ намъ уже подарилъ. Долгъ русскихъ историковъ—возможно полнѣе и плодотворнѣе использовать новыя данныя. Это и будетъ, конечно, сдѣлано. Примѣръ самого собирателя служитъ тому поощрительной порукой.

Въ настоящей замѣткѣ я предлагаю опытъ использованія всего только одного акта для выясненія текста нѣкоторыхъ

[1]) Акты писцоваго дѣла. Матеріалы для исторіи кадастра и прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. Т. I. Акты 1587 — 1627 гг. М. 1913 г. и Чтенія Общ. ист. и древн. 1913 г., кн. 2—4. Т. II, Вып. 1-й. Акты 1627—1649 г. М. 1917 г. и Чтенія Общ. ист. и древн., кн. 3.

статей главы XIX-й Уложенія. Въ томѣ второмъ Актовъ писцового дѣла, подъ №№ 177—182, изданы акты Устюжской Чети объ изготовленіи наказовъ писцамъ Соли Вычегодской и Устюга. Въ первомъ изъ этихъ шести актовъ подъ № 177 издана отвѣтная память Сыскного Приказа въ Устюжскую Четь съ государевыми указами о сыскѣ и свозѣ бѣглыхъ тяглецовъ и о дворахъ и лавкахъ, проданныхъ и заложенныхъ тяглыми людьми бѣломѣстцамъ. Память датирована 15 іюля 152 г., т. е. 1644 годомъ. По содержанію она является отвѣтомъ на вопросъ, заданный Устюжской Четью: „велѣти бъ выписать изъ государевыхъ указовъ—которые посадцкіе и черныхъ слободъ тяглые люди, сшодъ съ посадовъ и изъ слободъ съ тягла до московского и послѣ московского разоренья и живутъ на Москвѣ и въ городѣхъ на посадехъ и въ слободахъ и въ дворцовыхъ селехъ и въ деревняхъ, а иные сшедчи живутъ за патріархомъ, и за властьми, и за монастыри, и за бояры и всякихъ чиновъ за людьми въ закладчикахъ и во крестьянехъ и въ бобыляхъ, и о тѣхъ сошлыхъ тяглыхъ людехъ что государевъ указъ, съ которого году тѣхъ сошлыхъ посадцкихъ людей по государеву указу въ посады и въ черные волости на старые ихъ жеребьи имать велено, и на сколько лѣтъ тѣмъ свознымъ людемъ льготы давать велено; и которыми тяглыми дворы, и дворовыми мѣсты, и лавки, и лавочными мѣсты въ городѣхъ владѣютъ всякихъ чиновъ люди беломѣсцы по купчимъ и по закладнымъ, и тѣ дворы, и дворовые мѣста, и лавки, и лавочные мѣста у беломѣсцовъ имать и отдавать посацкимъ тяглымъ людемъ въ тягло по прежнему велено-ль, и съ которого году посадцкіе тяглые дворы и лавки у беломѣсцовъ имать велено; и въ которыхъ годѣхъ тѣ государевы указы и которыхъ думныхъ дьяковъ за помѣтами?“

Въ этомъ запросѣ дьяка Мини Грязева обособляются собственно слѣдующіе прямые вопросы: 1) съ котораго года или за сколько лѣтъ надлежитъ возвращать на прежнія мѣста жительства сошлыхъ посадскихъ людей? 2) сколь продолжительны могутъ быть предоставляемыя имъ льготы отъ несенія тягла послѣ принудительнаго возвращенія ихъ на посады и

отвода имъ мѣстъ для поселенія, или иначе, на какой срокъ могутъ быть даны такія льготы? 3) предписано-ли отбирать у бѣломѣстцевъ пріобрѣтенные ими по купчимъ и закладнымъ тяглые дворы и мѣста, лавки и лавочныя мѣста и возвращать посадскимъ тяглымъ людямъ? 4) съ какого года или за какой срокъ надлежитъ произвести подобную конфискацію? 5) наконецъ, предлагается сообщить точныя даты государевыхъ указовъ и имена скрѣпившихъ ихъ думныхъ дьяковъ.

Въ обстоятельномъ отвѣтѣ боярина кн. Юр. Андр. Ситцкаго и дьяка Петра Лутохина изъ Сыскного Приказа дана подробная справка по исторіи всего дѣла о сыскѣ и свозкѣ разошедшихся посадскихъ тяглецовъ съ момента его возникновенія. Изъ этой справки узнаемъ, что до порученія этого сыска боярину кн. П. А. Репнину и дьяку Минѣ Грязеву 12 Сентября 147 г., т. е. 1638 г., какъ это было давно извѣстно изъ грамоты суздальскому воеводѣ (А. Э. III, № 279), государь въ 145 г. (1636—37) указалъ боярину кн. Ив. Андр. Голицыну и дьяку Тим. Агѣеву произвести такой сыскъ. Дѣло объ этомъ первомъ сыскѣ въ 146 г. взято изъ Владимірского Судного Приказа въ Сыскной къ боярину кн. П. А. Репнину и дьяку Тим. Голосову. Изъ этого стараго дѣла о сыскѣ закладчиковъ въ справкѣ приводится содержаніе указа 145 г. Въ общемъ эта редакція указа сходна съ тою редакціею, какая передана въ грамотѣ суздальскому воеводѣ. Но въ концѣ указа 145 г. имѣется перечисленіе разныхъ чиновъ людей, чего нѣтъ въ редакціи позднѣйшей, и текстъ указа не дописанъ [1]). Имѣется, однако, въ редакціи указа 145 г. одна очень серьезная добавка. Послѣ указанія, что вышедшихъ со 121 года тяглыхъ людей, хотя бы на нихъ оказались какія крѣпости, или они оказались у кого во крестьянствѣ или записаны въ писцовыя книги, надлежитъ возвращать на посады, гдѣ кто жилъ по старому, стоитъ такое важное предписаніе: „А хто за кѣмъ сколько лѣтъ жилъ и

[1]) Послѣ словъ: „и въ сторожахъ по приказамъ“ должны стоять слова: „указалъ государь имать за него (или не имать) на посадъ по прежнему, гдѣ кто жилъ напередъ сего“, какъ стоитъ въ позднѣйшей редакціи указа.

сколько кому податей на годъ платили, и то приказалъ государь выписывать и править на тѣхъ людехъ, за кѣмъ они сколько лѣтъ жили". Этого предписанія въ позднѣйшей редакціи указа не имѣется. А между тѣмъ въ справкѣ имѣется точное указаніе, что „во 146-мъ году государь указалъ закладчиковы дела вѣдать и про закладчиковъ сыскивать боярину кн. П. А. Репнину да дьяку Тим. Голосову по тому-жъ своему государеву указу. А во 147-мъ году государь указалъ закладчиковы дела вѣдать и про закладчиковъ сыскивать боярину кн. Б. А. Репнину да тебѣ дьяку Мине по тому жъ своему государеву указу". Это двойное подтвержденіе силы указа 145 г. заставляетъ предположить, что предписаніе о взысканіи за пріемъ закладчиковъ съ тѣхъ, кто ихъ держалъ, опущено въ позднѣйшей редакціи указа не случайно.

Далѣе, въ справкѣ приводится длинный перечень докладовъ государю изъ Сыскного Приказа по цѣлому ряду вопросовъ, возникшихъ при составленіи-ли наказовъ свощикамъ, или возбужденныхъ самими свощиками въ виду встрѣтившихся у нихъ на практикѣ сомнѣній и трудностей. Состоявшіеся по докладамъ государевы указы и интересовали Устюжскую четь при составленіи наказовъ писцамъ, отправляемымъ для описанія посадовъ. Справка содержитъ длинное ихъ перечисленіе сначала о закладчикахъ, начиная со 148 г., а въ концѣ справки приведены указы о дворахъ и лавкахъ, начиная со 132 г. Повидимому, въ Сыскномъ Приказѣ приготовили выписку всѣхъ имѣвшихся у него наготовѣ указовъ, не дѣлая изъ нихъ выборки лишь на вопросы, заданные въ памяти Устюжской Чети. По крайней мѣрѣ въ справкѣ приведены и указы, не имѣющіе никакого отношенія къ поставленнымъ въ памяти вопросамъ. Тѣмъ болѣе долженъ быть благодаренъ современный изслѣдователь дьяку П. Лутохину и его предшественникамъ, подготовившимъ столь цѣнный матеріалъ для изученія вопроса. Эта своего рода указная книга Сыскного Приказа сама собой напрашивается на сравненіе ея съ текстомъ статей главы XIX-й Уложенія. Нижеслѣдующее сопоставленіе текстовъ должно послужить наглядным тому подтвержденіемъ.

Справка сыскного приказа.

Да въ прошломъ во 148-мъ году государь указалъ по докладу боярина кн. Б. А. Репнина да тебя дьяка Мины Грязева:

Которые люди тяглыхъ отцовъ дѣти, а живутъ за государемъ въ розныхъ слободахъ на посадехъ, и за патріархомъ и за властьми, и за монастыри, и за бояры, и за окольничими, и всякихъ чиновъ за людьми, и тѣхъ указалъ государь имать по прежнему своему государеву указу по писцовымъ книгамъ и по сыску, гдѣ хто жилъ, на старые мѣста.

А которые мастеровые люди живутъ на Москвѣ во Дворцѣ и въ Оружничей Полате и в-ыныхъ разныхъ приказехъ, сами на тяглѣ были и тяглыхъ отцовъ дѣти, а объ нихъ бьютъ челомъ государю московскіе люди черные сотни и изъ городовъ посадцкіе тяглые люди по старинѣ и по писцовымъ книгамъ, и о тѣхъ людехъ указалъ государь докладывать себя государя имянно, какъ о тѣхъ мастеровыхъ людехъ онъ государь укажетъ.

А изо псарей тяглыхъ людей самихъ и ихъ детей указалъ государь въ тягло имать.

А которые тяглые люди сами на тяглѣ жили и тяглыхъ отцовъ дѣти, а стали въ стрельцы своею

Глава XIX-я Уложенія.

24. А которые посадскіе черные мастеровые люди сошли съ тяглыхъ жеребьевъ и живутъ на Москвѣ во Дворцѣ и въ Ружничье полатѣ, и въ иныхъ розныхъ приказѣхъ, а на тяглѣ они сами были и тяглыхъ отцовъ дѣти, и будетъ о тѣхъ тяглыхъ мастеровыхъ людехъ учнутъ государю бити челомъ сотенные люди, что бы ихъ взяти со прежнему въ тягло: и о тѣхъ мастеровыхъ людехъ докладывати государя имянно, какъ о тѣхъ мастеровыхъ людѣхъ государь укажетъ, а безъ докладу ихъ въ сотни не отдавати.

25. А изо псарей тяглыхъ людей самихъ и ихъ дѣтей въ тягло имати.

26. А которые московскіе и городовые тяглые люди сами на тяглѣ жили и тяглыхъ отцовъ

охотою, а не неволею, и о тѣхъ стрельцахъ указалъ государь самихъ, которые были въ тяглѣ, и съ нимъ дву сыновъ взять въ тягло, гдѣ хто жилъ, а третьева сына оставить въ стрельцахъ;

а которые люди отходили отъ тяглыхъ людей и писались въ стрелетцкую службу, а у отца только одинъ сынъ или 2, и тѣхъ указалъ государь имать въ тягло, а будетъ у отца 3 сына, а третей написался въ стрельцы, и третьева сына не имать, а быть въ стрельцахъ.

Которые пушкари, и кузнецы, и воротники, и затинщики и всякихъ чиновъ люди, которые вѣдомы въ Пушкарскомъ Приказе, а по писцовымъ книгамъ и по сыску довелись взять въ тягло, и тѣхъ всѣхъ имать по прежнему.

А которые казаки служатъ государю старо, помѣстьями и денежными оклады верстаны и кормы мѣсечными устроены, и тѣхъ имать государь не велѣлъ, а указалъ имъ быть попрежнему въ службе.

А которые казаки писались вновь после смоленскіе службы, а подъ Смоленскимъ не были, и тѣмъ быть по писцовымъ книгамъ и по сыску, гдѣ хто прежъ сего жили.

дѣти, а стали въ стрелцы своею охотою, а не неволею: и тѣхъ людей, которые были на тяглѣ, и съ ними двухъ сыновъ изъ стрелцовъ взяти въ тягло, кто гдѣ жилъ, а третьяго сына, будетъ есть, оставити въ стрелцахъ.

27. А которые московскихъ и городовыхъ посадскихъ людей дѣти отходили отъ тяглыхъ людей и писалися въ стрелецкую службу, а у отца толко одинъ сынъ или два: и тѣхъ имати въ тягло; а будетъ у отца три сына, а третей написанъ въ стрелцы: и третьяго сына не имати, быти ему въ стрелцахъ.

28. А которые московскіе и городовые посадскіе люди были въ посадскомъ тяглѣ и стали въ пушкари, и въ затинщики, и въ воротники, и въ кузнецы, и въ иные во всякіе чины: и тѣхъ по сыску всѣхъ имати въ тягло.

29. А которые московскіе и городовые тяглые люди въ прошлыхъ годѣхъ стали въ казаки и служатъ съ старопомѣстными казаки, и денежными оклады они верстаны и кормы мѣсечными устроены: и тѣхъ черныхъ людей исъ казаковъ не имати, а быти имъ въ службѣ по прежнему.

30. А которые московскіе и городскіе посадскіе черные люди писалися въ казаки вновъ после смоленской службы, а подъ Смоленскимъ не были: и тѣмъ чернымъ посадскимъ людемъ по

А солдатовъ, которые сами въ тяглѣ жили и тяглыхъ отцовъ дѣти, государь указалъ имати по писцовымъ же книгамъ и по сыску, гдѣ хто преже сего жилъ.

А которые тяглые люди сами на тяглѣ жили и тяглыхъ отцовъ дѣти, а были въ полону въ розныхъ мѣстехъ, и тѣмъ быть по прежнему, гдѣ хто ныне живетъ, для того что они отъ тягла свободились полонскимъ терпеньемъ.

А которые люди со 121-го году и по 142-й годъ, а имали съ нихъ съ ихъ торговъ пятую деньгу, а въ тяглѣ въ писцовыхъ книгахъ не написаны, и по тѣмъ зборнымъ книгамъ бьютъ челомъ объ нихъ въ тягло, и по тѣмъ книгамъ въ тягло ихъ имать государь не велѣлъ для того, что они въ писцовыхъ книгахъ въ тяглѣ и на посаде не написаны.

А которые посадцкіе тяглые люди, а написаны на посадехъ въ писцовыхъ книгахъ, а дѣти ихъ отъ нихъ отходили и отъ братьевъ братья родные, и тѣхъ детей и братью имати на посадъ для того, что отцы ихъ написаны въ тяглѣ въ писцовыхъ книгахъ со 121-го году.

А которые посадцкіе люди давали дочерей своихъ дѣвокъ за вольныхъ за всякихъ людей замужъ, и по тѣмъ дѣвкамъ тѣхъ ихъ зятей не имать.

сыску быти по прежнему въ тяглѣ.

31. А которые московскіе и городовые посадскіе черные люди стали въ солдаты, а на тяглѣ жили сами и тяглыхъ отцовъ дѣти: и тѣхъ людей по сыску имати въ тягло же по прежнему.

33. А которые московскіе и городовые тяглые люди жили на тяглѣ сами или тяглыхъ отцовъ дѣти, а были въ полону въ разныхъ мѣстехъ: и тѣмъ жити, гдѣ кто похочетъ, для того, что они отъ тягла свободилися полономъ.

21. А которые посадскіе люди давали дочерей своихъ дѣвокъ за волныхъ за всякихъ людей: и тѣхъ волныхъ людей по женамъ ихъ въ черные слободы не имати.

А которыз вольные люди поженились на посадцкихъ на тяглыхъ вдовахъ, которыхъ мужья ихъ написаны въ писцовыхъ книгахъ, а тѣ люди съ того тягла сошли, а тѣ жеребьи ныне пусты, и тѣхъ людей указалъ государь на посадъ имать для того, что они поженились на тяглыхъ женкахъ и шли къ нимъ въ домы.

А которые посадцкіе люди зятей своихъ пріимали въ домы и за нихъ давали дочерей своихъ для того, чтобъ тѣмъ ихъ зятемъ жити въ ихъ домехъ по ихъ животъ и ихъ поить и кормить, а тѣ домы после ихъ (имъ отдали, и имъ) въ томъ ихъ дому жити и государево тягло тянути для того, что они шли въ домы, и тѣхъ людей имать въ посады въ тягло.

А которые люди жили на Москвѣ въ черныхъ сотняхъ и въ слободахъ и въ городахъ на посадехъ у хозяевъ своихъ въ наймехъ, не тяглыхъ людей дѣти, и въ сидѣльцахъ по записямъ урочные годы, а въ тяглѣ не бывали и въ писцовыхъ книгахъ не написаны, а торговали всякими товары у хозяевъ своихъ, а отживъ урочные годы, отходили отъ хозяевъ своихъ прочь и живутъ ныне за государемъ на Москвѣ въ розныхъ сотняхъ и въ слободахъ и въ городѣхъ на посадехъ въ тяглѣ, а не въ тѣхъ сотняхъ, гдѣ хозяева ихъ жили,

22. А которые волные люди поженилися на посадъскихъ на тяглыхъ вдовахъ, и поженяся съ тягла сошли, а прежніе мужья тѣхъ ихъ женъ написаны въ писцовыхъ книгахъ на посадѣхъ въ тяглѣ: и тѣхъ людей, которые женилися тяглыхъ людей на женахъ, имати на посадъ для того, что они поженилися на тяглыхъ женкахъ и шли къ нимъ въ домы.

23. А которые посадскіе люди зятей своихъ приимали въ домы и за нихъ давали дочерей своихъ для того, что бы тѣмъ ихъ зятемъ жити въ ихъ домѣхъ по ихъ животъ и ихъ кормити: и тѣмъ всѣмъ жити въ тяглѣ въ сотняхъ и въ слободахъ; а будетъ за кого выдутъ, и ихъ взяти въ посадъ.

13. А которые московскіе и городовые посадскіе тяглые люди сами или отцы ихъ въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ и въ городѣхъ на посадѣхъ и въ слободахъ въ тяглѣ и тягло платили, а иные жили на посадѣхъ же и въ слободахъ у тяглыхъ людей въ сидѣльцахъ и въ наймитахъ, а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ за патріархомъ же, и за митрополиты, и за архіепископы, и за епископомъ, и за монастыри, и за бояры, и за окольничими, и за думными, и за ближними, и за всякихъ чиновъ людьми на Москвѣ и въ городѣхъ, на ихъ дво-

а иные живутъ розныхъ чиновъ (у) людей въ закладчикахъ, и тѣхъ сидѣльцовъ и наймитовъ не имать, потому что не тяглыхъ отцовъ дѣти, быти имъ по прежнему, гдѣ хто жилъ.

Помѣта о томъ на выписке думного дьяка Ивана Гавренева.

Да въ государеве-жъ цареве... указѣ 151-го Сентября въ 14 день, за помѣтою думного дьяка Ивана Гавренева, написано:

Которые розныхъ городовъ посадцкіе люди живутъ на Москвѣ въ розныхъ сотняхъ и въ слободахъ въ тяглѣ, а Сентября по 14-е число 151-го году тѣ люди на Москвѣ не сысканы и въ городы не посланы, и тѣхъ людей въ городы на посады въ тягло посылать не велено, а велено имъ жить на Москвѣ въ черныхъ сотняхъ и въ слободахъ въ тяглѣ, гдѣ хто ныне живетъ.

А которые розныхъ городовъ посадцкіе люди жили на Москвѣ въ розныхъ сотняхъ и въ слободахъ въ тяглѣ, а по росписямъ помѣчены были взять въ городы, и на Москвѣ они сысканы, а въ городы они Сентября по 14-е число 151-го году не посланы, и жилыхъ поручныхъ записей по нихъ не взято, и тѣмъ людемъ потому-жъ велено быть на Москвѣ въ черныхъ сотняхъ и въ слободахъ въ тяглѣ, гдѣ хто ныне живетъ.

рѣхъ, и въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ, и на церковныхъ земляхъ: и тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ живалъ напередь сего, безълѣтно же и бесъповоротно...

19. А которые московскихъ слободъ посадскіе люди нынѣ живутъ въ городѣхъ, а городовые посадъскіе люди живутъ на Москвѣ и въ розныхъ городѣхъ: и тѣмъ тяглымъ посадскимъ людемъ и въперед жити въ тѣхъ мѣстехъ, гдѣ они ожилися, а съ Москвы въ городы по старинѣ и изъ городовъ къ Москвѣ и изъ города въ городъ ихъ посадскихъ тяглыхъ людей не переводити.

Это утомительное для читателя сопоставленіе текстовъ необходимо было сдѣлать, чтобы подойти къ оцѣнкѣ общераспространеннаго мнѣнія историковъ о возникновеніи первыхъ 33-хъ статей главы XIX-й изъ челобитій земскаго собора отъ 30 Октября и 25 Ноября 1648 года. Нельзя, конечно, отрицать крупнаго и даже принципіальнаго значенія указанныхъ челобитій. Но они, повидимому, побудили Уложенный Приказъ въ лицѣ боярина кн. Н. И. Одоевскаго съ товарищи обратиться къ указной книгѣ Сыскного Приказа и извлечь изъ нея все, что необходимо было дать въ руководство посланнымъ для отписки слободъ на государя и для сыска и свозки на посады закладчиковъ. Хотя и невозможно разъяснить въ желательной мѣрѣ исторію текста XIX-й главы Уложенія до обстоятельнаго изученія всего дѣлопроизводства стараго Сыскного Приказа и всѣхъ данныхъ, далеко еще не приведенныхъ въ извѣстность, о дѣятельности Приказа Сыскныхъ Дѣлъ, „какъ сѣлъ бояринъ кн. Ю. А. Долгоруковъ“, т.-е. съ конца Ноября 1648 года; но пока надлежитъ пересмотрѣть и исправить то, что можно, на основаніи имѣющагося наличнаго матеріала. Сопоставленные тексты указной книги Сыскного Приказа и главы XIX-й Уложенія прежде всего свидѣтельствуютъ о заимствованіи ряда указовъ 148 года въ текстъ XIX-й главы, начиная со статьи 24 по 31 включительно, съ незначительными лишь измѣненіями редакціи, но съ сохраненіемъ полностію содержанія указовъ. Приведенныя восемь статей и расположены въ Уложеніи въ томъ самомъ порядкѣ и послѣдовательности, какъ онѣ изложены въ памяти Сыскного Приказа. Но статья 32-я не имѣетъ соотвѣтствія въ текстѣ памяти, которая вообще ничего не упоминаетъ о томъ, какъ надлежитъ поступить съ посадскими тяглыми людьми, которые „стали въ ямщики“. Слѣдующая 33-я статья опять почти дословно воспроизводитъ указъ объ освобожденіи отъ принудительной записи въ посадское тягло бывшихъ въ полону посадскихъ людей. Откуда-же взялась ст. 32-я? Въ челобитьи служилыхъ и торговыхъ и посадскихъ людей 30 Октября имѣется лишь единственное упоминаніе объ ямщикахъ, что

„монастыри и ямщики животинные выпуски роспахали въ пашню," и ничего болѣе. Значитъ, ст. 32-я не является и отвѣтомъ на челобитье.

Предлагаю догадку, что эта статья взята изъ той же указной книги Сыскного Приказа, но по списку болѣе исправному, чѣмъ тотъ, какой дошелъ до насъ въ памяти 15-го іюля 152 г. Текстъ этотъ вообще далеко не безупреченъ. Въ той его части, которая соотвѣтствуетъ ст. 23-й и говоритъ о судьбѣ принятыхъ въ домы зятей, онъ прямо дефектенъ и испорченъ, что отмѣчено и редакціей. Сообщенный въ работѣ Н. Дм. Шаховской текстъ того-же указа болѣе исправенъ. [1]) Возбуждаетъ сомнѣнія и та часть текста памяти, которая выписана рядомъ съ ст. 13-й, о чемъ сказано ниже.

Послѣ текста указа, соотвѣтствующаго полностью ст. 33-й, помѣщены въ памяти два указа, которымъ въ Уложеніи соотвѣтствія не оказалось. Но затѣмъ идутъ послѣдовательно и рядомъ три указа или три части одного указа, составившіе содержаніе статей 21—23 главы XIX-й. Не имѣю отвѣта на вопросъ, почему въ Уложеніи эти статьи заняли мѣсто выше, тогда какъ въ памяти соотвѣтственныя части текста стоятъ ниже двумя абзацами послѣ текста, соотвѣтствующаго ст. 33-й.

Далѣе слѣдуетъ текстъ послѣдняго указа 148 года, рядомъ съ которымъ выписана ст. 13-я главы XIX-й. Хотя въ этихъ сопоставленныхъ правилахъ рѣчь идетъ о сходныхъ и даже повидимому тождественныхъ вопросахъ, но рѣшенія ихъ совершенно противоположны. Указъ опредѣляетъ, что перечисленныхъ въ немъ лицъ въ тягло „не имать, потому что не тяглыхъ отцовъ дѣти, быти имъ по прежнему, гдѣ кто жилъ"; статья же 13-я предписываетъ „тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ напередъ сего, безълѣтно же и безъповоротно". Сами по себѣ такія противоположныя рѣшенія не могли бы вызвать никакихъ сомнѣній, такъ какъ вполнѣ возможно

[1]) По этому тексту и возстановленъ дефектъ. См. выше стр. 233.

допустить, что предшествующія неудачныя и нецѣлесообразныя предписанія могли быть Уложеніемъ отмѣнены или измѣнены въ противоположномъ смыслѣ, чему можно бы привести въ подтвержденіе не одинъ примѣръ изъ Уложенія. Поводы къ такимъ пересмотрамъ могли возникнуть при составленіи Уложенія особенно по челобитьямъ заинтересованныхъ. А статья 13-я вызвана именно челобитьемъ 30 Октября и представляетъ нѣсколько лишь измѣненный государевъ указъ и боярскій приговоръ, послѣдовавшій по докладу 13-го Ноября Уложеннаго Приказа. Для наглядности позволяю предложить послѣднее на этотъ разъ сравненіе текстовъ:

Указъ по докладу 13 Ноября 1648 г.	Ст. 13-я XIX главы.
А которые московскіе и городовые посадскіе тяглые люди въ прошлыхъ годѣхъ со 121 году въ писцовыхъ книгахъ написаны на посадѣхъ и въ слободахъ въ тяглѣ, а иные въ писцовыхъ книгахъ въ тяглѣ и не написаны, а въ тяглѣ они были и тягло платили, а иные жили на посадѣхъ же и въ слободахъ у тяглыхъ людей въ сидѣлцахъ и въ наймитахъ, а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ за патріархомъ, а за митрополиты, и за архіепископы, и епископы, и за монастыри въ ихъ вотчинахъ, и за бояры, и за околничими, и за думными, и за ближними и за всякихъ чиновъ людми въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ розныхъ городовъ въ уѣздѣхъ [во крестьянѣхъ и въ бобыляхъ и въ холопствѣ, и которые посадскіе жъ люди съ тягла вышли въ басманники, и въ Кадашево, и во псари, и въ станошники, и въ сѣдѣл-	А которые московскіе и городовые посадскіе тяглые люди сами или отцы ихъ въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ и въ городѣхъ на посадѣхъ и въ слободахъ въ тяглѣ и тягло платили, а иные жили на посадѣхъ же и въ слободахъ у тяглыхъ людей въ сидѣльцахъ и въ наймитахъ, а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ за патріархомъ же и за митрополиты, и за архіепископы, и за епископомъ, и за монастыри, и за бояры, и за окольничими, и за думными, и за ближними, и за всякихъ чиновъ людьми на Москвѣ и въ городѣхъ, на ихъ дворѣхъ, и въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ, и на церковныхъ земляхъ: и тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ напередь сего, безълѣтно же и бесъповоротно. И впредь тѣмъ всѣмъ людемъ, которые взяты будутъ за

ники, и въ поковшики, и въ мелники, и въ зелейные и въ печатные и денежные мастеры, и въ салдаты, и въ воротники, и въ кузнецы, и въ сторожи по Приказомъ, и въ иные какіе чины], и тѣхъ всѣхъ потому жъ указалъ великій государь свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ напередъ сего, и впредь тѣмъ всѣмъ людемъ, которые взяты будутъ за него, великого государя, ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьяны и людми не называться; а будутъ (*надо читать* будетъ) они впредь учнутъ за кого закладываться и называться чьими крестьяны или людми, и имъ за то чинить жестокое наказанье, бити ихъ кнутомъ по торгомъ и ссылати ихъ въ Сибирь на житье, на Лену, да и тѣмъ людемъ, которые ихъ учнутъ впредь за себя пріимать въ закладчики [*не дописано*].

государя, ни за ково въ закладчики не записыватися и ни чьими крестьяны и людьми не называтися. А будетъ они въпередь учнутъ за ково закладыватися и называтися чьими крестьяны или людьми: и имъ за то чинити жестокое наказанье, бити ихъ кнутомъ по торгомъ и съсылати ихъ въ Сибирь на житье на Лѣну. Да и тѣмъ людемъ, которые ихъ учнутъ въпередь за себя приимати въ закладчики, потому же быти отъ государя въ великой опале, и земли, гдѣ за ними тѣ закладчики въпередь учнутъ жити, имати на государя.

Изъ сопоставленія явствуетъ буквальное тождество сравниваемыхъ текстовъ за исключеніемъ изъ указа срока (со 121 году) сыска, такъ какъ по челобитью 25 Ноября послѣдовалъ указъ возвращать на посады „безъ лѣта и безъ сыску,“ и за выключеніемъ изъ него перечисленія тѣхъ чиновъ, въ составѣ которыхъ нашли пріютъ вышедшіе съ посадовъ тяглецы (что въ лѣвомъ столбцѣ включено въ прямыя скобки), такъ какъ эти указанія нашли мѣсто въ другихъ статьяхъ той-же XIX-й главы. Но самое челобитье было вызвано именно противоположнымъ рѣшеніемъ вопроса въ указѣ 148 г. Однако, текстъ этого указа въ дошедшемъ до насъ спискѣ возбуждаетъ, какъ указано выше, нѣкоторыя сомнѣнія. О какихъ людяхъ идетъ въ немъ рѣчь? Совер-

шенно ясно, что на первомъ мѣстѣ тамъ говорится о сидѣльцахъ и наймитахъ, которые характеризованы по своей профессіи, какъ ведущіе торгъ отъ лица своихъ хозяевъ, а по своему происхожденію,—какъ дѣти не тяглыхъ отцовъ и сами не записанные ни въ тягло, ни въ писцовыя книги. Но, отживъ урочные годы, они ушли отъ своихъ хозяевъ и поселились на Москвѣ въ сотняхъ и въ городахъ на посадахъ въ тяглѣ, но не въ тѣхъ сотняхъ и посадахъ, гдѣ жили ихъ хозяева, а другіе у разныхъ чиновъ въ закладчикахъ. Тутъ судьба этихъ бывшихъ наймитовъ и сидѣльцовъ раздвоется: одни попали въ тягло, другіе—въ закладчики. Санкція указа гласитъ: „и тѣхъ сидѣльцовъ и наймитовъ не имать, потому что не тяглыхъ отцовъ дѣти, быти имъ по прежнему, гдѣ кто жилъ.“ Сомнѣніе возникаетъ относительно тѣхъ изъ нихъ, которые, попавъ въ тягло, затѣмъ заложатся за кого либо. Ихъ также не имать изъ закладчиковъ по новой записи въ тягло. Но это противорѣчило бы общему правилу о возвращеніи въ посады по тяглой записи. Или же рѣчь идетъ о томъ, что этихъ прежнихъ сидѣльцовъ и наймитовъ не надлежитъ возвращать въ тѣ посады, гдѣ они прежде вели торгъ отъ имени своихъ хозяевъ, ни изъ закладчиковъ, ни съ новыхъ мѣстъ поселенія, гдѣ они записались въ составъ тяглой общины. Послѣдній случай, однако, не могъ бы, казалось, возбуждать вопроса, и ст. 13-я главы XIX-й говоритъ лишь о возвращеніи сидѣльцовъ и наймитовъ изъ закладчиковъ, а отнюдь не изъ состава тяглыхъ общинъ. Было бы еще понятно возбужденіе вопроса о возвращеніи въ посады въ тягло по старой записи съ мѣста новой приписки къ тяглу. Тогда бы возникалъ вопросъ о переводѣ тяглецовъ изъ одного посада въ другой по старинѣ. Но этого вопроса указъ 148 г. не ставилъ.

Онъ, однако, былъ поставленъ и рѣшенъ въ частной формѣ относительно Москвы въ указѣ 14 Сентября 151 г. (1642 г.). Согласно этому указу, городовыхъ посадскихъ людей, которые проживали въ Москвѣ въ сотняхъ и слободахъ, и которыхъ на Москвѣ не сыскали и въ города не выслали по 14 Сентября 1642 г., или даже сыскали и по рос-

писямъ помѣтили отослать ихъ въ города, но по 14 Сентября не отослали и живыхъ поручныхъ записей съ нихъ не взяли, всѣхъ таковыхъ предписано оставить на Москвѣ въ тяглѣ по прежнему. Этотъ частный указъ, касающійся лишь Москвы, впервые разрѣшилъ не высылать изъ Москвы тяглыхъ людей черныхъ сотенъ и слободъ по старому ихъ тяглу въ разные города на посады. Для интересовъ государственной казны было, конечно, безразлично, на какомъ посадѣ данный человѣкъ отбываетъ свое тягло. И не въ интересахъ этой казны было затѣвать переводъ такихъ людей изъ посада въ посадъ, что нерѣдко сопровождалось разстройствомъ ихъ хозяйствъ. Но этого перевода требовали тяглыя общины, податная отвѣтственность которыхъ всемѣрно побуждала ихъ увеличивать число плательщиковъ и бороться съ сокращеніемъ ихъ числа. Правительство шло на встрѣчу этимъ домогательствамъ посадскихъ тяглыхъ міровъ, но въ указѣ 1642 г. впервые рѣшилось встать на другой путь. Этотъ первый опытъ оказался совершенно случайнымъ: не велѣно изъ Москвы переводить тяглецовъ въ другіе города, которыхъ по разнымъ причинамъ не успѣли или не смогли выслать до 14 Сентября 1642 г. Старое правило еще не отмѣнено новымъ указомъ; но въ старинѣ дѣлается проломъ примѣнительно къ данному частному случаю. Уложеніе это частное правило обобщаетъ и совершенно отмѣняетъ старое правило о возвратѣ изъ посада въ посадъ по старинѣ. Этой старинѣ ст. 19-я главы XIX пытается противопоставить новую старину жительства, но въ весьма неопредѣленной и потому неудачной формѣ: предписано изъ посада въ посадъ по старинѣ не переводить такихъ тяглыхъ посадскихъ людей, которые на новыхъ мѣстахъ поселенія „ожилися“, т. е. по истеченіи нѣкоторой давности жительства. Но какой давности? Этого статья 19-я не опредѣляетъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что такая неопредѣленность вызвала на практикѣ рядъ недоумѣній, споровъ и злоупотребленій.

Подвожу итоги. Все вышеизложенное ясно, надо думать, свидѣтельствуетъ, что указная дѣятельность государей является не маловажнымъ источникомъ также и для XIX-й

главы Уложенія. Близкое сходство содержанія и иногда полное тождество изложенія не оставляетъ сомнѣній о рядѣ заимствованій въ Уложеніе изъ указовъ, состоявшихся по докладамъ Сыскного Приказа въ 1639—1640 годахъ. Таковы статьи 21—31 и 33, всего 12 статей. Весьма вѣроятно такое-же происхожденіе и статьи 32-й, но пока осторожнѣе ея въ этотъ счетъ не включать. И, наконецъ, нельзя не признать прямой генетической связи статьи 19-й съ указомъ 14 Сентября 1642 г., хотя между ними можетъ еще оказаться связующее звено въ видѣ промежуточнаго указа.

Но пока довольно и 12 статей, которыя до сихъ поръ были ошибочно включены въ число тѣхъ, какія возникли будто бы изъ челобитій выборныхъ 30 Октября и 25 Ноября 1648 г. Надлежитъ отмѣтить, что всѣ указанныя статьи, какъ составляющія дальнѣйшее развитіе статей 13, 18 и 20, вызванныхъ къ жизни дополнительнымъ челобитьемъ соборныхъ людей отъ 25 Ноября, впервые отнесъ къ числу проистекшихъ изъ челобитій Н. П. Загоскинъ.

Въ заключеніе надлежитъ упомянуть, что приведенные въ концѣ памяти Сыскного Приказа 15 Іюля 1644 г. указы о дворахъ и лавкахъ на посадахъ лишь частично дополняютъ то, что было извѣстно по этому вопросу изъ указной книги Земскаго Приказа. Справка объ этихъ указахъ начинается ссылкой на указъ, найденный „въ галитцкомъ столпу“ и сообщенный въ Галитцкую Четь изъ Челобитнаго Приказа 28 Іюня 132 г. Этотъ неизвѣстный по книгѣ Земскаго Приказа указъ государя и патріарха недавно напечатанъ полностью въ грамотахъ, разосланныхъ изъ Устюжской Чети по городамъ ея вѣдомства и имѣетъ дату 4 Іюня 1624 г. Согласно этому указу посадскимъ людямъ всѣхъ городовъ запрещено посадскіе дворы и лавки давать вкладомъ въ монастыри или закладывать ихъ монастырямъ и монастырскимъ служкамъ. Въ грамотахъ воеводамъ сообщалось, что къ ослушникамъ указа будутъ примѣнены рѣшительныя мѣры: „и мы техъ людей дворы и лавки вѣлимъ имати на насъ безденежно, да темъ же людямъ за ослушанье быти отъ насъ въ великой опалѣ“.

Такой-же „заказъ“ велѣно сообщить властямъ всѣхъ монастырей [1]).

Далѣе въ памяти приводится ссылка на государевъ указъ безъ даты, найденный „въ нижегородцкомъ дѣле“, по которому дворы и дворовыя мѣста, записанные въ писцовыхъ книгахъ за посадскими людьми, если на нихъ живутъ бѣломѣстцы, велѣно отдавать въ посадъ въ тягло; дворы-же и мѣста, записанные за бѣломѣстцами, если на нихъ живутъ тяглые люди, велѣно отдать бѣломѣстцамъ. Затѣмъ сообщаются найденныя записи „въ Ярославскихъ столпехъ“, и опять безъ датъ, изъ которыхъ видно, что записанные въ Ярославскихъ дозорныхъ книгахъ 122 г. и въ писцовыхъ книгахъ 136 и 137 гг. тяглые посадскіе дворы и мѣста, если ими по купчимъ и по закладнымъ владѣютъ бѣломѣстцы, предписано „по государеву указу и по боярскимъ приговорамъ“ имать на посадъ въ тягло по прежнему, со всѣми постройками, какъ кто купилъ; деньги же по купчимъ и закладнымъ имать съ продавцовъ и порутчиковъ, а отнюдь не на земскихъ старостахъ и не на посадскихъ людяхъ, какъ того добивались бѣломѣстцы, о чемъ мы знаемъ давно изъ челобитья московскихъ сотскихъ и старостъ 1627 г. [2]), но отвѣта на которое законодательной власти до сихъ поръ не имѣли и теперь узнаемъ, что онъ былъ данъ въ положительномъ для просителей смыслѣ. Наконецъ, послѣднимъ въ памяти Сыскного Приказа приведенъ указъ 151 г. (1642—1643), за помѣтою думнаго дьяка Ивана Гавренева. По этому указу, до сихъ поръ также неизвѣстному, предписано всѣ лавки, анбары, лавочныя и анбарныя мѣста и полки, пріобрѣтенныя бѣломѣсцами съ 132 г. по духовнымъ, даннымъ, купчимъ и закладнымъ и даже записанные за ними въ писцовыхъ книгахъ, у бѣломѣстцовъ „имать и отдавать тяглымъ торговымъ людямъ противъ московскихъ лавокъ“; деньги же за нихъ получить съ продавцевъ и закладчиковъ, а если ихъ на лицо не окажется, то съ тѣхъ торговыхъ посадскихъ людей, кото-

---

[1]) Акты писц. дѣла, т. I № 137.
[2]) Владимірскій-Будановъ. Христоматія, III, стр. 126.

рые объ отдачѣ имъ тѣхъ лавокъ будутъ бить челомъ. Но лавки, анбары, лавочныя и анбарныя мѣста и полки, пріобрѣтенные бѣломѣстцами до 132 г., остаются за ними и впредь.

Но всѣ эти дополнительныя данныя не вносятъ чего либо существенно новаго въ исторію вопроса о тяглыхъ дворахъ и лавкахъ, перешедшихъ во владѣніе бѣломѣстцевъ. И на основаніи ранѣе извѣстныхъ по указной книгѣ Земскаго Приказа указовъ 1621, 1627, 1634 и 1642 гг. можно было сдѣлать заключеніе, что изложенныя въ этихъ указахъ правила легли въ основаніе четырехъ статей Уложенія: ст. 269 гл. X-й и ст. 15, 16 и 39 главы XIX-й на что и было указано мною одиннадцать лѣтъ тому назадъ [1]).

М. Дьяконовъ.

---

[1]) Очерки общественнаго и государственнаго строя Древней Руси, 1912 г., стр. 295 сл.; 1-ое изд. 1907 г., стр. 306 сл.

РОССІЯ И ГОЛЛШТИНІЯ.

Очеркъ изъ исторіи германо-русскихъ отношеній въ XVIII вѣкѣ.

Сѣверно-европейскія державы новаго времени долго боролись изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ: Данія, давно уже овладѣвшая его ключомъ—Зундомъ, продолжала сохранять свое политическое преобладаніе надъ остальными прибалтійскими странами и пользоваться имъ до эпохи тридцатилѣтней войны; вслѣдъ за тѣмъ Швеція, сыгравшая столь видную роль въ ея ходѣ, выступила со своими широкими завоевательными планами, предѣлъ которымъ былъ положенъ Ништадтскимъ миромъ; наконецъ, Россія, довольная побѣдой, одержанной ею надъ давнишнимъ врагомъ, стала расширять свое вліяніе и искать выхода изъ замкнутыхъ балтійскихъ водъ [1]).

---

[1]) Въ блестящемъ очеркѣ, написанномъ, впрочемъ, не безъ увлеченія патріотическимъ чувствомъ по поводу открытія Кильскаго канала, извѣстный ганзеистъ проф. Д. Шэферъ отмѣтилъ ту роль, которую, начиная съ второй половины XII вѣка, нѣмецкая Ганза стала играть на Балтійскомъ морѣ, главнымъ образомъ, въ торговомъ отношеніи; по паденіи Ганзы, значеніе которой было подорвано извѣстными открытіями новыхъ торговыхъ путей въ концѣ XV вѣка, её смѣнили голландцы; наряду съ ними, со второй половины XVII столѣтія выступаютъ англичане, получившіе, ко времени упраздненія Зундской пошлины (1857 г.) замѣтное преобладаніе надъ остальными націями. См. D. Schäfer, Zur Eröffnung des Nordostsee-Kanals, въ Preussische Jahrbücher Bd. 80 (1895), SS. 193—211. Время возникновенія Зундскихъ пошлинъ трудно установить: онѣ, вѣроятно, стали взиматься незадолго до начала или въ первой половинѣ войны, которую король Эрихъ Померанскій велъ съ Ганзейскими городами въ 1426—1435 гг. Регулярныя вѣдомости о сборѣ такихъ пошлинъ извѣстны съ 1497 года; см. Tabeller over Skibsfart og Varentransport gennem Øresund, Bd. I, 1497—1660.

Такія перемѣны отражались и на судьбахъ болѣе мелкихъ сосѣднихъ государствъ; онѣ особенно замѣтны въ исторіи одного изъ нихъ—герцогства Голштинскаго и Шлезвигскаго: вскорѣ по утвержденіи на датскомъ престолѣ старшей линіи Олденбургскаго дома, представитель котораго Христіанъ I былъ вмѣстѣ съ тѣмъ избранъ герцогомъ Голштинскимъ и Шлезвигскимъ, младшая его линія водворилась въ Голштиніи и Шлезвигѣ, изъ-за котораго она и входила въ постоянныя столкновенія съ Даніей: при внукахъ Христіана I, сыну котораго Фридриху I удалось временно объединить ихъ владѣнія, произошло окончательное раздѣленіе: наряду съ датской линіей Христіана III образовалась особая голштейнъ-готторпская линія въ лицѣ герцога Адольфа и его наслѣдниковъ; одинъ изъ нихъ—Христіанъ-Альбрехтъ велъ упорную борьбу съ Даніей изъ-за Шлезвига незадолго до установленія болѣе постоянныхъ связей между Голштиніей и Россіей [1]). Впрочемъ, его предшественникъ Фридрихъ III уже вступилъ въ родственныя отношенія съ шведскимъ королевскимъ домомъ и получилъ со стороны своего зятя Карла X Густава, женатаго на его дочери Гедвигѣ-Элеонорѣ, поддержку въ своихъ притязаніяхъ на Шлезвигъ; семейныя узы, соединявшія оба дома, еще болѣе окрѣпли съ того времени, когда внукъ его—Фридрихъ IV женился на сестрѣ шведскаго короля Карла XII — Гедвигѣ-

[1]) F. C. Dahlmann, Geschichte von Dänemark, Hamb. 1843, Bd. III, SS. 199—215, 221. Христіанъ I, сынъ графа Олденбургскаго Дидерика Счастливаго и Гедвиги, дочери Герхарда VI, владѣвшаго Голштиніей и Шлезвигомъ, былъ избранъ герцогомъ Шлезвигскимъ и графомъ Голштинскимъ въ 1460 году; отдѣливши Шлезвигъ отъ Даніи, главнымъ образомъ, изъ-за желанія неразрывнаго его соединенія съ Голштиніей, что открыло болѣе свободный доступъ германскому вліянію въ Шлезвигѣ, онъ выхлопоталъ въ 1474 году у императора Фридриха III возведеніе Голштинскаго графства, вмѣстѣ съ Стормарномъ и Дитмаршеномъ на степень герцогства; о столкновеніяхъ, постоянно возникавшихъ между Голштиніей и Даніей, преимущественно изъ-за обладанія Шлезвигомъ, уже со временъ Карла Великаго тѣсно связаннымъ съ Даніей, между прочимъ и въ качествѣ земли, предоставленной въ ленное владѣніе Голштейнъ-Готторпскому дому, см. Kurzgefasste Geschichte der Streitigkeiten der Herzogen von Holstein-Gottorp mit der Krone Dänemarck, aus oeffentlichen Acten und Documenten, bis auf gegenwärtige Zeit, mit unpartheischer Feder geschrieben, Frankfurt und Leipzig, 1762, SS. 4, 12—13 и др.; о герцогѣ Христіанѣ-Альбрехтѣ см. тамъ же, стр. 29—79.

Софіи, что впослѣдствіи дало основаніе Карлу-Фридриху выступить претендентомъ на шведскій престолъ. Въ свою очередь Карлъ-Фридрихъ искалъ пріюта и опоры при дворѣ Петра Великаго, который сумѣлъ воспользоваться его притязаніями на шведскую корону для собственныхъ цѣлей и выдалъ за него свою дочь Анну Петровну, при чемъ родившійся отъ ихъ брака Карлъ-Петръ-Ульрихъ сталъ наслѣдникомъ русскаго престола.

Такія связи частью возникали, конечно, изъ-за государственныхъ расчетовъ, частью порождали новыя политическія отношенія, которыя, вмѣстѣ съ прежними, оказывали иногда благопріятное вліяніе и на развитіе культурнаго общенія между тѣми же странами: оно стало устанавливаться, напримѣръ, между Россіей и Голштиніей, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время и послужитъ предметомъ дальнѣйшаго изученія въ предлагаемомъ очеркѣ.

I.

Вскорѣ послѣ неудачнаго вмѣшательства Даніи въ тридцатилѣтнюю войну Голштинія вступила въ дипломатическія сношенія съ Россіей: они находились въ связи съ любопытнымъ проектомъ, который, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, будто-бы возникъ уже у родоначальника Голштейнъ-Готторпскаго дома герцога Адольфа, но едва-ли не съ большею вѣроятностью можетъ быть приписанъ герцогу Фридриху III, способствовавшему возвышенію своего княжества: планъ, о которомъ идетъ рѣчь, состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать Голштинію складочнымъ мѣстомъ азіатскихъ товаровъ, откуда они легко могли-бы распредѣляться по другимъ странамъ при помощи канала, который соединялъ бы Эльбу съ Балтійскимъ моремъ и, проходя черезъ владѣнія герцога, освобождалъ бы купеческіе корабли отъ необходимости огибать Ютландію черезъ Зундъ и тѣмъ самымъ приносилъ бы большія выгоды Голштиніи [1]). Предпріимчивый герцогъ, будто-бы

[1]) F. Cygnaeus, Bidrag till de Nordeuropeiska folkslagens historia, hämtade ur Sydeuropeiska Källor: urkunder och bearbetningar af dessa, Helsingfors 1848, Första Delen, pp. 301—303; ср. Я. Гротъ, Труды, Спб. 1901 г.,

приступившій уже къ проведенію канала, попытался установить, помимо англичанъ и голландцевъ, непосредственныя торговыя сношенія съ Московіей и, въ особенности, съ Персіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, просвѣщенный герцогъ Фридрихъ III имѣлъ въ виду не однѣ только коммерческія цѣли: отличаясь любознательностью, онъ желалъ собрать болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія о Московіи и Персіи, странахъ, въ то время еще мало извѣстныхъ. Согласно съ намѣченными цѣлями Фридрихъ III опредѣлилъ и составъ того торжественнаго посольства, которое онъ отправилъ въ Москву въ 1633 году: въ него вошли, кромѣ искуснаго дипломата Крузе, опытный купецъ Бругманъ и извѣстный ученый Олеарій, а также другія лица. Посольство должно было прежде всего выхлопотать у царя Михаила Ѳедоровича десятилѣтнюю привилегію на транзитную торговлю съ Персіей и Индіей, главнымъ образомъ, шелкомъ. Несмотря на то, что другія европейскія государства, уже ранѣе домогавшіяся такого права, потерпѣли неудачу, царь разрѣшилъ учредить на извѣстныхъ условіяхъ голштинскую, вѣрнѣе, гамбургскую, компанію.

стр. 725—726. Въ своемъ донесеніи французскій посланникъ при Шведскомъ дворѣ Шаню (Chanut) сообщалъ своему правительству, въ 1651 году, что „король Испанскій, король Датскій и герцогъ Голштинскій вознамѣрились подорвать торговлю Голландіи и вмѣстѣ съ тѣмъ общими вооруженными силами овладѣть Швеціей“, для чего и вступили въ соглашеніе между собою“. Шаню приписывалъ планъ установленія торговли шелкомъ съ Персіей и прорытія канала „нѣкоему нѣмцу Брокману“ (Brokman), прожившему нѣсколько лѣтъ въ Испаніи, а затѣмъ отправленному герцогомъ Фридрихомъ въ посольство въ Персію; можно, значитъ, думать, что „Брокманъ“ и Бругманнъ—одно и то же лицо. Шаню относилъ возникновеніе конвенціи къ 1638 году и объяснялъ неудачу всего проекта тѣмъ, что испанскій флотъ, который долженъ былъ содѣйствовать овладѣнію Датскимъ королемъ Швеціи и закрытію Зунда для голландцевъ, потерпѣлъ пораженіе у береговъ Англіи отъ адмирала Тромпа (Tromp) въ 1639 году. Ср. еще J. Ch. Laveaux, Histoire de Pierre III, Paris, an VII, t. I, pp. 153—155. Авторъ всецѣло приписываетъ этотъ проектъ герцогу Адольфу, но допускаетъ рядъ противорѣчій: онъ относитъ его составленіе къ 1646 году, когда герцогомъ Голштинскимъ былъ Фридрихъ III и говоритъ о посольствѣ, отправленномъ герцогомъ Адольфомъ въ Москву къ царю Алексѣю Михайловичу, что расходится со всѣми другими извѣстными намъ показаніями о посольствахъ герцога Фридриха III къ царю Михаилу Ѳедоровичу. Въ вышеназванномъ очеркѣ проф. Д. Шэферъ вовсе не упоминаетъ о прежнихъ планахъ и попыткахъ прорыть каналъ, подобный Кильскому.

Вскорѣ по возвращеніи пословъ въ Готторпъ герцогъ Фридрихъ III снарядилъ, въ 1636 году, новое еще болѣе разнообразное по своему составу посольство, которое посѣтило Москву и побывало въ Персіи; вызвавъ противъ себя, повидимому, противодѣйствіе со стороны голландцевъ, оно не имѣло, однако, успѣха, а потому и недавно учрежденная компанія вскорѣ прекратила свое существованіе. Болѣе значительнаго результата достигли эти попытки для научной любознательности: Олеарій воспользозался своимъ пребываніемъ въ Московіи и Персіи для того, чтобы составить правдивое и точное описаніе тѣхъ странъ, областей и народовъ, которые ему удалось посѣтить въ теченіе своего шестилѣтняго путешествія; впослѣдствіи оно было напечатано въ Шлезвигѣ въ 1647 году, выдержало много изданій и было переведено на многіе европейскіе языки [1]).

Впрочемъ, Данія, пользовавшаяся, разумѣется, бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ Голштинія, стала обнаруживать такія же стремленія и до Голштинскаго посольства [2]): наряду съ другими государствами она выступила, при энергичномъ Христіанѣ IV, въ особенности съ 1641 года, опасной конкурренткой Голштиніи; да и самъ Фридрихъ III не счелъ возможнымъ подтвердить условія договора, заключеннаго, будто бы по винѣ Бругмана, вопреки даннымъ ему полномочіямъ, и, несмотря на возраженія Михаила Ѳедоровича, отложилъ дѣло до другого болѣе удобнаго времени [3]).

---

[1]) Kurzgefasste Geschichte etc., S. 21. F. Adelung, Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland etc., St.-Petersburg, 1846, Bd. II, SS. 299—306. П. Барсовъ, Предисловіе къ русскому переводу Путешествія Олеарія, М. 1870, стр. I—XIV: здѣсь, между прочимъ, указано, что Олеарій принималъ участіе и въ посольствѣ 1643 года, и исправлена ошибка Аделунга, относившаго выходъ перваго изданія Путешествія къ 1646 году. С. Соловьевъ, Исторія Россіи, комп. изд., кн. II, стб. 1234—1237.

[2]) C. F. Allen, Histoire du Danemark, trad. par E. Beauvois, Copenhague, 1879, t. I, pp. 244 ss., 254, 259, 286 ss. Христіанъ IV, какъ извѣстно, самъ ѣздилъ вдоль береговъ Норвегіи до устьевъ Колы.

[3]) Г. Форстенъ, Сношенія Даніи съ Россіей въ царствованіе Христіана IV, въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1892 г., Апрѣль, стр. 307, 317, 333. Въ связи съ тѣми-же попытками Даніи добиться свободнаго торговаго пути черезъ Московію въ Персію стоятъ извѣстныя сношенія касательно брачнаго союза сына Христіана IV отъ Христины-Мункъ—Вальдемара съ великой княжной Ириной Михайловной; см. ib., стр. 332.

Въ концѣ того-же вѣка, когда Данія, поглотившая Шлезвигъ, стала тѣснить Голштинію, опираясь, между прочимъ, на тайныя сношенія съ Россіей, а Швеція, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими державами, выступила на защиту Голштиніи, причемъ король датскій Фридрихъ IV вынужденъ былъ заключить съ королемъ шведскимъ Карломъ XII извѣстный миръ въ Травендалѣ 18 (8) Августа 1700 года и признать суверенныя права герцога Фридриха IV на его Шлезвигскія и Голштинскія владѣнія, съ предоставленіемъ ему нѣкоторыхъ выгодъ, отношенія его къ Россіи, разумѣется, были довольно натянутыми [1]). Новому герцогу, дѣду Петра Ѳедоровича, недолго пришлось, однако, пользоваться своими правами: черезъ два года онъ былъ убитъ въ битвѣ при Клиссовѣ, и братъ его—герцогъ Христіанъ-Августъ, за малолѣтствомъ его сына Карла-Фридриха, сталъ править его наслѣдственными землями; новый правитель счелъ нужнымъ поддерживать политическія связи съ Россіей и старался пріобрѣсти себѣ благоволеніе Петра Великаго: онъ, между прочимъ, подарилъ царю, къ большому его удовольствію, извѣстный Готторпскій глобусъ, сдѣланный подъ наблюденіемъ Олеарія [2]). Вскорѣ по вступленіи въ управленіе Шлезвигомъ и Голштиніей герцогъ Христіанъ-Августъ нарушилъ нейтралитетъ по отношенію къ Даніи и долженъ былъ, по настоянію предсѣдателя голштинскаго совѣта барона Гёрца, уступить королю датскому многія права, пріобрѣтенныя Травендальскимъ трактатомъ; еще позднѣе, Шлезвигъ, съ его кореннымъ датскимъ населеніемъ, въ силу мира Даніи съ Швеціей, гаранти-

[1]) Kurzgefasste Geschichte, etc., SS. 85—89. Г. Ф. Бассевичъ, Записки, стб. 23, 25—26, 28 (H. F. de Bassewitz, Éclaircissemens sur plusieurs faits, arrivés sous le regne de Pierre le Grand, въ Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von F. A. Büsching, Halle 1775, IX Theil; ссылки дѣлаются на русскій переводъ И. Аммона, М. 1866 г.), Петръ Великій побуждалъ Данію расторгнуть Травендальскій миръ и возобновить враждебныя дѣйствія противъ Швеціи.

[2]) см. Г. Ф. Бассевичъ, Записки, стб. 20. F. W. Bergholz, Tagebuch etc., въ томѣ-же „Magazin“ Halle, 1785—1788. XIX—XXII Theile; нижеслѣдующія ссылки дѣлаются на русскій переводъ И. Аммона, 2 изд. М. 1858 г.: Ф. В. фонъ-Бергхольцъ, Дневникъ, т. I, стр. 165—168; см. А. Нартовъ, Разсказы, изд. Л. Майкова, Спб. 1891 г., стр. 30. Карлъ-Фридрихъ родился 19 (9) Апрѣля 1700 года.

рованнаго Франціей и Англіей, былъ уступленъ, помимо согласія Карла-Фридриха, королю датскому, да и сама Гольштинія уже въ 1713 году была занята датскими войсками [1]). Такимъ образомъ юный наслѣдникъ Шлезвигъ-Гольштинскаго герцогства Карлъ-Фридрихъ, получившій свое воспитаніе при дворѣ дяди своего шведскаго короля Карла XII, оказался фактически лишеннымъ своихъ владѣній. Тѣмъ не менѣе, черезъ четыре года Карлъ-Фридрихъ былъ объявленъ императоромъ священной Римской имперіи совершеннолѣтнимъ и получилъ право вступить въ управленіе ими, а въ 1721 году, послѣ того, какъ его надежда занять шведскій престолъ не осуществилась, онъ утвердился, благодаря содѣйствію императора Карла VI, въ Килѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по смерти своего дяди Карла XII, убитаго въ войнѣ противъ Даніи изъ-за тѣхъ же земель, онъ оказался въ числѣ претендентовъ на шведскій престолъ.

Несмотря на улучшившіяся обстоятельства, молодой герцогъ все же нуждался въ посторонней помощи: онъ хотѣлъ вернуть себѣ Шлезвигъ, почти цѣликомъ аннексированный Даніей 22 (11) Августа 1721 года, послѣ Фредериксборгскаго мира, для чего и обратился за содѣйствіемъ къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и къ Россіи, уже вступившей въ секретные переговоры о мирѣ съ Швеціей; онъ даже лично отправился ко двору Петра Великаго и пріобрѣлъ здѣсь большое расположеніе къ себѣ Екатерины.

Въ то время Петръ Великій началъ помышлять о водвореніи болѣе прочнаго вліянія Россіи на Балтійскомъ морѣ: нѣсколько охладѣвши къ Даніи послѣ неудачной своей попытки овладѣть Карлскроной въ Блекингѣ, онъ хотѣлъ пріобрѣсти вліяніе въ Германіи и „основать“ въ ней „новую систему“, благодаря которой Россія могла-бы „держать въ почтеніи державы“, желавшія „всѣмъ предписывать законы“.

[1]) Kurzgefasste Geschichte etc., SS. 93—114. Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III empereur de Russie avec un détail historique des differends de la Maison de Holstein avec la Cour de Danemarc, publ. par D. G[o u d a r d], Francfort et Leipzig, 1763, pp. 7—8.

Въ виду такихъ цѣлей Петръ Великій вступилъ, между прочимъ, въ дружескія сношенія съ герцогомъ Мекленбургскимъ Карломъ-Леопольдомъ, за котораго онъ выдалъ замужъ свою племянницу Екатерину Ивановну, съ цѣлью использовать ихъ для утвержденія своего вліянія на Балтійскомъ побережьѣ, въ особенности нужнаго для выгодъ русской торговли, и вслѣдъ за тѣмъ сталъ питать аналогичные виды на молодого герцога Голштинскаго: царю казалось выгоднымъ имѣть „въ своихъ рукахъ“ претендента на шведскій престолъ и тѣмъ самымъ „устрашать“ Швецію, принуждая ее къ заключенію такого мира, какого онъ только пожелаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему представлялось возможнымъ установить между Россіей и Голштиніей такія же связи, какія уже возникли у нея съ Мекленбургомъ. Въ виду ожидаемыхъ отъ нихъ выгодъ Петръ Великій постарался привлечь Карла-Фридриха на свою сторону: царь обѣщалъ ему не заключать мира съ Швеціей безъ „дѣйствительнаго возстановленія Шлезвига и Голштиніи“ и поддерживать его притязанія на шведскій престолъ, приглашалъ его пріѣхать въ Россію и выражалъ готовность осуществить его надежду на бракъ съ одной изъ цесаревенъ. Подъ вліяніемъ столь „лестныхъ“ для него предложеній Карлъ-Фридрихъ, дѣйствительно, рѣшился отправиться въ Ригу и встрѣтилъ здѣсь ласковый пріемъ: самъ царь выѣхалъ сюда для того, чтобы принять здѣсь будущаго своего зятя, подарилъ ему табакерку собственнаго издѣлія, приглашалъ его на смотръ полковъ, расположенныхъ близъ города и т. п. Въ соотвѣтствіи съ намѣреніями царя, Екатерина выказала свое благорасположеніе къ молодому герцогу, уже въ то время давшее поводъ предполагать, что его готовы принять женихомъ цесаревны Анны Петровны [1]). Въ ожиданіи такого

[1]) Г. Ф. Бассевичъ, Записки, стб. 30, 62—63, 74—108; авторъ пишетъ, что дружескія сношенія царя съ герцогомъ Мекленбургскимъ „открыли для пользы русской торговли новый путь взамѣнъ затруднительнаго шлезвигскаго канала, тѣмъ болѣе, что плаваніе по Балтійскому морю къ Эльбѣ легко могло установиться при помощи нѣкоторыхъ мекленбургскихъ озеръ и рѣкъ“. Нѣсколько позднѣе царь обнаружилъ раздраженіе противъ англичанъ, которые „противодѣйствовали его намѣренію пріобрѣсти себѣ по ту сторону Балтійскаго моря портъ, откуда можно было-бы проходить въ океанъ...“; тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился

исхода герцогъ Фридрихъ-Карлъ широко воспользовался ихъ гостепріимствомъ и, въ теченіи шести лѣтъ принималъ постоянное участіе въ всевозможныхъ придворныхъ торжествахъ и частныхъ увеселеніяхъ, а иногда выслушивалъ „объясненія“ царя, который самъ показывалъ ему заведенныя имъ новшества, пріятно проводилъ время у царицы, съ которой вступалъ въ довольно продолжительныя бесѣды, знакомился и сближался съ принцессами, посѣщалъ достопримѣчательности, принималъ плѣнныхъ шведовъ и т. п. [1]).

Возможно, что перемѣна, происшедшая въ отношеніяхъ между Россіей и Гольштиніей произошла, между прочимъ, подъ вліяніемъ самого Гольштинскаго правительства и близкаго къ царскому двору князя Меншикова: уже баронъ Гёрцъ, „способный ко всякимъ интригамъ“, сумѣлъ воспользоваться желаніемъ царя „владѣть участкомъ въ Германіи“ и стремленіемъ его любимца „увеличивать его могущество и обогащать себя“; Гёрцъ указывалъ на то, что молодой Карлъ-Фридрихъ, „всею душею преданный Швеціи“, безъ труда рѣшится уступить часть своихъ Гольштинскихъ владѣній царю,

---

принять сдѣланнаго ему, во время конференціи на островѣ Аландѣ, въ 1718 году, предложенія „Мекленбургіи“, причемъ „герцогъ Карлъ-Леопольдъ долженъ былъ взамѣнъ ея получить Курляндію или часть герцогской Пруссіи“; см. ib., стб. 55, 72—73. Во время переговоровъ съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ, веденныхъ черезъ посредство Вейсбаха, Петръ Великій, по словамъ Бассевича, считалъ возможнымъ даже уступить герцогу, какъ скоро онъ прибудетъ въ С.-Петербургъ, Ливонію и Эстонію, но нѣсколько позднѣе выразилъ желаніе, чтобы герцогъ „особымъ реверсомъ обязался возвратить ему Ливонію, когда сдѣлается королемъ шведскимъ“; но это предложеніе исходило отъ Гольштинскаго правительства; см. ib., стб. 91, 96. Ф. В. фонъ-Бергхольцъ, Дневникъ, ч. I, стр. 22—27. О побужденіяхъ Екатерины, повидимому, желавшей проложить себѣ дорогу къ престолу путемъ брака старшей ея дочери съ герцогомъ Гольштинскимъ, см. М. Поліевктовъ, Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ и проч., Спб. 1907 г., стр. 285—288, 290. Ср. еще А. Трачевскій, Союзъ князей и проч., Спб. 1877 г., стр. 34—39.

[1]) Ф. В. фонъ Бергхольцъ, Дневникъ, ч. I, стр. 104, 125, 145, 148, 150, 154, 186, 189, 196, 198, 199, 203, 210—211, 228, 235. 243, 255; о пріемѣ плѣнныхъ шведовъ, къ которымъ Карлъ-Фридрихъ относился въ качествѣ будущаго наслѣдника шведскаго престола, съ особеннымъ вниманіемъ, см., напримѣръ, тамъ-же, ч. II, стр. 31, 35, 37—39, 41—42, 45—46, 289—290 и др. Герцогъ посѣтилъ, между прочимъ, и кунсткамеру вмѣстѣ съ асессоромъ Сурландомъ, бывшимъ профессоромъ въ Килѣ; см. тамъ-же, ч. I, стр. 139, 155.

и даже прислалъ князю Меншикову, остававшемуся въ то время въ Германіи, цѣлый планъ прорытія черезъ Шлезвигъ канала, который соединилъ бы Балтійское море съ Нѣмецкимъ и открылъ бы Россіи путь къ торговлѣ, избавляя въ то же время русскіе корабли отъ обязанности проходить черезъ Каттегатскій проливъ. Предложеніе барона Гёрца, сулившее князю Меншикову большую прибыль, склонило его въ пользу союза Россіи съ Голштинскимъ домомъ: „онъ вознамѣрился утвердить его бракомъ молодого герцога Карла-Фридриха съ цесаревной Анной Петровной“ [1]). Любимецъ Петра Великаго легко могъ привить мысль о бракѣ и неизмѣнно расположенной къ нему Екатеринѣ; присланный изъ Голштиніи ловкій дипломатъ—Бассевичъ, пользуясь покровительствомъ князя Меншикова, содѣйствовалъ дальнѣйшему осуществленію такого плана, заслужившаго одобреніе самого царя, тѣмъ болѣе, что онъ сочувствовалъ предложенію Бестужева объ освобожденіи русскихъ торговыхъ кораблей отъ Зундской пошлины и былъ недоволенъ датчанами, которые заботились только о своихъ выгодахъ и „недоброжелательствовали ему“; съ такой точки зрѣнія онъ готовъ былъ поддержать притязанія Карла-Фридриха и на Шлезвигъ, служившія своего рода грозой противъ Даніи. Вопреки стараніямъ шведскихъ и французскихъ дипломатовъ, эти предположенія могли быть приведены въ исполненіе послѣ Ништадскаго мира. Хотя Карлъ-Фридрихъ оказался „игрушкой“ царской политики, и мирный трактатъ не содержалъ даже малѣйшаго намека на осуществленіе данныхъ ему обѣщаній, однако, Петръ Великій принялъ во вниманіе его интересы нѣсколько позднѣе, при заключеніи съ Швеціей трактата 4 Марта (22 Февраля) 1724 года; въ особой секретной его статьѣ объ державы обя-

[1]) [M. Ranfft], Die merkwürdige Geschichte... Peters des Dritten, Lpz. 1773, SS. 1—12, 19, 20. Г. Ф. Бассевичъ, Записки, стб. 6—7, 10—13, 19—20. О планѣ прорытія канала помышлялъ уже герцогъ Фридрихъ III; см. выше стр. 257. Въ своихъ сношеніяхъ съ Екатериной герцогъ Голштинскій пользовался посредничествомъ ея камергера Монса и его сестры статсъ-дамы Балкъ, разумѣется, до извѣстнаго дѣла о нихъ, возникшаго въ концѣ 1724 года; см. тамъ же, стб. 169—170. Ср. еще C. F. Allen, Histoire du Danemark, trad. par E. Beauvois, Copenhague 1879, t. II, pp. 132—142.

зались принять нѣкоторыя мѣры къ возвращенію „его Шлезвигъ-Голштинскому королевскому высочеству“ Карлу-Фридриху тѣхъ владѣній въ Шлезвигѣ, которыхъ онъ лишился, а, въ случаѣ ихъ представленія при датскомъ и другихъ дворахъ не возымѣютъ дѣйствія, по возможности наилучшимъ образомъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, уладить это дѣло [1]). Вскорѣ затѣмъ отношенія между Петербургскимъ и Голштейнъ-Готторпскимъ дворами еще болѣе упрочились благодаря родственнымъ связямъ: 5 Декабря (24 Ноября) 1724 года царь заключилъ трактатъ съ „владѣющимъ“ герцогомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ Карломъ-Фридрихомъ о его супружествѣ съ цесаревной Анной, которая, въ силу новаго закона о престолонаслѣдіи, должна была, съ аппробаціи „его королевскаго высочества“, отречься за себя и своихъ наслѣдниковъ мужескаго и женскаго пола, отъ всякихъ правъ и притязаній на „корону и всероссійскій имперіумъ“, что, впрочемъ, не лишало царя права назначить одного изъ нихъ своимъ преемникомъ и на русскомъ престолѣ. Въ силу того-же договора Карлъ-Фридрихъ долженъ былъ „содержать“ будущую свою супругу, а также всѣхъ принцессъ, рожденныхъ отъ этого брака, „въ вѣрѣ и исповѣданіи греческой церкви“, для чего и обязывался устроить „на мѣстѣ будущей ихъ резиденціи церковь по греческому обыкновенію“; съ своей стороны Петръ Великій обѣщалъ своему зятю, что онъ „и руки прежде опускать не изволитъ, пока государю герцогу, дружелюбно любезному его зятю за свое отъ короля дацкаго черезъ толь многіе годы у него предудержанное герцогство Шлезвигское совершенное удовольство съ совокупленіемъ короны шведской исходатайствовано будетъ“ [2]). Обрученіе между Карломъ-Фридрихомъ и цесаревной Анной со-

[1]) Ф. В. фонъ Бергхольцъ, Дневникъ, ч. I, стр. 161—162, 164. П. С. З., т. VII, № 4465 (трактатъ 22 (11) Февраля 1724 г.; здѣсь, однако, нѣтъ секретнаго артикула). Kurzgefasste Geschichte etc. SS. 114—116. Ср. еще М. Поліевктовъ, Op. cit. стр. 101—119, 280 и Прил. стр. 29—30.

[2]) П. С. З., т. VII, № 4605; трактатъ, кромѣ того, подробно регулировалъ имущественныя отношенія между супругами. Собраніе трактатовъ и конвенцій, изд. подъ ред. Ѳ. Мартенса, т. V, стр. 213, 230—231. С. Соловьевъ, Исторія Россіи, комп. изд., кн. IV, стб. 843—844.

стоялось въ день заключенія вышеизложеннаго трактата и тезоименитства государыни: самъ царь обмѣнялъ кольцами жениха и невѣсту; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ незадолго до своей кончины успѣлъ заинтересовать прусскаго короля въ пользу своего зятя и получить отъ него увѣреніе, что онъ „никогда не вступитъ ни въ какія соглашенія“ ни противъ возвращенія герцогу Голштинскому Шлезвига, ни противъ его правъ на шведскій престолъ. Въ связи съ такимъ обѣщаніемъ возникли и новыя предположенія о предоставленіи въ Килѣ портофранко для вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ [1]).

Вообще продолжая слѣдовать предначертаніямъ своего покойнаго супруга, Екатерина I поспѣшила исполнить и тѣ изъ нихъ, которыя касались „Голштинскаго дѣла“; бракъ Карла-Фридриха съ цесаревной Анной Петровной былъ отпразднованъ 1 Іюня (21 Мая) 1725 года, причемъ государыня позаботилась объ ихъ обзаведеніи и предоставила своему зятю право пользоваться, на время своего пребыванія въ Россіи, доходами съ острова Эзеля [2]). Положеніе молодой четы при русскомъ дворѣ, казалось, упрочилось: Петръ Великій, судя по свидѣтельству современниковъ, хотѣлъ даже передать скипетръ, послѣ себя и супруги своей, въ руки Анны Петровны, которая вмѣстѣ съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ, „мало способнымъ къ управленію обширной имперіей“, должна была, значитъ, остаться въ Россіи: „не вполнѣ увѣренный, однако, въ томъ, что послѣ его смерти, воля его и коронованіе будутъ настолько уважены, что скипетръ перейдетъ въ руки иностранки, стоящей посреди столькихъ особъ царской крови“, царь началъ даже „посвящать принцессу Анну и герцога Карла, тотчасъ послѣ ихъ обрученія, во всѣ подробности управленія государствомъ и системы, которой онъ держался во время всего своего

---

[1]) Собраніе трактатовъ и конвенцій, изд. подъ ред. Ѳ. Мартенса, т. V, стр. 233. Ср. М. Поліевктовъ, Op. cit., стр. 278—298.

[2]) „Описаніе о бракѣ между ея высочествомъ Анною Петровною и Карломъ-Фридрихомъ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ“, С.-Пб. 1726 г. Ф. В. фонъ-Берхольцъ, Дневникъ, ч. IV, стр. 150—159. [G. A. W. Helbig], Biographie Peter des Dritten, Tübingen, 1808, Bd. I, S. 15.

царствованія". По смерти царя Екатерина I продолжала выказывать полное свое благорасположеніе къ герцогу и его супругѣ, причемъ готова была даже принудить короля Датскаго возвратить Голштиніи взятый имъ Шлезвигъ: въ русско-австрійскомъ договорѣ, который императрица Екатерина заключила съ императоромъ Карломъ VI въ Августѣ 1726 года, они постановили употребить „пріятельскія старанія", въ пользу Карла-Фридриха, „но буде таковыя пріятельскія старанія, тому насупротивъ, чрезъ цѣлое время одного году пожеланнаго плода не принесутъ, то къ такому случаю обязуются его цесарское католическое величество и ея всероссійское величество совокупно оружіе дѣйствительно воспріять и оное же прежде нисположить, пока свѣтлѣйшій герцогъ сатисфакцію получитъ и ему надлежащее возвратятъ". Подобное же условіе было включено и въ русско-прусскій договоръ 10-го Августа (29-го Іюля) того же года: въ „добромъ согласіи" съ императрицей Екатериной I, король Фридрихъ-Вильгельмъ послѣдовалъ примѣру германскаго императора, гарантировавшаго соблюденіе условій Травендальскаго трактата, спеціально оговоривъ необходимость справедливаго удовлетворенія герцога Голштинскаго, лишеннаго своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ Шлезвигѣ [1]). Съ своей стороны герцогъ Карлъ-Фридрихъ, рѣшительно заявившій свои притязанія на Шлезвигъ, сознавалъ, что его интересы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ Русскимъ дворомъ и, вмѣстѣ съ Анной Петровной не думалъ покидать Петербургъ. Духовное завѣщаніе императрицы, въ составленіи котораго будто бы принималъ дѣятельное участіе Бассевичъ, оправдало ихъ надежды: назначая своимъ наслѣдникомъ великаго князя Петра

[1]) П. С. З., т. VII, №№ 4946 и 4947. Собраніе трактатовъ и конвенцій, изд. подъ ред. Ѳ. Мартенса, т. I. № 5, стр. 41—42. Kurzgefasste Geschichte etc., SS. 118—121. Нѣсколько раньше Россія, предлагала Голландіи вмѣстѣ съ другими державами взять на себя гарантію Травендальскаго мира, причемъ ей удалось получить согласіе голландскаго правительства обнаружить свое дружеское расположеніе къ герцогу Голштинскому, формулированное, впрочемъ, въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Такое благопріятное отношеніе Россіи къ Шлезвигскому вопросу помѣшало ея сближенію съ Англіей, заключившей, въ Апрѣлѣ того же 1726 года союзъ съ Даніей и Франціей.

Алексѣевича, Екатерина предоставила, однако, герцогу съ супругой вмѣстѣ съ прочими членами верховнаго совѣта, управленіе имперіей во время его малолѣтства, а въ случаѣ, если великій князь „безъ наслѣдниковъ представится", назначала ближайшей ему преемницей цесаревну Анну съ ея „десцендентами"; вмѣстѣ съ тѣмъ она возлагала на Россійское государство и на великаго князя Петра Алексѣевича обязанность „накрѣпко исполнить его королевскаго высочества герцога Голштинскаго дѣло шлезвицкаго возвращенія и дѣло Шведской короны". „Тестаментъ" Екатерины I закрѣплялъ дальнѣйшую связь между Россійской имперіей и Голштинскимъ домомъ и другими распоряженіями касательно брака Елисаветы Петровны съ „Карломъ герцогомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ и епископомъ Любецкимъ", и наслѣдованія, послѣ цесаревны Анны „съ своими десцендентами", цесаревны Елисаветы и ея наслѣдниковъ [1]).

Съ того времени, однако, когда на престолъ вступилъ Петръ II, положеніе Карла-Фридриха и Анны Петровны существенно измѣнилось: всесильный князь Меньшиковъ отстранилъ Карла-Фридриха отъ занимаемыхъ имъ должностей, задерживалъ выдачу содержанія, назначеннаго Аннѣ Петровнѣ, и т. п. При такомъ враждебномъ къ нему отношеніи князя Меньшикова, да и барона Остермана, герцогъ Карлъ-Фридрихъ потерялъ надежду на осуществленіе предположеній Петра Великаго, подтвержденныхъ Екатериной, и рѣшилъ покинуть

[1]) П. С. З., т. VII, № 5070; ср. С. Соловьевъ, Исторія Россіи, комп. изд., кн. IV, Стб. 1021—1024. J. Ch. Laveaux, Op. cit., t. II, pp. 16—17. Судя по тому, что оригиналъ „тестамента" оказался въ Килѣ и что иностранный его текстъ болѣе исправенъ, чѣмъ русскій, страдающій пробѣлами и неясностями, причемъ изъ 15 его статей 6 относятся къ Голштиніи, можно признать участіе Бассевича въ его составленіи довольно вѣроятнымъ; Лаво разсказываетъ о томъ, что Бестужевъ, во время пребыванія своего въ Гамбургѣ, добылъ изъ Кильскаго архива герцога Голштинскаго „весьма важныя для Голштинскаго дома бумаги, касающіяся Россіи, и, между прочимъ, оригиналъ духовнаго завѣщанія императрицы Екатерины" и привезъ ихъ съ собою въ Петербургъ, чѣмъ вызвалъ впослѣдствіи къ себѣ ненависть Петра Ѳеодоровича; см. [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bd. I, SS. 59—60. J. Ch. Laveaux, Op. cit., t. II, pp. 177—180. „Герцогъ Голштинскій и епископъ Любекскій" Карлъ приходился двоюроднымъ братомъ герцогу Карлу-Фридриху.

Россію: заручившись декларацією русскаго правительства, которой оно подтверждало всѣ прежніе трактаты и секретные артикулы, заключенные въ его пользу, и выразивъ намѣреніе впредь постоянно держать своего министра при русскомъ дворѣ, онъ 5 августа (25 іюля) 1727 года отправился, вмѣстѣ съ Анной Петровной, на родину, въ Киль: они прибыли въ свою резиденцію 24 (13) числа того же мѣсяца; здѣсь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 21 (10 февраля) 1728 года у нихъ родился сынъ, нареченный Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ и крещенный по обряду евангелически-лютеранской церкви [1]).

II.

По водвореніи своемъ въ Килѣ герцогъ Карлъ-Фридрихъ продолжалъ хлопотать о возстановленіи своихъ правъ на Шлезвигъ, но уже не встрѣтилъ прежней поддержки со стороны Россіи: императоръ Петръ II ограничился тѣмъ, что извѣстилъ его, въ особомъ письмѣ, о паденіи Меншикова, а наступившія вслѣдъ за тѣмъ перемѣны въ русскомъ правительствѣ не благопріятствовали продолженію сношеній: хотя на конгрессахъ въ Камбре и Суассонѣ оно еще требовало

---

[1]) П. С. З., т. VII; № 5128. Г. Ф. Бассевичъ, Записки, стб. 19, 25, 29—31, 34—36, 38, 40—45, 55, 108—117, 127, 141, 158, 166, 168, 170—172. Видимо желая воспользоваться услугами Бассевича для хлопотъ о признаніи за собою императорскаго титула и заключенія союза съ Швеціей, Петръ Великій съ своей стороны обѣщалъ содѣйствовать его попыткамъ заручиться согласіемъ шведскаго правительства титуловать герцога Голштинскаго королевскимъ высочествомъ и утвердить его право на наслѣдованіе шведскимъ престоломъ; см. тамъ же, стб. 129, 136—143, 146—149; касательно Шлезвига царь, однако, имѣлъ свои виды: онъ предпочиталъ предоставить его Даніи за содѣйствіе ея вступленію царскаго зятя на шведскій престолъ; въ трактатѣ, заключенномъ 5 марта (22 февраля) 1724 г., между Россіей и Швеціей, одна статья касалась Шлезвига, но она была редактирована въ довольно уклончивыхъ выраженіяхъ см. тамъ же стб. 143, 157. См. еще Я. Штелинъ, Записки, въ Чт. М. О. И. и Др. 1866 г., кн. IV, стр. 67. Тѣже „Записки“ вслѣдъ затѣмъ были напечатаны въ сборникѣ „Утро“, М. 1868 г., изд. М. Погодина, сс. 309—362, а также появились въ французскомъ переводѣ въ книгѣ: „Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, Bâle et Genève, 1871, t. II, pp. 62—86. См. еще [M. Ranfft], Op. cit., SS. 25, 30, 45, 48.

возвращенія герцогу Голштинскому его наслѣдственныхъ земель въ Шлезвигѣ, однако, въ силу русско-австро-датскаго договора, вызваннаго открытымъ заявленіемъ Даніи о своемъ желаніи сблизиться съ Россіей и заключеннаго 26 (15) мая 1732 г., Анна Іоанновна, вмѣстѣ съ цесаремъ уже гарантировала Христіану VI обладаніе Шлезвигомъ, за который онъ долженъ былъ уплатить Карлу-Фридриху милліонъ ефимковъ. Такое соглашеніе не могло удовлетворить Карла-Фридриха: онъ рѣшительно отказался примкнуть къ нему [1]). Вскорѣ затѣмъ возникло дѣло смоленскаго губернатора князя А. Черкасскаго, который „желалъ принцу Голштинскому наслѣдіе всероссійскаго престола имѣть“ и для того послалъ Ѳ. Милашевича въ Киль къ герцогу Карлу-Фридриху съ письменнымъ увѣреніемъ, что онъ, князь А. Черкасскій „не токмо Смольянъ, но и Украину можетъ въ вѣрность привесть“. Хотя Карла-Фридриха нельзя было заподозрить въ сочувствіи „злому умыслу“ князя А. Черкасскаго, однако, его дѣло, касавшееся „чести“ самой государыни и ея „высокой фамиліи“, могло способствовать дальнѣйшему охлажденію отношеній между Россіей и Голштиніей [2]).

Поглощенный заботами о возвращеніи Шлезвига, а также своими притязаніями на шведскій престолъ, не находившихъ прежней опоры въ русскомъ правительствѣ, Карлъ-Фридрихъ велъ довольно разсѣянный и подвижный образъ жизни и поверхностно относился къ воспитанію своего сына Карла-Петра-Ульриха, которому онъ передалъ свою „несчастную страсть къ военщинѣ“, а Анна Петровна скончалась

---

[1]) Собраніе трактатовъ и конвенцій, изд. подъ ред. Ѳ. Мартенса, т. I, № 7, стр. 50, 58, и 63. На Суассонскомъ конгрессѣ Карлъ-Фридрихъ обязался, между прочимъ, въ случаѣ, если Англія и Голландія гарантируютъ ему возвращеніе Шлезвига, „провести черезъ свои владѣнія, на собственномъ иждивеніи и не позже, какъ въ шестимѣсячный срокъ, соединительный каналъ между Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями для свободнаго минуя Зундъ прохода англійскихъ и голландскихъ кораблей“; но этотъ планъ, показавшійся генеральнымъ штатамъ „слишкомъ замысловатымъ и отдаленнымъ“, лишь еще болѣе раздражилъ Данію противъ герцога и едва-ли, въ такой его редакціи, могъ вызвать сочувствіе Россіи; см. С. Р. И. О., т. I, стр. 203. [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bd. I. SS. 143—144.

[2]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ и документовъ, изд. М. Михайловымъ, Спб. 1873 г., сс. 194—306.

черезъ нѣсколько недѣль послѣ его рожденія и не могла руководить имъ: оно было поручено Брюммеру и другимъ лицамъ, которыя не развили въ хиломъ и болѣзненномъ принцѣ нравственныхъ склонностей и, за исключеніемъ развѣ французскаго языка, слишкомъ мало озаботились обученіемъ его наукамъ. Герцогъ Адольфъ-Фридрихъ, вступившій въ управленіе Голштиніей послѣ смерти Карла-Фридриха въ 1739 г., не способствовалъ улучшенію воспитанія и образованія одиннадцатилѣтняго сироты; продолжать же ихъ по переселеніи принца въ Россію было, разумѣется, слишкомъ поздно, да и трудно [1]).

Мысль о вызовѣ юнаго Карла-Петра-Ульриха въ Россію уже возникла до воцаренія Елисаветы Петровны: герцогъ Биронъ помышлялъ о томъ, чтобы выдать за него свою дочь и посадить его на престолъ, если его не займетъ цесаревна Елисавета Петровна; паденіе Бирона отстрочило прибытіе принца въ Россію: онъ вызванъ былъ лишь своей тёткой—Елисаветой Петровной; по увѣренію иностранныхъ дипломатовъ, она поспѣшила пригласить юнаго Петра Ѳедоровича въ Россію изъ опасенія, чтобы иностранныя и, въ особенности, враждебныя ей державы не воспользовались тѣми притязаніями на русскій престолъ, какія онъ могъ предъявить согласно извѣстному „тестаменту“ Екатерины I [2]). Вскорѣ по воцареніи Елисаветы Петровны юный герцогъ Голштинскій уже появился при ея дворѣ: онъ прибылъ сюда въ началѣ 1742 г., но и тутъ не пріобрѣлъ большаго образованія: великій князь не могъ даже научиться свободно гово-

---

[1]) [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bd. I, S. 20—21. См. еще [M. Ranfft], Op. cit., SS. 65—67, 130—131, 327, J. Ch. Laveaux, Op. cit., t., I. p. 186.

[2]) В. Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй, Спб. 1890 г., т. I, стр. 27—28, 154. Уже въ началѣ царствованія Анны Іоанновны раздавались голоса недовольныхъ, утверждавшихъ, что „въ Гольштиніи имѣется одинъ принцъ, внукъ Петра Перваго, который истинный наслѣдникъ Россійской Имперіи и отдалить его отъ сего никакъ невозможно“; см. Сборникъ историческихъ матерьяловъ и документовъ, изд. М. Михайловымъ, Спб. 1873 г., стр. 197; ср. выше стр. 270. Впрочемъ, Гельбигъ объясняетъ вызовъ Петра Ѳедоровича въ Россію иными соображеніями, болѣе тѣсно связанными съ личными склонностями Елисаветы Петровны: см. [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bd. I, S. 28.

рить по русски; онъ также плохо воспринималъ тѣ поверхностныя свѣдѣнія по разнымъ предметамъ, которыя Штелинъ преподносилъ ему въ легкой и пріятной формѣ, и, вмѣсто книгъ, главное свое удовольствіе находилъ въ военныхъ экзерциціяхъ и парадахъ [1]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи своемъ къ русскому двору, Петръ Ѳедоровичъ принялъ православіе и, манифестомъ отъ 18 (7) Ноября 1742 г., былъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола, что и побудило его отказаться отъ шведской короны. Покровительство Россіи упрочило власть Петра Ѳедоровича и въ его голштинскихъ владѣніяхъ: послѣ Абосскаго мира 7 Августа (27 Іюля) 1743 г., Данія, обезпокоенная усиленіемъ Россіи и возможными притязаніями наслѣдника русскаго престола на Шлезвигъ, пыталась, было, въ виду измѣнившихся условій, оспорить право Петра Ѳедоровича, въ качествѣ наслѣдника русскаго престола принявшаго православіе, продолжать владѣть Голштиніей и претендовать на Шлезвигъ; но послѣ рѣшительнаго отпора со стороны русскаго правительства, она вынуждена была отказаться отъ исполненія своего плана, тѣмъ болѣе, что черезъ два года послѣ Абосскаго мира, король польскій Августъ III, въ качествѣ курфюрста Саксонскаго, бывшій въ то время „викаріемъ“ священной Римской имперіи, объявилъ Петра Ѳедоровича совершеннолѣтнимъ: 17 (6) Іюня 1745 г. императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ вручена была грамота, утвердившая его, въ качествѣ герцога „шлезвигголштинскаго“, въ правахъ на его наслѣдственныя владѣнія. По обнародованіи грамоты въ Голштиніи, всѣ придворные, коллежскіе и другіе чины были приведены къ присягѣ 15 (4) Іюля того-же года, а новый герцогъ вслѣдъ затѣмъ приказалъ выгравировать безъ надлежащаго на то разрѣшенія, особую медаль, на которой проставлены были его титулы, въ томъ числѣ и его титулъ герцога Шлез-

[1]) [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bd. I, SS. 32—37, 41—43, 52, 55; Bd. II, S. 177. K. Stählin, Aus russischen Archiven, въ Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, Bd. II (1912), SS. 402—403.

вигскаго [1]). Связи Петра Ѳедоровича съ Голштиніей, о которой ему много говорилъ его дядя принцъ Августъ, явившійся въ то время въ Петербургъ, нашли себѣ нѣкоторую поддержку и въ его брачномъ союзѣ съ принцессой Цербстской—Софіей-Августой-Фредерикой, нареченной великой княгиней Екатериной Алексѣевной, заключенію котораго король прусскій Фридрихъ II оказалъ существенное содѣйствіе [2]): она также состояла по матери въ родствѣ съ Голштейнъ-Готторпскимъ домомъ и была воспитана въ традиціонномъ чувствѣ вражды его къ Даніи [3]).

Со своей національной точки зрѣнія императрица Елисавета Петровна пыталась противодѣйствовать такимъ увлеченіямъ: по поводу притязаній Петра Ѳедоровича на Шлезвигъ, она однажды замѣтила, что, хотя и не вступится въ дѣло, „принадлежащее великому князю“, однако, „за него вовсе не намѣрена прекращать переговоры съ датскимъ дворомъ о возобновленіи союза, нужнаго для интересовъ здѣшней имперіи“; и чѣмъ затруднительнѣе становились шведскія отношенія, тѣмъ нужнѣе казалось ей сближеніе съ Даніей, владѣніе которой Шлезвигомъ она даже обязалась, въ силу договора 10 Іюня (30 Мая) 1746 года, защищать „противъ всѣхъ и каждаго, выключая токмо его императорское высочество великаго князя и его мужскаго пола по-

---

[1]) D. G[oudard], Mémoires etc., pp. 20, 47, 114—116. [M. Ranfft], Op. cit., SS. 65—67, 86, 95, 114, 122, 129—130, 148—150. Я. Штелинъ, Записки, въ Чт. М. О. И. и Др. 1866 г., кн. IV, стр 82. [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bd. I, SS. 147—175; Bd. II, SS. 190—191. В. Бильбасовъ, Op., cit., т. I, стр. 596—597. О роли цербстской княгини Іоганны-Елисаветы въ интригѣ по поводу Голштиніи см. тамъ-же стр. 156—161. Впрочемъ, за отсутствіемъ великаго князя, правителемъ Голштиніи оставался герцогъ Фридрихъ-Августъ, епископъ Любекскій; см. ib., S. 154.

[2]) Politische Correspondenz Friedrich des Grossen, Bd. II, S. 417. Ср. сборникъ „Осьмнадцатый вѣкъ“, т. I, стр. 5—44. J. Ch. Laveaux, Op. cit., t. III, p. 3. В. Бильбасовъ, Op. cit., т. I, стр. 30—31.

[3]) Имп. Екатерина II, Сочиненія, изд. Академіей Наукъ, т. XII, стр. 18 19, 290; герцогъ Карлъ-Фридрихъ Шлезвигъ-Голштинскій былъ главою дома, къ которому принадлежала мать Екатерины Алексѣевны: родителями Іоанны-Елисаветы принцессы Голштейнъ-Готторпской были Христіанъ-Августъ Голштейнъ-Готторпскій, епископъ Любекскій и Альбертина-Фредерика Баденъ-Дурлахская.

томковъ", причемъ въ трактатахъ съ Швеціей и Австріей торжественно гарантировала лишь „нынѣшнія его въ Германіи владѣющія земли". Тѣмъ не менѣе императрицѣ не удалось переубѣдить племянника: модель города Киля нравилась ему болѣе, чѣмъ „все русское государство" [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, хотя Петръ Ѳедоровичъ покинулъ Голштинію четырнадцатилѣтнимъ юношей, онъ тѣмъ не менѣе питалъ къ ней необыкновенную страсть, постоянно думалъ о ней и охотно превозносилъ её, причемъ давалъ волю своему воображенію. Впрочемъ, самъ Петръ Ѳедоровичъ былъ очень мало способенъ входить въ голштинскія дѣла: онъ охотно слушалъ иногда пасторовъ, проповѣдовавшихъ его заморскимъ солдатамъ, и проливалъ слезы, разставаясь со своими дорогими голштинцами, которыхъ ему, по объявленіи его совершеннолѣтнимъ, пришлось отослать обратно изъ Петербурга на родину, но слишкомъ поверхностно относился къ ихъ нуждамъ и находился подъ вліяніемъ Брокдорфа, плохого совѣтника, поддерживавшаго въ немъ ту отчужденность, какую великій князь явно обнаруживалъ къ Россіи. Почти совершенно пренебрегая государственными дѣлами Голштиніи, Петръ Ѳедоровичъ неохотно разставался съ голштинскимъ мундиромъ, окружилъ себя голштинскими офицерами и снова выписалъ цѣлый отрядъ голштинскихъ солдатъ, содержаніе которыхъ ложилось тяжелымъ бременемъ на разстроенные финансы его же родной страны; и когда графу Александру Шувалову пришла въ голову мысль уго-

---

[1]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, комп. изд., кн. V, стб. 445. Въ договорѣ съ Швеціей отъ 14 (3) Іюня рѣчь уже шла о такой именно гарантіи. За нѣсколько дней до заключенія упоминаемаго въ текстѣ договора съ Даніей, Бестужевъ и Претлакъ подписали „окончательный" союзный трактатъ между Россіей и Австріей (ратификованный, впрочемъ, императрицей Елисаветой Петровной позднѣе—2 Іюля 1746 года), первый сепаратный артикулъ котораго также содержалъ условія объ „охраненіи интересовъ герцогскаго Голштейнъ-Шлезвигскаго дома" и гарантію „владѣющему герцогу Голстеинъ-Шлезвигскому", т. е. великому князю Петру Ѳедоровичу и его наслѣдникамъ мужского пола „нынѣ въ Германіи во владѣніи его находящихся земель"; см. Собр. тракт. и конв., изд. подъ ред. Ѳ. Мартенса, т. I, № 17, стр. 163—165; ср. еще стр. 175—177.

ворить императрицу Елисавету, взамѣнъ 200 голштинцевъ въ Россіи, послать 2000 русскихъ солдатъ въ Голштинію, великій князь, подъ вліяніемъ Броккдорфа, отказался отъ исполненія такого плана: онъ предпочиталъ держать своихъ голштинцевъ при себѣ въ Ораніенбаумѣ, хотя-бы цѣною того неудовольствія, которое они вызывали среди русскихъ войскъ [1]).

Впрочемъ, въ качествѣ владѣтельнаго герцога Голштинскаго Петръ Ѳедоровичъ вступалъ иногда и въ болѣе культурныя отношенія къ своему наслѣдственному княжеству: онъ принялъ на себя, напримѣръ, званіе ректора Кильскаго университета, въ виду чего послѣдній счелъ своимъ долгомъ отпраздновать его бракосочетаніе, прославленное, между прочимъ, Кортгольтомъ въ напыщенныхъ латинскихъ стихахъ и воспѣтое студентами [2]). Вслѣдъ за тѣмъ, года черезъ четыре послѣ своего выѣзда изъ Киля великій князь Петръ Ѳедоровичъ выписалъ оттуда, въ 1746 году, герцогскую библіотеку въ Петербургъ, причемъ, „ненавидя латынь“, велѣлъ Штелину

---

[1]) Императрица Екатерина II, Сочиненія, т. XII, стр. 101, 133, 289, 353—354, 372, 379—380, 621, 622; впослѣдствіе число голштинцевъ возросло до 1300: см. ib., стр. 384; по другимъ извѣстіямъ, оно, ко времени переворота, дошло до 2000; см. J. Ch. Laveaux, Op. cit.. t. I, стр. 333, 334. [G. A. W. Helbig], Op. cit, Bd. II, SS. 120, 180. В. Бильбасовъ, Op. cit., т. II, стр. 540. [M. Ranfft.], Op. cit., SS 157—161, 165. По словамъ современниковъ Бестужевъ, внушавшій императрицѣ Елисаветѣ опасенія, какъ-бы Петръ Ѳедоровичъ не захватилъ престола, много содѣйствовалъ его отстраненію отъ участія въ русскихъ государственныхъ дѣлахъ и ограничилъ его дѣятельность управленіемъ одной Голштиніей; см. J. Ch. Laveaux, Op. cit., t. I, pp. 44, 86, 143, 207; t. II, pp. 181, 198—199. О посылкѣ Петромъ Ѳедоровичемъ военныхъ отрядовъ для комплектованія голштинскихъ войскъ см. ib., t. I, pp. 126, 128. D. G[oudard], Mémoires etc., p. 31.

[2]) S. K[ortholt], Sollemnia nuptiarum caesareae celsitudinis..... domini Petri Feodorowitz.... cum caesarea celsitudine.... domina Catharina Alexiewna....., principibus et dominis suis..... demississime gratulatur Academia Holsatica, interpretante S. K. Kilonii (1745). Безсодержательная поздравительная ода, писанная гекзаметромъ: Das hohe Vermählungs-Fest des durchlauchtigsten Fürsten und Herrn... Peter Feodorowitz... und Ihro Kayserl. Hoheit der durchlautigsten Fürstin und Frauen.... Catharina Alexiewna....., Kiel [1745]. Ср. В. Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй, Берлинъ 1896 г., т. XII, № 4 (съ опечатками) и № 5. Донесенія бар. Н. Ф. Корфа о голштинскихъ дѣлахъ въ 1745 году см. у С. Соловьева: Исторія Россіи, комп. изд., кн. V, стб. 375—376.

„всѣ латинскія книги взять себѣ или дѣвать, куда онъ хочетъ“, а остальныя перевезти въ Ораніенбаумъ [1]). Книжное собраніе, выписанное великимъ княземъ изъ Киля, вѣроятно, вошло въ составъ и образовало главный фондъ Ораніенбаумской библіотеки, которая, судя по сохранившейся отъ позднѣйшаго времени описи, была довольно значительна и превосходила, со включеніемъ нѣсколькихъ послѣдующихъ пріобрѣтеній, 4000 нумеровъ: изданія, значущіяся въ описи и большею частью датированныя, относятся къ XVI—XVIII вѣкамъ, главнымъ же образомъ къ первой половинѣ XVIII вѣка, за исключеніемъ развѣ особаго отдѣла, можетъ быть, принадлежавшаго ранѣе Меллингу и названнаго „воинская библіотека“; она содержала не мало книгъ XVII вѣка, хотя, подобно основному фонду, пополнялась и нѣсколькими случайными поступленіями второй половины XVIII вѣка; несмотря на вышеприведенное распоряженіе прежняго ея владѣльца, въ библіотекѣ значилось и нѣсколько латинскихъ книгъ. Составъ библіотеки, въ основномъ своемъ фондѣ, вѣроятно, принадлежавшей Петру Ѳедоровичу, былъ довольно разнообразенъ: она содержала нѣсколько атласовъ и справочныхъ словарей, напримѣръ, большой универсальный лексиконъ Людвига, „книгу словъ историческихъ“ Морери, цѣлыя серіи, какъ-то „ученый журналъ“ („Journal des savants“) съ самаго его основанія и т. п.; философскихъ и научныхъ трудовъ въ ней было, однако, довольно мало; лучше были представлены отдѣлы по праву и политикѣ, геогра-

---

[1]) Я. Штелинъ, Записки, въ Чт. М. О. И. и Др. 1866 г., кн. IV, стр. 67, 71, 72, 82, 88, 110. Авторъ упоминаетъ еще, кромѣ того, о прибытіи изъ Голштиніи въ Петербургъ штатгальтера принца Августа, привезшаго съ собою портретъ принцессы Цербстской (стр. 86), о намѣреніи Петра Ѳедоровича воздвигнуть въ Кидѣ монументъ своему покойному родителю (стр. 100), о вызовѣ имъ роты солдатъ изъ Голштиніи вмѣстѣ съ офицерами (стр. 91), о его ненависти къ датчанамъ, „долго пользовавшимся отъ его Голштиніи“ и о его желаніи отнять у нихъ Шлезвигъ (стр. 101) и т. п.; разсказывая о вывозѣ герцогской библіотеки изъ Киля, авторъ присовокупляетъ, что великій князь купилъ еще „инженерную и военную библіотеку Меллинга“ и велѣлъ перевезти свои книги въ Ораніенбаумъ (стр. 92, 110). Императрица Екатерина II, Сочиненія, т. XII, стр. 92—93, 106, 385.

фіи и исторіи, а также по литературѣ. Въ числѣ философскихъ книгъ можно отмѣтить, напримѣръ, нѣсколько сочиненій Бэйля, Вольфа и Томазія, а также „Философическія письма“ и „Начала Ньютоновой философіи“ Вольтера; среди книгъ научнаго содержанія—„Разговоры“ Фонтенелля о множествѣ міровъ, „Разсужденіе“ Мопертюи о фигурѣ земли и физику Вольфа. Гораздо больше книгъ по праву и политикѣ: сюда относятся, напримѣръ, трактаты представителей Возрожденія—Макіавелли и Ботеро, а также „Увѣщанія“ Липсія; далѣе сочиненія нѣмецкихъ писателей—Альтузія и другихъ, почти всѣ важнѣйшіе труды Пуфендорфа, многія произведенія Люнига и Мозера, книги Штрика и Шмауса, Секкендорфа и Фридриха II (Антимаккіавель), Штрубе и другихъ; скудно представлены французскіе писатели, притомъ лишь болѣе ранніе: между ихъ сочиненіями значатся „Политическое завѣщаніе“ Ришелье, Телемакъ Фенелона, „Собраніе дипломовъ“ Дюмона, Русселя и т. п.; къ нимъ можно присоединить извѣстный „Трактатъ“ Деламара о полиціи. Значительную часть библіотеки составляли книги по географіи и исторіи, всеобщей и мѣстной: Страбонъ и Плиній, а изъ позднѣйшихъ Кондаминъ, Шарденъ и Лафито фигурируютъ здѣсь наряду съ Геродотомъ, Корнеліемъ Непотомъ, Квинтомъ Курціемъ и Юстиномъ, а также новѣйшими учеными и писателями, напримѣръ: Грутеромъ и Верто; Лейбницемъ, Рапенъ-Туарасомъ, Барромъ, Ганомъ и Муратори; Де Ту, Мезерэ и Даніелемъ, Ролленемъ, Вольтеромъ и т. п.; кромѣ болѣе или менѣе общихъ обозрѣній, среди которыхъ французскимъ историкамъ, какъ видно, принадлежитъ довольно почетное мѣсто, въ составъ того же собранія входили многія болѣе спеціальныя работы, преимущественно касавшіяся или исторіи наиболѣе извѣстныхъ государей и государынь новаго времени, напримѣръ, Карла XII, Фридриха Великаго и Маріи Терезіи, или выдающихся дѣятелей: Кромвелля, принца Евгенія и другихъ, или прошлаго родныхъ земель: герцогства Голштинскаго, графства Олденбургскаго и Делменгорстскаго, княжества Ангальтъ-Цербстскаго и т. п. Наконецъ, отдѣлъ по литературѣ состоялъ, кромѣ сочиненій нѣкото-

рыхъ классическихъ писателей, напримѣръ: Цицерона, Вергилія и Овидія, изъ извѣстныхъ иноземныхъ произведеній: Тассо и Сервантеса, Дефое, Попа и Ричардсона, Ларошфуко, Корнеля и Моліера, Монтескьё, Лесажа, Прево д'Экзиля, Кребильона и Мариво, отчасти Вольтера, впрочемъ, очень мало представленнаго, и многихъ другихъ. Само собою разумѣется, что, помимо болѣе или менѣе серіозныхъ книгъ, Ораніенбаумская библіотека содержала не мало изданій, которыя должны были служить, главнымъ образомъ, для пользы или для развлеченія читателей: въ ея составѣ, наряду съ разными изданіями Библіи, нѣсколькими книгами, касающимися „фармазоновъ“ и т. п., значатся, напримѣръ, произведенія въ родѣ слѣдующихъ: „Описаніе нынѣшнихъ сверчковъ“, „Вновь выдуманная мушечная западня“, „Монетное увеселеніе“ и т. п.; или: „Знаки совершенной женщины“, „Влюбленныя монахини“, „Сбѣжавшая изъ монастыря любовь“, „Передъ зеркаломъ убирающаяся и румянящаяся дѣвка“, „Сто отмѣнныя дуры“, и т. п., причемъ послѣднія книги поступили въ библіотеку уже послѣ вывоза ея изъ Киля въ Петербургъ [1]). Впрочемъ, самъ Петръ Ѳедоровичъ, судя по свидѣтельству Екатерины Алексѣевны, былъ слишкомъ мало склоненъ къ серіозному чтенію, да и въ позднѣйшее время покупалъ чаще всего лютеранскіе молитвенники и исторіи приключеній и процессовъ разныхъ воровъ и разбойниковъ; но Екатерина Алексѣевна могла пользоваться книгами Ораніенбаумской библіотеки; притомъ, многія изъ наиболѣе серіозныхъ по своему

[1]) Московск. Отд. Дворц. Арх., Оп. 446. Настоящая рукопись извѣстна мнѣ лишь по копіи съ нея, приготовленной для печати А. И. Успенскимъ. Хотя значительное большинство изданій книгъ, значущихся въ описи, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, годъ изданія которыхъ отмѣченъ, принадлежитъ ко времени до 1762 года, однако, нѣкоторыя изъ нихъ относятся и къ позднѣйшему времени, даже къ 1790-мъ годамъ, напримѣръ: „Аврелія Арлеанская 1798 г. Ф.“; см. по печатнымъ листамъ стр. 122, 129, 131, 134, 137, 140, 141, 144, 150 и др. Заглавія иностранныхъ книгъ переписаны въ описи русскими буквами, разумѣется, во многихъ случаяхъ безграмотно, напримѣръ: „Рапинъ Тограсъ“, вмѣсто Рапенъ Туарасъ; Дюминтъ, вмѣсто Дюмона (Dumont) и т. п. (стр. 118 и др.) другія безъ указанія авторовъ, напримѣръ: „Похожденіе Клариссы“, „Англійскій филосовъ исторія о Клевенандіи (sic)“ и т. п. (см. стр. 155, 163 и др.). Ср. еще [G. A. *W.* Helbig], Op. cit., Bd. II, S. 145.

содержанію книгъ, внесенныхъ въ ея опись, оказались также въ Эрмитажной библіотекѣ, хотя, разумѣется, трудно отождествить ихъ съ тѣми, которыя нѣкогда принадлежали Петру Ѳедоровичу [1]).

Болѣе серіозныя культурныя отношенія между Гольштиніей и Россіей завязались по поводу поступленія въ Кильскій университетъ одного изъ русскихъ медиковъ Полетики, который прошелъ здѣсь четырехлѣтній курсъ въ концѣ 1740-хъ годовъ и вернулся сюда докторомъ Лейденскаго университета, причемъ, по избраніи Кильскаго университета, утвержденномъ герцогомъ Гольштинскимъ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, состоялъ здѣсь два года экстраординарнымъ профессоромъ по медицинскому факультету [2]).

---

[1]) Императрица Екатерина II, Сочиненія, т. XII, стр. 92—93, 106, 385. Ср. [M. Ranfft], Op. cit., S. 272. [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bd. I, S. 100; о нѣкоторомъ интересѣ Петра III къ описаніямъ путешествій и „военнымъ книгамъ“ см. ib., Bd. II, S. 178. Книги Эрмитажной библіотеки поступили вслѣдъ за тѣмъ въ Императорскую Публичную библіотеку; здѣсь находятся, между прочимъ, вышеназванныя сочиненія (въ порядкѣ ихъ записи): Рапенъ-Туараса, Деламара, Люнига, Штрубе, Барра, Де Ту, Гана, Шмауса, Пуфендорфа, Мозера, Верто (Vertot), Вольтера, Ролленя, Цицерона, Корнелія Непота, Геродота, Вергилія, Мезерэ, Бошеро, Альтузія и др.

[2]) А. Лазаревскій, Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ, въ „Кіевск. Стар.“ т. XXXIII (1891 г.), стр. 97 и сл.; здѣсь свѣдѣнія о происхожденіи Полетикъ изъ Волыни. И. А. Полетика, Иванъ Андреевичъ Полетика, тамъ-же, т. XLI (1893 г.), стр. 285-291. И. А. Полетика, родившійся въ г. Романахъ въ 1726 году, получилъ первоначальное образованіе въ Кіевской Академіи; вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился, на средства своего отца, заграницу и поступилъ „въ медицинскую академію г. Киля“, гдѣ пробылъ четыре года; въ 1750 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, получилъ мѣсто подлекаря; но не прошло года, какъ онъ снова выбылъ заграницу: онъ „продолжалъ учиться сначала въ Кильской академіи, а потомъ въ Лейденскомъ университетѣ“, гдѣ еще недавно читалъ лекціи знаменитый, но въ то время уже умершій Бургаавъ (Boerhaave) (1668—1738). Въ Лейденскомъ университетѣ И. А. Полетика получилъ докторскій дипломъ 27 Іюня 1754 года за напечатанную имъ диссертацію: „de morbis haereditariis“, а затѣмъ снова перебрался въ Киль, гдѣ „тамошняя медицинская академія“ избрала его въ томъ-же 1754 году профессоромъ; по возвращеніи въ Петербургъ онъ вскорѣ занялъ вакантное мѣсто старшаго доктора того-же генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Историкъ Кильскаго университета Гане ничего не говоритъ, однако, о „медицинской академіи“, хотя и упоминаютъ объ ученіи И. А. Полетики въ университетѣ; см. Ph. Fr. Hane, Die zehnjährige Glückseligkeit der Cimbrischen Musen etc., Kiel, 1773, SS. 63—64.

Впрочемъ, Петръ Ѳедоровичъ мало входилъ во внутреннее управленіе Голштиніей, порученное имъ, въ качествѣ ея штатгальтера, своему дядѣ принцу Августу, и, вопреки совѣтамъ великой княгини, всецѣло полагался на Броккдорфа, заставлявшаго, по ея словамъ, трепетать всю страну; по случаю ареста Элендсгейма Екатерина Алексѣевна даже выступила противъ главнаго совѣтника великаго князя и вскорѣ приняла на себя рѣшеніе тяготившихъ его дѣлъ; вопреки извѣстной инструкціи, сочиненной великимъ канцлеромъ, и по тайному соглашенію, состоявшемуся между главными заинтересованными лицами, Петръ Ѳедоровичъ посылалъ къ ней, съ вѣдома голштинскаго министра Пехлина, своего секретаря Цейтца съ докладами и даже, по просьбѣ великой княгини, письменно уполномочилъ её давать на нѣкоторые изъ нихъ свои резолюціи, которыя онъ вслѣдъ затѣмъ и подписывалъ; когда-же Пехлинъ скончался, Петръ Ѳедоровичъ повелѣлъ его преемнику Штамбке, пользовавшемуся довѣріемъ Бестужева, продолжать свои доклады великой княгинѣ. Екатерина Алексѣевна настолько вошла въ свою роль, что, однажды, въ разговорѣ съ императрицей вызвала ея удивленіе своей освѣдомленностью въ голштинскихъ дѣлахъ. Вскорѣ узнавши, однако, о сношеніяхъ Штамбке съ Бестужевымъ, императрица Елизавета Петровна пригрозила голштинскому министру арестомъ, если онъ не будетъ немедленно высланъ обратно, а послѣ его отъѣзда въ Голштинію участіе Екатерины Алексѣевны въ управленіи ея дѣлами само собою прекратилось: тѣмъ не менѣе оно подготовило её къ будущей ея дѣятельности въ Голштиніи [1]).

По вступленіи своемъ на русскій престолъ, между прочимъ, торжественно отпразднованномъ въ Килѣ [2]), Петръ

---

[1]) Императрица Екатерина II, Сочиненія, т. XII, стр. 374, 384, 386, 412, 436, 622—624. На стр. 436 Екатерина Алексѣевна говоритъ, что у нея „отняли“ голштинскія дѣла, а на стр. 623 намекаетъ на то, что Шуваловы, ненавидѣвшіе Бестужева, опасались его сношеній съ великой княгиней, чѣмъ, пожалуй, объясняется и ея удаленіе отъ голштинскихъ дѣлъ. [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bh. II, S. 27.

[2]) [M. Ranfft], Op. cit., SS. 189, 326.

Ѳедоровичъ повелѣлъ включить въ царскій титулъ и тотъ, который принадлежалъ ему въ качествѣ герцога Шлезвигскаго, и графа Олденбургскаго и Делменгорстскаго; онъ также поспѣшилъ оказать поддержку своему родному Голштинскому дому и предоставить тѣмъ изъ его представителей, которые были приглашены въ Петербургъ, преимущества (préémiпence) передъ русскими придворными: онъ вызвалъ, напримѣръ, ко двору своего дядю принца Георга-Людвига Голштинскаго, осыпалъ его милостями и назначилъ его одновременно генералиссимусомъ всѣхъ своихъ войскъ и намѣстникомъ Голштинскимъ, съ соотвѣтствующими окладами по обѣимъ должностямъ; причемъ наградилъ его малолѣтнихъ сыновей генеральскими чинами; онъ также озаботился приглашеніемъ двухъ братьевъ герцоговъ Голштейнъ-Беккскихъ—Петра-Августа и Карла-Людвига въ генералъ-фельдмаршалы, причемъ Петръ-Августъ вскорѣ получилъ мѣсто Эстляндскаго генералъ губернатора, а герцогини и принцессы тѣхъ же домовъ награждены были орденами и пенсіями; онъ явно обнаруживалъ полное благорасположеніе къ своимъ голштинцамъ, предоставивъ образованному изъ нихъ полку преимущества лейбгвардіи, „цѣнилъ ихъ выше всѣхъ русскихъ“ и облегчилъ имъ свободный доступъ къ двору. Въ виду тѣхъ же узкихъ голштинскихъ интересовъ, не вызвавшихъ, однако, какихъ-либо существенныхъ улучшеній во внутреннемъ управленіи его наслѣдственными владѣніями, Петръ Ѳедоровичъ круто измѣнилъ ходъ внѣшней политики Россіи и заключилъ миръ съ Пруссіей, передъ монархомъ которой онъ преклонялся съ такимъ благоговѣніемъ; выступивши съ весьма сложнымъ проектомъ „умиротворенія“ Европы, къ которому Фридрихъ II побуждалъ его въ виду собственныхъ своихъ выгодъ, онъ предложилъ образовать союзъ сѣверныхъ государствъ, въ который Данія могла бы вступить лишь подъ условіемъ торжественнаго отреченія отъ своихъ притязаній на Шлезвигъ и Голштинію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ, однако, вопреки совѣтамъ короля, собираться, въ по-

ходъ противъ исконнаго своего врага, вызывавшій ропотъ въ средѣ русской арміи [1]).

Привязанность Петра Ѳедоровича къ своей Голштиніи, куда онъ хотѣлъ отпроситься еще въ концѣ 1750-хъ годовъ, не покидала его до самого конца: возвратившись изъ Кронштадта въ послѣдній разъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ „онъ тогда, по любви къ своимъ голштинскимъ войскамъ, въ праздности находился“, Петръ Ѳедоровичъ одновременно съ отказомъ отъ престола послалъ императрицѣ Екатеринѣ II просьбу разрѣшить ему вернуться обратно въ Голштинію, а послѣ трагедіи, разыгравшейся въ Ропшѣ, былъ погребенъ въ свѣтло-голубомъ мундирѣ голштинскихъ драгунъ въ Благовѣщенской церкви Невскаго монастыря [1]).

А. Лаппо-Данилевскій.

Окончаніе слѣдуетъ.

---

[1]) D. G[oudard], Mémoires, etc., pp. 27—31, 40—48 (здѣсь-же и декларація о возстановленіи мира въ Европѣ, отъ 23 Февраля 1762 года), 100. [M. Ranfft], Op. cit., SS. 191—192, 220, 240, 243, 250, 272—274, 322. J. Ch. Laveaux, Op. cit., t. I, pp. 121—123, 128—130, 134—138, 144—155, 191—196. О предположеніи Петра Ѳедоровича передать герцогство Курляндское дядѣ своему Георгу-Людвигу Голштинскому см. ib., t. I, pp. 123—124; t. II, pp. 239—243. Проектъ „умиротворенія“ Европы былъ выработанъ, по словамъ Гельбига, Волковымъ, который долженъ былъ, однако, сообразовываться съ фантастическими планами Петра III, его видами на Баварію и проч. Предлогомъ для войны съ Даніей послужили, между прочимъ, неосновательныя притязанія Петра III на весь Шлезвигъ и на владѣнія Голштейнъ-Плёнской линіи; см. [G. A. W. Helbig], Bh. I, S. 130; Bh. II, SS. 54—58, 64—71; см. еще ib., Bh. II, SS. 31—33, 36—37, 79—82, 86. Ср. еще В. Бильбасовъ, Op. cit., т. II, сс. 601—604, 611—613.

[2]) [G. A. W. Helbig], Op. cit., Bh. I, S. 125. В. Бильбасовъ, Op. cit., т. II, стр. 80, 118—122. J. Ch. Laveaux, Op. cit., t. I, pp. 269, 312.

ЛѢТОПИСНЫЙ РАЗСКАЗЪ О КРЕЩЕНІИ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ.

(Посвящается А. Л. Бертье-Делагарду).

Ученый талантъ такихъ изслѣдователей, какъ В. В. Антоновичъ, А. А. Бертье-Делагардъ, А. А. Шахматовъ и иные, имъ подобные, имѣетъ счастливую способность заставить историческіе памятники сказать больше, чѣмъ они обычно говорятъ рядовому читателю. Именно острая зоркость ученаго ума открыла, напримѣръ, точныя формы первичнаго быта древлянъ и радимичей, показала наглядно, „какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь“, обнаружила любопытнѣйшіе пріемы кропотливой работы первыхъ лѣтописцевъ надъ литературнымъ матеріаломъ ихъ времени. Изощреніе ученаго пріема въ данныхъ случаяхъ обогащало науку не меньше, чѣмъ могло обогатить ее появленіе новаго историческаго источника. Понятно, съ какимъ сочувственнымъ признаніемъ долженъ относиться всякій цѣнитель знанія къ такого рода ученымъ успѣхамъ и къ ихъ почтеннымъ виновникамъ.

Эти вступительныя слова имѣютъ цѣлью дать надлежащій тонъ послѣдующей замѣткѣ и подчеркнуть отсутствіе у нея всякой полемической цѣли. Предметъ замѣтки—лѣтописный разсказъ о крещеніи Ольги—общеизвѣстенъ и много разъ подвергался ученымъ толкованіямъ. Его фактическое содержаніе не пользуется безусловнымъ довѣріемъ, если не вовсе отрицается [1]); литературное же его происхожденіе остается

[1]) „Древне-русская княгиня Св. Равноап. Ольга (вопросъ о крещеніи ея“). В. А. Пархоменка. Кіевъ (безъ года).

не вполнѣ яснымъ. Послѣднее слово о литературной сторонѣ „разсказа“ принадлежитъ А. А. Шахматову [1]). По его мнѣнію, въ „разсказѣ“, насъ интересующемъ, „переплетены, съ одной стороны, духовные, церковные элементы, съ другой—сказочные, народные; сказочные элементы проглядываютъ въ отношеніи Ольги къ царю, духовные—въ отношеніи ея къ патріарху“. Основное содержаніе „разсказа“ ограничивалось первоначально „духовными“ элементами: Ольга пришла въ Царьградъ; тамъ ее крестили царь съ патріархомъ; послѣ этого патріархъ училъ княгиню вѣрѣ, благословилъ и отпустилъ, нарекши ее „дъщерию собѣ“; отправляясь домой, Ольга снова просила патріаршаго благословенія и, получивъ желаемое, пошла съ миромъ въ свою землю. Этотъ скудный содержаніемъ разсказъ, по мнѣнію А. А. Шахматова, существовалъ уже въ „древнѣйшемъ“ лѣтописномъ сводѣ (середины XI вѣка). А. А. Шахматовъ воспроизводитъ даже цѣликомъ текстъ разсказа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ содержаться въ данномъ сводѣ [2]). Составитель „начального свода“ (конца XI вѣка) внесъ въ текстъ разсказа четыре вставки. Изъ нихъ одна содержитъ „сравненіе Ольги съ царицей Еѳіопской и нѣсколько благочестивыхъ размышленій“, заимствованныхъ, повидимому, изъ Паримійника [3]). Остальныя же три вводятъ въ „разсказъ“ элементъ „сказочный“—все то, что характеризуетъ отношенія Ольги и „цѣсаря“: увлеченіе цесаря умомъ Ольги, неудачное его сватовство и высокомѣрный отвѣтъ Ольги его посламъ въ Кіевѣ. Эти три вставки А. А. Шахматовъ возводитъ къ „легендѣ о добываніи Ольгою крещенія въ Константинополѣ“, отрывки коей составитель „начальнаго свода“ изъ народнаго обращенія усвоилъ въ свой разсказъ.

Такимъ образомъ общеизвѣстный „разсказъ“ о крещеніи Ольги въ изслѣдованіи А. А. Шахматова представляется не

---

[1]) А. А. Шахматовъ. „Разыскапія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“. Спб. 1908 г., стр. 111 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 545.

[3]) Тамъ же, стр. 114 и 164. Мы ниже цитируемъ текстъ „разсказа“ по „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ А. А. Шахматова (Пб. 1916 г., стр. 69—73).

цѣльнымъ произведеніемъ, а цѣпью разнородныхъ отрывковъ, въ которыхъ рядомъ съ разъединенными звеньями первоначальной благочестивой повѣсти стоятъ эпизоды, созданные народной фантазіей, и тексты, взятые изъ Паримійника. Результатъ такого анализа памятника въ нѣкоторой части, конечно, неоспоримъ. Сравненіе Ольги съ Еѳіопской царицей и тексты св. Писанія, не совсѣмъ ловко и кстати подобранные, могутъ дѣйствительно представиться вставками, послѣ которыхъ лѣтописецъ счелъ нужнымъ повторить стоявшую предъ ними фразу, что Ольга „приде Кыеву“, и кромѣ того прибавить слова „яко же рѣхомъ“ (или „якоже о ней въпредъ рекохомъ“). Но прочее содержаніе „разсказа“ можетъ производить на читателя впечатлѣніе большей цѣльности, чѣмъ явствуетъ изъ изложенія А. А. Шахматова. Не оспаривая мысли, что источниками „разсказа“ послужили преданія церковнаго происхожденія и рядомъ преданія народныя, можно однако предполагать, что ихъ сочетаніе не явилось результатомъ простой интерполяціи „церковной“ повѣсти, а было плодомъ творческаго акта, разомъ создавшаго цѣльный „разсказъ“ на опредѣленной основной мысли (даже, скажемъ, тенденціи).

Такъ ли ужъ безспорна предположенная А. А. Шахматовымъ интерполяція „церковной“ повѣсти? Если мы освободимъ отъ вставокъ составителя „начальнаго свода“ первоначальный текстъ свода „древнѣйшаго“, то врядъ ли признаемъ въ этомъ очищенномъ текстѣ цѣльное и законченное произведеніе. Все его содержаніе, возстановленное А. А. Шахматовымъ, буквально сведется къ двумъ рѣчамъ патріарха Ольгѣ и къ двукратному благословенію, преподанному ей, причемъ мало понятенъ какъ смыслъ того, что патріархъ „нарекъ ю дъщерию собѣ“, такъ и вообще непосредственный переходъ отъ первой рѣчи патріарха ко второй: „благослови ю патріархъ... и отъпусти ю... она же хотящи домови приде къ патриарху, благословения просящи на домъ“. Вся паства владыки есть его духовные сыны и дщери; почему именно Ольгу патріархъ нарекаетъ „дщерію“? И что дѣлала Ольга въ Царьградѣ между двумя свиданіями съ патріархомъ и двумя его поуче-

ніями? Чувствуется нѣкоторая неясность и неестественность изложенія; есть впечатлѣніе незаполненнаго пропуска въ возстановленномъ текстѣ. Нельзя отрицать, что, утративъ всякую содержательность при возстановленіи, текстъ вышелъ грамматически и стилистически стройнымъ; но произошло это не потому, что возстанавливалась подлинная рѣчь искаженнаго памятника, а потому, какъ кажется, что сокращенный А. А. Шахматовымъ „разсказъ“ начальнаго свода былъ построенъ на своеобразной антитезѣ. Вынувъ изъ нея одно изъ противоположеній, А. А. Шахматовъ остался съ другимъ—стройнымъ, но, такъ сказать, половинчатымъ, и въ одиночку не удовлетворяющимъ читателя. Изъ дальнѣйшаго станетъ ясно, что мы здѣсь разумѣемъ.

Если взглянуть на „разсказъ“ о крещеніи Ольги, какъ на цѣльное литературное произведеніе (внесенное въ лѣтопись со стороны, или же обработанное самимъ лѣтописцемъ въ видѣ особой темы—все равно), этотъ „разсказъ“ предстанетъ передъ нами съ очень опредѣленною тенденціей. Цѣль его автора—наглядно противопоставить отношеніе Ольги къ патріарху ея же отношенію къ царю и извлечь изъ мудрой политики вѣщей княгини поучительный примѣръ и образецъ для всей Руси. Ольга очень почтительна и послушна предъ патріархомъ: слушаетъ его, „поклонивъши главу“; внимаетъ ученію его, „акы губа напаяема“; кланяется владыкѣ съ благодареніемъ и вѣрою въ силу его молитвы, проситъ его благословенія „на домъ“ свой, довѣряя ему свою печаль, что ея „люди“ и сынъ язычники, и въ заступленіе „отъ вьсего зла“ желая новыхъ его молитвъ. Совсѣмъ иначе ведетъ себя Ольга съ царемъ. Въ первую же свою бесѣду съ нимъ она уразумѣла его сластолюбіе и подготовила ему ловушку: „крьсти мя самъ; ащели (ни), то не крьщюся“. Когда же послѣ крещенія царь обратился къ Ольгѣ не съ духовной бесѣдою, а со сватовствомъ, Ольга посрамила его и привела къ тому, что онъ оставилъ грѣховную мысль жениться на ней и, какъ было должно крестному отцу, призналъ ее духовной дочерью—„нарекъ ю дъщерию собѣ“ (эти слова относятся въ „разсказѣ“ именно къ царю и имѣютъ

именно такой смыслъ). Дважды взявъ верхъ надъ византійскимъ государемъ у него въ Царьградѣ, Ольга и дома въ Кіевѣ торжествуетъ надъ нимъ въ лицѣ его пословъ, отказывая въ обѣщанныхъ ею дарахъ; царь ихъ получитъ только тогда, когда на дѣлѣ признаетъ равноправіе Кіевской княгини и самъ придетъ къ ней „постояти въ Почайнѣ“, какъ пришла она въ Царьградъ и стояла „въ Суду“. Полное подчиненіе духовному авторитету патріарха, полное отрицаніе превосходства и главенства царя—вотъ образъ поведенія Ольги; духовное единеніе въ вѣрѣ съ первымъ и побѣдное торжество надъ вторымъ—вотъ результатъ этого поведенія. Антитеза яркая и для русскаго самосознанія той эпохи—желанная и пріятная. Лѣтописецъ не упускаетъ случая лишній разъ отмѣтить, чего именно искала Ольга въ Царьградѣ,—сопоставленіемъ ея съ царицею Еѳіопскою. Та желала узнать мудрость царя Соломона, мудрость „человѣческую“; Ольга же искала Божіей премудрости. Не „Соломонъ“ византійскій привлекалъ ее; въ своихъ исканіяхъ она стремилась въ Царьградъ не къ царю, а къ самому истинному Богу, ничего не ища у царя. Въ данномъ сопоставленіи, яснѣе прочихъ мѣстъ „разсказа“, сквозитъ воодушевлявшая автора мысль, и потому нельзя признать этого мѣста вставкою. Вставка (изъ Паримійника) ограничивается, повидимому, текстами, слѣдующими за мѣстомъ о царицѣ Еѳіопской; они подобраны здѣсь не совсѣмъ кстати и не особенно искусно.

Такое пониманіе „разсказа“ о крещеніи Ольги ведетъ къ заключенію о его внутренней цѣльности [1]). Онъ созданъ сразу; его авторъ использовалъ преданія церковныя и на-

[1]) Высказывая мысль о цѣльности „разсказа“, мы испытываемъ только одно колебаніе. Возможно допустить, что „разсказъ“ первоначально кончался словами о Соломонѣ (...„она человѣчьскыя, а си Божиия“) и заключалъ въ себѣ противопоставленіе двухъ бесѣдъ царя съ Ольгой двумъ бесѣдамъ съ нею патріарха. Въ этомъ видѣ онъ отличался бы большею внѣшнею стройностію. Тексты изъ Паримійника и эпизодъ съ призывомъ „постояти въ Почайнѣ“ могли нарости позднѣе, чѣмъ и объяснялись бы слова „якоже рѣхомъ“ (или „якоже о ней въпредъ рекохомъ“). Однако, приглашеніе въ Почайну такъ соотвѣтствуетъ общему духу произведенія, что трудно считать его обрывкомъ другого памятника, со стороны попавшимъ въ нашъ текстъ.

родныя для освѣщенія излюбленной имъ политической мысли о независимости Руси отъ Византійскаго царства и о равенствѣ властей русской-княжеской и греческой-царской. Мысль эта раскрыта на убѣдительномъ и картинномъ примѣрѣ почитаемой Русью и ожидавшей канонизаціи княгини Ольги. Не только въ своихъ „церковныхъ элементахъ“, но во всемъ своемъ составѣ „разсказъ“ можетъ быть возведенъ къ „древнѣйшему своду“. Время, къ которому А. А. Шахматовъ относитъ этотъ сводъ (1039 годъ), было періодомъ остраго антагонизма Руси съ Византіей, когда вопросъ объ „игемоніи“ византійской сталъ для русскихъ злобою дня. „Скинуть эту игемонію, добиться отъ Византіи признанія русской церкви свободною, а державы Кіевской независимою отъ всякихъ поползновеній императорскихъ теорій вселенскаго царства—становится мечтою въ Кіевѣ“: такими словами характеризуетъ новѣйшій изслѣдователь [1]) кіевскія настроенія первой половины XI столѣтія. Въ соотвѣтствіи съ этими настроеніями и родился, думаемъ, „разсказъ“ о крещеніи Ольги, ходившей будто бы въ Грецію искать божественной истины, а не императорской ласки и милости.

С. Платоновъ.

---

[1]) М. Д. Приселковъ, „Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв.“ Пб. 1913 г., стр. 88 и слѣд.

СЛОВЕСНЫЙ СУДЪ ВЪ РЕФОРМѢ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

Институтъ словеснаго суда почти не затронутъ нашей историко-юридической литературой. Даже наиболѣе полные и богатые содержаніемъ общіе курсы, какъ „Обзоръ исторіи русскаго права“ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова или „Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи“ проф. В. Н. Латкина, о немъ не упоминаютъ. Изъ курсовъ гражданскаго судопроизводства, кажется, только К. Малышевъ удѣляетъ словесному суду $1^1/_2$ страницы[1]). Въ монографической литературѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній находимъ у Кавелина[2]) и краткій очеркъ исторіи словесныхъ судовъ до реформъ Екатерины II въ классическомъ трудѣ Дмитріева по исторіи нашихъ судебныхъ учрежденій[3]). Дальнѣйшая исторія словесныхъ судовъ еще ждетъ разработки[4]).

А между тѣмъ реформа мѣстнаго управленія Екатерины II рѣзко и замѣтно измѣнила положеніе словесныхъ судовъ. Изъ органовъ спеціальной подсудности она превратила ихъ въ общія судебныя учрежденія. Пріурочивъ ихъ къ одному

[1]) Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. III, изд. 1879 г., стр. 216—217.

[2]) Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства за періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ. 1844 г. [Сочиненія, т. I, 1859 г. стр. 243, 300—302.].

[3]) Исторія судебныхъ инстанцій. 1859 г. стр. 488—499, 567—568.

[4]) Нѣсколько замѣчаній о словесныхъ судахъ см. въ моемъ изслѣдованіи „Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II“ 1910 г. стр. 88, 114—115, 280, 288, 342—343.

изъ подраздѣленій низшей административной единицы, она приблизила судъ къ населенію, насколько это было возможно по условіямъ времени. Въ то же время она расширила и укрѣпила устное судопроизводство словесныхъ судовъ и, придавъ имъ посредническій третейскій характеръ, какъ бы предвосхитила идею мирового суда, повсемѣстное осуществленіе которой составляетъ еще, увы, одно изъ desiderata нашихъ дней. Всѣ эти черты заставляютъ внимательнѣе остановиться на отношеніи екатерининской реформы къ институту словесныхъ судовъ, тѣмъ болѣе, что позднѣйшее законодательство почти не обратило на нихъ вниманія, и они просуществовали до судебной реформы 1864 г. едва-ли не въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставила Екатерина II. Посильному освѣщенію этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Возникновеніе словесныхъ судовъ съ формальной стороны произошло при Екатеринѣ I. Кавелинъ связываетъ ихъ появленіе съ тѣмъ стѣсненіемъ торговыхъ оборотовъ, которое внесли указы Петра Великаго 1701, 1703 и 1720 г.г. о недѣйствительности всѣхъ некрѣпостныхъ сдѣлокъ. Эти указы привели къ упраздненію унаслѣдованныхъ отъ предыдущей эпохи таможенныхъ судовъ, отличавшихся отъ обыкновенныхъ меньшею формальностью, допущеніемъ некрѣпостныхъ доказательствъ и безпошлиннымъ судопроизводствомъ [1]). Въ торговомъ быту упраздненіе легкаго и доступнаго судебнаго процесса почувствовалось тяжело, и въ результатѣ, по представленію Главнаго Магистрата, Сенатъ приказалъ: „между купецкими людьми, какъ по партикулярнымъ письмамъ и векселямъ и по записнымъ купеческимъ книгамъ и счетамъ, такъ и въ безписьменныхъ торговыхъ ихъ дѣлахъ и въ поклажахъ и ссудахъ, по мнѣнію Главнаго Магистрата, судъ производить по прежнему купеческому обыкновенію таможеннымъ судомъ“ [2]).

Въ слѣдующемъ году, уже при Петрѣ II, положеніе новыхъ судовъ было регламентировано уставомъ о судѣ таможенномъ

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 300—301. Того же взгляда держится и Ѳ. Дмитріевъ, назв. соч. стр. 489.

[2]) Указъ 1 Февраля 1726 г. П. С. З. № 4828.

по словеснымъ прошеніямъ, а не по челобитнымъ 1727 г.[1]). Компетенція словеснаго суда по уставу обнимаетъ споры по куплѣ-продажѣ, займу, поклажѣ, найму помѣщеній, перевозкѣ товаровъ, личному найму торговыхъ служащихъ, неустойкѣ; кромѣ того они вѣдали торговые обманы: „товаръ продалъ и показывалъ добрый; а станетъ отдавать худой“ и мелкіе полицейскіе проступки торговцевъ: „купцы и ихъ прикащики и сидѣльцы между собою подерутся или побранятся“. Гдѣ не было таможенъ, словесные суды учреждались при ратушахъ[2]). Составъ суда уставомъ не опредѣленъ. Главное вниманіе обращено на краткость и скорость судопроизводства. Прошеніе излагается устно. Отвѣтчику посылается повѣстка съ вызовомъ въ судъ на тотъ же день; если же онъ отсутствуетъ, то на другой день; въ случаѣ неявки отвѣтчика, повѣстку посылали еще два дня подъ-рядъ. Послѣ третьяго раза отвѣтчикъ приводился насильно. Но все это касалось только „знатныхъ“ купцовъ; незнатныхъ же и „бездомовныхъ“, а также прочихъ людей велѣно было просто приводить въ таможню. Судопроизводство все устное и только записывается въ книгу вкратцѣ. Доказательства допускаются всевозможныя, но споръ противъ документовъ таможеннымъ судомъ не разсматривается. Его разбираютъ окончательно особые посредники, избранные по соглашенію сторонъ, или, если соглашеніе не состоялось, назначенные судомъ. Когда отвѣтчикъ

---

[1]) П. С. З. № 5145. Время изданія этого устава точно не установлено. Въ П. С. З. онъ напечатанъ вмѣстѣ съ сенатскимъ указомъ совершенно другого содержанія отъ 26 Августа 1727 г., изданнымъ вслѣдствіе именного, состоявшагося въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ 4 Іюля, съ оговоркою въ примѣчаніи, что „времени утвержденія сего устава изъ актовъ не видно, а потому оный помѣщается здѣсь какъ приложеніе“.

[2]) Такъ было, очевидно, на практикѣ. Это видно, между прочимъ, и изъ описательной части указа 5 Мая 1754 г., предписывающаго учредить словесные суды при всѣхъ магистратахъ и ратушахъ, въ виду уничтоженія внутреннихъ таможенъ [П. С. З. № 10. 222]. Ср. также Дмитріева, назв. соч. стр. 489—490, 567—568. Но текстъ устава 1727 г., по буквальному его смыслу, кажется, не даетъ основаній для такого вывода. Въ ст. 1 его читаемъ: „Его Императорское Величество... повелѣваетъ въ Ратушахъ и гдѣ прилично въ Таможняхъ, какъ въ градскихъ, такъ и въ уѣздныхъ, гдѣ случай допуститъ, отправлять словесный судъ и расправу между купеческими людьми“.

отводитъ свидѣтелей истца, то вмѣсто нихъ тотчасъ дается присяга. Если въ общей ссылкѣ свидѣтели разнорѣчатъ, то обвиняется тотъ, кто первый на нихъ сослался. На присягу отвѣтчикъ имѣетъ преимущественное право, но можетъ предоставить ее истцу. Передъ присягою судьи должны склонять тяжущихся къ мировой сдѣлкѣ. Судебное рѣшеніе исполняется немедленно. Если обвиненный отвѣтчикъ откажется уплатить взысканіе, то у него отбираются товары или пожитки по мѣрѣ долга.

Съ закрытіемъ внутреннихъ таможенъ при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1753—54 г.г. словесные суды остались только въ пограничныхъ и портовыхъ таможняхъ. Но потребность въ нихъ чувствовалась такая, что они немедленно были учреждены при всѣхъ магистратахъ и ратушахъ указомъ 5 Мая 1754 г. [1]), подтвержденнымъ позднѣе Таможеннымъ Уставомъ 1 Декабря 1755 г. [2]). Мало того, въ нѣкоторыхъ ярмарочныхъ мѣстахъ, гдѣ не было магистратовъ, дозволялось открыть словесный судъ, подъ апелляціей ближайшаго магистрата.

Составъ словесныхъ судовъ, по этимъ законодательнымъ памятникамъ, слагается изъ двухъ выборныхъ отъ купечества на 1 годъ судей, а на ярмаркахъ сюда присоединяется одинъ изъ членовъ ближайшаго магистрата или ратуши, по назначенію Главнаго Магистрата. Компетенція словесныхъ судовъ та же, что была и раньше. Апелляція идетъ въ магистратъ или ратушу даннаго или ближайшаго для ярмарочныхъ мѣстъ города.

При Екатеринѣ II въ періодъ ея царствованія, предшествующій эпохѣ реформъ по мѣстному управленію, было издано три узаконенія, относящіяся къ словеснымъ судамъ: инструкція 10 Августа 1766 г. [3]), указъ 22 Ноября 1773 г. [4])— о выборѣ судей губернскими и провинціальными магистра-

[1]) П. С. З. № 10.222.

[2]) П. С. З. № 10.486.

[3]) П. С. З. № 12.721.

[4]) Въ П. С. З. этого указа нѣтъ. Ссылка на него встрѣчается у Правикова— Памятникъ изъ законовъ, изд. 1806 г. стр. 14.

тами и ратушами въ присутствіи губернаторовъ, воеводъ и прежнихъ магистратскихъ и ратушскихъ членовъ и указъ 9 Сентября 1775 г. [1]) о присутствованіи по дѣламъ, касающимся до купечества, въ розыскной экспедиціи депутату словеснаго суда, а въ губернской канцеляріи членамъ московскаго магистрата.

Болѣе существенное значеніе имѣетъ инструкція словеснымъ судамъ. Она представляетъ собою сводъ правилъ дѣятельности этихъ судовъ, но почти не касается ихъ организаціи. Изъ указа Главнаго Магистрата, при которомъ эта инструкція была издана, какъ приложеніе, видно, что еще въ 1754 г. магистратамъ и ратушамъ было велѣно снабдить словесные суды особыми инструкціями. Но исполнено это, повидимому, не было. По крайней мѣрѣ, указъ 1766 г. однимъ изъ мотивовъ изданія инструкціи выставляетъ отсутствіе свѣдѣній о такихъ частныхъ инструкціяхъ.

По инструкціи 1766 г., словесные суды должны существовать въ каждомъ городѣ подъ апелляціею магистрата. Судопроизводство въ нихъ должно быть устное, но рѣшеніе обязательно записывается въ шнуровую книгу. Письменное производство имъ даже воспрещается. Особое вниманіе удѣлено денежной отчетности и надзору за содержаніемъ арестованныхъ подсудимыхъ. При этомъ срокъ предварительнаго задержанія опредѣляется 8 днями, подъ угрозою штрафа. Компетенція словесныхъ судовъ обнимала собою торговыя дѣла купечества: разнаго рода споры по куплѣ-продажѣ, найму помѣщеній, по векселямъ и другимъ торговымъ обязательствамъ и т. п. Всѣ дѣла словесный судъ обязанъ разрѣшать въ теченіе 8 дней. Для исполненія рѣшенія отвѣтчику дается тоже 8-дневный срокъ. Если же исполненія не послѣдуетъ, то все дѣло передается уже въ магистратъ или ратушу „потому что, гласитъ Инструкція [ст. 6], въ конфискованіи и продажѣ имѣнія производить слѣдуетъ письменнымъ порядкомъ“. Точно также передаются въ ту же высшую инстанцію тѣ дѣла, „по которымъ за какими препят-

[1]) П. С. З. № 14.364. Частный случай по г. Москвѣ.

ствіями разобраніе безъ письменнаго производства учинить не можно". Для векселей 8-дневный срокъ сокращенъ до 3-хъ дней [ст. 7] [1]).

Въ такомъ видѣ рисуется въ общихъ чертахъ положеніе словесныхъ судовъ по закону ко времени реформъ, произведенныхъ Екатериной II въ мѣстномъ управленіи. Реформы эти, какъ извѣстно, начались изданіемъ учрежденія о губерніяхъ 7 Ноября 1775 г. [2]). Но Учрежденіе не внесло какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ въ институтъ словеснаго суда. Наоборотъ, первая статья этого акта, гдѣ онъ упоминается, гласитъ: „По городамъ и посадамъ старосты и судьи словеснаго суда остаются на прежнемъ основаніи" [ст. 26]. То же повторено и въ первой фразѣ ст. 277: „Старостамъ и словесному суду по городамъ остаться на прежнемъ основаніи". Послѣдняя формулировка, даже нѣсколько удачнѣе, вотъ почему: она говоритъ о словесномъ „судѣ", т. е. объ извѣстномъ учрежденіи, что его положеніе остается безъ перемѣнъ. Это справедливо: Учрежденіе не затрагиваетъ существа словесныхъ судовъ. Статья же 26-ая упоминаетъ словесныхъ „судей", что не вполнѣ точно, такъ какъ положеніе судей словеснаго суда оно несомнѣнно мѣняетъ. Такъ согласно ст. 57, „... словесные судьи... буде чина выше того не имѣютъ, считаются въ четвертомнадесять классѣ за урядъ, пока въ должности пребываютъ". По ст. 72 „По городамъ и посадамъ... судьи словеснаго суда выбираются тѣмъ же [т. е. городскимъ] обществомъ всякій годъ по балламъ", а по правилу, заключающемуся во второй фразѣ ст. 277 — "...

[1]) По поводу этихъ правилъ Инструкціи [ст.ст. 6—7], въ связи съ принятымъ еще въ Уставѣ 1727 г. факультативнымъ правомъ истца обращаться или съ устною просьбою къ словесному суду или прямо съ письменнымъ прошеніемъ въ магистратъ или ратушу, К. Малышевъ замѣчаетъ, что по инструкціи 1766 г. словесные суды потеряли почти всякое практическое значеніе [назв. соч. стр. 217]. Но факультативная подсудность существовала съ самаго начала возникновенія словесныхъ судовъ, и если черезъ сорокъ лѣтъ понадобилось издавать для нихъ инструкцію, очевидно, они еще имѣли значеніе. Во всякомъ случаѣ, правило о краткомъ срокѣ для добровольнаго исполненія состоявшагося рѣшенія, а не для самаго рѣшенія дѣла, какъ ошибочно указываетъ К. Малышевъ, едва-ли могло серьезно повліять на практику въ отрицательномъ смыслѣ.

[2]) П. С. З. № 14392.

выбирать старостъ и судей словеснаго суда мѣщанству и купечеству въ началѣ всякаго года по баллам"; при этомъ порядокъ выборовъ указанъ примѣчаніемъ къ ст. 80. „Выборъ по балламъ производится на основаніи депутатскаго выбора 1766 года 14 Декабря". По ст. 281: „По окончаніи службы... судей словеснаго суда... (буде справедливостію и добропорядочными поступками то заслужили) дать... судьямъ словеснаго суда отъ городовыхъ дѣлъ... похвальный листъ. Когда же листъ получатъ, тогда имѣть имъ въ городскомъ обществѣ послѣ бывшихъ въ магистратѣ людей первое мѣсто". По ст. 282: „По окончаніи службы... судей словеснаго суда... дозволяется городовому обществу имена ихъ баллотировать съ прочими, но запрещается того, который похвальный листъ имѣетъ, унизить должностью, то есть, изъ бургомистровъ въ ратманы, изъ ратмановъ въ судьи словеснаго суда опредѣлить. При той же должности кого оставить, или должностію повысить, отъ воли городского общества зависитъ". Наконецъ, въ ст. 412 судьи словеснаго суда упомянуты въ перечнѣ учрежденій уѣзднаго города, а въ ст. 432 имъ отведено опредѣленное мѣсто въ порядкѣ іерархіи должностныхъ лицъ во всякаго рода торжественныхъ собраніяхъ.

Изложенныя постановленія, не затрогивая существа дѣла словеснаго суда, вносятъ, однако же, рядъ перемѣнъ въ положеніе судей словеснаго суда. Они введены въ общій кругъ мѣстныхъ учрежденій, считаются временно на государственной службѣ [заурядъ] и выбираются впредь по обряду выборовъ 1766 г. По поводу выборовъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ Учрежденіи есть непримиримое противорѣчіе. По ст. 72 выборы производятся „городскимъ обществомъ", т. е. всѣми жителями города безъ различія сословій, а по ст. 277 — мѣщанствомъ и купечествомъ, — т. е. исключительно двумя сословіями. Помирить это противорѣчіе возможно только такимъ образомъ, если считать, что ст. 277 точнѣе опредѣляетъ составъ городского общества, упомянутаго въ ст. 72. Но порядокъ выборовъ предусмотрѣнъ въ прим. ст. 80. Это — обрядъ 1766 г. А по обряду, какъ это можно теперь считать

установленнымъ [1]), городскіе выборы должны быть всесословные. Возникаетъ вопросъ, имѣли-ли право городскіе жители другихъ сословій участвовать въ выборѣ судей словеснаго суда? Вопросъ не маловажный, такъ какъ судъ этотъ изъ узко-спеціальнаго позднѣйшими узаконеніями былъ превращенъ въ общій. Учрежденіе о губерніяхъ оставляетъ противорѣчіе не примиреннымъ.

Слѣдующимъ крупнымъ законодательнымъ актомъ Екатерины II, относящимся къ реформѣ мѣстнаго управленія, является Уставъ благочинія 8 Апрѣля 1782 г. [2]). Въ немъ мы находимъ цѣлый рядъ статей о словесномъ судѣ, мѣняющихъ его положеніе уже по существу. Но прежде, чѣмъ перейти къ ихъ разсмотрѣнію, остановимся нѣсколько на дошедшихъ до насъ первоначальныхъ проектахъ Устава.

Я уже имѣлъ случай отмѣтить въ печати [3]), что среди бумагъ Екатерины II сохранились три, болѣе или менѣе законченные проекта Устава благочинія. Два написаны ею собственноручно, третій, видимо, былъ переписанъ рукою писца, но на немъ сохранились поправки, сдѣланныя рукою императрицы. Ходъ работы, кажется, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Различные отдѣлы Устава сперва были разработаны отрывочно, въ видѣ осколковъ, а затѣмъ сведены въ одно цѣлое. Получилась, такъ сказать, первая редакція. Ее велѣно было переписать. Переписанный экземпляръ авторъ началъ исправлять, добавилъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ, но, вѣроятно, не удовлетворившись этой работой, написалъ опять все самъ отъ начала до конца. Получилась вторая редакція. Эта редакція подверглась исправленіямъ постороннихъ лицъ и уже съ ихъ поправками и добавленіями составила оффиціальный текстъ.

Посреди первоначальныхъ набросковъ различныхъ отдѣловъ Устава мнѣ не попадалось ни одного, имѣющаго пря-

---

[1]) Флоровскій, Составъ законодательной комиссіи 1767—74 г. ч. I. 1915. г.

[2]) П. С. З. № 15379.

[3]) „Зерцало благочинія“, Русс. Истор. Журн. 1917 г. кн. 3—4, стр. 76 и 82.

мое отношеніе къ словесному суду. Какъ особый институтъ, онъ появляется только въ болѣе или менѣе законченныхъ редакціяхъ Устава. Но упоминаніе о словесномъ судѣ встрѣчается въ одномъ изъ шести варіантовъ перваго отдѣла Устава, надъ обработкой котораго Екатерина много и упорно трудилась. Этотъ варіантъ [1]) состоитъ изъ 13 отдѣльныхъ, ненумерованныхъ статей, посвященныхъ дѣленію города на части и кварталы и перечню городскихъ полицейскихъ учрежденій. Здѣсь на восьмомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ статью слѣдующаго содержанія: „въ каждый части опредѣлитъ [по одному] [2]) одинъ словесный судья изъ [мѣщ.] гражданъ". Въ этихъ немногихъ словахъ уже замѣтенъ рядъ чертъ, которыя, впослѣдствіи вылившись въ законченныя постановленія закона, отличаютъ постановку словеснаго суда по реформѣ Екатерины. 1. Словесный судъ введенъ въ общій кругъ мѣстныхъ и именно судебныхъ учрежденій; стало быть онъ перестаетъ быть судомъ спеціальной торговой подсудности. 2. Онъ пріурочивается сразу къ низшей административной единицѣ—части города и тѣмъ приближается къ населенію. 3. По составу онъ слагается изъ одного судьи. Ниже мы увидимъ, какъ послѣ ряда модификацій, этотъ именно составъ восторжествовалъ въ окончательной редакціи. 4. По способу замѣщенія должностей, очевидно, сразу намѣчался выборный характеръ словеснаго суда. 5. По соціальному составу замѣтно колебаніе. Зачеркнутое слово „мѣщ." (т. е. мѣщанъ) указываетъ, что сперва авторъ хотѣлъ оставить его сословнымъ, но, видимо, восторжествовала идея болѣе широкая,—и въ результатѣ выборъ былъ порученъ гражданамъ т. е. всему городскому обществу. Итакъ, первое, такъ сказать эмбріональное, появленіе словеснаго суда въ процессѣ разработки городской полицейской реформы содержитъ въ зародышѣ рядъ основныхъ чертъ позднѣйшей формаціи этого института. Прослѣдимъ его развитіе дальше.

---

[1]) Госуд. Арх., разр. X, д. № 18, л. 174 и об.

[2]) Въ скобки заключены слова, зачеркнутыя въ рукописи.

Въ первой изъ болѣе или менѣе законченныхъ редакцій Устава благочинія имѣются три статьи о словесномъ судѣ, всѣ безъ номеровъ, но въ двухъ разныхъ отдѣлахъ. Первая въ первомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „О градскомъ благочинье или полиціи“ съ подзаголовкомъ „О раздѣленіи города на части и на кварталы“, на третьемъ мѣстѣ и читается такъ: „Къ каждой частный опридѣляются три словѣсныя судіи изъ гражданъ“ [1]). По содержанію эта статья повторяетъ приведенную выше статью наброска. Но здѣсь уже замѣтно одно рѣзкое отступленіе: вмѣсто одного судьи въ каждой части ихъ должно быть три. Это увеличеніе состава, повидимому, объясняется болѣе подробнымъ развитіемъ функцій словеснаго суда, въ двухъ другихъ статьяхъ. Онѣ составляютъ уже особый, четвертый по счету, такъ какъ нумераціи отдѣловъ нѣтъ, отдѣлъ, подъ заглавіемъ „о словѣсныхъ судіи“. Онъ читается такъ:

„въ каждый частьи города опридѣляются три словѣсныя судіи изъ гражданъ“.

„первый словѣсный судіи при вѣсахъ и мѣръ, вторыи въ управѣ благочинія засѣдаетъ, третіи безъ исходно в части, каждому словѣсному судіи придать двухъ выборныхъ и по несколько присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей и имъ словѣснымъ судьямъ и выборнымъ словѣсно и справѣдливо разбирать ссоры и споры между гражданъ въ дѣлахъ ниже десяти рублей, за что словѣсному судье выборнымъ и свидѣтелемъ производитъ ежегодную плату свидѣтелемъ же долженствуютъ, когда призваны будутъ засвидѣтельствовать, чего въ дѣлѣ застанутъ чего видели и слышали“ [2]).

Приведенный текстъ былъ переписанъ дословно, но уже съ нѣкоторыми исправленіями. Кромѣ того статьи были перенумерованы. Первая имѣетъ № 3, вторая № 28 и третья № 29.

Первая статья послѣ переписки получила такой видъ: „Въ каждой части опредѣляются трое словесныхъ судей изъ гражданъ“, т. е. измѣненъ предлогъ „къ“ на „въ“ и исправлена грамматика и орѳографія автора.

[1]) Госуд. Арх., р. X, л. № 18, л. 68.
[2]) Ibid. л. 70.

Двѣ другія по прежнему составляютъ особый отдѣлъ „О словесныхъ судьяхъ". Вторая читается такъ: „Къ каждой части города опредѣляются трое словесныхъ судей изъ гражданъ"; здѣсь мы замѣчаемъ обратную замѣну предлога: вмѣсто стоящаго у автора „въ" переписчикъ поставилъ „къ" и опять исправилъ грамматику.

Нѣсколько существеннѣе измѣненія въ третьей статьѣ. Они коснулись уже редакціонной стороны, именно при перепискѣ ее раздѣлили на три предложенія, въ такомъ видѣ: „первый словесный судья при вѣсахъ и мѣрахъ, вторый въ управѣ благочинія засѣдаетъ, третій безъисходно въ части. Каждому словесному судьѣ придать двухъ выборныхъ и по нѣсколько присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей, и имъ словеснымъ судьямъ и выборнымъ словесно и справедливо разбирать ссоры и споры между гражданами въ дѣлахъ ниже десяти рублей, за что словесному судьѣ, выборнымъ и свидѣтелямъ производить ежегодную плату. Свидѣтели же должеиствуютъ, когда призваны будутъ, засвидѣтельствовать, что въ дѣлѣ застанутъ, что видѣли и слышали" [1]).

Исправленія, внесенныя при перепискѣ, видимо не вызвали возраженій автора. По крайней мѣрѣ поправки, которыя Екатерина внесла сама въ переписанный экземпляръ, не коснулись статей о словесномъ судьѣ.

Въ послѣдней, наиболѣе полной и позднѣйшей изъ рукописей Екатерины, которую я назвалъ выше второй редакціей проекта Устава благочинія, находимъ слѣдующее.

Въ появляющихся здѣсь впервые отдѣлахъ: Б. „О чинахъ" и В. „Порядокъ опридѣленіи въ должности" на поляхъ соотвѣтствующихъ листовъ рукописи имѣются слѣдующія двѣ характерныя отмѣтки: „о чинахъ судіи словѣснаго суда. Смотри 57 статія учрежденія 1775 года Ноября 7 д." и „О опридѣленіи и выбора судіи словѣснаго суда" „смотри 72 статья учрежденіи 1775 года Ноября 7 дня". Самый отдѣлъ устава, посвященный словесному суду, въ этой редакціи уже стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ оказался впослѣдствіи

[1]) Тамъ же, л. 13 об. и 14.

въ оффиціальномъ текстѣ, а именно между отдѣлами о квартальномъ надзирателѣ и о частномъ маклерѣ. Заглавіе его тоже, что и было раньше—„о словѣсныхъ судьяхъ", но передъ заглавіемъ, вѣрнѣе надъ нимъ, стоитъ буква К, такъ какъ во всей второй редакціи проекта отдѣлы обозначены буквами. Текстъ отдѣла о словесномъ судѣ здѣсь разбитъ не на двѣ, какъ раньше, а на три статьи, обозначенныя №№ 1, 2, 3 [1]).

Статья 1-я читается такъ: „въ каждой части города опредѣлить одного или болѣе словѣсныхъ судей изъ гражданъ".

Сопоставляя эту редакцію съ предыдущей, замѣчаемъ здѣсь важное измѣненіе по существу. Категорическое правило о трехъ словесныхъ судьяхъ въ каждой части города замѣнено факультативнымъ, „одного или болѣе". Обстоятельство это, какъ увидимъ ниже, имѣло большое значеніе.

Текстъ ст. 2-ой представляетъ собою вторую и третью фразу второй статьи предыдущей редакціи: „каждому словесному судьѣ придать двухъ выборныхъ и по нѣсколько присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей, и имъ словеснымъ судьямъ и выборнымъ словесно и справедливо разбирать ссоры и споры между гражданами въ дѣлахъ ниже десяти рублей, за что словесному судьѣ, выборнымъ и свидѣтелямъ производить ежегодную плату. Свидѣтели же долженствуютъ, когда призваны будутъ, засвидѣтельствовать, что въ дѣлѣ застанутъ, что видѣли или слышали". За исключеніемъ грамматическихъ ошибокъ обѣ онѣ повторены дослозно.

Статья 3-я воспроизводитъ по смыслу правило первой фразы статьи второй болѣе ранней редакціи. Она читается такъ: „Словесный судья единъ безисходно въ части [онъ же] [2]) и при вѣсахъ и мѣрахъ той части быть долженъ". Сопоставляя эту редакцію съ предыдущей, замѣчаемъ, что въ послѣдней проектировались 3 словесныхъ судьи, каждый съ особыми функціями: одинъ—для надзора за вѣсами и мѣрами, другой—для участія въ управѣ благочинія, очевидно, въ качествѣ засѣдателя, третій собственно для разбора судебныхъ дѣлъ

[1]) Тамъ же, л. 114.

[2]) Зачеркнуто въ рукописи.

въ части. Въ позднѣйшей редакціи категорическое правило о 3 словесныхъ судьяхъ въ части отпало, и, вѣроятно, въ связи съ этимъ измѣнилось правило разбираемой статьи. Функція надзора за мѣрами и вѣсами не выдѣлена, а вошла просто въ обязанности словеснаго судьи данной части. Слѣдъ первой редакціи можно видѣть также въ словѣ „единъ"; начавъ писать статью и исходя при этомъ изъ текста первой редакціи, авторъ, видимо хотѣлъ одного судью оставить въ части для судебныхъ дѣлъ, а другого пріурочить къ надзору за вѣсами и мѣрами, но, вѣроятно, вспомнивъ, что теперь судья уже одинъ, написалъ „онъ же" и тотчасъ зачеркнулъ эти слова, оставивъ ненужное здѣсь слово „единъ".

Этимъ исчерпывается весь относящійся къ институту словеснаго суда матеріалъ, который даютъ рукописи Екатерины, содержащія черновики Устава благочинія. А между тѣмъ въ оффиціальномъ текстѣ Устава словесному суду посвящено 20 статей, съ повтореніями же 22 [ст.ст. 8, 18, 25, 81, 161—178]. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою заимствованія изъ приведенныхъ черновиковъ [ст. 8, 81, 161, 162, 167, 178]. Но въ эту группу войдетъ всего 6 статей, да двѣ изъ нихъ [ст. 81 и 161] являются повтореніемъ ст. 8, а остальныя 16, очевидно, заимствованы откуда-то изъ другого мѣста. Но разберемся сперва, что даетъ сопоставленіе изложеннаго выше рукописнаго текста съ оффиціальной редакціей.

Въ этой послѣдней, какъ отмѣчено выше, словесному суду, во 1-хъ отведенъ цѣлый особый отдѣлъ, подъ литерою I, озаглавленный „О судьяхъ словеснаго суда" и состоящій изъ 18 статей подъ №№ 161—178. Во 2-хъ, о словесномъ судѣ упоминается еще въ трехъ отдѣлахъ общаго характера: въ отд. А. „Примѣрный штатъ градскаго благочинія или полиціи" [ст. 8], въ отд. Б. „О чинахъ" [ст. 18] и въ отд. В. „Порядокъ опредѣленія къ должности" [ст. 25]; кромѣ того, въ отд. Е. „О частяхъ города" встрѣчаемъ въ ст. 81 повтореніе ст. 8. Ст. 8 [1]) представляетъ собою повтореніе

[1]) Въ каждой части города опредѣлить одного или болѣе судей словеснаго суда изъ гражданъ.

уже имѣющихся въ рукописяхъ ст.ст. 81 и 161, тождественныхъ съ нею по содержанію и по формѣ. Въ оффиціальномъ текстѣ измѣнено только названіе „словесныхъ судей“ на „судей словеснаго суда“. Включеніе ст. 8 въ отдѣлъ А, вѣроятно, обусловливалось соображеніями чисто внѣшней стройности. Въ перечнѣ учрежденій, который составляетъ содержаніе отдѣла А, во второй редакціи Устава не достаетъ упоминанія о словесномъ судѣ. Соотвѣтствующая же статья въ первой редакціи есть, и можно предполагать, что во время составленія трехъ первыхъ отдѣловъ второй редакціи Екатерина ее пропустила случайно. Въ оффиціальномъ текстѣ ее возстановили.

Ст.ст. 18 и 25 [1]) соотвѣтствуютъ ссылкамъ рукописи второй редакціи на Учрежденіе о губерніяхъ, именно на ст. 57 и 72. Въ оффиціальномъ текстѣ Устава ссылки замѣнены цѣлыми статьями. Ст. 18 является дословнымъ повтореніемъ ст. 57 Учрежденій, за исключеніемъ другихъ упоминаемыхъ въ этой послѣдней должностныхъ лицъ. Статья же 25-ая Устава представляетъ собою мозаику изъ ст. 72 и 277 Учрежденія. Должность словеснаго судьи замѣщается на одинъ годъ по выбору мѣщанства и купечества, производимому въ началѣ года. Сюда добавлены три черты, которыхъ нѣтъ въ Учрежденіи. Производство выборовъ пріурочено къ частямъ города, отчетливо подчеркнуто совпаденіе активнаго и пассивнаго избирательнаго права [„избираются мѣщанствомъ и купечествомъ изъ между себя“] и введено утвержденіе избранныхъ судей администраціей въ лицѣ городничаго [„... представляются городничему, и буде нѣтъ явнаго порока, то городничій дозволяетъ имъ вступить въ должности“]. Для объясненія приведенныхъ новшествъ необходимо сопоставить текстъ статей Устава благочинія о словесномъ

---

[1]) Ст. 18 „Судья Словеснаго Суда, буде чина выше того не имѣетъ, считается въ четвертомъ на десять классѣ за урядъ, пока въ должности пребываетъ“. Ст. 25 „Судьи Словеснаго Суда и выборные избираются по баламъ въ каждой части въ началѣ всякаго года мѣщанствомъ и купечествомъ изъ между себя, и представляются Городничему и буде нѣтъ явнаго порока, то Городничій дозволяетъ имъ вступить въ должности“.

судѣ съ изданнымъ за годъ съ небольшимъ до него указомъ 2 Апрѣля 1781 г. о должности словесныхъ судовъ въ С.-Петербургѣ [1]). Указъ этотъ, какъ увидимъ ниже, оказалъ существенное вліяніе на окончательную переработку отдѣла Устава о словесномъ судѣ. Пока остановимся на ст. 3 указа, по содержанію соотвѣтствующей ст. 25 Устава въ оффиціальной редакціи [1]). Здѣсь мы найдемъ два изъ указанныхъ нововведеній. Они воспроизведены дословно, до повторенія безграмотнаго выраженія „изъ между себя“ включительно. Первое нововведеніе, повидимому, стоитъ въ связи съ пріуроченіемъ словесныхъ судовъ въ городскимъ частямъ. Второе, хотя и можетъ быть толкуемо, какъ съуженіе круга тѣхъ лицъ, изъ среды которыхъ избираются судьи словеснаго суда, но скорѣе объясняется стремленіемъ къ большой точности выраженія. По духу екатерининскаго законодательства выборы построены на сословномъ началѣ, и кругъ избираемыхъ кандидатовъ обычно ограничивается кругомъ избирателей. Тамъ же, гдѣ законодатель находилъ возможнымъ расширить его за счетъ другихъ сословій, онъ именно это и оговаривалъ въ законѣ особо. Такъ по ст. 75 Учрежденія засѣдатели расправъ могутъ быть избираемы и не изъ крестьянъ. Поэтому я думаю, что оговорка въ указѣ и въ ст. 25 Устава благочинія „изъ между себя“ не имѣетъ въ виду ограничивать выборъ словесныхъ судей исключительно средой мѣщанства и купечества, въ чемъ прямой надобности не было, разъ право выбора было предоставлено только этимъ сословіямъ, а представляетъ собою чисто редакторскую поправку. На практикѣ, конечно, она должна была ввести сословное начало въ институтъ словесныхъ судей, но врядъ-ли этотъ результатъ расходился со взглядами законодателя. Во всякомъ случаѣ оффиціальная редакція ст. 25 Устава и безъ этой оговорки устраняетъ отмѣченное выше противорѣчіе въ ст.ст. 72 и 277 Учрежденія о губерніяхъ, повторенное и въ указѣ 2 Апрѣля 1781 г. Выборы словесныхъ

[1]) П. С. З. № 15145, ст. 3-ья: „Словесный судья и двое выборныхъ избираются по баламъ въ каждой части въ началѣ всякаго года, мѣщанствомъ и купечествомъ изъ между себя, по силѣ Учрежденій объ Управленіи губерній главы III статьи 72 и главы XX статьи 277.

судей по уставу производятся только мѣщанствомъ и купечествомъ. Другія сословія не могутъ въ нихъ принимать участія, хотя бы они и входили въ составъ городского общества.

Третьяго нововведенія—утвержденія судей словеснаго суда городничимъ въ указѣ 1781 г. нѣтъ. Повидимому, правило это появилось въ моментъ переработки второй редакціи Устава и въ частности статей его о словесномъ судѣ, только въ связи съ указомъ 1781 г. По содержанію оно аналогично ст.ст. 65—67, 73 и 75 Учрежденія о губерніяхъ, и, вѣроятно, выработка его не обошлась безъ извѣстнаго заимствованія отсюда. Ближе всего окончательный текстъ ст. 25 Устава къ ст. 73 и 75 Учрежденія. Общее условіе для утвержденія выборныхъ одно во всѣхъ статьяхъ—„буде за ними нѣтъ явнаго порока". Оно воспроизведено и въ Уставѣ, правда, съ небольшимъ пропускомъ, врядъ-ли не случайнымъ,—именно пропущены слова „за ними", т. е. за избранными кандидатами; этотъ оттѣнокъ, однако же, можетъ дать поводъ относить ограничительное условіе не только къ кандидатамъ, но и къ другимъ обстоятельствамъ, напр. къ самому процессу выборовъ. Самое утвержденіе въ Учрежденіи формулировано не совсѣмъ удачно: „... Губернаторъ дозволяетъ имъ засѣданіе". Въ Уставѣ глаголъ сохраненъ, но съ другимъ дополненіемъ: „...дозволяетъ имъ вступить въ должность". Смыслъ отъ этого дѣлается яснѣе, такъ какъ участіе въ засѣданіяхъ, упомянутое въ Учрежденіи, можетъ дать поводъ къ неправильному толкованію. Но важнѣйшею модификаціею, которую потерпѣли правила Учрежденія при перенесеніи въ Уставъ, является перемѣна органа власти, утверждающаго выборы. По Учрежденію такою властью является для дворянства—генералъ-губернаторъ, и лишь въ случаѣ его отсутствія губернаторъ, для городскихъ же и крестьянскихъ выборовъ—губернаторъ по общему правилу. Замѣтимъ при этомъ, что по Учрежденію изъ выборныхъ отъ городского сословія должностныхъ лицъ утвержденію губернатора подлежатъ только засѣдатели губернскаго магистрата и совѣстнаго суда. Объ утвержденіи городскихъ головъ, бургомистровъ, ратмановъ, старостъ и судей словеснаго суда

Учрежденіе молчитъ, Уставъ благочинія вноситъ нововведеніе—судьи словеснаго суда утверждаются городничимъ, т. е. весьма невысокимъ по положенію и близкимъ къ словесному суду начальствомъ, чѣмъ, конечно, усиливалась зависимость выборныхъ судей отъ администраціи.

Ст. ст. 161—178, образуютъ въ официальной редакціи особый отдѣлъ подъ заглавіемъ „О судьяхъ словеснаго суда", обозначенный буквою I. Изъ нихъ только пять такъ или иначе имѣютъ связь съ рукописными проектами императрицы. На остальные въ рукописяхъ указаній нѣтъ.

Ст. 161 является, подобно ст. 80, повтореніемъ ст. 8. Слѣдовательно, на ней можно не останавливаться.

Ст. 167 [1]) представляетъ собою по содержанію соединеніе двухъ правилъ, которыя мы видѣли въ черновыхъ редакціяхъ. Первое воспроизводитъ первую половину первой фразы второй статьи второй рукописной редакціи проекта Устава [см. выше стр. 300], съ двумя отличіями. Въ рукописи рѣчь идетъ о судьѣ,—въ законѣ о судѣ. Поэтому, казалось бы, законъ яснѣе рукописи. Смыслъ текста официальной редакціи ст. 167 можно было бы понять такъ. Въ словесномъ судѣ, кромѣ выборныхъ словесныхъ судей, участвуютъ еще присяжные добросовѣстные свидѣтели. Но, къ сожалѣнію, сопоставленіе ст. 167 со ст. ст. 25, 175 и 176 не даетъ основаній къ такому ея пониманію. Изъ текста этихъ статей видно, что въ словесномъ судѣ, кромѣ судей, участвовали еще какіе-то выборные, повидимому, въ качествѣ засѣдателей, и уже къ этому составу присоединялись присяжные добросовѣстные свидѣтели. Рукопись проливаетъ на это нѣкоторый свѣтъ. Она говоритъ: „Каждому словесному судьѣ придать двухъ выборныхъ и по нѣсколько присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей". Съ точки зрѣнія рукописнаго текста правило это понятно. Авторъ сперва намѣчалъ, какъ мы видѣли выше, 3 словесныхъ судей въ каждой части, но

[1]) „Каждому словесному суду, кромѣ выборныхъ, придать по нѣсколько присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей. Сіи свидѣтели, когда призваны будутъ, долженствуютъ свидѣтельствовать, что въ дѣлѣ застали, что видѣли, или что слышали".

всѣмъ имъ давалъ разное назначеніе. Отсюда понятны и 2 выборныхъ при каждомъ судьѣ. Они должны составить коллегію, чтобы судья былъ не одинъ. Впослѣдствіи же правило о 3 судьяхъ отпало въ рукописномъ текстѣ, а опредѣленіе числа выборныхъ исчезло въ офиціальной редакціи и получилось малопонятное правило первой половины ст. 167. Второе правило ея является дословнымъ повтореніемъ второй фразы второй статьи послѣдней рукописной редакціи проекта Устава.

Ст. 162 [1]) содержитъ постановленіе аналогичное тексту рукописи: „и имъ словеснымъ судьямъ и выборнымъ словесно и справедливо разбирать ссоры и споры между гражданами въ дѣлахъ ниже десяти рублей". Устный характеръ судопроизводства и ограниченіе компетенціи только гражданскими дѣлами выступаетъ вполнѣ отчетливо. Въ законѣ отпало только опредѣленіе размѣра иска 10 рублями.

Ст. 178 [2]) буквально повторяетъ правило рукописи: „Словесный судья единъ безъисходно въ части и при вѣсахъ и мѣрахъ той части быть долженъ". Начало этого правила повторено отчасти и въ ст. 176 [3]).

На постановленія остальныхъ статей отдѣла о словесномъ судѣ Устава благочинія рукописный матеріалъ указаній не даетъ. Поэтому источникъ ихъ приходится искать въ другомъ мѣстѣ. Имѣющійся же рукописный матеріалъ, кажется, даетъ право сдѣлать слѣдующіе выводы.

1. При составленіи проекта Устава благочинія у автора, повидимому, явилось намѣреніе воспользоваться существующими словесными судами и, измѣнивъ нѣсколько ихъ устройство, сдѣлать изъ нихъ низшую, наиболѣе близкую къ населенію общую судебную инстанцію по гражданскимъ

---

[1]) „Словесному судьѣ словесно разбирать по словесной просьбѣ гражданскія дѣла".

[2]) Ст. 178: „Судья словеснаго суда единъ безъисходно въ части и при вѣсахъ и мѣрахъ той части быть долженъ".

[3]) Ст. 176: „Судьямъ Словеснаго Суда и выборнымъ быть безотлучнымъ въ части своей поутру съ девятаго и до двѣнадцати часовъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней".

дѣламъ., т.-е. изъ органовъ спеціальной подсудности превратить ихъ въ органы подсудности общей [1]).

2. Административнымъ дѣленіемъ, къ которому предполагалось пріурочить словесные суды, была избрана часть города.

3. Составъ суда сохранился по прежнему выборный отъ населенія, но уже изъ спеціально избираемыхъ судей, выборныхъ и присяжныхъ свидѣтелей.

4. Участіе въ судѣ первоначально предполагалось платное.

5. Компетенція ограничена гражданскими дѣлами, цѣною до 10 рублей.

6. Судопроизводство исключительно должно быть устное.

7. Кромѣ разбора гражданскихъ дѣлъ къ обязанностямъ судей словеснаго суда отнесенъ надзоръ за мѣрами и вѣсами, а первоначально и участіе въ управѣ благочинія, вѣроятно, въ качествѣ засѣдателей.

Всѣ эти черты, за исключеніемъ оплаты труда словесныхъ судей и опредѣленія цѣны исковъ, подлежащихъ юрисдикціи словеснаго суда, 10 рублями, впослѣдствіи вошли и въ офиціальный текстъ закона. Но послѣдній кромѣ того содержитъ рядъ совершенно новыхъ постановленій, заимствованныхъ уже изъ другого законодательнаго акта, именно изъ указа 2 Апрѣля 1781 г. о должности словесныхъ судовъ въ С.-Петербургѣ [2]). Къ разсмотрѣнію его мы и обратимся.

---

[1]) Какъ я уже указывалъ въ своемъ изслѣдованіи „Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II“ 1910 г. стр. 343, прим. предположеніе воспользоваться словесными судами при реформѣ судоустройства было высказано задолго до 1775 г. Сохранилось представленіе четырехъ губернаторовъ (Маслова, Бекетова, Щербинина и Квашнина-Самарина) отъ 6 Февраля 1768 г., гдѣ, между прочимъ, проводится мысль—устроить въ городахъ „скорорѣшительные суды для всякаго званія людей“. Ограниченіе компетенціи существующихъ словесныхъ судовъ дѣлами одного купечества вызываетъ, по ихъ мнѣнію, необходимость создать такой же судъ для всѣхъ обывателей. Поэтому губернаторы проектируютъ учредить словесные суды для всѣхъ обывателей при каждой губернской канцеляріи, въ составѣ судьи и двухъ подъячихъ съ жалованьемъ по губернскому штату. Проектъ этотъ не осуществился при реформѣ 1775 г., но идея сдѣлать словесные суды низшею инстанціею получила частичное примѣненіе въ 1781 г. при преобразованіи словесныхъ судовъ въ С.-Петербургѣ, а позднѣе и общее—съ изданіемъ Устава благочинія. [Госуд. Арх. разр. XVI д. № 374].

[2]) П. С. З. № 15146.

Указъ 2 Апрѣля 1781 г., какъ видно изъ его текста [п. I], былъ изданъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія 16 Февраля того же года, объявленнаго графомъ Строгановымъ и П. В. Завадовскимъ по поводу произведеннаго ими осмотра присутственныхъ мѣстъ С.-Петербургской губерніи [1]). Этотъ осмотръ, повидимому, стоялъ въ связи съ закончившимся только въ предыдущемъ году введеніемъ въ С.-Петербургской губерніи Учрежденій 1775 г. [2]). Въ связи съ различными дополненіями, которыя оказалось нужнымъ ввести въ столичныхъ учрежденіяхъ, между прочимъ, упоминается одно, касающееся словесныхъ судовъ [3]). Ему посвященъ п. 3 указаннаго высочайшаго повелѣнія 16 Февраля 1781 г. слѣдующаго содержанія: „Для облегченія Суднымъ мѣстамъ, учредить въ каждой части города по одному Словесному Суду, избирая въ оный обществомъ гражданъ той части, подъ надзираніемъ Оберъ-Полиціймейстера, по одному Словесному Судьѣ и по два Выборныхъ изъ купечества или мѣщанства. Долгъ сихъ Судей будетъ разбирать на словахъ маловажные споры и примирять спорящихъ, держа дневную записку упражненіемъ своимъ: въ разсужденіи труда ихъ назначить имъ жалованье отъ города, Словеснымъ Судьямъ по 100 рублей, а Выборнымъ по 60 рублей каждому въ годъ. Возобновленіе жъ выбора ихъ долженствуетъ быть въ началѣ всякаго года по баламъ, сходственно Учрежденіямъ главы XX статьи 277".

Здѣсь мы находимъ рядъ характерныхъ особенностей, отчасти являющихся нововведеніемъ въ организаціи словесныхъ судовъ: 1) они пріурочены къ частямъ города, т.-е. увеличено ихъ число и, слѣдовательно, словесные суды приближены къ населенію; 2) вмѣсто спеціальной подсудности, споровъ по торговымъ дѣламъ, къ юрисдикціи словесныхъ

---

[1]) П. С. З. № 15121.

[2]) Введеніе Учрежденія 1775 г. въ С.-Петербургской губерніи началось 31 Декабря 1779 г. [П. С. З. № 14957] и окончилось 28 Мая 1780 г. [П. С. З. № 15018].

[3]) Объ этихъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ см. мое изслѣдованіе „Реформа мѣстнаго управленія Екатерины II" 1910 г., стр. 323—324 и 341—343.

судовъ отнесены всѣ вообще незначительныя [„маловажныя“] гражданскія дѣла; 3) основною задачею словеснаго суда ставится примиреніе тяжущихся, т.-е. ему придается третейскій посреднический характеръ; 4) всему составу словесныхъ судовъ назначено постоянное вознагражденіе въ формѣ годового жалованья.

Другія черты: срочность полномочій состава—1 годъ, пріуроченіе выборовъ къ началу года, опредѣленіе порядка ихъ ссылкою на ст. 277 Учрежденія о губерніяхъ, не являются нововведеніями, а заимствованы изъ сложившейся къ разсматриваемому моменту организаціи словесныхъ судовъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и включеніе мѣщанъ въ кругъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ право выбирать судей словеснаго суда, а слѣдовательно и быть избираемыми. До Учрежденія о губерніяхъ въ выборахъ судей словеснаго суда участвовали только купцы. По Учрежденію [ст. 277] сюда присоединяются мѣщане. Очевидно, это произошло подъ вліяніемъ указа 17 Марта 1775 г. [1]), который отнесъ къ мѣщанамъ мелкихъ торговцевъ съ капиталомъ менѣе 500 р., не причисляющихся къ гильдейскому купечеству.

Наконецъ, въ указѣ 16 Февраля можно видѣть косвенное указаніе еще по другому вопросу—объ административномъ дѣленіи Петербурга; именно, что городъ, повидимому, уже въ то время дѣлился, если не de jure, то de facto на части; обстоятельство, указывающее, что дѣленіе это не было новостью, созданной Уставомъ благочинія; послѣдній только обобщилъ это дѣленіе, распространивъ его на всѣ города, гдѣ вводилась полицейская организація, предусмотрѣнная Уставомъ.

Но указъ 16 Февраля 1781 г., видимо, не считался достаточнымъ, по крайней мѣрѣ, для словесныхъ судовъ. Черезъ какіе-нибудь полтора мѣсяца, 2 Апрѣля того же года былъ изданъ новый, болѣе подробный указъ, посвященный исключительно словеснымъ судамъ г. Петербурга. На это указываетъ, между прочимъ, самое заглавіе его, какъ оно напечатано въ Полномъ Собраніи Законовъ: „О должности

[1]) П. С. З. № 14275, п. 47. О значеніи терминовъ „мѣщанинъ“ и „мѣщанство“ въ эту эпоху см. Кизеветтера—„Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г.“, 1909 г. стр. 35—39.

словесныхъ судовъ въ Санктпетербургѣ по частямъ города учрежденныхъ для руководства до будущаго учрежденія о городахъ и о выборѣ въ оные присяжныхъ свидѣтелей отъ общества“ [1]). Отмѣтимъ за одно другую характерную черту заглавія: въ немъ опредѣленно подчеркнутъ временный характеръ закона 2 Апрѣля и содержится намекъ на предполагаемое въ будущемъ изданіе общаго закона о городахъ. Такимъ образомъ и этотъ указъ, повидимому, не считался окончательнымъ.

Съ внѣшней стороны законъ 2 Апрѣля 1781 г. состоитъ изъ двухъ частей: первая представляетъ собою актъ промульгаціи—приказъ генералъ-прокурору объ обращеніи къ исполненію второй части, названной „должностью словесныхъ судовъ, по частямъ города учрежденныхъ“.

Кромѣ того въ первой части содержится прямое указаніе, что новый законъ издается въ развитіе высочайшаго повелѣнія 16 Февраля того же года, разсмотрѣннаго выше, и дополнительное правило, уже относящееся скорѣе къ „должности“, что предусматриваемые ею присяжные свидѣтели должны быть избираемы порядкомъ, установленнымъ въ актѣ 16 Февраля. Существо дѣла изложено во второй части — въ „должности“, слагающейся изъ 20 статей.

Сопоставляя текстъ „должности“ съ высочайшимъ повелѣніемъ 16 Февраля, мы замѣчаемъ, что организація словесныхъ судовъ въ общемъ осталась таже. Замѣтны три отступленія: 1) исключено правило о вознагражденіи личному составу судовъ; 2) точнѣе опредѣленъ размѣръ исковъ, подсудныхъ словеснымъ судамъ—25 р.; 3) добавлены особыя должностныя лица—присяжные добросовѣстные свидѣтели, избираемые такъ же, какъ словесные судьи и выборные. Первыя два отступленія, кажется, можно объяснить вліяніемъ Учрежденія о губерніяхъ и сопутствовавшихъ ему при введеніи въ дѣйствіе дополнительныхъ актовъ; по штатамъ, изданнымъ для всѣхъ губерній, нигдѣ не положено вознагражденія судьямъ словесныхъ судовъ [2]); похвальные листы, предусмотрѣнные

[1]) П. С. З., № 15146.

[2]) П. С. З. т. XLIV, стр. 253—268, См. также мое изслѣдованіе „Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II“ 1910 г. стр. 331, 333. Слѣдуетъ, од-

ст. 281 Учр., казались достаточной наградой за участіе въ теченіе года въ словесномъ судѣ; въ ст. 18 указа 2 Апрѣля 1781 г. прямо сказано, что члены этого суда могутъ получать похвальные листы по ст. 281 Учрежденія о губерніяхъ. Предѣльная цѣна иска—25 р., какъ мѣрило для опредѣленія мелкихъ дѣлъ, также извѣстна Учрежденію. Въ ст. ст. 201, 286, 342 и 483 Учрежденія категорически запрещенъ переносъ во вторую инстанцію дѣлъ цѣною ниже 25 р.; дѣла на меньшую сумму считались для этого мелкими. Норма Учрежденія помогла въ этомъ случаѣ бо́льшей точности новаго закона.

Труднѣе объяснить третье нововведеніе въ организаціи словесныхъ судовъ по закону 2 Апрѣля 1781 г. Указаніе на участіе въ составѣ словесныхъ судовъ присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей встрѣчается впервые, какъ отмѣчено выше, только въ рукописяхъ Устава благочинія, начиная съ первой, болѣе или менѣе законченной его редакціи. Сопоставимъ, для наглядности, текстъ соотвѣтствующихъ статей указа 2 Апрѣля 1781 г. и послѣдней редакціи Устава, написанной самой Екатериной.

Уставъ [1]).	Указъ 2 Апрѣля 1781 г.
«Каждому словесному судьѣ придать двухъ выборныхъ и по нескольку присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей... Свидетели же долженствуютъ, когда призваны будутъ, засвидѣтельствовать, что въ дѣлѣ застануть, что видѣли или слышали».	«Ст. 10. Каждому Словесному Суду кромѣ выборныхъ придать по нѣскольку присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей; сіи свидѣтели, когда призваны будутъ, долженствуютъ свидѣтельствовать, что въ дѣлѣ застали, что видѣли, или что слышали».

нако же, отмѣтить, что въ концѣ ст. 12 указа 2 Апрѣля 1781 г. есть намекъ на жалованье членамъ словеснаго суда. Именно, тамъ сказано, что словесный судъ обязанъ рѣшить всякое дѣло въ теченіе самое большее трехъ дней „подъ опасеніемъ вычета изъ жалованья за мѣсяцъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія“. Правило это, вѣроятно, сложившееся подъ вліяніемъ ст. ст. 188, 207, 292, 330, 374, 465 и 488 Учр. о губ., очевидно, содержитъ въ себѣ отголосокъ черновой рукописи Устава благочинія и высочайшаго повелѣнія 16 Февраля 1781 г., гдѣ предусмотрѣно вознагражденіе судьямъ словеснаго суда и выборнымъ [100 и 60 р. въ годъ].

[1]) Госуд. Арх., разр. X, д. № 18, л. 114.

Разница приведенныхъ двухъ текстовъ, за исключеніемъ редакціонныхъ поправокъ, сводится къ вопросу о выборныхъ. Въ проектѣ Устава они упомянуты наряду съ свидѣтелями, въ приведенной же ст. 10 указа 2 Апрѣля 1781 г. о нихъ включена лишь простая оговорка. Это объясняется тѣмъ, что въ указѣ о выборныхъ имѣется прямое постановленіе въ ст. 2: „Въ словесномъ Судѣ засѣдаетъ одинъ Словесный Судья и двое выборныхъ", а въ рукописяхъ Устава, написанныхъ Екатериной, они появляются впервые вмѣстѣ съ добросовѣстными свидѣтелями. Но по смыслу тожественность приведенныхъ постановленій не подлежитъ сомнѣнію. Въ тѣхъ общихъ основаніяхъ устройства словесныхъ судовъ, которыя содержатся въ высочайшемъ повелѣніи 16 Февраля 1781 г., о присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтеляхъ нѣтъ ни слова. И въ тоже время мы встрѣчаемъ ихъ въ изданномъ всего полтора мѣсяца спустя указѣ 2 Апрѣля; при этомъ о нихъ имѣется, какъ я отмѣтилъ выше, особая оговорка въ первой части указа, гдѣ по общей его конструкціи ей не мѣсто. Ясный знакъ, что присяжные добросовѣстные свидѣтели заимствованы изъ какого-то иного источника. А такъ какъ они включены въ составъ словеснаго суда уже въ первой редакціи Устава благочинія, написанной самой Екатериной, напрашивается предположеніе, что при разработкѣ текста указа 2 Апрѣля 1781 г. проекты Устава Екатерины не остались безъ извѣстнаго вліянія.

Кромѣ организаціонныхъ нормъ указъ 2 Апрѣля 1781 г. содержитъ рядъ правилъ процессуальнаго характера. Компетенція его, какъ указано выше, обнимаетъ исключительно гражданскія дѣла, цѣною ниже 25 руб. [ст. 7]. При этомъ особо оговорено въ ст. 6: „Словесному Суду до письменныхъ просьбъ и до уголовныхъ дѣлъ дѣла нѣтъ". Задача словеснаго суда по смыслу ст. 8—мировая юстиція въ буквальномъ смыслѣ слова [„Словеснаго Суда должность есть примирять тѣхъ спорящихся, кои словесно просятъ о примиреніи"], т. е. онъ носитъ характеръ примирительно-третейскаго трибунала. Законъ по этому поводу даетъ словесному суду особыя наставленія, повторяя правила ст. 400 Учрежденія о губерніяхъ о

совѣстномъ судѣ: „1. Доставить обѣимъ сторонамъ законную честную и безтяжебную жизнь. 2. Злобы, распри и ссоры прекратить. 3. Доставить каждому ему принадлежащее“ [1]). Судопроизводство словеснаго суда исключительно устное, съ записью рѣшеній въ особую книгу — „дневную записку“, подлежащую еженедѣльной ревизіи городового магистрата [ст. 9]. Рѣшеніе обязательно должно быть постановлено въ тотъ же день, когда явятся тяжущіеся; отсрочка дается только въ случаѣ необходимости навести справки, но не дальше какъ на три дня; въ противномъ случаѣ судьямъ грозитъ штрафъ въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья [ст. 12]. Засѣданія словеснаго суда ежедневныя, кромѣ праздниковъ съ 9 до 12 ч. дня [ст. 19]. Аппеляціи нѣтъ, но тяжущіеся, недовольные рѣшеніемъ, могутъ возобновить дѣло въ другомъ судебномъ мѣстѣ [ст. 15]. Если же самъ словесный судъ затрудняется рѣшить дѣло, онъ можетъ просить указаній въ инстанціонномъ порядкѣ у городового или губернскаго магистрата и у губернскаго правленія [ст. 20]. Вызовъ къ суду и исполненіе рѣшеній возложено на „начальника или пристава“ мѣстной части [ст. 11 и 14]. Особенное вниманіе обращено на скорость судопроизводства: словесному суду категорически воспрещено принимать письменныя просьбы [ст. 6], явка по вызову его обязательна на слѣдующій день [ст. 11], справки словесный судъ даетъ и получаетъ только устныя, а ему даже воспрещено наводить справки въ уѣздѣ или другомъ городѣ [ст. 13 и 16], высшимъ учрежденіямъ законъ вмѣняетъ въ обязанность „не отягощать его (т. е. словесный судъ) повелѣніями“, посылая ему только такія повелѣнія, которыя относятся къ его должности или указы съ объявленіемъ новыхъ узаконеній [ст. 17].

Вглядываясь пристальнѣе въ текстъ указа 2 Апрѣля 1781 г., мы, кажется, можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью уловить

[1]) Какъ уже указывалось въ нашей литературѣ, эти правила ст. 400 Учрежденія о губерніяхъ представляютъ собою вольный переводъ классическаго фрагмента Ульпіана: „juris praecepta haec sunt: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere“. По этому вопросу, а также вообще по поводу статей Учрежденія 1775 г. о совѣстномъ судѣ см. мое изслѣдованіе „Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II“ 1910 г. стр. 246—256.

тѣ источники, на основаніи которыхъ онъ былъ составленъ. Такъ ст. ст. 1, 2, 3, 5, 8, 9 носятъ на себѣ несомнѣнные признаки заимствованія изъ высочайшаго повелѣнія 16 Февраля 1781 г., ст. 10 цѣликомъ воспроизводитъ ст. 2 отдѣла о словесномъ судѣ второй черновой редакціи проекта Устава благочинія, написаннаго самой Екатериной. Вліяніе того же источника сказывается и на ст. 1. Въ трехъ статьяхъ указа—ст. ст. 3, 4 и 18 содержатся прямыя ссылки на Учрежденіе о губерніяхъ. Но вліяніе этого акта замѣтно также: непосредственное—на ст. ст. 8 и 15 [ср. Учр. ст. 400] и косвенное — на ст. 19 [ср. Учр. ст. ст. 291, 304] — гдѣ опредѣляется время засѣданія городскихъ судебныхъ мѣстъ и на ст. 5 [ср. Учр. ст. ст. 201, 286 и 342]—въ опредѣленіи 25 рублями размѣра мелкихъ дѣлъ, по которымъ не допускается апелляція. Съ Инструкціей 1766 г. связь уловить труднѣе. Но она замѣтна отчасти: въ ст. 6 [ср. Инстр. п. 6 и п. 13]—указаніе на то, что словесный судъ не касается дѣлъ, требующихъ письменнаго производства, въ ст. 7 [ср. Инстр. п. 1] ссылка на законы, на основаніи которыхъ словесный судъ разрѣшаетъ дѣла и въ ст. 20 [ср. Инстр. п. 18]—обращеніе словеснаго суда въ сомнительныхъ случаяхъ къ высшей инстанціи за указаніями. Наконецъ, нѣкоторыя статьи указа 1781 г., вѣроятно, были написаны не безъ вліянія постановленій стараго устава о таможенномъ словесномъ судѣ 1727 г. Сюда можно отнести правило ст. 11 объ обязательной явкѣ отвѣтчика на другой день (Уставъ 1727 г. гл. VIII], отчасти ст. 12—требующую, чтобы словесный судъ разрѣшалъ всѣ дѣла въ теченіе maximum 3 дней. Не ясенъ источникъ: ст. 13—о собираніи устныхъ справокъ въ томъ же городѣ, и о запрещеніи наводить ихъ въ другомъ городѣ или уѣздѣ, и стоящей съ ней въ связи ст. 16—обязывающей словесный судъ въ свою очередь давать такія устныя справки, ст. 14 — объ исполненіи рѣшеній словеснаго суда приставомъ и ст. 17—воспрещающей высшимъ учрежденіямъ „отягощать“ словесный судъ „повелѣніями“ и указами. Въ итогѣ изъ 20 статей, на которыя дѣлится указъ 2 Апрѣля, для 16-ти можно указать болѣе или менѣе опре-

дѣленный источникъ. Все это ближайшіе по времени законодательные акты того же царствованія. Съ предшествующимъ законодательствомъ почти не считались. Но характерно, что въ качествѣ одного изъ источниковъ указа 2 Апрѣля 1781 г. является черновой набросокъ проекта будущаго Устава благочинія, составленный самой императрицей. Отсюда невольно напрашивается выводъ, что авторъ указа о должности словесныхъ судовъ въ С.-Петербургѣ былъ знакомъ съ черновыми работами Екатерины надъ Уставомъ благочинія, и что къ моменту составленія указа эти работы были закончены; а такъ какъ указъ 2 Апрѣля составленъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія 16 Февраля, что видно изъ его текста, то очевидно время его подготовки падаетъ на промежутокъ между 16 Февраля и 3 Апрѣля 1781 г. Во всякомъ случаѣ его писали не ранѣе 16 Февраля, и стало быть къ этому времени черновая, т. е. непосредственно личная работа императрицы надъ проектомъ Устава благочинія была закончена.

При перенесеніи статей указа 2 Апрѣля 1781 г. въ уставъ благочинія постановленія его потерпѣли рядъ измѣненій.

Остановимся сперва на тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ устройству словесныхъ судовъ.

Въ указѣ организаціи ихъ посвящены ст.ст. 1—4, 10 и 18, всего 6 статей. Въ Уставѣ ст.ст. 8 [81, 161], 18, 25, 167, 175 и 178, т. е. тоже шесть, если не считать повтореній. Порядокъ изложенія по указу такой: въ ст. 1 говорится объ учрежденіи въ каждой части города одного словеснаго суда, со ссылкой на высочайшее повелѣніе 16 Февраля 1781 г., въ ст. 2 опредѣляется составъ—1 судья и 2 выборныхъ, въ ст. 3 указанъ порядокъ выборовъ со ссылкою на ст.ст. 72 и 277 Учрежденія о губерніяхъ, въ ст. 4 опредѣленъ классъ должности, тоже со ссылкою на Учрежденіе, въ ст. 10 вводятся въ составъ словеснаго суда присяжные добросовѣстные свидѣтели, а въ ст. 18 предусмотрѣно награжденіе судей словеснаго суда и выборныхъ похвальными листами, опять-таки со ссылкою на Учрежденіе. Ходъ мысли послѣдовательный и вполнѣ стройный.

Иное мы видимъ въ Уставѣ благочинія. Ст. 8 [81, 161] прямо предписываетъ опредѣлить въ каждой части города „одного или болѣе судей словеснаго суда изъ гражданъ“. Объ учрежденіи словесныхъ судовъ ни слова, какъ будто о нихъ уже шла рѣчь выше. Терминологія измѣнена: вмѣсто „словесныхъ судей“ въ этой статьѣ, какъ и вообще во всемъ офиціальномъ текстѣ Устава упоминаются „судьи словеснаго суда“. Но не извѣстно, сколько именно ихъ должно быть въ каждой части и, если больше одного, то какое количество надо выбирать и по какому разсчету. О выборныхъ ни слова, какъ будто ихъ не существуетъ. Ст. 18 присваиваетъ судьямъ словеснаго суда 14-ый классъ по должности, повторяя ст. 4 указа 2 Апрѣля 1781 г., но безъ ссылки на Учрежденіе о губерніяхъ. Ст. 25 представляетъ собою какую-то мозаику изъ ст. 3 указа 1781 г. и нѣкоторыхъ правилъ Учрежденія.

Сопоставимъ для ясности текстъ:

Указъ 2 Апрѣля 1781 г.	Уставъ благочинія.
Ст. 3. Словесный судья и двоевыборныхъ избираются по баламъ въ каждой части въ началѣ всякаго года мѣщанствомъ и купечествомъ изъ между себя, по силѣ Учрежденій объ управленіи Губерній главы III статьи 72 и главы XX статьи 277.	Ст. 25. Судья Словеснаго Суда и выборные избираются по баламъ въ каждой части въ началѣ всякаго года мѣщанствомъ и купечествомъ изъ между себя и представляются городничему, и буде нѣтъ явнаго порока, то Городничій дозволяетъ имъ вступить въ должности.

Въ началѣ статьи 25 устава бросается въ глаза упоминаніе о „выборныхъ“. Раньше о нихъ не говорится; обстоятельство замѣтное потому, что статья эта находится въ отдѣлѣ подъ литерою В, гдѣ идетъ рѣчь уже о порядкѣ назначенія на должности, а въ перечнѣ учрежденій и должностей, помѣщенномъ въ отдѣлѣ подъ литерою А, выборные въ словесномъ судѣ не упоминаются. При этомъ число выборныхъ не указано; быть можетъ тутъ повліяло правило ст. 8, гдѣ не указано точно и число судей словеснаго суда. Въ дальнѣйшемъ

изложеніи ст. 25 воспроизводитъ дословно ст. 3 указа 2 Апрѣля 1781 г., но опускаетъ ссылку на Учрежденіе 1775 г. Вмѣсто нея помѣщено совершенно новое и неизвѣстное дотолѣ правило объ утвержденіи членовъ словеснаго суда городничимъ, на которомъ я останавливался выше [стр. 304].

Наконецъ, ст.ст. 167 и 175 устава воспроизводятъ дословно ст.ст. 10 и 18 указа 2 Апрѣля 1781 г., съ однимъ лишь измѣненіемъ въ ст. 175 названія „словесныхъ судей" на „судей словеснаго суда".

Особнякомъ стоитъ ст. 178. Не только тожественнаго, но даже аналогичнаго ей текста въ указѣ 2 Апрѣля 1781 г. нѣтъ. Выше [стр. 306] я уже указывалъ ея происхожденіе. Она представляетъ собою почти дословное заимствованіе одной изъ статей о словесномъ судѣ, которыя мы находимъ въ черновыхъ проектахъ устава благочинія.

Гораздо меньше измѣненій потерпѣли процессуальныя правила указа 2 Апрѣля 1781 г. при перенесеніи въ Уставъ благочинія. Статьи 5—20 этого указа совпадаютъ буквально со ст.ст. 162—167 Устава. Варіантовъ имѣется счетомъ пять. Три изъ нихъ чисто редакціоннаго характера: въ ст.ст. 11 и 14 указа упоминается „частный начальникъ или приставъ", а въ соотвѣтствующихъ ст.ст. 168 и 171 Устава—„частный приставъ". Вмѣсто употребленнаго въ ст. 19 указа названія „словесные судьи", Уставъ въ ст. 176 называетъ ихъ „судьи словеснаго суда". Два другихъ варіанта вліяютъ отчасти на смыслъ: именно, въ опредѣленіи компетенціи словесныхъ судовъ [ст.ст. 5 и 7 указа] Уставъ въ ст.ст. 162 и 164 опускаетъ слова „ниже 25 рублей", т. е. лишаетъ понятіе мелкихъ дѣлъ необходимой опредѣленности. Измѣненія, внесенныя въ текстъ указа 2 Апрѣля 1781 г., при перенесеніи его статей въ Уставъ благочинія могутъ быть объяснены, первыя три просто болѣе установившеюся при окончательной отдѣлкѣ проекта терминологіею, а два послѣднихъ—коллизіею компетенціи словеснаго суда съ компетенціею управы благочинія. По уставу, въ послѣдней редакціи, написанной самой Екатериной, управѣ подсудны мелкія гражданскія дѣла, цѣною до 10 р. [1]) При

[1]) Госуд. Арх., р. X, д. № 18, л. 101 ст. № 30.

окончательной отдѣлкѣ, т. е. въ тотъ же, вѣроятно, періодъ, когда вносились въ Уставъ и правила указа 2 Апрѣля 1781 г., эта норма была повышена до 20 р. Но тогда, очевидно, нельзя было сохранить для словесныхъ судовъ, какъ низшихъ въ іерархическомъ порядкѣ, въ сравненіи съ управою, прежнюю норму—25 р.; получилось бы безвыходное противорѣчіе. Поэтому, вѣроятно, редакторы оффиціальнаго текста Устава отбросили цифру 25 р., а вставить иную не рѣшились и возвратили закону первоначальную неопредѣленность, вслѣдствіе чего словесному суду оказались подсудными всѣ гражданскія дѣла, по которымъ иски предъявлены въ устной формѣ.

Съ отмѣченными измѣненіями указъ 2 Апрѣля 1781 г. вошелъ въ составъ Устава Благочинія, и такимъ образомъ, сепаратный законъ о словесныхъ судахъ въ столицѣ сдѣлался общимъ закономъ для всѣхъ словесныхъ судовъ имперіи.

Попытаемся теперь, на основаніи изложеннаго матеріала опредѣлить, что же новаго внесла въ институтъ словеснаго суда Екатерининская реформа мѣстнаго управленія.

1) Важнѣйшею перемѣною, внесенною Екатерининскою реформою мѣстнаго управленія въ положеніе словесныхъ судовъ, является превращеніе ихъ въ органы общей подсудности. До этого времени они носили характеръ исключительно судовъ коммерческихъ. Екатерина вводитъ ихъ въ общую схему своихъ мѣстныхъ учрежденій и расширяетъ ихъ компетенцію. Послѣ нея словесные суды являются обще-городскимъ судебнымъ учрежденіемъ, и ихъ юрисдикціи подлежатъ не одни торговыя, а всѣ вообще мелкія гражданскія дѣла. Правда, понятіе городского общества въ смыслѣ сословности представляется вообще неяснымъ по Екатерининскому законодательству, но, во всякомъ случаѣ, словесные суды перестали быть судами для одного купечества.

2. Пріурочивъ словесные суды къ частямъ города Екатерина создала изъ нихъ ближайшую къ населенію судебную инстанцію.

До этого единственнымъ судебнымъ мѣстомъ для городскихъ жителей былъ магистратъ или ратуша. Введя магистраты въ

общую схему своихъ судебныхъ учрежденій, Екатерина обратила вниманіе на необходимость дополнить ее низшею, болѣе близкою къ населенію инстанціею, и воспользовалась для этого уже существовавшими словесными судами, увеличивъ ихъ число съ одного при каждомъ магистратѣ до числа частей, на которыя дѣлился городъ.

3. Въ противоположность прежней организаціи словесныхъ судовъ, вѣдавшихъ не только гражданскія дѣла купеческаго сословія, но и мелкіе уголовные проступки, Екатерина ограничила ихъ юрисдикцію исключительно дѣлами гражданскими. Повидимому, это объясняется двумя обстоятельствами. Во первыхъ, ко времени преобразованія словесныхъ судовъ уже сложилась окончательно сословная организація судебныхъ инстанцій по Учрежденію о губерніяхъ. Во вторыхъ, реформа словесныхъ судовъ, въ качествѣ общей мѣры, была произведена Уставомъ Благочинія; по Уставу же мелкія уголовныя дѣла, какъ кража и мошенничество на сумму не свыше 20 рублей, разсматриваются управою благочинія [ст. 72], безотносительно къ сословному положенію обвиняемаго, въ особомъ порядкѣ. Особенность эта заключается въ томъ, что недовольные рѣшеніемъ управы могутъ жаловаться въ инстанціонномъ порядкѣ въ низшій сословный судъ, и такого рода жалоба не считается апелляціею [ст. 39]. А такъ какъ по Учрежденію о губерніяхъ переносъ дѣлъ во вторую инстанцію судебныхъ учрежденій допускался только по дѣламъ цѣною не ниже 25 р. [ст. 201, 286, и 342], то, очевидно, что мелкія уголовныя дѣла могли разбираться исключительно управою благочинія и низшими сословными судами. При такой постановкѣ дѣла для уголовной юрисдикціи словесныхъ судовъ мѣста не оказывалось.

4. Едва-ли не важнѣйшимъ измѣненіемъ въ организаціи словесныхъ судовъ является тотъ примирительно-третейскій характеръ, который придала имъ Екатерининская реформа. Хотя и при прежнемъ устройствѣ въ словесныхъ судахъ принимали участіе посредники-медіаторы, какъ ихъ называетъ уставъ 1727 г., но ихъ роль была скорѣе ролью экспертовъ для опредѣленія цѣнности, достоинства и качества представленныхъ

сторонами торговыхъ документовъ. Послѣ реформы на первый планъ выдвигается примирительно-третейская задача словеснаго суда. Она пріобрѣтаетъ особо важное значеніе уже потому, что, строго говоря, вся юрисдикція словеснаго суда является факультативной. Во 1-хъ, онъ вѣдаетъ только тѣ дѣла, гдѣ иски заявлены устно. Слѣдовательно, достаточно изложить прошеніе письменно, и оно уже не подвѣдомственно словесному суду. А во вторыхъ, и это главное, апелляціи на его рѣшенія нѣтъ. Кто заявитъ, что онъ недоволенъ рѣшеніемъ, тотъ тѣмъ самымъ уже изъемлетъ дѣло изъ словеснаго суда. [ст. 172], и оно переходитъ въ другое судебное мѣсто по принадлежности. Стало быть, не только обращеніе къ словесному суду, но и подчиненіе его рѣшенію исключительно добровольное. Этотъ примирительно-третейскій характеръ словесныхъ судовъ сложился подъ очевиднымъ вліяніемъ совѣстныхъ судовъ по Учрежденію о губерніяхъ. На это указываетъ и отмѣченная выше связь статей закона, посвященныхъ обоимъ институтамъ. Возможно, что изъ словесныхъ судовъ хотѣли сдѣлать болѣе близкую къ населенію, чѣмъ единственный на всю губернію совѣстный судъ, низшую его инстанцію, съ ограниченными только сферою мелкихъ гражданскихъ дѣлъ функціями.

5. Реформа рѣзче подчеркнула устный характеръ судопроизводства словесныхъ судовъ. Это особенно замѣтно въ ст. 168, гдѣ указано, что словесный судъ „словесно“ сообщаетъ приставу о вызовѣ отвѣтчика, и въ ст.ст. 170 и 173 объ устныхъ справкахъ. Ему даже воспрещено наводить справки въ уѣздѣ и въ другихъ городахъ [ст. 170]. Это неловкое правило, такъ какъ, очевидно, что и въ другихъ мѣстахъ можно собрать устныя справки, навѣяно несомнѣнно желаніемъ оградить словесный судъ отъ письменнаго производства. Вообще словесный характеръ судопроизводства подчеркнутъ въ рядѣ статей [ст. 162, 164, 166 и 171]. Единственный письменный документъ словеснаго суда—дневная записка, куда заносятся всѣ устныя просьбы, показанія свидѣтелей, распоряженія, справки и рѣшенія. Изъ этой записки дозволяется снимать копіи, по просьбѣ другого суда [ст. 173].

6. Подобно устности, реформа коснулась и краткости судопроизводства. Прежняя организація знала сроки: для вызова отвѣтчика, для рѣшенія и для его исполненія. Уставъ благочинія ихъ измѣняетъ. Повѣстка посылается только одна, и явка отвѣтчика обязательна на слѣдующій день [ст. 168], вмѣсто трехъ повѣстокъ и вызова на тотъ же день. Зато нѣтъ принудительнаго привода въ случаѣ уклоненія отвѣтчика; послѣдствія неявки неизвѣстны, такъ какъ заочныхъ рѣшеній вообще не было ни до, ни послѣ реформы. Рѣшеніе обязательно постановляется въ одинъ день, а не втеченіе 8 или 3-хъ; лишь на справки дается 3 дня льготы; правило это санкціонируется угрозою штрафа въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья [ст. 169].

7. Положеніе судей словеснаго суда послѣ реформы сдѣлалось опредѣленнѣе. Они введены въ общую іерархію должностныхъ лицъ, и хотя классъ должности ихъ не высокъ— XIV-ый, да и присвоенъ онъ имъ временно „заурядъ", но, учитывая тогдашнія соціальныя условія, это обстоятельство не могло не поднимать значенія словесныхъ судей. По неослабленной еще тогда позднѣйшими сепаратными узаконеніями петровской табели о рангахъ, чинъ XIV класса въ гражданской службѣ давалъ личное дворянство. А при сословномъ строѣ общества это въ то время значило много. Кромѣ того добросовѣстное исполненіе обязанностей словеснаго судьи давало обществу право наградить его похвальнымъ листомъ, что въ свою очередь сообщало ему извѣстное почетное положеніе.

8. Составъ словеснаго суда послѣ реформы замѣтно измѣнился. До этого времени словесный судъ отправляли двое выборныхъ отъ купечества; лишь въ большихъ ярмарочныхъ мѣстахъ, гдѣ не было ратушъ и магистратовъ, кромѣ выборныхъ въ словесномъ судѣ участвовалъ одинъ изъ членовъ этихъ учрежденій по назначенію Главнаго Магистрата. Реформа различаетъ въ составѣ словеснаго суда: судей, съ опредѣленнымъ классомъ должности, выборныхъ, положеніе которыхъ не вполнѣ ясно, но замѣщеніе должностей тѣхъ и другихъ происходитъ по выбору мѣщанства и купечества—и присяжныхъ

добросовѣстныхъ свидѣтелей. Положеніе послѣднихъ очень оригинальное. Назначаются они или выбираются, неизвѣстно. Уставъ ограничивается короткимъ указаніемъ на ихъ функціи— удостовѣрять фактическую обстановку дѣла. Въ обсужденіи и рѣшеніи дѣла они, повидимому, не участвуютъ и являются чѣмъ-то вродѣ засѣдателей, но даже безъ права совѣщательнаго голоса, т. е., вѣрнѣе, чѣмъ то вродѣ понятыхъ. Какъ указано выше, должность эта появляется впервые въ черновикахъ Устава благочинія, написанныхъ самой Екатериной, но у нея положеніе этой должности осталось неразработаннымъ. При составленіи указа 2 Апрѣля 1781 г. редакторы его внесли цѣликомъ въ текстъ то, что нашли въ рукописи императрицы, а ихъ примѣру послѣдовали позднѣе и редакторы оффиціальнаго текста Устава благочинія. Въ итогѣ черновой набросокъ Екатерины, которому она, весьма возможно, и не придавала рѣшающаго значенія, какъ окончательной нормѣ, вошелъ въ текстъ закона. О дальнѣйшей разработкѣ содержащейся въ наброскѣ мысли законодательницы никто не позаботился. Такъ получилась въ составѣ словеснаго суда должность съ характеромъ болѣе чѣмъ неопредѣленнымъ, которая на практикѣ должна была вызвать большія затрудненія и на дѣлѣ свестись къ излишней и пустой формальности.

9. Кромѣ судейскихъ обязанностей послѣ реформы на судей словеснаго суда была возложена одна административная функція—надзоръ за мѣрами и вѣсами. Опять-таки и здѣсь, подобно присяжнымъ добросовѣстнымъ свидѣтелямъ, мы имѣемъ дѣло съ механическимъ перенесеніемъ въ текстъ закона статьи изъ чернового наброска Екатерины [ст. 178 Устава]. Выше выяснено ея происхожденіе и отмѣчено, какимъ путемъ произошло то противорѣчіе, которое замѣтно въ этой статьѣ. Согласно первоначальной редакціи проекта Устава, въ каждомъ словесномъ судѣ должно быть три судьи: одинъ—непосредственно для суда, другой для надзора за мѣрами и вѣсами, третій для участія въ управѣ благочинія. Замѣтимъ, что въ этой стадіи работы въ составъ управы входятъ только городничій и два пристава. Ратмановъ, упоминаемыхъ въ оффиціальномъ текстѣ, еще нѣтъ. Возможно, что

общественный элементъ авторъ предполагалъ представить въ управѣ судьями словеснаго суда. Наоборотъ, во второй редакціи проекта Екатерины въ составъ управы введены ратманы и соотвѣтственно сокращено число судей словеснаго суда. Но обязанность надзора за мѣрами и вѣсами она, видимо, хотѣла за ними сохранить, придавая ей важное значеніе. Отсюда—отмѣченныя выше неудачныя попытки передѣлать текстъ проектированной статьи устава и въ результатѣ—нескладная и противорѣчивая статья закона, какъ послѣдствіе автоматической переписки въ его текстъ рукописи императрицы.

Владиміръ Григорьевъ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ И ПОДПОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА 60-ХЪ Г.Г.

„Говорю, потому что презрѣнная писательская привычка надѣяться на силу слова отуманиваетъ меня . . . ахъ, если бы можно было объяснить дѣло, оно уладилось бы".

(5 Февр. 1862 г. „Письма безъ адреса". Собр. соч., X², стр. 295).

Въ русскомъ образованномъ обществѣ долго по традиціи было распространено мнѣніе о томъ, что Н. Г. Чернышевскій пострадалъ, какъ идейный вождь своего поколѣнія, за легальную литературную дѣятельность въ „Современникѣ". Эта традиція въ свое время возникла благодаря тому, что дѣло Чернышевскаго въ сенатѣ велось секретно, и стало извѣстнымъ только „Опредѣленіе" сената, которое и могло явиться первоисточникомъ традиціи. Въ немъ можно было прочесть:

„Чернышевскій своей литературной дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всей злой волей посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и соціалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывалъ въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей . . . былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему" . . . [1]).

[1]) Былое, 1906 г., № 5, Дѣло Н. Г. Чернышевскаго, опубликованное М. Лемке, стр. 126.

Тѣмъ глубже участь Чернышевскаго,—позорный обрядъ гражданской казни на Мытной площади, 7 лѣтъ каторжныхъ работъ и вѣчное поселеніе въ Сибири—потрясли его современниковъ, притомъ не только единомышленниковъ, но и людей противоположнаго, враждебнаго ему лагеря. Никитенко, который не безъ сочувствія отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ „арестъ великаго проповѣдника соціализма и матеріализма", съ тревогой разспрашивалъ сенатора Любощинскаго, доказано ли юридически преступленіе Чернышевскаго. Сенаторъ отвѣчалъ, „что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе противъ него. Какъ же однако осудили его? Въ Государственномъ Совѣтѣ нѣкоторые члены не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда князь Долгоруковъ (шефъ жандармовъ—примѣч. автора) показалъ какія то бумаги изъ III отдѣленія, и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги, это тайна. Зачѣмъ же дѣлать изъ нихъ тайну, если въ нихъ заключаются точныя доказательства вины Чернышевскаго? Жаль"... „Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осудить его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ? Такъ говорятъ почти всѣ" [1]).

Также возмущенъ былъ процедурой произвольнаго суда историкъ Сергѣй Соловьевъ:

„Что же это такое?—говорилъ онъ:—берутъ изъ общества одного изъ самыхъ видныхъ людей, писателя, который десять лѣтъ проповѣдывалъ на всю Россію извѣстные взгляды съ разрѣшенія цензуры, имѣлъ громадное вліяніе, велъ за собою чуть ли не все молодое поколѣніе—такого человѣка въ одинъ прекрасный день безъ всякаго яснаго повода берутъ, сажаютъ въ тюрьму, держатъ больше года, никому ничего не извѣстно, судятъ какимъ то секретнымъ судомъ, совершенно некомпетентнымъ, къ которому ни одинъ человѣкъ въ Россіи довѣрія и уваженія имѣть не можетъ, и который само правительство объявило никуда негоднымъ, и вотъ, наконецъ,

[1]) В. Бурцевъ. За сто лѣтъ. Лонд. 1897 г., стр. 84.

общество извѣщается, что этотъ Чернышевскій, котораго оно знаетъ, какъ писателя, ссылается на каторгу за политическое преступленіе, а о какомъ нибудь доказательствѣ его преступленія, о какомъ нибудь опредѣленномъ фактѣ нѣтъ и помину“ [1]).

Традиція Никитенко-Соловьева продолжала господствовать вплоть до 1906 г., когда М. Лемке опубликовалъ въ „Былomъ“, въ числѣ многихъ другихъ цѣнныхъ матеріаловъ 60-хъ годовъ,—дѣло Н. Г. Чернышевскаго. Завѣса оказалась поднятой. На вопросы С. Соловьева получился отвѣтъ.

Поводомъ къ аресту Чернышевскаго явилось задержаніе на границѣ нѣкоего Ветошникова съ многочисленными письмами Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсіева. Въ числѣ нихъ было письмо Герцена и Огарева Н. А. Серно-Соловьевичу [2]) „съ припиской о томъ, что они готовы издавать „Современникъ“ здѣсь съ Чернышевскимъ или въ Женевѣ“ [3]). Результатомъ задержанія Ветошникова явилось съ одной стороны „дѣло о 32 лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“, а съ другой—поспѣшный арестъ Чернышевскаго.

Въ крѣпости Чернышевскій просидѣлъ около 8 мѣсяцевъ, прежде чѣмъ вѣдавшая его дѣло слѣдственная комиссія предъявила ему свои обвинительные пункты. За это время онъ бомбардировалъ многочисленными письменными протестами комиссію, коменданта крѣпости и лично ему извѣстнаго гуманнаго и неглупаго петербургскаго генералъ-губернатора Суворова, требуя предъявленія обвиненій и свиданій съ женой. Тонъ этихъ заявленій былъ чрезвычайно рѣзокъ, даже вызывающъ; такой языкъ сенаторы слышали не часто. Не получая отвѣта, Чернышевскій прибѣгъ даже къ необычной тогда формѣ протеста, девятидневной голодовкѣ.

---

[1]) В. С. Соловьевъ. Письма т. I.

[2]) Опубликовано М. Лемке въ Былomъ за 1906 г. и въ его же „Очеркахъ освободительнаго движенія 60-хъ годовъ“, СПБ., 1908 г.

[3]) Послѣ пожаровъ въ Маѣ 1862 г. по Высочайшему повелѣнію „Современникъ“ и „Русское Слово“ были пріостановлены на 8 мѣс. Не получивъ отъ Серно-Соловьевича отвѣта на свое предложеніе, Герценъ повторилъ его печатно.

Задержка объяснялась тѣмъ, что надо было мобилизовать обвинительные пункты. Комиссія понимала, что перваго изъ нихъ, противозаконныхъ сношеній съ лондонскими изгнанниками, недостаточно. Комиссія заговорила только тогда, когда къ сказанному пункту могла присоединить еще два обвиненія: 1) въ сочиненіи прокламаціи: „къ барскимъ крестьянамъ [1]) и 2) въ приготовленіи къ возмущенію, что вытекало изъ текста прокламаціи".

По пункту о сношеніяхъ съ лондонскими изгнанниками объясненія Чернышевскаго были сочтены удовлетворительными. Это обвиненіе отпало. Оставалось вмѣнявшееся ему въ вину составленіе прокламаціи.

Чтобы мобилизовать этотъ пунктъ, комиссія поработала вмѣстѣ съ III Отдѣленіемъ.

Въ руки III Отдѣленія, очевидно по предварительному уговору, какъ то слѣдуетъ изъ сопоставленія всѣхъ обстоятельствъ [2]), попала исповѣдь—письмо предателя по дѣлу поэта Михайлова, литератора Всеволода Костомарова [3]). За распространеніе воззванія „Къ Молодому Поколѣнію" Михайловъ былъ осужденъ въ 1861 г. на 6 л. каторги, а Костомаровъ, его предатель, по дѣлу о первыхъ московскихъ тайныхъ типографіяхъ отданъ въ солдаты. Во время путешествія по казенной надобности Костомаровъ разрѣшился въ пути длиннѣйшимъ посланіемъ къ пріятелю. Съ великимъ множествомъ витіеватыхъ отступленій, съ цитатами на всѣхъ древнихъ и новыхъ языкахъ, безпокойной суетливостью, нервическимъ многословіемъ и ядовитой злобой Костомаровъ изображаетъ свое участіе въ подпольномъ движеніи, какъ участіе одного изъ соблазненныхъ малыхъ сихъ, а Чернышевскаго, какъ истиннаго виновника-искусителя. Фактически Костомаровъ сообщалъ, что Михайловъ зналъ отъ него, Костомарова, о возможности печатать въ Москвѣ безъ цензуры, что онъ повезъ его къ Чернышевскому, чтобы переговорить

[1]) Прокламація была набрана, но распространенія не получила.

[2]) Для подробностей отсылаемъ къ М. К. Лемке. Дѣло Чернышевскаго, Михайлова и Писарева. СПБ., 1907 г. и въ „Быломъ" 1906 г., №№ 3—5.

[3]) Племянникъ историка.

о напечатаніи воззванія, что Чернышевскій самъ читалъ ему инкриминируемое воззваніе, что позднѣе онъ по тому же поводу заѣзжалъ къ нему, Костомарову, въ Москвѣ. Совсѣмъ бѣлыми нитками шито въ дѣлѣ появленіе рядомъ съ Костомаровымъ второго свидѣтеля, Яковлева, писца и буяна подъ пьяную руку, котораго Костомаровъ разными посулами склонилъ свидѣтельствовать о слышанныхъ будто бы имъ въ саду словахъ, обращенныхъ Чернышевскимъ къ Костомарову: барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей низкій поклонъ! О томъ, что Яковлевъ не вѣдалъ, что творилъ, свидѣтельствуетъ опубликованное только въ 1914 г. его письмо [1]).

Кромѣ протоколовъ показаній этихъ свидѣтелей въ дѣлѣ фигурируютъ еще двѣ будто бы собственноручныхъ записки Чернышевскаго, которыя долженствовали служить уликами противъ него. Чернышевскій призналъ ихъ подложными. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что онѣ были сфабрикованы.

Свидѣтелямъ и запискамъ III Отдѣленія не удалось юридически доказать вину Чернышевскаго, который чрезвычайно тонко парировалъ всѣ показанія и ни на мгновеніе не ослабѣвалъ ни въ устномъ турнирѣ, ни въ письменныхъ объясненіяхъ. „Опредѣленіе“ Сената, прежде цитировавшееся, не могло использовать пункта о составленіи воззванія. Формулированная имъ вина Чернышевскаго дѣйствительно не подходитъ ни подъ какіе существовавшіе тогда законы, такъ какъ „Опредѣленіе“ исходитъ отъ совокупности его легальныхъ литературныхъ произведеній. Юридически и формально Чернышевскій былъ невиненъ. По отношенію къ нему была совершена судебная ошибка.

И тѣмъ не менѣе, М. К. Лемке, не отрицая этого факта, наоборотъ, обосновывая его новыми и новыми доказательствами, замѣчаетъ, что „Воззваніе“ вѣроятно принадлежитъ Чернышевскому. Этого своего предположенія онъ нигдѣ не считаетъ доказаннымъ; это очевидно прежде всего то „внутрен-

[1]) „Современникъ“, 1914 г., № 1, Н. К—въ. Новое о прошломъ. Новый документъ къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго.

нее убѣжденіе", которое вырастаетъ изъ совокупности впечатлѣній, чисто интуитивнымъ путемъ.

Его, быть можетъ, мудрено неоспоримо доказать на основаніи матеріала слѣдствія и протоколовъ показаній давно умолкнувшихъ людей. Но развѣ судебное слѣдствіе всегда въ состояніи возстановить истинный ходъ событій? Развѣ не часто остаются формально недоказанными и неустановленными всевозможные инкриминируемые факты и дѣянія?

Упорное отрицаніе Чернышевскаго въ данномъ случаѣ, конечно, не можетъ быть контраргументомъ. Онъ имѣлъ передъ собой безпощадныхъ враговъ, противъ которыхъ съ юношескихъ лѣтъ прибѣгалъ къ конспираціи. Студенческіе письма А. Н. Пыпину—гимназисту онъ пишетъ по латыни, чтобы имѣть возможность свободно говорить о „glebae adscripti" и „terrae firmi". Въ юношескомъ дневникѣ передъ женитьбой онъ долго увѣряетъ свою невѣсту, что не можетъ жениться, не имѣетъ права на это, такъ какъ его во всякое время могутъ взять: „У меня ничего не найдутъ, но подозрѣнія будутъ противъ меня весьма солидныя. Что же я буду дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать. Но, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко. И тогда я едва ли уже выйду изъ крѣпости. Видите, я не могу жениться" [1]).

Итакъ, задолго Чернышевскій предвидѣлъ свою участь и приготовился къ ней. Донкихотская откровенность для него была невозможна.

Если съ другой стороны бросить на вѣсы нѣкоторое число данныхъ изъ того же сенатскаго дѣла, сопоставивъ ихъ съ нѣкоторыми разсказами современниковъ, то дѣлается понятнымъ, откуда могло взяться предположеніе Лемке. Показанія В. Костомарова, при всей его истерической болтливости и возможныхъ ошибкахъ въ деталяхъ, какъ и показанія того же персонала по дѣлу Михайлова, кажутся предательствомъ, но не сплошнымъ навѣтомъ. Не все въ нихъ ложь. Дальше, другіе документы даютъ понять, какимъ исклю-

[1]) Дневникъ отъ 13 Марта 1853 г., Собр. соч. X², стр. 22.

чительнымъ авторитетомъ Чернышевскій пользовался среди молодежи; роль его въ современномъ ему общественномъ движеніи по активности несомнѣнно выходила за предѣлы чисто идейнаго руководительства. Уже М. К. Лемке [1]) далъ сводку фактовъ, иллюстрирующихъ убѣжденіе современниковъ въ томъ, что Чернышевскій принималъ активное участіе въ революціонной работѣ. Онъ напоминаетъ разсказъ Ф. М. Достоевскаго [2]), который явился къ Чернышевскому, будучи съ нимъ незнакомъ, и уговаривалъ его воздѣйствовать на составителей одной изъ тогдашнихъ революціонныхъ прокламацій, чтобы остановить ихъ во что бы то ни стало. Таково же было убѣжденіе правящихъ сферъ, какъ слѣдуетъ изъ словъ Суворова-Рымникскаго, бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, который получилъ отставку послѣ покушенія Каракозова: „я поступалъ иначе. Мнѣ доносятъ, что подготовляется движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: „пожалуйста, устройте, чтобы этого не было“, онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!“ Эти слова приводятся въ передачѣ Н. Шелгунова.

Не менѣе показательны и нѣкоторые документы, приложенные къ сенатскому дѣлу. Въ числѣ ихъ фигурируетъ анонимное письмо какого-то яраго крѣпостника, найденное среди бумагъ Чернышевскаго при обыскѣ, и поступившій до его ареста доносъ въ III отдѣленіе нѣкоего лица, именующаго себя профессоромъ [3]). Охранительный лагерь въ нихъ сводилъ свои счеты съ тѣмъ, кого онъ считалъ вождемъ революціоннаго движенія.

„Г-нъ Чернышевскій! о пропагандѣ Вы знаете; Вы ей сочувствуете, поговоримъ о ней. Вы, наконецъ, пережили себя нехотя; Вы говорите о нашихъ собраніяхъ, протягиваете руку дворянству; но кого Вы этимъ обманете? Неужели Ваша улыбка украситъ Вашу медузину голову? Неужели мы не видимъ Васъ съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть?

[1]) М. К. Лемке. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. Былое, 1906 г., № 3, стр. 97—100.
[2]) Ф. М. Достоевскій. Дневникъ писателя, 1873 г. IV. Нѣчто личное.
[3]) М. Лемке. Св. стр. 101—102.

Неужели мы можемъ сочувствовать заклятымъ соціалистамъ (направленіе Вашего журнала намъ понятно, да и „Великоруссъ“ Ваше произведеніе), которые ищутъ и будутъ искать нашей погибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества, насъ самихъ, наши семейства?“...

„Не ввѣримся же мы Вамъ, человѣку или совершенно непрактичному, или совершенно подлому; вспомните, въ какую цѣну Вы оцѣнили наши имѣнія. Кого Вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи—дворянство. На кого Вы надѣетесь? На полудикое сословіе мужиковъ, людей, религія которыхъ заключается въ одной ѣдѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ...“.

Письмо, очевидно, имѣетъ въ виду статьи Чернышевскаго въ „Современникѣ“ по крестьянскому вопросу и появившіеся во второй половинѣ 61 г. листки „Великорусса“, которые авторомъ письма приписываются Чернышевскому же.

Листки разсчитывали на конституціонное движеніе дворянства и пропагандировали адресъ государю, пытаясь усилить оппозицію страхомъ передъ неминуемымъ въ 63 г. крестьянскимъ возстаніемъ. Отъ союзниковъ въ лицѣ комитета „Великорусса“ и открещивается аграрій. Насколько основательны могли быть предположенія послѣдняго относительно участія въ упомянутомъ дѣлѣ Чернышевскаго, будетъ видно впереди.

Доносчикъ въ III Отдѣленіи умоляетъ пожалѣть Россію, пожалѣть царя и упрятать Чернышевскаго куда-нибудь подальше. „Время николаевское ушло—распустили однажды, теперь не совладаете—выхода другого нѣтъ, какъ земская дума; боитесь дворянства—пошумятъ только; если потребуютъ конституцію, то путемъ законнымъ она не страшна для царя, а эта бѣшеная шайка („Молодой Россіи“ и иже съ нею) жаждетъ крови, ужасовъ и пойдетъ на проломъ; не пренебрегайте ею“.

„Избавьте насъ отъ Чернышевскаго, ради общаго спокойствія!“

Но, конечно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что такихъ разсказовъ и анонимныхъ свидѣтельствъ было бы мало для обосно-

ванія какихъ бы то ни было утвержденій, если бы рядомъ съ ними не стоялъ опредѣленный объективный фактъ логической преемственной связи между легальными статьями Чернышевскаго въ „Современникѣ“ и нѣкоторой частью появившихся въ 1861 г. прокламацій. Эта связь столь разительна, что не можетъ не обратить на себя вниманія. Не могъ не замѣтить этого и Лемке, хорошо знакомый съ матеріалами этой эпохи. Отсюда, вѣроятно, и возникло первое его предположеніе.

Итакъ, опубликованное дѣло Чернышевскаго заставляетъ снова поставить на очередь вопросъ объ его отношеніи къ подпольной литературѣ 60-хъ годовъ, а тѣмъ самымъ косвенно и къ возникшимъ тогда тайнымъ обществамъ.

Въ той или иной формѣ его касались многіе изъ тѣхъ, кто писалъ о Чернышевскомъ на основаніи воспоминаній личныхъ или воспоминаній его современниковъ (Л. Ф. Пантелѣевъ, Шагановъ, В. А. Обручевъ, П. В. Рейнгардтъ, Николаевъ, Станкевичъ, Русановъ-Кудринъ, В. Г. Короленко); не обойденъ онъ и въ монографіяхъ, посвященныхъ Чернышевскому, какъ писателю и общественному дѣятелю (Ю. Стеклова, Г. В. Плеханова, Ю. Каменева), и въ историческихъ трудахъ, посвященныхъ эпохѣ 60-хъ г.г. и исторіи революціоннаго движенія въ Россіи (М. Покровскаго, А. Корнилова, Б. Глинскаго, Кульчицкаго-Мазовецкаго и др.) [1]). Почти весь этотъ разрозненный матеріалъ наблюденій, фактовъ, домысловъ, гипотезъ и выводовъ вошелъ наконецъ въ обстоятельную статью М. В. Клочкова о процессѣ Чернышевскаго. Она избавляетъ отъ обязанности продѣлывать вторично эту сводку [2]).

Въ противоположность общепринятому мнѣнію о томъ, что Чернышевскій осужденъ невинно или хотя бы юридически

---

[1]) О Чернышевскомъ. Библіографія 1854—1910 г. сост. М. Н. Чернышевскимъ Спб., 1911 г. Позволяю себѣ здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ выразить искреннюю признательность М. Н. Чернышевскому за его указанія по данному вопросу вообще и въ области библіографіи въ частности.

[2]) Ист. В., 1913, Сент.—Окт. Данная статья въ черновикѣ была написана до ознакомленія съ работой Клочкова и независимо отъ нея; первоначально она включала такое обозрѣніе. Въ окончательномъ видѣ эта часть, однако, могла быть опущена.

невинно (Лемке), авторъ этой послѣдней по времени появленія работы становится на діаметрально противоположную точку зрѣнія. На основаніи матеріаловъ сенатскаго архива, министерства юстиціи и архива департамента герольдіи, воспроизводя факсимиле вещественныхъ доказательствъ (записокъ), Клочковъ вторично (послѣ Лемке) подробно излагаетъ всю исторію процесса, исправляя многія неточности Лемке и дополняя его, чтобы въ результатѣ сопоставленія всего матеріала слѣдствія съ произведеніями Чернышевскаго и всякими „сторонними свидѣтельствами“ придти къ выводамъ:

1) Дѣяніе, которое было вмѣнено Чернышевскому въ вину, было имъ совершено. „Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ“ было написано имъ. На причастность его къ „Великоруссу“ и „Землѣ и Волѣ“ имѣются указанія, хотя только отрывочныя и темныя.

2) Вина Чернышевскаго и юридически-формально была доказана.

Проблема о причастности Чернышевскаго къ революціонному движенію такимъ образомъ Клочковымъ ставится и разбирается юридически. Онъ идетъ тѣмъ путемъ, которымъ идетъ судебное слѣдствіе, чтобы установить ту или иную совокупность фактовъ, т. е. путемъ тщательнаго изученія, анализа и сопоставленія всѣхъ свидѣтельствъ. Но судебное слѣдствіе реальное, идя по свѣжимъ слѣдамъ, имѣетъ возможность почерпать эти факты изъ допроса привлекаемыхъ свидѣтелей и осмотра вещественныхъ доказательствъ, сплошь да рядомъ расширяя первоначальное поле зрѣнія. Методологическій пріемъ слѣдствія въ данномъ случаѣ примѣненъ къ нѣкоторой суммѣ неизмѣнныхъ письменныхъ свидѣтельствъ; благодаря тому, самый пріемъ теряетъ въ гибкости.

Юридическое слѣдствіе, какъ мы видѣли, приводитъ Клочкова къ нѣкоторымъ категорическимъ выводамъ. Однако, даже раздѣляя эти выводы въ отношеніи перваго положенія, можно усомниться въ томъ, что они покажутся въ полной мѣрѣ доказанными всякому читателю. Не даромъ и Клочковъ говоритъ, что располагаетъ только указаніями „отрывочными“ и „темными“ на роль Чернышевскаго въ революціонномъ дви-

женіи. Этихъ указаній завѣдомо недостаточно, чтобы установить точную исторію составленія „Воззванія“ и „Великорусса“ и отношенія къ нимъ Чернышевскаго. Она по прежнему остается въ тѣни.

Не обольщаясь надеждой разсѣять ее на основаніи имѣющихся данныхъ, можно тѣмъ не менѣе a priori можно сказать по поводу послѣдней попытки разобраться въ этомъ дѣлѣ, что если пріемъ слѣдствія при болѣе чѣмъ полувѣковой давности событій не можетъ не представляться сомнительнымъ и для той стороны жизни, которая не пыталась скрываться, то тѣмъ труднѣе это для дѣятельности, завѣдомо обставленной самой строгой конспираціей. Такъ, однимъ изъ главныхъ правилъ для комитетовъ, проектированныхъ „Великоруссомъ“, былъ пунктъ: „не должно ничего ввѣрять бумагѣ, не имѣть ни списковъ, ни протоколовъ, ничего подобнаго, чтобы не было матеріальныхъ уликъ. Всѣ дѣла должны вестись изустно“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ Чернышевскій, какъ въ Сибири, такъ и послѣ ссылки, вѣрный однажды принятому рѣшенію, предпочиталъ вообще не касаться въ бесѣдахъ этихъ вопросовъ (Николаевъ, Воспоминанія)—„свою тайну, если она была, онъ унесъ въ могилу“, такъ выражается одинъ изъ современныхъ его біографовъ (Стекловъ).

Такимъ образомъ, приходится ограничиваться съ одной стороны оффиціальнымъ слѣдствіемъ, съ другой тѣми отрывочными „сторонними свидѣтельствами“, которыя въ совокупности использовалъ Клочковъ. Относительно ихъ, однако, нужно еще замѣтить, что участники или хотя бы простые свидѣтели событій революціоннаго прошлаго вплоть до очень недавняго времени не имѣли возможности повѣствовать о нихъ безъ всякой опаски. Если же нынѣ и наступилъ моментъ, когда участники могли бы разсказать все извѣстное имъ до конца, безъ всякихъ умолчаній, то кто изъ нихъ могъ остаться въ живыхъ? На кого можно было бы положиться въ смыслѣ точности воспроизведенія бывшаго? Конечно,

---

[1]) № 3 „Великорусса“ у Лемке „Освободительное движеніе 60-хъ г.г.“, стр. 365.

тѣмъ не менѣе не исключена возможность обнародыванія какихъ нибудь новыхъ данныхъ рѣшающаго характера. Но можетъ случиться и то, что фактическій матеріалъ и въ дальнѣйшемъ не обогатится настолько, чтобы возстановить этотъ пробѣлъ.

Для иллюстраціи того, сколько намѣренныхъ недомолвокъ скрывали до сей поры свидѣтельства весьма посвященныхъ людей, интересно привести въ подробностяхъ разсказъ В. А. Обручева, тѣмъ болѣе, что Клочковъ на немъ не останавливался, ибо дѣло о распространеніи „Великорусса", за которое пострадалъ Обручевъ, оффиціально не было пристегнуто къ процессу Чернышевскаго. Въ виду несомнѣнной внутренней связи между появленіемъ и содержаніемъ „Воззванія къ барскимъ крестьянамъ" и „Великорусса", къ доказательству чего авторъ статьи обратится ниже, важно возстановить тѣ обрывки фактической канвы, которые были установлены.

Обручевъ, тогда молодой поручикъ, сотрудникъ „Современника", получилъ 5 лѣтъ каторжныхъ работъ за распространеніе „Великорусса". Правительство при этомъ квалифицировало его преступленіе, какъ „попытку распространить сочиненіе, которое хотя безъ прямого явнаго возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, усиливается оспаривать и подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея и дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія" [1]).

Во всеподданнѣйшемъ прошеніи о помилованіи Обручевъ выражалъ искреннее раскаяніе въ содѣянномъ: мотивировалъ онъ его также, какъ и Михайловъ [2]), живымъ сочувствіемъ къ угнетенному положенію русскаго крестьянства: „я былъ

[1]) Базилевскій-Богучарскій, Государственныя преступленія въ Россіи, т. I. Спб. 1906 г., стр. 112.

[2]) Стр. 377. А въ сознаніи Михайлова читаемъ: „Не скрою, что выйти изъ среды моей обычной скромной дѣятельности заставила меня горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военной силой и опасеніе, что эти случаи могутъ долго еще повторяться въ будущемъ. Невозможность прочного примиренія враждебныхъ партій и интересовъ безъ печатной гласности поддерживаетъ во мнѣ и теперь эти печальныя опасенія; они тѣмъ сильнѣе, что

приведенъ къ желанію крутыхъ реформъ тяжкою участью нашего простого народа, бѣдностью его жилищъ и одежды, негодностью пищи, грубостью нравовъ, случайностями, которымъ подвержена вся жизнь его, почти полною невозможностью для него достигнуть лучшей доли". Но, выразя раскаяніе и категорически завѣряя о своей непричастности къ составленію листка, онъ также категорически отказался назвать лицо, отъ котораго онъ получилъ листокъ. „Я не знаю степени его участія въ этомъ дѣлѣ и долженъ признать гораздо вѣроятнѣйшимъ, что онъ игралъ въ немъ лишь весьма второстепенную роль" [1]).

Никакія попытки, вплоть до появленія въ крѣпостной камерѣ принца П. Г. Ольденбургскаго и позднѣе офиціальнаго предложенія въ Сибири смягчить участь предательствомъ, не поколебали Обручева. Однако позднѣе онъ былъ прощенъ, и когда въ 1906 г. къ нему явился М. К. Лемке за разъясненіями, Обручевъ, занимая должность генерала по адмиралтейству, отказался на этомъ основаніи разсказать что-либо. Нарушить свое молчаніе онъ счелъ возможнымъ, только выйдя въ отставку. Въ 1907 г. въ „Вѣстникѣ Европы" № 5 появились его воспоминанія: „Изъ пережитого". Но должно сказать, что написанныя съ полемической цѣлью, эти воспоминанія не только не пролили какого-либо свѣта на дѣло, но постарались по мѣрѣ возможности сгустить вокругъ него туманъ. Цѣль Обручева—въ противовѣсъ указаніямъ Лемке на близость молодого сотрудника „Современника" къ Чернышев-

---

въ нихъ участвуетъ не одна моя мысль, но и самое сердце. Покойный отецъ мой происходилъ изъ крѣпостного состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости село, гдѣ онъ родился, было въ началѣ нынѣшняго столѣтія подвергнуто всѣмъ ужасамъ военнаго усмиренія. Разсказъ о нихъ пугалъ меня еще въ дѣтствѣ. Гроза прошла не даромъ надъ моими родными. Дѣдъ мой также былъ жертвой несправедливости; онъ умеръ, не вынеся позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія. Такія воспоминанія не истребить изъ сердца". (М. Лемке. „Дѣло М. Михайлова". Былое, 1906 г., № 1, стр. 104.)

[1]) Процессъ Великорусскцевъ, стр. 376.

скому и сообщеніямъ Стахевича—опубликованіемъ своихъ воспоминаній „положить предѣлъ странной настойчивости, съ которой архивные искатели стараются связать ничтожное мое имя и листокъ прежде всего школьническій, повторявшій давно сказанное другими, съ свѣтлымъ именемъ глубокаго мыслителя, руководителя современнаго ему общественнаго движенія". Насколько можно согласиться съ квалификаціей „Великорусса", какъ школьническаго листка, увидимъ впереди.

Изъ разсказовъ Обручева объ обстоятельствахъ его знакомства съ Н. Г. Чернышевскимъ и работы въ „Современникѣ" видно, что онъ бывалъ у него часто и запросто; при разговорахъ однако, замѣчаетъ авторъ,—„я всегда молчалъ, какъ приличествовало моему возрасту и малограмотности". Такимъ образомъ, съ тенденціей пріуменьшить значеніе „Великорусса" рука объ руку идетъ тенденція пріуменьшить и свою собственную персону. Какъ бы ни была похвальна такая скромность, слѣдуетъ замѣтить, что этому нѣсколько противорѣчитъ сообщеніе въ тѣхъ же воспоминаніяхъ о томъ, что непосредственно передъ арестомъ Обручеву поручено было составить для „Современника" политическое обозрѣніе, которое сплошь да рядомъ писалъ самъ Чернышевскій. Извѣстно притомъ, какъ ревниво—внимательно относился послѣдній къ выбору сотрудниковъ.

Далѣе Обручевъ подробно повѣтствуетъ о томъ, какъ онъ получилъ и распространялъ листокъ, какъ былъ арестованъ и уличенъ. Но имени лица, передавшаго ему листокъ, онъ опять-таки не называетъ.

„Даже теперь, по прошествіи сорока пяти лѣтъ, я не назову лица, черезъ которое это предложеніе послѣдовало. Я очень мало зналъ его, и его имя заглохло въ полной безвѣстности. По крайней мѣрѣ, я лично никогда и ничего о немъ не слыхалъ. Но я живъ—стало быть, и онъ можетъ еще здравствовать. Затѣмъ возможны дѣти, внуки—и разоблаченіе имени было бы, безъ сомнѣнія, непріятно имъ всѣмъ. И такъ, воздержусь". Стало быть, нити Аріадны Обручевъ дать не пожелалъ.

Можно было убѣдиться изъ предшествующаго, что фактическій матеріалъ по вопросу объ отношеніи Чернышевскаго къ нелегальной литературѣ 60-хъ гг. и къ возникновенію тайныхъ обществъ былъ и остается скуднымъ. Насколько было возможно, онъ использованъ Клочковымъ. Методъ слѣдствія далъ все, что онъ могъ дать.

Но является ли онъ единственно возможнымъ при изслѣдованіи подобныхъ деликатныхъ вопросовъ? Нѣтъ ли къ нимъ еще иныхъ способовъ подхода? Не можетъ ли быть иной конструкціи изслѣдованія?

Думается, что можетъ и долженъ существовать. Остается еще неиспользованнымъ пріемъ исторической критики, исходящій отъ широкаго обозрѣнія историческаго фона данной проблемы и подвигающій впередъ путемъ комбинированнаго исключенія ряда другихъ возможностей, постепеннаго суженія поля зрѣнія и отождествленія даннаго икса съ чѣмъ нибудь или кѣмъ нибудь извѣстнымъ и опредѣленнымъ, остающимся въ полѣ зрѣнія послѣ отметенія исключенныхъ возможностей. Здѣсь къ этому опредѣленію можно приблизиться путемъ анализа текста спорныхъ прокламацій и другихъ одновременныхъ ей публистическихъ произведеній легальнаго и нелегальнаго происхожденія. Разобравшись въ тѣхъ различныхъ направленіяхъ русской общественной мысли лѣваго крыла, о которыхъ можно судить по оставленнымъ ими въ литературѣ слѣдамъ, можно установить удѣльный вѣсъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, выяснить ихъ взаимноотношенія и тогда отвести каждому подобающее ему мѣсто. На общемъ фонѣ индивидуальныя особенности каждаго теченія и представляющей его литературы обозначатся явственнѣе; недоговоренности, недомолвки и темныя мѣста каждаго произведенія будутъ комментироваться совокупностью другихъ свидѣтельствъ, которыя раскроютъ его истинный смыслъ, его внутренній разумъ, говоря языкомъ XVIII вѣка. Тѣмъ самымъ, даже въ худшемъ случаѣ, будутъ раскрыты многія скобки; въ лучшемъ — приблизится опредѣленіе искомаго неизвѣстнаго. Если нельзя льстить себя надеждой, что этотъ методологическій пріемъ приведетъ къ безспорно убѣдительнымъ въ совокупности съ приведенными

свидѣтельствами результатамъ, то онъ, какъ бы то ни было, подвинетъ разрѣшеніе вопроса.

* * *

60-ые годы получили названіе эпохи реформъ. Въ такой перспективѣ видятъ ихъ, и правильно видятъ, потомки. Но современники на перевалѣ между крѣпостной Россіей николаевскаго времени и Россіей обновленной, въ стремительномъ поступательномъ ходѣ движенія, въ нѣкоторые, и притомъ довольно длительные, моменты, не всегда могли дать себѣ отчетъ въ томъ, остановится ли движеніе, будетъ ли развиваться въ закономѣрныхъ формахъ, или сила сопротивленія обломковъ стараго разрушитъ спасительныя плотины. Этимъ современникамъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части ихъ, могло казаться, что 60-ые года станутъ именоваться годами революціи. Тотъ громадный сдвигъ, который сдѣлала Россія, расквитавшись формально съ крѣпостнымъ правомъ, потрясалъ всѣ основы стараго. Силою инерціи онъ увлекалъ идти дальше. Такимъ временемъ перевала, временемъ остраго кризиса, былъ промежутокъ времени, начиная съ объявленія „Положенія“ 19 Февраля 1861 г. вплоть до майскихъ пожаровъ 1862 г., когда впервые обнаружился попятный порывъ не только правительственныхъ, но и широкихъ общественныхъ круговъ. Начало польскаго возстанія 63 г. этотъ попятный порывъ уже зафиксировало.

Но въ 1861 г. общественное броженіе въ Россіи шло нарастая. Его исходнымъ пунктомъ было недовольство „Положеніемъ“, но оно находило себѣ питаніе и въ общемъ положеніи европейскихъ дѣлъ, и въ многочисленныхъ домашнихъ нестроеніяхъ. Послушаемъ современника:

„Общее положеніе европейскихъ дѣлъ электризующимъ образомъ дѣйствовало на пробуждавшееся сознаніе русскаго общества, еще не пережившаго тяжелыхъ разочарованій въ своихъ упованіяхъ, не извѣдавшаго всей силы элементовъ, враждебныхъ обновленію нашей жизни. Упомяну только о главнѣйшихъ. Имя Гарибальди было не только окружено ореоломъ неувядаемой славы, но и являлось символомъ грядущаго освобожденія всѣхъ угнетенныхъ народовъ. Всѣ были въ

ожиданіи его похода на Римъ, освобожденія Венеціи и обѣщаній имъ помощи революціонному движенію въ Венгріи, которое должно было разразиться съ часу на часъ. Люди не молодые, вдумчивые, и тѣ, поддаваясь общему влеченію, пророчествовали, что черезъ какіе нибудь полгода отъ Австріи, можетъ быть, останется только одно историческое воспоминаніе. Начавшаяся парламентская борьба въ Пруссіи и постоянно возраставшая сила оппозиціи, хотя и въ меньшей степени, привлекала общее вниманіе, но давала наглядный примѣръ легальнаго сопротивленія, которое, какъ казалось всѣмъ, должно было привести или къ пораженію короны или революціонному взрыву. Во Франціи, несмотря на весь блескъ, окружавшій имперію послѣ крымской и итальянской войнъ, стало проявляться замѣтное пробужденіе общественной жизни, и не лишенный чуткости Наполеонъ III начиналъ первые шаги перехода къ болѣе либеральному режиму. Этому направленію европейской политической жизни прежде всего подпала наша западная окрайна“ [1]).

Шелгуновъ [2]) видитъ Европу на перевалѣ 60-хъ годовъ подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія. Рѣдко совпаденіе бываетъ болѣе полнымъ.

„Тогдашняя Европа была не такой, какая она теперь. Неудачи послѣднихъ попытокъ еще никого не охладили, у каждой страны еще живы были ея великіе мученики за свободу. Ничего, что они жили не у себя дома, что Кошутъ, Мадцини, В. Гюго съ другими эмигрантами жили въ Англіи. Они оставались попрежнему высокими и яркими маяками, освѣщавшими родныя низины и путь, которымъ нужно идти. Идея освобожденія проникла всѣ европейскіе народы“. Далѣе идетъ аналогичная Пантелѣевской характеристика Венгріи, Италіи, Франціи. „Въ такой атмосферѣ было много простора для всякихъ желаній и стремленій, всѣ волновались, всѣ горѣли, всѣ искали освободительнаго дѣла. Какъ же подобной европейской волнѣ было не охватить и Россію? Въ качествѣ

---

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, т. I, стр. 228—229.

[2]) Шелгуновъ. Изъ прошлаго и настоящаго, Собр. соч., т. II, стр. 648—649.

молодого народа, начавшаго такой радикальной реформой, какъ освобожденіе, мы не могли быть рѣшительнѣе въ своихъ требованіяхъ и, конечно, были болѣе готовы на всякія, самыя крайнія перемѣны".

Вернемся теперь къ Россіи 61-го и 62-го г.г.

Весной 1861 г. произошли первыя демонстраціи въ Варшавѣ съ многочисленными жертвами. Два русскихъ офицера отказались стрѣлять въ манифестантовъ: полк. Рейтернъ застрѣлился, а офицеръ Поповъ сломалъ передъ фронтомъ шпагу [1]). Одновременно Александру II былъ представленъ адресъ поляковъ съ 6 тысячами подписей съ требованіемъ реформъ. Вскорѣ польское движеніе приняло такое развитіе, что возможность революціоннаго взрыва стала весьма вѣроятна и могла угрожать внѣшнимъ осложненіемъ съ Франціей. „Подъ бокомъ Петербурга возрастающее неудовольствіе въ Финляндіи вынудило созвать выборную комиссію 24 Апрѣля 1861 г.—прелюдія къ созыву сейма, который не собирался съ 1809 г. [2]).

Внутреннія нестроенія своимъ исходнымъ пунктомъ, какъ сказано, имѣли недовольство „Положеніемъ" 19 Февраля Entente cordiale русскаго правительства и русскаго общества рушилась уже давно, какъ только послѣ появленія статьи Чернышевскаго „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", въ основу которой былъ положенъ извѣстный правительству Кавелинскій проектъ рѣшенія крестьянскаго вопроса, на печать посыпались бичи и скорпіоны, а самого Кавелина устранили отъ преподаванія наслѣднику [3]).

Въ Мартѣ 1860 г. возможно уже было появленіе въ „Колоколѣ" такого заявленія, какъ письмо „Русскаго человѣка" [4]). Въ немъ анонимный кореспондентъ говорилъ объ ожиданіяхъ, обманутыхъ Герценомъ: „Въ „Колоколѣ", вмѣсто грозныхъ обличеній неправды, воздаются гимны Александру II.

---

[1]) Бурцевъ. За 100 лѣтъ. Лондонъ 1897 г., ч. II, стр. 51.

[2]) Пантелѣевъ. Ib., стр. 230.

[3]) Корниловъ. Чернышевскій и крестьянская реформа. Р. М., 1910 г., № 1, стр. 13—14.

[4]) „Колоколъ" 1860 г., 1 Марта. Тамъ же отвѣтъ на него Герцена.

Но человѣческія права для народа у царской власти можно вырвать силой, и Александръ II скоро покажетъ зубы Николая. Теперь становится жаль Николая. Онъ скорѣе довелъ бы дѣло до конца, машина давно бы лопнула... Не обманывайтесь надеждами и не вводите въ заблужденіе другихъ; не отнимайте энергіи, когда она многимъ пригодилась бы. Надежда въ политикѣ—золотая цѣпь, которую легко обратить въ кандалы... Къ топору зовите Русь!"

Герценъ былъ старше своего собесѣдника. Онъ отвѣчалъ ему: „Іюньская кровь взошла у меня въ мозгъ и нервы, я съ тѣхъ поръ воспиталъ въ себѣ отвращеніе къ крови, если она льется безъ рѣшительной крайности"... А далѣе: „чтобы звать къ топорамъ, нужно имѣть организацію, планъ, силы и готовность лечь костьми".

Этотъ симптоматическій обмѣнъ мнѣній предвѣщалъ осложненія слѣдующихъ лѣтъ. „Положеніе" 19 Февраля никого въ полной мѣрѣ не удовлетворило. Ближайшими слѣдствіями его обнародованія были волненія среди крестьянъ и нарастаніе конституціоннаго движенія въ значительной части дворянства.

„Положеніе" отсрочивало ликвидацію крѣпостныхъ отношеній на два года. Поэтому въ крестьянской средѣ распространялись слухи, что объявили не настоящую волю: настоящая еще впереди. Слухи были такъ настойчивы, что министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ разъяснялъ [1]), что ожиданіе „новой воли" основано на недоразумѣніи, что даже государь въ бесѣдахъ съ крестьянами депутатами оспаривалъ эти слухи. Этимъ объясняется и то, что въ это время широко распространилось убѣжденіе, что къ моменту этой ликвидаціи, когда крестьяне воочію убѣдятся въ невыгодности для нихъ того рѣшенія, которое приготовила бюрократія, снова по примѣру 50-хъ годовъ вспыхнетъ стихійное крестьянское движеніе.

Весна 1863 г. для многихъ представлялась роковымъ предѣльнымъ срокомъ его. Такія опасенія, пріуроченныя къ

[1]) П. Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи, т. II. Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе, стр. 40.

объявленію воли, еще прежде раздѣлялись и правительствующими сферами; и ранѣе обнародованія своей „воли“ правительство не обольщало себя надеждами, что она удовлетворитъ крестьянъ. Объ этомъ лучше всего говоритъ проектъ 1858 г. ввести во всей Россіи къ этому времени „осадное положеніе“, учредивъ всюду генералъ-губернаторства. Защищая этотъ проектъ, государь писалъ на поляхъ соотвѣтствующей записки: „Все это такъ, пока народъ находится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе, и народъ увидитъ, что ожиданія его, т.-е. свободы, по его разумѣнію, не сбылись, не настанетъ ли для него минута разочарованія? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ, и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, и все войдетъ опять въ законную колею“ [1]).

Крестьянскаго стихійнаго движенія опасались прежде всего на основаніи бывшихъ прецедентовъ. Но и опытъ 61-го года на первыхъ порахъ подтверждалъ и оправдывалъ эти предвидѣнія. Послѣ обнародованія „Положенія“ имѣли мѣсто многія недоразумѣнія, разрѣшавшіяся кровью, массовой поркой, высылкой. Въ с. Бездна, Казанской губ., гдѣ истолкователемъ „Положенія“, призывавшимъ къ неповиновенію властямъ, былъ крестьянинъ Антонъ Петровъ, противъ десятитысячной толпы дѣйствовала артиллерія, убито было около ста человѣкъ, а Антонъ Петровъ за свои толкованія заплатилъ висѣлицей [2]). Въ Казани по убитымъ служили панихиды, что повело къ возникновенію дѣла, арестамъ и ссылкамъ. При этомъ случаѣ пострадалъ и профессоръ Щаповъ, вы-

[1]) Записки В. Арцимовича о предполагаемомъ учрежденіи генералъ-губернаторствъ съ примѣчаніями Александра II впервые появились въ Русск. Стар. 1882 г., но полностью приведены только у Лемке, Очерки освобод. движ. 60-хъ гг. Спб. 1908 г., стр. 456—468.

[2]) Литература для этого эпизода: Отеч. Зап. 1861 г., № 5; Русск. Стар., 1904 г., № 5, стр. 452; Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній 1859—1861 гг., Историч. Вѣстникъ, 1907 г., №№ 10 и 11.

сланный изъ Казани. Точно также въ губерніяхъ Калужской, Воронежской, Пензенской „Положеніе“ пришлось вводить вооруженной силой. Въ слѣдующемъ году крестьяне волновались на Волыни, въ Курской губ. и др. мѣстахъ. Вѣсти о кровавыхъ усмиреніяхъ больно задѣвали сердца—достаточно вспомнить потрясающую исповѣдь Михайлова, приведенную выше [1]).

Одновременно порвавшаяся великая цѣпь ударяла и по барину. Конституціонное движеніе среди дворянства, обозначившееся съ достаточною ясностью при первыхъ еще подготовительныхъ къ реформѣ шагахъ, оформившееся уже въ періодъ работъ редакціонныхъ коммисій, шло дифференцируясь и нарастая.

„Конституція—вотъ что составляетъ теперь предметъ тайныхъ и явныхъ мечтаній и горячихъ надеждъ дворянъ; она во всѣхъ устахъ и сердцахъ; о ней толкуется во всѣхъ кружкахъ, въ столицахъ и захолустьяхъ, это теперь самая ходячая и любимая мысль всего сословія“ [2]), пишетъ тотъ, кто лично рѣшительно идетъ противъ теченія и считаетъ, что представительный образъ правленія несовмѣстимъ съ культурной отсталостью, невѣжествомъ, гражданскимъ и политическимъ растлѣніемъ Россіи.

Къ 61—62 гг. въ этой дворянской фрондѣ наблюдалось три главныхъ теченія: олигархическое, представленное крупной поземельной знатью (гр. Орловъ-Давыдовъ, семья Безобразовыхъ, Шидловскій), славянофильское, видѣвшее выходъ въ выявленіи силы мнѣнія земли въ формѣ законосовѣщательнаго собора (Аксаковы, А. И. Кошелевъ), и, наконецъ, либерально-демократическое, лучше всего отраженное тверскими земцами съ А. Унковскимъ во главѣ.

Въ нараставшемъ движеніи сплетались различные мотивы. „Увѣнчаніе зданія“ казалось прежде всего справедливымъ вознагражденіемъ за утраченныя помѣщичьи права. Крупная поземельная знать, не заинтересованная въ сохраненіи крѣ-

[1]) Въ выноскѣ на стр.

[2]) К. Д. Кавелинъ. Дворянство и освобожденіе крестьянъ. 1862 г. Собр. соч., т. II, стр. 136.

постного права, тѣмъ болѣе была заинтересована въ томъ, чтобы сохранить своихъ бывшихъ подданныхъ у себя въ зависимости въ качествѣ малоземельныхъ и безземельныхъ батраковъ; желанное будущее имъ рисовалось на англійскій манеръ, а себя они хотѣли видѣть лендлордами. Конституція и невмѣшательство правительства въ ликвидацію крѣпостныхъ отношеній были цѣлями ихъ стремленій.

Не все конституціонное движеніе однако исчерпывалось такими своекорыстными мотивами. Рядомъ съ этимъ среди нѣкоторой части политически мыслящихъ дворянъ существовало обоснованное опасеніе, что помѣщичья кабала для всей Россіи можетъ смѣниться кабалой бюрократической, если мѣстная жизнь не перестроится на другихъ началахъ. Этихъ либераловъ-демократовъ объединяла ненависть къ чиноначалію, къ той бюрократіи, которая дѣйствовала революціонно, не останавливаясь передъ разрушеніемъ традиціонныхъ отношеній, и въ то же время ревниво сохраняла за собой инициативу всякой общественной дѣятельности. Если конституціонное движеніе 60-хъ годовъ пошло на убыль, и во второй половинѣ десятилѣтія уже окончательно разсосалось, то произошло это, между прочимъ, потому, что оно и въ моментъ апогея не включило представителей всего сословія. Большая часть дворянъ средней руки и мелкихъ оказалась за флагомъ и шла съ правительствомъ, давая ему Николаевъ Милютиныхъ, съ идеаломъ демократическаго цезаризма. Н. Іорданскій причину этого, какъ намъ кажется, правильно видитъ въ экономическомъ антагонизмѣ крупнаго, средняго и мелкаго землевладѣнія въ тотъ историческій моментъ. Дворянство среднее и мелкое для новой постановки хозяйства и даже для ликвидаціи его при устроеніи новой жизни нуждалось во вмѣшательствѣ правительства при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній и такимъ образомъ отъ него зависѣло. Этотъ антагонизмъ погубилъ движеніе. Въ итогѣ „конституція олигархическая уже не могла осуществиться; съ другой стороны, для конституціи либерально-демократической еще не было почвы“ [1]).

[1]) Н. Іорданскій. Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. Спб. 1906 г.

Но, характеризуя конституціонное движеніе 60-хъ годовъ, мы забѣжали впередъ въ схематическомъ изложеніи его эволюціи и причинъ распада. Въ 61—62 гг. кривая его шла, еще нарастая.

Застрѣльщиками выступили тверскіе посредники. Въ концѣ 61 г. они отказались руководствоваться „Положеніемъ", заявивъ, что въ своей дѣятельности они будутъ сообразоваться съ „воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ Положеніемъ 19 Февраля, и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу" [1]). За это они были арестованы и преданы суду сената. В. В. Берви [2]) за открытое письмо предводителямъ дворянства съ протестомъ по поводу насилія надъ совѣстью дворянъ, сперва, по николаевски, былъ объявленъ сумасшедшимъ, потомъ сосланъ въ Астрахань. Все это было прелюдіей къ серіи конституціонныхъ адресовъ. Мысль объ адресѣ государю носилась всюду въ воздухѣ: проектъ адреса выработала редакція „Колокола" [3]), за адресъ, какъ увидимъ, агитировалъ „Великоруссъ". Мысль нашла и фактическое осуществленіе. Со смѣлымъ обращеніемъ выступили въ началѣ 1862 г. тверскіе дворяне [4]): собраніе выборныхъ земли Русской представляетъ, по ихъ словамъ, единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ „Положеніемъ". Тверскіе дворяне не остались одиноки: къ ихъ голосу присоединились дворяне нижегородскіе, рязанскіе, тульскіе. Гдѣ адресъ и проваливался, тамъ всетаки на дворянскихъ собраніяхъ въ пользу подачи его велась пропаганда. Движеніе могло казаться многообѣщающимъ.

---

[1]) Постановленіе о преданіи суду у Базилевскаго-Богучарскаго. Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Штудгардтъ, 1903 и Спб. 1906 г., т. I, стр. 111.

[2]) Въ приложеніи къ только что привед. изд.: Матеріалы для ист. револ. движ. 60-хъ гг., Пар., 1905 и Спб. 1906 г.

[3]) Н. Іорданскій. Конституціонное движеніе, стр. 123—129.

[4]) Перепечатано во многихъ изданіяхъ: въ „Матеріалахъ" Богучарскаго-Базилевскаго, у Лемке „Освоб. движ." въ приложен., въ „Свободн. словѣ"—Л. Блюммера за 1862 г. и др.

Этимъ не ограничизались затрудненія правительства. „Затрудненія финансовыя, наслѣдіе крымской кампаніи, казались непреодолимыми, и дефицитъ сталъ нормальнымъ явленіемъ; торговый классъ жаловался на плохія дѣла, промышленники были недовольны новымъ таможеннымъ тарифомъ, курсъ падалъ, государственный кредитъ былъ поколебленъ, и правительство съ трудомъ заключало займы, которые обходились ему не дешевле 6%. Какъ во всякое переходное время, неувѣренность и недовольство господствовали во всѣхъ классахъ“ [1]).

Осенью 61 г. во многихъ университетахъ вспыхнули безпорядки на почвѣ введенія новаго университетскаго устава [2]).

Этотъ уставъ лишалъ студентовъ права имѣть кассы взаимопомощи, запрещалъ сходки, которыя до того если не были разрѣшены de jure, то терпѣлись de facto, и вводилъ плату за слушаніе лекцій. Этимъ наносился ударъ громадному количеству студентовъ-бѣдняковъ. Правительство начинало борьбу съ просвѣщеніемъ. Особенно серьезны были безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ. До 100 человѣкъ студентовъ было посажено въ Петропавловскую и Кронштадтскую крѣпость, университетъ закрытъ.

Часть студентовъ была наказана ссылкой, часть исключеніемъ изъ университета. Готовились кадры недовольныхъ и агитаторовъ; молодежь, выброшенная со школьной скамьи, естественно отливала въ ихъ ряды. Хожденіе молодежи „въ народъ“, положившее свою печать на 70-е годы, здѣсь имѣло свое хронологическое начало. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ закрытія университета Герценъ писалъ [3]):

„Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?.. Сказать вамъ, куда? Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины на-

---

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ, указ. соч., I, стр. 230.

[2]) Статья по этому поводу Чернышевскаго „Научились-ли?“ и записка о петербургскихъ „университетскихъ безпорядкахъ“ К. Д. Кавелина, Собр. соч. т. II, перепечатанная безъ имени автора у Лемке, „Обществ. движ.“, въ приложеніяхъ.

[3]) „Колоколъ“, № 110, 1 Ноября 1861 г.

шей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. Въ народъ. Къ народу, вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки"...

Вотъ обстановка, въ которой впервые въ Россіи появились многочисленныя прокламаціи, обращавшіяся къ широкимъ кругамъ съ призывомъ къ революціонной дѣятельности; эти прокламаціи говорили о создавшихся въ подпольѣ тайныхъ обществахъ, изъ которыхъ самымъ значительнымъ была первая „Земля и Воля". Исторія этой организаціи до сихъ поръ чрезвычайно мало обслѣдована.

Первыми по времени въ Іюлѣ 1861 г. явились № 1 „Великорусса" и воззваніе—„Къ молодому поколѣнію", напечатанное въ Лондонѣ и провезенное въ Россію поэтомъ М. Л. Михайловымъ. Его арестъ вызвалъ безплодную попытку заступничества литературной братіи за товарища. Сенатъ осенью того же 1861 г. приговорилъ его къ каторгѣ. Этотъ первый жестокій приговоръ по политическому дѣлу произвелъ потрясающее впечатлѣніе на общество. По дорогѣ въ Сибирь и тамъ, на мѣстѣ назначенія, ссыльный, со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ и отъ чиновниковъ, встрѣчалъ горячія изъявленія сочувствія. Когда объ этомъ узнали въ Петербургѣ, одни были уволены, другіе получили строжайшіе выговоры по службѣ [1]).

Въ Августѣ того же года появился № 2 „Великорусса", въ Октябрѣ послѣдній № 3 этого листка. За него, какъ уже было сказано, пострадалъ поручикъ Обручевъ; позднѣе въ 1862 г. по дѣлу Аргольдта поручики Каплинскій и Абрамовичъ; [2]) тѣ же прокламаціи фигурировали въ дѣлѣ Андрущенки, Шатилова и др., [3]) заслушанномъ въ 1865 г. Тогда же осенью Н. Шелгуновымъ было составлено обращеніе „къ солдатамъ" одновременно съ воззваніемъ „къ барскимъ кре-

[1]) Дѣло о послабленіяхъ, оказанныхъ начальствующими лицами Тобольска 1866 г., Базилевскій-Богучарскій. Государств. преступл., стр. 130—134.

[2]) Ib., стр. 114.

[3]) Въ „Матеріалахъ", прил. II, стр. 109—178.

стьянамъ", которое фигурировало въ дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго. Редакція „Колокола" тоже не бездѣйствовала. Ею были выпущены прокламаціи: „Что нужно народу" и „Что дѣлать войску?". Онѣ тоже нашли большое распространеніе въ Россіи [1]).

Въ слѣдующемъ 62-мъ году, одновременно съ майскими пожарами, появились, чтобы назвать только главнѣйшія, напугавшее многихъ своей маратовской кровожадностью воззваніе „Молодой Россіи", за которымъ стояла юная группа московскихъ студентовъ (Зайчневскій, Аргиропуло и др.); прокламація о Шедо-Феротти, принадлежавшая Д. И. Писареву; позднѣе, послѣ ареста Н. Г. Чернышевскаго и И. А. Серно-Соловьевича, два №№ „Свободы", выпущенные комитетомъ „Земли и Воли", и нѣкоторыя другія.

Комитетъ „Земли и Воли" несомнѣнно уже существовалъ въ первые мѣсяцы 1862 г., какъ можно заключить по воспоминаніямъ Л. Ф. Пантелѣева, вступившаго тогда вмѣстѣ съ Н. Утинымъ въ организацію. Разсказъ Пантелѣева представляетъ тѣмъ большую цѣнность, что является чуть-ли не единственной связной попыткой возстановить исторію первой „Земли и Воли".

Пантелѣевъ однако не имѣлъ никакихъ связей съ центральнымъ комитетомъ, за исключеніемъ сношеній съ „господиномъ въ пенсне", въ которомъ Б. Глинскій хочетъ видѣть А. Слѣпцова [2]), и исторія учрежденія партіи, такимъ образомъ, остается покрытой неизвѣстностью. Есть только полное основаніе предполагать ея связь съ „Комитетомъ" „Великорусса", имѣя въ виду преемственность программъ „Комитета" и партіи, а также заявленіе, появившееся въ № 2 „Свободѣ". Приводимъ его здѣсь:

По поводу выхода № 4 „Великорусса".

„Члены бывшаго комитета „Великорусса", прервавшіе свое изданіе на № 3 и соединившіеся съ организаціей „Земли и Воли" во имя общей цѣли, считаютъ своимъ долгомъ объ-

[1]) Сперва подвились въ „Колоколѣ" за 1861 г. въ №№ 102 и 111.

[2]) Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи, I, Спб. 1913 г., стр. 153.

явить, что листокъ, выпущенный подъ названіемъ „Великорусса“ (рѣчь идетъ о № 4), является поддѣльнымъ, что легко усмотрѣть какъ изъ формы, такъ и изъ содержанія“ [1]).

Можно и должно, конечно, идти и назадъ и искать первоначальное зерно „Земли и Воли“ въ тѣхъ тайныхъ обществахъ, которыя начали слагаться еще раньше, въ 1859 и 60 г. г. Но возстановленіе этой связи—задача будущихъ историческихъ изысканій.

Что касается состава первой „Земли и Воли“, то однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ являлся Н. А. Серно-Соловьевичъ; затѣмъ въ нее входилъ братъ послѣдняго, А. А., впослѣдствіи эмигрантъ, П. Л. Лавровъ, Энгельгардтъ, А. Слѣпцовъ, Л. Пантелѣевъ, Н. Утинъ и др. Несомнѣнно, имѣлъ отношеніе къ этой организаціи и Герценъ. Въ этомъ смыслѣ М. Лемке толкуетъ слова Герцена о „Земской Землѣ“ въ перехваченномъ письмѣ послѣдняго къ Н. А. Серно-Соловьевичу отъ 8—20 Іюня 1862 г. Въ этомъ убѣждаетъ и содержаніе ряда номеровъ „Колокола“ [2]).

Что касается причастности Н. Г. Чернышевскаго, то формально она ничѣмъ не установлена. Но фактической исторіи первой „Земли и Воли“ мы и вообще до сихъ поръ не знаемъ. На основаніи же того, что извѣстно относительно ея соціально-политической платформы, будущій историкъ ея не только не сможетъ не констатировать идейной преемственности между ней и всѣмъ наслѣдіемъ какъ Герцена, такъ и Чернышевскаго, но долженъ будетъ идти дальше и показать относительно Герцена—на основаніи изученія „Колокола“,—относительно Чернышевскаго—на основаніи, между прочимъ, результатовъ даннаго изслѣдованія о степени его участія въ подпольной литературѣ 60-хъ гг., что ихъ роль въ этомъ дѣлѣ сводилась не только къ идейно-литературному воздѣйствію издалека, но и къ непосредственному участію въ организаціи. Такимъ образомъ, наше изслѣдованіе, между прочимъ,

[1]) „Былое“, 1906 г., Авг.

[2]) М. Лемке. За что арестовали Чернышевскаго? Былое, 1906 г., № 1, стр. 224—226.

должно послужить матеріаломъ для освѣщенія темной исторіи генезиса „Земли и Воли".

Возвращаясь къ бѣглому очерку, нужно въ заключеніе сказать, что, какъ извѣстно, тайное общество—первая „Земля и Воля" оказалась недолговѣчна. Реакція, ожесточившаяся послѣ майскихъ пожаровъ и выразившаяся въ закрытіи болѣе чѣмъ двухсотъ воскресныхъ школъ, какъ очаговъ пропаганды [1]), въ пріостановкѣ на 8 мѣсяцевъ „Современника" и „Русскаго Слова", какъ идейныхъ вдохновителей послѣдней, въ многочисленныхъ арестахъ и политическихъ процессахъ, привели къ полному разгрому тайнаго общества. Исторію ликвадаціи его мы знаемъ отъ Л. Ф. Пантелѣева.

Но въ возможности предупредить ту бурю, которая грозила подняться на политическомъ горизонтѣ, сомнѣвались тогда не только въ рядахъ молодежи, но и въ правительственныхъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, тамъ уже тогда оказывались лица, готовыя переметнуться и застраховать себя на всякій случай услугой скомпрометированнымъ революціонерамъ. Такъ, одинъ изъ членовъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о распространеніи прокламаціи „Молодой Россіи" и др., сенаторъ Ждановъ, оставшись наединѣ съ однимъ изъ обвиняемыхъ, студентомъ Баллодомъ, показалъ ему въ номерѣ „Колокола" открытое письмо его друга Жуковскаго, извѣщавшаго товарищей о своемъ счастливомъ бѣгствѣ за границу съ помощью польскихъ революціонеровъ. Оказывая эту услугу, сенаторъ просилъ вспомнить о немъ, Ждановѣ, когда партія восторжествуетъ, ибо онъ человѣкъ старый и не можетъ быть для нея вреднымъ [2]).

Очевидно, почва подъ ногами колебалась.

* *
*

Бѣглый очеркъ того промежутка времени, который характеризуется подъемомъ кривой общественнаго движенія, необходимъ для болѣе отчетливаго пониманія содержанія той подпольной литературы, которая прежде всего займетъ наше

---

[1]) Дѣло воскресниковъ у Лемке, „Очерки освоб. движ.," стр. 399—439.

[2]) Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, I, стр 336.

вниманіе. При этомъ первоначально мы остановимся на листкахъ „Великорусса“ и „Воззванія къ барскимъ крестьянамъ“, а затѣмъ уже на воззваніяхъ „Къ Молодому Поколѣнію“, „Молодой Россіи“ и вышедшихъ двухъ №№ „Свободы“, чтобы перейти въ заключеніе къ прокламаціямъ „Колокола“.

Три номера „Великорусса“ разбрасывались въ различное время. „Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ“ распространенія вообще не получило, а набранное В. Костомаровымъ осталось среди его бумагъ и было представлено III Отдѣленію его братомъ. Таковы обстоятельства появленія этихъ прокламацій.

Основаніе, которое заставляетъ разсматривать эту группу въ совокупности, сводится къ взаимной тѣсной логической связи листковъ и „Воззванія“. Они должны были быть или, по крайней мѣрѣ, могли быть замышлены одновременно.

Взаимная логическая связь №№ „Великорусса“—первое, что воспринимаетъ читатель. Они связаны не такъ, какъ обычно связаны листки и газеты—общностью программы, редакціи, направленія. Нѣтъ. Когда составлялся № 1 „Великорусса“ со своими вопросами къ публикѣ, должны были быть или могли быть написаны или во всякомъ случаѣ продуманы до мельчайшихъ подробностей и слѣдующихъ два его номера, второй съ отвѣтомъ на недоумѣнные вопросы и изложеніемъ программы, третій—съ готовымъ планомъ дѣйствій, который однако тоже не исчерпывалъ ни замысла, ни тактическихъ средствъ и предусматривалъ проектъ адреса государю въ цѣляхъ, такъ сказать, только нагляднаго обученія того, что не слѣдуетъ возлагать упованій на династію. Съ первыхъ же словъ „Комитетъ“ предупреждалъ о своемъ намѣреніи въ случаѣ неудачи апелировать къ другой инстанціи, къ другому разряду слушателей—къ народу. Если „Комитетъ“ выпускалъ №№ „Великорусса“ порознь, то это происходило только по основаніямъ психолого-педагогическимъ. Хорошій педагогъ, знающій законы развитія дѣтскаго организма, желая вызвать тотъ или иной эффектъ, заставляя дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи, вліяетъ на ре-

бенка постепенно, доводя до его сознанія ту или иную истину. Точно также хорошій политикъ не сразу раскрываетъ передъ массами всѣ карты; онъ постарается навести ихъ на желанный ему пунктъ, наполовину внушивъ массамъ, что они нашли его сами. Это будетъ отчасти и на самомъ дѣлѣ такъ, ибо хорошій политикъ только тѣмъ и отличается отъ массы, что быстрѣе средняго человѣка учитываетъ, куда цѣлесообразно и выгодно идти массамъ. Но для того, чтобы стать руководителемъ, хорошій политикъ самъ долженъ имѣть руководящую нить и долженъ умѣть предвидѣть. Совокупность этихъ препосылокъ, изъ которыхъ рождается попытка психолого-педагогическаго воздѣйствія на общество одновременно съ попыткой политическаго руководительства имъ, представляетъ любопытную особенность „Великорусса“. Его три листка, при такомъ углѣ зрѣнія, представляютъ строго раціональную, цѣлостную конструкцію.

Листки обращаются къ „образованнымъ классамъ“. № 1 начинается съ exposé положенія момента.

„Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, тоже тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ведетъ Россію къ „пугачевщинѣ“. Какой отсюда выходъ? Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ... Иначе они сами подвергнутся террору правительства... Если образованные классы почтутъ себя безсильными, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною... Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ то и такихъ то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя...

Нѣтъ еще рѣчи о программѣ: „Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи: Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ, и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо“?

№ 2 даетъ утвердительный отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ вопросовъ, и, опредѣляя, въ чемъ должна заключаться „законность“, которая замѣнитъ произвольное „управленіе“, развиваетъ свою программу. Она сводится къ „хорошему разрѣшенію“ крѣпостного дѣла, къ освобожденію Польши и введенію конституціи. Объ обоснованіи программы рѣчь будетъ идти впереди.

Послѣдній № 3 въ своемъ построеніи исходитъ изъ поставленнаго въ № 1 второго вопроса о возможныхъ надеждахъ на династію. Вопросъ поставленъ осторожно, и дальнѣйшую свою позицію къ нему „Великоруссъ“ опредѣляетъ также осторожно, хотя и вполнѣ опредѣленно и увѣренно по существу. Мнѣнія по этому вопросу очень раздѣлены. Многіе конституціоналисты вѣрятъ въ то, что Александръ Николаевичъ „расположенъ къ конституціонному порядку и способенъ вѣрно соблюдать его правила. Другіе это оспариваютъ. Первые основываются на слухахъ о его личномъ характерѣ, вторые указываютъ на факты общественной жизни, изъ которыхъ видно, что онъ считаетъ политическую свободу вещью вредной, никогда не откажется отъ самовластья добровольно, и если будетъ принужденъ отказаться, будетъ думать о его возстановленіи“. Въ виду такого разрѣшенія комитетъ высказывается, что „для блага націи надобно дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью, совмѣстимою съ конституціоннымъ правленіемъ“. Комитетъ „вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ“ увѣренъ, что „законность и нынѣшняя династія—вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе, онъ убѣждаетъ

передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія массы. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію".

Исходя изъ этихъ соображеній, Комитетъ предлагаетъ подать государю адресъ, проектъ котораго прилагается въ концѣ, и даетъ рядъ техническихъ указаній, которыя должны обезпечить конспирацію до момента открытаго выступленія.

Въ заключеніе—предупрежденіе и угроза, которымъ кончался еще № 1:

„Этимъ номеромъ и проектомъ наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не остается выбора; мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 г. устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ образомъ для націи".

Итакъ, всѣ 3 номера „Великорусса" представляютъ одно тѣсно-связанное логическое цѣлое; если они не написаны одновременно, то замышлены и продуманы заразъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, циклъ этихъ мыслей не законченъ. Есть звено, которымъ они обрѣзываются въ „Великоруссѣ", причемъ однако продолженіе ихъ намѣчено и обѣщано уже въ первомъ номерѣ, на первыхъ же порахъ, и его мотивъ повторяется въ словахъ заключительныхъ.

Это продолженіе мы и находимъ въ „Воззваніи къ барскимъ крестьянамъ". Если отвлечься отъ языка воззванія—

прекрасной поддѣлки подъ народный говоръ—то мы не можемъ не узнать сразу автора „Великорусса“, который исполняетъ свое намѣреніе заговорить съ „народомъ“, если „образованные классы“ останутся глухими къ его призыву. „Великоруссъ“ облекся въ простонародное платье, но въ своихъ пріемахъ, въ манерѣ думать и убѣждать другихъ не измѣнился. „Воззваніе“ написано по тому же плану и не бросается это сразу въ глаза только благодаря измѣненному языку.

Во главѣ угла „Великоруссъ“ ставилъ хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла. Онъ называлъ „обременительной перемѣной“ то, что правительство производитъ подъ именемъ освобожденія. Подъ угломъ зрѣнія „обременительной перемѣны“, которая все по существу оставитъ на мѣстѣ, кромѣ ненавистнаго имени крѣпостного права, и толкуетъ доброжелатель съ мужиками о царской волѣ, толкуетъ обстоятельно, шагъ за шагомъ комментируя „Положеніе“.—Нужно имъ помочь понять, что въ ихъ быту реально будутъ обозначать пункты „Положенія“. Только тогда, когда все станетъ ясно, можно поставить собесѣдникамъ рѣшительный вопросъ, подсказавъ имъ нужный выводъ. Снова, такимъ образомъ, примѣненъ пріемъ наводящихъ вопросовъ, только mutatis mutandis; говоря съ образованными классами, достаточно было дать общее exposé положенія; говоря съ мужиками, нельзя не исходить отъ конкретной обстановки ихъ существованія. Но въ томъ и другомъ случаѣ дѣлается попытка заставить заинтересованныхъ лицъ ставить вопросы самостоятельно, подводя ихъ къ этой постановкѣ. Собесѣдникъ не будетъ тогда ошарашенъ тѣмъ выводомъ, который съ мѣста въ карьеръ могъ бы для него быть непріемлемъ. Послѣ того, какъ мужикъ убѣдился въ томъ, что по царскому манифесту онъ идетъ не къ волѣ, а къ вѣчной помѣщичьей кабалѣ, которая гораздо и гораздо хуже нонѣшней, можно и спросить: „А не знялъ царь, что ли, какое онъ дѣло дѣлаетъ? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать; значитъ, зналъ. Ну и разсудите, чего надѣяться вамъ на него. Оболгалъ онъ васъ, обольстилъ онъ васъ. А почему не дождетесь отъ него, тоже разсудить

можно. Самъ то онъ кто такой, коли не тотъ же помѣщикъ? Удѣльные то крестьяне чьи же? Вѣдь они его крестьяне крѣпостные"...

Теперь можно говорить и о томъ, какая бываетъ воля, какая она должна быть. Выясняется на примѣрѣ французовъ и англичанъ, но опять таки въ узкомъ кругѣ мужичьихъ представленій о государевыхъ тяготахъ, въ чемъ заключается представительный, свободный образъ правленія. Хитраго слова конституціи нѣтъ, но сущность дѣла пояснена. И такъ, выяснена программа. Теперь надо объяснить, какъ ее осуществить. „Можно это дѣло обработать и не то чтобы очень трудно было; надо только единодушіе имѣть между собою мужикамъ" (Воззваніе)—„всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно" (Великоруссъ, № 3). „Надо мужикамъ всѣмъ промежъ себя согласіе имѣть, чтобы за одно быть когда пора будетъ... Что толку, что ежели въ одномъ селѣ булгу поднять, когда въ другихъ селахъ готовности еще нѣтъ? Это значитъ только дѣло портить, да себя губить. А когда вездѣ готовы будутъ, значитъ, вездѣ поддержка подготовлена, ну, тогда дѣло начинай. А до той поры рукамъ воли не давай, смиренный видъ имѣй, а самъ промежъ своимъ братомъ мужикомъ толкуй, да подговаривай его, чтобы дѣло въ настоящемъ видѣ понималъ" (Воззваніе).— Рядомъ съ этимъ такое же наставленіе въ конспираціи въ № 3 „Великорусса". Наконецъ еще послѣдняя параллель.

«Воззваніе».

Печатано письмецо въ славномъ городѣ Христіаніи, въ славномъ царствѣ шведскомъ, потому что въ русскомъ царствѣ царь печатать правды не велитъ. А мы всѣ люди русскіе и промежъ васъ находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобы вы себя берегли. А когда пора будетъ за доброе приняться, тогда откроемся.

«Великоруссъ», № 3.

Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ, кому будетъ нужно знать ихъ, для пользы дѣла. А наши намѣренія и теперь ясны всѣмъ...

Можно ли такое совпаденіе плана, содержанія и самого подхода къ разнымъ аудиторіямъ при взаимномъ логическомъ дополненіи другъ друга счесть случайнымъ, зная, что „Великоруссъ“ и „Воззваніе“ написаны въ одно и то же время? Не правильнѣе ли взять ихъ за одну скобку и разсматривать вмѣстѣ? Не даютъ ли на то право такія совпаденія и фактъ взаимнаго дополненія?

Считая связь установленной, можно, какъ намъ кажется, по праву разсматривать въ дальнѣйшемъ то и другое вмѣстѣ, какъ одну группу.

Вернемся назадъ къ вопросу о программѣ „Великорусса“ и „Воззванія“. Она сводится къ слѣдующимъ вопросамъ:

1) Въ чемъ должно заключаться хорошее разрѣшеніе крѣпостного права?

2) Почему необходимо освобожденіе Польши?

3) Къ какой слѣдуетъ стремиться конституціи?

* * *

1. Минимумъ, на которомъ удовлетворятся крестьяне, это отдача имъ всѣхъ тѣхъ земель и угодій, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, и національный выкупъ за счетъ государства. „Положеніемъ“ же дѣло рѣшено въ смыслѣ, противномъ „народному духу“. „За обнародованіемъ положеній 19 Февраля повсюду послѣдовали смуты... Волненія не перешли во всеобщее возстаніе только потому что крѣпостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающія прежній надѣлъ и сохраняющія барщину и оброкъ, установлены всего на два года, и весною 1863 г. будетъ имъ дана воля въ томъ значеніи, какое даютъ они этому слову“. Иначе неизбѣженъ страшный переворотъ. („Великоруссъ“).

Распространенность этихъ ожиданій, къ слову сказать, подтверждается и тѣмъ, что они повторяются въ такомъ же видѣ въ воззваніяхъ „Къ Молодому Поколѣнію“ и „Молодой Россіи“.

2. Необходимость безусловнаго освобожденія Польши мотивируется необходимостью уничтожить „систему вооруженнаго насилія“. Пока въ одной части государства власть надъ

цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства. Второй мотивъ моральнаго свойства. Власть надъ Польшей основана на нарушеніи Россіей условій Вѣнскаго конгресса. „Мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками". Третій мотивъ—финансовое разореніе Россіи благодаря дорого стоющей оккупаціи Четвертый—неизбѣжность польскаго возстанія. Выгоднѣе оттуда уйти добровольно. („Великоруссъ").

Та же надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Извѣстно, что оно крайне недовольно нашимъ господствомъ... Судя по живому чувству страданій отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, оно захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ... Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашей газетою"... (№ 2).

Понятно, почему вопроса о Польшѣ и Малороссіи не касается „Воззваніе". Онъ слишкомъ далекъ отъ кругозора крѣпостного крестьянина, абсолютно для него отвлеченъ.

3. По вопросу о конституціи существенно требованіе конституціи не октроированной, а свободно составленной депутатами. Правительство подъ именемъ конституціи издало бы актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Въ томъ же, какія черты законнаго порядка должна установить конституція, между собой согласны всѣ. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ.

Въ Проектѣ адреса „Комитетъ" убѣждаетъ государя согласиться на конституціонное устройство во имя „чистой и полезной покорности истинѣ", которая состоитъ въ томъ,

что государь только называется неограниченнымъ монархомъ, а на самомъ дѣлѣ бюрократическій формализмъ оказывается сильнѣе его. Это доказалъ ходъ дѣла объ освобожденіи крестьянъ, когда государь былъ „не въ силахъ ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю“. Вторымъ аргументомъ была неизбѣжность „страшнаго переворота“, если не будутъ совершены „преобразованія“, которыя можетъ совершить только „правительство, опирающееся на свободную волю самой націи“.

Суть конституціоннаго образа правленія въ окончательномъ resumé, въ изданіи для дѣтей младшаго возраста, излагалась въ такомъ видѣ: „Такъ вотъ она какая взаправду-то воля бываетъ на свѣтѣ: чтобы народъ всему голова былъ, а всякое начальство міру покорствовало, и чтобы судъ былъ праведный и равный—для всѣхъ былъ бы судъ, и безчинствовать надъ мужикомъ никто не смѣлъ, и чтобы паспортовъ не было, и подушнаго оклада не было бы, и чтобы рекрутчины не было. Вотъ это воля, такъ воля и есть. А коли того нѣтъ, значитъ и воли нѣтъ, а все одно: обольщеніе въ словахъ“.

„Великоруссъ“ указываетъ не только опредѣленныя цѣли, но и путь для ихъ достиженія. Этотъ путь практиченъ и не имѣетъ ничего экстравагантнаго. Должна быть сдѣлана попытка подать адресъ государю, чтобы удовлетворить умѣренную партію. Для пропагандированія его принциповъ нужно пользоваться существующими собраніями, говорить о нихъ сперва въ частномъ кругѣ знакомыхъ. Круги будутъ расти, руководители ихъ сближаться. Когда публика будетъ достаточно подготовлена, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ, въ клубахъ, на вечерахъ. Такой обмѣнъ мнѣній будетъ безопасенъ; полиція не сможетъ сдѣлать большихъ непріятностей человѣку за то, что онъ говоритъ со своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. На вожакахъ же будетъ лежать обязанность организовать комитетъ строго конспиративнаго характера, гдѣ всѣ дѣла будутъ вестись устно, и всякій членъ, будучи связанъ

строгой дисциплиной, не будетъ предпринимать ничего важнаго безъ сообщенія комитету.

Держась этихъ правилъ, комитеты могутъ существовать безопасно. Въ случаѣ ихъ обнаруженія ихъ нельзя даже будетъ назвать тайными обществами — это дружескія свиданія лицъ, уважаемыхъ публикой и предотвращающихъ напрасныя столкновенія.

„Они позаботятся заслужить довѣріе молодежи. Давъ цѣль ея усердію въ дѣлѣ пропаганды, они будутъ удерживать ее отъ преждевременныхъ демонстрацій и тѣмъ спасутъ многихъ наилучшихъ юношей отъ бѣдъ".

Таковъ былъ планъ дѣйствій „Великорусса". Этой лекціи конспиративной техники нельзя отказать въ знаніи условій русской жизни и въ приноровленности къ психологіи помѣстнаго дворянства. Она была разсчитана на ростъ въ его средѣ конституціоннаго движенія и стремилась его оформить.

На какія же общественныя группы, такимъ образомъ, разсчитываетъ „Великоруссъ" и „Воззваніе?".

„Великоруссъ" обращается прежде всего къ „образованнымъ классамъ", т. е. къ помѣщикамъ и разночинной интеллигенціи. Среди первыхъ, вѣроятно, онъ находитъ „конституціоналистовъ", продолжающихъ возлагать надежды на династію; въ нѣдрахъ второй—тѣхъ „передовыхъ патріотовъ", которые представлены и самимъ комитетомъ. Обращеніе къ помѣщикамъ не означало въ тотъ моментъ политическаго прекраснодушія, особенно при тѣхъ оговоркахъ, которыми оно сопряжено съ перваго момента. Если помѣщики когда-нибудь могли быть настроены опозиціонно, то, конечно, въ тотъ моментъ, когда они лишались прежней матеріальной опоры. Дѣйствительно, какъ указывалось выше, конституціонныя вожделѣнія среди дворянства обозначились совершенно явно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ на очередь вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Съ другой стороны, перспектива крестьянскаго возстанія могла, казалось, эти вожделѣнія цементировать въ сплоченную оппозицію и претворить въ дѣйствіе. Однако, мы видимъ, что съ самаго начала „Великоруссъ" не считаетъ этого слишкомъ вѣроятнымъ; наоборотъ,

онъ предвидитъ необходимость для „патріотовъ“ „призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы“. Если онъ не сразу сбрасываетъ послѣдніе со счетовъ, то въ силу соображеній тактическихъ. Залогъ успѣха—въ единодушіи; разбродъ губитъ дѣло. Если возможно имѣть временныхъ союзниковъ, попутчиковъ, „Mitläufer“, то съ ними надо идти вмѣстѣ. Русскую публику еще многому надо учить. Вся затѣя съ адресомъ—это попытка научить помѣщиковъ конституціоналистовъ въ томъ, что они не далеко уйдутъ съ Александромъ Николаевичемъ.

Далѣе, „Великоруссъ“ разсчитываетъ на разночинную интеллигенцію. Только эти разсчеты и оправдались на дѣлѣ, только среди этой чрезвычайно малочисленной группы, не связанной матеріально съ крѣпостнымъ правомъ и достаточно сознательной, и могли вербоваться послѣдовательные враги самодержавія. И. С. Тургеневъ былъ правъ, когда писалъ Герцену: „Эхъ старый другъ, повѣрь: единственная точка опоры для живой пропаганды—то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое Бакунинъ называетъ и гнилыми и оторванными отъ почвы и измѣнниками“... [1]).

Но, какъ сказано, комитетъ „Великорусса“ никогда не исчислялъ слишкомъ высоко коэффиціента вѣроятности того, что его призывъ будетъ услышанъ „образованными классами“ (сирѣчь), помѣщиками. Тѣмъ сильнѣе было убѣжденіе въ неизбѣжности крестьянскаго возстанія, связаннаго съ глубокимъ соціально-экономическимъ сдвигомъ. Тѣмъ, кто до тѣхъ поръ былъ страдающимъ лицомъ, надо было только помочь скорѣе осознать и оформить свои назрѣвшія требованія, расшатать старыя наивныя вѣрованія и показать путь. Это и дѣлало „Воззваніе“.

Кромѣ крестьянъ, оно учитывало и войско, солдатъ, тянувшихъ горькую лямку рекрутчины:

„А вотъ тоже солдатъ—вѣдь онъ изъ мужиковъ, тоже вашъ братъ. А на солдатѣ все держится, всѣ нонѣшніе порядки. А солдату какая прибыль за нонѣшніе порядки стоять?

[1]) Письмо отъ 8 Окт. 1862 г.

Что ему житье больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое ноньче у насъ житье солдатамъ. Да и лобъ то имъ забрили по принужденію и каждому изъ нихъ вольную отставку получить бы хотѣлось. Вотъ имъ и скажите всю правду, какъ объ нихъ написано. Когда воля мужикамъ будетъ, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатомъ, кто хочетъ, а кто не хочетъ, отставку чистую получай".

Такимъ образомъ, пропагандой среди солдатъ должны заняться тѣ же крестьяне.

Вотъ къ чему сводится учетъ въ нашихъ матеріалахъ общественныхъ силъ, какъ носителей движенія.

Теперь можно поставить на очередь вопросъ и о томъ, можно ли назвать „Великоруссъ"—„листкомъ прежде всего школьническимъ, повторявшимъ давно сказанное другими" (Обручевъ, „Изъ Пережитаго")? Можно ли согласиться съ такой квалификаціей?

Конечно, разсчеты „Великорусса" абсолютно не оправдались. Дѣйствительность ихъ разорвала, какъ хитро сплетенную паутину. Но развѣ правильный учетъ грядущихъ политическихъ событій не есть самое трудное дѣло политическаго мыслителя? Развѣ не требуетъ оно прежде всего опыта? И гдѣ было взяться этому опыту въ тогдашней Россіи? Не естественно ли, что тамъ тогда при рѣшеніи такихъ проблемъ приходилось исходить отъ апріорныхъ предпосылокъ, отъ логическихъ манипуляцій съ недостаточно, быть можетъ, провѣренными отправными данными.

„Великоруссъ" отнюдь не наивенъ. Онъ только раціоналистиченъ. Онъ учитываетъ сложную международную обстановку при будущемъ возстаніи Польши, которое можетъ грозить внѣшнимъ столкновеніямъ, и напряженное общественное броженіе, связанное съ тѣмъ, что поставленъ на очередь основной соціально-экономическій вопросъ современной ему Россіи. Одно уже это совпаденіе, казалось бы, предвѣщаетъ возможность всеобщаго катаклизма. Крестьянскій вопросъ есть вопросъ кровный и для помѣщиковъ. Вся жизнь ходуномъ ходитъ. Все увлечено поступательнымъ движеніемъ.

Въ этомъ хаосѣ и смятеніи „Великоруссъ“ нащупываетъ совершенно жизненную линію. Онъ выставляетъ требованія, достаточно далеко идущія, чтобы кореннымъ образомъ перестроить жизнь; но въ этихъ требованіяхъ нѣтъ ничего утопическаго, нереальнаго. Къ числу его достоинствъ надо отнести то, что въ немъ есть несомнѣнное политическое чувство мѣры, чего отнюдь нельзя сказать относительно тѣхъ прокламацій, которыя появились съ нимъ одновременно и о которыхъ рѣчь будетъ еще впереди. Важно отмѣтить, что это чувство мѣры объясняется отнюдь не тѣмъ, что „Великоруссъ“ является выразителемъ умѣренной общественной группы. Умѣренность его программы есть только свидѣтельство того, что у „Великорусса“ есть ясное представленіе о томъ, что для успѣшной политической дѣятельности нужны ясно поставленныя и послѣдовательно достигаемыя цѣли, т.-е. программа и отчетливо продуманная тактика. Тактика „Великорусса“ вмѣстѣ съ тѣмъ очень осторожна. Эта осторожность объясняется въ самомъ текстѣ: „быть снисходительными и терпѣливыми—дѣло тѣхъ, которые убѣждены, что довольно скоро всѣми будетъ признана вѣрность ихъ взгляда“. Другія предпосылки, которыя лежатъ въ основѣ этой тактики, уже отмѣчались въ той или иной связи. Въ ея основѣ лежитъ нѣкоторая совокупность психологическихъ наблюденій и намѣреніе способствовать закономѣрному процессу созрѣванія человѣческихъ мнѣній, есть педагогическій подходъ къ дѣлу. Есть рядомъ съ этимъ сложный учетъ общественныхъ силъ, весьма далекій отъ наивности и грѣшащій только тѣмъ, что онъ раньше не провѣренъ былъ на дѣлѣ.

Но за практической программой—минимумъ, которая на первое время должна объединить разношерстные по соціальному составу „образованные классы“, оставался внѣ поля зрѣнія, до поры до времени, настоящій соціально-политическій символъ вѣры „Комитета“.

Анонимный корреспондентъ Н. Г. Чернышевскаго, который въ письмѣ, захваченномъ при обыскѣ, подозрѣвалъ его въ авторствѣ, вѣрнымъ нюхомъ чуялъ въ „Комитетѣ“ сомнительнаго для дворянъ союзника, а въ программѣ „Вели-

корусса“ — „платформу съ умолчаніемъ“. Но и помимо этого письма имѣются и другія положительныя свидѣтельства того, что „Великоруссъ“ вызвалъ къ себѣ такое вниманіе, на которое не могъ бы разсчитывать „школьническій“ листокъ, если иногда и попадались на удочку его мнимой „умѣренности“. Объ этомъ есть положительныя указанія въ воззваніи „Молодой Россіи“ [1]).

Тамъ говорится: „Успѣхъ „Великорусса“ былъ громадный, что надо было предвидѣть въ началѣ. Удовлетворяя и, какъ нельзя лучше, совпадая съ желаніями нашего либеральнаго общества,... онъ всетаки не могъ составить около себя партіи“. Значительность новаго изданія доказывается, такимъ образомъ, и тѣмъ, что съ нимъ полемизируютъ, а, значитъ, и считаются его собратья, и группа „Молодой Россіи“, какъ мы это еще увидимъ далѣе, и Михайловъ, помѣстившій въ „Колоколѣ“ [2]) свой отвѣтъ „Великоруссу“ по выходѣ его перваго номера. Эта полемика, между прочимъ, даетъ возможность указать подобающее мѣсто „Великоруссу“ среди современныхъ ему теченій революціонной мысли.

Наконецъ, есть еще одно извѣстіе, которое заднимъ числомъ оправдываетъ разсчеты „Великорусса“. Въ моментъ наибольшихъ затрудненій при усмиреніи польскаго возстанія весной 1863 г. правительство серьезно было занято мыслью объ осуществленіи земскаго представительства. 13 Апрѣля 63 г. Валуевъ представилъ соотвѣтственный докладъ, а осенью развилъ свою точку зрѣнія въ „Проектѣ новаго учрежденія Государственнаго Совѣта“. Представители отъ земскихъ учрежденій, „государственные гласные“, согласно этому проекту, должны были образовать при государственномъ совѣтѣ свой „съѣздъ“, который долженъ былъ явиться законосовѣщательнымъ органомъ [3]).

Конъюнктура, изъ которой исходилъ „Великоруссъ“, при

---

[1]) Богучарскій—Базилевскій. Матеріалы, т. II.

[2]) „Колоколъ“, № 107, 1862 г., перепечатано у Базилевскаго, Матеріалы, II, стр. 34—35.

[3]) Н. Іорданскій, стр. 147; „всеподданнѣйшая записка“ Валуева издана Берманьскимъ въ „Вѣстникѣ Права“, 1905 г. № 9, стр. 225—269.

нѣкоторомъ намекѣ на осуществленіе ея въ дѣйствительности, грозила пробить брешь въ твердынѣ самодержавія. „Комитетъ“ былъ не совсѣмъ плохимъ политикомъ.

Но если трудно, такимъ образомъ, говорить о наивности или общихъ мѣстахъ „Великорусса“, то нельзя не отмѣтить въ немъ, какъ господствующей, характерной черты раціоналистическаго доктринаризма. „Великоруссъ“ есть прежде всего стройная логическая система, но этого мало. „Великоруссъ“ убѣжденъ въ томъ, что жизнь будетъ развиваться такъ, какъ складываются его умозаключенія, что будущіе факты ихъ подтвердятъ, будучи въ согласіи съ законами человѣческаго мышленія. Концепція „Великорусса“ оказалась (по крайней мѣрѣ, на полъстолѣтія) обманутой, такъ какъ была насквозь раціоналистична.

* * *

„Великоруссъ“ любопытно сопоставить съ современной ему нелегальной литературой. Ею, ея общимъ уровнемъ, опредѣлится возрастъ нашего общественнаго движенія начала 60-хъ гг., а вмѣстѣ съ тѣмъ и относительная зрѣлость или незрѣлость „Великорусса“.

Среди этой литературы [1]) мы остановимся на Михайловскомъ воззваніи [2]) и воззваніи „Молодой Россіи“ [3]).

Когда вы начинаете читать первое, вы не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что писалъ его очень еще молодой человѣкъ, который не такъ давно додумался до всѣхъ этихъ хорошихъ вещей, которому онѣ всѣ еще вновѣ, которому мѣшали о нихъ толковать и который, наконецъ, хочетъ выговориться до конца. Ему нужно сказать все, все выложить, все обосновать; ему самому такъ нужно, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что такъ будетъ убѣдительнѣе.

Въ потокѣ его рѣчи, конечно, не можетъ быть большой связности, не можетъ быть плана, мотивировки, соподчиненія мотивовъ, не можетъ быть и рѣчи объ учетѣ законовъ общественнаго развитія. Всего этого нѣтъ и въ томъ обра-

[1]) Полный перечень имѣется у Бурцева, за 100 лѣтъ.

[2]) Въ составленіи его принималъ участіе и Н. Шелгуновъ.

[3]) Оба цитируются по сборнику Базилевскаго—Богучарскаго.

щеніи, которое посылаетъ молодежь на апостольскую проповѣдь.

Оно многословно и объемисто, это обращеніе. У Богучарскаго оно одно занимаетъ 13 страницъ мелкаго формата, тогда какъ всѣ три номера „Великорусса“ вмѣстѣ вмѣщаются на $8^1/_2$.

Это и немудрено. Начиная съ критики „Положенія“ 19 Февраля и съ указанія тѣсной связи между помѣщичьимъ правомъ и императорской властью, оно внезапно обращается въ дебри философіи исторіи, которая заимствуется у Герцена, соціалиста и славянофила. Развиваются не только его мысли, иногда кажутся буквально у него выхваченными самыя формулировки; только перепѣвы, какъ водится, еще утрируютъ оригиналъ и лишены той убѣдительности, которую имѣетъ мысль выношенная и выстраданная.

„Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ... Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе, мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе — урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти... Мы похожи на новыхъ поселенцевъ, намъ ломать нечего. Оставимъ наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть, но намъ нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ... Европа намъ не учитель въ экономическомъ отношеніи... Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы Русскіе. А отчего это? Оттого что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стали на новинѣ“...

Отсюда предупрежденіе о радикализмѣ будущей тактики: „если для осуществленія нашихъ стремленій — для раздѣла земли между народомъ—пришлось бы вырѣзать 100.000 помѣщиковъ, мы не испугались бы этого. И это вовсе не такъ ужасно. Вспомните, сколько народу потеряли мы въ польскую и венгерскую войну. И для чего“?...

Чего—чего еще нѣтъ въ воззваніи:

Оно пересказываетъ современный анекдотъ о томъ, какъ крестьяне послѣ 19 Февраля выпроводили въ одномъ селѣ своихъ нѣмцевъ-управляющихъ,—въ видѣ прообраза разрѣшенія вопроса объ императорской власти. Оно пытается довольно неискуснымъ риторическимъ пріемомъ живописать чужеядность для Россіи всего правительствующаго господствующаго слоя, предлагая представить, что произойдетъ въ томъ случаѣ, если онъ весь вымретъ въ одинъ прекрасный моментъ и что—тогда, если прекратитъ свое существованіе вся аристократія мысли.

Наконецъ, воззваніе добирается до программныхъ требованій.

Основныя и второстепенныя, ближайшія и дальнѣйшія, принципіально-идеологическія и практически настоятельныя, они всѣ приводятся и мотивируются въ перемежку. Перечисленіе начинается съ требованія власти выборной и ограниченной, что не мѣшаетъ упоминанію затѣмъ въ самомъ концѣ о „необходимости“ совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ. Рядомъ съ требованіемъ уничтоженія полиціи и тѣлесныхъ наказаній стоитъ утвержденіе п р а в а н а з е м л ю каждаго гражданина, такъ какъ земля не товаръ, и требованіе уничтоженія мѣщанства, какъ выдумки Екатерины II Мѣщанамъ должна быть дана земля.

Вести народъ къ осуществленію этой программы должно „Молодое Поколѣніе“.

Таково то теченіе русской революціонной мысли, которое выходитъ изъ теоретической школы „Колокола“. Не буду оговариваться, что не всѣ lapsus'ы учениковъ надо ставить на видъ учителю. Ниже будетъ рѣчь и о прокламаціяхъ самой редакціи „Колокола“. Позиція Герцена могла быть продуманнѣе и глубже, но въ умахъ „малыхъ сихъ“ она преломлялась довольно сумбурно. Примѣромъ еще болѣе сумбурнаго преломленія можетъ явиться письмо того бѣднаго Мартьянова, „торговаго мужика“, бывшаго крѣпостного, которое онъ изъ Лондона адресовалъ Александру II, и за которое тотъ послѣ добровольнаго возвращенія автора заставилъ его заплатить каторгой. Но сумбура и здѣсь достаточно: въ

громадной порціи философіи исторіи, въ безсвязномъ перечисленіи программныхъ требованій, въ неумѣніи отличать принципы отъ задачъ момента, въ выставленіи пунктовъ утопическихъ, какъ права на землю и уничтоженія мѣщанства, въ предположеніи, что руководство сложнѣйшими соціально-экономическими процессами съ успѣхомъ можетъ взять на себя молодежь.

Переходимъ къ „Молодой Россіи"—на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. По возрасту она еще юнѣе. Это такъ было и фактически. Ея авторами была группа московскихъ студентовъ.

Это воззваніе сразу беретъ быка за рога. Россія, говоритъ оно, вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія; она раздѣлилась на два враждебныхъ стана. Единственный выходъ—революція кровавая и неумолимая, которая не оставитъ камня на камнѣ.

Авторы „Молодой Россіи", въ отличіе отъ Михайлова, уже совсѣмъ не имѣютъ реальнаго представленія о времени и мѣстѣ дѣйствія—оно происходитъ гдѣ-то въ безвоздушномъ пространствѣ. Николаевская Россія можетъ и должна по ихъ мнѣнію первая—снова отголосокъ Герцена, съ которымъ они во всѣхъ прочихъ смыслахъ горячо полемизируютъ—перейти къ республиканско-федеративному и соціалистическому строю.

Какъ надо мыслить будущую федерацію, они представляютъ себѣ не вполнѣ отчетливо. Затронувъ этотъ скользкій пунктъ весьма бѣгло, они тѣмъ обстоятельнѣе развиваютъ свою соціальную программу.

Они требуютъ общественныхъ фабрикъ, которыя управлялись бы выборными отъ общества лицами, общественныхъ лавокъ, гдѣ продавались бы товары по той цѣнѣ, по какой они дѣйствительно стоятъ—тогда требованіе устройства кооперативовъ могло еще входить въ ріа desideria соціалистовъ—требуютъ общественнаго воспитанія дѣтей, освобожденія женщины и, horribile dictu, уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ...

На этомъ можно поставить точку. Программу долженъ былъ осуществлять народъ, въ особенности старообрядцы, причемъ инициатива имѣла принадлежать войску и „нашей“ молодежи. Прокламація кончалась призывомъ къ образованію тайныхъ обществъ и угрозой кровавой расправы: „когда начнется возстаніе, тогда съ полной вѣрой въ себя, въ свои силы, въ сочувствіе къ намъ народа, въ славное будущее Россіи, которой выпало на долю первой осуществить великое дѣло соціализма, мы издадимъ одинъ приказъ: въ топоры— и тогда бей императорскую партію, не жалѣя, какъ не жалѣетъ она насъ теперь, бей на площадяхъ, если эта подлая сволочь осмѣлится выйти на нихъ, бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицъ, бей по деревнямъ и селамъ“.

„Да здравствуетъ соціалистическая и демократическая республика“.

Печать юношескаго возраста слишкомъ явственна на этомъ произведеніи, чтобы съ нимъ нужно было полемизировать или чтобы оно требовало комментаріевъ. Но если сейчасъ оно способно вызвать въ читателѣ врядъ ли что либо, кромѣ добродушной усмѣшки, въ свое время она произвела переполохъ. Ея появленіе совпало съ майскими пожарами 1862 г., и это дало возможность реакціонной печати съ пѣной у рта указывать на группу „Молодой Россіи“, какъ на поджигателей. Въ печати только Герценъ отнесся къ этому произведенію разумно. Объ этомъ ниже.

Какую же позицію заняли авторы обѣихъ прокламацій къ тому теченію, которое было представлено „Великоруссомъ“, и къ тому, во главѣ котораго стоялъ Герценъ? Это тоже поможетъ намъ болѣе правильно оцѣнить удѣльный вѣсъ каждой группы.

Во первыхъ, надо еще разъ подчеркнуть то самое обстоятельство, что тѣ два теченія, которыя были представлены послѣдними воззваніями, сочли необходимымъ опредѣлить свое отношеніе къ „Великоруссу“, какъ они опредѣляли свое отношеніе къ Герцену. При всей своей изолированности, при запрятанныхъ концахъ и началахъ, „Великоруссъ“, слѣдова-

тельно, былъ такъ симптоматиченъ, что съ нимъ нужно было считаться наравнѣ съ такимъ крупнымъ явленіемъ русской свободной мысли, какимъ былъ „Колоколъ". „Великоруссъ", наоборотъ, въ полемику, начатую съ нимъ Михайловымъ въ „Колоколѣ" [1]) не вошелъ.

Понятно, почему эта полемика „Великоруссу" казалась безцѣльной. Возраженія Михайлова покоились на недоразумѣніи, которое было вызвано гораздо болѣе элементарнымъ пониманіемъ происходящаго. Впрочемъ возможно, что, по прочтеніи послѣднихъ двухъ номеровъ „Великорусса", Михайловъ воздержался бы отъ нихъ. Появились они тогда, когда налицо былъ только его № 1. Михайловъ замѣчалъ по поводу него:

„Великоруссъ" сознаетъ неизбѣжность борьбы. Но если онъ серьезно взялся за дѣло, ему слѣдуетъ обращаться не къ „обществу", а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо отправляться отъ положительнаго начала: что жить далѣе при настоящихъ порядкахъ невозможно, а лучшаго быть не можетъ, пока власть въ царскихъ рукахъ. „Общество"—это помѣщики и чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ.

Россіи нужно не то, къ чему призываетъ „Великоруссъ". Ей нужны тайные союзы, тайныя типографіи, обученіе крестьянъ и солдатъ, братства въ полкахъ, нужно революціонерамъ войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничныя изданія, привлечь какъ можно болѣе военныхъ.

„Конституція—не цѣль союзовъ. Пусть ея домогаются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь... Не конституція—цѣль и послѣднее слово. Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собой, освобожденіе и свободный союзъ областей".

Михайловскимъ аполитизмомъ была впослѣдствіи окрашена идеологія землевольцевъ второй формаціи; при столкно-

[1]) „Колоколъ" № 107, 1862 г.; „Отвѣтъ Великоруссу", перепечатанъ въ сборникѣ Богучарскаго-Базилевскаго, стр. 34—35.

веніи съ жизнью онъ далъ трещину. „Великоруссъ“, оказалось, понималъ въ это время гораздо отчетливѣе механизмъ соціально-политическихъ процессовъ, чѣмъ его противники слѣва. Не меньше ихъ онъ ставилъ въ главу угла правильное разрѣшеніе крѣпостного дѣла. Но онъ понималъ и необходимость политической свободы для соціальнаго раскрѣпощенія. Прошло много времени, прежде чѣмъ все русское общество поняло это также ясно, какъ анонимный листокъ 61-го года.

Что касается отношенія къ нему „Молодой Россіи“, то напомнимъ, что какъ разъ ихъ воззваніе и констатировало громадный успѣхъ „Великорусса“. Его мнѣнія представляются „Молодой Россіи“ ошибочными и отставшими—тѣмъ не менѣе они „заявляютъ свое уваженіе“ къ его редакціи, издавшей въ Россіи же протестъ противъ существующаго порядка. Впрочемъ, „Великоруссъ“ „вызвалъ улыбку революціонеровъ своимъ мнѣніемъ о томъ, что государь побоится отдать приказъ стрѣлять въ собравшихся спасать Россію своимъ невиннымъ адресомъ“.

Со стороны „Молодой Россіи“ нѣтъ попытки полемики. Это и понятно. „Молодой Россіи“ нужно было еще много постарѣть, прежде чѣмъ убѣдиться въ томъ, что позиція „Великорусса“ въ достаточной мѣрѣ укрѣплена.

Большое вниманіе „Молодой Россіей“ вмѣстѣ съ тѣмъ удѣляется Герцену—но только во вниманіе къ прошлому обаянію его имени. „Колоколъ“, говорятъ они, былъ встрѣченъ живымъ привѣтомъ всей мыслящей Россіи, какъ первый свободный органъ. Но по мѣрѣ того какъ журналъ сталъ оказывать вліяніе на правительство и сталъ „уже совсѣмъ конституціоннымъ, увлеченіе имъ молодежи уменьшилось, и революціонная партія стала искать другого органа“. Герцену читается обвинительный актъ: „наконецъ его надежды на возможность принесенія добра Александромъ или кѣмъ нибудь изъ императорской фамиліи; его близорукій отвѣтъ на письмо человѣка, говорившаго, что пора бить начать въ набатъ и призывать народъ къ возстанію, а не либеральничать; его совершенное незнаніе современнаго положенія Рос-

сіи; надежды на мирный переворотъ, его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми однѣми можно только что-нибудь сдѣлать, окончательно уронили журналъ въ глазахъ революціонной партіи".

Съ самонадѣянностью молодости авторы парируютъ предвидимое ими возраженіе, что ошибаются они, а не Герценъ, „что отвращеніе его отъ насильственныхъ переворотовъ проистекаетъ изъ знакомства съ исторіей запада". „Мы изучили исторію запада", слѣдуетъ гордое заявленіе", и это изученіе не прошло для насъ даромъ. Мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 г., но и великихъ террористовъ 92 г.; мы не испугаемся, если увидимъ, что для ниспроверженія современнаго порядка придется пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито якобинцами въ 90-хъ г.г".

Въ статьѣ „Молодая и Старая Россія", одномъ изъ проникновенныхъ образцовъ своей публицистики, Герценъ даетъ исчерпывающую характеристику своихъ строгихъ прокуроровъ. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объясняетъ, съ чѣмъ выступила „Молодая Россія" и почему она такъ выступила. Грустная иронія и сердечная теплота этихъ словъ задѣваютъ за живое.

„Молодая Россія" кажется Герцену двойной ошибкой: „Во первыхъ, она вовсе не русская. Это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политико-соціальныя desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка ея—неумѣстность, случайность совпаденія съ пожарами, усугубили ее. Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ, больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ тренія и температура, дурной закалъ и раковина мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь ихъ такою и вышла: въ ней нѣтъ внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ или строй организованной партіи".

Нѣсколько ниже:

„Ну есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы русскій народъ возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ

изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны.—Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это и, если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ, а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь же вы, когда мы дружески обращаемъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Моора и Гракха Бабефа на русской площади не только старъ, но сбивается на маскарадное платье"...

* * *

Въ ряду современныхъ „Великоруссу" прокламацій осталось разсмотрѣть еще два номера „Свободы", выпущенныхъ комитетомъ „Земля и Воля" при обстоятельствахъ, подробно описанныхъ Л. Ф. Пантелѣевымъ. Они были выпущены тогда, когда Пантелѣевъ вернулся изъ продолжительной поѣздки съ агитаціонной цѣлью и засталъ Комитетъ уже разгромленнымъ. Попытки его и Н. Утина завязать сношенія съ нѣкоторыми изъ тѣхъ лицъ, которыхъ они по образу мыслей подозрѣвали въ прикосновенности къ комитету, не привели ни къ чему: тѣ притворились непонимающими. Оставшіеся, нѣсколько человѣкъ молодежи, и таинственный „господинъ въ пенснэ" тогда рѣшили тѣмъ не менѣе подать признаки жизни—были выпущены два №№ „Свободы" [1]).

Когда „господинъ въ пенснэ" предлагалъ Пантелѣеву и Утину вступить въ комитетъ, онъ примѣрно такъ обосновывалъ его платформу. Дѣйствительныя реформы всегда исходили изъ народа, а не преподносились ему. Но народъ не организованъ. Нужна организація. Что должно стоять на ея знамени? Земля, т. е. возвращеніе народу того, что ему по праву принадлежитъ, и Воля, т. е. созваніе Земскаго Собора, который долженъ перестроить нашу государственную жизнь на новыхъ народно-демократическихъ и федеративныхъ началахъ.

Въ согласіи съ такой платформой и былъ составленъ № 1. Онъ умѣренъ и сдержанъ, не содержитъ ни кровавыхъ призывовъ, ни утопическихъ требованій. Онъ выдержанъ и цѣ-

[1]) № 1 въ сборникѣ Бурцева, стр. 67—69; № 2—въ „Быломъ" 1906 г., Авг.

ленъ, не разбрасывается, не перескакиваетъ съ одного на другое. Но онъ абсолютно отвлеченъ; онъ высказываетъ свое положеніе о самодержавномъ деспотизмѣ, какъ единственномъ источникѣ всѣхъ бѣдствій, онъ правильно иллюстрируетъ это положеніе современными фактами, онъ призываетъ къ созыву народнаго собранія; но не видно никакихъ живыхъ нитей, которыя соединяли бы все это съ дѣйствительностью. Явно, что программа новой организаціи идейно связана съ „Великоруссомъ"; это подтверждается и фактически припиской комитета „Великорусса" къ № 2 „Свободы", которая приводилась уже выше; но тѣ силы, которыя придавали „Великоруссу" практическій характеръ, отъ организаціи „Земли и Воли" ко времени выпуска „Свободы" уже отошли. Это можно было бы сказать, и не зная объ арестахъ средины 1862 г.

* * *

Въ этой связи надо упомянуть еще объ одной чрезвычайно любопытной группѣ матеріаловъ, которые крайне близки къ „Землѣ и Волѣ". Отъ подпольныхъ прокламацій они отличаются, однако, тѣмъ, что одно изъ этихъ произведеній лѣтомъ того же года открыто появилось въ Берлинѣ съ подписью автора, другое было найдено въ его бумагахъ при арестѣ, но предназначалось, повидимому, тоже не для келейнаго распространенія. Рѣчь идетъ о брошюрѣ Н. А. Серно-Соловьевича „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса" и о его же проектѣ конституціи: „Проектъ уложенія императора Александра II" [1]).

Принадлежность Н. Серно-Соловьевича, какъ и его брата Александра, къ организаціи „Земли и Воли" несомнѣнна. Его брошюра по крестьянскому вопросу грубо, въ первомъ приближеніи говоря, формулировала точку зрѣнія на него „Современника". Ему, оказывается, принадлежалъ и проектъ конституціи. Повидимому, налицо всѣ данныя, чтобы предположить въ немъ и возможнаго автора „Великорусса". Эту гипотезу, дѣйствительно, выставляетъ А. А. Корниловъ, не мотивируя ея, однако. Посмотримъ, можно ли съ ней согласиться.

---

[1]) У Лемке. Очерки освоб. движ., стр. 51—59.

Н. Серно-Соловьевичу рано и при трагическихъ обстоятельствахъ пришлось сойти со сцены. Арестованный по дѣлу о сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, онъ былъ сосланъ въ каторгу и тамъ погибъ чуть ли не черезъ годъ послѣ неудачной попытки бѣжать. Онъ не успѣлъ еще развернуться во весь ростъ, какъ уже оказался вырваннымъ изъ рядовъ. Поэтому его незаслуженно мало знаетъ русское общество.

„Послѣдній маркизъ Поза"—такъ звалъ его Герценъ—начинаетъ свою политическую карьеру письмомъ Александру II по крестьянскому вопросу, которое подаетъ ему самъ въ царскосельскомъ паркѣ, обманувъ бдительность стражи. Тогда онъ былъ секретаремъ дѣлопроизводителя главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и пришелъ къ убѣжденію, что помѣщики обошли государя. Черезъ кн. Орлова государь передалъ молодому человѣку нагоняй—и поцѣлуй.

Съ такой же благородной опрометчивой смѣлостью онъ опубликовалъ берлинскую брошюру подъ своимъ именемъ, считая, что „пора намъ перестать бояться".—III Отдѣленіе, дѣйствительно, до поры до времени не посмѣло предъявить автору какихъ либо обвиненій въ связи съ ней; по возвращеніи изъ за границы—тоже безъ утайки, но и безъ всякой рисовки, со спокойнымъ достоинствомъ, давалъ онъ, сидя въ крѣпости, свои показанія сенатской комиссіи, пытаясь въ прошеніи къ государю серьезно убѣдить его, что „правительство преобразовывающее и правительство преслѣдующее за мнѣнія—понятія несовмѣстимыя" [1]).

Ко всему этому надо добавить, что онъ былъ сотрудникомъ „Современника", книгоиздателемъ, а въ 1861 г., вернувшись осенью изъ заграницы, основалъ въ Петербургѣ и первую публичную библіотеку съ читальней. Она была закрыта послѣ пожаровъ. Серно-Соловьевичъ поддерживалъ также сношенія съ Герценомъ; у него на квартирѣ въ ту же зиму останавливался Кельсіевъ, явившійся въ Россію съ паспортомъ турецкаго подданнаго Яни завязывать связи съ раскольниками.

---

[1]) Лемке, тамъ же, стр. 201.

Какъ ни соблазнительно, повидимому, на первый взглядъ отождествить Н. Серно-Соловьевича съ авторомъ „Великорусса", однако этому мѣшаетъ нѣсколько болѣе пристальное разсмотрѣніе его работъ и обстоятельствъ ихъ появленія. А. А. Корниловъ [1]), утверждающій его авторство безъ оговорокъ, не замѣчаетъ двухъ существенныхъ упущеній въ своемъ изложеніи. Онъ говоритъ во 1) что брошюра Н. Серно-Соловьевича вышла въ Берлинѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а „Великоруссъ"—нелегальную прокламацію, онъ выпустилъ осенью того же года. Между тѣмъ его брошюра въ Берлинѣ, а „Великоруссъ" въ Москвѣ и Петербургѣ появились почти одновременно. Въ моментъ составленія „Великорусса"—а его три номера были, какъ мы видѣли, если не написаны, то задуманы одновременно и № 1 появились въ Іюлѣ—Н. Серно-Соловьевичъ находился за границей, откуда вернулся только осенью. За границей же онъ былъ занятъ какъ разъ систематической сводкой своихъ воззрѣній на крестьянскій вопросъ, причемъ ему казалось важнымъ въ данный моментъ по данному поводу выступить съ открытымъ забраломъ. Трудно себѣ представить и психологически, и матеріально, чтобы онъ одновременно приложилъ руку и къ конспиративному „Великоруссу". Но рѣшающимъ аргументомъ является не это, тѣмъ болѣе, что по возвращеніи онъ, какъ извѣстно, вошелъ въ комитетъ „Земли и Воли", а содержаніе той его программы, которая развивалась въ брошюрѣ и въ проектѣ Уложенія.

Фактъ разногласія между этой его программой и программой „Великорусса" и есть второе упущеніе А. А. Корнилова.

Брошюра написана подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ извѣстій о крестьянскихъ волненіяхъ, послѣ изданія „Положенія". Серно-Соловьевичъ ихъ описываетъ. Переходя затѣмъ отъ части исторической къ части практической, авторъ требуетъ немедленнаго обязательнаго выкупа, ибо по его мнѣнію существуютъ только два способа рѣшенія кре-

[1]) А. А. Корниловъ. Крестьянская реформа, 1905 г., стр. 164—166.

стьянскаго вопроса: или общей выкупной мѣрой или топорами. Во всемъ этомъ разногласій съ „Великоруссомъ“ нѣтъ. Существенно зато отмѣтить, что окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса Серно-Соловьевичъ связываетъ съ признаніемъ земли народною собственностью, т.-е. провозглашеніемъ абстрактнаго „права на землю“ каждаго гражданина. Въ Уложеніи соотвѣтствующій § 53 гласитъ: „Всякій русскій или водворившійся въ Россіи на постоянное житье имѣетъ право на владѣніе 4-мя десятинами земли. Отводъ земли дѣлается по сношеніи лицъ подлежащимъ вѣдомствомъ народнаго благосостоянія“.

„Право на землю“, которое Н. Серно-Соловьевичъ защищаетъ также горячо, какъ и Михайловъ,—духовное дѣтище Чернышевскаго, который его формулируетъ въ статьѣ „Поземельная собственность“ [1]). Но любопытно отмѣтить, что эти теоретическія положенія формулируются послѣднимъ въ тотъ моментъ, когда писать о крестьянскомъ вопросѣ еще было запрещено и когда онъ, съ тактической цѣлью заставить о немъ думать, поднялъ полемику объ общинѣ. Когда наконецъ вопросъ о реформѣ попалъ въ сферу гласнаго и практическаго обсужденія, онъ въ рядѣ статей защищалъ положенія, являющіяся выводомъ изъ того же основного принципа, но нигдѣ не предлагалъ объявить его закономъ.

„Деклараціи правъ“ онъ очевидно счелъ неумѣстными, когда дѣло перешло въ практическую стадію. Нѣтъ такихъ „деклараціи“ и въ „Великоруссѣ“. Это разногласіе между послѣднимъ и Серно-Соловьевичемъ и кажется мнѣ существенно важнымъ. Оно показываетъ большую зрѣлость и практичность анонимныхъ листковъ. „Комитетъ“ „Великорусса“ навѣрно не приложилъ бы и руки къ § 3 Уложенія Серно-Соловьевича, которое гласитъ:

„Основами дѣйствій этихъ властей (перечисленныхъ въ предыдущемъ § власти законодательной, исполнительной и судебной) должны быть: правда, милосердіе, добросовѣстное исполненіе законовъ, честность и уваженіе къ человѣку“.

---

[1]) Собр. соч., т. III, стр. 475.

„Рыцарскій обликъ“ послѣдняго маркиза Позы, не лишенный прекраснодушія, не вполнѣ вяжется съ тактическою выдержанностью „Великорусса“.

* * *

Наконецъ въ литературѣ относительно „Великорусса“ было высказано еще одно мнѣніе, съ которымъ надо сосчитаться. Оно принадлежитъ Н. Іорданскому и сводится къ тому, что эти листки являлись „порожденіемъ тайныхъ обществъ конституціоналистовъ, которыхъ было немного и которыя просуществовали недолго“ [1]). Въ такомъ же смыслѣ и Ч. Вѣтринскій [2]) позднѣе говоритъ о возникновеніи въ „либеральномъ общественномъ кругу“ тайнаго общества „Великоруссъ“.

Въ такой формулировкѣ это мнѣніе, благодаря своей неопредѣленности, случайной ли, умышленной ли, конечно нуждается въ истолкованіи. Его авторъ, которому принадлежитъ очень цѣнный очеркъ нашего конституціоннаго движенія 60-хъ гг. и который очень хорошо разбирался въ томъ, какой же соціальный классъ являлся его носителемъ, листки „Великорусса“ зарегистрировалъ только механически и не высказался по поводу того, какая же группа, по его предположенію, стояла за нимъ. Можно ли отождествить ее подъ именемъ „конституціоналистовъ“ съ какимъ нибудь изъ теченій дворянской оппозиціи—вотъ вопросъ, на которомъ надо остановиться, не навязывая такой постановки самому г. Іорданскому, но считая, что она естественно вытекаетъ изъ его формулировки.

Отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ. Среди такъ или иначе задѣтаго конституціоннымъ движеніемъ дворянства, какъ мы видѣли выше, насчитывалось три главныхъ теченія: олигархическое, славянофильское и либерально-демократическое. Ни одно изъ нихъ не могло дать „Великорусса“.

Этому мѣшаетъ, прежде всего, та тѣсная связь его съ „Воззваніемъ къ барскимъ крестьянамъ“, которая была уста-

[1]) Н. Іорданскій. Конституціонное движеніе 60-хъ гг. Спб. 1906 г., стр. 118.

[2]) Ч. Вѣтринскій. Герценъ. Спб. 1908 г., стр. 346.

новлена выше, то обстоятельство, что „Комитетъ“ начиналъ и кончалъ свое обращеніе „къ образованнымъ классамъ“ угрозою обращенія къ народу. „Комитетъ“ предупреждалъ имѣющихъ уши слышать, что въ случаѣ бездѣйствія „образованныхъ классовъ“ онъ будетъ „дѣйствовать на простой народъ и съ нимъ будетъ принужденъ говорить не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ“. Очевидно, повторяемъ, что соціально-политическій символъ вѣры Комитета былъ радикальнѣе выдвигаемой имъ программы даннаго дня, что онъ отнюдь не совпадалъ съ классовой помѣщичьей точкой зрѣнія и не исчерпывался ею.

Умѣстно здѣсь снова напомнить анонимное письмо того крѣпостника, которое было написано Чернышевскому, какъ предполагаемому автору „Великорусса“; корреспондентъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что тактическій союзъ предлагается заклятымъ врагомъ.

Можно ли въ самомъ дѣлѣ предположить, что къ „Великоруссу“ приложилъ руку кто либо изъ олигарховъ, даже наиболѣе обозленныхъ? Но самые обиженные изъ нихъ, даже тѣ, кого непомѣрное самолюбіе заставляло объявить себя политическимъ эмигрантомъ, вродѣ кн. П. В. Долгорукова [1]), заграничнаго издателя „Будущности“, „Правдиваго“ и многихъ рѣзкихъ памфлетовъ, направленныхъ противъ россійской бюрократіи и отечественныхъ порядковъ, мечтали объ олигархической двухпалатной системѣ и выкупѣ личности крестьянъ.

Можно ли въ порядкѣ перечисленія привлечь къ отвѣту славянофиловъ? Но они, какъ всегда, открещивались отъ выдумокъ гнилого запада и при всемъ радикализмѣ критики существующаго, которая нашла полное выраженіе, конечно, не въ легальной печати, а въ частной перепискѣ, хотя бы Ив. Аксакова съ Погодинымъ [2]) и въ заграничныхъ брошюрахъ А. Кошелева [3]), мечтали не о конституціи, а о

[1]) М. Лемке. П. В. Долгоруковъ. Былое. 1907 г., т. II и III.

[2]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVIII, стр. 15—16.

[3]) А. Кошелевъ. Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія? 1862 г. и др.

законосовѣщательномъ соборѣ, который выявилъ бы силу мнѣнія земли.

Остается либерально-демократическое теченіе, среди котораго, конечно, могли найтись достаточно образованные и искренніе люди, чтобы быть послѣдовательными конституціоналистами. Но противъ возможности отождествить кого нибудь изъ дѣятелей этого лагеря съ „Комитетомъ“ „Великорусса“ остается все то, что было сказано о различіи между credo и программой комитета, а кромѣ того еще одна любопытная особенность листковъ. Въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, между прочимъ, имѣется и рядъ дворянскихъ отзывовъ и записокъ по поводу работъ редакціонныхъ коммиссій, отражающихъ различныя существовавшія тогда въ этой средѣ теченія. Среди нихъ есть отзывы (напр. отзывъ А. Унковскаго), которые спеціальную задачу упраздненія крѣпостного права разсматриваютъ въ широкой рамкѣ общегосударственной потребности въ преобразованіяхъ. Но при всей сравнительной широтѣ захвата этотъ отзывъ, наравнѣ съ другими себѣ подобными, отличается, по сравненію съ „Великоруссомъ“, своей конкретностью. Помѣщикъ, который жилъ въ деревнѣ и знаетъ ее на дѣлѣ, подходитъ къ дѣлу практически: онъ предвидитъ ту массу житейскихъ осложненій и подробностей, которыя учитывать можетъ только человѣкъ жизни. Наоборотъ, совершенно лишенъ практической конкретности „Великоруссъ“. Онъ весь сводится къ логической схемѣ, которая могла быть продумана въ кабинетѣ человѣкомъ, политически и экономически образованнымъ. Вотъ основанія, которыя не даютъ возможности искать слѣдовъ „Великорусса“ и въ этомъ лагерѣ. Его „Комитетъ“ былъ навербованъ не въ дворянской средѣ, хотя бы и конституціонно настроенной. Его надо искать внѣ этой среды.

* * *

Однако, нельзя сказать, чтобы „Великоруссъ“ и „Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ“ были совершенно одиноки въ современной имъ публицистикѣ. Ихъ можно поставить рядомъ съ „Колоколомъ“ 61—62 года, не предполагая этимъ тѣмъ

не менѣе существованія какой-либо фактической зависимости между лондонской редакціей и русскими изданіями.

Если еще въ Мартѣ 1860 г. Герценъ продолжалъ уповать на возможность мирнаго проведенія крестьянской реформы и защищать искренность намѣреній Александра II, то черезъ годъ послѣ опубликованія „Положенія“ тонъ „Колокола“ круто измѣнился. Въ Іюнѣ 1861 г. Огаревъ озаглавливаетъ свою статью: „Разборъ новаго крѣпостного права, обнародованнаго 19 Февраля 1861 г. въ Положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, и начинаетъ ее словами: „Въ Февралѣ подписанъ манифестъ, а въ Апрѣлѣ льется кровь безоружныхъ крестьянъ (намекъ на Бездненское дѣло: прим. авт.), въ Маѣ циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ предписываетъ губернаторамъ объяснить народу, что б а р щ и н а н е е с т ь б а р щ и н а“.

Разсмотрѣніе „Положеній“ приводитъ его къ выводу:

Старое крѣпостное право замѣнено новымъ.

Вообще крѣпостное право не отмѣнено.

Народъ царемъ обманутъ.

Такой непримиримый выводъ позднѣе тотъ же Огаревъ покрѣпляетъ ссылкой на полученныя ими со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія, что „народъ отказывается переходить съ барщины на оброкъ, соглашаясь лучше вытерпѣть барщину, какъ насиліе, чѣмъ признать съ правомъ на вѣчный оброкъ (ренту), помѣщичье право на землю“ [1]).

При такой оцѣнкѣ „Положенія“, при увѣренности въ непріятіи его землей, при учетѣ нарастающаго національнаго движенія въ Польшѣ и всѣхъ признаковъ грядущей внутренней междоусобицы, въ „Колоколѣ“ одновременно въ качествѣ передовыхъ статей впервые появляются прокламаціи. Отпечатанныя отдѣльно, эти воззванія: „Что нужно народу“? —„Что дѣлать войску?“ потомъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ нашли доступъ въ Россію.

Первое изъ нихъ формулируетъ лозунги и цѣли слагающагося тайнаго революціоннаго общества.

---

[1]) Колоколъ, № 104, 1 Авг. 1861 г.

Оно сразу даетъ отвѣтъ на вопросъ:

„Очень просто, народу нужна земля да воля. Безъ земли народу жить нельзя, да безъ земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. Земля никому другому не принадлежитъ, какъ народу... Народъ съ поконъ вѣковъ на самомъ дѣлѣ владѣетъ землей, на самомъ дѣлѣ лилъ за землю потъ и кровь, а приказные на бумагѣ чернилами отписывали эту землю помѣщикамъ да въ царскую казну. Вмѣстѣ съ землей и самый народъ забрали въ неволю и хотѣли убѣдить, что это и есть законъ, это и есть божеская правда. Однако никого не увѣрили...“

Наконецъ подъ давленіемъ необходимости объявили волю.

„Однако какъ зачали генералы да чиновники толковать народу положенія, оказывается, что воля дана только на бумагѣ, а не на дѣлѣ. Что въ новыхъ положеніяхъ прежніе приказные законы только на другой бумагѣ, другими словами переписаны. И барщину, и оброки отбывай помѣщику по прежнему, хочешь получить свою избу и землю, выкупай ихъ на свои собственныя деньги. Выдумали переходное состояніе. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лѣтъ опредѣлили для народа новое крѣпостное состояніе“...

„Тѣхъ, кто не повѣрилъ, что возможенъ такой обманъ, пришли вразумлять плетьми, штыками да пулями. Да еще глумятся царь да вельможи, говорятъ, что черезъ два года будетъ воля. Откуда же она будетъ, воля то? Землю урѣжутъ, да за урѣзанную заставятъ платить втридорога, да отдадутъ народъ подъ власть чиновниковъ, чтобы сверхъ этихъ тройныхъ денегъ еще втрое грабежемъ выжимали, а чуть кто не дастъ себя грабить, такъ опять плети да каторга“.

Вся эта часть живо напоминаетъ по содержанію знакомое намъ „Воззваніе“; какова была крестьянская доля, какой она станетъ по „Положенію“—вотъ основной лейтмотивъ.

Разница въ томъ, что „Воззваніе“ не вводитъ никакихъ мотивовъ и понятій, чуждыхъ ежедневному матеріальному мужицкому быту. Здѣсь же есть указанія на „приказной строй“, живое возмущеніе политическимъ безправіемъ, которое могло быть тогда только достояніемъ интеллигентной Россіи,

есть наконецъ очень фальшивыя ноты заигрыванія съ религіозными вѣрованіями народа, на чемъ было построено затѣянное какъ разъ тогда Огаревымъ и Кельсіевымъ „Общее вѣче“. Такъ, ставится риторическій вопросъ о томъ, что торговать землей и волей народа не то же ли, что Іудѣ торговать Христомъ, нѣсколько ниже царь называется „царемъ Самуиловскимъ“, и приводится длинная библейская цитата для вящшей убѣдительности.

„До сихъ поръ народъ вѣрилъ, что такимъ другомъ ему будетъ нынѣшній царь. Что не въ примѣръ прежнихъ царей, которые отписали землю отъ народа и отдали его въ неволю вельможамъ, помѣщикамъ и чиновникамъ, новый царь осчастливитъ народъ. Только какъ пришли генералы съ солдатами разстрѣливать народъ за волю и сѣчь шпицрутенами, такъ пришлось и про новаго царя сказать то же, что пророкъ Самуилъ говорилъ народу Израильскому, когда совѣтовалъ ему обойтись безъ царя. „И поставитъ (царь) тебѣ сотники и тысячники, и дщери ваши возьметъ въ мироварницы и поварницы, и села ваши и виноградъ ваши маслична ваша другія возьметъ и отдастъ рабомъ своимъ; и сѣмена ваши, и виноградъ ваши одесятствуетъ; и стада ваша благая возьметъ и одесятствуетъ на дѣла своя; и пажити ваша одесятствуетъ, и вы будете ему рабы“. Иными словами, не жди отъ царя никакого добра, а только одного зла, такъ какъ по алчности своей царь и волю и достатокъ народа обираетъ неминуемо. И тотъ царь, что приказываетъ стрѣлять въ народъ, оказывается, значитъ, царемъ Самуиловскимъ“.

Прокламація заключаетъ и пространную положительную программу. Въ основу новаго устроенія должно быть положено освобожденіе крестьянъ со всей землей, которой они владѣютъ, при сохраненіи общиннаго землевладѣнія. Помѣщикамъ изъ казны выдается въ теченіе опредѣленнаго срока опредѣленное вознагражденіе. Народъ долженъ быть избавленъ отъ чиновниковъ. Приказное засиліе должно быть замѣнено широкимъ земскимъ самоуправленіемъ. Вѣнчать его долженъ соборъ народныхъ представителей, довѣренныхъ людей.

Съ этой программой надо еще сопоставить проектъ адреса „Колокола", который относится къ 1862 г. и о которомъ Герценъ, между прочимъ, переписывался съ Тургеневымъ. То и другое въ совокупности и должно быть поставлено рядомъ съ интересующими насъ прокламаціями.

Адресъ „Колокола" [1]), какъ и аналогичные ему, имѣютъ въ виду удовлетворить современному конституціонному движенію.

Правительство, говорится въ немъ, не распутавъ „Положеніями" окончательно стараго узла, навязало къ нему такъ много петель, что если теперь не поспѣшить распутать общими народными силами, узелъ въ скоромъ времени затянется до того, что его развѣ мечомъ или топоромъ перерубишь, а не развяжешь работою мирныхъ рукъ. Изъ современнаго положенія, при которомъ дворянство остается безъ вознагражденія за утрату, а крестьянинъ не увѣренъ, что завтра сохранитъ землю, которую обрабатываетъ сегодня, есть только одинъ выходъ—земскій соборъ отъ всѣхъ сословій на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Сказаннаго достаточно, чтобы судить о томъ, какъ много точекъ соприкосновенія между „Колоколомъ" этой поры и отмѣченной группой прокламацій. Одни и тѣ же критеріи, та же оцѣнка момента, тѣ же пріемы врачеванія—основные пункты совпадаютъ.

* * *

Послѣ того, какъ передъ нами прошли образцы нелегальной литературы эпохи, можно судить на основаніи характера этихъ образцовъ, что русское революціонное движеніе едва выходило тогда изъ младенчества. Удивляться этому не приходится: оно не могло имѣть никакихъ традицій, ибо въ предшествующій николаевскій періодъ русская политическая мысль ютилась въ двухъ-трехъ кружкахъ Герцена-Бѣлинскаго и позднѣе Петрашевскаго, весь личный составъ которыхъ можно перечесть по пальцамъ. Только въ 60-ые годы мы можемъ говорить объ общественномъ движеніи въ Россіи,

[1]) Н. Іорданскій, ib., стр. 123—129.

какъ массовомъ явленіи. При такихъ условіяхъ немудрено, что осколки этого движенія на крайнемъ лѣвомъ флангѣ такъ примитивны и подражательны по содержанію. Въ самомъ дѣлѣ утомительные экскурсы въ область философіи исторіи, окрашенные русскимъ мессіанизмомъ; отсутствіе школы политическаго мышленія, которую замѣняютъ наспѣхъ заимствованные и непереваренные догматы западнаго соціализма; химерическіе расчеты на раскольниковъ, монаховъ и казаковъ, какъ носителей бунтарскаго начала; революціонный темпераментъ, который долженъ замѣнить политическій опытъ, однимъ словомъ, полная отвлеченность отъ русской дѣйствительности—вотъ къ чему сводятся типическія черты этой литературы.

На этомъ фонѣ особнякомъ стоятъ только прокламаціи—„Колокола“ лондонскаго происхожденія, а въ Россіи—„Великоруссъ“ и „Воззваніе“.

Въ оцѣнкѣ существующаго положенія вещей и въ предлагаемомъ изъ него выходѣ, какъ можно было убѣдиться выше, между той и другой группой прокламацій много общаго. Тѣ и другія исходятъ изъ неизбѣжности крестьянскаго возстанія, факта конституціоннаго движенія среди дворянства и грозящаго возмущенія Польши.

Одновременно поставлена на очередь основная соціально-экономическая задача для Россіи аграрнаго переустройства и вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи, какъ имперіи, поглотившей чуждыя ей національности. Благодаря своему совпаденію во времени, эти задачи не могутъ быть разрѣшены иначе, чѣмъ паденіемъ самодержавія. На такомъ учетѣ строится и практическая программа.

Тѣмъ не менѣе, при общности основныхъ предпосылокъ, нельзя предположить зависимости одной группы прокламацій отъ другой. „Что нужно народу?“ и № 1 „Великорусса“ одинаково появились въ Іюлѣ 1861 г., одно въ Лондонѣ, другое въ Москвѣ и Петербургѣ. Притомъ, въ напечатанныхъ въ Россіи прокламаціяхъ нѣтъ умственной марки „Колокола“; онѣ совершенно самостоятельны въ матеріалѣ, освѣщеніи, аргументаціи, совершенно отличны по стилю; при общности

основныхъ линій, ихъ раздѣляетъ много частностей: онѣ должны были выйти изъ другой лабораторіи.

Итакъ, оказалось возможнымъ вынести за общую скобку прокламаціи „Колокола“, съ одной стороны, „Великорусса“ и „Воззваніе“—съ другой. Не входя въ критическую оцѣнку дѣла жизни Герцена по существу и той степени прозорливости, которая была проявлена имъ въ этотъ моментъ перелома, не поднимая вопроса и о томъ, поскольку эволюція „Колокола“, начиная съ 1861 г., влѣво обусловливались вліяніемъ Огарева и бѣжавшаго изъ Сибири Бакунина, можно тѣмъ не менѣе не сомнѣваться въ томъ, что редакція „Колокола“ даже en bloc, а Герценъ особливо, въ частности, при всѣхъ своихъ ошибкахъ, стояли головой выше средняго уровня современнаго русскаго общества, которое дѣлало свои первые политическіе шаги поэтому то обстоятельство, что оказалось возможнымъ сопричислить къ единому разряду съ Герценовскими изданіями и нашу спорную группу прокламацій, не можетъ не говорить въ ихъ пользу.

Нужды нѣтъ, что ни тѣ ни другія не выдержали повѣрки дѣйствительностью, что крестьянскаго возстанія въ 63-мъ году на самомъ дѣлѣ не послѣдовало. Одно это обстоятельство еще не должно давать права чрезмѣрно низко оцѣнивать мысль, выносившую тѣ концепціи, что лежали въ основѣ общей политической программы, смотря на нее съ высоты не оправдавшаго ее историческаго опыта—вѣдь очень немногіе политическіе дѣятели выдержали бы приложеніе къ нимъ мѣрки ихъ осуществившихся предвидѣній.

К. Марксу, какъ бы къ нему ни относиться, нельзя отказать въ умѣніи и схватывать и формулировать тенденціи общественнаго развитія; это не мѣшало ему послѣ 48 года ожидать катастрофическихъ революціонныхъ взрывовъ, которыхъ не послѣдовало. Въ такихъ случаяхъ, надо думать, вводитъ въ заблужденіе не только темпераментъ, не только желанность этихъ взрывовъ, но самое умѣніе учитывать неизбѣжныя слѣдствія соціально-экономическихъ факторовъ. Если вы одарены способностью отчетливо разбираться во всѣхъ колесахъ общественнаго механизма и теоретически правильно

разсчитать, что въ одинъ опредѣленный моментъ внутреннее треніе сдѣлаетъ его нежизнеспособнымъ, то вы, болѣе дальнозоркій, чѣмъ ваши современники, чѣмъ даже тѣ, кто страдаетъ отъ этого внутренняго тренія, невольно должны предполагать, что они то, эти страдающіе, въ этомъ скоро разберутся. Таковъ, вѣроятно, психологическій корень просчетовъ Маркса, то же могло быть и въ нашемъ случаѣ, ибо въ нѣкоторомъ умѣніи разбираться въ строеніи общественнаго механизма никакъ нельзя отказать ни Герцену, ни тому, кто стоялъ за „Великоруссомъ“ и „Воззваніемъ“. Вотъ это сопоставленіе съ Герценомъ, вотъ это то умѣніе, эта отчетливость анализа, дальность кругозора и даетъ основаніе предполагать въ его авторѣ Н. Г. Чернышевскаго. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся показать, что все написанное имъ и извѣстное о немъ, и по содержанію и по формѣ, безъ всякаго насилія, безъ противорѣчій, можетъ быть поставлено въ одну линію съ этими анонимными листками. Трудно даже производить поиски въ другомъ направленіи: авторъ ихъ— слишкомъ крупная индивидуальность въ небогатой интеллигентной силами Россіи, чтобы она могла затеряться, родиться въ сложный общественный моментъ вооруженной съ головы до ногъ, подобно Палладѣ изъ головы Зевса, и вслѣдъ затѣмъ снова пропасть въ безвѣстности; иначе надо было бы предположить существованіе нѣкоего таинственнаго двойника Чернышевскаго.

Чтобы доказать вѣроятность предполагаемаго отождествленія, мы сперва обратимся къ содержанію извѣстной намъ уже программы „Великорусса“ и „Воззванія“, чтобы показать, насколько оно вяжется съ политическими воззрѣніями Н. Г. Чернышевскаго. Послѣ этого попытаемся подойти къ проблемѣ съ болѣе интимной стороны стиля и скрывающагося за нимъ метода мышленія автора.

* * *

Три пункта составляютъ политическую программу листковъ: правильное разрѣшеніе крѣпостного дѣла, вопросъ о Польшѣ и конституція.

1) Программа „Великорусса“ по крестьянскому вопросу, надѣленіе бывшихъ барскихъ крестьянъ по крайней мѣрѣ

всей той землей и тѣми угодьями, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, и національный выкупъ—есть программа „Современника", т. е. Н. Г. Чернышевскаго. Но констатируя это, мы имѣемъ только первое, грубое приближеніе къ истинѣ. Для большаго приближенія къ ней необходимо познакомиться со всей эволюціей воззрѣній Чернышевскаго на этотъ вопросъ вплоть до 1862 г. [1]).

Нельзя быть человѣкомъ, болѣе прямолинейнаго развитія, чѣмъ былъ Чернышевскій. Неуклонно постоянный въ служеніи одной духовной цѣнности, онъ былъ изъ тѣхъ, „что зналъ одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть". Этой думой и страстью была дума о судьбѣ русскаго крестьянина.

Въ цитированныхъ уже студенческихъ письмахъ конца 40-хъ гг. [2]) на латинскомъ языкѣ—его еще не превозмогли гоголевскіе почтмейстеры—уже идетъ рѣчь о „glebae adscripti" и „terrae firmi". Вся публицистика Чернышевскаго своей осью имѣетъ крестьянскій вопросъ. Въ бесѣдѣ о Тургеневской Асѣ или о „Русскомъ человѣкѣ на rendez-vous", онъ не можетъ не ввернуть, что именно этотъ вопросъ „сдѣлался единственнымъ предметомъ всѣхъ мыслей, всѣхъ разговоровъ" [3]).

Пока его нельзя обсуждать открыто, онъ пишетъ объ освобожденіи англичанами на Вестъиндскихъ островахъ чернокожихъ изъ рабства и возросшей интенсивности ихъ труда, которая съ лихвой вознаградила плантаторовъ за утрату даровой рабочей силы. Изъ тѣхъ же тактическихъ соображеній онъ начинаетъ рѣзкую и продолжительную полемику о русской общинѣ—„рѣзкимъ полемическимъ тономъ былъ начатъ мною споръ объ общинномъ владѣніи. Крикъ этотъ имѣлъ одну цѣль: заставить обратить вниманіе на предметъ его" [4]).

Въ этомъ вопросѣ онъ становится за славянофиловъ про-

---

[1]) А. А. Корниловъ. Н. Г. Чернышевскій и крестьянскій вопросъ. Р. М. 1910 г., № 1.

[2]) Собраніе соч., т. I, стр. 87.

[3]) Собраніе соч., т. I, стр. 87.

[4]) „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія", Современникъ, 1858 г., Полн. собр. соч., т. IV, стр. 307.

тивъ близорукихъ либераловъ-западниковъ и вмѣстѣ съ Герценомъ кладетъ основы будущему народничеству:

„Я сынъ моей родины—этого довольно, родина поступаетъ со мною, какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться—я получаю участокъ изъ государственной собственности".

„Всѣ дѣти равно милы ей—я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину—они не ропщутъ на то, что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ, такимъ же образомъ—мое право, есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ прійдется въ свою очередь потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому, что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ—ихъ право есть мое право" [1]).

Для своего времени онъ видитъ выходъ въ существованіи частной собственности на землю для смѣлыхъ, предпріимчивыхъ людей, не боящихся риска, и фонда государственно-общинной земли, для которой формулируется имъ то „право на землю", которое столь охотно заимствуютъ у него современники. Его находчивость въ обходѣ подводныхъ цензурныхъ камней при этомъ фиксированіи общественнаго вниманія на кровно волнующемъ его вопросѣ удивительна. Одна изъ первыхъ его статей, относящихся къ этому моменту, является отчетъ о книгѣ Haxthausen'a, Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands [2]); подъ видомъ библіографическаго разбора онъ здѣсь касается этого самаго остраго вопроса современности.

Въ книгѣ Haxthausen'a Чернышевскому представляется замѣчательной поправка, которую ученый прусскій агрономъ и консерваторъ предлагаетъ ввести въ общинное землевладѣніе въ будущемъ, чтобы уничтожить его отрицательныя

[1]) О поземельной собственности, Собр. соч., т. III, стр. 475.

[2]) Соврем., № 7, 1857 г., Собр. соч., т. III.

стороны: вмѣсто дѣлежа земли—общій трудъ и раздѣлъ жатвы въ полѣ.

Въ связи съ этимъ Чернышевскій дорожитъ общиной и въ настоящемъ и въ будущемъ: въ настоящемъ онъ видитъ въ ней гарантію противъ обезземеленія, противъ язвы „пролетаріатства", въ будущемъ—общинное землевладѣніе можетъ послужить непосредственной ступенью къ господству общинныхъ началъ высшаго порядка, т. е. къ соціалистическому строю. На пріемахъ аргументаціи Чернышевскаго, исходящаго отъ Гегелевской тріады развитія, здѣсь не мѣсто останавливаться. Хотѣлось указать только тѣ общія и дальнія точки зрѣнія, которыя такимъ путемъ вносились имъ намѣренно и цѣлесообразно въ будущее обсужденіе крестьянскаго вопроса.

Наконецъ, наступилъ тотъ моментъ, когда можно было отъ этой „Zukunftsmusik" перейти къ дѣйствительности. Появились Высочайшіе рескрипты Назимову и Игнатьеву. Тѣмъ самымъ было санкціонировано обсужденіе будущей реформы въ печати.

Первый откликъ Чернышевскаго—восторженный. Эпиграфомъ статьи. „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта" [1]) онъ беретъ слова Псалмопѣвца: „Возлюби еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой" (пс. XLV, ст. 8). Одновременно съ этимъ Герценъ привѣтствовалъ Александра II словами: Ты побѣдилъ, Галилеянинъ.—Этотъ угаръ у Чернышевскаго прошелъ быстро. Бичи и скорпіоны, посыпавшіеся на печать послѣ первой его статьи, въ основу которой онъ положилъ извѣстный правительству, но не одобрявшійся имъ Кавелинскій проектъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, отрезвили его уже къ концу того же 1858 г.

Нехотя онъ еще разъ возвращается къ вопросу объ общинѣ [2])—„не всѣ смотрятъ на него съ тѣмъ чувствомъ отвращенія и негодованія, какое внушаетъ оно мнѣ теперь, по разрушеніи надеждъ, въ которыхъ было начато мною".

---

[1]) Соврем., 1858 г., Полн. собр. соч. т. IV, 50—86.

[2]) Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія. Собр. соч., ч. IV, 307.

Онъ извиняется по поводу упрековъ въ любви къ употребленію параболъ. Онъ не споритъ, что прямая рѣчь лучше всякихъ притчъ и сказаній, но противъ собственной натуры и что, еще важнѣе, противъ натуры обстоятельствъ идти нельзя. Онъ прибѣгаетъ къ фигурѣ аналогіи земельнаго надѣла съ приготовленіемъ обѣда, съ точкой зрѣнія риторики не слишкомъ выдержанной, и вопрошаетъ: „кто кромѣ глупца, можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ чьихъ-либо рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“ Онъ могъ въ прошломъ горячо защищать общинное владѣніе только потому, что предполагалъ, что будутъ даны другія, низшія гарантіи благосостоянія. На тогдашнемъ эзоповскомъ языкѣ эти гарантіи могли быть формулированы только такъ: 1) принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи; 2) отсутствіе кредитныхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ самаго факта полученія ренты. При всей описательности иносказаній, смыслъ ихъ ясенъ. Оба существенныхъ пункта программы „Современника“, надѣленіе всей землей и государственный выкупъ, уже могутъ заключаться полностью въ этихъ иносказаніяхъ.

Скептическое отношеніе къ готовившейся реформѣ однако не помѣшало Чернышевскому и дальше пытаться оказывать вліяніе на ея ходъ. Въ концѣ 58 г. появляется его статья: „О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадебъ“.

Къ слѣдующему 59 г. принадлежатъ статьи: „Труденъ ли выкупъ?“, и „Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса“.

Въ этихъ статьяхъ Чернышевскій уже реалистъ. Потративъ массу труда, онъ съ цифровыми выкладками въ рукахъ, пытается убѣдить тѣхъ, отъ кого зависѣло разрѣшеніе дѣла, что условія выкупа не должны быть кабальными. Онъ предлагаетъ восемь различныхъ способовъ осуществленія самой финансовой операціи, связанной съ выкупомъ, приводя для каждой примѣрные разсчеты. Въ числѣ восьми легче провести контрабандный проектъ выкупа за счетъ

государства, который онъ осторожно называетъ только самымъ раціональнымъ.

Въ „Матеріалахъ“ онъ находитъ возможнымъ указать, что для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса нужно было бы узнать мысли и интересы и не представленной въ комитетахъ стороны, именно самихъ „поселянъ“. Изложеніе его, Чернышевскаго, предупреждаетъ онъ, будетъ соотвѣтствовать идеямъ послѣднихъ. Съ этой точки зрѣнія онъ за сохраненіе за крестьянами по крайней мѣрѣ всей той земли, которой они владѣютъ, за выкупъ, не превышающій 90 р., т. к. только такой можетъ быть примиренъ съ „національнымъ чувствомъ“, за выкупъ немедленный и обязательный и противъ продленія обязательнаго труда, какъ формы уплаты выкупа.

„А если требовать выкупа въ 150 р., народъ изнеможетъ подъ такой тяжестью и что тогда будетъ? Чего ждетъ теперь крестьянинъ? Онъ ждетъ воли. Чего ждетъ онъ отъ воли? Облегченія своей судьбѣ. Какое же почувствуетъ онъ облегченіе и пойметъ ли онъ волю, если его заставятъ платить оброкъ не меньше или даже больше нынѣшняго или заставятъ, по прежнему, ходить на барщину? Какъ пойметъ онъ такое освобожденіе? Онъ не пойметъ его, онъ почтетъ себя обманутымъ—и что тогда будетъ“?

Послѣ опубликованія „Положенія“ 19 Февраля Чернышевскій въ послѣдній разъ касается той же темы въ „Письмахъ безъ адреса“, относящихся къ концу 61 г. Своимъ неназваннымъ адресатомъ они имѣли Александра II. „Письма“ предназначались для „Современника“, но не были пропущены цензурой. Впервые они появились заграницей въ журналѣ Лаврова „Впередъ“ въ 1874 г. [1]). Они чрезвычайно показательны для отношенія Чернышевскаго къ моменту, переживавшемуся тогда Россіей.

Ихъ исходный пунктъ — характеристика status quo въ связи съ тѣмъ, какъ страной принято „Положеніе“: „Бывшіе помѣщичьи крестьяне, называемые нынѣ срочно-обязан-

[1]) Они вошли въ т. X² Полн. Собр. сочин.

ными, не принимаютъ уставныхъ грамотъ; предписанное продолженіе обязательнаго труда оказалось невозможнымъ; предписанныя добровольныя соглашенія между землевладѣльцами и живущими на ихъ землѣ, срочно обязанными крестьянами, оказались невозможными; будучи поставлены въ безвыходное положеніе этой неисполнимостью предположеннаго рѣшенія помѣщики ропщутъ и предъявляютъ требованія, о которыхъ не отваживались говорить не болѣе какъ годъ тому назадъ" [1]).

Далѣе идетъ рѣчь о безденежьи и паденіи курса рубля—затрудненія, стоящія передъ бюрократическимъ правительствомъ, кажутся чрезвычайными.

„Смуты въ Варшавѣ, смуты внутри Россіи, загадочное появленіе программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой къ свѣдѣнію всѣми, небывалое движеніе молодежи въ самомъ Петербургѣ, страшная развязка этого движенія, слухи о предполагаемыхъ требованіяхъ дворянства, приготовленія его къ занятію общественными вопросами,—вотъ сколько въ одинъ годъ новостей, изъ которыхъ каждая передвигала общество все дальше и дальше по одному направленію" [2]).

Исходный пунктъ „Великорусса" и „Воззванія" отъ этого ничѣмъ не отличается. Рядъ умозаключеній исходитъ изъ тѣхъ же предпосылокъ. Не измѣненъ и самый порядокъ предпосылокъ.

Логическое удареніе остается на крестьянскомъ вопросѣ съ тѣмъ однако, что „Письма безъ адреса" въ этой части отличаются большей распространенностью, больше углубляютъ историческую перспективу. Знаменательно и упоминаніе о „загадочной программѣ". Нельзя здѣсь не видѣть намека на „Великорусса", такъ какъ „Воззваніе къ Молодому Поколѣнію" трудно назвать программой. Кромѣ того, указаніе на то, что эта программа „принимается къ свѣдѣнію всѣми", тоже ближе подходитъ къ „Великоруссу", принимая во вниманіе свидѣтельство хотя бы „Молодой Россіи" о степени его по-

[1]) Собр. соч. X², стр. 296.
[2]) Указ. соч. стр. 304.

пулярности. Въ статьѣ, предназначавшейся для „Современника“, Чернышевскій не могъ говорить болѣе пространно о произведеніяхъ нелегальной литературы; онъ имѣлъ возможность только отмѣтить это явленіе и, ставя его въ рядъ съ другими крупными событіями момента, этимъ подчеркнуть его значительность. Такимъ образомъ, обнаруживается еще новая связующая нить между Чернышевскимъ и „Великоруссомъ“. Такое упоминаніе—есть признаніе его, какъ явленія положительнаго. Свидѣтельство Стахевича, такимъ образомъ, подтверждается строками, принадлежащими самому Чернышевскому.

Все такъ. Но даже допуская наличность такой связи, какъ сочетать въ одномъ ряду не только Чернышевскаго съ „Великоруссомъ“, но еще „Великорусса“ съ „Воззваніемъ къ барскимъ крестьянамъ“, а послѣднее съ „Письмами“, которыя должны остаться безъ адреса, такъ какъ ихъ адресатъ недосягаемъ? Встаетъ вопросъ—какъ согласовать обращеніе къ „образованнымъ классамъ“ съ „Воззваніемъ къ барскимъ крестьянамъ“ и съ обращеніемъ къ Александру Николаевичу? Какъ понять такую неустойчивость въ человѣкѣ столь непреклонной послѣдовательности и прямолинейности, какимъ былъ Чернышевскій?

„Письма“ это объясняютъ, и объясненіе это трагическое. Оно сводится къ безнадежному одиночеству русской интеллигенціи, которое дѣлаетъ ее безпочвенной. Это одиночество вызывало стоны у Пушкина въ письмахъ къ женѣ, у Герцена въ московскомъ дневникѣ. „Мы внѣ народныхъ потребностей!“ Оно же скрытый лейтмотивъ этихъ писемъ, которыя такъ долго не увидѣли свѣтъ.

„Работать для людей, которые не понимаютъ тѣхъ, кто работаетъ для нихъ—это очень неудобно для работающихъ и невыгодно для успѣха работы. Думаешь, что какое-нибудь дѣло принесетъ пользу, а видишь, что оно остается неисполненнымъ по недостатку сочувствія въ людяхъ, для которыхъ предпринято; не имѣешь духа объяснить свою неудачу настоящей причиной — недостаткомъ общности въ понятіяхъ между собою и людьми, для которыхъ работаешь... признать

эту причину было бы слишкомъ тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успѣхъ всего того образа дѣйствій, которому слѣдуешь [1]).

Этотъ недостатокъ общности тормозитъ всякую дѣятельность, но, закрывая глаза на настоящую причину, правительство свой неуспѣхъ объясняетъ противодѣйствіемъ интеллигенціи, интеллигенція же—сопротивленіемъ правительства. На самомъ дѣлѣ, народъ безучастенъ и къ заботамъ правительства и къ хлопотамъ интеллигенціи.

Дѣло въ томъ, что народъ много разъ жестоко былъ обманутъ призывами къ нему „покорять подъ нози царя“ всѣхъ тѣхъ супостатовъ, которыхъ одолѣвалъ русскій крестьянинъ съ петровскихъ временъ. Теперь онъ „не ждетъ себѣ пользы отъ новыхъ призывовъ—онъ непремѣнно и скоро сдѣлаетъ выводъ, что ему самому надобно взяться за веденіе своихъ дѣлъ“.

Но роковое одиночество русской интеллигенціи создаетъ тѣмъ самымъ неразрѣшимую борьбу мотивовъ, которая не можетъ не вести къ неустойчивости, къ перебоямъ.

„Всѣ лица и общественныя силы, отдѣльныя отъ народа, трепещутъ этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избѣжать ее.

„Мы думаемъ:

„Народъ невѣжественъ, исполненъ грубыхъ предразсудковъ и слѣпой ненависти ко всѣмъ отказавшимся отъ его дикихъ привычекъ; онъ не дѣлаетъ никакой разницы между людьми, носящими нѣмецкое платье; съ нами со всѣми онъ сталъ бы поступать одинаково; онъ не пощадитъ ни нашей науки, ни нашей поэзіи, ни нашихъ искусствъ; онъ станетъ уничтожать всю нашу цивилизацію“ [2]).

Поэтому—обращеніе къ „нимъ“, къ верхамъ, къ бюрократіи, хотя Чернышевскій тутъ же сознаетъ и квалифицируетъ это, какъ измѣну народу и своимъ убѣжденіямъ, и предчувствуетъ, что оно будетъ лишнимъ: „Никто не въ силахъ

[1]) Собр. соч., томъ X², стр. 294.
[2]) Т. X², стр. 295.

измѣнить хода событій; одни хотѣли бы, но не имѣютъ средствъ; у другихъ есть средства, но не можетъ быть желанія".

Поэтому возможно и понятно обращеніе въ „Великоруссѣ" къ „образованнымъ классамъ", которые имѣютъ защитить общія идеальныя цѣнности, хотя рядомъ съ этимъ есть ясное сознаніе, что безполезно разсчитывать на политическія выступленія „образованныхъ классовъ" въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, предпринимаются попытки уговорить, убѣдить—„говорю, потому что презрѣнная писательская привычка надѣяться на силу слова отуманиваетъ меня... меня сбиваетъ съ толку обыкновенная наша писательская мысль: ахъ, если бы можно было объяснить дѣло! оно уладилось бы". Вотъ психологическій ключъ къ непонятной непослѣдовательности, къ метанію изъ стороны въ сторону.

Дальнѣйшее содержаніе „Писемъ безъ адреса" сводится къ исторической оцѣнкѣ крестьянской реформы. Чернышевскій доказываетъ, почему она должна была оказаться неудовлетворительной. На это ее обрекаетъ самый ходъ подготовительныхъ работъ, когда власть взялась за дѣло, не ею придуманное, основанное на принципахъ, не согласныхъ съ характеромъ самой власти, и притомъ съ твердымъ намѣреніемъ остаться полной хозяйкой его веденія. Работы были построены на бюрократическомъ принципѣ, и такъ какъ бюрократія по самому существу своему формалистична, то вся реформа, которая была начата съ желаніемъ требовать какъ можно меньше жертвъ отъ дворянства, свелась къ тому, что были измѣнены формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній.

„Натура бюрократическаго порядка" произвела то, что „крѣпостное право оказалось сохранено при провозглашеніи его отмѣны". Въ чемъ же состоитъ эта „натура"? Въ томъ, что „вы хотите только спросить—вашъ вопросъ принимаютъ за рѣшеніе; вы хотите посовѣтоваться—и ваши слова принимаются за приказаніе: вы ищете опоры—все до чего вы касаетесь гнется передъ вами. Такъ уже

заведено въ бюрократическомъ порядкѣ и ничего иного не добьетесь вы отъ него". [1]) Въ заключеніе Чернышевскій вычисляетъ назначенный положеніями новый оброкъ при назначенномъ новомъ надѣлѣ, и приходитъ къ неожиданному заключенію, что онъ превыситъ старый на 10%. Притомъ однако оказывается, что отвѣтственность за устройство дѣла въ такомъ видѣ никто не можетъ принять на себя, ни высшее правительство, ни Редакціонная комиссія—„его такъ устроилъ собственно бюрократическій порядокъ, независимо отъ воли и убѣжденій лицъ, чѣмъ бы ни было, работами ли своими, желаніями ли своими, подписями ли своими—участвовавшихъ въ веденіи этого дѣла" [2]).

Неудовлетворительное рѣшеніе крестьянскаго вопроса обратило противъ власти: во 1) помѣщиковъ, которымъ нужно стало искать новой опоры; 2) бывшихъ барскихъ крестьянъ и всѣхъ прежде равнодушныхъ. „Логическая сила событій даетъ смѣлость боязливымъ, политическій умъ людямъ, не думавшимъ прежде ни о чемъ, кромѣ мелкихъ личныхъ разсчетовъ. Общихъ перемѣнъ стали желать всѣ. Дворянство стало представителемъ стремленій къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій, только потому, что одно обладало организаціей".

Чѣмъ же являются „Письма безъ адреса" по сравненію съ обращеніемъ къ „образованнымъ классамъ" и „воззваніемъ къ барскимъ крестьянамъ"? Мы видимъ любопытный, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ образецъ публицистики, которая приспособляясь съ громадной гибкостью къ тремъ совершенно различнымъ аудиторіямъ, съ разными уровнями развитія, дѣйствуя на совершенно разныя психологическія струны, облекаетъ въ разныя формы свою сложную мысль. Эта отчаянная попытка предпринимается въ моментъ народной жизни, который кажется роковымъ, въ странѣ съ невѣжественнымъ народомъ, съ дворянствомъ безъ аристократическихъ традицій борьбы, со властью, сильной только гро-

[1]) Ib., стр. 313.
[2]) Ib., стр. 314.

мадной силой инерціи. Эти факторы должны неминуемо столкнуться. Что можетъ быть результатомъ столкновенія этихъ стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ безъ разума? И вотъ разумъ, изнемогая въ роковомъ одиночествѣ, дѣлаетъ попытку ввести сознаніе въ эти стихіи, попытку, въ полный успѣхъ которой онъ, быть можетъ, ни одно мгновеніе не вѣритъ въ полной мѣрѣ—но „говорю потому, что презрѣнная писательская привычка надѣяться на силу слова отуманиваетъ меня . . . ахъ, если бы можно было объяснить дѣло! оно уладилось бы".

Но какъ же связать эти обращенія? Ихъ связь очень крѣпка, такъ какъ мотивы во всѣхъ трехъ остаются одними и тѣми же.

„Образованные классы трепещутъ ожидаемой грозной развязки; у нихъ есть общее достояніе, и моральное, и матеріальное, которое нужно защищать и противъ силы, идущей снизу, и противъ той, что будетъ давить сверху; если они это сознаютъ, они, быть можетъ, смогутъ сплотиться въ оппозицію, которая заставитъ считаться съ собой силу правительственной инерціи".

Надо заставить понять эту власть, что она не всесильна, быть можетъ, она тогда склонится передъ неизбѣжнымъ—это основной мотивъ адреса „Великорусса".

„Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша власть не такъ велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устраненія золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ—то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическій формализмъ, интрига и обманъ, гораздо могущественнѣе васъ".

То, что резюмировано въ этихъ немногихъ строкахъ является содержаніемъ заключительной части „Писемъ", посвященной уничтожающей критикѣ бюрократическихъ пріемовъ въ законодательствѣ, которыя Чернышевскій иллюстрируетъ

протоколами „Редакціонной комиссіи“. Это слѣпая машина, которая увлекаетъ механически своими шестернями. Къ этой части писемъ мы вернемся еще ниже. Въ основѣ обращенія къ правительству очевидно могла лежать мысль, что власть, которая, понявъ необходимость уничтоженія крѣпостного права, нашла въ себѣ силу приступить по этому дѣлу, можетъ захотѣть учиться и дальше.

Но если, образованные классы, и власть, останутся глухи, то что можно сдѣлать, кромѣ попытки внести искру сознанія въ ту темную массу, которая готовится возстать? Надо ей растолковать и сдѣлать ясными хотя бы тѣ самыя цѣли, къ которымъ она стремится своимъ темнымъ инстинктомъ. Она должна назвать обманъ настоящимъ именемъ.

Остается по содержанію освѣтить два дальнѣйшіе входящіе въ программу „Великорусса“ пункта: вопросъ о конституціи и освобожденіи Польши.

Очевидно, что Чернышевскій нигдѣ по цензурнымъ условіямъ не могъ говорить объ этомъ явно, какъ не могъ явно писать о соціализмѣ. Однако, такія затрудненія обходились имъ просто. Термины изъ рѣчи выпадали, но писатель прибѣгалъ къ описательному пріему, en toutes lettres излагая суть; такимъ путемъ напр. теорія соціализма преподается въ ранней статьѣ о „Славянофилахъ, и вопросѣ объ общинѣ“, (Современникъ, Апр. 1857 г.). Тоже и здѣсь. „Письма безъ адреса“ должны убѣдить адресата въ неизбѣжности конституціи. Таковъ выводъ, который навязываетъ авторъ, не имѣя возможности написать его чернымъ по бѣлому.

Въ своемъ очеркѣ исторіи крестьянской реформы въ „Письмахъ“ онъ начинаетъ съ крымской компаніи и тѣхъ уроковъ, которые она преподала русскому обществу:

„Открылась необходимость измѣнить неудовлетворительное устройство. Самой замѣтной его чертой считалось крѣпостное право. Конечно, оно было только частнымъ приложеніемъ [1]) принциповъ, на которомъ былъ устроенъ весь прежній порядокъ, но внутренней связи этихъ частныхъ фактовъ съ

[1]) Курсивъ автора статьи.

общими принципами большинство нашего общества тогда [1]) еще не понимало. Поэтому общіе принципы прежняго порядка были оставлены въ покоѣ, и всѣ реформаторскія силы общества обратились противъ самаго осязательнаго изъ его внѣшнихъ примѣненій" [2]).

„Общіе принципы" дальше именуются „общими перемѣнами"; что надлежитъ подъ этимъ понимать, долженъ сообразить и самый непонятливый читатель, знакомясь съ уничтожающей критикой бюрократическаго характера реформы. Такъ какъ вся эта критика носитъ опять таки описательный характеръ, было бы слишкомъ громоздко цитировать здѣсь Чернышевскаго. Изъ критики бюрократическаго строя вытекаетъ, что его надо замѣнить другимъ. Чѣмъ именно, это называетъ по имени „Великоруссъ".

Что Чернышевскому и раньше чуждъ былъ аполитизмъ позднѣйшей народовольческой формаціи, это вытекаетъ между прочимъ изъ статьи о „законодательствѣ" и „экономической дѣятельности", гдѣ, выясняя ихъ связь, онъ называетъ три потребности времени: улучшеніе матеріальнаго благосостоянія массъ, ростъ просвѣщенія и индивидуальной свободы. Въ статьѣ онъ защищаетъ цѣлесообразность вмѣшательства государства въ экономическую борьбу, отсюда слѣдуетъ и защита цѣлесообразности политической свободы и борьбы за нее.

Теперь переходимъ къ возможному отношенію Чернышевскаго къ освобожденію Польши. Нѣтъ ни строчки, написанной имъ по этому поводу, тѣмъ не менѣе выспросить его на этотъ счетъ можно.

Въ письмѣ студента—Чернышевскаго къ А. Н. Пыпину мы читаемъ:

„Что до сихъ поръ внесли русскіе своего въ науку? Увы, ничего. Что внесла наука въ жизнь русскихъ? Тоже ничего... Неужели наше призваніе ограничивается тѣмъ, что мы имѣемъ 1.500.000 войска и можемъ, какъ гунны, какъ монголы, завоевать Европу, если захотимъ? Жалко или нѣтъ

[1]) Тоже.
[2]) Т. X², стр.; 297.

бытіе подобныхъ народовъ? Бѣша и быша, яко же не бывши. Пришли, какъ буря, все разорили, сожгли, полонили, разграбили и только. Таково ли и наше назначенье? Быть всемогущими въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ и ничтожными по другимъ высшимъ элементамъ жизни народной" [1]).

Въ небольшой библіографической рецензіи [2]) читаемъ попутно:

„Политика Россіи до недавняго времени была болѣе всего обращена на расширеніе границъ, и дѣло это, шедшее съ большимъ успѣхомъ, развлекало силы нашего коренного русскаго населенія. Мы не могли обзавестись у себя ни образованностью, ни даже хотя бы порядочнымъ частнымъ хозяйствомъ, потому что некогда намъ было ни о чемъ своемъ домашнемъ подумать, да и не оставалось у насъ никакихъ средствъ на домашнія дѣла: мы постоянно исполняли въ обратномъ смыслѣ знаменитое предсказаніе, которымъ всегда характеризовалась возможность благосостоянія: „перекуютъ мечи въ плуги и копья въ серпы". У насъ постоянно ковались мечи и копья изъ желѣза, которому слѣдовало бы итти на плуги и серпы; потому то намъ до сихъ поръ нечѣмъ пахать землю".

Еще энергичнѣе тотъ же мотивъ въ „Письмахъ безъ адреса":

„Давно уже раздаются призывы къ народу, чтобы онъ жилъ такъ или иначе, и много разъ пробовалъ онъ слушать призывы, но пользы отъ нихъ не было.

„Звали народъ выручать Москву отъ поляковъ,—народъ пошелъ, выручилъ и оставленъ былъ въ положеніи, хуже котораго не было прежде и не могло быть при полякахъ. Потомъ ему сказали: выручай Малороссію; онъ выручилъ, но ни ему, ни самой Малороссіи не стало отъ этого лучше [3]); ему сказали: завоюй себѣ связь съ Европой,—онъ побѣдилъ

---

[1]) Ю. Стекловъ, Н. Г. Чернышевскій, Спб. 1909 г., стр. 13.

[2]) Собр. соч. IX, стр. 89.

[3]) Мысль политическая и здѣсь работаетъ въ томъ же направленіи, какъ въ „Великоруссѣ"—совпаденіе тѣмъ замѣчательнѣе, что о Малороссіи тогда думали еще меньше, чѣмъ о Польшѣ.

шведовъ и завоевалъ себѣ вмѣстѣ съ балтійскими гаванями только рекрутчину и подтвержденіе крѣпостного права. Потомъ, по новымъ призывамъ, онъ много разъ побѣждалъ турокъ, захватилъ Литву, разрушилъ Польшу и опять таки не получилъ себѣ никакой пользы. Двинули его противъ Наполеона: онъ завоевалъ своему государству первенство въ Европѣ, а самъ былъ оставленъ все въ прежнемъ положеніи. Такую же пользу онъ получилъ себѣ и отъ призывовъ, которые были послѣ. Зачѣмъ же увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Онъ не ждетъ себѣ отъ нихъ другой пользы, какъ и отъ прежнихъ".

Вотъ почему легко можно повѣрить, когда Л. Ф. Пантелѣевъ передаетъ со словъ Чернышевскаго, котораго онъ видѣлъ уже послѣ возвращенія изъ ссылки въ Астрахани, что цитированы эти слова правильно:

„Мое убѣжденіе, Л. Ф., по поводу польскаго вопроса, что русскій народъ рѣшительно ничего не потеряетъ, если отпадетъ не только царство Польское, но даже и западный край [1]).

Подобные же отзывы отъ Чернышевскаго на каторгѣ слышалъ и Николаевъ, [2]) съ той только разницей, что рѣчь шла не о Польшѣ, а о франко-прусскихъ отношеніяхъ во время войны 71 г.

„Если бы они (французы) отдали Страсбургъ, одинъ только Страсбургъ, дѣло было бы кончено. И сколькихъ золъ милитаризма, народнаго разоренія, сколькихъ народныхъ бѣдствій, неизбѣжной въ будущемъ общеевропейской войны избавлена была бы Европа. И почему бы имъ не отдать Страсбургъ? Вѣдь не туркамъ отдали бы они его. Просто, одна крѣпость изъ рукъ одной культурной націи перешла бы къ другой". „Правду сказать, тогда намъ была почти непонятна такая точка зрѣнія, не совсѣмъ ясны были и его предвидѣнія" отмѣчаетъ Николаевъ.

Они стали ясны нашему поколѣнію. Это прозрѣніе въ будущее ставитъ послѣднюю точку надъ і.

---

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, т. II, стр. 197.

[2]) Николаевъ. Воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ. М. 1906 г., стр. 17.

Всѣ эти свидѣтельства совершенно согласны съ тѣмъ чувствомъ огорченія, съ которымъ Чернышевскій въ Вилюйскѣ встрѣтилъ вѣсть о томъ, что старшій сынъ его, Александръ Николаевичъ, пошелъ добровольцемъ во время турецкой кампаніи. Тому, что Саша пошелъ „драться", онъ рѣшительно не сочувствовалъ [1]), зато наоборотъ горячо привѣтствовалъ ратификацію берлинскаго трактата Александромъ II, не пожелавшимъ итти за военной партіей [2]).

Въ заключеніе, можно напомнить еще о близкомъ знакомствѣ Чернышевскаго съ польскими революціонерами: Іосафатомъ Огрызко, съ которымъ онъ сотрудничалъ въ польской газетѣ „Słowo" [3]) и Сѣраковскимъ, который выведенъ въ „Прологѣ" подъ именемъ Соколовскаго.

Но не будь даже въ нашихъ рукахъ послѣднихъ положительныхъ свидѣтельствъ, мы могли бы утверждать съ полной категоричностью, что точка зрѣнія „Великорусса" на польскій вопросъ и на судьбу Малороссіи совершенно вяжутся съ воззрѣніями Чернышевскаго на завоевательную политику Россіи. Эта точка зрѣнія—есть практическій выводъ изъ нихъ. Отъ логическихъ выводовъ изъ принятыхъ предпосылокъ онъ никогда не отступалъ и доводилъ цѣпь всегда до заключительнаго звена, такъ что по отношенію къ нему достаточно, собственно говоря, доказать, что какое-нибудь положеніе было принято имъ въ систему, чтобы утверждать съ несомнѣнностью, что имъ были приняты и всѣ вытекающія изъ него слѣдствія.

* * *

Остановимся еще на вопросѣ о принадлежности Чернышевскому „Воззванія къ барскимъ крестьянамъ". Хотя съ самаго начала была указана тѣсная связь между послѣднимъ и „Великоруссомъ", и эта связь была исходнымъ пунктомъ всего изслѣдованія, однако можетъ показаться, что весь со-

---

[1]) Чернышевскій въ Сибири, переписка съ родными, изд. Е. Ляцкимъ. III, Спб. 1913 г.

[2]) Заключительныя слова всеподданнѣйшаго прошенія при подачѣ записки по дѣлу Чистоплюевыхъ. Собр. соч., X[1], стр. 304.

[3]) В. Бурцевъ, За 100 лѣтъ, II, стр. 44.

бранный матеріалъ больше можетъ быть отнесенъ именно къ „Великоруссу". Богатство аргументаціи и содержаніе ея, сложность концепціи, логическая законченность,— все это такія черты „Великорусса", которыя прежде всего подходятъ къ привычному облику Чернышевскаго. Но вяжется ли этотъ обликъ съ „Воззваніемъ", есть ли какія нибудь на это указанія—этого вопроса нельзя обойти.

Нельзя не повторить здѣсь прежде всего вкратцѣ итоговъ сопоставленія съ „Письмами безъ адреса". Они, какъ мы видѣли, внушены увѣренностью въ готовности народа къ выступленію; они констатируютъ, что крѣпостное право сохранено при провозглашеніи его отмѣны; что положеніе крестьянина даже ухудшилось; они заключаютъ выводъ, что бюрократическій порядокъ, породившій такую реформу, долженъ быть уничтоженъ. По существу „Воззваніе" повторяетъ совершенно тоже. Въ смыслѣ содержанія здѣсь нѣтъ никакихъ противорѣчій или недомолвокъ. Мысль и тамъ, и здѣсь формулированная, одинаково непримирима. Но остается форма. Можно ли представить себѣ Чернышевскаго пропагандистомъ въ средѣ простонародья?

Вотъ для иллюстраціи сцена съ натуры.

Николаевъ, воспоминанія котораго уже цитировались, разсказываетъ, что на Александровскомъ заводѣ во время пребыванія тамъ Чернышевскаго, ссыльные поляки дѣлились на немногочисленныхъ „академиковъ"—интеллигентовъ и простолюдиновъ, отчаянныхъ патріотовъ и католиковъ. „Академиковъ" послѣдніе ненавидѣли, такъ какъ по словамъ ксендзовъ они то именно и погубили „справу" и „ойчизну". Еще больше ненавидѣли соціалистовъ, однако Чернышевскаго любили и берегли. „И несмотря на такое прекрасное отношеніе, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда Чернышевскій писалъ въ своей комнаткѣ, къ нему ввалилась подвыпившая толпа человѣкъ въ 15 съ дикими криками: пане Чернышевскій, вѣдь правда, что коммунисты-мерзавцы, что они продали родину нѣмцу (дѣло происходило во время разгрома французской арміи и коммуны, причемъ поляки долго не хотѣли вѣрить вѣстямъ о пораженіи и низложеніи Наполеона).

Ихъ бить надо". Чернышевскій вскочилъ со стула, единственнаго въ комнатѣ, и первымъ дѣломъ сталъ успокаивать бѣдныхъ обманутыхъ, ласково трепля ихъ по плечу и стараясь усадить всѣхъ на кровать и единственный стулъ. И мило, и смѣшно было видѣть его въ такія минуты. А потомъ онъ заговорилъ приблизительно такъ:

— Вѣдь вы то любили свою родину? Вы за нее, за ея свободу даже дрались... И вотъ васъ сослали въ Сибирь... а у васъ тамъ, въ Польшѣ то, жены остались, дѣти малыя. Вѣдь они тамъ страдаютъ... Пожалуй съ голоду умрутъ... А сколько дѣтишекъ то бѣдныхъ умерло...

— Охъ правда, правда, пане—и среди взволнованной толпы раздаются кое гдѣ всхлипыванья.

— Ну да то война,—продолжаетъ Н. Г., а вѣдь и безъ войны сколько муки то бываетъ. Работаете, работаете, а все голодаете, и жены, и дѣти не накормлены. А кто изъ васъ на работѣ свалится, пропадетъ,—случается и такъ—куда сиротамъ дѣваться?..

— Правда, правда, пане Чернышевскій! уже почти рыдаетъ толпа.—Ну такъ вотъ коммунисты-то. Чего они хотятъ? Они также, какъ и вы, дрались за свободу свою, за свою родину... Вы вотъ пѣсню поете:

О честь вамъ, панове прелаты,
За нашу неволю, кайданы. О честь вамъ, магнаты,
За край нашъ, весь кровью обляный.

— Поете вѣдь?

„ — Ну и у коммунистовъ тоже были такіе панове и прелаты, и ихъ край былъ кровью обляный... А чего они хотѣли? Только того и хотѣли, чтобы такъ устроить жизнь, чтобы жены и бѣдныя дѣтишки не мучились, чтобы лишняго горя у людей не было. Ну вотъ и разсудите, подлецы ли они, слѣдуетъ ли ихъ бить за то, что они и своихъ и чужихъ дѣтокъ жалѣютъ? Ихъ побили и ссылаютъ. Это правда. Такъ вѣдь и васъ тоже побили и сослали. А женамъ и дѣтямъ по прежнему плохо живется и тяжело умирается.

Толпа уже всхлипываетъ, и рыдаетъ... И уходя отъ Н. Г., уноситъ съ собой неясную еще, но уже зародившуюся мысль, что дѣло то, пожалуй, совсѣмъ не такъ, какъ имъ ксендзы и паны говорили, что коммунисты добро людямъ хотѣли дѣлать. Не сталъ бы панъ Чернышевскій за нихъ заступаться, если бы это не такъ было" [1]).

Развѣ эта бесѣда не напоминаетъ „Воззванія?" Она ведется также исподволь. Н. Г. съ поляками не споритъ. Онъ напоминаетъ имъ объ ихъ судьбѣ, о томъ, что они сами перенесли, онъ говоритъ словами польской пѣсни. Только послѣ того, какъ его случайные товарищи убѣдились, что не такъ много отдѣляетъ ихъ отъ коммунистовъ, собесѣдникъ предлагаетъ имъ разсудить, правильно ли было ихъ разсужденіе. Чернышевскій въ этой бесѣдѣ несомнѣнно обнаруживаетъ даръ спуститься на точку зрѣнія людей, стоящихъ на низшихъ степеняхъ развитія. Ниже мы еще вернемся къ тому произведенію, гдѣ опять-таки обнаруживается этотъ даръ а именно къ запискѣ по дѣлу о старообрядцахъ,—но и приведенной иллюстраціи, думается, достаточно, чтобы не отрицать возможности принадлежности „Воззванія" Чернышевскому на основаніи формальныхъ признаковъ.

Итакъ, внимательное сопоставленіе „Великорусса" и „Воззванія", съ одной стороны, и произведеній Чернышевскаго, въ особенности, одновременныхъ „Писемъ безъ адреса", съ другой—приводятъ къ тому безспорному заключенію, что они являются варіаціями однихъ и тѣхъ же положеній. Они одинаково оцѣниваютъ данный моментъ русской жизни, какъ моментъ кризиса, причемъ всѣ тревожные симптомы сводятъ, какъ производные, къ одному и тому же основному соціально-политическому корню; выводъ, который яснѣе и полнѣе всего формулируетъ „Великоруссъ", implicite содержится въ „Воззваніи" и „Письмахъ"; это есть логическій и практическій выводъ изъ всего политическаго міросозерцанія Чернышевскаго. Это—тріипостасное, но единое по существу обращеніе къ тремъ различнымъ разрядамъ слушателей. Внутреннее противорѣчіе,

---

[1]) Н. Николаевъ, „Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ", стр. 9—11.

которое заключалось въ этой тріипостасности, имѣетъ психологическимъ корнемъ оторванность русской интеллигенціи, которая превращаетъ ея голосъ въ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Раньше, чѣмъ придти къ такому положительному утвержденію, мы, идя отрицательнымъ путемъ расчищенія, такъ сказать, почвы вокругъ нашихъ спорныхъ документовъ, могли видѣть, насколько они одиноки въ группѣ современныхъ имъ образцовъ подпольной литературы и какъ мудрено отождествить съ ихъ авторомъ тѣхъ изъ причастныхъ къ подпольному революціонному движенію лицъ, кто былъ близокъ къ данной точкѣ зрѣнія на крестьянскій вопросъ. Рядомъ съ этимъ, можно убѣдиться и въ томъ, что тотъ промежутокъ времени, къ которому принадлежитъ вся литература en question, былъ дѣйствительно промежуткомъ накипавшаго броженія, которое въ глазахъ современниковъ было чревато грозными осложненіями.

Послѣ пристальнаго знакомства съ тѣмъ моментомъ 60-хъ годовъ, къ которому она относится, нельзя отрицать, что имѣлись на лицо объективныя условія, которыя могли привести къ ускоренію разрушительной работы, направленной противъ устоевъ крѣпостной Россіи. Поэтому, разсматривая эту литературу на широкомъ историческомъ фонѣ, можно убѣдиться въ ея достаточной мотивированности и продуманности ея. Не надо вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, какъ трудно учесть, въ какой моментъ и въ какой комбинаціи взбудораженныя соціальныя силы придутъ въ состояніе болѣе длительнаго равновѣсія.

Углубленіе исторической перспективы, такимъ образомъ, оправдываетъ самую raison d'être ея существованія, доказываетъ ея условную, при осуществленіи положенныхъ въ ея основу предпосылокъ, цѣлесообразность. Насколько она гармонируетъ по содержанію съ политическими воззрѣніями Чернышевскаго, можно было убѣдиться при детальномъ анализѣ отдѣльныхъ пунктовъ, выдвигаемыхъ „Великоруссомъ“. Тѣмъ болѣе трудно счесть случайнымъ упоминаніе о программѣ послѣдняго въ „Письмахъ безъ адреса“; пріі-

обрѣтаетъ новое значеніе анонимное письмо крѣпостника, которое внушаетъ увѣренность, что и нѣкоторые современники не сомнѣвались въ причастности Чернышевскаго къ таинственному комитету; разсказъ Николаева о бесѣдѣ съ польскими повстанцами на Александровскомъ заводѣ дополняетъ и завершаетъ многочисленный рядъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя были приведены въ началѣ. Вся совокупность этихъ обстоятельствъ и соображеній и приближаетъ въ сильной мѣрѣ вѣроятность авторства Н. Г. Чернышевскаго къ достовѣрности, при тѣсной же связи подпольной литературы съ подпольными обществами, причастность его къ первой, кстати сказать, косвенно освѣщаетъ и генезисъ „Земли и Воли", изслѣдованіе исторіи которой стоитъ на очереди.

Вѣсы склоняются въ сторому достовѣрности еще больше, если бросить, какъ разновѣски, нѣкоторыя интимныя, общія наблюденія надъ Н. Г. Чернышевскимъ, которыя оправдываются всей его фигурой, какъ литературной, такъ и человѣческой, живой.

Какъ великіе просвѣтители XVIII вѣка, съ которыми его удачно сравниваетъ Г. В. Плехановъ, Чернышевскій былъ раціоналистъ съ головы до ногъ. Раціоналистическимъ былъ его матеріализмъ, его мораль, его психологія, его научные методы, напр., его гипотетическій методъ въ политической экономіи, все его мышленіе въ каждый данный моментъ. Онъ, какъ никто, былъ человѣкомъ системъ и системы. Чтобы осмыслить что либо, самый незначительный фактъ, ему надо было ввести его въ систему, связать съ предпосылками и закрѣпить со слѣдствіями—отсюда его тяготѣніе къ полярной противоположности, къ интуитивному схватыванію, чѣмъ его такъ удивляла, плѣняла и притягивала его жена, Ольга Сократовна. Доказательство—его записки о ней въ дневникѣ передъ свадьбой и образъ Волгиной въ „Прологѣ". Этимъ раціонализмомъ, уже не какъ міросозерцаніемъ, а какъ манерой мыслить, обусловлена архитектурно-законченная форма всѣхъ его литературныхъ работъ. Онѣ могутъ быть написаны болѣе горячо или болѣе вяло, болѣе убѣдительно или болѣе небрежно въ смыслѣ исполненія. Существенно не это, а то,

что всѣ онѣ продуманы по эвклидовски. Сказывается здѣсь и ранняя схоластическая духовная школа, которая воспитала и изощрила въ немъ эту природную склонность ума, привила ему соотвѣтственные стойкіе навыки. Отсюда и чрезмѣрная, исчерпывающая вопросъ, обстоятельность его статей и всѣхъ другихъ писаній. Эта обстоятельность подчасъ утомляетъ того, кому давно ясно, что Чернышевскій хочетъ доказать и какъ онъ это будетъ доказывать. Но у Чернышевскаго силлогизмъ никогда не превратится въ эмтимему, онъ не подаритъ вамъ ни одного звена. Аргументируя, онъ шагъ за шагомъ будетъ накоплять доводы и затѣмъ никогда не забудетъ ихъ закруглить въ резюме. Работа мысли всегда будетъ сдѣлана добросовѣстно, въ ней не найдете вы ни сучка, ни задоринки.

Отсюда наконецъ и особенность синтаксическаго стиля Чернышевскаго: тяготѣніе къ абстрактамъ отглагольнымъ именамъ существительнымъ и относящихся къ нимъ въ качествѣ опредѣленій отглагольныхъ прилагательныхъ. Такіе пріемы, вообще говоря, довольно чужды духу русскаго языка.

Другая характерная черта его умственной физіономіи— это интересъ къ людской психологіи, своей и чужой, привычка и умѣніе въ ней разбираться, поскольку этому не мѣшаетъ безнадежно раціоналистическая складка головы.

Меньше всего это могутъ доказать беллетристическія произведенія его. Этому мѣшаетъ ихъ настойчивая тенденціозность и отсутствіе художественнаго таланта. Взглядъ Чернышевскаго на художественную литературу нигилистически примитивенъ. Изъ Сибири онъ писалъ женѣ, что жалѣетъ о томъ, что не настоялъ въ свое время на томъ, чтобы она прочла десятка два современныхъ умныхъ книгъ. Тогда она сейчасъ могла бы писать романы, которые обезпечивали бы ее и дѣтей. Никакого другого рецепта, кромѣ рецепта pièce à thèse, онъ органически не допускалъ.

Талантъ къ психологическому анализу зато запечатлѣлся въ двухъ его интереснѣйшихъ произведеніяхъ: въ томъ дневникѣ, который онъ велъ передъ женитьбой сокращеннымъ

шрифтомъ и на который сперва съ восторгомъ напала Сенатская коммисія, заподозрѣвъ здѣсь конспиративный матеріалъ, и въ той запискѣ на Высочайшее имя по дѣлу старообрядцевъ Чистоплюевыхъ, которую онъ, какъ новый Вольтеръ въ дѣлѣ Каласа, составилъ въ Вилюйскѣ. Единственный разъ онъ, человѣколюбецъ, поднялъ голосъ изъ Сибирской тундры, чтобы попытаться заступиться за темныя жертвы явной судебной ошибки, но послѣ подачи прошенія бѣдные старообрядцы изъ Вилюйска были выселены въ юрту. Въ этомъ дневникѣ и поздней запискѣ онъ проявляетъ—тамъ удивительный даръ распутывать сложный узелъ сперва своихъ собственныхъ переживаній, здѣсь—узелъ переживаній темныхъ, неграмотныхъ людей, гдѣ, казалось бы, и зацѣпиться то не за что на первый взглядъ, такъ какъ начала нитки и не найдешь. Въ дневникѣ онъ даетъ діагнозъ своей личности и своего чувства къ невѣстѣ, желая доказать, что онъ долженъ жениться именно на ней и именно въ данный моментъ. Будущее подтвердило его діагнозъ отъ a до z. А въ разговорахъ съ Катериной Чистоплюевой онъ съ безконечнымъ терпѣніемъ, длиннымъ рядомъ наводящихъ вопросовъ, возстановилъ всю скорбную повѣсть мытарствъ сектантовъ, которыхъ слѣдователь посадилъ на скамью подсудимыхъ, какъ отступниковъ отъ Бога и царя за то, что даже именемъ Бога и царя нельзя было заставить ихъ назвать себя по имени—это имъ не позволяла ихъ вѣра, на такомъ странномъ пунктѣ споткнулась ихъ блуждавшая въ тьмѣ мысль. Записка Чернышевскаго возстанавливаетъ ходъ этихъ вопросовъ. Ее должно прочитать параллельно съ „Воззваніемъ“ и разсказомъ Николаева для того, чтобы возсоздать самый процессъ проникновенія Чернышевскаго въ народную душу. — „Воззваніе“ перестанетъ тогда быть уникумомъ.

Эту записку и должно изучать для того, чтобы убѣдиться, какъ настойчиво Чернышевскій пытался представлять себѣ тѣхъ, къ которымъ онъ обращался со словомъ, какъ умѣлъ онъ проникать шагъ за шагомъ въ ихъ психологію. А проникновенія требовала та миссія просвѣтителя, которую онъ исполнялъ всю жизнь и о которой онъ писалъ въ одномъ

изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ писемъ къ женѣ изъ крѣпости:

„Чепуха въ головѣ у людей; потому они и бѣдны, и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить имъ, въ чемъ истина и какъ слѣдуетъ имъ думать и жить... я буду добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель“ [1])... Это въ связи съ широкообъемляющими планами будущихъ ученыхъ работъ, цѣль которыхъ сводилась къ просвѣщенію людей.

Но всѣ эти характерныя свойства умственной физіономіи Чернышевскаго являются и своеобразными признаками „Великорусса“ и „Воззванія“. Если раньше мы могли убѣдиться въ родственности ихъ публицистикѣ Чернышевскаго по содержанію, то, имѣя въ рукахъ его дневникъ, его записку по дѣлу Чистоплюевыхъ, мы убѣждаемся и въ родственности ихъ ему по духу, на основаніи ряда формальныхъ субъективныхъ признаковъ, характеризующихъ типъ воспріятія и мышленія. Ихъ архитектурная законченность и связь обусловлена тѣмъ, что они принадлежатъ цѣлостной системѣ мыслей, большой логической концепціи, которая предполагаетъ рядъ плановъ, расположенныхъ въ нѣкоей перспективѣ. Ихъ стилистическая замедленность темпа, досадная иногда, какъ педантство, отражаетъ отчетливый и раздѣльный ритмъ логической аргументаціи. Строгая продуманность плана съ его органической спайкой—есть проекція законченнаго міросозерцанія. Ихъ тактика есть тактика, исходящая изъ предпосылокъ психологіи, но скорѣе психологіи единичной, чѣмъ коллективной. Они внушены вѣрой въ просвѣтительную учительную миссію слова, которое можетъ стать силой дѣйственной. Эта вѣра была жизнедѣятельнымъ ферментомъ всей литературной дѣятельности редактора „Современника“, который каждой напечатанной тамъ строчкой агитировалъ и проповѣдывалъ, т. е. обращался къ волѣ людей. Онъ продолжалъ дѣлать тоже, когда обратился къ подпольному типографскому станку. „Письма безъ адреса“ пытаются заставить автократа сми-

[1]) М. Лемке. Дѣло Чернышевскаго. Былое, 1906 г., № 3, стр. 114.

риться передъ истиной, „Великоруссъ“ ставитъ образованнымъ классамъ тѣ вопросы, на которые они должны, по его мнѣнію, отвѣтить самообороной, „Воззваніе“ идетъ къ народнымъ массамъ, которыя остаются обманутыми и покинутыми. За каждымъ изъ этихъ трехъ произведеній лежитъ настойчивая попытка войти въ психологію тѣхъ разныхъ соціальныхъ силъ, которыя творятъ исторію. Обнаруживается большая психологическая гибкость. Ея однако оказывается недостаточно. Разсчеты вѣдь не оправдываются. Психологъ-раціоналистъ ошибается, когда предполагаетъ, что его логическія построенія совпадутъ съ логикой жизни. Но на произведеніяхъ своей мысли онъ запечатлѣваетъ свой индивидуальный неизгладимый слѣдъ „добраго учителя людей“— этотъ слѣдъ казался намъ уловленнымъ на промелькнувшихъ передъ читателемъ страницахъ.

А. Хоментовская.

С. М. ГОРЯИНОВЪ.

(Некрологъ).

5 Ноября 1918 г. скончался сенаторъ Сергѣй Михайловичъ Горяиновъ, бывшій директоръ Государственнаго и Петроградскаго Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу выдающійся труженникъ по архивному дѣлу, стоявшій 14 лѣтъ во главѣ одного изъ цѣннѣйшихъ въ Россіи хранилищъ архивнаго матеріала, можно сказать — самаго цѣннаго для исторіи „Петербургскаго“ періода русской государственности.

С. М. Горяиновъ происходилъ изъ дворянъ Воронежской губ. Онъ родился 4 Декабря 1849 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Швейцаріи, а высшее образованіе—въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи въ немъ курса въ 1871 г. онъ поселился въ имѣніи своего отца въ Павловскомъ у., Воронежской губ., гдѣ состоялъ первое время участковымъ мировымъ судьею; въ 1873 г. онъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а на слѣдующій годъ—предсѣдателемъ Павловской уѣздной земской управы. Въ этихъ должностяхъ ему пришлось вводить въ дѣйствіе законъ о всеобщей воинской повинности; отсюда—его интересъ къ новому порядку призыва населенія въ войска, побудившій его заняться обработкою и разъясненіемъ закона 1874 г. Плодомъ его работы явилось обнародованіе имъ въ 1880 г. руководства для озна-

комленія съ уставами о воинской повинности, выдержавшаго до 1913 г. 11 изданій, постоянно пересматривавшихся и пополнявшихся редакторомъ въ связи съ измѣненіями закона и новыми его толкованіями. Эта книга, благодаря прекрасной обработкѣ и обилію матеріала, сдѣлалась настольнымъ руководствомъ для всѣхъ, занятыхъ практически и теоретически дѣломъ осуществленія уставовъ о воинской повинности. Въ 1877 г. С. М. былъ избранъ на 2-е трехлѣтіе Павловскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, но въ слѣдующемъ же 1878 году онъ сложилъ съ себя это званіе и перешелъ на службу въ столицу: онъ получилъ назначеніе члена (по гражданскому отдѣленію) С.-Петербургскаго окружнаго суда. Въ этой должности онъ пробылъ 13 лѣтъ — до 1891 г., когда былъ переведенъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и былъ назначенъ консуломъ въ Черновицахъ (въ Буковинѣ). Въ 1896 г. С. М. Горяиновъ занялъ должность генеральнаго консула въ Вѣнѣ, а съ 24 Августа 1897 г. перешелъ на службу въ центральное управленіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ званіе вице-директора департамента внутреннихъ сношеній (впослѣдствіи — 2-го департамента).

Судебная и въ особенности — консульская дѣятельность покойнаго побудила его заняться подборомъ всего законодательнаго и вѣдомственнаго матеріала, касающагося нашей консульской службы. Результатомъ его трудовъ по собиранію всего относящагося къ этому вопросу было обнародованіе имъ въ 1903 г. „Руководства для консуловъ“ (СПБ., 1903 г., XVI + 792 стр., 8°), представляющаго систематическое изложеніе нормъ, устанавливающихъ права и обязанности нашихъ консульскихъ агентовъ, съ законодательными мотивами, толкованіями, прецедентами и проч. Эта книга стала необходимымъ справочнымъ пособіемъ въ такой области, которая едва была затронута въ русской юридической литературѣ, что и было отмѣчено Академіей Наукъ, увѣнчавшею „Руководство для консуловъ“ Уваровскою наградою.

18 Мая 1902 г., послѣ смерти директора Государственнаго Архива бар. Д. Ф. Стуарта, С. М. Горяиновъ былъ

назначенъ на мѣсто послѣдняго. Новое поприще дѣятельности открылось передъ нимъ. Земскій дѣятель, юристъ, бывшій консулъ, онъ, казалось, былъ мало подготовленъ къ дѣлу, которое стояло такъ далеко отъ круга его прежнихъ интересовъ. Но С. М. и здѣсь открылъ для себя широкое поле примѣненія своей выдающейся трудоспособности и своего живого отношенія ко всякой работѣ, возлагавшейся на него. Какъ директоръ Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, являвшихся неисчерпаемымъ источникомъ документальнаго матеріала, еще въ малой мѣрѣ использованнаго наукою, С. М. Горяиновъ способствовалъ, насколько было въ его силахъ, этому использованію; при немъ двери Архивовъ впервые широко были раскрыты для изслѣдователей и пали всѣ прежнія преграды къ свободному доступу людей науки для изученія фондовъ обоихъ архивныхъ хранилищъ. Онъ стойко выдержалъ борьбу за это „открытіе дверей“, и, благодаря его содѣйствію, могли быть осуществлены многія работы, которыя безъ него, при господствѣ устарѣлой точки зрѣнія на недопустимость научнаго ознакомленія съ нѣкоторыми отдѣлами Архивовъ, не увидѣли бы свѣта. Вотъ почему въ цѣломъ рядѣ предисловій къ ученымъ трудамъ, основаннымъ на матеріалахъ Государственнаго и Петроградскаго Главнаго Архивовъ, встрѣчается дотолѣ необычное выраженіе печатной благодарности авторовъ директору Архивовъ за оказанную имъ въ выполненіи ихъ научной работы помощь. Самъ С. М., не будучи историкомъ по образованію и далекій по предшествовавшей дѣятельности отъ интересовъ исторической науки, внесъ, однако, въ порученное ему дѣло живой интересъ высоко образованнаго человѣка, привыкшаго вдумчиво относиться къ явленіямъ окружающей жизни и цѣнить наслѣдіе прошлаго. При немъ и по его непосредственной иниціативѣ начато было научное описаніе обоихъ Архивовъ, плодомъ котораго явились составленные С. М. Горяиновымъ и изданные Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ подъ его редакціей и съ его предисловіями два тома описей: 1) „1812. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ“ (СПБ., 1912; 20 + 562 + 184 стр., 8°); въ приложеніи къ

этой описи, явившейся въ годъ празднованія 100-лѣтія Отечественной войны, С. М. Горяиновымъ напечатаны: записки имп. Александра I государственному канцлеру графу Н. П. Румянцову (140 №№), рескрипты имп. Александра графу М. И. Голенищеву-Кутузову (2 №№) и рапортъ послѣдняго имп. Александру, написанныя императоромъ „первыя мысли инструкціи главнокомандующему", переписка имп. Александра съ адм. П. В. Чичаговымъ (24 №№), письмо Наполеона I къ Александру I, просьба короля Неаполитанскаго Мюрата имп. Наполеону и письмо къ послѣднему королевы Неаполитанской Каролины, „вѣдомость о числѣ истребленныхъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ по изгнаніи непріятеля изъ Россіи". 2) „Государственный Архивъ. Разрядъ II: Дѣла, собственно до Императорской Фамиліи относящіяся" (СПБ., 1913; IV + 118 + 66 стр., 8°); въ приложеніи С. М. Горяиновъ напечаталъ: наставленіе имп. Екатерины II вел. княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, черновой „наказъ" ей же и письма вел. князя Константина Павловича имп. Павлу I съ похода черезъ Альпы (4 №№).

Поднятый во время русско-японской войны вопросъ о пропускѣ нашихъ судовъ Черноморскаго флота черезъ проливы побудилъ С. М. Горяинова заняться изслѣдованіемъ историческихъ основаній закрытія проливовъ и природы международныхъ постановленій, обусловившихъ это закрытіе. Плодомъ его изысканій въ этой области явилось сочиненіе его «Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ" (СПБ. 1907 г.; VII + 355 стр., 8°). Значеніе этой книги было оцѣнено не только у насъ (Академія Наукъ признала ее заслуживающею Уваровской награды), но и за границею: она была переведена на французскій яз. и издана въ Парижѣ въ 1910 г. съ предисловіемъ Габріэля Ганото. Цѣнность ея въ томъ, что она явилась обработкою совершенно новаго матеріала, раскрывавшаго мотивы русской политики въ восточномъ вопросѣ за весь XIX-й вѣкъ, вплоть до Берлинскаго конгресса.

Въ 1909 г. С. М. Горяиновъ обнародовалъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ хранившуюся въ Государственномъ Архивѣ въ высшей степени цѣнную для біографіи Екатерины II до ея воцаренія и для характеристики русской политики передъ началомъ семилѣтней войны „Переписку вел. княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Г. Уилльямса, 1756 и 1757 гг." (М. 1909 г., XXXII + 360 стр.). Къ этому изданію присоединено обширное предисловіе редактора, напечатанное на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ; всѣ письма снабжены также русскимъ переводомъ; въ концѣ тома приложены фотографическіе снимки съ 4 документовъ „Переписки". Близкое отношеніе къ этому изданію имѣетъ другое, предпринятое С. М. Горяиновымъ, но, къ сожалѣнію, не доведенное имъ до конца, а именно— обнародованіе записокъ короля Станислава—Августа Понятовскаго, главная часть которыхъ хранится въ Государственномъ Архивѣ. Получивъ въ 1907 г. разрѣшеніе напечатать эти записки, С. М. предложилъ Академіи Наукъ взять на себя осуществленіе этого изданія; первый томъ записокъ Mémoires du roi Stanislas—Auguste Poniatowski, tome I, XVI + 721 pp.) появился въ изданіи Академіи въ 1914 г.; послѣдующіе томы (II-й и III-й) были С. М. Горяиновымъ приготовлены къ печати (почти закончено было покойнымъ печатаніе II-го тома).

Наконецъ, изъ крупныхъ ученыхъ работъ С. М. Горяинова слѣдуетъ отмѣтить приготовленное имъ къ изданію собраніе хранящихся въ Государственномъ Архивѣ перехваченныхъ въ 1812 г. писемъ изъ французской арміи во время похода ея въ Россію. Это собраніе издано въ 1913 г. въ Парижѣ обществомъ „La Sabretache", подъ заглавіемъ: „Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812", съ примѣчаніями гг. Леона Геннѣ и Эмм. Мартена и съ предисловіемъ Фредерика Массона (XVI + 440 стр.). Подъ редакціей С. М. Горяинова вышелъ 148-й томъ Сборника Русскаго историческаго общества (Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ

дворѣ, т. XV, 1750—1753 гг.) и при его же содѣйствіи (подъ редакціей К. А. Губастова) изданъ 143-й томъ того же Сборника (Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ имп. Екатерины II, т. III, 1769—1772 гг.).

С. М. Горяиновъ состоялъ въ оживленныхъ сношеніяхъ со многими учеными западной Европы (преимущественно—Франціи), и этому обстоятельству онъ былъ обязанъ тѣмъ, что многіе его труды находили доступъ въ иностранные журналы; такимъ путемъ, черезъ посредство С. М., западноевропейскій ученый міръ знакомился съ богатыми матеріалами русскихъ архивовъ, имѣющими общій интересъ. Вотъ списокъ (хотя и не полный) статей С. М. Горяинова, напечатанныхъ за границею: 1) Lettres à Alexandre I (Revue de Paris 1907), 2) Extraits des mémoires de Stanislas-Auguste Poniatowski, dernier roi de Pologne (Revue hebdomadaire 1908), 3) Les étapes de l'alliance franco-russe (Revue de Paris 1912), 4) Le sphinx dévoilé. Une nouvelle étude sur Alexandre I (Revue historique de la Révolution française et de l'Empire 1913), 5) Paris pendant le Consulat (изъ дневника Е. П. Дивовой) (Revue de Paris 1914), 6) Die Grossfürstin Katharina Alexiewna und Sir Charles Hanbury Williams (Deutsche Revue 1910), 7) August v. Kotzebue als litterarischer Kommissar der Russischen Regierung (ibid.), 8) Pierwze lata rządów Stanisława-Augusta w świetle własnych jego pamiętników (Przegląd Historyczny, t. X, z. 2). Кромѣ того, въ издававшейся въ Петербургѣ „Revue Contemporaine“ С. М. напечаталъ статьи: 9) Les préludes de la campagne de 1812, 10) Paul I et Stanislas-Auguste, 11) Le journal d'un frère d'armes de Charles XII.

Изъ работъ С. М. Горяинова, напечатанныхъ въ Россіи, отмѣтимъ слѣдующія: 1) Австрія и Россія послѣ Крымской войны (Рус. Стар. 1907 г., Апрѣль и Май), 2) Станиславъ-Августъ Понятовскій и вел. княгиня Екатерина Алексѣевна (Вѣстн. Евр. 1908 г., Янв.—Мартъ), 3) На пути къ трону (изъ неизданной переписки Екатерины II) (Рус. Мысль 1909 г., кн. I и II), 4) Художественныя впечатлѣнія короля Станислава-Августа о своемъ пребываніи въ Петербургѣ въ 1797 г. (Старые Годы 1908 г., Октябрь), 5) Договоръ

$^{11}/_{23}$ Сентября 1805 г. между Россіей и Турціей (Изв. М—ва Иностр. Дѣлъ 1912 г.), 6) О тайномъ соглашеніи 1844 г. между имп. Николаемъ I и великобританскимъ правительствомъ (тамъ же), 7) Заточеніе Костюшки въ крѣпости (Чтенія об—ва ист. и древн. росс. 1912 г.), 8) Н. А. Старынкевичъ. Отрывокъ изъ записки его о войнахъ 1812-го и слѣдующихъ годовъ (Извѣстія рус. военно-историч. об—ва 1912 г.), 9) Дневникъ Эт. Дюмона объ его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г. (Голосъ Минувшаго 1913 г.), 10) Къ исторіи русско-польскихъ отношеній (Ист. Вѣстн. 1915 г.), 11) Разрывъ Россіи съ Болгаріей въ 1886 г. (тамъ же, 1917 г.), 12) біографіи Злобиныхъ—въ Рус. Біограф. Словарѣ, томъ Жабокритскій-Зяловскій (1916 г.), и др.

Назначенный 1 Января 1916 г. къ присутствованію въ Прав. Сенатѣ, С. М. Горяиновъ продолжалъ интересоваться вопросами исторической науки, для которой онъ такъ много поработалъ за время управленія Государственнымъ Архивомъ; нѣкоторые труды его остались въ рукописи (напр., статья объ эвакуаціи архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1812 г. и предисловіе, на франц. яз., къ предполагавшемуся изданію документовъ, касающихся такъ называемаго „инцидента 1875 г.“—для подготовлявшагося къ печати по случаю столѣтія со дня рожденія имп. Александра II Сборника Русскаго историческаго общества).

Свои историческіе труды покойный С. М. Горяиновъ основывалъ почти исключительно на первоисточникахъ; онъ использовалъ въ нихъ огромное количество матеріаловъ, неизвѣстныхъ до него или мало доступныхъ, и, лишь исходя отъ документовъ, онъ привлекалъ къ своему изслѣдованію литературу предмета. Его наиболѣе крупное по размѣрамъ и значенію сочиненіе—„Босфоръ и Дарданеллы“—основано почти всецѣло на первоисточникахъ; въ этомъ его цѣнность, но въ этомъ же и слабая сторона его, такъ какъ богатая литература предмета дала бы автору возможность провѣрить тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ путемъ самостоятельнаго разсмотрѣнія одного документальнаго матеріала. Въ выборѣ своихъ темъ С. М., какъ человѣкъ, въ теченіе мно-

гихъ лѣтъ стоявшій близко къ вопросамъ внѣшней политики Россіи, нерѣдко отзывался на явленія текущаго момента историческимъ разслѣдованіемъ ихъ генезиса: таково происхожденіе его книги о проливахъ, таковы же статьи его „Австрія и Россія послѣ Крымской войны“, „О тайномъ соглашеніи 1844 г. между имп. Николаемъ I и великобританскимъ правительствомъ“, „Les étapes de l'alliance franco-russe“, „Разрывъ Россіи съ Болгаріей въ 1886 г.“ и др.

Всѣ работавшіе въ Государственномъ Архивѣ съ благодарностью вспомнятъ живое отношеніе покойнаго къ предмету изслѣдованія каждаго являвшагося къ нему съ ходатайствомъ о допущеніи къ занятіямъ въ Архивъ; эта заботливость о чужомъ трудѣ составляла особо привлекательную черту въ личности покойнаго, и благодаря ей онъ пріобрѣлъ заслуженную репутацію непредубѣжденнаго сторонника широкаго использованія архивнаго матеріала для научныхъ цѣлей. Не ослабѣвавшая до послѣднихъ дней его жизни трудоспособность и живой интересъ къ дѣлу дали ему возможность осуществить цѣлый рядъ ученыхъ предпріятій, за которыя русская историческая наука будетъ всегда ему признательна; но еще болѣе высоко оцѣнитъ она въ немъ убѣжденнаго защитника идеи открытія ввѣренныхъ ему архивныхъ хранилищъ для научнаго изслѣдованія.

С. М. Горяиновъ состоялъ членомъ: Русскаго историческаго общества, Историческаго общества при Петроградскомъ университетѣ, Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, Русскаго военно-историческаго общества, Союза россійскихъ архивныхъ дѣятелей, Русскаго генеалогическаго общества и нѣсколькихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Н. В. Голицынъ.

С. А. Бѣлокуровъ. † 3 Декабря 1918 года.

Сергѣй Алексѣевичъ Бѣлокуровъ родился 1 Сентября 1862 года въ семьѣ діакона церкви при Московской Голицынской больницѣ. Рано потерявъ мать, С. А. находился подъ вліяніемъ своего отца, человѣка стараго закала, благочестиваго и строгаго, крѣпко державшаго родительскій авторитетъ даже тогда, когда сынъ былъ уже въ солидныхъ годахъ и пользовался признаніемъ въ ученыхъ кругахъ; онъ сумѣлъ внушить дѣтямъ спокойную разсудительность, любовь къ порядку, аккуратность и упорное трудолюбіе. Пройдя курсъ духовнаго училища и Московской духовной семинаріи, С. А. въ 1882 году поступилъ въ Московскую Духовную Академію, которая въ то время подъ руководствомъ просвѣщеннаго ректора, протоіерея С. К. Смирнова, переживала блестящую пору своего существованія. Въ числѣ профессоровъ были въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ и энергіи такіе первоклассные ученые, какъ Е. Е. Голубинскій, В. О. Ключевскій, В. Д. Кудрявцевъ и др. Хотя имя С. А. никогда не красовалось на первыхъ строкахъ списка студентовъ по успѣхамъ, профессора относились къ нему съ большимъ вниманіемъ. Самъ о. ректоръ, любившій поощрять дѣльныхъ студентовъ, часто приглашалъ С. А. къ себѣ для бесѣды не только въ ректорскіе покои, но и на домъ, гдѣ скромный студентъ, присаживаясь на кончикъ стула, съ благоговѣніемъ внималъ совѣтамъ своего авторитетнаго собесѣдника. Знатокъ духовной литературы и просвѣщенія XVII в., С. К. Смирновъ несо-

мнѣнно оказалъ большое вліяніе на тотъ путь, по которому направились научные интересы ученика, и послѣдній, никогда не забывавшій добра, отплатилъ учителю также добромъ. Доблестно прослуживъ наукѣ и Академіи болѣе сорока лѣтъ, ректоръ С. К. Смирновъ, хранитель традицій А. В. Горскаго, долженъ былъ выйти въ отставку и доживалъ свой вѣкъ въ одиночествѣ, такъ какъ не скрывалъ своего несочувствія новому курсу, принятому, съ одобренія начальства, новымъ ректоромъ. С. А. съ кружкомъ друзей обратился съ горячимъ призывомъ къ бывшимъ питомцамъ Академіи, собралъ значительную сумму для основанія стипендіи имени бывшаго ректора, а также для поднесенія ему библіи и адреса. Старецъ былъ тронутъ до глубины души.

Другимъ наставникомъ С. А. былъ Е. Е. Голубинскій, привившій своему ученику способность къ анализу историческихъ источниковъ и къ детальной разработкѣ подробностей. Будучи самъ подвижникомъ науки, Е. Е. Голубинскій оцѣнилъ рѣдкое трудолюбіе С. А. и не жалѣлъ времени, чтобы руководить работами начинающаго ученаго, просматривать его статьи, съ суровой откровенностью журить за промахи и поощрять въ успѣхахъ. Много лѣтъ по окончаніи курса С. А. продолжалъ пользоваться руководствомъ Е. Е. Голубинскаго и давалъ ему свои работы на просмотръ. На добро С. А. опять отвѣтилъ добромъ. Онъ съ трогательною заботливостью ухаживалъ за своимъ учителемъ, когда тотъ потерялъ зрѣніе, устраивалъ его личныя дѣла и доставилъ старику радость, если и не увидѣть, то во всякомъ случаѣ осязать свои труды напечатанными. Продолжительная и кропотливая работа С. А. надъ изданіемъ сочиненій Е. Е. Голубинскаго—это незабываемая заслуга передъ ученымъ міромъ.

Научные вкусы и интересы С. А. намѣтились очень опредѣленно еще на семинарской скамьѣ. Это исторія XVII вѣка, изученіе которой „имѣетъ большую важность не только для гражданской, но и для церковной нашей исторіи“, какъ заявилъ С. А. въ рѣчи передъ своимъ магистерскимъ диспутомъ. Находя, что этотъ періодъ, переходный отъ древней исторіи къ новой, недостаточно изученъ въ своихъ важнѣй-

шихъ частяхъ, С. А. рѣшилъ посвятить свои научныя изысканія тому явленію, которое заполняетъ собою вторую половину XVII вѣка и болѣзненно чувствуется въ исторіи русской церкви послѣдующихъ вѣковъ, — расколу. С. А. заинтересовался тѣми дѣятелями, которые принимали участіе въ литературной и религіозной жизни XVII вѣка, и прежде всего патріархомъ Никономъ. Въ декабрѣ 1881 года, еще не окончивъ средней школы, С. А. получилъ доступъ къ изученію документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и занялся отдѣлами монастырскихъ, духовныхъ и греческихъ дѣлъ. Черезъ четыре мѣсяца была уже готова и принята къ напечатанію въ „Христіанскомъ Чтеніи“ статья „Собраніе патріархомъ Никономъ книгъ съ востока“. Для этой статьи С. А. основательно проштудировалъ нѣсколько сотъ дѣлъ и грамотъ изъ разряда греческихъ дѣлъ названного Архива. Статья студента перваго курса Духовной Академіи не осталась незамѣченной. Въ ней высказались четкость мысли и неустанная разработка деталей, которыя характеризуютъ и послѣдующія работы С. А. Въ первой же своей научной статьѣ онъ явился зрѣлымъ изслѣдователемъ, хотя ему было только 20 лѣтъ. Результаты, достигнутые изслѣдованіемъ, очень значительны для исторіи раскола: авторъ привелъ много данныхъ за то, что книги, доставленныя патріарху Никону въ періодъ времени съ 1654 по 1662 г., не могли оказать пользы въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ, такъ какъ между ними не было богослужебныхъ книгъ, и если тѣ рукописи, которыя привезъ съ востока Арсеній Сухановъ, имѣли несомнѣнное достоинство древности, то этого нельзя сказать о книгахъ, привезенныхъ другими лицами.

Первоначальная развѣдка, произведенная въ архивныхъ документахъ, подсказала С. А. тему, требующую разработки и благодарную по обилію малоиспользованнаго матеріала. Развивая и углубляя свое первое изслѣдованіе, С. А. остановилъ свое пристальное вниманіе на личности и дѣятельности одного изъ любопытнѣйшихъ и выдающихся представителей русскаго общества XVII вѣка, именно, Арсенія

Суханова. Проходя курсъ Академіи, а иногда и въ ущербъ ему, С. А. часто отлучался изъ Троицкаго посада въ Москву, чтобы заняться рукописями Румянцевскаго музея и архивными документами по интересующему его вопросу. „Христіанское Чтеніе“ гостепріимно удѣлило ему свои страницы для напечатанія ряда важнѣйшихъ дѣлъ, относящихся до Арсенія Суханова („Статейный списокъ“, „Пренія съ греками о вѣрѣ“ и пр.). Студенческія работы обратили вниманіе такого знатока исторіи русской церкви, какимъ былъ Лаврскій архимандритъ Леонидъ. Вниманіе вліятельнаго въ ученомъ мирѣ изслѣдователя С. А. использовалъ такъ, какъ требовали его ученыя наклонности: по окончаніи въ 1886 году академическаго курса С. А. получилъ отъ архимандрита Леонида рекомендательное письмо къ барону Бюлеру, стоявшему во главѣ того Архива, который долженъ былъ дать С. А. главнѣйшій матеріалъ по излюбленной его темѣ. Рекомендація была составлена въ такихъ выраженіяхъ, что баронъ Бюлеръ, человѣкъ не чуждый наукѣ, но считавшій, что главными достоинствами подчиненныхъ ему чиновниковъ должны быть знатность происхожденія, безукоризненность свѣтскихъ манеръ и хорошее знаніе французскаго языка, принялъ на службу молодого человѣка, не обладавшаго ни однимъ изъ этихъ качествъ. Поставленный къ самому источнику, С. А. съ какимъ-то упоеніемъ спѣшитъ черпать полными руками и печатать любопытные матеріалы самаго разнообразнаго содержанія изъ неразобранныхъ столбцовъ XVII вѣка, книжки „Чтеній“ заполнились длиннымъ рядомъ напечатанныхъ С. А. документовъ, что дало ему званіе дѣйствительнаго члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

Судьба явно покровительствовала молодому ученому, который тотчасъ по окончаніи курса высшей школы твердымъ и увѣреннымъ шагомъ, безъ колебаній и сомнѣній вошелъ въ тѣ святилища научной мысли, съ которыми онъ связалъ всю свою жизнь: въ Архивъ, гдѣ нетронутыми лежали сокровища русской исторіи, и въ Общество, гдѣ любовь къ этимъ сокровищамъ служила невидимой, но крѣпкой связью

между избранными изслѣдователями родной старины. По свойству своего характера С. А., не разбрасываясь по сторонамъ, весь отдавался тому, что его привлекало. Архивъ и Общество заполняли всѣ его духовное существо, оставляя мало мѣста для иныхъ интересовъ; имя его неразрывно связано съ обоими учрежденіями и съ Архивомъ, и съ Обществомъ, и онъ самъ слабо представляется внѣ связи съ тѣмъ и другимъ. Его научныя связи группировались сообразно положенію въ Архивѣ и Обществѣ, внѣ которыхъ слишкомъ многое оставалось для него неяснымъ, а, главное, неинтереснымъ. Только дѣла родной Академіи, къ которой С. А. до конца жизни сохранилъ искреннюю привязанность и благодарное воспоминаніе, могли вызвать теплый интересъ.

Поставленный въ самыя благопріятныя условія, С. А. съ большой энергіей занялся разработкой своей главной темы объ Арсеніи Сухановѣ, извлекая и опубликовывая новые документы, касающіеся этого дѣятеля. Наконецъ, въ 1891 году въ одной изъ книжекъ чтеній появился обширный трудъ: „Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе. Часть первая. Біографія Арсенія Суханова“, трудъ, увѣнчанный Макарьевской и Уваровской преміями, давшій автору ученую степень магистра богословія. Изслѣдованіе было задумано въ широкихъ размѣрахъ и должно было состоять изъ четырехъ книгъ: біографіи, двухъ книгъ сочиненій Суханова и четвертой, въ которой предполагалось дать подробный разборъ сочиненій Арсенія Суханова, характеристику его личности и общую оцѣнку его дѣятельности. Замыселъ этотъ не былъ, однако, осуществленъ. Въ 1894 году вышелъ томъ сличеннаго текста нѣкоторыхъ сочиненій Суханова, но главнаго его труда „Проскинитарія“ С. А. не удалось найти вполнѣ исправномъ спискѣ, и работа прервалась. Послѣдняя часть должна была быть особенно отвѣтственной и интересной, такъ какъ оцѣнка дѣятельности Суханова всегда вызывала разногласія между приверженцами раскола и ихъ противниками, но и то, что дано въ двухъ первыхъ книжкахъ, очень цѣнно и поучительно.

Сохранился корректурный экземпляръ перваго тома „Арсенія Суханова“, по которому видно, какое участіе принималъ

Е. Е. Голубинскій въ созданіи этого труда. Онъ не только проредактировалъ всѣ переводы съ греческаго текста, но и прокорректировалъ почти всѣ листы, внося многочисленныя, большею частью, стилистическія поправки. Помѣтки на поляхъ показываютъ, что по существу Голубинскій имѣлъ съ авторомъ серьезныя совѣщанія.

Хотя первый томъ „Арсенія Суханова“ носитъ скромный подзаголовокъ „Біографія“, но даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщается этимъ подзаголовкомъ. Правда, авторъ удѣлилъ много остроумія въ своихъ изысканіяхъ, чтобы выяснить происхожденіе и первый періодъ дѣятельности Суханова, но центръ тяжести и главное достоинство изслѣдованія не въ подробностяхъ біографическаго характера, а въ выясненіи тѣхъ сложныхъ явленій, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Суханову. Предпринятое патріархомъ Никономъ исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ сообразно съ греческой практикой взволновало весь духовный и свѣтскій міръ и было одной изъ причинъ, вызвавшихъ расколъ въ русской церкви. Выяснить начало раскола, разобрать въ подробностяхъ реформу патр. Никона, это значитъ много помочь пониманію такого сложнаго и исключительнаго по своей важности явленія, какъ расколъ, и передъ историкомъ церкви стоитъ задача, не вполнѣ еще выполненная до сего времени, опредѣлить, какую роль въ реформѣ игралъ какъ самъ патр. Никонъ, такъ и его помощники. Въ разрѣшеніи этой задачи работа С. А. была крупнымъ шагомъ впередъ. Путемъ безчисленныхъ справокъ въ книгохранилищахъ, какъ въ общественныхъ, такъ и частныхъ, ему удалось установить, какія греческія рукописи и книги, предназначенныя для исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ, привезъ Сухановъ изъ Аѳонскихъ монастырей. Изъ 498 греческихъ и 29 славянскихъ рукописей и книгъ, привезенныхъ съ востока, С. А. въ разныхъ хранилищахъ нашелъ 433 греческихъ и 18 славянскихъ. Основываясь на такомъ большомъ матеріалѣ, онъ доказалъ, что только 45 книгъ, доставленныхъ Сухановымъ патр. Никону, относились къ богослуженію и потому могли быть использованы при исправленіи русскихъ церковныхъ

книгъ. Но и эти немногочисленныя пособія, какъ оказалось при сличеніи ихъ съ новоисправленнымъ Никоновскимъ служебникомъ, не были приняты въ руководство при проведеніи Никономъ его реформы. Такимъ образомъ С. А. блестяще подтвердилъ ту мысль, которую высказалъ въ первой своей статьѣ.

Въ дѣлѣ исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ старецъ Арсеній, хотя и былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, повидимому, не принималъ участія. Его настроеніе, какъ оно выразилось въ его сочиненіяхъ, было настолько далеко отъ того направленія, которое далъ патріархъ Никонъ своей реформѣ, что одна изъ его работъ „Пренія съ греками о вѣрѣ", появившаяся послѣ перваго его путешествія на востокъ, была сильнымъ оружіемъ въ рукахъ раскольниковъ, цитировалась врагами Никона протопопомъ Нероновъ и діакономъ Федоромъ на Московскомъ соборѣ 1666 года. Въ „волохахъ" Арсеній имѣлъ продолжительный споръ съ греками, какая вѣра лучше, греческая или русская, и въ рѣшительныхъ выраженіяхъ громилъ грековъ за ихъ отступленія отъ истиннаго православія, которое сохранилось неприкосновеннымъ только на Руси, указывалъ на зависимость грековъ, даже восточныхъ патріарховъ отъ бусурманъ и нѣмцевъ, вслѣдствіе чего явилось искаженіе церковныхъ обрядовъ, и отстаивалъ русское двуперстіе. На московскія власти такое выступленіе Суханова произвело неблагопріятное впечатлѣніе, и передъ второй поѣздкой онъ получилъ наставленіе, чтобы онъ, „будучи въ греческихъ странахъ, помня часъ смертный, писалъ правду, безъ прикладу", т. е. безъ преувеличеній. Отчетомъ по новому путешествію былъ „Проскинитарій", написанный болѣе сдержанно, но въ томъ же духѣ, такъ какъ Суханову приходилось сообщать о недостаткѣ благочинія въ греческой церкви. Позднѣе отчетами Суханова пользовались братья Денисовы въ „Поморскихъ Отвѣтахъ", и православные іерархи отвѣчали очень уклончиво на вопросы раскольниковъ, пріемлютъ ли они сочиненія старца Арсенія. Изслѣдователи исторіи раскола крайне осторожно относились къ двумъ главнымъ трудамъ Суханова „Пренія

о вѣрѣ“ и „Проскинитарій“ и терялись въ догадкахъ, имѣютъ ли они передъ собою подложный или искаженный раскольниками текстъ сочиненій Суханова, который былъ оффиціальнымъ посланцемъ московскихъ властей за книгами на востокъ, потомъ занималъ высокій постъ келаря Троице-Сергіева монастыря и завѣдывалъ Московскимъ Печатнымъ дворомъ, слѣдовательно, долженъ былъ проводить политику царя и патріарха. На основаніи неопровержимыхъ архивныхъ данныхъ С. А. доказалъ, что оба названныя сочиненія написаны, дѣйствительно, Сухановымъ.

Вторая часть „Арсенія Суханова“ носитъ спеціальный литературно-историческій характеръ. Путемъ кропотливой работы автору удалось установить особенности въ редакціяхъ разныхъ списковъ сочиненій Суханова, дать исторію текста вплоть до позднѣйшихъ передѣлокъ въ раскольническомъ духѣ, установить полный подлинный текстъ твореній Суханова, исправляя и дополняя прежнія изданія.

Еще не успѣлъ С. А. напечатать первой части „Арсенія Суханова“, какъ его знаніе рукописныхъ собраній Москвы, углубленное поисками списковъ сочиненій Суханова, дало ему возможность приняться за разрѣшеніе другой проблемы—о библіотекѣ царя Ивана Грознаго. Какъ видно изъ самаго заглавія, эта тема опять относится къ числу темъ историко-литературныхъ, излюбленныхъ авторомъ, но она знаменуетъ существенный сдвигъ въ интересахъ автора. Воспитанникъ духовной школы, но поставленный въ кругъ свѣтскихъ интересовъ, С. А. отклоняется отъ разработки вопросовъ церковной исторіи и отдаетъ свои силы и таланты на изслѣдованіе вопросовъ свѣтской исторіи. Правда, для XVI и XVII вѣковъ шагъ отъ духовной литературы къ свѣтской не великъ, но Духовная Академія уже не считала С. А. своимъ и на его прошеніе о разсмотрѣніи сочиненія о библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, какъ докторской диссертаціи, отвѣтила отказомъ „въ виду недостаточности богословскаго элемента“.

Названное сочиненіе появилось въ печати въ 1898 году, уже увѣнчанное Карповской преміей въ рукописномъ видѣ. Академія Наукъ также признала его заслуживающимъ преміи.

но „за недостаткомъ суммъ“ присудила только почетный отзывъ.

Отъ своего излюбленнаго XVII вѣка С. А. отклонился по случайнымъ обстоятельствамъ. Въ 1890—1891 гг. Россію посѣтилъ приватъ-доцентъ Страсбургскаго университета Эд. Тремеръ въ поискахъ древнихъ рукописей классическихъ авторовъ, которые, по его мнѣнію, должны были находиться въ библіотекѣ Іоанна Грознаго. Не найдя въ Московскихъ книгохранилищахъ и слѣда этой библіотеки, Тремеръ посовѣтовалъ искать ее подъ землей, гдѣ-либо въ Кремлѣ. Такая мысль вызвала всеобщій интересъ. Защитники ее и противники вступили въ страстную полемику и были предприняты раскопки въ разныхъ частяхъ Кремлевскаго холма, не увѣнчавшіяся, однако, успѣхомъ. Въ полемику вступилъ и С. А., настаивая на томъ, что всѣ поиски напрасны, такъ какъ царской библіотеки XVI вѣка не существовало. Чтобы положить конецъ спорамъ, принявшимъ совершенно нежелательный характеръ, онъ рѣшилъ изложить свои аргументы въ особой книгѣ. Получился очень объемистый томъ, въ который слишкомъ добросовѣстный авторъ помѣстилъ рядъ экскурсовъ, имѣющихъ лишь отдаленное отношеніе къ основной темѣ, кромѣ того, что прямо подтверждало отрицательный выводъ автора.

Задавъ себѣ вопросы, имѣлъ ли великій князь Василій Ивановичъ и царь Иванъ Грозный библіотеки, составленныя изъ большого числа иностранныхъ, главнымъ образомъ, греческихъ рукописей, С. А. указываетъ, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ XVI вѣка не имѣется никакихъ свидѣтельствъ о существованіи такихъ библіотекъ и затѣмъ подробно разбираетъ тѣ доводы, которые приводили его оппоненты. Главной точкой опоры послѣднихъ было извѣстіе, почерпнутое изъ нѣкоторыхъ списковъ „Сказанія о Максимѣ Грекѣ“, который будто-бы былъ введенъ въ книгохранительницу великаго князя Василія Ивановича и заявилъ, что такого множества книгъ онъ не видалъ нигдѣ въ Греціи. С. А. изучилъ 243 рукописи, содержащія произведенія Максима Грека, привелъ въ извѣстность всѣ сказанія о немъ, раздѣлилъ ихъ на типы и нашелъ, что ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ, отно-

сящихся къ XVI вѣку, не имѣется упоминаній о царской библіотекѣ, слѣдовательно, упоминанія въ другихъ рукописяхъ являются позднѣйшей прибавкой. Помимо рѣшенія вопроса о царской библіотекѣ, изслѣдованіе о сочиненіяхъ Максима Грека имѣетъ ту большую научную цѣну, что даетъ много новыхъ литературныхъ и библіографическихъ фактовъ и матеріаловъ.

Менѣе удачна критика показанія хроники Ніенштедта, которая приводитъ разсказъ пастора Веттермана, будто-бы видѣвшаго около 1565 г. въ Москвѣ библіотеку въ сводчатомъ подвалѣ, однако С. А. привелъ достаточно вѣскихъ доказательствъ, что свидѣтельству хроники нельзя придавать большого значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ не отрицаетъ, что такой просвѣщенный человѣкъ, какъ Іоаннъ Грозный, долженъ былъ имѣть библіотеку, но предполагаетъ, что она состояла изъ очень немногихъ книгъ, погибшихъ въ смутное время, въ періодъ пребыванія поляковъ въ Московскомъ кремлѣ.

Развивая свои аргументы, С. А. сообщаетъ исторію образованія библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, наслѣдовавшаго ее отъ Посольскаго приказа, а также библіотекъ Патріаршей и Типографской, куда могли поступить книги изъ царскаго книгохранилища. Изученіе старинныхъ описей этихъ библіотекъ и касающихся ихъ архивныхъ дѣлъ привело автора къ тому заключенію, что эти библіотеки получили свое начало только съ XVII вѣка, почти исключительно со временъ патріарха Никона, слѣдовательно, въ нихъ нѣтъ никакихъ остатковъ царской библіотеки XVI вѣка. Такимъ образомъ, С. А. окончательно разрушилъ легенду о книжныхъ сокровищахъ, которыя скрываются въ Кремлевскихъ подземельяхъ и ждутъ счастливаго изслѣдователя, чтобы обогатить европейскую науку цѣннѣйшими рукописями какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія.

Выпустивъ въ свѣтъ „Библіотеку“, С. А. занялся другой работой, можетъ быть, не столь замѣтной, но не менѣе важной для ученаго мира,—изданіемъ трудовъ Е. Е. Голубинскаго. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ слѣпнувшимъ, съ

1907 г. совершенно ослѣпшимъ авторомъ, С. А. терпѣливо и внимательно подбиралъ разрозненные иногда листки „Исторіи русской церкви“, дѣлалъ безчисленныя справки, просматривалъ корректуры, часто заходилъ въ типографію, торопя наборщиковъ, любовно обдумывалъ всѣ мелочи печатанія. Послѣдовательно одинъ за другимъ стали появляться въ свѣтъ въ 1900—1916 г.г. труды знаменитаго профессора Духовной Академіи: четыре объемистыхъ выпуска Исторіи русской церкви, археологическій атласъ. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Преп. Сергій Радонежскій. О реформѣ въ бытѣ Русской церкви. До конца своей жизни С. А. не оставлялъ мозаической работы, собирая и приводя въ порядокъ отдѣльныя замѣтки изъ разрозненныхъ листковъ, отрывковъ статей, помѣтокъ на поляхъ книгъ, чтобы собрать матеріалъ для слѣдующаго тома Исторіи русской церкви, заполняя пробѣлы своими изслѣдованіями и внося исправленія на основаніи выводовъ новѣйшей литературы, пока преждевременная смерть не прервала этой самоотверженной работы благодарнаго ученика на славу знаменитаго учителя и на благо русской науки.

Просиживая иногда ночи за корректурами сочиненій Е. Е. Голубинскаго, С. А. находилъ время и для своихъ работъ. Еще въ 1890 году онъ нашелъ среди неразобранныхъ дѣлъ архива столбецъ, значеніе котораго не могло ускользнуть отъ знатока древней русской литературы — столбецъ, заключающій свѣдѣнія о Юріи Крижаничѣ. Не сообщая никому о своемъ открытіи, С. А. сталъ подбирать матеріалъ, относящійся до біографіи загадочнаго писателя. Черезъ посредство министра-резидента при папскомъ престолѣ К. А. Губастова, ему удалось завязать сношенія съ секретаремъ конгрегаціи пропаганды вѣры о. Петромъ Семадени, который въ архивѣ конгрегаціи нашелъ рядъ документовъ, относящихся до Крижанича, и копіи переслалъ въ Москву. На основаніи собраннаго матеріала С. А. въ 1901 году издалъ новый свой трудъ, вызвавшій огромный интересъ въ научномъ мирѣ, „Юрій Крижаничъ въ Россіи“. Крижаничу было посвящено до этого

болѣе тридцати статей разныхъ авторовъ, но всѣ онѣ содержали въ себѣ разборъ многочисленныхъ его сочиненій и совершенно не касались біографической стороны. Не надо распространяться о томъ, какъ важно знать біографію автора для пониманія его произведеній, особенно полемическаго и пропагандистскаго характера. А между тѣмъ, относительно Крижанича было извѣстно съ небольшими подробностями только то, что онъ пріѣхалъ въ Россію, былъ сосланъ въ Сибирь и возвратился изъ ссылки. На основаніи разбора сочиненій Крижаничъ разсматривался, то какъ энтузіастъ панславистъ, то какъ проводникъ западной культуры, и только иногда проскальзывала мысль, что нельзя вполнѣ довѣрять чистотѣ побужденій, заставившихъ его отправиться въ далекую православную Московію.

Благодаря чрезвычайно интересному и важному труду С. А., мы теперь знаемъ много подробностей изъ жизни Крижанича, какое получилъ онъ воспитаніе, съ какими намѣреніями предпринялъ онъ путь въ Россію и насколько ему удалось осуществить эти намѣренія. Теперь можно считать вполнѣ доказаннымъ, что Крижаничъ, воспитанникъ католической духовной школы, подготовленный въ коллегіи св. Афанасія въ Римѣ къ миссіонерской дѣятельности среди православныхъ народовъ востока, явился въ Россію съ опредѣленной цѣлью пропагандировать католичество среди русскихъ или, по крайней мѣрѣ, подготовить для этого почву. Можно спорить о деталяхъ, можно ослаблять категоричность утвержденій автора признаніемъ славянскихъ симпатій Крижанича, основной тезисъ остается непоколебимымъ, заставляя разсматривать произведенія Крижанича подъ инымъ угломъ зрѣнія: главною цѣлью, которую онъ преслѣдовалъ при составленіи многихъ изъ своихъ сочиненій, была не любовь къ славянству, а желаніе обратить на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, добиться при дворѣ виднаго положенія и получить широкую возможность приняться за осуществленіе своихъ замысловъ. Выпустивъ книгу о Крижаничѣ, С. А. продолжалъ собирать о немъ матеріалы, которые напечаталъ въ 1907 и 1909 гг. на страницахъ „Чтеній“. Въ награду

за выдающіеся труды Академія Наукъ избрала С. А. въ члены-корреспонденты, а Кіевская Духовная Академія провозгласила его докторомъ церковной исторіи honoris causa.

Послѣднимъ крупнымъ трудомъ С. А. было его изслѣдованіе о Посольскомъ приказѣ, выпущенное въ 1906 году. Готовясь къ юбилейному изданію, министерство Иностранныхъ Дѣлъ поручило С. А. составить историческій очеркъ объ устройствѣ и дѣятельности Посольскаго приказа. Къ своей задачѣ С. А. отнесся со свойственной ему основательностью и далъ не компиляцію, а солидное, хотя и доступно написанное, изслѣдованіе; развитіемъ и углубленіемъ его явилось названное сочиненіе, несомнѣнно лучшее, что мы имѣемъ въ литературѣ, относящейся до описанія отдѣльныхъ приказовъ. Просмотрѣвъ массу дѣлъ XVI и XVII ст., С. А. нашелъ документальныя данныя о зарожденіи приказа, разсказалъ о кругѣ вѣдомства, какъ Посольскаго, такъ и соединенныхъ съ нимъ приказовъ, далъ послужные списки дѣльцовъ Московской дипломатіи и сообщилъ подробности внутренняго приказнаго распорядка и посольскихъ церемоній. Нѣсколько приложеній съ выдержками изъ особенно важныхъ документовъ дополнили цѣнность книги.

Кромѣ перечисленныхъ крупныхъ произведеній перу С. А. принадлежитъ много мелкихъ, среди которыхъ нѣкоторые имѣютъ значительную цѣну, напр. о церковномъ соборѣ 1649 года, древне-русская картографія, о Записномъ приказѣ и др.

Параллельно съ научно-изслѣдовательской работой С. А. не мало потрудился надъ изданіемъ различнаго содержанія документовъ, проредактировавъ въ общей сложности нѣсколько сотенъ листовъ. Рѣдкая его аккуратность и пунктуальность тутъ были, какъ нельзя болѣе, у мѣста. Онъ образцово издалъ Дѣла Тайнаго приказа, два тома Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ государствомъ. О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в. и наконецъ Утвержденную грамоту объ избраніи на Московское государство Михаила Федоровича Романова, воспроизведеніе которой явилось совершен-

ствомъ въ издательскомъ дѣлѣ. Кромѣ того, почти въ каждой книжкѣ „Чтеній“ за послѣдніе 30 лѣтъ найдемъ отдѣльные документы, сообщенные неутомимымъ С. А. Подводя итоги своей научной работы за 25 лѣтъ (1882—1907 гг.), онъ насчиталъ 401 номеръ трудовъ всякаго рода, и крупныхъ, и мелкихъ. Къ этой грандіозной цифрѣ надо прибавить еще около 80 номеровъ работъ, исполненныхъ послѣ 1907 года. Нельзя не отдать дани глубокаго уваженія передъ такимъ подвижническимъ трудомъ.

Въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (теперь 3 Московское отдѣленіе 1 секціи Г. А. Ф.) С. А. прослужилъ 32 года, фактически управляя имъ въ теченіе почти 20 лѣтъ. Несомнѣнно, подъ его вліяніемъ Архивъ изъ убѣжища родовитыхъ молодыхъ людей, стремившихся къ дипломатической карьерѣ, сдѣлался пріютомъ для тѣхъ, кто интересовался исторической наукой и видѣлъ въ чтеніи и изученіи архивныхъ документовъ не скучную, безжизненную работу, а смыслъ и содержаніе своей жизни. Для такихъ людей руководство С. А. и его личный примѣръ имѣли огромное значеніе. Онъ умѣлъ научить, какъ оріентироваться среди милліоновъ документовъ, гдѣ и что искать по тому или другому вопросу, какъ хранить дѣла, какъ ихъ описывать, кратко, но точно, а, главное, умѣлъ внушить любовь и уваженіе къ письменнымъ памятникамъ древности, безъ чего немыслимъ хорошій архивистъ. Требовательный, но безъ придирчивости, С. А. былъ истиннымъ другомъ своихъ подчиненныхъ, защищалъ ихъ интересы, вникалъ въ ихъ нужды и старался создать спокойную обстановку для научной работы. Онъ былъ вѣрнымъ и надежнымъ человѣкомъ, на котораго можно было положиться; съ его смертью Архивъ дѣйствительно осиротѣлъ. С. А. сохранялъ и аккуратно складывалъ всѣ адресованныя ему письма. При бѣгломъ просмотрѣ всей его огромной переписки вскрывается еще одна работа С. А. въ архивѣ, существенная, но незамѣтная, которая только иногда съ благодарностью отмѣчалась въ предисловіяхъ ученыхъ сочиненій,—это наведеніе справокъ. Множество изслѣдователей обращались къ С. А. съ просьбами навести справки по архив-

нымъ документамъ и тѣмъ заставляли производить иногда сложныя изысканія. С. А. никому не отказывалъ, обращался ли къ нему профессоръ или совершенно неизвѣстный ему студентъ, провинціальный начетчикъ или иностранецъ, прослышавшій о его готовности помочь во всякой ученой работѣ.

Со смертью С. А. осиротѣло и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, членомъ котораго онъ состоялъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, исполняя съ 1890 г. должность казначея, а съ 1917 г. должность секретаря. Онъ былъ душою Общества, хранителемъ его традицій, блюстителемъ устава во всей его строгости. Немного засѣданій Общества прошли безъ его участія, и въ этихъ случаяхъ собравшіеся члены чувствовали, что для обычной научной бесѣды не хватаетъ чего то существеннаго. Онъ велъ всю черновую работу по устройству засѣданій и по изданію Обществомъ ежегодныхъ четырехъ книжекъ Чтеній, онъ не пропускалъ безъ самаго тщательнаго просмотра ни одной статьи, провѣрялъ составленные авторами указатели, покупалъ бумагу, слѣдилъ за печатаніемъ и поставилъ изданія Общества на должную высоту.

Оглядывая мысленно всю кипучую дѣятельность С. А., невольно изумляешься, какую массу трудовъ принялъ онъ на себя добровольно и какъ спокойно и методично несъ онъ эти труды, не жалуясь на тяжелое бремя, а сохраняя ровное и веселое расположеніе духа, постоянно сопровождая свои бесѣды незлобливой шуткой. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ смертью С. А. увлекся новымъ дѣломъ — организаціей архивнаго управленія и съ утра до вечера носился съ разными планами и заботами. Тяжко больной, за день до смерти, когда въ воспаленныхъ легкихъ все бурлило и клокотало, онъ сказалъ: „Эту ночь я всю не спалъ и все думалъ, какъ устроить научно-издательскую комиссію“. Этихъ словъ достаточно, чтобы показать, какую невознаградимую утрату понесло архивное дѣло съ преждевременной кончиной С. А. Бѣлокурова.

С. Богоявленскій.

ЛѢТОПИСЬ АРХИВНОЙ ЖИЗНИ.

Декретъ перваго іюня.—Дѣятельность петроградскихъ и московскихъ Отдѣленій Государственнаго Архивнаго Фонда.—Находки въ архивахъ.—Анкета.—Издательская дѣятельность Отдѣленій.—Архивные Курсы въ Петроградѣ и Москвѣ.—Архивное дѣло въ провинціи.—Поѣздки архивныхъ дѣятелей въ провинцію.—Подготовка къ съѣзду.—Дѣятельность Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ.

Декретъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ 1 Іюня 1918 г. о реорганизаціи и централизаціи архивнаго дѣла является начальнымъ моментомъ, съ котораго должна вестись лѣтопись новаго періода архивной жизни въ Россіи.

Объединяя всѣ правительственные архивы въ понятіи Единаго Государственнаго Архивнаго Фонда, сосредоточивая завѣдываніе имъ въ Главномъ Управленіи Архивнымъ Дѣломъ, опредѣляя основныя нормы дѣятельности Главнаго Управленія, декретъ порывалъ съ прежнимъ неопредѣленнымъ въ правовомъ отношеніи положеніемъ архивовъ, съ ихъ полной зависимостью отъ вѣдомственнаго усмотрѣнія и открывалъ широкую возможность къ развитію самодѣятельности архивовъ въ дѣлѣ собиранія, охраны и научнаго использованія архивныхъ матеріаловъ.

Изданіе этого декрета въ данный моментъ было особенно своевременнымъ. Революціонный вихрь не могъ не отразиться на судьбахъ многихъ архивовъ и вѣдомственныхъ дѣлопроизводствъ. Явилась серьезная опасность въ отношеніи ихъ цѣлости и сохранности. Свое отношеніе къ низверженному старому порядку народныя массы нерѣдко переносили и на оставшіеся отъ этого періода русской государственной жизни документы, дѣла и бумаги. Уходъ въ дни октябрьскаго переворота изъ правительственныхъ канцелярій прежнихъ чиновниковъ еще болѣе осложнилъ положеніе. На смѣну прежнихъ

чиновниковъ пришли новые люди, съ совершенно иной психологіей, чуждые прежнему строю дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій, съ предубѣжденіемъ, а иногда и съ враждебнымъ чувствомъ относившіеся къ брошеннымъ на столахъ и въ шкафахъ канцелярій бумагамъ.

На долю реорганизованныхъ, въ видѣ Отдѣленій Государственнаго Архивнаго Фонда, центральныхъ петроградскихъ и московскихъ архивовъ выпала тяжелая и отвѣтственная работа по пріемкѣ включенныхъ въ нихъ новыхъ архивныхъ фондовъ, по розыскамъ и спѣшному собиранію угрожаемыхъ архивныхъ фондовъ и брошенныхъ на произволъ судьбы вѣдомственныхъ дѣлопроизводствъ, ихъ охранѣ, приведенію въ порядокъ. Совершенная въ этомъ отношеніи работа является грандіозной.

Съ начала Сентября 1917 года въ Первое Петроградское Отдѣленіе I Секціи поступили законченныя производствомъ дѣла Государственной Думы, а въ Январѣ 1918 г. выборное производство Учредительнаго Собранія. Въ непродолжительномъ времени въ составъ Архива должны поступить новые фонды: а) Архивы Комитета и Совѣта Министровъ и Временнаго Правительства и б) Архивъ Канцеляріи Его Величества по принятію прошеній. Оба эти архива фактически находятся въ помѣщеніи I Отдѣленія, но до сего времени были въ вѣдѣніи соотвѣтствующихъ учрежденій. Детальная пріемка дѣлъ въ составъ I Отдѣленія составляетъ одну изъ ближайшихъ задачъ администраціи Архива.

Въ составъ 2 Отдѣленія I Секціи поступаютъ дѣла учрежденій бывшаго Министерства Двора, а именно: а) дѣла бывшаго Капитула Орденовъ за все время его существованія, съ конца XVIII вѣка до 1917 года; б) бывшаго Управленія дворцоваго коменданта (дворцовой полиціи) съ 1882 г. по 1917 г.; в) бывшихъ канцелярій императрицъ Маріи Ѳеодоровны, съ 1865 г. по 1917 г., и Александры Ѳеодоровны съ 1895 г. по 1917 г.; г) Камеральной части бывшаго Кабинета съ 1906 г. по 1917 г.; д) бывшей Гофмаршальской части съ 1905 г. по 1917 г.; е) канцеляріи бывшаго Министерства Двора съ 1904 г. по 1917 г.

Включенію въ составъ этого же Отдѣленія подлежитъ архивъ дворцоваго управленія въ Царскомъ Селѣ. Основнымъ его ядромъ являются дѣла канцеляріи главноуправляю-

щаго дворцовыми правленіями и городомъ Царскимъ Селомъ съ 1817 по 1865 г. Въ немъ находятся также дѣла по устроенію Царскаго Села съ 1808 по 1816 г. Дѣла этого архива находились въ угрожаемомъ состояніи. Часть дѣлъ валялась разбросанной; прежніе служащіе вынимали изъ дѣлъ листы для записокъ, конвертовъ; входъ въ архивъ былъ доступенъ для каждаго.

Въ 1 Отдѣленіе II Секціи влился цѣлый рядъ архивовъ и дѣлопроизводствъ, начиная съ дѣлъ Министерства Юстиціи. Большинство архивовъ еще не переведено въ помѣщеніе Отдѣленія, и работа по пріемкѣ, охранѣ и приведенію въ порядокъ дѣлъ этихъ архивовъ происходитъ при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ.

Первое Отдѣленіе III Секціи должно явиться объединеннымъ хранилищемъ архивныхъ фондовъ всѣхъ функціонировавшихъ въ Петроградѣ съ его основанія органовъ центральнаго Управленія русской вооруженной силы, всѣхъ Гвардейскихъ и Армейскихъ войсковыхъ частей Петроградскаго и окрестныхъ гарнизоновъ и органовъ управленія ими и ихъ снабженія, и вообще бывшихъ Петроградскаго и Финляндскаго военныхъ округовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ архивныхъ фондовъ, какъ переданныхъ въ другія мѣста по постановленію Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ, такъ и вывезенныхъ въ Москву Комиссаріатомъ по военнымъ дѣламъ.

Въ это Отдѣленіе должны влиться: 15 Архивовъ центральныхъ учрежденій бывшаго Военнаго вѣдомства, 73 старыхъ гвардейскихъ полковъ и штабовъ, 31 запасныхъ гвардейскихъ и армейскихъ частей Петроградскаго гарнизона до октябрьской революціи, и около 250—300 архивовъ частей и учрежденій различнаго рода.

Состояніе, въ какомъ декретъ 1 Іюня 1918 г. засталъ фонды бывшаго Военнаго вѣдомства рѣзко различается для двухъ группъ архивовъ: центральныхъ управленій и собственно войсковыхъ.

Первая группа оказалась наименѣе пострадавшей отъ перелома при революціи и отъ стихійной демобилизаціи арміи, и сохранила въ общихъ чертахъ основы своей старой организаціи. Но обѣ эвакуаціи, произведенныя безъ системы, среди полной растерянности въ первый разъ, и совершенно

неопытными людьми во второй, — оставили замѣтный слѣдъ на цѣлости и систематезированности фондовъ.

Вторая группа — войсковые архивы — въ зависимости отъ обстоятельствъ демобилизаціи и интеллигентности состава ликвидаціонныхъ комиссій — раздѣляется на два отдѣла.

Первый — такъ или иначе, въ томъ или другомъ объемѣ сохранившіеся архивные фонды войсковыхъ частей, штабовъ и учрежденій — сданные или въ научныя общества или Артиллерійскій музей (Семеновскій, Егерскій и Литовскій полки), или непосредственно въ Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ (Саперный, Казачій, Атаманскій, 200-й Кронштотскій, 2-й запасный пѣхотный и др.), или въ Архивъ ликвидаціонныхъ комиссій (Московскій, Павловскій, Драгунскій и др.), или сохраняющіеся въ своихъ прежнихъ казармахъ подъ присмотромъ преданныхъ прошлому полка старыхъ солдатъ (Измайловскій, часть л.-гв. 1-й артил. бригады, 3-го стрѣлковаго полка, штаба гв. Стрѣлковой дивизіи и т. д.).

Второй — брошенные на произволъ судьбы, безъ всякой охраны, въ оставшихся пустыми или занятыхъ новыми, враждебно относящимися ко всему прошлому организаціями. Въ такихъ условіяхъ оказался, напр., сожженнымъ архивъ Волынскаго полка, а архивъ Кавалергардскаго полка былъ приведенъ въ хаотическое состояніе. Проникнуть въ помѣщеніе архива Кавалергардскаго полка можно было только чрезъ расположившуюся рядомъ германскую кооперативную лавочку; дѣла архива шли на обертку продававшейся въ этой лавочкѣ копченой рыбы. Для завертыванія продуктовъ въ другой продовольственной лавочкѣ шли архивныя дѣла бывшей л.-гв. 2-й артиллерійской бригады. Были безпорядочно разбросаны въ пустыхъ помѣщеніяхъ дѣла л.-гв. Гусарскаго и л.-гв. 4-го Стрѣлковаго полковъ, квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ.

Основной задачей 1 Отдѣленія III Секціи и было охранить и вывезти въ соотвѣтствующія помѣщенія гибнущія архивныя дѣла. Трудность работы Отдѣленія увеличивалась еще отъ того, что Отдѣленіе не имѣетъ постояннаго, приспособленнаго помѣщенія.

Въ виду сложности работы 1 Отдѣленіе III Секціи выработало для своихъ служащихъ особую инструкцію, съ тѣмъ, чтобы пріемка и разборъ новыхъ фондовъ производились по

одной, опредѣленной системѣ, чѣмъ облегчается возможность немедленно послѣ поступленія въ Отдѣленіе новыхъ фондовъ приступать къ ихъ систематизаціи и составленію ихъ подробной описи.

Особую группу фондовъ, взятыхъ на учетъ I Отдѣленіемъ III Секціи, составляютъ военно-санитарные архивы. Въ нихъ имѣется много интересныхъ и цѣнныхъ дѣлъ, которыя потребуютъ спеціальной разработки.

Изъ всѣхъ Отдѣленій Единаго Государственнаго Архивнаго фонда, образовавшихся изъ цѣлаго ряда разрозненныхъ архивовъ отдѣльныхъ вѣдомственныхъ учрежденій, особнякомъ стоитъ 2 Отдѣленіе III Секціи, въ которое вошелъ одинъ архивъ — центральный архивъ флота и морского вѣдомства.

На путь централизаціи храненія матеріаловъ для исторіи флота, сначала спорадически, не планомѣрно, морское вѣдомство стало уже въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка, когда архивъ Морского Министерства былъ выдѣленъ въ составъ самостоятельныхъ центральныхъ учрежденій морского вѣдомства для обслуживанія всѣхъ учрежденій морского вѣдомства, расположенныхъ въ Петербургѣ; въ него были переданы дѣла цѣлаго ряда военныхъ портовъ, какъ то: Архангельскаго, Астраханскаго, Бакинскаго, Рижскаго, частью — Ревельскаго, Кронштадтскаго, Черноморско-Азовскихъ портовъ—Измаильскаго, Таганрогскаго, Херсонскаго, Николаевскаго и цѣлаго ряда другихъ мѣстныхъ морскихъ учрежденій.

Наличіе въ составѣ 2 Отдѣленія III Секціи дѣлъ и документовъ не только учрежденій, расположенныхъ въ Петроградѣ—или центральномъ, но и цѣлаго ряда мѣстныхъ архивовъ почти всѣхъ морскихъ портовъ, за исключеніемъ лишь дальневосточныхъ [1]), составляетъ особую характерную черту этого Отдѣленія и обусловливаетъ нѣсколько отличную отъ другихъ дѣятельность Отдѣленія въ данное время.

Главною задачею 2 Отдѣленія III Секціи явилось не объединеніе или централизація разрозненныхъ архивовъ, не выясненіе состава ихъ, или принятіе мѣръ къ охранѣ на

---

[1]) Въ составѣ Отдѣленія имѣется часть дѣлъ и этихъ портовъ, сданныхъ послѣ Русско-Японской войны. Таковы дѣла Намѣстника Е. В. на Дальнемъ Востокѣ, Портъ-Артура, нѣкоторыхъ отдѣловъ Управленія Владивостокскаго порта и др.

мѣстахъ ихъ храненія, а лишь пополненіе уже ранѣе поступившихъ и хранившихся въ Архивѣ фондовъ дѣлами и документами за послѣдніе годы существованія учрежденій до момента упраздненія или эвакуаціи въ Москву.

Вслѣдствіе спѣшности эвакуаціи или ликвидаціи учрежденій, дѣла, сдаваемые въ Архивъ, не только не приводились предварительно въ порядокъ, но, наоборотъ, приходили въ наименѣе удобномъ для работы Отдѣленія видѣ и чрезвычайно осложняли и затрудняли эту работу. Такъ, напр., при эвакуаціи Свеаборгскаго и Ревельскаго портовъ упаковка и отправка дѣлъ попала въ неопытныя руки и совершалась съ величайшей поспѣшностью, въ результатѣ чего на имя Архива получались тысячи пудовъ груза, при осмотрѣ котораго оказывалось, что архивныя дѣла перетасованы съ текущимъ дѣлопроизводствомъ порта, съ чистыми книгами, бланками, печатнымъ матеріаломъ и т. п. Частое переименованіе учрежденій, создавшихся въ періодъ войны и революціи, ухудшило правильную сдачу дѣлопроизводства въ Архивъ: переименованныя учрежденія сдавали дѣлопроизводства своихъ предшественниковъ въ обложкахъ новаго наименованія, иногда совершенно отличнаго отъ прежнихъ.

Подобная же картина получалась при собираніи дѣлъ эвакуированныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Петроградѣ. Архиву сдавалось дѣлопроизводство учрежденій безъ какихъ-либо реестровъ и описей. Во многихъ случаяхъ Архиву приходилось собирать дѣла въ освободившихся помѣщеніяхъ учрежденій, всецѣло принимая на себя разборку собраннаго матеріала, подборъ и подшивку документовъ и дѣлъ.

При этомъ надо имѣть въ виду, что новыя учрежденія, занимая помѣщенія эвакуированныхъ или ликвидированныхъ, не останавливались передъ такими мѣрами, какъ выбрасываніе изъ помѣщеній оставшихся въ нихъ переписки и всякаго бумажнаго матеріала.

Въ 1 Отдѣленіе IV Секціи происходила пріемка дѣлъ бывшаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, оставшихся несданными въ Архивъ до 25 Октября 1917 г. За періодъ времени съ Апрѣля по Октябрь 1918 года поступило около 40,000 такихъ дѣлъ. Кромѣ того, къ Отдѣленію согласно декрета 1 Іюня, присоединены тѣ архивы, которые

прекратили самостоятельное существованіе. Таковы: архивъ бывшей Канцеляріи Попечителя Спб. учебнаго округа, архивъ бывшаго Пажескаго Корпуса, бывшаго Александровскаго Лицея и бывшаго Училища Правовѣдѣнія, а также архивъ бывшаго Маріинскаго вѣдомства, архивы Главнаго Управленія военно-учебными заведеніями и бывшаго Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, архивы по дѣламъ цензуры.

Архивъ Канцеляріи Попечителя Спб. учебнаго округа въ Маѣ перевезенъ въ помѣщеніе 1 Отдѣленія IV Секціи, но за неимѣніемъ свободнаго мѣста пока остается неразобраннымъ. Дѣла въ немъ обнимаютъ періодъ времени съ 1852 по 1916 гг.; отдѣльныя дѣла имѣются съ 1836 г.

Архивъ Пажескаго Корпуса за время революціи три раза мѣнялъ мѣсто. До момента разоруженія дружины лѣвыхъ с.-р. помѣщеніе корпуса было неприкосновенно. По взятіи зданія, оно подверглось варварскому и дикому разгрому. Изъ музея и музейной библіотеки корпуса украдено все маломальски цѣнное, сорваны вензеля съ эполетъ хранившихся историческихъ мундировъ, раздѣты манекены, разбиты витрины; съ футляровъ и бюваровъ, въ которыхъ помѣщались адреса по случаю 100-лѣтія корпуса, сорваны всѣ накладныя части, украдены цѣнные бюсты, гипсовые разбиты, картины изорваны и т. п. Архивный фондъ музея, какъ не имѣющій рыночной цѣны, лишь разбросанъ, затоптанъ, выкинутъ изъ хранилищъ. Потери несомнѣнно велики, но точно установить ихъ до полной разборки дѣлъ не представляется возможнымъ. Архивъ вмѣщалъ около 11,000 дѣлъ, за время съ 1801 по 1917 гг.

Архивъ бывшаго Александровскаго Лицея обнимаетъ періодъ времени съ 1811 по 1917 гг. и содержитъ около 5,000 дѣлъ.

Къ Октябрю 1917 г. въ Архивѣ бывшаго Главнаго Управленія вѣдомства императрицы Маріи числилось по описямъ 91.928 дѣлъ и 414 чертежей и плановъ. За время съ Октября 1917 г. по Октябрь 1918 г. въ Архивъ вновь поступило около 96.500 дѣлъ, изъ нихъ около 10.000 въ не сформированномъ видѣ. Въ ближайшее время въ Архивъ должно поступить до 30.000 дѣлъ упраздненныхъ институтовъ и другихъ учрежденій вѣдомства. Среди дѣлъ, храня-

щихся въ архивѣ, имѣются дѣла времени Екатерины II; имѣютъ поступить дѣла Екатерининской и Елисаветинской эпохъ.

Въ Архивѣ Военно-учебныхъ заведеній имѣется значительное количество цѣнныхъ фондовъ. Такъ, напр., имѣются бумаги Я. И. Ростовцева, личная переписка покойнаго вел. кн. Константина Константиновича. Архивъ 1 Кадетскаго корпуса сохранился съ 1732 г. — года основанія Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса. Архивъ находился въ полной запущенности, — дѣла были свалены грудами на полу, съ книгами, обрывками бумагъ, картона, сломанными моделями, обломками мебели, окурками, всякимъ соромъ и даже дробью и порохомъ. Предстоитъ большая работа по приведенію его въ порядокъ.

Въ Цензурный Отдѣлъ 1 Отдѣленія IV Секціи включены дѣла: Главнаго Управленія по дѣламъ печати за 1865 — 1917 гг.; Спб. Цензурнаго Комитета и Комитета по дѣламъ печати за 1850 — 1917 гг.; Спб. Комитета иностранной цензуры (1860 — 1916); Главнаго Управленія цензуры (1860 — 1862); Особенной Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія по дѣламъ книгопечатанія (1862 — 1863); Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (1863—1865); Временнаго Комитета по дѣламъ печати при Департаментѣ Полиціи (1862—1865); Центральнаго Управленія по цензурному вѣдомству (1863—1865); часть дѣлъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи и Военной цензуры. Цензурный отдѣлъ I Отдѣленія IV Секціи заключаетъ въ себѣ до 200.000 дѣлъ, представляющихъ высокую цѣнность для исторіи общественныхъ движеній и настроеній, особенно времени Александра II, а также для исторіи книги въ Россіи.

Во 2 Отдѣленіе IV Секціи поступили слѣдующіе Архивные фонды: Синодальной Канцеляріи, Хозяйственнаго Управленія и Контроля, до 100.000 дѣлъ и книгъ, Учебнаго Комитета и Училищнаго Совѣта со статистикой, до 20.000 дѣлъ и книгъ; ожидается въ ближайшее время поступленіе архивныхъ фондовъ Департамента по дѣламъ православной церкви, свыше 200.000 дѣлъ и книгъ.

Кромѣ того, въ это Отдѣленіе должны поступить: Архивъ Управленія придворными церквами и духовенствомъ, до 20.000 дѣлъ и 3.500 книгъ; Архивъ Управленія военными

церквами и духовенствомъ, свыше 300.000 дѣлъ и 40.000 книгъ; Архивъ Консисторскій, свыше 350.000 дѣлъ и 45.000 книгъ; Архивъ Александро-Невской Лавры, до 150.000 дѣлъ; Архивъ Канцеляріи Митрополита, до 50.000 дѣлъ; Архивы монастырей, церквей, подворій, благочинническіе, духовныхъ слѣдователей, духовно-учебныхъ заведеній и благотворительныхъ учрежденій.

Изъ перечисленныхъ Архивовъ особое мѣсто занимаетъ Архивъ Александро-Невской Лавры. Онъ имѣетъ несомнѣнное научное значеніе, такъ какъ Александро-Невская Лавра въ теченіе двухъ столѣтій являлась школой церковныхъ администраторовъ и здѣсь былъ центръ управленія обширнаго сѣвернаго края, прилегавшаго къ Петрограду; въ виду этого Архивъ Лавры имѣетъ и общегосударственное значеніе.

Благодаря богатымъ матеріальнымъ средствамъ, какими обладала Лавра, и близости къ Петроградской Академіи съ ея научными силами, Архивъ Александро-Невской Лавры давно уже получилъ правильную систематизацію, а въ послѣднее время и научное описаніе. Архивъ весь разобранъ, къ нему составленъ карточный указатель, согласно требованіямъ архивной науки; онъ сдѣлался доступнымъ для научнаго пользованія. Лавра давно уже приступила къ печатанію научнаго описанія Архива и выпустила три тома, обнимающіе дѣла времени Петра Великаго.

Не оставляетъ желать лучшаго помѣщеніе и оборудованіе этого Архива. Онъ устроенъ въ прекрасномъ новомъ помѣщеніи ризницы Лавры, гдѣ ему отведены двѣ большія, свѣтлыя, съ огромными окнами, съ плиточными полами и сводами комнаты.

Изъ фондовъ, входящихъ въ составъ 1 Отдѣленія V Секціи, особое вниманіе обращаютъ на себя фонды поіезуитскіе. Тутъ имѣются документы начиная съ XVI столѣтія, принадлежавшіе какъ самимъ іезуитскимъ учрежденіямъ, такъ и тѣмъ учрежденіямъ, которыя впослѣдствіи вѣдали поіезуитскими имѣніями и капиталами.

Большой интересъ представляютъ лѣтописи, или записи, которыя велись въ іезуитскихъ коллегіяхъ и миссіяхъ, касавшіяся нерѣдко политическихъ и историческихъ событій. Такъ, напр., имѣются матеріалы, дающіе описаніе осады Смоленска

русскими войсками, избраніе Михаила Федоровича Романова на царство (1613—1617 гг.) и т. п.

Большой интересъ представляетъ поступившій въ то же Отдѣленіе Архивъ Главнаго Управленія Удѣловъ. Несомнѣнную цѣнность имѣютъ находящіеся въ немъ документы XVII и XVIII вв. по исторіи крестьянъ; затѣмъ коши и частью подлинники брачныхъ договоровъ и духовныхъ завѣщаній всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, начиная съ Павла I. Центральный же интересъ и значеніе представляютъ дѣла о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ всѣхъ наименованій, а также удѣльныхъ и горнозаводскихъ, о колонизаціи ближнихъ и дальнихъ русскихъ окраинъ въ XVIII и XIX вв., о мобилизаціи земельныхъ фондовъ и т. д. Матеріалы эти лишь частично подверглись научной обработкѣ и еще ждутъ своего изслѣдователя.

За 1918 годъ 1 Отдѣленіе V Секціи приняло до 300.000 дѣлъ новыхъ архивныхъ фондовъ, изъ присоединенныхъ къ нему Архивовъ. Предстоитъ большая работа по ихъ систематизаціи и разборкѣ. Кромѣ двухъ названныхъ Архивовъ, въ его составъ вошли: Архивъ Государственнаго Коннозаводства, Архивъ Землемѣрно-Технической части, часть Архива Комиссаріата Продовольствія (до октябрьскаго переворота), Архивъ Переселенческаго Управленія, Плановой Архивъ Отдѣла Земельныхъ улучшеній, Архивъ Петроградско-Псковскаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и дѣла отдѣльныхъ частей бывшаго Министерства Земледѣлія.

Чрезвычайно затрудняетъ работу Отдѣленія произведенная въ концѣ 1917 г. эвакуація основного Архива Отдѣленія въ Нижній-Новгородъ. Всего было отправлено 305 ящиковъ, въ 5 вагонахъ, причемъ отправлены и карточные алфавиты и описи Архива. Отдѣленіе очень озабочено возвращеніемъ означенныхъ дѣлъ, описей и алфавита.

Въ составъ 2 Отдѣленія V Секціи влились многочисленные Архивы учрежденій Министерства Финансовъ, Министерства Промышленности и Торговли и Государственнаго Контроля. Значительная часть этихъ Архивовъ требовала охраны и немедленнаго вывоза. Показательной въ этомъ отношеніи является судьба Архива Департамента Неокладныхъ Сборовъ. Его помѣщеніе понадобилось для Комиссаріата Торговли и Промышленности, и солдатамъ пограничной стражи было

приказано вскрыть Архивъ и перебросить его дѣла въ другое помѣщеніе. Когда къ комиссару Торговли и Промышленности обратились съ протестомъ по поводу такого распоряженія, онъ высказалъ недоумѣніе, зачѣмъ хранить дѣла Департамента Неокладныхъ Сборовъ, такъ какъ правительству соціалистической республики не интересно знать, сколько ранѣе крестьянами выпивалось водки. Одинъ изъ сотрудниковъ комиссара угрожалъ, въ случаѣ промедленія съ вывозомъ дѣлъ, призвать красноармейцевъ и поручить имъ вышвырнуть всѣ архивныя дѣла.

Въ составъ 3 Отдѣленія V Секціи вошли дѣла бывшаго общаго Архива Министерства Путей Сообщенія, Архивъ Управленія желѣзныхъ дорогъ, Архивъ земельно-юридической части того же Управленія, Архивъ ликвидаціонной части того же Управленія, Архивъ Управленія по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, Архивъ Управленія внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ. Въ вѣдѣніе того же Отдѣленія поступили бумаги и дѣла текущаго дѣлопроизводства бывшаго Министерства Путей Сообщенія, а затѣмъ Комиссаріата, а также остатки библіотекъ, оставленныхъ въ зданіяхъ вѣдомства на Фонтанкѣ, послѣ эвакуаціи въ Москву.

Для спасенія и сохраненія оставшихся въ громадномъ количествѣ чертежей, плановъ, бумагъ и дѣлъ текущаго дѣлопроизводства и печатныхъ изданій, необходимо было получить соотвѣтствующее помѣщеніе, такъ какъ прежнее помѣщеніе Архива Министерства было настолько переполнено, что не могло вмѣстить новыхъ фондовъ. Съ большимъ трудомъ удалось получить отъ Комиссаріата Путей Сообщенія необходимое помѣщеніе. Сюда служащіе Отдѣленія, при содѣйствіи рабочихъ, командировавшихся время отъ времени Главнымъ Управленіемъ Архивнаго Дѣла, переносили послѣ разбора на мѣстахъ и на основаніи выработаннаго плана размѣщенія фондовъ, бумаги, дѣла, чертежи и печатныя изданія, разбросанные по разнымъ складамъ, комнатамъ, корридорамъ, лѣстницамъ, шкафамъ трехъ домовъ вѣдомства по Фонтанкѣ, а отчасти брошенные по частнымъ квартирамъ, занимавшихся Комиссаріатомъ Путей Сообщенія въ разныхъ частяхъ города. Много дѣлъ оказалось брошенными въ полномъ безпорядкѣ въ помѣщеніи гимнастическаго зала общества „Соколъ“. Удалось спасти многое. Изъ собраннаго печатнаго матеріала

образуется спеціальная справочная библіотека; нѣкоторые фонды будутъ имѣть особенно важное научное значеніе для исторіи нашего времени; таковы, напр., всеподданнѣйшіе доклады министровъ путей сообщенія съ отмѣтками Николая II, найденные въ кучахъ мусора на одной изъ лѣстницъ, бумаги за время февральской революціи и т. д.

Особый отдѣлъ при 3 Отдѣленіи V Секціи составятъ Архивы почтъ и телеграфовъ. Въ виду весьма значительной справочной дѣятельности почтовыхъ архивовъ, ведутся розысканія съ цѣлью возможно правильнаго разграниченія матеріаловъ историческаго и живого справочнаго значенія. Эта работа затруднена тѣмъ, что не имѣется достаточно подробныхъ описей. Въ отдѣлѣ удалось выяснить существованіе цѣнныхъ фондовъ, какъ, напримѣръ, телеграммы членовъ бывшей царской фамиліи, имѣющія несомнѣнный историческій интересъ.

Въ составъ 1 Отдѣленія VI Секціи вошли архивные фонды: бывшаго Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣлопроизводство Департамента Общихъ Дѣлъ, Главнаго Управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, Земскаго Отдѣла, Управленія Воинской повинности, часть дѣлопроизводства уѣзднаго по воинской повинности присутствія и по призрѣнію воиновъ и ихъ семей; дѣлопроизводство бывшаго Техническо-строительнаго Комитета, Ветеринарнаго Управленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣла Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ Царства Польскаго, Архивъ бывшаго Главнаго Военно-Санитарнаго Управленія, Архивъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, Архивъ Сѣвернаго Раіона Общества Краснаго Креста, Архивъ Главнаго Военно-Ветеринарнаго Управленія, дѣлопроизводство Александровскаго Комитета о раненыхъ и т. д.

Многіе изъ перечисленныхъ учрежденій эвакуированы въ Москву, и Архивы и дѣлопроизводства ихъ неизвѣстно гдѣ находятся, и фактически еще не могутъ слиться съ Отдѣленіемъ; другіе фонды, наоборотъ, требуютъ спѣшной перевозки, такъ какъ занимаемыя ими помѣщенія необходимы для новыхъ организацій и оставленіе ихъ тамъ сопряжено съ опасностью.

Во 2 Отдѣленіе VI Секціи включены Архивы бывшихъ сословныхъ учрежденій. Они имѣютъ большую историческую цѣнность, какъ ведущіе начало со времени Петра Великаго. Архивы управленія и самоуправленія Петрограда заключаютъ

въ себѣ до милліона бумагъ и документовъ и находятся въ помѣщеніяхъ, гдѣ невозможна не только научная работа, но и выдача текущихъ справокъ. Такъ, напр., въ помѣщеніи бывшей ремесленной Управы дѣла иностраннаго отдѣла свалены въ кучу съ мусоромъ въ подвалѣ, въ который нельзя проникнуть иначе, какъ ползкомъ, рядомъ съ проходнымъ отдѣленіемъ кладовой для храненія продуктовъ. Самое помѣщеніе занято Штабомъ Красной Арміи 1-го Городского Района.

Спасеніе и сохраненіе архивныхъ фондовъ 2 Отдѣленія VI Секціи зависитъ въ значительной степени отъ скорѣйшаго пріисканія и оборудованія соотвѣтствующаго помѣщенія. На выполненіи этой задачи и сосредоточены все вниманіе и силы Отдѣленія.

Основнымъ фондомъ, вошедшимъ въ составъ 1 Отдѣленія VII Секціи является архивъ и текущее дѣлопроизводство бывшаго Департамента Полиціи отъ 1802 до Февраля 1917 гг. включительно. Кромѣ того въ составъ Отдѣленія вошли остатки архива и производства Спб. Охраннаго Отдѣленія, остатки Архивовъ жандармскихъ управленій Финляндскаго и эвакуированныхъ изъ западнаго края и Архивъ Палаты Михаила Архангела. 1 Отдѣленіе VII Секціи занимаетъ среди другихъ Отдѣленій особое мѣсто. Въ то время, какъ другіе Архивы въ качествѣ вѣдомственныхъ, существовали давно и, преобразованные въ Отдѣленія Единаго Государственнаго Архивнаго Фонда, лишь принимали въ свой составъ другіе архивы и отдѣльные фонды, Историко-Революціонному Архиву пришлось начать свою организацію съ перваго шага и при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Прежде всего—въ концѣ Февраля—началѣ Марта 1917 г. Департаментъ полиціи подвергся сильному разгрому; многія дѣла были уничтожены, весьма многія разбиты и разрознены. Отдѣленіе получило остатки Архивовъ Охраннаго Отдѣленія и жандармскихъ въ совершенно разгромленномъ видѣ. Вслѣдствіе перевозки дѣлъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи (1802—1880 гг.) и Архива Департамента Полиціи (1881—1905 гг.) въ Академію Наукъ, невозможно было начать предварительную ихъ разборку; дѣла были размѣщены въ Академіи Наукъ въ пяти различныхъ комнатахъ, при чемъ уложены были дѣла не по внутренней ихъ связи, а исключительно въ соотвѣтствіи съ емкостью предоставленныхъ комнатъ. Дѣла, оставшіяся въ зданіи Депар-

тамента Полиціи въ огромномъ количествѣ безъ всякой регистраціи и описей необходимо было спѣшно перевезти въ новое помѣщеніе—зданіе бывшаго Сената, не приспособленное въ то время къ ихъ храненію. Съ перевозки этихъ дѣлъ и начало въ серединѣ Іюля 1918 года свою дѣятельность 1 Отдѣленіе VII Секціи.

Перевозка продолжалась и въ Августѣ. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, невозможно было избѣжать разбивки дѣлъ. Въ новомъ помѣщеніи не имѣлось еще соотвѣтствующихъ шкафовъ, и дѣла приходилось складывать пачками на полу различныхъ комнатъ, отчего дѣла неизбѣжно смѣшивались. Только послѣ установки шкафовъ, съ середины Августа, Отдѣленіе приступило къ разборкѣ и установкѣ дѣлъ по намѣченному плану, по дѣлопроизводствамъ, годамъ и номерамъ. Одновременно началась перевозка и другихъ фондовъ Отдѣленія изъ Академіи Наукъ, но изъ за отсутствія достаточнаго количества перевозочныхъ средствъ очень затянулось, что значительно затрудняло общую работу Отдѣленія.

Бывшее III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи заключаетъ въ себѣ 5 экспедицій и 15 мелкихъ фондовъ: 1) Дѣла особой Канцеляріи Министерства Полиціи (1800—1816 гг.); 2) Дѣла особой Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1817—1826 гг.); 3) Дѣла харьковскаго генералъ-губернатора; 4) Дѣла Военно-Слѣдственной Комиссіи; 5) Дѣла, переданныя изъ штаба корпуса жандармовъ; 6) Дѣла жандармскихъ округовъ (1827—1838 гг.); 7) Дѣла Высочайше утвержденной Слѣдственной Комиссіи (Муравьевской); 8) Дѣла Верховной Распорядительной Комиссіи (Лорисъ-Меликовской); 9) Дознанія генералъ-маіора Середы; 10) Доклады о дерзкихъ словахъ (1858—1880 гг.); 11) секретный архивъ (1800—1860 гг.); 12) секретныя свѣдѣнія—перлюстрація (1856—1884 гг.); 13) Дѣла Алексѣевскаго Равелина; 14) Высочайшіе отчеты и доклады по III Отдѣленію (съ 1826 г.).

Въ Архивъ бывшаго Департамента Полиціи входятъ дѣла съ 1881 по 1903 гг.; „текущія дѣла“ съ 1903 по 1917 гг., разбиты по девять дѣлопроизводствъ, которыя распредѣлялись такъ: 1-е—преимущественно дѣла личнаго состава полиціи; 2-е—главнымъ образомъ, проекты положеній, инструкцій чинамъ полиціи, разработки предложеній о мѣрахъ охраненія порядка и объ иностранцахъ; 3-е—до 1908 г. касалось не-

гласнаго надзора, политической неблагонадежности, выбора мѣстъ жительства; позднѣе въ немъ сосредоточилась денежная отчетность по агентурно-розыскнымъ надобностямъ; 4-е—наблюденіе за всѣми видами общественнаго движенія, кромѣ партійныхъ; 5-е—высылка разныхъ лицъ и свѣдѣнія о поднадзорныхъ; 6-е—переписка о политической благонадежности; 7-е—касается наблюденій за жандармскими дознаніями по обвиненію лицъ въ государственныхъ преступленіяхъ, позднѣе—вопросовъ законодательнаго характера; 8-е—остатки его—дѣла по борьбѣ съ преступностью; 9-е—проступки иностранныхъ подданныхъ и шпіонажъ.

Кромѣ того, имѣется огромный „Особый отдѣлъ“ (до 180.000 дѣлъ) и „Секретная часть Особаго Отдѣла“. Первый—за 1896—1917 гг.—преимущественно касается политическаго розыска и наблюденія за партійными организаціями, союзами и т. п.; въ него же входятъ а) инспекторскій отдѣлъ и б) дѣла канцеляріи тов. министра, ген.-маіора Джунковскаго. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ дѣла объ отдѣльныхъ сотрудникахъ и выдающихся революціонерахъ, денежная отчетность по секретнымъ расходамъ. Къ нему присоединены: а) архивъ Меллеръ-Закомельскаго, б) перлюстраціонный архивъ, в) собраніе шифровъ, г) остатки фондовъ Охраннаго и жандармскихъ отдѣленій, е) архивъ Палаты Михаила Архангела, ж) огромное количество карточныхъ указателей именъ, списковъ, фотографическихъ карточекъ и т. п.

Кромѣ указанныхъ фондовъ, при 1 Отдѣленіи VII Секціи имѣется библіотека нелегальныхъ изданій (напечатанныхъ какъ заграницей, такъ и въ Россіи), а также изданій 1905 г. и послѣдующихъ годовъ, конфискованныхъ, отобранныхъ при обыскахъ, уничтоженныхъ и т. п.

Первой задачей работы Отдѣленія былъ учетъ всего, что получило Отдѣленіе отъ Департамента полиціи, а также установленіе степени утраты дѣлъ при разгромѣ Департамента Полиціи въ февральскіе дни.

Одновременно съ приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ и составленіемъ къ нимъ описей, Отдѣленіе приступило къ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ открытіемъ имѣющагося архивнаго богатства для научнаго пользованія. Для выполненія этой задачи, намѣченъ проектъ составленія научнаго описанія всѣхъ дѣлъ Архива. Въ основу этой работы

положенъ принципъ библіографированія, такъ какъ описаніе дѣлъ значительно затянуло бы работу и все равно не избавило изслѣдователя отъ необходимости въ отдѣльныхъ случаяхъ непосредственнаго подробнаго знакомства съ подлиннымъ документомъ. Работы по научному описанію Архива уже начаты.

Второе Московское Отдѣленіе I Секціи во время октябрьскихъ событій 1917 г. наиболѣе пострадало изъ всѣхъ своихъ архивныхъ московскихъ собратій. Вся канцелярія, съ находившимися въ ней библіотечными шкафами, гдѣ помѣщались книги, описи къ канцелярскимъ дѣламъ и архивнымъ документамъ, съ принесенными изъ хранилища документами для занятій, для справокъ, съ десятками тысячъ собранныхъ за долгіе годы работы алфавитныхъ карточекъ къ разнымъ отдѣламъ Архива, какъ напр., къ дѣламъ Конторы строеній (она же Гофинтендантская), статсъ-секретарей, генералъ-рекетмейстера, дѣлами самой канцеляріи Отдѣленія—была разбита. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ пострадало и самое архивное помѣщеніе, при чемъ документы оказались выброшенными изъ картоновъ, папокъ и ящиковъ на полъ, а самые ящики оказались украденными.

Въ канцеляріи все содержимое шкафовъ было выброшено на полъ, порвано, смѣшано съ разбитой мебелью, пересыпано массой битаго стекла отъ хранившихся въ отдѣленіи многочисленныхъ діапозитивовъ и разбитыхъ электрической арматуры и оконныхъ стеколъ. Все это составляло груды мѣстами до аршина въ вышину. Изъ-за разбитыхъ оконъ помѣщеніе настолько настыло, что температура въ немъ была много ниже нуля.

Потребовалось много труда и энергіи, чтобы привести въ порядокъ архивные матеріалы, находившіеся въ столь хаотическомъ состояніи. Лишь къ началу лѣта 1918 г. архивные фонды Отдѣленія были возвращены къ основнымъ своимъ группамъ, разобраны и приведены въ порядокъ разгромленныя части архивнаго хранилища. Детальный же подборъ отдѣльныхъ листовъ, а также приведеніе въ порядокъ алфавитныхъ карточекъ затянулись гораздо дольше.

Съ выполненіемъ этой работы еще не кончились злоключенія Отдѣленія. Военнымъ властямъ потребовалось, въ военно-стратегическихъ цѣляхъ, помѣщеніе архивной канцеляріи, и

служащимъ Архива спѣшно пришлось переносить все, имѣвшееся въ канцеляріи, въ помѣщеніе архивнаго хранилища, здѣсь же въ Кремлѣ, въ Кавалерскомъ корпусѣ, противъ Троицкой башни. Только здѣсь, въ Іюлѣ текущаго года, удалось снова наладить жизнь и работу Отдѣленія, потекшую въ двухъ направленіяхъ, — въ описаніи архивныхъ матеріаловъ и реставраціи тѣхъ изъ нихъ, которые были попорчены. Послѣдняя работа представляла большія затрудненія, такъ какъ, напр., было нелегко найти хорошую бумажную кальку для подклеиванія попорченныхъ документовъ.

Подлежащіе въ настоящее время описанію документы по Конторѣ строеній относятся ко времени возникновенія С.-Петербурга и заключаютъ много интересныхъ данныхъ изъ области исторіи искусства по части застройки столицы. Дѣла же Статсъ-Секретарей даютъ обильный матеріалъ по исторіи администраціи, суда и быта конца XVIII вѣка. Одновременно разбирается совершенно разбитый и перепутанный за время октябрьской революціи 1917 г. архивъ гр. П. А. Шувалова, бывшаго Варшавскаго генералъ-губернатора; этотъ архивъ подлежитъ сдачѣ въ 3 Московское Отдѣленіе I Секціи.

Въ 3 Московское Отдѣленіе I Секціи новыхъ поступленій за годъ не было; Отдѣленіе приняло лишь на храненіе около 400 запечатанныхъ ящиковъ, эвакуированныхъ изъ Петрограда различными учрежденіями Комиссаріата по Иностраннымъ Дѣламъ.

Работа Отдѣленія за годъ выразилась главнымъ образомъ въ описаніи документовъ. Въ 3 Московскомъ Отдѣленіи I Секціи хранится до 8,000 столбцовъ XVII в., содержащихъ иногда по сотнѣ дѣлъ, не доступныхъ для научныхъ занятій, такъ какъ они не имѣютъ даже самой краткой инвентарной описи. Кромѣ того, весьма многія дѣла XVII и XVIII в. имѣютъ неудовлетворительныя описи.

За годъ вновь описано до тысячи дѣлъ. Изъ наиболѣе интересныхъ документовъ, разобранныхъ въ послѣднее время, слѣдуетъ назвать — о расколѣ въ Новгородской области, о пребываніи братьевъ Лихудовъ въ Москвѣ и отношеніи къ нимъ Московскаго духовенства, объ Устюжскомъ бунтѣ 1648 г., о Псковскомъ бунтѣ 1651 г., матеріалы къ біографіи боярина А. С. Матвѣева.

Въ 1 Московское Отдѣленіе II Секціи поступило 800 пудовъ дѣлъ, присланныхъ изъ Архива Воронежскаго Окружнаго Суда. При разборкѣ ихъ приходилось дѣлать исправленія и дополненія въ регистраціонныхъ и канцелярскихъ описяхъ, полученныхъ изъ Воронежа. Жизнь Отдѣленія ничѣмъ не нарушалась и текла по установленному порядку, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на научной разработкѣ многочисленныхъ документовъ, какими оно владѣетъ, и составленію алфавитныхъ указателей и описей.

Второму Московскому Отдѣленію IV Секціи, основнымъ фондомъ котораго является Патріаршая библіотека, помѣщающаяся въ Кремлѣ, пришлось немало пережить въ тревожные октябрьскіе дни. Отъ сотрясенія, которое производили въ зданіяхъ патріаршаго дома разрывавшіеся снаряды, лопались стекла и въ помѣщеніи для научныхъ занятій, и въ рукописномъ отдѣленіи; въ послѣднее попалъ осколокъ снаряда, повредившій деревянный шкафъ, но ни одинъ документъ не пострадалъ.

Вслѣдъ за этимъ начались новыя бѣды. Стеколъ, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и матеріала, долго нельзя было вставить; къ тому же, за отсутствіемъ дровъ, помѣщеніе оставалось неотопленнымъ, отчего началась сырость. Положеніе становилось критическимъ, и лишь благодаря пожертвованнымъ патріархомъ 1000 рублямъ, удалось добыть дрова и осушить помѣщеніе настолько, чтобы избѣжать опасности гибели древнихъ документовъ.

Съ включеніемъ Патріаршей библіотеки въ составъ Единаго Государственнаго Архивнаго фонда, при ней было устроено помѣщеніе для научной работы по разборкѣ старыхъ дѣлъ, въ главной массѣ хранящихся въ Никольской башнѣ Московскаго Кремля.

Согласно намѣченному плану въ Отдѣленіе должны были поступить рукописи Троице-Сергіевской Лавры, но передача этихъ дѣлъ временно отложена.

Изъ новыхъ поступленій въ Отдѣленіе за послѣднее время можно отмѣтить только одно, но исключительной цѣнности — Мстиславово Евангеліе. Ранѣе оно хранилось въ Патріаршей ризницѣ, пострадавшей отъ двухъ попавшихъ въ нее снарядовъ. Витрина съ Мстиславовымъ Евангеліемъ была засыпана известью, кирпичной пылью и осколками стекла.

Послѣ этого Мстиславово Евангеліе было передано для приведенія въ надлежащій видъ въ Патріаршую библіотеку и тамъ оставлено на храненіе.

При работѣ надъ вновь поступившими въ Отдѣленіе фондами удалось сдѣлать рядъ цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи находокъ. Такъ, въ 1 Петроградское Отдѣленіе II Секціи поступили найденные при разборкѣ дѣлъ Министерства Юстиціи цѣнные документы XVIII и начала XIX вѣковъ, а именно: 1) подлинныя бумаги 1727, 1728 гг. изъ дѣла о кн. А. Д. Меньшиковѣ; 2) донесеніе Павла Ягужинскаго 1722 г. Петру I и другіе документы времени Петра I и Петра II; 3) нѣсколько книгъ и папокъ подлинныхъ высочайшихъ указовъ генералъ-прокурорамъ Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I; 4) бумаги Д. П. Трощинскаго и записки патера Грубера; 5) найденныя въ книжной кладовой всеподданѣйшія записки гр. Блудова 1840-хъ годовъ и другія.

Въ то же Отдѣленіе поступили хранившіяся ранѣе въ залѣ Общаго Собранія Сената подлинная инструкція Петра I 27 Января 1722 г. о должности генералъ-прокурора, собственноручныя бумаги Екатерины II, касающіяся комиссіи по составленію Уложенія, въ томъ числѣ проектъ Наказа; ея же рукопись Учрежденія о губерніяхъ; документы объ отреченіи отъ престола великаго князя Константина Павловича, принятіи императоромъ Александромъ Первымъ наименованія „благословеннаго“ и проч. Эти документы хранились въ серебряномъ ковчегѣ, именовавшемся „храмомъ славы“, который былъ разгромленъ еще при Временномъ Правительствѣ, и въ другихъ ковчегахъ. Послѣ октябрьскаго переворота ковчеги эти были переданы на храненіе въ Русскій Музей, частью въ замкнутомъ, частью въ вскрытомъ видѣ. Только недавно выяснилось, что документы эти сохранились въ цѣлости и были возвращены въ ту „Сенатскую Архиву“, въ которую на вѣчное храненіе передала Екатерина II эти свои „концепты“ и черновики.

Въ Сентябрѣ во время работъ въ 1 Петроградскомъ Отдѣленіи IV Секціи по упорядоченію Архива бывшаго Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій было найдено болѣе 20 когда то опечатанныхъ связокъ бумагъ, относящихся большею частью къ бывшимъ римско-католиче-

скимъ митрополитамъ Сестренцевичу и Цѣцишовскому. Эти документы (въ томъ числѣ такіе, напр., какъ собственноручные рескрипты Николая I), нигдѣ въ Архивѣ до тѣхъ поръ не зарегистрированные, представляютъ несомнѣнно значительный историческій интересъ, освѣщая дѣятельность столь видныхъ римско-католическихъ іерарховъ въ Россіи. Всѣ они не старше XVIII вѣка.

Тамъ же въ одной изъ связокъ оказалось до 100 документовъ на пергаменѣ и бумагѣ, гораздо болѣе древнихъ. Это большею частью пергаменныя папскія и другія грамоты различнаго содержанія за время XIII—XVIII вѣковъ. Документы были изслѣдованы С. А. Аннинскимъ. Наиболѣе привлекаетъ вниманіе рукопись XIII вѣка (Пергаменъ 60×80 сант. Печать не уцѣлѣла. Шнуръ отъ нея—шелковый красный) — булла-привиллегія папы Гонорія III цистерціанскому монастырю въ Сулеповѣ (на рѣкѣ Пилицѣ, въ позднѣйшей Петроковской губерніи). Въ обычной для привиллегій формулѣ булла выражаетъ согласіе папы взять монастырь этотъ, по его просьбѣ, подъ покровительство Св. Престола. Перечисливъ и утвердивъ земельныя и другія права монастыря, папа даруетъ ему еще новыя льготы и преимущества, освобождающія монастырь не только отъ вмѣшательства свѣтскихъ лицъ, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, и отъ власти мѣстныхъ епископовъ. Подписана булла папою и 17 кардиналами. Ниже подписей — дата: Anno Incarnationis Dominicae MCCXVIII. На оборотѣ пергамена, кромѣ resumé содержанія, есть еще надпись: „Subsequens privilegium tale Gregorii Papae 1228“.

Историки Сулеповскаго монастыря, упоминая о привиллегіи Григорія IX (второй по времени), совершенно умалчиваютъ о первой, видимо, не зная объ ея существованіи.

Другихъ документовъ нынѣ зарегистрировано: XV в.—6, XVI в.—3, XVII в.—45 и XVIII в.—41. Всѣ они, за немногими исключеніями, касаются или только что упомянутаго монастыря, или же цистерціанскаго монастыря въ Копрживницѣ (2 мили отъ Сандоміра въ краковскомъ діоцезѣ). Больше всего среди нихъ папскихъ индульгенцій въ пользу нѣкоторыхъ церквей того или другого изъ названныхъ монастырей. Изъ остального болѣе любопытны: булла Базельскаго Собора

Копржівницкому монастырю, посланіе ему же отъ кардиналовъ-инквизиторовъ, съ печатью Св. Инквизиціи; королевскія грамоты Сигизмунда III (1548 г.) и Владислава IV (1639 г.) о способахъ избранія аббата въ Копржівницѣ — и цѣлый рядъ присяжныхъ грамотъ и постановленій папской Куріи, въ общемъ отражающихъ послѣдовательную смѣну аббатовъ, своего рода предвыборную борьбу при этомъ, попытки свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ наложить руку на привиллегіи монастыря и такимъ образомъ дающихъ до извѣстной степени исторію монастыря въ XVII и XVIII, а отчасти въ XVI и даже XV вѣкахъ.

Во время тѣхъ же работъ, среди всякаго старья, предназначавшагося, видимо, къ уничтоженію, были обнаружены старинныя книги, при томъ нѣкоторыя совершенно исключительной цѣнности. Таковы, напр., инкунабулы, съ расцвѣченными акварелью заставками и съ гравюрами. Книги эти ни въ какіе каталоги внесены не были и въ библіотекѣ не числились.

Обстоятельства и первой и второй находокъ позволяютъ надѣяться на возможность обнаруженія при дальнѣйшихъ работахъ въ Архивѣ и другихъ цѣнныхъ матеріаловъ.

Въ Цензурномъ Отдѣлѣ 1 Петербургскаго Отдѣленія IV Секціи былъ обнаруженъ рядъ непропущенныхъ цензурой рукописей извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, а также много ихъ писемъ.

Однимъ изъ способовъ къ установленію мѣстонахожденія Архивовъ, ихъ учету и выясненію ихъ фондовъ были признаны въ Главномъ Управленіи Архивнымъ Дѣломъ составленіе и разсылка по Архивамъ, а также въ Правительственныя учрежденія и общественныя организаціи опроснаго листа.

Архивныя анкеты производились неоднократно и ранѣе, но при прежнихъ условіяхъ онѣ неизбѣжно были обречены на неудачу. Таковы были судьбы анкеты 1873 года, несмотря на всю энергію Н. В. Калачова. Въ исходѣ третьяго года производства анкеты ему пришлось засвидѣтельствовать, что полученныя данныя касаются почти исключительно центральныхъ архивовъ, да и то не всѣхъ. Представителемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ было указано, что „особенныя свойства занятій этого Министерства не допускаютъ ни гласности, ни вмѣшательства лицъ посторонняго вѣдомства“.

Не дала полной сводки свѣдѣній объ Архивахъ и дѣйствовавшая въ 1884—1889 гг. комиссія подъ предсѣдательствомъ А. А. Половцова. Объяснялось это отчасти характеромъ ея задачи—разрѣшеніе вопроса объ учрежденіи при Государственномъ Совѣтѣ центральнаго Архива для храненія дѣлъ общегосударственной важности—отчасти взаимными служебными и личными отношеніями лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ состояли или непосредственно сами Архивы или тѣ учрежденія, въ составъ которыхъ эти Архивы входили.

Картину такихъ отношеній вскрываетъ слѣдующее письмо директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ отвѣтъ на запросъ А. А. Половцова объ описяхъ дѣлъ.

„О существованіи Высочайше учрежденной Комиссіи по устройству при Государственномъ Совѣтѣ центральнаго Архива для храненія дѣлъ общегосударственной важности узналъ я изъ отношенія Вашего Высокопревосходительства отъ 19 сего Апрѣля за № 1091.

Высочайшее повелѣніе объ образованіи таковой комиссіи, объ ея личномъ составѣ, о программѣ ея дѣятельности и вообще объ ея правахъ, объемѣ и кругѣ дѣйствій мнѣ никогда объявлено не было.

Форма предписанія, данная этой бумагѣ заставляетъ меня недоумѣвать: не подчинены ли этой комиссіи всѣ Архивы въ имперіи или же должностное лицо, редактировавшее эту бумагу и назвавшее меня въ заголовкѣ ея просто директоромъ Московскаго Главнаго Архива игнорируетъ, что оный есть составная часть Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

При такой полной неизвѣстности основаній къ Вашему запросу и въ виду того, что Вы требуете отъ меня, мимо моего прямого начальника г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ, единственно по постановленію подвѣдомственной Вамъ Комиссіи, и въ скорѣйшемъ, по возможности, времени опись нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ, закрѣпленныхъ за сказаннымъ Архивомъ приложеніемъ къ ст. 2319, т. I, Св. Зак. по Прод. 1869 г. § 36, для сосредоточенія ихъ въ вновь устраиваемомъ въ С.-Петербургѣ центральномъ Архивѣ, я могъ бы вовсе не отвѣчать на Вашъ запросъ.

Но, дабы молчаніе мое ни на минуту не было принято за соглашеніе, признаю нелишнимъ сообщить Вамъ, что въ

1873 году я назначенъ былъ Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату директоромъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сколько я понимаю, для охраненія его внутренняго состава въ томъ видѣ, какъ онъ точно опредѣленъ Сводомъ Законовъ, и что преподанная мнѣ Высочайше утвержденная инструкція не предоставляетъ мнѣ права сообщать постороннимъ вѣдомствамъ какія либо свѣдѣнія о составѣ ввѣреннаго мнѣ учрежденія и еще менѣе передавать имъ что либо изъ онаго.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго копію съ запроса Вашего я представилъ на благоусмотрѣніе г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ и, по содержанію этого запроса, буду ожидать приказаній Его Высокопревосходительства".

Анкета Московскаго Археологическаго Общества, произведенная въ 1899 году къ открытію XI Археологическаго съѣзда также не имѣла успѣха, отчасти въ связи съ краткостью срока, предоставленнаго для отвѣта на включенные въ нее сложные вопросы. По подсчету Д. Я. Самоквасова отвѣты были получены только изъ $^1/_{40}$ части правительственныхъ и общественныхъ Архивовъ.

Неполныя свѣдѣнія были получены и по произведенной въ 1917 году анкетѣ Союза Россійскихъ Архивныхъ дѣятелей. На 24 вопроса этой анкеты нѣкоторые Архивы дали такіе, напр., отвѣты. Архивъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, заключающій въ себѣ богатое собраніе разнородныхъ и цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи дѣлъ, ограничился сообщеніемъ свѣдѣній объ адресѣ, числѣ служащихъ, числѣ дѣлъ, названіи двухъ упраздненныхъ вѣдомствъ, дѣла которыхъ находятся въ Архивѣ, и указаніемъ, кѣмъ дается разрѣшеніе на право занятій въ Архивѣ. Ветеринарное Управленіе и Николаевская Военная Академія отвѣтили, что Архива у нихъ не имѣется. Управленіе желѣзныхъ дорогъ заявило, что документы его Архива „едва ли могутъ представлять интересъ для Союза Архивныхъ дѣятелей". Начальникъ Петроградскаго Орудійнаго Завода отвѣтилъ, что Архива нѣтъ, а есть „помѣщеніе для храненія дѣлъ и нарядовъ, которые хранятся короткое время и затѣмъ уничтожаются, такъ какъ не представляютъ собою историческаго матеріала".

Теперь составленіе проекта опроснаго листа было возложено на извѣстнаго архивнаго дѣятеля И. Л. Маяковскаго,

который въ основу своей работы положилъ какъ результаты опыта предшествовавшихъ анкетъ, такъ и особо широкія задачи, которыя выдвинуло настоящее время.

Основной цѣлью анкеты, по мнѣнію И. Л. Маяковскаго, должно быть сосредоточеніе въ Справочно-Статистическомъ Отдѣлѣ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ всѣхъ архивныхъ данныхъ, которыя могли бы обслуживать какъ разные отдѣлы Главнаго Управленія, такъ и запросы ученыхъ изслѣдователей и лицъ, интересующихся архивнымъ дѣломъ.

Самое понятіе объ Архивахъ, подлежащихъ анкетѣ, должно быть расширено, какъ въ силу декрета о регистраціи архивныхъ дѣлъ, такъ и въ зависимости отъ фактическаго положенія, въ какомъ оказались Архивы и тѣ учрежденія, при которыхъ они состоятъ, послѣ Октября 1917 г. и особенно послѣ эвакуаціи учрежденій въ Мартѣ 1918 года. Необходимо подвергнуть учету не только такъ называемые „окончательные архивы", но и все дѣлопроизводство и переписку, которыя подлежатъ передачѣ въ Архивъ послѣ упраздненія, реорганизаціи или эвакуаціи соотвѣтственнаго учрежденія.

Анкета должна освѣтить главныя стороны жизни и дѣятельности Архивовъ, а именно: а) всѣ текущія перемѣны, происходившія съ Архивами въ связи съ событіями 1917 и 1918 годовъ; б) наличность и состояніе основныхъ слагаемыхъ каждаго Архива — дѣлъ, заключающихся въ немъ, и живой силы, его обслуживающей, и в) численность и характеристику архивныхъ фондовъ, степень ихъ цѣнности въ историческомъ, археологическомъ, художественномъ и музейномъ отношеніяхъ, а также внутреннюю организацію и структуру Архивовъ.

Составленный И. Л. Маяковскимъ проектъ анкеты, предварительно ея разсылки [1]), былъ разсмотрѣнъ въ Справочно-Статистическомъ Совѣщаніи, въ Совѣщаніи Управляющихъ Петроградскими Отдѣленіями Секцій Государственнаго Архивнаго фонда и въ Комитетѣ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ.

Въ настоящее время Справочно-Статистическимъ Отдѣломъ уже приступлено къ разработкѣ полученныхъ по анкетѣ

[1]) Текстъ анкеты см. на стр. 50—53 въ примѣчаніи къ статьѣ А. С. Николаева.

данныхъ. Въ ближайшее время на основаніи этихъ данныхъ въ первую очередь будетъ издана справочная книжка по Петроградскимъ и Московскимъ Отдѣленіямъ Секціи Государственнаго Архивнаго фонда.

Бо́льшая часть Архивовъ только юридически включены въ Единый Государственный Архивный Фондъ, но фактически пока еще не вошли въ составъ Отдѣленій. Возложить сообщеніе свѣдѣній о такихъ Архивахъ на учрежденія, при которыхъ онѣ состоятъ, въ большинствѣ случаевъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ въ этихъ учрежденіяхъ нерѣдко не имѣется вполнѣ подготовленныхъ для того лицъ, а часто уже не существуетъ и самихъ учрежденій, при которыхъ Архивы состояли. По отношенію къ Архивамъ этой категоріи пришлось на первыхъ порахъ ограничиться собираніемъ лишь самыхъ основныхъ свѣдѣній. Тяжелая работа по отысканію такихъ Архивовъ и ихъ обслѣдованію, хотя бы въ самыхъ основныхъ чертахъ пришлось возложить на инспекцію и персоналъ Отдѣленій и безъ того перегруженныхъ другой работой.

Обслѣдованіе дало очень яркіе результаты. Оказалось, что цѣлые Архивы и дѣлопроизводства уничтожены, какъ ненужные, напрасно занимающіе своими бумагами тѣ помѣщенія, которыя пригодны для другихъ надобностей; были случаи, когда дѣла сжигались, чтобы не тратить денегъ на ихъ перевозку. Сознаніе о цѣнности архивнаго документа не проникло достаточно даже въ ту среду, гдѣ оно, казалось бы, давно должно было укорениться. Даже учебныя заведенія иногда обращаются съ старыми дѣлами, какъ старымъ, негоднымъ для употребленія имуществомъ. Темная комната, гдѣ сложены дѣла, служила сторожу для просушки бѣлья и другихъ хозяйственныхъ надобностей (бывшій Петроградскій Екатерининскій институтъ); часть дѣлъ сложена въ сыромъ сараѣ и нежиломъ, не запиравшемся флигелѣ, гдѣ ими играли дѣти (бывшій Павловскій институтъ) и т. п.

Одновременно производились розыски и обслѣдованіе и тѣхъ Архивовъ, которые, не принадлежа правительственнымъ или общественнымъ учрежденіямъ, имѣютъ, однако, несомнѣнную цѣнность въ научномъ отношеніи и въ то же время по тѣмъ или инымъ причинамъ не могли быть охранены ихъ собственниками. Таковы, напр., архивы прекра-

тившихъ свое существованіе періодическихъ изданій и архивы частныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, изъ этихъ архивовъ пострадали очень многіе. Отъ такихъ цѣннѣйшихъ для исторіи періодической печати Архивовъ, какъ, напр., Архивы газетъ „Биржевыя Вѣдомости“ и „Новое Время“, уцѣлѣли жалкіе остатки. Первому Петроградскому Отдѣленію IV Секціи удалось, благодаря содѣйствію З. Г. Гринберга, спасти частично пострадавшій Архивъ Рибопьеровъ, помѣщавшійся въ особнякѣ (2 рота Измайловскаго полка, 12) и Воронцовыхъ-Дашковыхъ. Охранена часть Архива проф. Шевякова и Архивы адмираловъ Макарова и Дубасова и нѣкоторые др.

Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ принимало мѣры и къ покупкѣ частныхъ Архивовъ. Такъ, имъ купленъ, напр., цѣнный въ историческомъ отношеніи Архивъ С. С. Татищева.

Особенную трудность представляла борьба съ уничтоженіемъ Архивовъ путемъ продажи ихъ скупщикамъ для фабричной переработки. Въ Архивъ Петроградскаго Губернскаго Правленія явился, напр., членъ хозяйственнаго правленія Губернскаго Совдепа и продалъ сданныя туда безъ описи дѣла. Скупщикъ выразилъ лишь неудовольствіе, что продается только около 100 пудовъ бумаги, тогда какъ, по его словамъ, въ другихъ мѣстахъ ему удавалось купить до 3000 пудовъ бумаги.

Въ Петроградѣ существуетъ большая организація по скупкѣ негодной бумаги для фабричной ея переработки. Путемъ произведеннаго инспекціей Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ обслѣдованія выяснилось, какъ много было скуплено этой организаціей Архивовъ, нерѣдко имѣвшихъ несомнѣнную научную цѣнность.

Одинъ изъ скупщиковъ, отказываясь припомнить всѣ случаи пріобрѣтенія имъ казенныхъ Архивовъ, установилъ слѣдующія свои сдѣлки. Въ Мартѣ 1917 года онъ купилъ 500 пудовъ дѣлъ Архива Петроградскаго жандармскаго управленія,—остатокъ отъ разгрома и пожара зданія этого управленія, проданный „командой“. Въ Январѣ или Февралѣ 1918 года онъ же купилъ въ Аничковомъ дворцѣ 200 пудовъ дѣлъ Архива министерства продовольствія. Дѣла эти ранѣе валялись кучами подъ снѣгомъ и дождемъ во дворѣ дворца и въ саду. Весной 1918 года ему было пред-

ложено купить свыше 1000 пудовъ бумаги изъ Комиссаріата Иностранныхъ Дѣлъ; въ томъ же Комиссаріатѣ была еще большая партія предназначенныхъ къ продажѣ бумагъ. Тому же скупщику предлагали купить около 200 пудовъ изъ дѣлъ Главнаго Управленія Казачьихъ войскъ, около 100 пудовъ изъ дома, принадлежавшаго Главному Дворцовому Управленію, неизвѣстно сколько пудовъ изъ Архива Управленія одной изъ желѣзныхъ дорогъ и Военнаго Телеграфа.

Одновременно съ борьбой противъ продажи архивныхъ матеріаловъ Отдѣленіямъ Государственнаго Архивнаго Фонда приходится устанавливать слѣды и ранѣе бывшихъ многочисленныхъ случаевъ такой продажи. Такова, напр., продажа въ 1823 году въ г. Нарвѣ на бумажную фабрику уцѣлѣвшихъ отъ пожаровъ актовъ времени ливонскаго владычества и шведскаго владычества; продажа Архива предсѣдателя Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія А. И. Георгіевскаго; продажа около 42 пудовъ бумагъ изъ личнаго Архива бывшаго попечителя Петербургскаго Учебнаго Округа М. Н. Капустина. Изъ Архива Капустина уцѣлѣли незначительные остатки въ одномъ изъ шкафовъ библіотеки бывшаго Училища Правовѣдѣнія. Часть Архива А. И. Георгіевскаго была скуплена обратно благодаря мѣрамъ, принятымъ Комиссіей по научному описанію Архива Народнаго Просвѣщенія.

Въ большинствѣ случаевъ продажа архивныхъ матеріаловъ является дѣломъ младшихъ служащихъ и бываетъ слѣдствіемъ корыстныхъ побужденій. Но бываютъ случаи, когда виновниками уничтоженія Архивовъ оказываются представители власти. Въ концѣ Ноября, по распоряженію комиссара юстиціи Пилявскаго, на шести грузовыхъ автомобиляхъ были вывезены для размола на бумажную фабрику Печаткиныхъ дѣла Архива Нотаріата Петроградскаго Окружнаго Суда. Такую же мѣру комиссаръ Пилявскій намѣревался осуществить по отношенію къ Архиву Петроградскаго съѣзда мировыхъ судей и части дѣлъ Петроградскаго Окружнаго Суда, а также, повидимому, и къ Архиву Сената, и только энергичное вмѣшательство Завѣдующаго Главнымъ Управленіемъ Архивныхъ Дѣломъ, обратившагося къ содѣйствію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, сохранило эти Архивы отъ грозившей имъ опасности. Совѣщаніе Управляющихъ Петроградскими Отдѣленіями съ своей стороны возбудило вопросъ о

привлеченіи, согласно ст. 5 декрета 1 Іюня, комиссара юстиціи Пилявскаго и администраціи фабрики Печаткиныхъ къ судебной отвѣтственности за уничтоженіе архивныхъ матеріаловъ.

Исключительно тяжелыя условія, въ которыхъ протекаетъ теперь работа Петроградскихъ и Московскихъ архивныхъ дѣятелей, не могли не отразиться на издательской дѣятельности архивохранилищъ. Отъ научной и издательской дѣятельности вниманіе и силы архивныхъ дѣятелей были отвлечены на нетерпѣвшую отлагательствъ напряженную и спѣшную работу по розыскиванію, обслѣдованію, охранѣ и пріемкѣ подлежащихъ включенію въ Отдѣленія многочисленныхъ разнородныхъ и разнообразныхъ архивныхъ матеріаловъ. Чрезвычайное вздорожаніе бумаги и типографскихъ работъ, а также существенныя измѣненія въ строѣ большинства типографій, которыя обслуживаютъ Архивы, въ однихъ случаяхъ замедлили, въ большинствѣ—совершенно пріостановили печатаніе архивныхъ изданій. Но издательская дѣятельность Отдѣленій не прекратилась. Наоборотъ, на время ослабѣвъ, она стала возрождаться съ новой силой, и теперь въ цѣломъ рядѣ Отдѣленій продолжается работа по подготовкѣ къ печати ранѣе начатыхъ изданій, идетъ разработка плановъ новыхъ изданій, потребность въ которыхъ вызывается измѣнившимися условіями какъ государственной жизни, такъ и научной дѣятельности.

По 1 Петроградскому Отдѣленію I Секціи имѣются слѣдующія начатыя работы: 1) Томы XVII и XVIII „Описи“ (дѣла Второго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи и предшествовавшихъ ему кодификаціонныхъ учрежденій т. е. законодательныхъ комиссій XVIII и первой четверти XIX вв.); 2) Донесенія флигель-адъютантовъ о проведеніи крестьянской реформы на мѣстахъ; 3) Памятная Книжка Отдѣленія; 4) I томъ Журналовъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (напечатанъ и заканчивается брошюровкой).

Во 2 Отдѣленіи I Секціи начатъ печатаніемъ Камеръ-фурьерскій журналъ за 1818 годъ, и начата составленіемъ памятная книжка Отдѣленія.

По 3 Отдѣленію I Секціи имѣются начатыя слѣдующія работы. 1) по бывшему Государственному Архиву: Описаніе

Кабинета Петра Великаго; 2) по бывшей Собственной Е. И. В. библіотекѣ въ Зимнемъ Дворцѣ: а) Собственные Е. И. В. библіотеки и арсеналы. Птр. 1917 г. Изданіе отпечатано и можетъ быть выпущено въ продажу; б) Сборникъ матеріаловъ изъ рукописнаго Отдѣленія Собственной Е. И. В. библіотеки.

1 Отдѣленіе II Секціи въ настоящее время печатаетъ: 1) XVI т. Сборника „Сенатскій Архивъ"; 2) IV т. описи Высочайшихъ повелѣній; 3) IV томъ описи дѣлъ Сенатскихъ; 4) IV томъ описи дѣлъ Министерства Юстиціи; 5) матеріалы для алфавитнаго указателя рѣшеній 1 Департамента Сената за первую четверть XIX вѣка; 6) I томъ подробной описи политическихъ процессовъ.

Первое Отдѣленіе III Секціи приступило къ подготовкѣ къ печати двухъ основныхъ справочниковъ: „Каталогъ частей расформированной арміи" и „Выборка изъ циркуляровъ Главнаго Штаба, указывающихъ, куда должны были сдаваться войсковыми частями архивы мирнаго времени съ середины XIX столѣтія, равно и архивы періода войны".

Во второмъ Отдѣленіи III Секціи подготовленъ къ печати пятый выпускъ матеріаловъ для исторіи Гангутской операціи и подготовляется къ печати шестой выпускъ.

Въ 1 Отдѣленіи IV Секціи издательская дѣятельность шла согласно подробно разработанному плану. Руководство издательскимъ дѣломъ принадлежитъ комиссіи по научному описанію Архивовъ Народнаго Просвѣщенія. Предсѣдателемъ Комиссіи состоитъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, въ составъ комиссіи входятъ: проф. С. В. Рождественскій, проф. А. Е. Прѣсняковъ, проф. И. И. Лаппо, В. Г. Дружининъ, А. С. Николаевъ и др.

Планъ издательской дѣятельности былъ разработанъ въ соотвѣтствіи съ прежними фондами Архива бывшаго Министерства Народнаго Просвѣщенія. Теперь въ составъ 1 Петроградскаго Отдѣленія IV Секціи вошло много новыхъ фондовъ, представляющихъ значительную научную цѣнность. Это обстоятельство, конечно, не можетъ не отразиться на нѣкоторомъ измѣненіи означеннаго плана.

Въ настоящее время готовъ къ печати второй томъ „Научнаго описанія архива Народнаго Просвѣщенія".

Онъ заключаетъ въ себѣ научное описаніе „дѣлъ" слѣдующихъ трехъ разрядовъ: I. Цензурныхъ дѣлъ Главнаго

Правленія Училищъ; II. Дѣлъ „по цензурѣ и сочиненіямъ“ (1808—1818); III. Архива С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета (1804—1918).

Описаніе первыхъ двухъ редактировало и снабжено обширными біо-библіографическими примѣчаніями С. А. Переселенкова; комментаріи къ третьему принадлежатъ Ю. Г. Оксману. Статьи—Ю. Г. Оксмана „Организація, составъ и опредѣляющіе моменты дѣятельности С.-Петербургскаго и Цензурнаго Комитета до Шишковской реформы“ и С. А. Переселенкова „Русская Цензура въ первую четверть XIX вѣка“ явятся вводнымъ очеркомъ ко всему тому.

Почти готовъ къ печати и третій томъ „Описанія“, являющійся продолженіемъ перваго тома. Въ него входятъ дѣла Главнаго Правленія Училищъ за время Александра I, а также статистическія вѣдомости о народныхъ училищахъ за время царствованія Екатерины II. Къ нему имѣются вводныя статьи И. Л. Маяковскаго и Р. А. Геппенера; общая редакція и руководство—описаніемъ и подготовкой къ печати.—И. Л. Маяковскаго. Томъ разсчитанъ на 30 слишкомъ печатныхъ листовъ.

Идетъ работа по подготовкѣ къ печатанію дѣлъ о еврейскихъ училищахъ съ 1840 года. Законченныя работы по разбору цензурныхъ фондовъ Отдѣленія выдвинули въ самое послѣднее время вопросъ о срочной публикаціи и научномъ использованіи многочисленныхъ запрещенныхъ рукописей, корректуръ и всякаго рода писемъ корифеевъ русской литературы.

Въ первомъ, разсчитанномъ на 20 печатныхъ листовъ выпускѣ, подъ редакціей и съ примѣчаніями Ю. Г. Оксмана, опубликованы будутъ неизвѣстные тексты и многочисленные матеріалы о Пушкинѣ (изъ дѣлъ о Современникѣ), Гоголѣ (полный текстъ „Кроваваго Бандуриста“, документы о „Мертвыхъ Душахъ“, „Перепискѣ съ Друзьями“, автографы Смирновой, Плетнева и мн. др.), неизвѣстные отрывки Веневитинова, Баратынскаго, запрещенные въ корректурѣ первые тексты „Нахлѣбника“ и „Завтрака у предводителя“, письма Тургенева къ Салаеву и Е. Бере, секретные всеподданнѣйшія представленія о „Запискахъ Охотника“ и „Накануунѣ“, письма Л. Толстого, Некрасова, Писемскаго, Щедрина, отзывы Гончарова и мн. др.

Приготовленъ къ печати „юбилейный“ томъ матеріаловъ по исторіи Петроградскаго Университета, извлеченныхъ А. С. Николаевымъ и И. Л. Маяковскимъ изъ 1 Отдѣленія IV Секціи и изъ Университетскаго Архива. Удалось найти матеріалы, проливающіе новое освѣщеніе на нѣкоторые факты изъ исторіи начальныхъ лѣтъ существованія Университета, какъ, напр., на дѣло Магницкаго и Рунича. Вступительныя статьи къ этому тому написаны проф. С. В. Рождественскимъ, принимавшимъ большое участіе въ созданіи этого тома, и И. Л. Маяковскимъ; послѣднему принадлежатъ и многочисленныя примѣчанія. Томъ уже сданъ въ типографію, разсчитанъ приблизительно на 35 печатныхъ листовъ. Средства на печатаніе какъ этого тома, такъ и новыхъ матеріаловъ по русской литературѣ отпущены Комиссаріатомъ Народнаго Просвѣщенія.

Во 2 Отдѣленіи IV Секціи для научнаго описанія и изданія архивныхъ фондовъ существуетъ комиссія, состоящая изъ 28 членовъ и 6 сотрудниковъ. Предсѣдателемъ Комиссіи состоитъ акад. А. С. Соболевскій, его замѣстителемъ В. Г. Дружининъ. Комиссіей издано 56 томовъ трудовъ членовъ, остановилось печатаніемъ въ настоящее время 12 томовъ, приготовлено къ печати 6 томовъ и составляется 5 томовъ; кромѣ того 8 томовъ были начаты составленіемъ, но редакторы по разнымъ причинамъ отказались отъ работы.

Часть томовъ почти окончена печатаніемъ. Есть тома, гдѣ печатаніе прервано тогда, когда оставалось напечатать лишь оглавленіе, или указатели, или 2—3 листа. Для того напр., чтобы закончить печатаніемъ 36, 37, 40 и 44 тома „Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода“ и III томъ „Описанія Греко-уніатскаго архива“, пришлось бы отпечатать въ общей сложности не болѣе 5 листовъ.

Въ 1 Отдѣленіи V Секціи издательское дѣло носило ранѣе случайный характеръ, пріурочиваясь, главнымъ образомъ, къ юбилеямъ, или являясь результатомъ личной иниціативы. Отдѣленіемъ были изданы: 1) Описаніе дѣлъ V Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи съ 1824 по 1856 г.; 2) „Историческіе матеріалы“, извлеченные изъ Архива Министерства Государственныхъ Имуществъ; 3) Шафрановъ, П. А. „Архивъ Министерства Государственныхъ Имуществъ“. Историческій очеркъ устройства и состава

дѣлъ; 4) Описаніе дѣлъ Департамента Государственныхъ Имуществъ. Выпускъ I (1763—1811). Предполагается продолжить изданіе „Описаніе дѣлъ Департамента Государственныхъ Имуществъ и издать „Памятную книжку Отдѣленія за время съ 1894 г.“ (по этотъ годъ свѣдѣнія имѣются, въ историческомъ очеркѣ архива), до 1918 года.

Имѣющійся въ распоряженіи 1 Отдѣленія VII Секціи, въ составъ котораго вошли Архивы бывш. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи и бывш. Департамента Полиціи, архивный матеріалъ, какъ по своему содержанію, такъ и благодаря полной его неиспользованности, представляетъ исключительный интересъ. Только съ предоставленіемъ его для пользованія исторической наукѣ, открывается въ настоящее время широкая возможность приступить къ изученію совершенно не затронутой области исторіи XIX вѣка—исторіи общественнаго движенія, во всѣхъ его теченіяхъ и развѣтвленіяхъ.

Огромное количество сырыхъ необработанныхъ матеріаловъ и необходимость въ возможно скоромъ времени пустить ихъ въ научный оборотъ, заставляютъ 1 Отдѣленіе VII Секціи немедленно приступить не только къ обслѣдованію и описанію дѣлъ, но и къ выработкѣ, хотя бы на первое время, плана изданія интереснѣйшихъ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія. Прежде всего предполагается издать Памятную Книжку Отдѣленія, въ которой будутъ сообщены данные о наиболѣе интересныхъ въ научномъ и общественномъ отношеніи фондахъ.

Намѣченный планъ изданій Отдѣленія разбивается на нѣсколько серій. Первую серію составляютъ „Памятники агитаціонной литературы“. Эта серія должна вмѣстить полное собраніе произведеній, изданныхъ нелегально въ Россіи и заграницей, агитаціоннаго характера; серія должна дать полное собраніе всѣхъ листковъ, прокламацій, воззваній, обращеній, протестовъ и т. д. на всемъ протяженіи нашей революціонной исторіи, начиная съ прокламацій, обращавшихся во время возстаній Семеновскаго полка (1820 г.) и кончая 1917 г. Первое Отдѣленіе VII Секціи располагаетъ совершенно исключительными богатствами для этой серіи.

Гдѣ бы ни былъ обнаруженъ „пасквиль возмутительнаго содержанія“, въ какомъ бы уголкѣ Россійской Имперіи ни

было найдено „подметное“ письмо „возмутительнаго“ содержанія—все присылалось въ III Отдѣленіе и Департаментъ Полиціи и тамъ хранилось. Многія изъ произведеній агитаціонной литературы сохранились только въ этомъ собраніи. Здѣсь можно найти листки, написанные, но арестованные до сдачи ихъ къ размноженію; корректурные оттиски ненапечатанныхъ листковъ; напечатанные и арестованные листки въ полномъ своемъ количествѣ. Листки и прокламаціи бывали размножаемы всякими способами: отъ руки и путемъ наклейки отдѣльныхъ печатныхъ буквъ, и путемъ—гектографа, и мимеографа, при помощи ручныхъ станковъ и, наконецъ, въ типографіяхъ первокласснаго техническаго оборудованія. Многіе изъ листковъ и воззваній нуждаются въ немедленномъ зафиксированіи, ибо почти вездѣ сильно поблекли краски несовершенныхъ гектографовъ революціонеровъ-печатниковъ.

Сейчасъ не представляется возможнымъ даже приблизительно опредѣлить размѣры этой серіи. Въ цѣляхъ ускоренія появленія въ свѣтъ этихъ матеріаловъ, предполагается разбить ее на отдѣльные выпуски, по хронологическимъ періодамъ за старое время, и по отдѣльнымъ революціоннымъ организаціямъ и группамъ за позднѣйшее.

Вторую серію составятъ „Политическіе процессы“. Серія эта будетъ заключать въ себѣ не одну сотню томовъ, и вмѣститъ всѣ акты всѣхъ политическихъ процессовъ, въ какихъ бы инстанціяхъ они ни производились.

Въ первую очередь предполагается приступить къ изданію процесса декабристовъ. Производство слѣдственной комиссіи и верховнаго уголовнаго суда полностью сохранилось въ бывшемъ Государственномъ Архивѣ; матеріалы по исторіи декабристовъ послѣ суда—въ каторгѣ, на поселеніи, подъ надзоромъ—сосредоточены въ Архивѣ III Отдѣленія, нынѣ въ Историко-Революціонномъ Архивѣ.

Несмотря на то, что названныя дѣла охватываютъ до тысячи дѣлъ, иногда очень объемистыхъ, изданіе ихъ займетъ не такъ много томовъ, если предварительно будетъ тщательно продуманъ планъ изданія, при которомъ будутъ устранены неизбѣжныя для канцелярскаго производства повторенія документовъ, какъ цѣликомъ, такъ и въ частяхъ. Эта серія по приблизительному подсчету должна занять отъ 18 до 20 томовъ, по 40 печатныхъ листовъ каждый.

Несмотря на то, что дѣло декабристовъ было открыто для изслѣдователей, правда, немногихъ, до сихъ поръ не были изданы полностью хотя бы наиболѣе существенныя части его, а между тѣмъ, для общей исторіи, для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, наконецъ, для характеристики эпохи и дѣятелей 20-хъ годовъ минувшаго столѣтія—это дѣло является первостепенной важности, отправнымъ пунктомъ для изысканій въ области революціонной исторіи.

Процессъ Каракозова и связанное съ нимъ движеніе представляется наименѣе обслѣдованнымъ и освѣщеннымъ; можно сказать, что документальныхъ данныхъ по этому процессу почти не опубликовано, а между тѣмъ цѣнность его для исторіи русскихъ революціонныхъ движеній, въ особенности въ области изученія русскаго тираноборства, очень высока. Документы этого процесса находятся въ такомъ порядкѣ, что позволяютъ начать изданіе немедленно. Все дѣло займетъ 6—8 томовъ, по 40 печатныхъ листовъ каждый.

Процессы „Народовольцевъ“ охватятъ не одинъ десятокъ томовъ. Въ первую очередь будутъ поставлены процессы наиболѣе видныхъ дѣятелей „Народной воли“: Желябова, Перовской, Кибальчича и непосредственно связанные съ дѣломъ 1 Марта процессы шестнадцати, двадцати, семнадцати и Вѣры Фигнеръ. Эта серія займетъ около 12 томовъ по 40 печатныхъ листовъ; къ ея изданію можно приступить немедленно.

Предполагается немедленно приступить къ подбору и розыску матеріаловъ различныхъ политическихъ процессовъ по рабочимъ движеніямъ, стачкамъ, забастовкамъ, рабочимъ демонстраціямъ, совѣтамъ рабочихъ депутатовъ, для подготовки къ печати по отдѣльнымъ періодамъ и мѣстностямъ.

Третью серію займутъ „Лѣтописи историко-революціоннаго движенія“.

Эта многотомная серія, изданіе которой продолжатъ наши потомки, должна включить всѣ цѣнные матеріалы и документы по исторіи революціоннаго движенія, которыми полонъ Историко-Революціонный Архивъ, наслѣдовавшій архивныя богатства двухъ учрежденій— III Отдѣленія и Департамента полиціи, на обязанности которыхъ лежала борьба съ революціоннымъ движеніемъ. Борьба основывалась на освѣдомленности, изученіи, вслѣдствіе чего III Отдѣленіе, съ самаго момента своего возникновенія, приступило къ накопленію и собиранію

матеріаловъ. Безпрерывный широкій притокъ этихъ матеріаловъ, ихъ необычайное увеличеніе заставило III Отдѣленіе и Департаментъ полиціи прибѣгать къ ихъ систематизаціи, къ сводкѣ, къ составленію обзоровъ. Въ первую очередь предполагается издать всѣ тѣ историческія сводки, которыя эти учрежденія составляли для высшей власти, для своего употребленія и для рудоводства подчиненнымъ имъ органамъ.

Въ ряду этихъ официальныхъ сводокъ первое мѣсто не только въ хронологическомъ порядкѣ, но и по обстоятельности и сравнительной объективности принадлежитъ своеобразной лѣтописи нашей политической жизни за 1826—1868 гг. Это—„Отчеты о дѣйствіяхъ III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи и „Всеподданнѣйшіе доклады“ того же Отдѣленія.

Если вспомнить, чѣмъ было III Отдѣленіе, сколь разнообразна была сфера дѣятельности этого въ буквальномъ смыслѣ всеобъемлющаго учрежденія, огромность историческаго значенія котораго все еще не выяснена въ наукѣ, можно заранѣе утверждать высокую историческую цѣнность этихъ обзоровъ. Изученіе же этихъ обзоровъ, изъ которыхъ до сихъ поръ ни одинъ не только не былъ изданъ, но и не бывалъ въ рукахъ изслѣдователя, заставляетъ признать за ними исключительную цѣнность не только для исторіи нашего общественнаго и революціоннаго движеній, но и для русской исторіи въ широкомъ смыслѣ. Въ своей совокупности обзоры даютъ необычайно широкую и выпуклую картину русской жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Матеріалами для этой картины послужили не только крупные факты, но и мелкія детали. Составители отчетовъ добросовѣстно выполняли собирательскую работу по фактической исторіи. Безъ нихъ, изслѣдователю пришлось бы совершить кропотливѣйшую работу надъ огромнымъ количествомъ мелкихъ, случайныхъ дѣлъ.

О полнотѣ отраженій въ „Отчетахъ“ русской жизни можно судить по краткому содержанію наудачу выбраннаго отчета за 1864 годъ. Вотъ его рубрики:

I. *Производство дѣлъ политическаго содержанія.* 1(. Тайныя общества (дѣла Маріенгаузенское и Глассона); 2) О возмутительныхъ воззваніяхъ („Земля и Воля“, дѣло Андрущенко, лица, прикосновенныя къ „Землѣ и Волѣ“ и дѣйствія

въ провинціи, Чернышевскій, Шелгуновъ, Торчилъ, Элпидинъ); 3) О разныхъ политическихъ преступленіяхъ (Заборовскій, Спасовичъ, книго-продавцы, торговавшіе нелегальными изданіями); 4) О преступленіяхъ по сочувствію мятежу (Юздзинъ и польская пропаганда). 5) О прикосновенныхъ къ дѣйствію мятежникахъ. 6) О дерзкихъ и преступныхъ отзывахъ. 7) О студентахъ и воспитанникахъ учебныхъ заведеній (высшихъ и среднихъ). 8) О вредныхъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ за границею („Колоколъ", „Правдивый", „Мечта"). 9) О политическомъ направленіи литературы (характеристика журналовъ). 10) О сомнительныхъ и неосновательныхъ доносахъ.

II. *По наблюденію за нравственнымъ состояніемъ жителей.* 1) О злоупотребленіяхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ. 2) О неблаговидныхъ поступкахъ разныхъ лицъ (драки, фальшивыя деньги и т. п.) 3) О раскольникахъ (дѣятельность епископовъ, совращенія). 4) О рекрутскомъ наборѣ (фальшивыя свидѣтельства и злоупотребленія). 5) О дворянскихъ собраніяхъ. 6) О всеподданнѣйшихъ адресахъ. 7) О крестьянскомъ дѣлѣ (положеніе крестьянъ, дѣятельность мировыхъ посредниковъ).

III. *О происшествіяхъ.* 1) О неповиновеніи крестьянъ. 2) О подстрекателяхъ крестьянъ къ неповиновенію. 3) О жестокомъ обращеніи (побои). 4) О буйствахъ. 5) О грабежахъ и кражахъ. 6) О похищеніи казенныхъ денегъ. 7) О фальшивыхъ деньгахъ. 8) Объ убійствахъ. 9) О самоубійствахъ. 10) О дуеляхъ. 11) О насиліи и увозѣ дѣвицъ. 12) О поджогахъ и пожарахъ. 13) О ярмаркахъ.

IV. *О монаршихъ милостяхъ.* 1) О милости политическимъ преступникамъ. 2) О милости лицамъ, обвиненнымъ по разнымъ дѣламъ. 3) О милости лицамъ Царства Польскаго. 4) О денежныхъ пособіяхъ.

V. *По просьбамъ и жалобамъ частныхъ лицъ.*

VI. *О иностранцахъ.* (Прибытіе ихъ, наблюденіе за ними, принятіе въ подданство, высылка).

VII. *По цензурной части.* (Драматическія сочиненія).

VIII. *О дѣйствіяхъ чиновъ корпуса жандармовъ.*

IX. *Новыя постановленія.*

X. *О движеніи бумагъ.*

Къ каждому ежегодному отчету прилагается рядъ статистическихъ вѣдомостей: 1) О численномъ состояніи корпуса жандармовъ за истекшій годъ; 2) О происшествіяхъ (пожары, нечаянныя смерти, самоубійства, убійства по губерніямъ); 3) общая сравнительная вѣдомость о происшествіяхъ за 5 лѣтъ; 4) общая вѣдомость объ иностранцахъ по губерніямъ (число прибывшихъ, выбывшихъ, высланныхъ); 5) сравнительная вѣдомость объ иностранцахъ за нѣсколько лѣтъ и 6) вѣдомость о выѣхавшихъ за границу русскихъ подданныхъ. Во всѣхъ этихъ вѣдомостяхъ даны цифровыя данныя безъ указанія дѣлъ и именъ.

Но кромѣ статистическихъ приложеній, при каждомъ обзорѣ представлялось еще и любопытнѣйшее „Нравственно-политическое обозрѣніе“. Объ интересѣ и цѣнности этихъ документовъ можно судить по содержанію хотя бы того же 1864 года.

1. Революціонное движеніе въ Европѣ (Мадзини, Гарибальди, союзы въ Германіи, Лассаль, дѣятельность германскихъ партій, датская конституція. Кошутъ. Брюссельскій международный демократическій конгрессъ. 2. Польское движеніе за границей (Чарторійскій и Главный Комитетъ, и отношенія ихъ къ польскому возстанію). 3—4. Дунайское княжество, Познань и Галиція (дѣятельность въ нихъ польскихъ агитаторовъ). 5). Возстаніе въ Царствѣ Польскомъ (ходъ возстанія и дѣятельность русскихъ властей). 6. Западныя губерніи (отраженіе на нихъ польскаго возстанія). 7. Остзейскія губерніи (крестьянскій вопросъ). 8. Финляндія (антирусскія настроенія и дѣятельность Сейма). 9. Революціонная дѣятельность русскихъ выходцевъ (Герценъ, отношеніе его къ возстанію, раскольникамъ, воззванія и манифесты. Бакунинъ. Петръ Долгоруковъ. Бакстъ. А. Серно - Соловьевичъ. Блюммеръ. Кельсіевъ, его дѣятельность въ Константинополѣ). 10. Революціонные замыслы въ Россіи (связь съ польскимъ возстаніемъ, Утинъ, Кеневичъ, Андрущенко). 11. Народный духъ (Патріотическія настроенія и разрушительныя начала, проводимыя русскою журналистикою).

Къ „Отчетамъ“ и „Обозрѣніямъ“ тѣсно примыкаютъ томы всеподданнѣйшихъ докладовъ.

Всеподданнѣйшіе доклады представляютъ собою краткое изложеніе, на трехъ - четырехъ страницахъ, маломальски

значительныхъ дѣлъ по всѣмъ экспедиціямъ, съ резолюціями Николая I и Александра II, или отмѣтками объ ихъ мнѣніяхъ по данному дѣлу, сдѣланными рукою начальниковъ III Отдѣленія.

Начальникъ III Отдѣленія не дерзнулъ бы не доложить царю о какомъ либо, даже самомъ мелкомъ фактѣ въ области общественной и политической жизни, въ особенности же въ области революціонныхъ настроеній; такимъ образомъ, собраніе всеподданнѣйшихъ докладовъ III Отдѣленія даетъ исчерпывающій перечень фактовъ революціонной нашей исторіи. Пользуясь ими, изслѣдователю не придется тратить безконечное количество времени на изысканія въ многотысячныхъ дѣлахъ архива III Отдѣленія.

И „Отчеты“ и „Доклады“ предполагается издать цѣликомъ, дополнивъ лишь фамиліи упоминаемыхъ лицъ именами и отчествами, и помѣтивъ въ примѣчаніяхъ №№ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ говорится, что даетъ возможность изслѣдователю въ любой моментъ навести справку въ архивѣ и ознакомиться съ самымъ дѣломъ.

„Отчеты“ и „Доклады“ сохранились въ полномъ порядкѣ; лишь незначительная часть изъ нихъ была изорвана и разрублена шашками въ концѣ Февраля 1917 г. при разгромѣ Департамента Полиціи.

Къ сожалѣнію, всеподданнѣйшіе отчеты шефа жандармовъ прекращаются въ 1869 году. Затѣмъ въ теченіе десяти съ лишнимъ лѣтъ III Отдѣленіе обходилось безъ систематическихъ сводокъ и обзоровъ революціоннаго движенія и борьбы съ нимъ. Но, не зная исторіи движенія, было слишкомъ трудно бороться съ нимъ, а между тѣмъ, по словамъ офиціальнаго историка, „въ двадцатилѣтіе съ 1861 по 1881 гг. соціально-революціонное движеніе въ Россіи проявилось въ столь обширныхъ и разнообразныхъ формахъ, вовлекло въ область подпольной дѣятельности и крамолы столь многихъ дѣятелей, что правительство неоднократно ощущало потребность имѣть подъ рукой общее послѣдовательное изложеніе хода соціально-революціоннаго движенія съ надлежащими подробностями, а также, въ качествѣ справочнаго матеріала—свѣдѣнія о дѣятельности членовъ революціонной партіи“.

Въ концѣ 1870 годовъ была сдѣлана попытка выполнить эту задачу, но „обзоръ соціально-революціоннаго дви-

женія въ Россіи. Спб. 1880, ч. 1-я", составленный извѣстнымъ Мальшинскимъ, не удовлетворилъ официальнымъ требованіямъ, и въ 1882 г., по иниціативѣ директора Департамента полиціи фонъ-Плеве и съ одобренія министра внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьева, было приступлено къ составленію официальнаго документальнаго труда, подъ заглавіемъ: „Исторія соціально-революціоннаго движенія въ Россіи (1861—1881 гг.), для пользованія высшихъ правительственныхъ лицъ и не предназначенная для публики".

Трудъ этотъ до 1869 года былъ доведенъ состоявшимъ при Департаментѣ полиціи С. С. Татищевымъ. Онъ не былъ напечатанъ, но сохранился въ рукописи. О цѣнности его можно судить хотя бы по краткому обзору его содержанія:

Появленіе революціонныхъ воззваній въ С.-Петербургѣ и обнаруженіе первой тайной типографіи въ Москвѣ, (Іюль—Сентябрь 1861 г.).—Воззваніе „къ молодому поколѣнію" и дѣло Михайлова (Сент.—Дек. 1861 г.).—Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ 1861 г.—Дѣло „Великорусса" и сообщества тайнаго печатанія въ Москвѣ (Окт. 1861 г.—Ноябрь 1862 г.).—Тверскія происшествія; безпорядки на публичныхъ чтеніяхъ и литературныхъ вечерахъ; воскресныя школы; подметные листки и учрежденіе Слѣдственной Комиссіи (Янв.—Іюнь 1862 г.).—Дѣйствія Слѣдственной Комиссіи; эмиграція; дѣло Чернышевскаго; проявленіе движенія въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи (Іюнь—Дек. 1862 г.).—Дѣла Маріенгаузское и Казанское; движеніе въ Малороссіи; дѣятельность Комиссіи (1863 г.).—Дѣятельность Комиссіи въ 1864—1865 гг. „Земля и Воля"; артели въ Саратовѣ; печать 1864—1865 гг.—Дѣло о покушеніи 4 Апрѣля 1866 г.—В. Кельсіевъ и дѣятельность Комиссіи въ 1867—1868 гг.—Нечаевское дѣло (1869—1871 гг.).

Преемникъ Татищева, кн. Голицынъ написалъ лишь одну, десятую, главу, напечатанную въ количествѣ 50-ти экземпляровъ. Содержаніе этой главы: „Русская эмиграція въ Швейцаріи, въ 1870—1874 гг.—Цюрихскія студентки.—Нечаевъ, его выдача и судъ надъ нимъ въ Москвѣ.—Дѣятельность эмигрантовъ.—Вызовъ ихъ правительствомъ.—Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ дѣятеляхъ русской эмиграціи въ Швейцаріи".

Труды Мальшинскаго, Татищева и Голицына предполагается издать, какъ группу официальныхъ исторій русскаго революціоннаго движенія. Къ нимъ прибавится весьма конфиденціальная книга жандармскаго генерала Шебеко, изданная на французскомъ языкѣ, охватывающая позднѣйшій періодъ движенія.

Съ 1881 года Департаментъ полиціи издавалъ „Обзоры важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ Имперіи“ и при нихъ „Вѣдомости дознаніямъ, производившимся въ жандармскихъ управленіяхъ Имперіи по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“. Обзоры охватываютъ періодъ времени съ 1881 по 1902 гг. и основаны на данныхъ Департамента полиціи. Если принять во вниманіе, что за этотъ періодъ времени не было ни одного политическаго процесса, дознаніе, по которому было бы произведено внѣ жандармскихъ управленій, станетъ ясно, какую цѣнность представляютъ эти „Обзоры“, дающіе точныя указанія о лицахъ, привлекавшихся къ жандармскимъ дознаніямъ, съ біографическими данными, сжатымъ изложеніемъ дѣла и обстоятельствъ его, алфавитными указателями и проч. Первое Отдѣленіе VII Секціи предполагаетъ въ ближайшее же время приступить къ работамъ по подготовкѣ этихъ матеріаловъ къ печати.

Перечисленные труды, предполагаемые къ печати, не исчерпываютъ издательскихъ задачъ I Отдѣленія VII Секціи. Богатство матеріала, въ силу условій времени, столь долго лежавшаго подъ снудомъ, не даетъ возможности даже приблизительно намѣтить срокъ, за который удастся выпустить все то, что можетъ имѣть чрезвычайно цѣнный, общественный и историческій интересъ.

Одновременно Отдѣленіе приступило къ составленію полной библіографіи по исторіи русскаго революціоннаго движенія на всемъ его протяженіи, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Такъ, А. А. Гизетти составляетъ библіографическій указатель литературы по исторіи революціоннаго движенія за 1905 г.; А. А. Шиловъ—за 1917—1918 гг.

Въ 3 Московскомъ Отдѣленіи I Секціи Б. М. Соколовымъ подготовлено къ печати описаніе обширнаго агіографическаго сборника „Прологъ“, содержащаго свыше

2.000 статей. Описаніе сдѣлано по-статейно, съ отмѣткой различія въ составѣ по 12 рукописямъ. Описаны также и другіе виды агіографическихъ сборниковъ (Патерики русскіе и византійскіе) и Минеи Четьи (до-Макарьевскаго и Макарьевскаго состава). Для просмотра означеннаго описанія въ его историко-художественной части (миніатюры, заставки, орнаменты) былъ приглашенъ спеціалистъ по исторіи русскаго искусства профессоръ Московскаго Университета А. И. Некрасовъ, который внесъ необходимыя дополненія и поправки. Ученый Совѣтъ Отдѣленія посвятилъ нѣсколько засѣданій для выработки основныхъ положеній, придерживаться которыхъ было бы желательно при описаніи миніатюръ какъ съ художестиенной, такъ и съ археологической точки зрѣнія. Старшимъ архивистомъ И. С. Рябининымъ заканчивается подготовка къ печати второй части „Архива Царства Польскаго", заключающей свѣдѣнія о внѣшнихъ сношеніяхъ Рѣчи Посполитой.

Въ 1 Московскомъ Отдѣленіи II Секціи начало издательской дѣятельности было положено давно. Еще въ 1869 г. былъ основанъ при немъ повременный органъ „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи". Нѣсколько ранѣе возникновенія „Описанія" появилось изданіе документовъ. Съ 1912 года научно-издательская дѣятельность Отдѣленія расширилась.

Въ настоящее время печатается четвертая книга „Описаніе документовъ Разряднаго приказа". Остается напечатать листовъ 20, вмѣстѣ съ „послѣсловіемъ", состоящимъ изъ двухъ частей библіографической и методологической. Сюда вошло описаніе новаго отдѣла въ Архивѣ, „дополнительнаго" къ Разряду, образовавшагося изъ номеровъ 200 столбцовъ, найденныхъ въ послѣднее время въ разныхъ отдѣлахъ хранилища. Часто подъ названіемъ „безгласныхъ" (т. е. не имѣвшихъ заглавія), эти вновь открытые столбцы оставались совершенно неиспользованными. Относясь преимущественно къ дѣламъ Разряднаго приказа, они представляютъ новые данные по вопросамъ центральнаго приказнаго управленія и быта. Въ большинствѣ они крайне извѣтшавшіе, иные прогнившіе (въ 1812 году они были выброшены непріятелемъ въ ровъ подъ Кремлемъ и долго подвергались тамъ порчѣ отъ дождя и грязи). По выходѣ

этой книги громадный архивный отдѣлъ Разряднаго приказа, имѣющій въ себѣ свыше 10.000 номеровъ, въ томъ числѣ до 7000 столбцовъ, представлявшихъ, по опредѣленію Д. Я. Самоквасова, „груды бумажныхъ лентъ съ разбитыми склейками, безъ пагинаціи“ явится открытымъ для научнаго пользованія весь, въ его цѣлости.

Для описанія документовъ Сената, какъ высшаго въ послѣдующую эпоху правительственнаго учрежденія, къ которому перешла и большая часть важнѣйшихъ функцій упраздненнаго въ 1711 году Разряда, приготовлено матеріаловъ на одинъ печатный томъ.

Начато описаніе столбцовъ Преображенскаго приказа, считавшихся до послѣдняго времени „секретными“ документами. Эта работа явилась возможной въ связи съ условіями нашего времени, расширившими свободу научныхъ изысканій въ области политическаго суда.

Предпринимается описаніе документовъ Помѣстнаго приказа, дѣятельность котораго была такъ тѣсно связана съ дѣятельностью приказа Разряднаго, вѣдавшаго ту службу, за отправленіе которой Помѣстный приказъ давалъ служилымъ людямъ матеріальное обезпеченіе. Для изученія соціально-экономическаго развитіи страны, сохраняющіяся въ Отдѣленіи въ громадномъ количествѣ бумаги Вотчиннаго Архива, въ который вошли документы Помѣстнаго приказа и его преемниковъ — богатѣйшій, неисчерпаемый источникъ. Вотчинный Архивъ заключаетъ въ себѣ 43.927 сборниковъ въ видѣ книгъ, связокъ и столбцовъ. Предпринятое описаніе начинается съ книгъ писцовыхъ и переписныхъ и столповъ „приказныхъ дѣлъ“ и „вотчинной записки“. Служа фундаментомъ и вмѣстѣ ключомъ къ помѣстно-вотчиннымъ дѣлопроизводствамъ, этотъ составъ наиболѣе интересныхъ документовъ XVI—XVII вѣковъ раскрываетъ внутреннюю жизнь центральныхъ помѣстно-вотчинныхъ учрежденій и освѣщаетъ направленіе поземельной политики Правительства. Описываются столпы Верхотурской Приказной палаты, поступившіе изъ архива Верхотурскаго уѣзднаго суда и извѣстные подъ послѣднимъ наименованіемъ, и этимъ положено начало научному систематическому разбору и описанію документовъ провинціальныхъ архивовъ времени Московскаго Государства.

Цѣннѣйшимъ сокровищемъ 1 Московскаго Отдѣленія II секціи является отдѣлъ такъ называемыхъ „Грамотъ Коллегіи Экономіи", 15.000 номеровъ, до 30.000 отдѣльныхъ актовъ. Документы эти даютъ массу матеріала по исторіи права и быта, по классовой и аграрной политикѣ государства, о борьбѣ центральныхъ и общественныхъ мѣстныхъ силъ, по опредѣленію моральнаго уровня центральной и мѣстной администраціи, о разныхъ сторонахъ народнаго хозяйства и отношеніяхъ классовъ и слоевъ населенія, путей его топографическаго передвиженія и проч. Грамоты, относящіяся къ Поморью, взяты Академіей Наукъ для изданія; научный же обзоръ всего остального въ этомъ необыкновенно цѣнномъ фондѣ составляется въ архивѣ, и уже приготовлено около половины работы, на печатный томъ, о типичныхъ уѣздахъ центральныхъ областей Московскаго Государства („замосковныхъ городовъ"). За кончиной выполнителя, извѣстнаго знатока въ этой области С. А. Шумакова († 20 Іюля 1918 г.) продолженіе описанія поручено другому лицу, принимавшему дѣятельное участіе въ работѣ С. А. Шумакова. Приготовленъ къ печати второй томъ описанія Литовской Метрики.

Находящіеся среди документовъ Архива въ значительномъ количествѣ чертежи, планы, карты и т. п. обратили на себя вниманіе въ виду ихъ исключительной цѣнности для исторіи, археологіи и исторіи искусствъ. Въ настоящее время въ Архивѣ ведется регистрація находимому попутно при всякихъ занятіяхъ надъ документами графическому матеріалу и составлены описи картамъ, планамъ и чертежамъ Семилѣтней войны, въ количествѣ 87 номеровъ. Объ этомъ собраніи плановъ не было извѣстно въ военно—исторической наукѣ. Въ большинствѣ они сдѣланы отъ руки, повторныхъ нѣтъ ни въ архивѣ и библіотекѣ Генеральнаго Штаба и нигдѣ. Находится и уже отчасти зарегистрированъ и описанъ богатый графическій матеріалъ XVII—XIX вѣковъ, въ документахъ приказныхъ столбцовъ, Сената, Коллегіи Экономіи, Камеръ—Коллегіи, Каменнаго Приказа, Московской Управы благочинія и др., гдѣ встрѣчаются планы поземельныхъ владѣній, чертежи воеводскихъ избъ, губернаторскихъ домовъ, гостинныхъ дворовъ и много другихъ построекъ, въ центрахъ и областяхъ, правитель-

ственныхъ, городскихъ и церковныхъ учрежденій и частныхъ владѣльцевъ. Сводка собраннаго матеріала по описанію этихъ чертежей и плановъ, вмѣстѣ съ наиболѣе характерными изъ плановъ, подготовляется къ изданію.

Одновременно съ подготовкой къ изданію описаній идетъ въ I Московскомъ Отдѣленіи II Секціи работа по подготовкѣ къ изданію документовъ. По отношенію къ данному архиву такая работа особенно важна, такъ какъ онъ настолько богатъ архивными матеріалами, что, по выраженію б. управляющаго Архивомъ, профессора Н. А. Попова, развѣ въ полтора тысячелѣтія можно будетъ окончить работу ученаго описанія Архива. Документы печатаются въ основанномъ въ 1912 году повременномъ печатномъ органѣ„ Сборникъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи". Въ настоящее время идутъ работы по подготовкѣ къ печати второй части перваго тома Сборника. Въ ней собраны извлеченные болѣе чѣмъ изъ 15 Отдѣловъ Архива матеріалы объ Ольговомъ монастырѣ. Содержаніе второго, третьяго и четвертаго томовъ „Сборника" составятъ документы (XV—XVIII вв.) по наиболѣе крупному частному землевладѣнію на Руси, бывшему въ старину у бояръ Романовыхъ. Для этой серіи томовъ переписано и провѣрено съ подлинниками до 5000 страницъ, изъ нихъ напечатано два печатныхъ листа и листовъ на шесть печатныхъ приготовлено къ изданію. Слѣдующая серія томовъ „Сборника", томы V—VIII, назначены для опубликованія документовъ по исторіи г. Пскова и относящейся къ нему области. Двѣ книги уже вышли въ свѣтъ, въ 1914—1915 гг. Матеріалы для третьей книги Псковской серіи (VII ч. „Сборника"), касающейся разныхъ сторонъ Псковской церковной жизни XVI—XVII вв., на почвѣ преимущественно хозяйственно экономической, приготовлены къ печати.

Въ четвертую книгу (VIII т. „Сборника") Псковской серіи должны войти систематически подобранные матеріалы по гражданскому быту, по исторіи мѣстныхъ земельныхъ отношеній и крѣпостного права, о кабалахъ и другихъ видахъ труда, о совѣстныхъ и другихъ судахъ и проч., при чемъ, кромѣ прежнихъ фондовъ, документы должны извлекаться изъ фондовъ судебныхъ, административныхъ, сословныхъ и городскихъ учрежденій Псковскаго края по 1800 г.

Готовится изданіе духовныхъ (XV—XVIII вв.) и правыхъ (до Соборнаго Уложенія 1649 г.) грамотъ. Надъ ними трудился С. А. Шумаковъ. Приготовляются указы и письма Екатерины II къ князю А. А. Вяземскому. Эту работу взялъ на себя Управляющій Отдѣленіемъ.

Въ послѣднее время Отдѣленіемъ приступлено къ работамъ по подготовкѣ къ изданію документовъ о народныхъ движеніяхъ.

Несмотря на тяжелое время не прекращается и личная научно-литературная работа архивныхъ дѣятелей.

Ученая дѣятельность сотрудниковъ 3 Московскаго Отдѣленія I Секціи за послѣдній годъ выразилась въ слѣдующемъ. Управляющій Отдѣленіемъ С. А. Бѣлокуровъ редактировалъ „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“. Помощникъ Управляющаго С. К. Богоявленскій напечаталъ статью „О Пушкарскомъ приказѣ. Завѣдующій Отдѣломъ“ Н. В. Рождественскій издалъ первую часть „Актовъ времени Лжедмитрія I“ и собиралъ матеріалы по исторіи постепеннаго роста г. Москвы. Завѣдующій Отдѣломъ К. В. Покровскій приготовилъ къ печати статьи: „Провинціальный бытъ русскаго общества второй половины XVIII вѣка“, „Военный бытъ второй половины XVIII вѣка“, „Чувство природы въ русскомъ обществѣ второй половины XVIII вѣка“, „Театральный бытъ Александровской эпохи“ и др. Старшій архивистъ И. С. Рябининъ написалъ статьи: „Раздѣлы Польши“, „Польша послѣ Вѣнскаго конгресса“, „Польша послѣ возстанія 1863 года“. Смотритель зданій, проф. Р. В. Сергіевскій напечаталъ статью „Жизнь пролетаріата въ древнемъ Римѣ“. Архивистъ И. А. Голубцовъ редактировалъ печатаемые въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ матеріалы для біографіи академика Е. Е. Голубинскаго, окончилъ печатаніемъ посмертное изданіе лекцій проф. А. П. Голубцова „Изъ чтеній по церковной археологіи и литургикѣ“, чч. I и II. Архивистъ А. А. Сергѣевъ напечаталъ статью „Жандармы-историки“ и въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ два документа, извлеченныхъ изъ дѣлъ Отдѣленія. Архивистъ, преподаватель Университета, Б. М. Соколовъ напечаталъ изданія: а) Былины, „Историческій очеркъ, тексты и комментаріи, б) Упрощеніе правописанія“ (научныя реформы и возраженія ея против-

никамъ), в) „Русскій былевой эпосъ“ въ швейцарскомъ альманахѣ о Россіи, г) „Мужики въ изображеніи Тургенева“, д) „По поводу слова о законѣ и благодати“. Управляющій 2 Отдѣленія IV Секціи собиралъ матеріалы для изданія и обслѣдованія повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ.

Чрезвычайное расширеніе работы Отдѣленій Государственнаго Архивнаго Фонда и углубленіе задачъ архивохранилищъ вызвали необходимость въ значительномъ увеличеніи числа архивныхъ работниковъ, обладающихъ спеціальной подготовкой. Россія не знала учрежденій подобныхъ école des chartes. Петроградскій и Московскій Археологическій институты, ставившіе одной изъ цѣлей своей работы подготовку архивныхъ дѣятелей, главное вниманіе сосредоточивали, однако, на подготовкѣ къ археологической дѣятельности и, во всякомъ случаѣ, лишены были возможности широко организовать практическія занятія для будущихъ архивныхъ работниковъ.

Теперь явилась насущная потребность спѣшно восполнить этотъ пробѣлъ. Возникла мысль организовать Архивные Курсы. Первоначально эта идея появилась въ 1 Петроградскомъ Отдѣленіи IV Секціи и планъ осуществленія ея намѣтился въ видѣ рядъ чтеній по исторіи тѣхъ учрежденій, архивы которыхъ вошли въ составъ этого Отдѣленія (проф. С. В. Рождественскаго—по исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ю. Г. Оксмана—по исторіи цензуры, Н. П. Черепнина—по исторіи Вѣдомства императрицы Маріи) и практическихъ занятій по техникѣ архивнаго дѣла для состоящихъ въ Отдѣленіи лицъ. Д. Б. Рязановъ и проф. С. Ѳ. Платоновъ нашли, однако, что въ подобныхъ занятіяхъ имѣютъ одинаковую потребность и прочія петроградскія Отдѣленія. Въ результатѣ было рѣшено немедленно открыть при Петроградскомъ Археологическомъ Институтѣ Архивные Курсы. 31 Августа состоялось открытіе Курсовъ. На торжественномъ собраніи въ день открытія Курсовъ проф. С. Ѳ. Платоновымъ была произнесена рѣчь: „Развитіе археографіи въ Россіи,“ проф. А. Е. Пѣсняковымъ—„Историческіе источники и подлинные документы“ и Завѣдующимъ Курсами А. С. Николаевымъ—„Почему въ данный моментъ особенно необходимы Архивные Курсы и что должны они дать архивному дѣлу“. 1 Сентября на Архивныхъ Курсахъ начались лекціи:

Цѣлью Архивныхъ Курсовъ было поставлено усовершенствованіе въ архивной наукѣ служащихъ Единаго Государственнаго Архивнаго Фонда и теоретическая и практическая подготовка спеціалистовъ по архивному дѣлу.

Съ 1 Сентября по 30 Декабря быть прочтены слѣдующіе курсы: 1) Храненіе документовъ въ государствахъ мусульманскаго Востока (акад. В. В. Бартольдъ); 2) Архивы классической древности (проф. Г. Ф. Церетели); 3) Исторія архивовъ въ Западной Европѣ при старомъ порядкѣ (проф. О. А. Добіашъ—Рождественская); 4) Архивы Франціи въ новое время (проф. Е. В. Тарле); 5) Архивы Англіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ (И. И. Любименко); 6) Архивы Германскихъ государствъ (проф. М. А. Поліевктовъ); 7) Архивы Италіи (проф. М. А. Поліевктовъ); 8) Французская школа архивистовъ (И. И. Любименко); 9) Историческій очеркъ развитія архивнаго дѣла въ Россіи И. Л. Маяковскій; 10) Устройство центральнаго и мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка (акад. М. А. Дьяконовъ); 11) Исторія центральнаго управленія въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ и мѣстнаго управленія до вступленія на престолъ Екатерины II (П. П. Гронскій); 12) Губернскій строй и Сенатъ въ XIX вѣкѣ и краткое понятіе о министерствахъ (И. А. Блиновъ); 13) Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и его дѣлопроизводство (проф. М. А. Поліевктовъ); 14) Ведомство иностранныхъ дѣлъ въ Россіи въ XIX вѣкѣ и его дѣлопроизводство (проф. Б. Э. Нольде); 15) Свѣдѣнія по палеографіи (В. Г. Дружининъ); 16) Русская дипломатика частныхъ актовъ (акад. А. С. Лаппо-Данилевскій); 17) Современная организація и постановка архивнаго дѣла въ Россіи (А. С. Николаевъ); 18) Устройство и оборудованіе архивовъ (проф. В. Л. Гофманъ); 19) Архивное помѣщеніе и его оборудованіе, съ точки зрѣнія архивиста (С. А. Розановъ); 20) Главные моменты въ работѣ надъ разборкой, систематизаціей и храненіемъ архивныхъ матеріаловъ (В. В. Снигиревъ); 21) Выдѣленіе архивныхъ матеріаловъ, не подлежащихъ храненію (В. Н. Кунъ); 22) Принципы и техника архивныхъ передвиженій (Н. П. Черепнинъ); 23) Описи архивнаго матеріала (Г. А. Князевъ); 24) Печатныя описанія архивныхъ матеріаловъ (В. Г. Дружининъ); 25) Архивная статистика (А. И. Лебедевъ); 26) Техника библіотечной работы (Б. П. Гу-

щинъ); 27) Основы музейнаго дѣла (А. А. Миллеръ); 28) Архивная работа, съ точки зрѣнія профессіональной гигіены (А. А. Садовъ).

Съ 15 Января на Архивныхъ Курсахъ начинаются практическія занятія, по отношенію къ которымъ прочитанные курсы являлись лишь введеніемъ. Практическія занятія слагаются изъ нѣсколькихъ цикловъ. Общія для всѣхъ слушателей Курсовъ практическія занятія по изученію, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учрежденій организуются при 1 Отдѣленіи II Секціи.

Практическія занятія распредѣляются на слѣдующія отдѣльныя группы:

I. Обзоръ различныхъ актовъ Верховной власти. Уголовное судопроизводство на примѣрѣ военнаго суда, въ связи съ общимъ судопроизводствомъ (В. Н. Нечаевъ). II. Дѣлопроизводство центральнаго административнаго учрежденія за періодъ времени 1802-1907 г., на примѣрѣ Министерства Юстиціи (П. И. Храбро-Василевскій, проф. В. М. Гессенъ, В. Э. Фришъ). III. Особенности военно - административнаго управленія, на примѣрѣ дѣлопроизводства Гл. Военно-Суднаго-Управленія, въ связи съ центральными учрежденіями и командными частями Военнаго и Морского м-ства (Н. П. Вишняковъ.) IV Дѣлопроизводство Правительствующаго Сената въ связи съ надзоромъ надъ мѣстнымъ управленіемъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ (В. В. Беллюстинъ). V. Дѣлопроизводство по сословнымъ и служебнымъ правамъ, по дѣламъ б. Д-та Герольдіи (проф. В. Д. Плетневъ). VI. Гражданское устройство и дѣлопроизводство крестьянскихъ и опекунскихъ учрежденій (А. Н. Гасманъ, проф. Ф. А. Вальтеръ, И. М. Тютрюмовъ). VII. Дѣлопроизводство Синода и подвѣдомственныхъ ему учрежденій (К. Я. Здравомысловъ, Н. В. Туберозовъ, Б. Н. Жуковичъ). VIII. Дѣлопроизводство Комитета и Совѣта Министровъ, Госуд. Совѣта и Государств. Думы (А. Н. Макаровъ).

Общее руководство практическими занятіями возложено на Управляющаго 1 Отдѣленіемъ II Секціи И. А. Блинова.

На изученіе дѣлопроизводства каждой категоріи дѣлъ отводится около 30 часовъ. Слушатели раздѣляются для

практическихъ занятій на группы по 20-25 человѣкъ и могутъ, по своему выбору, записаться на практическія занятія по 1-2 категоріямъ дѣлъ.

Другимъ видомъ практическихъ занятій будетъ изученіе описей, описаній и практическія работы по Отдѣленіямъ, а также организуемыя при одномъ изъ музеевъ и одной изъ библіотекъ практическія занятія по музейному и библіотечному дѣлу. Предварительно въ Отдѣленіяхъ будутъ прочитаны лекціи по исторіи тѣхъ учрежденій, дѣла которыхъ хранятся въ Отдѣленіяхъ.

Наконецъ для слушателей Курсовъ будутъ устроены экскурсіи въ Отдѣленія, одинъ изъ монастырскихъ архивовъ, музей, библіотеку.

Въ настоящее время лекціи, читанныя на Петроградскихъ Архивныхъ Курсахъ, печатаются. Изданіе это явится цѣннымъ сводомъ основныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для архивныхъ дѣятелей.

Въ началѣ Ноября открылись Архивные Курсы и въ Москвѣ.

На нихъ читаются слѣдующіе курсы:

1) Исторія центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій Россіи XV—XIX вв. (проф. А. Н. Филиппов); 2) Историческая географія Россіи, со времени образованія Московскаго государства (проф. М. К. Любавскій); 3) Памятники русскаго права XV—XIX вв., въ связи съ ихъ терминологіей. Теоретическій и практическій курсы (теоретическій курсъ—проф. А. Н. Филиппов, практическій курсъ—П. А. Бѣляевъ); 4) Обзоръ источниковъ Русской исторіи. Памятники повѣствовательнаго характера (С. В. Бахрушинъ); 5) Русское архивовѣдѣніе. Курсъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ архивахъ и ихъ составѣ (проф. Ю. В. Готье); Внѣшняя исторія русскихъ архивовъ съ XVI в. (проф. Б. С. Веселовскій); 6) Иностранные архивы. Англійскіе архивы (проф. А. Н. Савинъ); Нѣмецкіе архивы (проф. Д. Н. Егоровъ); Шведскіе архивы (проф. Ю. В. Готье); Варшавскіе архивы (проф. Д. В. Цвѣтаевъ); 7) Архивоведеніе: 1) Фактическая постановка техники архивнаго дѣла на Западѣ и въ Россіи. Централизація архивовъ. 2) Принципы научнаго архивоведенія (Н. В. Рождественскій); 8) Дипломатика съ добавленіемъ свѣдѣній по сфрагистикѣ и хронологіи: Общая дипломатика

(Е. А. Косминскій); Русская дипломатика (Н. Н. Ардашевъ); Матеріалъ для письма; подділка документовъ, сфрагистика (проф. Н. П. Лихачевъ); 9) Актовый языкъ (акад. А. И. Соболевскій); 10) Палеографія (акад. А. И. Соболевскій); 11) Метрологія и нумизматика (А. В. Орѣшниковъ); 12) Обзоръ иностранной археографіи и изданій документовъ (проф. Д. Н. Егоровъ); 13) Обзоръ русской археографіи и изданій документовъ (проф. А. И. Яковлевъ).

Практическія занятія предположены въ 3-мъ Отдѣленіи I Секціи Государственнаго Архивнаго фонда (бывш. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) и въ 1-мъ Отдѣленіи II Секціи (быв. Архивъ Министерства Юстиціи).

Поѣздки инспекторовъ и другихъ архивныхъ дѣятелей въ Ярославль, Пензу, Тулу, Орелъ, Владимиръ, Курскъ, Новгородъ, Вологду, Петрозаводскъ, Череповецъ, Ямбургъ, Кронштадтъ и др. дали возможность составить довольно отчетливую картину о степени сохранности провинціальныхъ архивовъ, въ большинствѣ случаевъ никѣмъ не охраняемыхъ, такъ какъ ученыя губернскія Архивныя Комиссіи фактически прекратили свое существованіе и, не располагая ни средствами, ни должнымъ авторитетомъ передъ властями на мѣстахъ, не могли, за единичными исключеніями, позаботиться о принятіи мѣръ къ спасенію архивовъ.

Ненормальное положеніе архивнаго дѣла на мѣстахъ ясно сознается мѣстными научными работниками. Такъ, ученый архивистъ М. И. Смирновъ, проживающій въ г. Переяславлѣ и много сдѣлавшій для изученія мѣстнаго края и Переяславскихъ древностей, въ докладной запискѣ въ Московское Областное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ, указывая на богатство архивнаго матеріала въ краѣ, изобилующаго документами первостепенной важности по исторіи мѣстнаго края, подчеркиваетъ, что эти матеріалы находятся въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ храненія. Между тѣмъ, въ Области сохранились богатѣйшіе вотчинные архивы монастырей, остатки библіотеки бывшей Переяславской епархіи, городского магистрата съ 1788 г. года, сиротскаго суда съ 1780 г., духовнаго правленія, полиціи, гдѣ, между прочимъ, имѣются связки дѣлъ земскаго суда XVIII вѣка; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились вотчинные архивы помѣщичьихъ усадьбъ, цѣнные для изученія крѣпостного хозяйства, являю-

щагося одной изъ очередныхъ задачъ исторической науки. Для спасенія всего этого архивнаго богатства М. И. Смирновъ считаетъ необходимымъ собраніе всѣхъ разбросанныхъ документовъ въ одно мѣсто и бережное ихъ храненіе. И Ярославская Ученая Архивная Комиссія указываетъ, что сохранности архивныхъ матеріаловъ, особенно ликвидированныхъ учрежденій, грозитъ серьезная опасность, почему необходимо учрежденіе единаго центральнаго губернскаго архива. Ту же мысль высказываетъ и Костромское естественно-историческое общество по изученію мѣстнаго края, а также рядъ мѣстныхъ дѣятелей Владимира, Тулы, Орла, Курска, Пензы.

Высказанныя мнѣнія вполнѣ совпадаютъ съ планами и задачами Московскаго Областного Управленія Архивнымъ Дѣломъ о реорганизаціи управленія и храненія документовъ на мѣстахъ.

Въ своихъ отчетахъ инспектора прежде всего отмѣчаютъ, что мѣстная власть невсегда заботливо относилась къ спасенію архивовъ, вслѣдствіе чего погибло много документовъ большой исторической цѣнности. Такъ, во Владимирѣ не были приняты мѣры къ охраненію Архивовъ—Жандармскаго Управленія, Губернскаго Правленія, Владимирскаго Дворянства, Уѣздной ЗемскойУправы. Въ Пензѣ оказались уничтоженными всѣ крѣпостныя книги, хранившіяся въ матеріальномъ архивѣ (1871-1904 г.); той же участи подверглись и хранившіяся здѣсь печатныя изданія—Сенатскія Вѣдомости, алфавиты о запрещеніяхъ, налагаемыхъ на дома (1871—1910 гг.). Весь этотъ архивъ пріобрѣла контора писчебумажной фабрики товарищества В. Сергѣева за 110 рублей. Постановленіе объ уничтоженіи нотаріальнаго архива было сдѣлано Пензенскимъ Губернскимъ Съѣздомъ уѣздныхъ народныхъ комиссаровъ юстиціи и представителей отъ народныхъ мѣстныхъ судей губерніи, состоявшимся 15—20 Мая 1918 г. По распоряженію мѣстной власти оказался уничтоженнымъ и Архивъ Курскаго нотаріата, содержавшійся въ образцовомъ порядкѣ. По распоряженію Курскаго Комиссаріата Земледѣлія уничтожено до 10000 пудовъ дѣлъ, имѣющихъ огромное значеніе для исторіи землевладѣлія и мобилизаціи земельной собственности въ краѣ. Постановленіе Курскаго Комиссаріата Земледѣлія было вызвано распоряженіемъ Мос-

ковскаго Областного Комиссаріата Земледѣлія объ уничтоженіи архивовъ, въ виду замѣчающагося стремленія скупать у бывшихъ собственниковъ принадлежавшіе имъ участки земли съ явно спекулятивной цѣлью, въ надеждѣ на отмѣну закона о соціализаціи земли. Одновременно съ обязательнымъ постановленіемъ 16 Мая 1918 г., согласно которому мѣстные земельные отдѣлы должны были принять зависящія мѣры къ изъятію всѣхъ книгъ и документовъ, Курскій Губернскій Комиссаріатъ Земледѣлія обязалъ всѣхъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ представить въ уѣздные или губернскіе комиссаріаты всякаго рода документы, свидѣтельствующіе объ ихъ правахъ на владѣніе тѣмъ или инымъ видомъ недвижимаго имущества. Циркуляромъ отъ 11-го Іюня 1918 г. Народный Комиссаръ Юстиціи подтвердилъ необходимость срочнаго исполненія распоряженія Народнаго Комиссаріата Земледѣлія о немедленной сдачѣ ему всѣхъ книгъ, актовъ и документовъ относящихся до недвижимыхъ имуществъ, и о правѣ, со стороны Комиссаріата Земледѣлія, принимать мѣры къ опечатанію архивовъ всѣхъ бывшихъ старшихъ и младшихъ нотаріусовъ. Собранные земельные акты Курскій Комиссаріатъ Земледѣлія хранилъ у себя впредь до особыхъ распоряженій. Подъ вліяніемъ телеграммы Курскаго Губернскаго Комиссаріата Земледѣлія, сообщавшей, что черезъ пограничные пункты Украйны были случаи провоза большихъ партій документовъ на право владѣнія землей, и что такіе документы отбираются у проѣзжающихъ, отъ Народнаго Комиссаріата Земледѣлія было послано распоряженіе о немедленномъ уничтоженіи документовъ. Приказаніе центральной власти было исполнено въ точности, и въ результатѣ погибъ одинъ изъ цѣннѣйшихъ провинціальныхъ архивовъ по исторіи землевладѣнія. Вмѣшательство инспектора при Московскомъ Областномъ Управленіи, обратившагося въ Комиссаріатъ Земледѣлія съ предложеніемъ хранить оставшіеся отъ уничтоженія документы, а также и вновь поступающіе, впредь до распоряженія Московскаго Областного Управленія Архивнымъ Дѣломъ, положило предѣлъ такому хищническому обращенію съ цѣннѣйшими для науки земельными актами.

Въ городѣ Богородицкѣ Тульской губерніи подвергся пол-

ному уничтоженію Полицейскій архивъ, на основаніи рѣшенія мѣстнаго Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

Наиболѣе важной очередной задачей Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ является охрана архивовъ въ провинціи и организація тамъ архивнаго дѣла. Въ отношеніи обслѣдованія провинціальныхъ архивовъ особенно много сдѣлано Московскимъ Отдѣленіемъ Главнаго Управленія.

Архивы въ провинціи можно подраздѣлить на нѣсколько группъ. Первую группу архивовъ составляетъ собраніе документовъ, характеризующихъ дѣятельность высшей губернской администраціи и представителей жандармскаго надзора. Эти собранія документовъ можно назвать *административно-полицейскими*. Къ нимъ относятся во 1) *Архивы Губернскаго Правленія*. Ихъ судьба по отдѣльнымъ городамъ весьма различная. Во Владимірѣ такой архивъ былъ выброшенъ изъ своего помѣщенія въ б. Губернаторскомъ домѣ, такъ какъ послѣдній весь понадобился Уѣздному Совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Архивъ Губернскаго Правленія былъ перенесенъ въ мѣстный Историческій Музей, но такъ какъ Архивъ загромождалъ Музей и дѣлалъ осмотръ послѣдняго весьма затруднительнымъ, Владимірскій Уѣздный Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ потребовалъ, чтобы помѣщеніе Музея было освобождено отъ Архива, который былъ перенесенъ обратно въ губернаторскій домъ, впрочемъ на весьма краткое время. Спустя нѣкоторое время Архивъ оказался на дворѣ, гдѣ и находился около мѣсяца, подвергаясь вліянію атмосферическихъ явленій. Впослѣдствіи Архивъ былъ перенесенъ въ губернаторскую оранжерею, помѣщеніе сырое, съ протекающей крышей. Часть же Архива очутилась въ сараѣ, занятомъ слѣдственной комиссіей, и еще въ какомъ то помѣщеніи, также занятомъ комиссіей. Кромѣ того, часть Архива сохранялась въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; но видимо, понемногу расхищалась. Между тѣмъ, въ немъ были собраны донесенія изъ уѣздовъ о рабочемъ и революціонномъ движеніяхъ. Такой же матеріалъ находится и въ помѣщеніи занятомъ слѣдственной комиссіей. Въ вышеназванномъ Архивѣ были собраны весьма важные для исторіи области матеріалы, какъ то: Губернскаго Правленія, Канцеляріи Губернатора, Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и Губернскаго по воинскимъ дѣламъ присутствія. Дѣла

Губернскаго Правленіи имѣются съ 1779 г. Кромѣ того, здѣсь хранились дѣла разныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ съ 1719 года. Наконецъ, небольшая часть Архива была продана съ публичныхъ торговъ. Архивныхъ описей не существуетъ.

Архивъ Губернскаго Правленія сохранился въ Ярославлѣ. Помимо тѣхъ документовъ, которые составляютъ содержаніе Архива Губернскаго Правленія во Владимірѣ, въ Ярославскомъ Архивѣ хранятся Архивы редакціи Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, Губернскаго Статистическаго Комитета, Губернской Чертежной, Тюремной Инспекціи, Тюремнаго губернскаго о тюрьмахъ Попечительнаго Комитета, Губернскаго Попечительства надъ исправительнымъ арестантскимъ Отдѣленіемъ, Краснаго Креста и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій сданы отдѣльныя дѣла. Архивъ хранится въ двухъ помѣщеніяхъ: бывшемъ соляномъ амбарѣ и въ зданіи присутственныхъ мѣстъ. Оба помѣщенія надо признать неудобными. Оба они не отапливаются, не вентиляруются. Никакая работа при этихъ условіяхъ невозможна. Особенно въ плохомъ состояніи находится соляной амбаръ, съ протекающей крышей, выбитыми стеклами, покрытымъ плѣсенью поломъ, такъ какъ ежегодно помѣщеніе заливается водой. Документы, лежащіе на полу, подвергаются гніенію и порчѣ. Оба помѣщенія до крайности переполнены. Для части Архива существуютъ описи: по Губернскому Правленію по 1910 годъ и по Губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію по послѣдніе годы.

Таковъ же составъ Архива Губернскаго Правленія въ Орлѣ. Описаны только нѣкоторые отдѣлы. Архивъ остается въ прежнемъ помѣщеніи и за время революціи не подвергался никакой опасности. Точно также и Архивъ Курскаго Губернскаго Правленія, находящійся въ особомъ спеціальномъ помѣщеніи, содержится въ порядкѣ, но часть дѣлъ, помѣщавшихся раньше въ другомъ зданіи, въ настоящее время сложена въ двухъ проходныхъ комнатахъ. Среди этихъ дѣлъ есть такія архивныя цѣнности, какъ книги Бѣлгородской Намѣстнической Канцеляріи за 1723—1780 года. Въ порядкѣ и сохранности Архивъ Пензенскаго Губернскаго Правленія, обезпеченный хорошимъ помѣщеніемъ и являющійся очень цѣннымъ собраніемъ документовъ по изученію мѣстнаго края.

Архивъ б. Новгородскаго Губернскаго Правленія сохранился въ порядкѣ, систематизированъ, имѣетъ описи и алфавитъ. Въ немъ имѣется до 500.000 дѣлъ. Въ составъ его входятъ дѣла Губернскаго Правленія съ 1810 г., Канцеляріи Губернатора — съ 1845 г. (болѣе раннія, повидимому уничтожены за время революціи); журналы Губернскаго Правленія; дѣла Строительнаго Отдѣленія съ 1822 г., Врачебнаго Отдѣленія—съ 1865 г., Ветеринарнаго (послѣднихъ лѣтъ) и дѣла Новгородской по Воинской повинности присутствію за все время существованія. Архивъ занимаетъ подвальное помѣщеніе, безъ отопленія и освѣщенія, неблагополучное въ отношеніи сырости. Въ Саратовѣ огромный (свыше 250 возовъ) архивъ Губернскаго Правленія находится въ безпорядкѣ и вывезенъ частью въ Университетъ, частью въ помѣщеніе Архивной Комиссіи.

Въ Маѣ отъ поджога произошелъ пожаръ Копытинской башни въ Смоленскѣ, въ которой помѣщается часть архива бывшаго Губернскаго Правленія. Часть дѣлъ при тушеніи пожара подмочена. Разновременно и неоднократно страдали и другіе Смоленскіе архивы, расположенные въ башняхъ крѣпостной стѣны. Такъ неоднократно подвергалась взлому Костыревская башня. Архивныя дѣла въ Долгачевской башнѣ при одномъ изъ разгромовъ были сброшены на полъ и покрыли его на $1^1/_2$ аршина въ вышину. То же произошло въ Громовой и Копытинской башняхъ. Архивъ въ Никольской башнѣ уничтоженъ совершенно. Въ Псковѣ Архивъ Губернскаго Правленія былъ выброшенъ нѣмцами въ сарай. Въ Вологдѣ такъ называемый архивъ старыхъ дѣлъ помѣщается подъ дырявой крышей, черезъ которую льетъ дождь.

2) *Архивы Жандармскаго Управленія* находятся въ весьма неблагополучномъ состояніи. Содержаніе и наличность документовъ не опредѣлена. Архивы не имѣютъ спеціальнаго помѣщенія, и, какъ большинство ихъ, неоднократно были переносимы изъ одного помѣщенія въ другое. Несомнѣнно, что часть документовъ пропала. Такъ, при помѣщеніи „Бюро Труда“ во Владимірѣ на рукахъ у служащихъ оказались очень цѣнные документы, взятые ими для собственныхъ нуждъ, и однако, въ Архивъ они почему то не были возвращены. Между тѣмъ Архивы Жандармскихъ Управленій имѣютъ цѣнное значеніе для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.

Архивъ Саратовскаго Полицейскаго Управленія былъ проданъ татарамъ, потомъ уже чрезвычайно уменьшившійся былъ выкупленъ обратно и въ безпорядкѣ сваленъ въ одномъ изъ университетскихъ подваловъ. Архивы Вяземскаго и Гжатскаго Полицейскихъ Управленій находятся въ сохранности.

Вторую группу составляютъ *сословные Архивы*. Среди нихъ особенно видное мѣсто занимаютъ дворянскіе архивы. Судьба нѣкоторыхъ дворянскихъ архивовъ была весьма печальна. Во Владимірѣ, послѣ октябрьской революціи 1917 года, большая часть архива была уничтожена солдатами. Смотритель зданія спасъ Архивъ дворянской опеки и часть Архива губернскаго предводителя дворянства. И тотъ, и другой находятся въ комнатѣ, загроможденной разными предметами.

Архивъ Курскаго дворянства сохранился въ цѣлости. Онъ находится въ подвалѣ дома, принадлежавшаго курскому дворянству, и никѣмъ не охраняется. Кромѣ собственно дворянскаго архива, здѣсь сохраняются и отдѣльные фамильные архивы, такъ какъ съ начала революціи мѣстные землевладѣльцы стали свозить въ Курскъ свои документы для храненія. О цѣнности такихъ документовъ говорить не приходится: разработка мѣстныхъ дворянскихъ архивовъ является очередной задачей русской науки. Архивъ Пензенскаго дворянства остался въ зданіи б. Дворянскаго Собранія, переименованнаго въ „Дворецъ Труда“ и занятаго Коллегіей Народнаго хозяйства. Дѣла хранятся въ незапертыхъ шкафахъ. Въ составѣ Архива находятся родословныя книги, протоколы дворянскихъ собраній съ 1787 г., предводительскіе архивы съ 1786 по 1875 годъ. На шкафахъ въ безпорядкѣ находятся книги и бумаги. Опись дѣлъ куда то пропала, и всѣ попытки ее отыскать пока кончились неудачей.

Третью группу составляютъ *Судебные Архивы*. Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ Архивы Окружныхъ Судовъ. Архивъ Владимірскаго Окружного Суда находится въ отдѣльномъ помѣщеніи и прекрасной сохранности. Въ такомъ же порядкѣ находится Архивъ и Тульскаго Окружного Суда. Архивъ Окружного Суда въ Орлѣ пока сохраненъ, но ему угрожаетъ опасность переноса въ сарай, и тогда онъ погибнетъ. Находится въ сохранности и Архивъ Ярославскаго Окружного Суда, но въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Часть старыхъ дѣлъ была уничтожена. Дѣла старыхъ учре-

жденій разбиты и перемѣшаны и представляютъ собою груду неразобраннаго матеріала, но дѣла новыхъ судебныхъ установленій находятся въ лучшемъ состояніи. Архивъ Пензенскаго Окружного Суда сохранился въ неприкосновенности и помѣщается въ спеціально для этого приспособленномъ зданіи. Кромѣ того, въ сараѣ во дворѣ въ настоящее время хранятся дѣла городскихъ судей трехъ участковъ. Архивъ Новгородскаго Окружного Суда сохранился въ порядкѣ и безопасенъ въ пожарномъ отношеніи, но ему грозитъ другая серьезная опасность — сырость. Архивъ помѣщается въ подвальномъ этажѣ, въ подземельѣ, гдѣ не имѣется никакого отопленія, куда не проникаетъ дневной свѣтъ въ достаточной мѣрѣ, т. к. окна маленькія, съ рѣшетками, и все помѣщеніе ниже уровня земли. Спускаться по лѣстницѣ приходится съ огаркомъ свѣчи, т. к. другого освѣщенія нѣтъ. Отъ сырости страдаетъ особенно старинный матеріалъ. Приходится просушивать путемъ раскладки на столахъ старинные фоліанты, находящіеся въ состояніи „тлѣнія“; таковы, напр., „Опись учиненнымъ Новгородскаго Намѣстничества въ Палатѣ Уголовнаго Суда подлиннымъ протоколамъ январьской трети 1786 г.“. Сильно страдаютъ документы и отъ крысъ.

Нотаріальные Архивы. Судьба ихъ была различна по отдѣльнымъ городамъ. Во Владимірѣ Архивъ сохранился въ неприкосновенности. Въ полной сохранности, хотя и въ неудобномъ помѣщеніи находится и Ярославскій Архивъ. Впрочемъ, нѣкоторые уѣздные нотаріальные Архивы оказались уничтоженными, но зато въ неприкосновенности весь архивъ старшаго нотаріуса. Цѣнный архивъ Курскаго старшаго нотаріуса былъ уничтоженъ по приказанію Курскаго Губернскаго Комиссаріата Земледѣлія. Нотаріальный Архивъ въ Орлѣ находится въ цѣлости. Сохранился и Пензенскій нотаріальный Архивъ, за исключеніемъ только нотаріальныхъ крѣпостныхъ книгъ съ 1872 по 1904 года; послѣднія были уничтожены. Не тронутъ и Архивъ Тульскаго Нотаріата. Архивъ Новгородскаго Нотаріата сохранился въ полной неприкосновенности; въ данное время находится въ вѣдѣніи Губернскаго Комиссаріата Юстиціи. Въ составѣ архива хранятся дѣла прежнихъ установленій,—уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, Гражданской Палаты — съ 1804 по 1864 г.; съ этого года здѣсь находятся дѣла собственно нотаріальнаго

архива. Архивъ систематеризованъ, имѣются описи и алфавитъ.

Архивы при Камерѣ Прокурора. Почти вездѣ—эти Архивы сохранились и находятся въ вѣдѣніи мѣстнаго Комиссаріата Юстиціи. Но и съ ними далеко не все благополучно. Въ Пензѣ архивъ хранится въ полуподвалѣ зданія б. Окружного Суда. Прокурорскія дѣла заколочены, но не заперты. И въ другихъ мѣстахъ помѣщеніе Архива при Камерѣ Прокурора не всегда удобно и безопасно отъ пожара. Въ Новгородѣ помѣщеніе архива очень сырое, неосвѣщаемое, съ слѣдами плѣсени.

Архивы уѣздныхъ съѣздовъ сохранились въ неприкосновенности, повидимому вездѣ и находятся при мѣстныхъ Комиссаріатахъ Юстиціи.

Архивы Сиротскихъ Судовъ также, повидимому, всюду находятся въ сохранности и не подвергались уничтоженію или расхищенію.

Четвертую группу составляютъ архивы б. общественныхъ самоуправленій. Къ нимъ относятся:

1) *Архивы Губернскихъ Земскихъ Управъ.* Эти цѣннѣйшіе архивы обычно сохранились на мѣстахъ въ неприкосновенности и находятся тамъ же, гдѣ помѣщались до революціи. Архивы большею частью не подвергались никакой разработкѣ.

Архивъ Новгородской б. Губернской Земской Управы помѣщается въ Колтовской психіатрической больницѣ близъ Новгорода, въ колокольнѣ, надъ церковью, гдѣ помѣщались прежде кельи и общежитіе монаховъ б. монастыря Михаила Клопскаго. Въ составъ архива входятъ матеріалы по всѣмъ отраслямъ дѣятельности Новгородскаго Губернскаго Земства со времени его введенія. Архиву угрожаетъ опасность въ случаѣ, если мѣстные крестьяне потребуютъ помѣщеніе больницы для своихъ нуждъ, къ чему имѣются достаточныя основанія. Содержится архивъ въ порядкѣ.

2) *Архивы Уѣздныхъ Земскихъ Управъ* точно также сохранились, но Владимірскій архивъ находится въ самомъ жалкомъ и безпорядочномъ состояніи и, видимо, никѣмъ не оберегается и не охраняется.

3) *Архивы Городскихъ Управъ.* Повидимому, всѣ эти Архивы сохранились на мѣстахъ. Особенно заботливое отно-

шеніе къ городскому Архиву было проявлено со стороны Тульскаго городского общественнаго управленія. Въ то время, какъ бывшая цензовая Дума обращалась съ архивами весьма небрежно, послѣдній составъ Городской Думы нашелъ возможнымъ ассигновать 7000 рублей на описаніе архива. Ярославскій Архивъ Городской Управы имѣетъ опись дѣлъ съ 1840 года, но изъ-за тѣсноты и переполненности помѣщенія множество дѣлъ свалено въ груду на полу. Самый архивъ находится въ двухъ помѣщеніяхъ: первое—сухое, отапливаемое, теплое; второе—занимаемое въ кладовой—сырое, не отапливается, имѣетъ своды и деревянный полъ, но подъ поломъ есть также своды подвальнаго этажа. Въ сводахъ имѣются трещины, и есть основаніе опасаться, что своды эти могутъ рухнуть. Архивъ Пензенской Городской Управы находится въ вѣдѣніи Коллегіи Городского Хозяйства и помѣщается въ нижнемъ этажѣ со сводами. Архивъ перешелъ въ 1917 году изъ прежняго помѣщенія Городской Думы. По мнѣнію секретаря Коллегіи Городского Хозяйства Архивъ находится весь въ цѣлости. Архивъ Новгородской б. Городской Думы содержался, повидимому, съ особымъ вниманіемъ и весь сохранился, хотя въ настоящее время за нимъ нѣтъ никакого наблюденія. Можно опасаться, что Архивъ погибнетъ, если не будутъ приняты мѣры къ его охраненію и управленію, такъ какъ Городской Совѣтъ, въ вѣдѣніи котораго находится въ настоящее время Архивъ, относится къ нему съ полнымъ безразличіемъ.

Пятую группу составляютъ *Архивы духовные.*

Архивы Духовныхъ Консисторій. Эти архивы сохранились почти всѣ, находятся въ полной сохранности и порядкѣ. Впрочемъ, часть архивовъ находится въ неудобныхъ помѣщеніяхъ, и, въ силу разныхъ обстоятельствъ, можетъ погибнуть. Такъ, часть Архива б. Владимірской Духовной Консисторіи помѣщается въ колокольнѣ Рождественскаго монастыря б. Архіерейскаго Дома, въ настоящее время занятаго Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей. При осмотрѣ помѣщенія оказались сорванными печати и замки съ дверей. Часть архива, находящагося на второмъ и третьемъ этажахъ колокольни, была кѣмъ-то расхищена. Архивъ Пензенской Духовной Консисторіи находится въ вѣдѣніи Коллегіи по отдѣленію церкви отъ государства. Часть его — метрическія

книги г. Пензы, перенесена въ помѣщеніе Коллегіи. Архіерейскій архивъ заколоченъ, и въ помѣщеніи Консисторіи теперь помѣщается Военный Комиссаріатъ. Архивъ заброшенъ, и степень его сохранности точно не установлена. Архивъ Курской Духовной Консисторіи находится въ образцовомъ порядкѣ. Впрочемъ, на Архивъ было нападеніе: были похищены ковры, а также библіотека, находящаяся въ Архивѣ, но самый Архивъ къ счастью не пострадалъ.

Архивъ Ярославской Духовной Консисторіи также сохранился, но помѣщается въ весьма неудобной комнатѣ перваго этажа, а также въ подвальномъ помѣщеніи, сыромъ и совершенно темномъ, такъ что приходится ходить съ фонаремъ. Оно сплошь загромождено дѣлами, сваленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ груды, да и на полкахъ дѣла навалены другъ на друга. Часть Архива залита водой. Дѣла подмочены. Правда, они положены на полки, но опасность затопленія не устранена, такъ какъ вода просачивается сквозь бетонный полъ, и ее постоянно приходится откачивать насосомъ.

Въ Новгородскомъ Епархіальномъ Архивѣ, находящемся въ полномъ порядкѣ, имѣются дѣла съ 1703 г., при чемъ, какъ видно изъ описей, различнаго содержанія; напр., дѣло 1747 г. „о побоѣ Новгородскаго Духова монастыря Архимандритомъ Виссаріаномъ Обаленеской Пятины Діакона Тимофея Яковлева плетьми“, объ опредѣленіи на причетническія мѣста, о постройкѣ и ремонтѣ церквей, о покупкѣ хлѣба, дѣло „по Указу Царя Петра Алексѣевича о подводахъ съ доставленіемъ Преображенскаго полка солдатъ въ свою команду“, дѣла о доносахъ и т. д. Сюда же помѣщенъ эвакуированный изъ Риги Архивъ Рижской Консисторіи.

Архивъ Петрозаводской Духовной Консисторіи оказался выброшеннымъ въ подвалѣ собора, на каменномъ полу.

Архивы Духовныхъ Семинарій. Реквизиція помѣщеній весьма плачевно отразилась на состояніи Архивовъ. Такъ, напр., во Владимірѣ Архивъ пришлось свалить на полъ въ Кафедральномъ соборѣ. Это помѣщеніе весьма неудобно, и Архивъ не можетъ оставаться въ такомъ состояніи. Архивъ Новгородской Семинаріи находится въ Антоніевомъ монастырѣ, близъ Новгорода.

Шестую группу составляютъ Архивы б. *Финансоваго Вѣдомства.* Наиболѣе значительными среди нихъ являются архивы *Казенныхъ Палатъ.* Большею частью, послѣдніе находятся въ полномъ порядкѣ и сохранности. Владимірскій Архивъ находится въ хорошемъ, тепломъ и свѣтломъ подвальномъ помѣщеніи б. Казенной Палаты. Дѣла размѣщены на полкахъ. Среди документовъ обращаютъ на себя вниманіе ревизіи со временъ Елизаветы Петровны. Архивъ Орловской Казенной Палаты остался нетронутымъ. Здѣсь также сохранились полностью сказки ревизій IV, IX и X и частично V, VI, VII и VIII. Изъ архивовъ другихъ учрежденій находятся документы Палаты Государственныхъ Имуществъ и реестры рекрутскихъ присутствій. Нетронутыми оказались и документы архива Тульской Казенной Палаты.

Только въ Августѣ по ордеру Тульской Чрезвычайной Комиссіи былъ произведенъ обыскъ, въ результатѣ котораго находившійся тамъ шкафъ Архивной Комиссіи, въ которомъ помѣщалась коллекція старинныхъ ружей, былъ запечатанъ. Зато сильно пострадалъ Архивъ Курской Казенной Палаты отъ переноски годъ тому назадъ въ новое помѣщеніе. Часть архива—ревизскія сказки—лежитъ въ деревянномъ сараѣ и подвергается большой опасности. Архивъ Ярославской Казенной Палаты сохранился не полностью. Во время Ярославскаго возстанія и обстрѣла города въ Іюлѣ 1918 года, отъ влетѣвшаго зажигательнаго снаряда возникъ пожаръ, истребившій часть дѣлъ, приблизительно $^1/_{20}$ часть всего Архива. Въ число сгорѣвшихъ матеріаловъ попали и около 20 описей. Архивъ Пензенской Казенной Палаты находится въ собственномъ помѣщеніи и никакихъ перемѣнъ въ составѣ Архива не происходило.

Архивъ б. Новгородской Казенной Палаты помѣщается въ стѣнѣ Кремля. Помѣщеніе весьма неудобное и небезопасное въ пожарномъ отношеніи, имѣетъ всего одинъ входъ. Дѣла хранятся на открытыхъ полкахъ, часть дѣлъ свалена на полу, все въ полномъ безпорядкѣ. Между тѣмъ, въ составѣ Архива имѣются дѣла большой цѣнности, какъ, напр., Указныя книги 1770 г. Въ составъ Архива входятъ: журналы Казенной Палаты съ 1780 г., ревизскія сказки съ первой Петровской ревизіи (1719 г.) по девятую включительно; дѣла рекрутскихъ присутствій, Питейной и Соляной

Палатъ; такъ называемыя „дѣла I разряда“ разныхъ столовъ, подлежащія вѣчному храненію съ 1809 г. полностью, болѣе раннія—урывками; дѣла „II разряда“, подлежащія уничтоженію; расходные документы Казначейства съ 1880 годовъ.

Входъ въ Архивъ Петрозаводской Казенной Палаты былъ заваленъ дровами. При его осмотрѣ понадобилось порядочно времени, чтобы убрать дрова, загораживавшія входъ въ него. Дѣла архива сохранились всѣ.

Архивы б. Контрольныхъ Палатъ имѣются всѣ въ порядкѣ, но Ярославскому Архиву Контрольной Палаты угрожаетъ серьезная опасность. Помѣщеніе, занятое Архивомъ, предположено отвести для размѣщенія новаго штата служащихъ, и такимъ образомъ возникаетъ вопросъ о существованіи Архива. Можно предполагать, что при переносѣ Архива, послѣдній въ значительной степени пострадаетъ.

Архивъ Новгородской Контрольной Палаты содержится въ порядкѣ, но помѣщается въ зданіи, не безопасномъ въ пожарномъ отношеніи, безъ рѣшетокъ на окнахъ, хотя находится въ первомъ этажѣ, безъ всякой охраны. Въ архивѣ сосредоточена, между тѣмъ, денежная отчетность всѣхъ казенныхъ учрежденій Новгородской губерніи съ 1908 г.

Архивы фабричныхъ инспекторовъ. Владимірскій Архивъ находится въ помѣщеніи Бюро Труда. Часть архива размѣщена по шкафамъ. Большая часть свалена въ корридорѣ. Объ архивѣ никто не заботится. Между тѣмъ, въ архивѣ имѣются цѣннѣйшіе матеріалы по исторіи рабочаго вопроса и рабочаго движенія Владимірской губерніи. Архивъ гибнетъ, и если останется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сейчасъ находится, отъ него не останется ничего.

Архивы Землеустроительные во многихъ мѣстахъ серьезно пострадали. Послѣ ликвидаціи Землеустроительныхъ Комиссій, архивы претерпѣвали большія мытарства и переносились изъ одного помѣщенія въ другое, вслѣдствіе чего немалая часть архивовъ терялась.

Кромѣ того, въ дѣла Землеустроительныхъ Комиссій попадали дѣла и другихъ учрежденій.

Межевой архивъ въ Петрозаводскѣ, съ планами и чертежами, начиная съ XVIII столѣтія, сохранился въ порядкѣ.

Архивъ Крестьянскаго банка въ Саратовѣ частью уни-

чтоженъ, частью проданъ татарамъ; въ Августѣ принимались мѣры къ покупкѣ обратно проданныхъ дѣлъ.

Есть губерніи, въ которыхъ архивныхъ матеріаловъ сохранилось особенно много и притомъ такихъ, которые имѣютъ неоспоримую научную цѣнность.

Въ предѣлахъ, напр., Новгородской и Череповецкой губерній находятся значительныя архивныя сокровища. Въ 1913 году тамъ было зарегистрировано около 500 архивовъ. Въ нихъ хранятся документы отъ XII до XX вѣка. Далеко не все въ этихъ архивахъ приведено въ извѣстность и только очень немногое вышло въ научный оборотъ. Между тѣмъ среди новгородскихъ архивовъ имѣются такіе, которые насчитываютъ у себя до 500.000 дѣлъ.

Особенно цѣнны монастырскіе архивы Новгородской области, начиная съ архива Кириллова монастыря.

„Академикъ Н. К. Никольскій, выпустившій двѣ части перваго тома своего капитальнаго труда о Кирилловомъ монастырѣ исключительно на основаніи данныхъ монастырскаго архива, показалъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ архивъ для исторіи экономическихъ отношеній въ древнерусскомъ обществѣ, для представленія общей картины хозяйственнаго быта древней Руси,—пишетъ В. Т. Георгіевскій, осматривавшій этотъ архивъ по порученію Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ.—Въ приложеніяхъ ко второй части своей книги онъ помѣстилъ множество цѣнныхъ актовъ хозяйственно-экономическаго характера изъ архива этого монастыря за XVI столѣтіе и первую четверть XVII-го. Но акты за остальныя три четверти XVII столѣтія и за весь XVIII вѣкъ остаются до сихъ поръ далеко неиспользованными.

Архивъ хранитъ: „Тетради посѣвныя“, „Тетради умолотному хлѣбу“ изъ многочисленныхъ вотчинныхъ владѣній монастыря. „Книги приходо-расходныя соли“, соляныхъ варницъ, „Житенныя“, „Рыбныхъ ловель“, „Смѣтныя общаго денежнаго прихода и расхода“ на тотъ или другой годъ, множество переписныхъ книгъ вотчинныхъ владѣній, съ указаніемъ „письма и мѣры“ земельныхъ владѣній, именъ вотчинниковъ, обрабатывавшихъ земли, ихъ отношенія къ монастырю и т. п. за разные годы XVII вѣка. Все это даетъ возможность уяснить интересную картину экономиче-

скаго положенія населенія Сѣверной Руси на огромномъ пространствѣ обширныхъ вотчинныхъ владѣній древняго Кириллова монастыря.

Этотъ архивъ очень много утерялъ изъ своего громаднаго состава: часть его продавалась на книжномъ рынкѣ (у Шибанова), часть поступила въ ученыя учрежденія (въ Академію Наукъ, въ Петроградскую Духовную Академію) и находится у частныхъ лицъ, но во всякомъ случаѣ тѣмъ цѣннѣе остатки этого грандіознаго архива, дающіе возможность разрабатывать и въ дальнѣйшемъ разнаго рода экономическіе вопросы и бытовые, не затронутые изслѣдованіемъ академика Никольскаго. Нѣсколько менѣе цѣненъ архивъ XVIII вѣка, времени экономической разрухи монастыря, управлявшагося коллегіей экономіи и другими учрежденіями. Онъ почти весь сохранился и заключаетъ въ себѣ данныя для изображенія экономической, бытовой и другихъ сторонъ жизни Руси XVIII вѣка.

Сѣверная область богата монастырями, въ которыхъ имѣются цѣнные, съ научной точки зрѣнія архивы. Достаточно вспомнить монастыри: Соловецкій, Александро-Свирскій, Антоніево-Сійскій и др.

Не менѣе богата такими архивами и Центральная Область. Таковъ, напр., архивъ Спасскаго Суздальскаго монастыря, съ его крѣпостью, долгое время служившаго мѣстомъ ссылки, а также монастырскіе архивы, гдѣ сохранились цѣнные документы по вотчинному монастырскому хозяйству, ужинныя и умолотныя книги, инструкціи и отчеты посельскихъ старцевъ и прикащиковъ, рисующіе сложную и интересную картину землепользованія и земельнаго управленія и систему юридически-бытовыхъ отношеній монастырскихъ крестьянъ и ихъ хозяевъ.

Владимірской Ученой Архивной Комиссіей выяснено, что въ ближайшее время грозитъ печальная участь большинству архивовъ б. духовнаго вѣдомства въ особенности архивамъ б. духовныхъ правленій и монастырей, при предстоящихъ реквизиціяхъ монастырскихъ помѣщеній и другихъ реформахъ, ожидающихъ монастыри.

Той же опасности подвергаются и монастыри Сѣвернаго края, а также Новгородской губерніи. Въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ мѣстный комитетъ бѣдноты перенесъ въ

чайную старинную стильную мебель и другіе предметы, имѣющіе музейное значеніе. Архивъ этого монастыря все время находится въ угрожаемомъ состояніи.

Представленные въ Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ докладныя записки объ архивахъ г. Нарвы сообщаютъ, что тамъ хранятся такіе документы, какъ жалованныя грамоты жителямъ Нарвы времени власти Ливонскаго Ордена, 1363, 1399 и 1552 годовъ. Отъ эпохи шведскаго владычества уцѣлѣло небольшое число документовъ XVI вѣка и полностью протоколы Магистрата за XVII вѣкъ. Сохранились два календаря за 1704 годъ, съ вплетенными въ нихъ листами, на которыхъ два неизвѣстныхъ жителя день за днемъ отмѣчали ходъ осады и завоеваніе Нарвы Петромъ Великимъ, а также рядъ распоряженій русской власти относительно только что завоеваннаго края.

Богатый матеріалъ даютъ провинціальные архивы для исторіи городского управленія и городского хозяйства. Въ архивѣ, напр., бывшей Новгородской Городской Думы хранятся въ полномъ порядкѣ дѣла Новгородской Городовой Ратуши.

До сихъ поръ неизвѣстна судьба нѣкоторыхъ архивовъ. Такъ напр., архивы, оставшіеся въ Эстляндіи—морской крѣпости Петра Великаго, Ревельскаго флотскаго полу-экипажа, Рижской рѣчной флотиліи и т. д., а также оставшіеся въ Гдовѣ и Псковѣ—Чудской озерной флотиліи—можетъ быть, такъ и остались на мѣстахъ, но возможно, что были эвакуированы и попали въ Новгородскій районъ.

При поспѣшномъ отступленіи русскихъ войскъ много архивовъ попало въ руки нѣмцевъ. Теперь принимаются мѣры къ ихъ разысканію, обслѣдованію и охранѣ.

Къ числу наиболѣе угрожаемыхъ относятся многочисленные помѣщичьи архивы, значительная часть которыхъ представляетъ большую цѣнность по хранящимся въ нихъ историческимъ матеріаламъ.

Много такихъ архивовъ уже погибло. Есть имѣнія, въ которыхъ помѣщенія библіотекъ, гдѣ хранятся и архивы, оказались отведенными подъ кинематографы и чайныя. Архивныя Комиссіи и Отдѣлы Народнаго Образованія принимаютъ мѣры къ спасенію помѣщичьихъ и другихъ частныхъ архивовъ, но эти мѣры далеко не всегда увѣнчиваются успѣхомъ.

Большую опасность для цѣлости помѣщичьихъ архивовъ представляетъ декретъ о націонализаціи помѣщичьихъ имѣній и о выселеніи бывшихъ помѣщиковъ. Осуществленіе этого декрета ставитъ большинство частныхъ архивовъ въ имѣніяхъ въ безпризорное положеніе. Въ одной изъ губерній былъ поднятъ вопросъ о реквизиціи для надобности Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ тѣхъ помѣщичьихъ домовъ, въ которыхъ есть архивы. Главное Управленіе признало, однако, что въ такихъ случаяхъ представлялось бы болѣе правильнымъ, чтобы эти дома поступали въ вѣдѣніе мѣстныхъ Отдѣловъ Народнаго Образованія, для культурныхъ цѣлей, въ томъ числѣ и для храненія архивовъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и другихъ.

Въ дѣлѣ собиранія и охраны частныхъ архивовъ несомнѣнно будетъ имѣть большое значеніе образованіе въ Москвѣ, по инціативѣ проф. Б. С. Веселовскаго и П. С. Шереметева, секціи частныхъ фондовъ, куда уже начали поступать частные архивы и вообще принадлежащіе отдѣльнымъ лицамъ документы и матеріалы.

Удалось напр. охранить архивныя собранія Голицыныхъ, Сухотиныхъ, Пазухиныхъ, Рачинскихъ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ собраній имѣютъ значеніе для выясненія исторіи крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ времени крѣпостнаго права (архивъ Голицыныхъ), другіе имѣютъ въ числѣ документовъ автографы нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка (Артемія Волынскаго, Потемкина). Кромѣ того приняты мѣры къ охранѣ богатой библіотеки Шереметевыхъ съ архивомъ Вяземскаго.

Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ немедленно послѣ своего учрежденія начало принимать мѣры къ охранѣ архивныхъ хранилищъ въ провинціи и къ созданію тамъ прочной организаціи архивнаго дѣла.

Работа эта, однако, является чрезвычайно трудной. Съ изданіемъ декрета 1 Іюня 1918 года Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи и соотвѣтствующія имъ ученыя общества, какъ, напр., Псковское Археологическое Общество, Новгородское Общество любителей исторіи и т. п., вмѣстѣ съ ихъ музеями, библіотеками и другими культурно-просвѣтительными учрежденіями, перешли въ вѣдѣніе Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ, сохраняя свой внутренній строй и распорядокъ.

Главное Управленіе обратилось къ нимъ съ предложеніемъ продолжать свою прежнюю дѣятельность, согласуя ее во всемъ съ постановленіями декрета 1 Іюня, и принимать, на основаніи его, всѣ мѣры, въ районѣ своихъ дѣйствій, къ охранѣ мѣстнаго архивнаго матеріала и образованія изъ него единаго архивнаго фонда. Однородное обращеніе послѣдовало со стороны Главнаго Управленія и къ новымъ организаціямъ—Отдѣламъ Народнаго Образованія.

Но созидательная работа въ области архивнаго дѣла налаживается на мѣстахъ медленно и съ большими затрудненіями. Опытные дѣятели прежнихъ учрежденій въ большинствѣ случаевъ, въ связи съ рѣзко измѣнившимися условіями политической и общественной жизни, оказались въ тяжеломъ матеріальномъ и моральномъ положеніи. Среди дѣятелей новыхъ учрежденій нашлись лица, относящіяся съ полнымъ сочувствіемъ къ дѣлу охраненія архивныхъ матеріаловъ и энергичныя, но у нихъ очень часто не было надлежащей подготовки и достаточной опытности.

Несмотря на неблагопріятныя условія, какъ прежнія, такъ и новыя учрежденія, одно за другимъ, съ различной степенью энергіи и успѣха, почти всѣ постепенно начали принимать мѣры къ охранѣ архивовъ.

Новгородская Губернская Ученая Архивная Комиссія за время до Октября 1918 года предприняла рядъ мѣръ для охраны имѣющихся въ районѣ ея дѣйствій архивнаго матеріала. Такъ, въ Декабрѣ 1917 года ею былъ принятъ въ свое вѣдѣніе и перенесенъ въ помѣщеніе Комиссіей архивъ бывшаго Новгородскаго Депутатскаго Дворянскаго Собранія, а въ Іюлѣ 1918 года то же было сдѣлано по отношенію къ архивамъ Новгородской и Рижской Консисторій. Въ Августѣ 1918 г. Комиссіей были приняты мѣры къ оповѣщенію учрежденій, имѣющихъ архивы, о соблюденіи декрета 1 Іюня 1918 года; въ Сентябрѣ ею были затребованы отъ монастырей и приходскихъ церквей описи ихъ архивовъ и возбужденъ вопросъ о преподаніи указаній, чтобы при обыскахъ въ монастыряхъ съ надлежащей бережностью относились къ монастырскимъ архивамъ и библіотекамъ.

Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить нѣкотораго временнаго ослабленія дѣятельности Новгородской Архивной Ученой Комиссіи, а также Новгородскаго Общества Любителей Древ-

ности. Отчасти это объясняется затрудненіями, какія внесъ въ дѣятельность этихъ учрежденій ихъ переѣздъ въ новое помѣщеніе, отчасти это стоитъ въ связи съ указанными общими для всѣхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ неблагопріятными условіями.

Въ засѣданіяхъ 7 и 10 Октября 1918 года Новгородская Губернская Ученая Архивная Комиссія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Муравьева, намѣтила планъ своей дѣятельности на ближайшее время, когда необходима напряженная и срочная работа, чтобы сохранить находящееся въ архивахъ Новгородскаго края культурное наслѣдіе предшествовавшихъ поколѣній.

По мнѣнію Комиссіи ея очередными задачами должны быть такія: 1) Регистрація всѣхъ архивныхъ хранилищъ Новгородской и Череповецкой губерній. 2) Сосредоточеніе въ Архивной Комиссіи всѣхъ архивныхъ нитей. 3) Содѣйствіе учрежденіямъ, не могущимъ собственными силами выполнить работы по составленію надлежащимъ образомъ описей, посылкою для этой цѣли слушателей высшихъ школъ (по преимуществу слушателей Археологическаго Института, филологовъ и юристовъ, къ тому Архивной Комиссій подготовленныхъ). 4) Принятіе мѣръ къ подысканію надежныхъ помѣщеній для архивовъ, которымъ угрожаетъ опасность уничтоженія и расхищенія. 5) Печатаніе архивныхъ описей. 6) Непосредственное ознакомленіе Архивной Комиссіи черезъ своихъ членовъ съ состояніемъ архивовъ на мѣстахъ въ губерніяхъ и руководство работающихъ въ этихъ архивахъ по составленію описей. 7) Подготовка работниковъ по составленію архивныхъ описей, инвентарей и указателей. 8) Приведеніе въ порядокъ, описаніе и устройство частныхъ архивовъ, когда владѣльцы ихъ обращаются объ этомъ за содѣйствіемъ къ Архивной Комиссіи или если таковымъ угрожаетъ опасность, а владѣльцевъ не имѣется налицо. 9) Въ виду органической связи библіотекъ съ архивами, какъ это наблюдается особенно въ монастыряхъ (рукописные книги и сборники, переплетеныя письма и пр.), Архивная Комиссія сама опредѣляетъ, какія библіотеки, правительственныя и монастырскія, подлежатъ ея охраненію, приведенію въ порядокъ и описанію наравнѣ съ архивами. 10) Выработка инструкцій по архивоведенію и правилъ по

составленію описей и инвентарей по текущему производству и установленій порядка храненія, уничтоженія и сдачи архивныхъ дѣлъ. 11) Исходатайствованіе охранныхъ грамотъ у Главнаго Архивнаго Управленія. Архивная Комиссія руководствуется при составленіи описей и инвентарей архивныхъ дѣлъ, а также при раздѣленіи ихъ на категорію указаніями Главнаго Центральнаго Архива (что необходимо для однообразнаго веденія архивнаго дѣла). Комиссіею созывается, по мѣрѣ надобности, съ участіемъ представителей Центральнаго Архивнаго Вѣдомства, съѣзды завѣдующихъ главными архивами въ губерніяхъ. Въ концѣ года Архивная Комиссія составляетъ отчетъ о своей дѣятельности, который представляется Главному Архивному Управленію, въ вѣдѣніи котораго она состоитъ, и сообщаетъ отчетныя свѣдѣнія мѣстному Губернскому Отдѣлу Народнаго Образованія.

Наряду съ ранѣе существовавшими провинціальными учеными обществами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на охрану архивовъ выступили и новыя учрежденія. Съ 1 Іюня заботу объ охранѣ архивовъ взяла на себя Художественно - Археологическая Секція Губернскаго Отдѣла Народнаго Образованія Новгородскаго Губернскаго Совѣта Рабочихъ, Красноармейскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Этой Секціей были отпущены средства Ученой Архивной Комиссіи на печатаніе ученыхъ матеріаловъ и на канцелярскіе и хозяйственные расходы и проявлена заботливая внимательность въ дѣлѣ предоставленія Архивной Комиссіи и Новгородскому Обществу Любителей Древности соотвѣтственнаго помѣщенія. Первоначально намѣчено было помѣщеніе бывшей Публичной Библіотеки, но потомъ Отдѣлъ нашелъ, что это помѣщеніе не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ храненія архива и предоставилъ помѣщеніе въ бывшемъ Епархіальномъ Арсеньевскомъ Домѣ, имѣющемъ высокія свѣтлыя комнаты, большія окна съ желѣзными рѣшетчатыми ставнями, электрическое освѣщеніе, центральное отопленіе. Отдѣлъ обратился далѣе къ губернскимъ, уѣзднымъ и волостнымъ учрежденіямъ съ указаніемъ о необходимости охраны ихъ архивовъ и о представленіи въ Отдѣлъ свѣдѣній объ этихъ архивахъ.

Новгородскимъ Губернскимъ Отдѣломъ Народнаго Образованія обращено вниманіе на находящійся въ Новгород-

скомъ уѣздномъ Отдѣлѣ Здравоохраненія ларецъ съ документами. Документы эти также принадлежали Губернскому Правленію, но, по ликвидаціи послѣдняго, не были никому переданы, не включены ни въ какія описи, и уцѣлѣли лишь благодаря счастливой случайности. Составъ документовъ слѣдующій:

1. Реестръ имѣющимся въ Новгородскомъ намѣстническомъ Правленіи представленнымъ изъ бывшей здѣсь Губернской Канцеляріи именнымъ указамъ, полученнымъ въ разныхъ годахъ на 148 листахъ. Здѣсь, въ переплетенной книгѣ, обтянутой зеленымъ атласомъ, очень ветхимъ, собраны Высочайшіе указы за 1721 — 1780 г.г. Первые указы (1721, 1723 г.) подписаны Петромъ Великимъ (одна записка Новгородскому воеводѣ Хилкову м. б. даже собственноручная Петра I). Далѣе указы, подписанные царевнами Прасковьей, Анной и Екатериной Іоанновнами, съ автографами гр. Ал. Бестужева-Рюмина, кн. М. Трубецкого, кн. М. Голицына, Ст. Апраксина, гр. Шуваловыхъ и др.

2. Именные указы и копіи 1732 года, на 12 листахъ. Въ сброшюрованной, переплетенной тетради нѣсколько указовъ, подписанныхъ Анной Іоановной, тутъ же письмо Новгородскаго Епископа Ѳеофана (Прокоповича) къ новгородскому губернатору.

3. „Реестръ присланнымъ отъ ея высочества благовѣрныхъ Государыни Цесаревны Екатерины Іоанновны указамъ 1733 года“, на 8 листахъ, указы переплетены въ кожаный переплетъ, съ завязками.

4. „Записка именнымъ оригинальнымъ и въ копіяхъ разныхъ лѣтъ указамъ“, на 117 листахъ. Здѣсь, въ голубомъ атласномъ переплетѣ, тоже очень ветхомъ, заключены Высочайшіе указы за 1764 — 1812 г.г. Екатерины II и Александра I.

5. „Реестръ именнымъ Высочайшимъ указамъ, полученнымъ бывшимъ Новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ“, на 47 листахъ,—указы Александра I (1805—1812 г.г.).

6. „Именные Высочайшіе указы въ подлинникахъ и въ копіяхъ, послѣдовавшіе на имя гражданскихъ губернаторовъ Муравьева, Жеребцова и Денфера“.—Указы Александра I и Николая I (1819—1831).

7. „Письмо принцессы Датской Дагмары и телеграммы Александра II и вел. кн. Михаила Николаевича". Въ этой же сброшюрованной тетради нѣсколько указовъ, собственноручно подписанныхъ Александромъ II. Письмо Датской принцессы Дагмары на французскомъ языкѣ содержитъ благодарность жителямъ Новгородской губерніи за поднесеніе модели памятника 1000-лѣтія.

8. Планъ (на коленкорѣ) города Боровичъ, съ надписью на немъ: Быть по сему, Николай. С.-Петербургъ, 7 Декабря 1834 года.

Саратовскій Исполкомъ поручилъ Совѣту Народнаго Образованія выработать планъ организаціи Центральнаго Саратовскаго Губернскаго Архива. Для осуществленія этой задачи была составлена комиссія изъ членовъ Совѣта Народнаго Образованія, Ученой Архивной Комиссіи, Комиссіи по охранѣ памятниковъ старины и искусства и члена демобилизаціоннаго отдѣла.

Центральный Губернскій Архивъ, по мысли комиссіи, долженъ явиться хранилищемъ архивовъ всѣхъ ликвидированныхъ учрежденій, а также хранящихся во всѣхъ учрежденіяхъ такихъ архивныхъ матеріаловъ, которые потеряли текущій интересъ и имѣютъ только историческое значеніе. Задачей Центральнаго Архива является научная обработка какъ этихъ матеріаловъ, такъ и тѣхъ матеріаловъ, которые находятся въ уѣздныхъ городахъ, бывшихъ волостныхъ правленіяхъ, помѣщичьихъ усадьбахъ и проч.

Въ Кронштадтѣ, благодаря энергіи И. Е. Орѣшина, образовался кружокъ дѣятелей по охранѣ архивовъ, нашедшій содѣйствіе и матеріальную поддержку со стороны мѣстнаго Отдѣла Народнаго Образованія.

Отдѣлъ искусствъ Западной Области въ Маѣ 1918 г. предложилъ всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ Совѣтамъ озаботиться о сохраненіи архивовъ, расформированныхъ послѣ февральской и октябрьской революціи учрежденій царскаго и временнаго правительствъ, въ виду важности этихъ архивовъ для разработки мѣстной исторіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ изданія декрета 1 Іюня Президіумъ Областного Исполнительнаго Комитета Западной Области предписалъ всѣмъ учрежденіямъ Области временно, до изданія распоряженій и инструкцій Главнымъ Управле-

ніемъ Архивнымъ Дѣломъ, принять къ неуклонному исполненію слѣдующее: 1) мѣры къ сохраненію архивовъ отъ расхищенія должны быть рѣшительными; 2) лица, коимъ поручено вѣдѣніе архивами, обязаны тщательно наблюдать за сохранностью архивовъ и принять мѣры на случай ихъ расхищенія, доводя о принятыхъ мѣрахъ до свѣдѣнія власти и соотвѣтствующей архивной комиссіи; 3) Продажа и уничтоженіе дѣлъ архивовъ нынѣ существующихъ учрежденій, а также расформированныхъ во время войны, революціи, а также въ предшествующее время, недопустимы ни подъ какимъ видомъ, виновные въ семъ подлежатъ отвѣтственности по суду, согласно пункта 5 упомянутаго декрета.

Въ Іюлѣ Смоленскій Совѣтъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ издалъ постановленіе, что всѣ виновные въ умышленной порчѣ стѣны, ея башни и архивовъ будутъ преданы Революціонному Суду, по всей строгости законовъ и понесутъ тяжкое наказаніе за расхищеніе народнаго имущества. Въ соотвѣтствіи съ такими постановленіями издавались постановленія о мѣрахъ къ охранѣ архивовъ уѣздными учрежденіями Совѣтовъ Смоленской губерніи. Главное Управленіе, оказывая Губернскимъ Ученымъ Архивнымъ Комиссіямъ моральную и матеріальную поддержку, проводитъ взглядъ о необходимости, въ интересахъ дѣла, тѣсной связи на мѣстахъ между Архивными Комиссіями и Отдѣлами Народнаго Образованія.

Стремясь въ дѣлѣ охраненія и упорядоченія провинціальныхъ архивныхъ фондовъ опираться на мѣстныя ученыя силы, Московское Отдѣленіе Главнаго Управленія назначало въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ ихъ среды временныхъ уполномоченныхъ, которымъ поручало организовать изъ мѣстныхъ архивныхъ дѣятелей Комитеты и принимать неотложныя мѣры къ спасенію архивовъ. Такими уполномоченными были назначены: въ Пензѣ—А. Л. Хвощовъ, въ Тулѣ—А. П. Рудаковъ, въ Орлѣ — В. М. Турчаниновъ, въ Курскѣ — Н. В. Златоверхниковъ, во Владимірѣ—Н. В. Малицкій, въ Тамбовѣ—А. Н. Норцовъ, въ Костромѣ—Е. Ф. Дюбюкъ.

Одной изъ мѣръ для распространенія среди широкихъ круговъ населенія взглядовъ о необходимости охраны архивовъ явилась поѣздка группы архивистовъ по городамъ Сѣверной области съ цѣлью чтенія лекцій по архивному дѣлу.

Ближайшимъ поводомъ къ организаціи такихъ лекцій послужило обращеніе въ Комитетъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ члена Новгородскаго Губернскаго Отдѣла Народнаго Образованія Н. В. Лишева о желательности командировки опытныхъ архивистовъ для чтенія лекцій на учительскихъ курсахъ въ Новгородѣ. Главное Управленіе съ полнымъ сочувствіемъ отнеслось къ этому ходатайству, а содѣйствіе товарища комиссара по Просвѣщенію Сѣверной области З. Г. Гринберга дало возможность осуществить идею о лекціяхъ по архивному дѣлу на учительскихъ курсахъ въ рядѣ городовъ. Такія лекціи въ Сентябрѣ были прочитаны въ Новгородѣ, Ямбургѣ, Кронштадтѣ (А. С. Николаевымъ), Петроградѣ, Петрозаводскѣ (В. В. Снигиревымъ), Вологдѣ и Череповцѣ (И. Л. Маяковскимъ).

На лекціяхъ выяснялось прежнее и нынѣшнее пониманіе архива, давалось понятіе о собираніи архивныхъ матеріаловъ, о декретѣ перваго Іюня (о немъ за предѣлами Петрограда знали очень мало), о дѣятельности Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ, объ архивныхъ фондахъ и ихъ комплексахъ, о необходимости охраны архивовъ и мѣрахъ къ охранѣ.

Чтеніе лекцій вызывало живой обмѣнъ мнѣній среди слушателей, численность которыхъ въ разныхъ мѣстахъ была отъ 200 до 350 человѣкъ. Съ несомнѣнностью выяснилось, что среди учителей первой и второй ступени много лицъ, которые готовы энергично служить интересамъ архивнаго дѣла. Необходимо только вооружить ихъ практическими знаніями и дать увѣренность въ поддержкѣ при работѣ. Слушатели курсовъ сообщали, какъ частью уже погибли, частью гибнутъ архивныя хранилища въ провинціи, указывали наиболѣе цѣлесообразныя по мѣстнымъ условіямъ мѣры къ спасенію гибнущихъ архивовъ, увѣряли, что можно съ успѣхомъ вести въ сельской школѣ и среди взрослаго населенія пропаганду охраны архивовъ. Дѣятельность народнаго учителя въ дѣлѣ охраны архивовъ представлялось бы теперь особенно плодотворной, такъ какъ недовѣріе населенія къ учителямъ исчезаетъ и вліяніе ихъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, постепенно возрастаетъ.

Во время учительскихъ курсовъ подтвердилось впечатлѣніе инспекторовъ архивовъ относительно Отдѣловъ Народнаго Образованія, какъ учрежденій, которыя могутъ принести боль-

шую пользу въ дѣлѣ охраны архивовъ. Во многихъ мѣстностяхъ они по собственному почину уже проявили содѣйствіе къ охранѣ архивныхъ матеріаловъ и выдвинули изъ своей среды рядъ дѣятелей, успѣвшихъ многое сдѣлать въ этой области. Таковы Н. Г. Порфиридовъ (въ Новгородѣ), И. Е. Орѣшинъ (въ Кронштадтѣ), Лебедевъ (въ Вологдѣ), Парфеновъ (въ Петрозаводскѣ).

Въ Кронштадтѣ на лекціяхъ присутствовали и матросы, съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ отнесшіеся къ воззванію объ охранѣ архивныхъ матеріаловъ. Они обѣщали принять мѣры къ охранѣ судовыхъ и другихъ архивовъ морского вѣдомства.

Объ отношеніи мѣстнаго населенія къ лекціямъ по архивному дѣлу и ближайшихъ результатахъ лекцій свидѣтельствуютъ статьи по поводу лекцій въ мѣстныхъ провинціальныхъ газетахъ (напр. Извѣстія Кронштадтскаго Совѣта Рабочихъ, Матросскихъ и Красноармейскихъ депутатовъ 1918 г., № 207. Извѣстія Новгородскаго Совѣта Рабоч., Красноарм. и Крест. депут. 1918 г. № 240).

Въ тѣсной связи съ поѣздками архивныхъ дѣятелей для чтенія лекцій въ провинціи находится предположеніе Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію Сѣверной Области о включеніи въ программы Учительскихъ Институтовъ курса основныхъ свѣдѣній по архивному дѣлу и созывъ въ началѣ 1919 г. въ Петроградѣ съѣзда дѣятелей по архивному, музейному и библіотечному дѣлу.

Завѣдующій Главнымъ Управленіемъ Архивнымъ Дѣломъ Д. Б. Рязановъ и Замѣститель Завѣдующаго проф. С. Ѳ. Платоновъ признали устройство съѣзда архивныхъ дѣятелей весьма желательнымъ, а Замѣститель Комиссара по Народному Просвѣщенію Сѣверной Области З. Х. Гринбергъ, съ полнымъ сочувствіемъ отнесясь къ идеѣ съѣзда архивныхъ дѣятелей, предложилъ использовать съ этою цѣлью созываемый Комиссаріатомъ съѣздъ представителей Отдѣловъ по Народному Образованію, съ тѣмъ, чтобы на этомъ съѣздѣ были организованы секціи библіотечная, музейная и архивная.

Образованная при Справочно-Статистическомъ Отдѣлѣ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ комиссія, въ составѣ А. С. Николаева, А. И. Андреева, Г. С. Габаева, Н. В. Голицына, Д. Д. Зуева, А. И. Лебедева, Н. А. Пы-

пина и Н. П. Черепнина, намѣтила какъ программу подготовительныхъ на мѣстахъ работъ къ организаціи архивной секціи съѣзда, такъ и общій планъ занятій этой секціи. Въ соотвѣтствіе съ работой этой комиссіи Народный Комиссаріатъ по Просвѣщенію Сѣверной Области обратился съ циркулярами въ Отдѣлы по Народному Образованію. Въ этихъ циркулярахъ (они напечатаны въ „Сѣверной Коммунѣ“ 1918 г. №№ 154 и 168) Отдѣломъ по Народному Образованію предлагалось принять всѣ мѣры къ охранѣ архивовъ, заполнить одновременно разсылаемую анкету объ архивахъ, подготовить необходимый для съѣзда матеріалъ. Однородный циркуляръ былъ разосланъ и Главнымъ Управленіемъ Архивнымъ Дѣломъ.

Комиссіей намѣченъ рядъ сообщеній на съѣздѣ, какъ общаго характера, такъ въ частности объ архивномъ фондѣ, новой постановкѣ архивнаго дѣла, обслѣдованіи архивовъ, основныхъ началахъ архивоведенія, губернскихъ архивныхъ фондахъ, объ архивахъ помѣщичьихъ, монастырскихъ, церковныхъ, крестьянскихъ, военныхъ, объ архивахъ организацій, возникшихъ въ періодъ революціи. Въ связи съ съѣздомъ намѣчено, по идеѣ И. Л. Маяковскаго, устройство архивной выставки.

Дѣятельность Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ началась раньше, чѣмъ было выработано и утверждено положеніе о немъ. Строй и организація Главнаго Управленія развивались соотвѣтственно требованіямъ, настойчиво выдвигаемымъ жизнью. Процессъ конструированія Главнаго Управленія не законченъ и до настоящаго времени.

Въ связи съ выдвигавшимися потребностями нѣкоторые органы въ составѣ Главнаго Управленія получили за истекшее время особое развитіе. Такими являются Справочно-Статистическое Совѣщаніе съ Справочно-Статистическимъ Отдѣломъ и Совѣщаніе Управляющихъ Петроградскими Отдѣленіями Государственнаго Архивнаго Фонда. Справочно-статистическая часть сформировалась осенью, а совѣщаніе управляющихъ возникло лѣтомъ 1918 года.

Справочно-Статистическій Отдѣлъ раздѣляется на три подъотдѣла: 1) русскій, 2) иностранный и 3) библіотечный.

Русскій подъотдѣлъ: а) собираетъ, провѣряетъ и обрабатываетъ данныя объ архивныхъ фондахъ и о постановкѣ всѣхъ сторонъ архивнаго дѣла, поступающіе изъ Отдѣленій

Государственнаго Архивнаго фонда, 1) по запросамъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ, 2) по иниціативѣ самихъ Отдѣленій и 3) путемъ систематическихъ анкетъ, непосредственныхъ обслѣдованій и другихъ планомѣрныхъ способовъ; б) собираетъ тѣми же способами (пунктъ а) и обрабатываетъ свѣдѣнія о тѣхъ архивахъ, которые либо временно еще не вошли въ Единый Государственный Архивный Фондъ, либо вообще не подлежатъ включенію въ него, представляя однако собою научно-историческія цѣнности или имѣя особый общественный интересъ (частные, фамильные и т. п. фонды); в) собираетъ путемъ обслѣдованія книгохранилищъ и изученія соотвѣтственныхъ изданій, пріобрѣтаемыхъ отъ архивовъ, а также отъ историческихъ и археологическихъ обществъ и учрежденій, русскую библіографію, освѣщающую разныя стороны постановки архивнаго дѣла въ Россіи; г) на основаніи всѣхъ собранныхъ, провѣренныхъ и обработанныхъ данныхъ: 1) создаетъ подвижные и непрерывно пополняемые карточные указатели, 2) составляетъ археографическія карты, картограммы и діаграммы и 3) подготовляетъ къ печати статистическіе справочники, ежегодники и матеріалы, а также Общій справочникъ по организаціи и составу Государственнаго Архивнаго Фонда и Руководство по архивной техникѣ.

Иностранный подъотдѣлъ: а) занимается обслѣдованіемъ иностранной литературы по архивному дѣлу, подыскивая ее въ русскихъ книгохранилищахъ или пріобрѣтая изъ за границы и, путемъ краткихъ справокъ, извлеченій, докладовъ, отчетовъ, сводныхъ изложеній, переводовъ и т. п. подбираетъ изъ нея матеріалы, освѣщающіе постановку заграницей важнѣйшихъ сторонъ архивнаго дѣла, какъ то: 1) главныхъ моментовъ архивнаго законодательства, 2) организаціи управленія архивнымъ дѣломъ, 3) правилъ и практики храненія архивныхъ дѣлъ, сдачи ихъ въ архивы, выдачи справокъ, ревизіи фондовъ, отчетовъ объ архивахъ, 4) оборудованія архивовъ, 5) архивной службы, подготовки архивныхъ дѣятелей, съѣздовъ архивистовъ, 6) типовъ описей, методовъ ихъ составленія, 7) изданія документовъ, 8) постановки издательскаго дѣла, какъ въ центральныхъ архивныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ архивахъ; б) собираетъ свѣдѣнія о находящихся въ иностранныхъ архивахъ матеріалахъ, касающіяся русской исторіи; в) создаетъ подвижной и

непрерывно пополняемый указатель и подготовляетъ важнѣйшіе изъ собранныхъ и переведенныхъ матеріаловъ къ изданію.

Въ иностранномъ подъотдѣлѣ Справочно-Статистическаго Отдѣла помимо подбора общей библіографіи по архивному дѣлу на иностранныхъ языкахъ, ведется также подборъ и регистрація иностраннаго законодательнаго матеріала по организаціи архивовъ въ цѣляхъ обслуживанія необходимыми справками работающихъ при Главномъ Управленіи Архивнымъ Дѣломъ Комиссій.

Библіотечный подъотдѣлъ: а) организуетъ раціонально поставленную съ точки зрѣнія библіотечной техники спеціальную библіотеку по архивному дѣлу и б) планомѣрно ее пополняетъ для направленія и объединенія работъ всего Отдѣла, а также для согласованія его дѣятельности съ работами всѣхъ прочихъ Отдѣловъ Главнаго Управленія учреждается Совѣщаніе по справочно-статистическимъ дѣламъ.

Совѣщаніе Управляющихъ Петроградскими Отдѣленіями Секцій Единаго Государственнаго Архивнаго Фонда возникло при Главномъ Управленіи Архивнымъ Дѣломъ въ качествѣ совѣщательнаго органа въ цѣляхъ объединенія дѣятельности Отдѣленій, особенно необходимаго въ періодъ напряженной созидательной работы, протекающей при исключительно тяжелыхъ условіяхъ, а равно для обсужденія, съ точки зрѣнія практическихъ дѣятелей, возникающихъ въ Главномъ Управленіи и Отдѣленіяхъ вопросовъ относительно дальнѣйшаго усовершенствованія и развитія архивнаго дѣла въ Россіи, на началахъ, предуказанныхъ декретомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ 1 Іюня 1918 года.

Въ составъ Совѣщанія входятъ Управляющіе Петроградскими Отдѣленіями и ихъ замѣстители, Завѣдующіе Секціями, Директоръ Библіотеки Сравнительнаго Законовѣдѣнія, Главный Инспекторъ и Инспектора архивовъ, Управляющій Дѣлами Главнаго Управленія, Завѣдующіе отдѣлами Главнаго Управленія, Архитекторъ, Врачъ, вѣдающій разработкой санитарно-гигіеническихъ вопросовъ.

Дѣятельность Совѣщанія началась 23 Іюля 1918 года; засѣданія его происходятъ еженедѣльно. Разсмотрѣнные Совѣщаніемъ за истекшее время вопросы относятся къ слѣдующимъ главнѣйшимъ категоріямъ: охрана и обслѣдованіе архивовъ, ихъ статистическій учетъ, включеніе новыхъ фон-

довъ въ составъ Отдѣленій, собраніе архивныхъ матеріаловъ, лекціи по архивному дѣлу на учительскихъ съѣздахъ Сѣверной Области, организація съѣзда по архивному дѣлу, установленіе взаимоотношеній между Архитекторомъ Главнаго Управленія и Отдѣленіями, вопросъ объ организаціи VIII Секціи Госуларственнаго Архивнаго Фонда, о собираніи печатныхъ официальныхъ матеріаловъ, вопросъ о городскихъ архивахъ, квартиры служащихъ въ архивахъ, санитарно-гигіеническія мѣропріятія, выдача справокъ и дѣлъ изъ Отдѣленій, учрежденіе научно-технической комиссіи, комиссіи объ уставѣ архивной службы, комиссіи объ архивныхъ дѣлахъ, не подлежащихъ храненію, западно-европейское законодательство, какъ матеріалъ при работѣ комиссій по архивному дѣлу, архивные курсы, хроника журнала „Историческій Архивъ", издательская дѣятельность Отдѣленій, текущіе вопросы по управленію архивами, о порядкѣ денежныхъ ассигнованій, выдачъ, отчетности, о длительности работы архивовъ, объ охранѣ интересовъ служащихъ, организація Коллектива работающихъ по единому Государственному Архивному фонду.

Совѣщаніе Управляющихъ Петроградскими Отдѣленіями удѣляло большое вниманіе санитарно-гигіеническимъ вопросамъ, исходя какъ изъ неблагопріятныхъ по существу въ этомъ отношеніи условій архивной службы, такъ и особенностей настоящаго времени. Въ одномъ изъ заслушанныхъ Совѣщаніемъ докладовъ врача Главнаго Управленія д-ра А. А. Садова путемъ тщательныхъ статистическихъ подсчетовъ устанавливалось, что служащіе въ петроградскихъ архивахъ и ихъ семьи за Августъ получили по продовольственнымъ карточкамъ на 75%, а въ Октябрѣ 1918 г. на 80% меньше минимальной голодной продовольственной нормы, малѣйшее уклоненіе отъ которой приноситъ непоправимый вредъ организму. Дальнѣйшій подсчетъ показывалъ, что на закупку дополнительныхъ до минимальной нормы продуктовъ требовалось, по октябрьскимъ цѣнамъ по 547 руб. на каждаго члена семьи. Таковы же въ сущности и условія московской жизни.

Послѣ этого, въ связи съ недостаткомъ отопленія въ квартирахъ и архивахъ, и спѣшной, требующей постояннаго напряженія, современной архивной работы, становится по-

нятной чрезвычайно высокая смертность среди служащихъ въ петроградскихъ и московскихъ Отдѣленіяхъ Государственнаго Архивнаго Фонда.

За послѣдніе мѣсяцы въ Петроградѣ скончался рядъ архивныхъ работниковъ.

Въ Москвѣ изъ 27 архивныхъ дѣятелей I Отдѣленія II Секціи скончались пять: С. А. Шумаковъ, В. В. Нечаевъ, С. А. Глазуновъ, И. С. Бѣляевъ, Н. Н. Марковъ.

Н. Н. Маркова нашли въ квартирѣ мертвымъ. Онъ лежалъ на полу возлѣ стола, въ пальто, шапкѣ, галошахъ. На столѣ была неоконченная записка, въ которой Н. Н. Марковъ просилъ сослуживца зайти къ нему. Записка оборвалась на словѣ: „коченѣю“...

„2 Декабря въ Москвѣ скончался Сергѣй Алексѣевичъ Бѣлокуровъ. Онъ умеръ въ расцвѣтѣ силъ, при обстоятельствахъ, вызывающихъ особую жалость: одинокій, вдали отъ семьи, при неблагопріятно сложившихся условіяхъ личной жизни.

Это былъ одинъ изъ изумительныхъ архивныхъ дѣятелей. Съ 1882 года, когда С. А. Бѣлокуровъ окончилъ курсъ Московской Духовной Академіи, по 1907 г., когда исполнился 25-лѣтній юбилей его научной и архивной дѣятельности, имъ было издано 400 номеровъ печатныхъ трудовъ. Среди нихъ не было ни одного, который не былъ бы написанъ на основаніи архивнаго матеріала, почерпнутаго изъ архивохранилища, въ которомъ С. А. Бѣлокуровъ состоялъ на службѣ. Это былъ удивительный архивный изслѣдователь. Одинъ изъ первыхъ онъ внесъ струю научнаго одушевленія въ архивныя изслѣдованія. Какимъ онъ былъ на Ярославскомъ Археологическомъ съѣздѣ въ 1887 году, гдѣ выступилъ съ рядомъ докладовъ, такимъ оставался и до кончины. Живой и бодрый референтъ, доступный, любезный въ личныхъ отношеніяхъ человѣкъ, чутко относившійся къ вопросамъ личнаго достоинства, на архивное дѣло смотрѣвшій, какъ на священнодѣйствіе. Архивъ имѣлъ въ немъ лучшаго представителя, документъ — наилучшаго хранителя“[1]).

30. XII. 1918.

---

[1]) Изъ рѣчи проф. С. Ѳ. Платонова въ засѣданіи Совѣщанія Управляющихъ Петроградскими Секціями Государственнаго Архивнаго Фонда.

СОЮЗЪ АРХИВНЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Союзъ россійскихъ архивныхъ дѣятелей образовался въ Мартѣ 1917 г., въ тотъ моментъ, когда, съ одной стороны, съ паденіемъ стараго режима передъ русскими гражданами открылась широкая возможность совмѣстной, не стѣсняемой внѣшними препятствіями работы на благо родины, а съ другой стороны—положеніе архивовъ и архивнаго дѣла требовало установленія авторитетнаго общественнаго органа, который могъ бы взять на себя и охрану архивныхъ богатствъ страны, и удовлетвореніе научно-техническихъ нуждъ архивовъ, и защиту профессіональныхъ интересовъ архивныхъ работниковъ. 16 Іюня 1917 г. уставъ Союза былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія А. А. Мануйловымъ. Согласно этому уставу въ задачи Союза входятъ: объединеніе архивныхъ дѣятелей на общихъ принципахъ и методахъ работы, забота о правильной постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи, охрана документовъ и архивныхъ матеріаловъ, защита профессіональныхъ интересовъ архивныхъ дѣятелей и изданіе трудовъ по архивовѣдѣнію, по описанію архивовъ, руководство по устройству и управленію архивами и т. п. Къ этимъ задачамъ, при пересмотрѣ устава весною 1918 г., была присоединена еще одна—устройство курсовъ, лекцій и занятій по теоретическому и практическому архивовѣдѣнію. Такимъ образомъ, дѣятельность Союза должна была обнимать всѣ стороны архивной жизни; по каждой изъ отмѣченныхъ въ уставѣ задачъ Союзомъ принимались зависящія отъ него мѣры, въ связи съ предъявлявшимися ему запросами.

Дѣятельность Союза до настоящаго времени распадается на два періода. Въ первый періодъ—послѣ своего образованія и до созданія особаго органа по архивной администраціи въ видѣ Центральнаго Комитета по управленію архивами, а затѣмъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ, Союзъ являлся единственнымъ средоточіемъ, къ которому тяготѣли архивы по всѣмъ связаннымъ съ ихъ жизнью потребностямъ. Вслѣдствіе этого Союзу съ первыхъ же дней

его существованія пришлось обсуждать цѣлый рядъ чисто административныхъ задачъ по отношенію къ архивамъ, принять на себя защиту ихъ нуждъ передъ правительствомъ, заботиться объ объединеніи ихъ дѣятельности и созданіи для нея нормальныхъ условій, ограждать профессіональные интересы служащихъ архивовъ. Послѣ образованія Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ наступаетъ второй періодъ въ жизни Союза, когда большинство указанныхъ задачъ перешло въ непосредственное вѣдѣніе Главнаго Управленія, и Союзъ вступилъ на новый путь, путь разработки вопросовъ научно-техническаго характера, связанныхъ съ архивнымъ дѣломъ.

Въ самомъ же началѣ своей дѣятельности Союзъ россійскихъ архивныхъ дѣятелей поставилъ себѣ двѣ цѣли: созывъ съѣзда архивныхъ дѣятелей и выработку новаго положенія о мѣстныхъ архивныхъ организаціяхъ въ лицѣ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Ощущавшаяся давно потребность въ объединеніи работающихъ въ архивахъ получила яркое выраженіе въ цѣломъ рядѣ поступавшихъ въ Союзъ заявленій съ мѣстъ. Союзомъ была выработана программа съѣзда, который предполагалось созвать въ Декабрѣ 1917 г. Со стороны Министерства народнаго просвѣщенія мысль о созывѣ съѣзда встрѣтила полную поддержку. Октябрьскій переворотъ задержалъ осуществленіе этого предположенія. Въ дѣлѣ о пересмотрѣ положенія губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій Союзъ явился преемникомъ образованной при Русскомъ историческомъ обществѣ „особой комиссіи для обсужденія мѣръ, касающихся порядка сохраненія мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ“, которая постановленіемъ Общества была ликвидирована, причемъ все ея дѣлопроизводство и матеріалы были переданы Союзу архивныхъ дѣятелей. Въ связи съ этимъ, по почину Союза, въ Іюлѣ 1917 г. было созвано при Академіи Наукъ междувѣдомственное совѣщаніе, которое постановило: признать желательною передачу ученыхъ архивныхъ комиссій въ вѣдѣніе Министерства народнаго просвѣщенія, поручить Союзу архивныхъ дѣятелей созывъ съѣзда таковыхъ, возложить на Союзъ выработку проекта закона объ управленіи архивами и положенія о губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ и представить этотъ проектъ на разсмотрѣніе съѣзда, наконецъ—признать желательнымъ созданіе

центральнаго государственнаго органа, который руководилъ бы научной дѣятельностью всѣхъ мѣстныхъ архивныхъ установленій. Послѣ совершившагося въ Октябрѣ 1917 г. переворота, а затѣмъ — вслѣдствіе образованія Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ, на послѣднее перешла забота о выполненіи намѣченныхъ междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ задачъ.

Когда временнымъ правительствомъ, въ связи съ германскимъ наступленіемъ въ Прибалтійскомъ краѣ, объявлена была разгрузка Петрограда, Союзъ принялъ дѣятельное участіе въ регулированіи вывоза архивовъ изъ столицы. Особоуполномоченный по разгрузкѣ возложилъ на Союзъ заботу объ этомъ; Союзъ установилъ списокъ подлежавшихъ вывозу архивовъ, раздѣливъ ихъ на категоріи по степени цѣнности, и сосредоточилъ въ своемъ вѣдѣніи всю предварительную работу по эвакуаціи.—Лѣтомъ 1917 г. Союзъ, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, взялъ на себя выработку проекта общаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ по вопросу о мѣрахъ къ собиранію матеріаловъ по исторіи переживаемаго момента.—Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить, что въ Январѣ 1918 г. Союзъ россійскихъ архивныхъ дѣятелей вступилъ въ число членовъ организованнаго при Академіи Наукъ союза ученыхъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведеній.

Изъ предпринятыхъ Союзомъ изданій по архивному дѣлу слѣдуетъ указать на собранный имъ матеріалъ для справочника по архивамъ Петрограда (при ближайшемъ участіи секретаря Союза А. И. Лебедева). Этотъ справочникъ долженъ былъ служить руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ Петроградскими архивами и съ хранящимися въ нихъ фондами. Былъ выработанъ опросный листъ, разосланный во всѣ столичные архивы; однако, начавшаяся эвакуація послѣднихъ остановила эту работу, а совершившееся преобразованіе въ управленіи архивами и измѣненіе самаго положенія ихъ въ связи съ изъятіемъ ихъ изъ непосредственнаго завѣдыванія соотвѣтствующихъ вѣдомствъ заставили Союзъ на ближайшее время, до завершенія архивной реформы, отказаться отъ задуманнаго изданія.—По почину предсѣдателя Союза было переведено съ итальянскаго языка (подъ редакціей тов. предсѣдателя Союза кн. Н. В. Голи-

ціа) положеніе объ управленіи итальянскими государственными архивами 1911 г. (съ добавленіями 1916 г.) и предположено перевести признаваемое въ настоящее время лучшимъ руководство по архивному дѣлу, составленное нидерландскими архивистами Мюллеромъ, Фейтомъ и Фруиномъ въ новомъ его изданіи. При Союзѣ образована библіотека по архивовѣдѣнію, содержащая 112 названій.

Въ Іюнѣ 1918 г. уставъ Союза былъ пересмотрѣнъ въ виду обнаружившихся за первый годъ дѣятельности Союза нѣкоторыхъ неясностей въ немъ и новаго положенія Союза въ связи съ образованіемъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ, въ которомъ Союзу было отведено особое представительство въ лицѣ одного его члена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Союзъ образовалъ въ своей средѣ пять Комиссій: научно-техническую, лекціонную, издательскую, библіотечную и по организаціи съѣзда архивныхъ дѣятелей. Съ расширеніемъ по декрету 1 Іюня 1918 г. дѣятельности Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ нѣкоторые изъ намѣченныхъ Союзомъ для разработки въ названныхъ комиссіяхъ вопросовъ отпали (напр., устройство лекцій и курсовъ, издательство въ видѣ обнародованія періодическаго органа, созывъ съѣзда), вслѣдствіе чего осенью 1918 г. рѣшеніе Союза было пересмотрѣно и было установлено, что впредь работа Союза должна быть направлена преимущественно на научную и техническую разработку различныхъ сторонъ архивнаго дѣла и на описаніе цѣльныхъ архивныхъ фондовъ. Задачи эти были слѣдующимъ образомъ формулированы предсѣдателемъ Союза акад. А. С. Лаппо-Данилевскимъ въ общемъ Собраніи Союза 13 Октября 1918 г.: 1) задачи научныя: а) изслѣдованіе архивныхъ источниковъ, относящихся къ опредѣленному историческому вопросу и б) изученіе и обсужденіе научныхъ запросовъ практики архивной жизни; 2) задачи техническія: а) составленіе и обсужденіе правилъ о согласованіи архивныхъ фондовъ, о способахъ инвентаризаціи и описанія архивныхъ дѣлъ и документовъ, о сохраненіи и уничтоженіи дѣлъ и документовъ; б) вопросъ о техникѣ изданія документальныхъ текстовъ; в) вопросъ о согласованіи издательской дѣятельности въ различныхъ архивахъ. Дѣятельность образованныхъ въ составѣ Союза комиссій должна быть координирована съ вновь намѣчаемыми Союзомъ заданіями

научно-техническаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было постановлено поддерживать установившуюся съ самаго образованія Союза связь его съ Россійской Академіей Наукъ. На общемъ собраніи 17 Ноября принято было предложеніе предсѣдателя Союза включить въ перечень научныхъ задачъ Союза подготовку систематическаго указателя встрѣчающихся въ дѣлахъ XVIII и XIX столѣтій копій съ документовъ болѣе раннихъ временъ.

Въ зависимости отъ новаго направленія дѣятельности Союза измѣнили свой характеръ и общія собранія Союза, переставъ быть организаціонно-распорядительными засѣданіями, на которыхъ разрѣшались вопросы текущей жизни архивовъ и обсуждались новыя мѣропріятія по архивному дѣлу, а сдѣлавшись собраніями ученой коллегіи для выслушанія докладовъ по архивовѣдѣнію, по исторіи архивовъ и отдѣльныхъ ихъ фондовъ, по научно технической постановкѣ архивнаго дѣла и т. п. Такихъ засѣданій Союза до Декабря 1918 г. было два: на первомъ изъ нихъ А. Н. Макаровымъ былъ прочтенъ докладъ его о проектѣ архивной реформы бар. Г. А. Розенкампфа (1820 г.), на второмъ М. А. Поліевктовъ сдѣлалъ сообщеніе: „Западно-европейское архивное законодательство, какъ матеріалъ для устроенія архивнаго дѣла въ Россіи". Въ будущемъ Союзъ предполагаетъ продолжать такого рода дѣятельность; намѣчено нѣсколько докладовъ въ общихъ собраніяхъ Союза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій печатанія, Союзъ имѣетъ въ виду приступить къ обнародованію приготовленныхъ имъ къ изданію трудовъ по архивовѣдѣнію. Въ настоящее время въ Союзѣ россійскихъ архивныхъ дѣятелей состоитъ 208 дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ; кромѣ того, въ составъ Союза входятъ на правахъ членовъ 34 учрежденія, въ томъ числѣ: комиссія по описанію Синодальнаго Архива, Центральный Архивъ флота и морского вѣдомства, рукописное отдѣленіе Россійской Публичной Библіотеки, б. Архивъ законодательныхъ дѣлъ, Общіе Архивы Министерствъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, 13 губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, 4 церковно-археологическихъ общества и т. д. Слѣдуетъ наконецъ отмѣтить, что въ послѣднее время въ Москвѣ образовалось отдѣленіе Союза.

ПАМЯТИ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАГО.

7 Февраля 1919 г. скончался академикъ Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій. Его труды—статья о голштинскомъ вопросѣ во внѣшней политикѣ Россіи XVIII-го вѣка, печатаемая въ нашемъ журналѣ, и лекціи по дипломатикѣ частныхъ актовъ, издаваемыя въ приложеніи къ этому журналу,—выйдутъ въ свѣтъ въ качествѣ трудовъ „посмертныхъ". Не пришлось Александру Сергѣевичу увидать изданнымъ почти готовый къ выпуску томъ „Грамотъ Коллегіи Экономіи"—плодъ многолѣтней работы въ кругу ближайшихъ его учениковъ, питомцевъ его университетскаго семинарія. Не довелъ онъ до конца изданія въ окончательной обработкѣ своей капитальной „Методологіи исторіи"; оставилъ въ рукописи обширное изслѣдованіе по исторіи русской общественности XVIII-го вѣка, которое разрослось въ цѣлую связную серію изученій по исторіи русской культуры и соціальныхъ отношеній временъ ранней имперіи. Кончина въ разцвѣтѣ силъ и научной работы незамѣнимаго дѣятеля русской научной культуры—огромная потеря для русскаго общества.

Дѣятельность А. С. Лаппо-Данилевскаго была сосредоточена въ Петроградскомъ Университетѣ и въ Академіи Наукъ. Вся его жизнь была поглощена научной работой. Его научной спеціальностью была исторіи Россіи, но углубленное пониманіе задачъ историка сдѣлало его—въ виду современнаго состоянія исторіи, какъ науки — преимущественно теоретикомъ историческаго познанія и археографомъ-критикомъ методовъ предварительнаго изученія документальнаго матеріала и ихъ обработки для дальнѣйшаго научнаго пользованія. Методологія и дипломатика заняли главное мѣсто въ ряду работъ и темъ преподаванія А. С. Лаппо-Данилевскаго. Этотъ кругъ интересовъ былъ въ дѣятельности А. С. Лаппо-Данилевскаго проникнутъ общей идеей—о необходимости пересмотра и опредѣленія самыхъ основъ исторической науки, а крайняя сложность вытекавшихъ отсюда задачъ сдѣлала его выдающимся организаторомъ коллективнаго труда

въ данной ученой спеціальности. Постоянно отвлекаясь отъ личныхъ кабинетныхъ занятій и въ тѣсной связи съ ними, Ал-дръ С-чъ отдавалъ весьма много силъ и времени, съ одной стороны, преподаванію, которое разрослось въ многолѣтнюю коллективную работу созданной имъ школы археографовъ при постоянной подготовкѣ къ той же работѣ новыхъ и новыхъ силъ въ его университетской аудиторіи, а съ другой—руководству такими организаціями, какъ „Историческій кружокъ“ Петроградскаго Университета и „Секція русской исторіи“ въ составѣ университетскаго Историческаго Общества. Какъ академикъ—А. С. Лаппо-Данилевскій выступаетъ руководителемъ „Постоянной исторической коммиссіи“, ставитъ такія предпріятія, какъ разработка матеріаловъ по русской исторіи въ итальянскихъ архивахъ, какъ изданіе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи русскаго законодательства и т. п.

Необходимость организованнаго коллективнаго труда для успѣшнаго развитія науки можно назвать любимой мыслью А. С. Данилевскаго. Стремленіе къ ея осуществленію проявилось и въ его заботѣ объ углубленіи международныхъ связей и отношеній Россійской Академіи Наукъ съ цѣлью, между прочимъ, поставить рядъ информаціонныхъ и библіографическихъ работъ на возможно широкомъ основаніи.

А. С. Лаппо-Данилевскій не могъ остаться чужимъ тѣмъ задачамъ преобразованія и широкой государственной организаціи архивнаго дѣла, ради которыхъ возникло Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ. Онъ первый и поставилъ эти задачи на очередь, организуя „Союзъ архивныхъ дѣятелей“ съ широкой программой, осуществленіе которой рисовалось (въ періодъ „временнаго правительства“), какъ дѣло общественной организаціи съ государственными полномочіями въ данной сферѣ управленія. Результаты второй революціи поставили вопросъ на иную почву. Возникъ „Главархивъ“ — учрежденіе правительственное въ составѣ Комиссаріата народнаго просвѣщенія. А. С. Лаппо-Данилевскій вошелъ, какъ представитель Академіи Наукъ, въ составъ перваго совѣта по дѣламъ управленія Государственнымъ Архивнымъ Фондомъ и принялъ дѣятельное участіе въ выработкѣ основъ намѣченной реформы архивнаго дѣла. Однако, дальнѣйшее развитіе Главархива въ направленіи большей централизаціи всей работы въ рукахъ органа правитель-

ственной власти парализовало значеніе совѣта, и А. С. Лаппо-Данилевскій отошелъ отъ этого дѣла, сосредоточивъ вниманіе на „Союзѣ архивныхъ дѣятелей“, какъ ученомъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью разработку вопросовъ научнаго архивовѣдѣнія и заботу о проведеніи въ жизнь здравыхъ его началъ. Такой завѣтъ оставилъ онъ „Союзу“.

Угасла плодотворная жизнь выдающагося дѣятеля научной культуры. Посѣвъ, имъ оставленный, долженъ взойти и дать цѣнные плоды въ созданной имъ школѣ археографовъ, въ „Союзѣ архивныхъ дѣятелей“, въ дальнѣйшемъ развитіи историческимъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ „традицій Лаппо-Данилевскаго“.

Критика и библіографія.

Проф. Е. В. Тарле. Западъ и Россія. Статьи и документы изъ исторіи XVIII—XIX вв. Изд. «Былое», Птгр. 1918. Ц. 6 р.

Новая книга проф. Тарле—сборникъ его статей, изъ которыхъ только двѣ: «Николай I и крестьянскій вопросъ въ Россіи по неизданнымъ донесеніямъ французскихъ дипломатовъ» и «Послѣдніе дни Наполеоновской арміи» появляются на страницахъ настоящаго изданія впервые въ печати. Всѣ остальныя были напечатаны въ свое время въ «Быломъ», «Голосѣ минувшаго», «Русскомъ Богатствѣ» и «Современномъ мірѣ» и въ настоящее время воспроизводятся съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

Какъ ни разнообразны всѣ эти статьи по своимъ темамъ и по своему содержанію, всѣ онѣ объединены извѣстнымъ единствомъ положеннаго въ ихъ основу матерьяла, а также и единствомъ подхода самого автора къ своей задачѣ. Всѣ эти статьи посвящены цѣликомъ русскому прошлому и построены почти цѣликомъ на источникахъ иностраннаго происхожденія. Самъ авторъ видитъ свою заслугу въ томъ, что настоящія его работы обращаютъ вниманіе русскихъ историковъ «на могущій имъ пригодиться матерьялъ западно-европейскихъ архивовъ и библіотекъ». И дѣйствительно, для русскаго историка раскрываются здѣсь очень широкіе горизонты, а для русскаго архивнаго дѣла намѣчаются новыя весьма соблазнительныя задачи, главнымъ образомъ, въ сторону матерьяла французскаго происхожденія. Изысканія автора въ Archives Nationales, serie AF (secrétairerie d'Etat impériale)[1] еще разъ подчеркиваютъ значеніе документовъ названной серіи для такого существеннаго момента въ исторіи русско-французскихъ отношеній, какъ начало XIX вѣка, серіи, повидимому, далеко еще не исчерпанной въ этомъ отношеніи въ такихъ изданіяхъ, какъ 83-й томъ Сборника Русск. Ист. Общества (политическая

переписка ген. Савари) или изданіе вел. кн. Николая Михайловича «Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи» [1]). Его работы въ другомъ парижскомъ архивѣ—министерства иностранныхъ дѣлъ обогащаютъ наши свѣдѣнія о донесеніяхъ представителей иностранныхъ державъ въ Россіи за время царствованія Николая I. Какъ видно изъ настоящихъ работъ проф. Тарле, этотъ видъ историческаго матеріала и за данное время даетъ очень много для исторіи не только внѣшнихъ сношеній, но и внутреннихъ русскихъ отношеній, соціальныхъ и экономическихъ. Отзывы представителей Франціи 20-хъ и 40-хъ гг., эпохи разцвѣта французской буржуазіи, о положеніи дѣлъ въ Россіи, гдѣ въ это время совершался аналогичный процессъ, въ гораздо меньшей, однако, откристализованности, представляютъ, конечно, несомнѣнный интересъ. Находки автора въ другой серіи документовъ Archives Nationales (F[12]: документы по исторіи французской торговли и промышленности), въ связи съ только что отмѣченнымъ матерьяломъ, выясняютъ неотложную необходимость систематической обработки (а, можетъ быть, и выборки или во-всякомъ случаѣ описанія) всего того, что даетъ архивный матерьялъ Франціи для исторіи русской торговли на всемъ протяженіи XVIII и XIX вв., и конечно еще лучше—въ сопоставленіи съ соотвѣтствующимъ англійскимъ матерьяломъ. Съ другой стороны, тѣ письма Герцена къ Эдгару Кинэ, которыя нашъ авторъ отыскалъ въ «papiers et correspondance d'Edgar Quinet» въ Cabinet des manuscrits парижской Національной библіотеки, дополняя наши свѣдѣнія о «западныхъ друзьяхъ Герцена», свидѣтельствуютъ, какъ много можетъ еще дать западноевропейская частная переписка для характеристики русскихъ общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Наконецъ, оставляя область архивнаго матерьяла, нельзя не отмѣтить тѣ яркія краски, какія сумѣлъ извлечь для своихъ работъ проф. Тарле изъ печатныхъ документовъ, довольно-таки, впрочемъ, основательно позабытыхъ — изъ французской и отчасти нѣмецкой газетной, журнальной-брошюрной и вообще описательной литературы середины XIX в., хотя и можно возражать, какъ сейчасъ будетъ отмѣчено, противъ того, какъ ставитъ самъ авторъ обработку этого матерьяла.

Объединенныя положеннымъ въ ихъ основу матерьяломъ, всѣ настоящія работы проф. Тарле объединены и тѣмъ, какъ ставитъ авторъ

[1]) Отмѣтимъ, кстати, весьма похвальное обыкновеніе автора разбираемаго сборника тщательно отмѣчать мѣстонахожденіе извлекаемаго имъ архивнаго матерьяла. Русскіе изслѣдователи, и даже издатели документовъ, далеко не всегда балуютъ этимъ своихъ читателей.

свои отдѣльныя темы. Какъ преломлялась русская дѣйствительность въ современномъ этой дѣйствительности западноевропейскомъ общественномъ или правительственномъ сознаніи; какъ воспринимала явленія западноевропейской жизни и какъ реагировала на эти явленія «Россія», какъ офиціальная такъ и дѣйствительная, въ особенности если они задѣвали ее заживо, вотъ основные мотивы всѣхъ очерковъ, собранныхъ въ настоящемъ сборникѣ. Русскій ученый, чутко улавливающій отзвуки родного прошлаго, хотя и не посвятившій себя цѣликомъ изученію этого прошлаго, и спеціалистъ въ области западноевропейской исторіи новаго времени, полный хозяинъ своего матерьяла чувствуется въ каждой строчкѣ этого сборника. Наконецъ, и при всей своей хронологической разнородности, всѣ отдѣльныя части этого сборника, въ конечномъ итогѣ суммируются въ нѣчто цѣльное. Снабженный нѣсколько общимъ подзаголовкомъ «статьи и документы изъ исторіи XVIII—XX вв.», сборникъ не охватываетъ равномѣрно весь отмѣченный періодъ, но имѣетъ своимъ содержаніемъ, въ главной своей части, лишь двѣ капитальныя эпохи новой русской исторіи: вторую половину XVIII в. и время царствованія Николая I. Къ первой изъ этихъ эпохъ относится обстоятельная статья «Была-ли екатерининская Россія экономически отсталою страною?» и отчетъ-анализъ изданія С. М. Горяинова «Переписка вел. кн. Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Г. Уилльямса 1756 и 1757 гг.» Николаевское время представлено двумя крупными работами: «Императоръ Николай I и крестьянскій вопросъ въ Россіи по неизданнымъ донесеніямъ французскихъ дипломатовъ» и «Императоръ Николай I и французское общественное мнѣніе», къ которымъ, по существу, примыкаетъ и еще одна—«Герценъ и германская государственность». Къ этой же эпохѣ относится и небольшая замѣтка «Политическая программа 1854 года». Эпохѣ Александра I посвященъ въ сборникѣ одинъ небольшой очеркъ: «Соглядатай Наполеона I о русскомъ обществѣ 1808 г.», довольно существенный для все еще недостаточно выясненнаго вопроса объ англоманствѣ и англофильствѣ высшихъ слоевъ русскаго общества начала XIX вѣка; сюда же хронологически примыкаютъ и два впервые публикуемые теперь авторомъ рапорта маршала Бертье отъ 9 и 12 Декабря н. с. 1812 г. Къ эпохѣ чаяній и сомнѣній русскаго общества въ годину реформъ Александра II относятся «Письма Герцена къ Эдгару Кинэ» (1865—1869 гг.). Наконецъ, два послѣднихъ очерка—какъ бы дань автора тѣмъ болѣе благопріятнымъ условіямъ, какія создались для архивныхъ изысканій послѣ революціи 1917 г.: «Выдача Л. Г. Дейча», по

выраженію самого автора, «бытовая картина» того, какъ «жила и работала дипломатія великой державы въ восьмидесятыхъ годахъ»; «Къ исторіи 1904—1905 гг.» (телеграммы, которыми въ эти годы обмѣнивались германскій и русскій императоры: введеніе и текстъ) надолго сохранитъ значеніе, какъ матерьялъ къ вопросу, надъ которымъ предстоитъ еще заманчивая работа для будущаго историка, но который для своего полнаго освѣщенія потребуетъ привлеченія цѣлаго ряда другихъ источниковъ.

Таково содержаніе разбираемаго сборника. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ статей и прежде всего—на статьѣ объ экономическомъ состояніи Россіи въ екатерининскую эпоху. Внѣшнимъ поводомъ къ появленію этой статьи послужила находка авторомъ въ Archives Nationales, serie F¹² письма генеральнаго контролера Калонна къ министру иностранныхъ дѣлъ Верженну отъ 25 Апрѣля 1786 г. о русско-французскихъ торговыхъ отношеніяхъ, письма, стоявшаго въ связи съ подготовлявшимся въ это время заключеніемъ между Россіею и Франціею торговаго договора.

По своимъ основнымъ положеніямъ эта статья примыкаетъ къ тому обозначившемуся за послѣднее время теченію русской исторической науки (какъ напр., П. Струве въ его книгѣ «Крѣпостное хозяйство»), которое борется противъ установившагося взгляда на Россію XVIII вѣка, какъ на страну преимущественно натуральнаго хозяйства и экономически самую отсталую въ Европѣ того времени. Для обоснованія соотвѣтствующихъ положеній работа Е. В. Тарле даетъ, дѣйствительно, много сочнаго. Взглядъ на Россію XVIII вѣка, какъ на страну экономически «самую отсталую», утвердился, по остроумному замѣчанію автора, какъ бы ретроспективно. Быстрый темпъ экономическаго развитія въ началѣ XIX вѣка Англіи и, отчасти, Франціи, въ результатѣ чего не только Россія, но и государства Германскаго союза, а также Австрія и Италія «отошли въ разрядъ экономически-зависимыхъ странъ», «дипломатическое соревнованіе между Россіей и западными державами... и болѣе твердое и замѣтное въ соціальной жизни страны господство крѣпостного права—все это заставляло забывать, что... въ экономической зависимости отъ Англіи находятся всѣ страны, которыя съ тѣмъ или инымъ запозданіемъ ввели у себя машинное производство,— и Россія въ конечномъ счетѣ оказывалась страною якобы почти исключительно натуральнаго хозяйства, страною исключительно помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ». Такой взглядъ на Россію, по мнѣнію самого изслѣдователя имѣлъ «къ серединѣ XIX вѣка извѣстную почву». Бѣда только, что отъ современности онъ былъ перенесенъ на

прошлое, на XVIII вѣкъ и благополучно утвердился въ исторіографіи». Первоисточники и здѣсь, какъ и въ тысячѣ другихъ подобныхъ случаевъ, разрушаютъ укоренившійся шаблонъ. Живое участіе Россіи въ общеевропейской торговлѣ, русскій экспортъ, какъ жгучій вопросъ въ жизни странъ Запада, процвѣтаніе русскихъ мануфактуръ, вотъ та картина, которую раскрываютъ передъ нами архивные документы. Моментъ начала экономическаго «отставанія» Россіи передвигается, такимъ образомъ, къ тридцатымъ годамъ XIX вѣка, къ серединѣ царствованія Николая I. Съ другой стороны эта картина, попутно, отбрасываетъ новый свѣтъ и на многіе другіе, смежные съ нею вопросы русской исторіи исхода XVIII и начала XIX вѣка. Изученіе экономическаго взаимоотношенія въ эту пору Россіи и Запада раскрываетъ передъ нами, между прочимъ, новую сторону того соперничества между Франціей и Англіей, которое какъ бы насыщаетъ собою политическую атмосферу Европы на рубежѣ двухъ столѣтій и даетъ ключъ къ пониманію многаго во внутренней русской исторіи «дней александровыхъ прекраснаго начала».

И прямо и косвенно новая работа Е. В. Тарле, такимъ образомъ, цѣнный вкладъ въ русскую историческую науку. Положенія, высказываемыя имъ здѣсь, все же, однако, требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ. И прежде всего, имъ недостаточно принятъ во вниманіе, какъ намъ кажется, характеръ того источника, отъ котораго онъ отправляется. Справка о русскомъ ввозѣ во Францію, данная Калонномъ въ его письмѣ къ Верженну, требуетъ осторожнаго къ себѣ отношенія и вовсе не потому, что нельзя всецѣло вѣрить офиціальной торговой статистикѣ того времени, но прежде всего потому, что само это письмо имѣло своимъ назначеніемъ защитить ту позицію, какую заняло въ этотъ моментъ французское правительство, добиваясь (и въ концѣ концовъ добившись) отъ Россіи весьма существенныхъ льготъ для французской торговли. Преувеличивать цифры русскаго ввоза во Францію было въ данный моментъ въ интересахъ французскаго правительства и офиціальная переписка высшихъ чиновниковъ не могла этого на себѣ не отразить. Въ то же время, если данныя французскаго «Bureau de la balance de commerce» въ общемъ и подтверждаютъ цифры Калонна, то сами по себѣ эти данныя показательны и съ другой стороны. Подтверждая положеніе о большихъ размѣрахъ русскаго ввоза, и даже о перевѣсѣ этого ввоза надъ ввозомъ французскихъ товаровъ въ Россію они съ полною очевидностью отмѣчаютъ его «натуральный» и «сельскохозяйственный» характеръ: изъ общей цифры русскаго ввоза за 1785 г. на сумму 6.412.339 ливровъ на

долю сырья приходилось 4.280.000 ливровъ, на долю же предметовъ индустріи—всего 1.412.000 ливровъ; остатокъ дѣлился между зерномъ (472.000), холстомъ (98.000: нѣкоторыя части—продуктъ домашняго издѣлія) и мелкими товарами безъ болѣе точнаго обозначенія (150.389). Не надо, наконецъ, забывать и того, что фрахтъ былъ почти цѣликомъ въ рукахъ не-русскихъ фирмъ.

Положенія автора и приводимыя имъ данныя о русской промышленности конца XVIII вѣка точно также требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ. На общемъ фонѣ слабаго сравнительно развитія обрабатывающей промышленности и, въ особенности, промышленной техники на всемъ протяженіи европейскаго континента той поры, русская промышленность выступаетъ, конечно, не въ столь уже блѣдныхъ тонахъ, въ какихъ она рисуется намъ, когда мы забываемъ о различіи между Европою, въ лучшемъ случаѣ, Аркрайта и Уатта, и современностью Эдиссона, Мартена и Менделѣева. Авторъ совершенно правъ, напоминая, что „механическія усовершенствованія, шедшія изъ Англіи, были до самого XIX вѣка во Франціи совершенно случайнымъ новшествомъ, экзотическимъ явленіемъ“, и что въ этомъ отношеніи «Франція временъ Людовика XVI гораздо ближе къ екатерининской Россіи, чѣмъ къ Англіи Аркрайта и Уатта». И при всемъ томъ, принявъ безраздѣльно положеніе о быстромъ ростѣ русской обрабатывающей промышленности во вторую половину XVIII вѣка, все же было бы небезынтересно сопоставить тѣ дѣйствительно вѣскія цифры, которыя иллюстрируютъ этотъ ростъ (количество мануфактуръ, число рабочихъ и т. п.) съ соотвѣтствующими цифрами, относящимися къ промышленности Франціи, введя, при томъ, коэффиціенты какъ географическаго протяженія, такъ и общей численности всего населенія обѣихъ странъ.

Не менѣе интересна статья «Императоръ Николай I и французское общественное мнѣніе». Заново перебравъ основательно историками позабытое (какъ наприм. mrq. de Custine «La Russie en 1839») и извлекши на свѣтъ многое доселѣ мало извѣстное, авторъ весьма удачно вводитъ въ общую раму политическихъ условій и систематизируетъ по отдѣльнымъ моментамъ николаевскаго царствованія богатый матеріалъ публицистической и описательной литературы того времени, разсматриваемый обыкновенно весьма суммарно и почти внѣ фона отдѣльныхъ историческихъ. Явленій удачно оттѣняетъ онъ въ связи съ этимъ, какъ именно при Николаѣ «репутація русскаго абсолютизма», которая до этого «стояла высоко», «испортилась и ни разу уже истиннымъ образомъ не поправлялась съ тѣхъ поръ», чѣмъ и объясняется, въ конечномъ итогѣ, то единодушіе, съ какимъ общественное мнѣніе поддержало

Наполеона III въ его политикѣ 1853—55 гг. Вѣрно поставивъ вопросъ, авторъ совершенно правъ, когда указываетъ, что «отношеніе общественнаго мнѣнія къ правительственной системѣ всегда было обстоятельствомъ, усугублявшимъ для Россіи тяжесть и остроту дипломатическихъ конфликтовъ и уменьшавшимъ преимущества выгодныхъ конъюнктуръ, когда таковыя случались». Дипломатическая конъюнктура—весьма существенный моментъ въ отношеніи западноевропейскаго общественнаго мнѣнія по внутреннимъ русскимъ распорядкамъ въ николаевское царствованіе. И именно поэтому остается лишь пожалѣть, что авторъ въ своей интересной работѣ какъ бы нарочито отмежевывается (хотя и прекрасно владѣетъ ею) отъ богатой литературы памфлетовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ внѣшней политики. На каждой страницѣ изслѣдованія чувствуется, какъ всѣ тѣ описанія Россіи, русскаго быта и русскихъ порядковъ, которыя теперь снова проходятъ передъ нами, равно какъ и тѣ контръ-выступленія, которыя слѣдовали зачастую со стороны русскаго правительства, имѣли своимъ предназначеніемъ въ девяносто случаяхъ изъ ста подготовить общественное мнѣніе къ тому или другому дипломатическому выступленію и, пожалуй, прежде всего съ такой точки зрѣнія разцѣнивались и наиболѣе освѣдомленными изъ современниковъ. Отъ этой литературы къ литературѣ типа de-Pradt'a, Urquarth'a и т. п.—одинъ шагъ; не сдѣлавъ этого шага, авторъ остановился на полпути.

Построеніе статьи страдаетъ нѣкоторою неравномѣрностью отдѣльныхъ ея частей: Кюстинъ и «о Кюстинѣ» доминируетъ надъ остальными. Можно указать и на нѣкоторые пропуски; такъ, наприм. не отмѣчены «Souvenirs de voyage» Suzannet, въ которыхъ нашла себѣ ѣдкую оцѣнку николаевская политика на Кавказѣ, что и не приминула истолковать въ своихъ интересахъ европейская дипломатія, весьма зорко, какъ извѣстно, слѣдившая за каждымъ шагомъ на Кавказѣ русскаго правительства.

Всѣми этими отдѣльными, отрывочными замѣчаніями не исчерпывается, конечно, все то, что хотѣлось бы сказать по поводу новаго интереснаго изданія Е. В. Тарле. Передъ нами книга живого, будящаго мысль содержанія; авторъ ея нервно схватываетъ свѣжій полной интереса и значительности историческій матеріалъ, владѣетъ имъ и умѣло его обрамляетъ. Тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть о томъ отпечаткѣ нѣкоторой спѣшности, который чувствуется кое-гдѣ въ книгѣ—недостатокъ, вполнѣ понятный и извинительный въ журнальной статьѣ, но который не хотѣлось бы встрѣчать въ «отдѣльномъ изданіи». Истинныя

цѣнности требуютъ тщательной отдѣлки и соотвѣтствующей оправы. А какъ авторъ можетъ отдѣлывать свою работу, это мы видимъ изъ такъ проникновенно написанной статьи «Герценъ и германская государственность»—въ литературномъ отношеніи лучшихъ страницъ всего сборника.

М. Поліевктовъ.

«Сборникъ статей въ честь Матвѣя Кузьмича Любавскаго». Петроградъ, 1917 г., VII+788 стр. Цѣна 12 р.

Добрый академическій обычай юбилейныхъ сборниковъ въ честь заслуженныхъ работниковъ науки обогатился новымъ цѣннымъ вкладомъ. Сборникъ, изданный друзьями М. К. Любавскаго по случаю тридцатилѣтія его ученой и преподавательской дѣятельности, содержитъ, кромѣ списка трудовъ Матвѣя Кузьмича за годы 1890—1914 (теперь этотъ списокъ можно дополнить указаніемъ на университетскій курсъ по «Исторіи Западныхъ Славянъ», Москва, 1917 г.), 41 статью разнообразнаго содержанія. Кто далъ отрывокъ изъ подготовленнаго къ изданію труда, кто дополненіе къ изданной ранѣе работѣ, кто замѣтку изъ своего ученаго портфеля, а кто и законченный этюдъ по спеціальному вопросу.

С. А. Котляревскій отозвался на юбилей М. К. Любавскаго содержательной замѣткой, выясняющей на оцѣнкѣ того, что даютъ труды Матвѣя Кузьмича для исторіи русскаго государственнаго права, взаимное отношеніе между работой историка и юриста. Статья С. А. Котляревскаго показательна для момента, переживаемаго обществовѣдѣніемъ,—усиленія «историзма» въ системѣ науки права и юридическаго образованія. Теченіе это, чреватое глубокими и плодотворными послѣдствіями для методологіи правовѣдѣнія, связано, какъ извѣстно и какъ отмѣчаетъ С. А. Котляревскій, съ изданіемъ новаго германскаго гражданскаго уложенія (В. Д. В.), которое упразднило практическое значеніе догмы пандектнаго права и тѣмъ завершило цѣлый многозначительный періодъ въ развитіи не только современнаго права Германіи, но и современной юридической науки, въ частности—науки римскаго права, въ которой догма чрезмѣрно подавила подлинно-историческое изученіе. Методологическіе принципы необходимаго пересмотра основъ «юридическаго метода» съ точки зрѣнія большей роли «историзма» нашли у С. А. Котляревскаго краткую, но мѣткую и содержательную формулировку а также интересное приложеніе къ характеристикѣ изслѣдованій М. К. Любавскаго по исторіи учрежденій Литовско-Русскаго государства. По-

путно авторъ касается характерныхъ особенностей въ научныхъ пріемахъ В. И. Сергѣевича и Б. Н. Чичерина, отмѣчая—съ большой научной чуткостью—«искусственность» ихъ «формально-юридическаго» подхода къ истолкованію явленій исторіи русскаго права. Здоровая реакція противъ этой «искусственности» склоняетъ сочувствіе С. А. Котляревскаго къ историческимъ трудамъ, которые не приносятъ условнаго и относительнаго эволюціи правовыхъ явленій въ жертву догматизаціи ихъ «основныхъ» или «существенныхъ» чертъ. Однако, авторъ правъ утверждая, что «конечные выводы» въ разработкѣ исторіи права требуютъ отъ историка твердой юридической школы и надлежатъ скорѣе «юристу, міровоззрѣніе котораго глубоко проникнуто научнымъ историзмомъ», чѣмъ «историку съ юридическимъ образованіемъ». Дѣло тутъ, конечно, не въ факультетской спеціальности, а въ соотношеніи методологическихъ принциповъ: съ одной стороны, свойственнаго историческому мышленію стремленія «въ относительномъ усматривать только относительное», а, съ другой, требованія, столь рѣшительно выставляемаго Бруннеромъ: «что не поддается догматизаціи, то потеряно для исторіи права». Четкое примѣненіе перваго внесетъ существенныя поправки въ увлекающія С. А. Котляревскаго «классическія страницы» Чичерина о господствѣ въ старорусской государственной жизни «чисто патримоніальныхъ началъ», а углубленный анализъ старо-русскаго правосознанія, вскормленнаго на глубокомъ уваженіи къ обычноправовой «старинѣ и пошлинѣ», неизбѣжно ограничитъ представленіе, будто «въ обиходѣ Московскаго государства нѣтъ мѣста даже для зародышей того, что на позднѣйшемъ юридическомъ языкѣ получило наименованіе субъективныхъ публичныхъ правъ».

Нѣсколько статей сборника относятся къ исторіи Московскаго государства. Общественное броженіе первой половины XVII-го вѣка неуклонно привлекаетъ вниманіе изслѣдователей. Публикація цѣнныхъ и весьма содержательныхъ новыхъ матеріаловъ даетъ возможность углубить изученіе великой Смуты, продолжая работу по слѣдамъ классическаго труда С. Ѳ. Платонова; а еще важнѣе, какъ полный живого интереса вкладъ въ науку, начатое этюдами П. П. Смирнова выясненіе общественныхъ настроеній послѣ Смуты, которое устанавливаетъ сложное содержаніе ея отголосковъ въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ и заново поставило вопросъ объ условіяхъ, въ какихъ возникло и сложилось Соборное Уложеніе. Въ новомъ сборникѣ находимъ по исторіи Смуты интересную статью Л. М. Сухотина: «Къ вопросу о причастности патріарха Гермогена и князя Пожарскаго къ дѣлу перваго ополченія».

Нельзя не привѣтствовать всякій приступъ къ тщательному обслѣдованію исторіи Ляпуновскаго ополченія, которая настоятельно требуетъ монографической обработки, особенно послѣ труда П. Г. Любомирова о нижегородскомъ движеніи. Л. М. Сухотинъ намѣчаетъ въ началѣ статьи общія черты условій, въ какихъ возникло ополченіе 1611 года, указывая въ мѣткихъ, но пока нѣсколько бѣглыхъ чертахъ его связь съ прежними общественными движеніями, и набрасываетъ обликъ Прокопія Ляпунова и отношенія къ нему разныхъ общественныхъ группъ; эти вводныя замѣчанія подготовляютъ постановку вопросовъ о патр. Гермогенѣ и князѣ Д. М. Пожарскомъ, были ли они причастны къ дѣлу перваго ополченія. Путемъ тщательнаго разбора отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ извѣстій Л. М. Сухотинъ приходитъ къ отрицательному рѣшенію обоихъ вопросовъ и такой выводъ, удачно и вдумчиво обоснованный, имѣетъ, несомнѣнно, не малое значеніе для выясненія сложныхъ условій образованія Ляпуновскаго ополченія. Содержательность наблюденій Л. М. Сухотина и четкость его критики заставляютъ ожидать съ нетерпѣніемъ, когда изъ его этюдовъ, надо надѣяться, выростетъ цѣльная монографія. Патріарху Гермогену посвящена и статья С. А. Бѣлокурова о мѣстѣ его заключенія въ 1611—1612 гг.; авторъ выясняетъ путемъ внимательнаго пересмотра соотвѣтственныхъ данныхъ, что Гермогенъ сперва содержался на патріаршемъ дворѣ («подъ домашнимъ арестомъ»), но въ Мартѣ 1611 г., подвергнутъ заточенію въ Кирилловскомъ подворьи, а съ Октября переведенъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ и скончался.

Въ томъ же сборникѣ имѣемъ статью С. В. Бахрушина о «Московскомъ мятежѣ 1648 года», которая переноситъ въ позднѣйшій періодъ того же общественнаго броженія, когда на Москвѣ заговорили о томъ, что снова «весь міръ качается». Задача статьи не только уяснить рядъ фактическихъ обстоятельствъ, соціальный составъ пришедшихъ въ движеніе силъ, ихъ соціальные мотивы и политическія настроенія, но и вообще углубить представленіе о мятежѣ 1648 года, который отнюдь не былъ «площадной случайностью», а однимъ изъ яркихъ эпизодовъ большого и длительнаго общественнаго движенія, выразившагося въ рядѣ народныхъ волненій и общественныхъ выступленій какъ предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ годовъ; авторъ характеризуетъ это движеніе, какъ революцію, которая, однако, не замедлила разбиться, «по географическимъ условіямъ нашей страны», на «рядъ отдѣльныхъ безпорядочныхъ проявленій недовольства». Въ рецензіи, по необходимости бѣглой, нельзя останавливаться на многихъ цѣнныхъ и содержательныхъ деталяхъ статьи С. В. Бахрушина; иныя

изъ нихъ встрѣтятъ, несомнѣнно, возраженія и оговорки; къ тому же это только талантливый эскизъ, подлежащій болѣе обширной разработкѣ: въ немъ намѣчена яркими штрихами цѣлая свѣжая концепція нашего XVII-го вѣка, тревожной и напряженной эпохи перерожденія великорусскаго государства во всероссійскую имперію съ кореннымъ переломомъ всѣхъ формъ соціально-политическаго строя и культурнаго уклада. Пересмотръ всѣхъ сторонъ русской исторической жизни XVII-го вѣка, быть можетъ, наиболѣе очередная и наиболѣе увлекательная изъ назрѣвшихъ задачъ русской исторіографіи.

Въ связи со статьей Бахрушина особый интересъ представляетъ и этюдъ А. М. Кабанова о дѣйствіяхъ разинцевъ въ Нижегородскомъ краѣ. Авторъ изучаетъ и описываетъ «пріемы бунта и усмиренія», выясняетъ любопытныя черты пріемовъ бунтарской агитаціи, возникновенія и роста движенія, а также нѣкоторыя характерныя черты его ликвидаціи и возврата, когда броженіе замирало, къ старому порядку жизни и отношеній. Имѣется въ сборникѣ рядъ статей, касающихся иныхъ частностей той же исторической эпохи. Двѣ изъ нихъ возвращаютъ къ вопросу о литературномъ творчествѣ князя И. М. Катырева-Ростовскаго. С. Ѳ. Платоновъ подымаетъ «Старыя сомнѣнія» относительно происхожденія «Повѣсти» о смутномъ времени, связанной съ именемъ Катырева, а по стилистическому сродству съ нею—и Строгановской Сибирской лѣтописи. Характеръ «вставокъ», лежащій на тѣхъ мѣстахъ текста «Повѣсти», которыя обличаютъ личность автора, стилистическій диссонансъ и психологическія отличія ихъ, какъ и приписаннаго «дуксу Ивану» писанія «На иконоборцы», отъ «Повѣсти» грозятъ свести князя Катырева съ роли выдающагося ея автора на положеніе «интерполятора, усвоившаго себѣ чей то сторонній трудъ». Вопросъ нѣсколько осложненъ этюдомъ А. С. Орлова о «Повѣсти кн. Катырева-Ростовскаго и Троянской исторіи Гвидо да Колумны», гдѣ какъ разъ тѣ особенности «Повѣсти», которыя придаютъ ей такую литературную привлекательность и роднятъ ее со Строгоновской лѣтописью, возведены къ прямому заимствованію изъ русскаго перевода «Троянской Исторіи»,— а на нее имѣется и ссылка въ одной изъ редакцій «Повѣсти».

С. Б. Веселовскій устанавливаетъ въ «Замѣткѣ по исторіи бюджета Московскаго государства XVII вѣка» опредѣленный смыслъ терминовъ «окладные» и «неокладные» сборы, столь сбивчиво толкуемый въ нашей научной литературѣ. С. П. Богоявленскій обрисовываетъ строй и дѣятельность Пушкарскаго приказа. А. И. Яковлевъ даетъ краткій обзоръ «Засѣчной черты Московскаго государства», детально изученной имъ въ обширной монографіи.

Въ XVIII вѣкъ переводитъ насъ статья Н. Д. Чечулина о судьбѣ «старыхъ службъ служилыхъ людей»—этомъ любопытномъ пережиткѣ допетровской старины, который ликвидированъ только въ 1785 году «Грамотой на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи». На порогѣ XVIII вѣка стоятъ для читателя сборника въ характерной антитезѣ Петръ Великій и вождь старообрядчества Андрей Денисовъ. Прекрасная статья М. М. Богословскаго «Петръ Великій по его письмамъ» едва ли не первая попытка подойти пристально и вдумчиво къ «внутренней сторонѣ личности Петра Великаго». Богатый матерьялъ «Писемъ и бумагъ» Петра, крайне медленно издаваемый, оживаетъ въ этюдѣ М. М. Богословскаго, трудящагося надъ обширной біографіей Преобразователя. Было бы крайне существенно, если бы дальнѣйшее и болѣе интенсивное веденіе дѣла изданія связалось съ работой московскаго историка, тѣмъ болѣе, что волею судебъ и драгоцѣнный архивный фондъ переѣхалъ въ Москву,—быть можетъ на долго. Очеркъ личности Петра, данный авторомъ, ставитъ передъ читателемъ живую, могучую и глубоко содержательную натуру, которую полная біографія очертитъ, несомнѣнно, во весь ея ростъ. И это обликъ—историческій: Петръ не переживалъ какого-либо разрыва между собой и своей эпохой, онъ полонъ интереса къ исторіи ближайшихъ столѣтій, той Московской Руси, которая породила его и его эпоху изъ глубочайшихъ нѣдръ своихъ. И рядомъ въ статьѣ о «Четьихъ Минеяхъ братьевъ Денисовыхъ» Е. В. Барсова столь характерный для Петровской эпохи Андрей Денисовъ, вооруженный средствами современнаго ему просвѣщенія, явившійся «первымъ въ Россіи палеографомъ, первымъ лингвистомъ и первымъ историкомъ-критикомъ»—ради защиты «старой вѣры», для которой онъ запасается въ обличеніе «никоніанства» полемической литературой противъ католицизма и протестантства. Статья Е. В. Барсова, посвященная описанію «Четьихъ Миней», составленныхъ братьями-старѣйшинами старообрядческаго общежительства (повидимому, въ сознательную антитезу Минеямъ Дмитрія Ростовскаго), ставитъ заново на очередь давно назрѣвшую потребность въ монографической работѣ объ Андреѣ Денисовѣ и въ научномъ изданіи его писаній. Россія втягивалась въ рядъ новыхъ отношеній, искала новыхъ формъ внутренняго строенія, перерабатывала данныя новыхъ источниковъ просвѣщенія. А. Н. Филипповъ сообщаетъ о «Тягѣ прибалтійскихъ крестьянъ въ Великороссію въ 1-ой половинѣ XVIII вѣка», когда русскіе землевладѣльцы за выходцевъ изъ Эстляндіи и Лифляндіи «ухватились не менѣе энергично, чѣмъ русскій дворъ... за прибалтійскихъ бароновъ и прочихъ шляхтичей лифляндскаго и эстляндскаго рыцар-

ства». Ю. В. Готье даетъ въ статьѣ объ «Отзывахъ губернаторовъ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка объ областномъ управленіи» свѣдѣнія о той критикѣ устарѣлыхъ областныхъ учрежденій, съ какой выступилъ въ 1760-хъ г.г. рядъ русскихъ провинціальныхъ администраторовъ—въ развитіе своеобразнаго представленія о губернаторѣ, какъ вельможно-бюрократическомъ «хозяинѣ и опекунѣ» губерніи, которое опредѣленно намѣчено въ первыхъ опытахъ Екатерининской губернской реформы 1762—1764 г.г. В. Н. Бочкаревъ изучаетъ по матеріаламъ Законодательной Комиссіи 1767 г. мало разработанную страницу въ исторіи русскаго полицейскаго права—«Врачебное дѣло и народное призрѣніе въ Россіи XVIII вѣка». Д. И. Багалѣй далъ главу изъ подготовляемаго имъ обширнаго труда о «Магдебургскомъ правѣ въ лѣвобережной Малороссіи», посвященную «Судьбѣ магистратскаго самоуправленія въ малороссійскихъ городахъ XVII—XVIII в.в.»—набросокъ агоніи и распада старыхъ порядковъ городского строя на Украйнѣ. С. В. Рождественскій въ замѣткѣ «Академія наукъ и Комиссія о сочиненіи проекта Новаго Уложенія» знакомитъ съ характернымъ эпизодомъ въ исторіи Академіи, когда она окончательно отклонила отъ себя роль учрежденія, постановленнаго какъ бы въ центрѣ всей политики народнаго просвѣщенія, роль, «которую она принуждена была выполнять съ самаго своего основанія, и которая ей никогда не давалась», и предложила создать для управленія учебнымъ дѣломъ особое высшее коллегіальное учрежденіе; статья С. В. Рождественскаго — предисловіе-комментарій къ изданнымъ тутъ же документамъ: «Краткимъ размышленіямъ, касающимся до учрежденія училищъ въ Россіи отъ Академіи Наукъ въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія» и «Статьямъ, содержащимъ въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ»; въ статьѣ—комментаріи выяснено происхожденіе этихъ документовъ. В. О. Эйнгорнъ посвятилъ особый этюдъ «Воспитательному заведенію при московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1803)»; авторъ рисуетъ ходъ нелегкаго развитія новаго дѣла и выясняетъ тѣ, быть можетъ, скромные, но плодотворные результаты, какихъ достигъ этотъ пансіонъ при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, такъ какъ далъ возможность дѣтямъ бѣдныхъ родителей громаднаго московскаго района получать среднее общее образованіе въ учебномъ заведеніи, единственномъ на всю Москву, и видитъ въ этомъ историческомъ примѣрѣ залогъ жизненнаго значенія драгоцѣнной идеи нашего времени объ общеобразовательной средней школѣ для русской деревни.

М. В. Клочковъ разсматриваетъ значеніе «Наказа имп. Екатерины II въ судебной практикѣ» на рядѣ примѣровъ вліянія наказа какъ на толкованіе и даже измѣненіе законодательныхъ нормъ въ судебной практикѣ, такъ и на само законодательство; будемъ надѣяться, что этюдъ М. В. Клочкова только первый приступъ къ болѣе обстоятельной разработкѣ интересной темы; замѣчу, кстати, что при пользованіи «сенатскими указами» изъ Полнаго Собранія Законовъ необходимо каждый разъ провѣрять, не напечатана ли, какъ это часто бываетъ, подъ видомъ такого указа выдержка изъ протокола Сената, но дошедшая до публикаціи въ видѣ указа (объ этой особенности П. С. З., не мало вводящей изслѣдователей въ заблужденіе, см. у Н. М. Коркунова, Лекціи по общей теоріи права, изд. 1909 г., стр. 317; примѣры — въ «Исторіи Правит. Сената за двѣсти лѣтъ», т. II, passim, въ примѣчаніяхъ).

Въ XIX в. заходитъ лишь одна статья сборника—«Трактирныя поздравительныя карточки съ масленицей», характерная бытовая страничка В. Н. Покровскаго.

Научной области, которой принадлежатъ крупнѣйшія изъ ученыхъ заслугъ М. К. Любавскаго, исторіи Западной Руси, касаются статьи И. И. Лаппо и В. И. Пичеты. И. И. Лаппо вернулся «Къ вопросу объ утвержденіи Литовскаго статута 1588 г.» и даетъ этому спорному вопросу четкое и ясное рѣшеніе: статутъ не былъ утвержденъ Польско-Литовскимъ сеймомъ, а только получилъ королевскую санкцію, путемъ чрезвычайнымъ, какъ условіе признанія за Сигизмундомъ III власти Литовскаго великаго князя, чѣмъ, въ явное противорѣчіе основной идеѣ Люблинской уніи, подчеркивалась государственная индивидуальность Литвы. В. И. Пичета далъ въ сборникъ часть первой главы II тома своей работы объ «Аграрной реформѣ Сигизмунда-Августа» (2 тома, М. 1917 г.). И. С. Рябининъ напечаталъ этюдъ по польской исторіи: «Къ вопросу объ отношеніи Станислава-Августа Понятовскаго къ революціоннымъ властямъ 1794 года»—по рукописи, которую ему посчастливилось найти среди документовъ архива Царства Польскаго, въ Московскомъ архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ; тутъ оказались, среди другого матеріала, записки Станислава Понятовскаго за время возстанія Косціюшки; въ очеркѣ И. С. Рябинина выступаетъ съ прискорбной наглядностью малодушная двойственность короля между революціонными силами и офицерской контръ-революціонной затѣей.

Немного статей относятся къ болѣе старымъ временамъ русской исторіи. А. И. Соболевскій сообщилъ изъ одного Луцкаго сборника извѣстіе о послѣднихъ галицкихъ Рюриковичахъ, Андреѣ и Львѣ

Юрьевичахъ, гибель которыхъ относили къ 1320 году: новое извѣстіе—въ датированной записи писавшаго одну изъ статей, вписанную въ сборникъ Ѳедора изъ Коломыи, устанавливаетъ, что князья были живы въ Маѣ 1321 г., какъ полагаетъ А. И. Соболевскій, хотя осторожнѣе было бы видѣть тутъ только указаніе, что въ Коломыѣ еще не было свѣдѣній о ихъ смерти. Л. М. Савеловъ издаетъ рядъ матеріаловъ по исторіи рода «Князей Ковровыхъ», мелкихъ княжатъ Стародубскаго княженія, съ пояснительнымъ очеркомъ о нихъ. С. К. Шамбинго помѣстилъ въ сборникѣ интересный этюдъ о «Заставѣ богатырской», вскрывая реальныя черты этого былиннаго мотива, которыя связываютъ старинные пріемы борьбы со степью и позднѣйшую сторожевую станичную службу несомнѣнной генетической и традиціонной связью. К. А. Стратонитскій разъясняетъ, что «Избныя пошлины царскаго судебника» синонимъ «судебныхъ» пошлинъ. В. И. Савва въ «Замѣткахъ о боярской думѣ въ XVI в.» далъ открывокъ изслѣдованія, вышедшаго теперь въ свѣтъ полностью: «О посольскомъ приказѣ въ XVI в.», вып. I, Харьковъ, 1917 г. А. М. Гнѣвушевъ даетъ «Къ исторіи помѣстнаго землевладѣнія въ Новгородской губерніи» тщательно обработанное представленіе о порядкахъ того довольно-таки сложнаго процесса, какимъ московскій служилый человѣкъ добивался осуществленія на дѣлѣ своего помѣстнаго оклада. С. И. Соболевскій сообщилъ отзывы Лейденскаго профессора Бауде о какомъ-то «Московитѣ», который появился въ Голландіи въ началѣ XVII вѣка (письмо Бауде отъ 26 Августа 1605 г.)—отзывъ объ этомъ варварѣ крайне суровъ.

Въ томъ же сборникѣ находимъ рядъ статей по исторіи Западной Европы. Покойный В. С. Протопоповъ, одна изъ жертвъ войны, обратился «Къ вопросу о времени происхожденія Лоршскихъ анналовъ» и установилъ путемъ тщательнаго разсмотрѣнія ихъ текста время ихъ составленія между 786 и 793 годами. Статья К. И. Успенскаго «Наброски о Magna Charta 1215 года» показательна для новыхъ теченій въ изученіи и оцѣнкѣ этого знаменитаго акта; она содержательно углубляетъ представленіе объ историческихъ корняхъ Великой Хартіи, связывая генезисъ «Хартій» съ клятвой англо-саксонскихъ королей при вступленіи во власть; она рѣшительно подчеркиваетъ характеръ феодальной реакціи, какимъ запечатлѣны результаты движенія 1215 года; въ ея методѣ много здороваго историческаго реализма, но выводы, правильные съ принятой авторомъ методической точки зрѣнія, будутъ иные при иной, болѣе широко взятой (какъ напр. у Д. М. Петрушевскаго) исторической перспективѣ: воззрѣніе на Великую Хартію законно усложняется при вниманіи не только къ тому, каковы ея корни,

и къ тому, чѣмъ была она сама по себѣ, но и къ тому, что, какъ и почему изъ нея же выросло. А. Н. Савинъ откликнулся на юбилей М. К. Любавскаго «Исторіей одного восточного манора»—(подробный обзоръ документовъ, характеризующій крупное королевское имѣніе съ XI по XVII вѣкъ). Д. Н. Егоровъ подвергъ критическому анализу «Крестовое воззваніе противъ славянъ 1108 г.», устанавливая подложность этого документа. Д. П. Кончаловскій въ статьѣ «Къ вопросу объ упадкѣ хлѣбопашества въ Италіи въ концѣ римской республики» борется противъ научныхъ воззрѣній на исторію соціальной эволюціи Италіи въ эпоху перехода отъ республиканскаго строя къ Имперіи, основаніе которыхъ коренится «не столько въ источникахъ, сколько въ общей схемѣ», и призываетъ въ заключительномъ примѣчаніи къ отказу отъ Моммзеновской концепціи Римской имперіи въ пользу воззрѣній Нича.

Двѣ статьи—В. Мальмберга «Къ вопросу о типахъ на чертомлыцкомъ налучѣ» и Н. А. Щербакова «Къ вопросу объ одинаковыхъ рисункахъ на древне-греческихъ росписныхъ сосудахъ» переносятъ читателя въ область исторіи искусства. Статья Мальмберга оспариваетъ толкованіе и даже описаніе, отчасти и датировку изображеній на золотыхъ обивкахъ чертомлыцкихъ налучій, предложенныя Б. В. Фармаковскимъ (статья въ «Сборникѣ гр. А. А. Бобринскому», Спб. 1911 г.): статья, во всякомъ случаѣ, вскрываетъ сложность проблемы. Н. А. Щербаковъ разбираетъ любопытный вопросъ о томъ, можно ли допустить пользованіе механическими пріемами (шаблонъ, калькировка, припорошка) для объясненія «одинаковыхъ» рисунковъ на вазахъ, и приходитъ къ рѣшительному отрицанію; русскому археологу эта статья напомнитъ, быть можетъ нѣсколько неожиданно, тотъ же вопросъ и съ тѣмъ же результатомъ по отношенію къ «одинаковымъ» композиціямъ въ старинной миніатюрной живописи лицевыхъ рукописей.

Богатое и разнообразное содержаніе «Сборника М. К. Любавскому» будетъ исчерпано въ перечнѣ, если упомянуть о статьяхъ—Б. А. Тураева: «Божества моря у Египтянъ»—комментарій къ іероглифической надписи на одной изъ каменныхъ плитъ Голенищевскаго собранія, гдѣ упомянутъ «начальникъ жрецовъ всѣхъ боговъ моря»; А. А. Грушки: «Полстранички изъ исторіи культуры»—семасіологическій этюдъ къ слову pistor; и Р. Ѳ. Брандта: «Воскресающій Наполеонъ», гдѣ устанавливается зависимость Лермонтовскаго «Воздушнаго Корабля» отъ стихотворенія Цедлица «Корабль-привидѣніе».

Достойно почтили М. К. Любавскаго участники сборника.

А. Пѣсняковъ.

Архивъ П. М. Строева. Т. I, 1915. Т. II, 1917. Русская Историческая Библіотека, тт. XXXII и XXXV.

Нельзя не привѣтствовать выхода въ свѣтъ этого новаго изданія Археографической Коммиссіи. Оно было намѣчено въ началѣ 1910 г., когда Коммиссія могла окинуть взоромъ пройденный ею 75-ти-лѣтній путь своей научно-издательской дѣятельности. Не малый трудъ она совершила за этотъ періодъ и не малыя услуги оказала она разработкѣ русской исторіи. Можно смѣло сказать, что безъ изданій Археографической Коммиссіи русская историческая наука не могла бы существовать. Но взирая съ полнымъ удовлетвореніемъ на результаты своей многолѣтней дѣятельности, Коммиссія не могла отнестись хладнокровно къ тому безспорно прискорбному явленію, что многія ея изданія,—почти всѣ собранія Актовъ, первые томы Полнаго Собранія Лѣтописей (I—X и XV),—разошлись и сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Идущему на смѣну старыхъ молодому поколѣнію русскихъ историковъ грозила опасность остаться безъ средствъ съ честью поддержать научныя традиціи. Такъ возникъ передъ Археографической Коммиссіею нелегкій вопросъ о переизданіи своихъ многочисленныхъ изданій съ предъявленіемъ къ нимъ новыхъ болѣе строгихъ пріемовъ подготовки къ печатанію старыхъ памятниковъ.

Частичнымъ рѣшеніемъ этого большого вопроса и было постановленіе Коммиссіи 8 Января 1910 г. объ изданіи хранящагося въ ея архивѣ Строевскаго фонда. Этотъ фондъ раздѣляется «на двѣ серіи: первую составляютъ акты древнѣйшіе, относящіеся къ разнымъ мѣстностямъ и поступившіе въ Коммиссію въ двухъ ларцахъ и девяти переплетенныхъ книгахъ; вторая же серія состоитъ изъ пяти переплетенныхъ книгъ и одиннадцати картоновъ, содержащихъ акты Кунгурскіе и Соликамскіе». Общее число всѣхъ ихъ доходитъ до 3330. Къ сожалѣнію нѣтъ указанія, какая часть изъ этого числа выпадаетъ на первую серію и какая на вторую. А это интересно вотъ почему. Первая серія актовъ «вошла въ изданія Археографической Коммиссіи первыхъ десятилѣтій ея дѣятельности, именно въ Акты Юридическіе, въ Акты, собранные Археографическою Экспедиціею, въ Акты Историческіе и Дополненія къ нимъ». Оба изданные тома «Архива П. М. Строева» содержатъ лишь акты первой серіи, причемъ въ первый томъ вошло 382 акта съ 1400 по 1598 гг., а во второй—538 актовъ съ 1598 по 1645 гг., всего 920 номеровъ. Изъ предисловія къ т. I узнаемъ: «Въ какой мѣрѣ предлагаемое изданіе воспроизводитъ содержаніе прежнихъ сборниковъ актовъ, напечатанныхъ Коммиссіею, можно

судить по тому, что въ новое изданіе войдетъ изъ «Актовъ Юридическихъ» 621 актъ (изъ общаго числа 700 актовъ, тамъ помѣщенныхъ), изъ прочихъ же изданій 904 акта (изъ А. А. Э.—617; изъ А. И.—250 и Доп. къ А. И.—37)». Но, что именно изъ прежнихъ изданій вошло въ каждый изъ первыхъ двухъ томовъ, такой весьма полезной параллельной таблицы при каждомъ томѣ не приложено. Конечно, подъ каждымъ актомъ точно обозначено, гдѣ и подъ какимъ номеромъ онъ былъ напечатанъ, указаны въ предисловіяхъ и тѣ акты, которые издаются впервые. Таковыхъ въ первый томъ вошло 85 и во второй—117 номеровъ, всего 202 на 920 изданныхъ документовъ (собственно 921, такъ какъ во 2-мъ томѣ оказалось два 517 номера, одинъ напечатанный раньше, другой переизданъ изъ А. Ю.). Значитъ, переиздано пока 719 актовъ. Вотъ объ этихъ послѣднихъ и желательны были указанныя выше параллельныя таблицы по каждому тому, что въ значительной мѣрѣ облегчило бы справки по новому изданію всѣхъ ссылокъ на старыя изданія. У меня составлена такая необходимая таблица къ первому тому. Она наглядно показываетъ, что на 295 переизданныхъ актовъ значительное большинство падаетъ на Акты Юридическіе—до 187 номеровъ—и на Акты Арх.-Эксп.—100 номеровъ; ничтожное число (всего 4) перепечатано изъ Актовъ Истор. и столько же изъ «Двинскихъ Грамотъ» Шахматова; изъ «Дополненій къ А. И.» не вошло ни одного акта. Изъ той же таблицы ясно видно, какъ полезенъ былъ бы указатель, въ особенности въ порядкѣ номеровъ А. Ю. и соотвѣтствующихъ номеровъ «Архива Строева» для удобства справокъ, такъ какъ въ первомъ изданіи документы разбиты на систематическія группы, а въ послѣднемъ принята чисто хронологическая система.

Новыхъ документовъ въ обоихъ томахъ показано 202 номера. Но одинъ номеръ (II, № 323) включенъ въ число новыхъ ошибочно, такъ какъ напечатанъ въ А. И. III № 108 повидимому по тому же самому списку, хотя и подъ другой болѣе правильной датой. Другой, показанный какъ не напечатанный ранѣе, частично уже былъ изданъ также въ А. И. III, № 224, I и II (II, № 519, § 2 и § 3а). Третій номеръ (II, № 354) въ числѣ новыхъ не показанъ, хотя по списку изъ фонда Строева онъ издается впервые; напечатанъ же документъ въ А. И. III, № 142 по подлиннику съ тремя нелишенными интереса подтвержденіями, отсутствующими въ Строевскомъ спискѣ. Наконецъ, два документа уже были напечатаны, но приложенная къ одному межевая, а къ другому выпись изъ писцовыхъ книгъ издаются впервые (I, № 233 и II, № 411). Большинство вновь изданныхъ документовъ

составляютъ грамоты духовныхъ властей, въ томъ числѣ ставленныя, благословенныя на священство, дьяконство и на построеніе церквей (всего до 31 номера); далѣе жалованныя съ освобожденіемъ отъ дани, пошлинъ и суда (всего до 16) и, наконецъ, разнаго рода распоряженія духовной власти, напр., о посылкѣ на исправленіе въ монастыри, богомольныя грамоты и проч. (около 8 грамотъ). На второмъ мѣстѣ по числу стоятъ жалованныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ и государей (до 17), преимущественно монастырямъ, и грамоты великихъ князей и государей самого разнороднаго содержанія (до 20). Многочисленны памяти и наказныя памяти, отписи центральныхъ приказныхъ властей и областныхъ представителей власти, нерѣдко весьма интересныя, въ особенности въ годы смуты, напр., переписка о разрѣшеніи пріѣзда въ городъ казакамъ для закупки пищевого довольствія и поправки оружія (всего до 40). Къ этому же виду отписей и памятей можно отнести отписи монастырскихъ старцевъ и слугъ властямъ по административнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ и между прочимъ любопытныя ихъ отписки о произведенныхъ расходахъ на поѣздки и хожденіе по дѣламъ (всего до 12). Другіе виды актовъ, не исключая и частныхъ, какъ-то купчихъ, мировыхъ, порядныхъ, поручныхъ, гораздо менѣе многочисленны; такъ судныхъ дѣлъ всего 4, челобитныхъ—6, распросныхъ рѣчей—2, купчихъ—3 и т. д. Не мало, наконецъ, единичныхъ документовъ, имѣющихъ безспорно большую цѣнность. Напр., отписной списокъ Николаевскаго Коряжемскаго монастыря (I, № 229, 1567 г.), представляющій опись монастырскаго имущества при передачѣ его новому игумену, именно, церковной казны, образовъ, книгъ, ризъ и всякаго строенія; между прочимъ упомянуты: «кабалы въ казни мертвыхъ людей и живыхъ, а денегъ взять не на комъ; игуменъ за кабалы не принялся и тѣ кабалы лежатъ въ казнѣ». Таковъ же отписной списокъ «большой казнѣ» Спасо-Прилуцкаго монастыря 1638 г. (II, № 470). Или: опись городовымъ укрѣпленіямъ г. Вязьмы послѣ 1634 г. (II, № 436); дѣло 1643 г. о земляномъ Суздальскомъ валѣ, отводимомъ подъ селитренную варницу (II, № 519); списокъ книгъ, переданныхъ 1635 г. въ Черногорскую пустынь (II, № 441). Позволю себѣ остановить побольше вниманія на двухъ-трехъ подробностяхъ, касающихся больного крестьянскаго вопроса. Впервые напечатана отписка 1616 г. боярина кн. Бор. Мих. Лыкова архимандриту Іосифа монастыря въ отвѣтъ на извѣщеніе властей, что его человѣкъ отказывалъ монастырскимъ слугамъ двухъ старинныхъ монастырскихъ крестьянъ изъ Осташковской слободы. Боярынъ сообщаетъ, что «отъ меня про такія воровскія дѣла пове-

лѣнья моево къ нему (человѣченцу) къ Пиминку не бывало и пра то ево Пиминкова воравство да тое вашу жъ къ себѣ грамотку ни отъ кѣво не слыхалъ и отказывать вашихъ монастырскихъ крестьянъ и ни чьихъ не веливалъ; и отъ меня къ нему къ Пиминку писано и за такія ево воровскія ссоры посулено кнутья и съ увѣчьемъ» (II, № 261). Любопытно сопоставить съ такимъ взглядомъ другой, изложенный въ отпискѣ слуги того же монастыря того же года властямъ. Онъ ходилъ съ грамоткою къ Л. Аѳ. Плещееву, который отвѣтилъ: «и еще есть за вашимъ монастыремъ Лучинскія крестьяне, и язъ деи и тѣхъ вывезу, а тѣмъ деи помѣстьямъ Лучинскимъ государь пожаловалъ меня, а тотъ деи Ѳѳонка сторинной Лучинской крестьянинъ». Слуга указалъ по приказу властей, что Ѳѳонка живетъ за монастыремъ 5 лѣтъ и пришелъ съ Кимры, гдѣ жилъ больше 10 лѣтъ; но Плещеевъ отвѣтилъ, что все это ему извѣстно, «токо деи онъ сторинной крестьянинъ Лучинской». Слуга обратилъ вниманіе на обстоятельства поселенія этого Ѳѳонки за монастыремъ: «тотъ мужикъ пришелъ къ монастырской крестьянкѣ къ животомъ душею да тѣломъ, да дали ему надѣлку монастырской ржи 6 чети, да и льготы ему дано было на 5 лѣтъ, и онъ въ ту 5 лѣтъ всякого дѣло и податей монастырскихъ никакихъ не зналъ, все дѣлолъ на себя, драва да бревна сѣкъ да продовалъ, да самъ корыстовался, больши двацети рублевъ ево дошло; и о хоромѣхъ ему говорилъ, что свезли избу». Но всѣ эти доводы мало повліяли на Плещеева и онъ «отказалъ такъ: «пришель де мой крестьянинъ ко ржи и пошелъ деи ото ржи, и которая деи рожь осталося послѣ ево, и та деи рожь вамъ, а что вы ево подмогали, и онъ деи за то вѣдолъ монастырскоя здѣлья и подоти тенулъ, а об избѣ де язъ зговорю». Къ этому бояринъ прибавилъ, что обиды монастырю отъ него ни въ чемъ не будетъ, такъ какъ въ монастырѣ лежитъ его дѣдушка, «а въ томъ деи на меня игуменъ и старцы не мните, что язъ изъ-за нихъ вывесъ своего сторинного Лучинского крестьянина, а не ихъ по государевѣ грамотѣ монастырскаго крестьянина; не старо онъ за монастыремъ жилъ» (II, № 263). Въ этихъ двухъ отпискахъ двѣ разныхъ землевладѣльческихъ психологіи и двоякая политика въ сношеніяхъ съ монастыремъ, съ которымъ нельзя ссориться. Прибавимъ къ этимъ даннымъ еще одну любопытную государеву грамоту 1630 г. по челобитью Владимірскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря о вывозѣ изъ-за него двухъ старинныхъ бобылей, которые живутъ за нимъ со 118 года. По справкѣ оказалось, что свощику бѣглыхъ изъ дворцовыхъ селъ крестьянъ въ 137 г. предписано произвести обыскъ, «да будетъ по сыску которые крестьяне

вышетъ живутъ за кѣмъ меньши нашихъ указныхъ десяти лѣтъ или и десять лѣтъ, и тѣхъ крестьянъ изъ-за всякихъ людей велѣно вывозить за насъ въ наши дворцовые села въ старые ихъ дворы и на жеребьи по прежнему, гдѣ хто живалъ напередъ сего». Результаты обыска оказались разнорѣчивыми; 67 человѣкъ показали, что Прошка и Ивашка Курановы выбѣжали въ 121 г. и живутъ за монастыремъ въ сельцѣ Телмачевѣ; 76 человѣкъ сказали, что эти двое бѣглыхъ живутъ за монастыремъ 8 лѣтъ; 259 человѣкъ отозвались незнаніемъ; 59 посадскихъ людей указали, что знаютъ этихъ двухъ лицъ «за тѣмъ монастыремъ лѣтъ здвадцать и больши». На основаніи этихъ данныхъ состоялся указъ, что тѣхъ крестьянъ «изъ-за Новаго дѣвичья монастыря въ наше дворцовое село Спаское вывозить не велѣно, что живутъ они за дѣвичьимъ монастыремъ старо, сверхъ нашихъ указныхъ лѣтъ, за колько велѣно свозить» (II, № 386). Здѣсь не только указанія на исторію урочныхъ лѣтъ примѣнительно къ бѣглымъ крестьянамъ, но и оффиціальное разъясненіе, кого надлежитъ считать старожильцемъ.

О самомъ изданіи достаточно сказать, что оно вышло изъ Археографической Коммиссіи. Но извѣстно, что и солнце не безъ пятенъ. Нѣкоторыя сомнѣнія вызываютъ и пріемы, принятые въ основу при настоящемъ изданіи. Первое сомнѣніе: всѣ ли акты необходимо издавать? Если имѣются акты сходные, то не слѣдуетъ ли сберегать мѣсто? На основаніи указанія подъ № 155 тома 1-го надо рѣшить вопросъ въ положительномъ смыслѣ: грамота 1545 г. рязанскаго дворецкаго не напечатана, такъ какъ «содержаніе грамоты представляетъ дословное повтореніе № 150»; но дата грамоты воспроизведена. Изданныя же вновь поручныя по крестьянахъ о явкѣ въ Ивангородъ къ городовому дѣлу въ 1591 г. совершенно тождественны и между собой и съ ранѣе изданною такою же поручной; разница только въ именахъ крестьянъ, поручителей и послуховъ (I, №№ 349—351). Также совершенно сходна вновь изданная грамота патр. Іосифа 1643 г. о совершеніи молебствія по случаю засухи и падежа скота съ переизданной грамотой о томъ-же и того-же года; разница лишь въ адресатахъ и ничтожныхъ подробностяхъ въ исполненіи порученія, каковыя могли бы быть отмѣчены (II, №№ 524 и 525).

Второе сомнѣніе касается заголовка документовъ. Нельзя не признать, что это вопросъ нерѣдко большой трудности. Старая терминологія документовъ, въ особенности частныхъ актовъ, не отличается опредѣленностью и выдержанностью; нерѣдко составители ихъ ограничивались лишь общимъ указаніемъ: «а запись писалъ» такой-то.

Нѣтъ общепринятой терминологіи актовъ и у современныхъ археографовъ и историковъ. Правда, кое-что сдѣлано, иное надо считать общепринятымъ, но сомнѣнія и неясности занимаютъ еще много мѣста. Пожалуй, никто теперь не усомнится, съ какимъ актомъ ему предстоитъ имѣть дѣло когда встрѣтитъ названіе «крестьянская порядная» или просто «порядная». Я сталъ искать такіе акты среди вновь изданныхъ въ «Архивѣ Строева» и нашелъ: одну очень близкую по содержанію къ ранѣе изданной (I №№ 270 и 271), другую съ весьма интереснымъ условіемъ «придачи въ напахъ беспорубно» полобжы, когда два гулящихъ бобылка поселились за Вяжицкой монастырь также на полобжи (I, № 366). Но рядомъ съ этимъ я нашелъ порядную крестьянъ Богд. Аѳ. Новокщенова на засѣвъ пустошей Вяжицкаго монастыря отъ 1582 г., которая не имѣетъ ничего общаго съ крестьянской порядной записью. Изъ акта явствуетъ, что прикащикъ (человѣкъ) Новокщенова и его крестьяне (человѣкъ Новокщенова именуетъ ихъ «своими») засѣяли нѣсколько монастырскихъ пустошей самовольно и дали запись въ томъ, что монастырю въ тѣхъ пустошахъ не учинить никакого убытка, а что учинится убытка, то «убытки и волокида подняти по сей записи». А когда поспѣетъ хлѣбъ, то прикащику и крестьянамъ пріѣхать къ игумену и братьи «да бити челомъ, чимъ съ того севу игуменъ и братья пожалуютъ меня, Неждана, и крестьянъ» (I, № 299). Въ текстѣ нѣтъ иного названія, кромѣ «запись». Это скорѣе повинная запись, а отнюдь не порядная. Другой актъ, озаглавленный: порядная крестьянъ деревни Липокъ съ игуменомъ Вяжицкого монастыря на засѣвъ двухъ обежъ монастырской земли отъ 1593 г., опять не порядная въ техническомъ смыслѣ. Поименованные въ ней крестьяне уже живутъ за монастыремъ по порядной ли записи, или по старинѣ (этого не видно), во всякомъ случаѣ именуютъ себя монастырскими, значитъ, имѣютъ свои участки. Но сверхъ того заарендовали («взяли пахати») у монастыря еще двѣ обжи монастырской земли изъ пятаго снопа. А что они взяли было пахать у сына боярского деревню Кереть и взорали ее, то на ней имѣютъ право произвести засѣвъ яри, а впредь этой земли не пахати, «а пахати намъ Николина (Вяжицкого монастыря) земля» (I, № 360). Это опять не порядная запись, а арендная или кортомная, хотя названа въ текстѣ просто записью. Третья названная порядною запись монастырскихъ крестьянъ съ монастырскимъ казначеемъ о подвозѣ лѣса и постройкѣ мостовъ по Ивангородской дорогѣ отъ 1597 г. также не порядная; крестьяне дали на себя запись въ томъ, что «есми у нихъ нанялисе лѣсъ возити на государевы мосты ихъ

(т. е. монастырской) урочной урокъ, а взяли есми у нихъ найму на тысячю по осми рублевъ безъ четверти» (I, № 382). Это договоръ поставки и найма личныхъ услугъ, который скорѣе слѣдуетъ назвать подрядною или наемною записью, а не порядною. Наконецъ, четвертая порядная, также, по моему мнѣнію, неправильно такъ названная, является договоромъ о наймѣ въ ямскіе охотники и написана отъ имени старосты и крестьянъ монастырской вотчины объ отправленіи ямской гоньбы съ ихъ полусохи; «а найму, сказано тамъ, есмя рядили на годъ» столько-то, и въ «прежные» годы давати «съ полусохи найму по той же по своей рядѣ» (II, № 158). Здѣсь хотя встрѣчаются термины «рядить», «ряда», но термина «порядная» нѣтъ и прилагать его къ этой записи не слѣдуетъ.

Позволяю еще указать на другой терминъ — «рядная запись». Обычно мы привыкли соединять съ этимъ названіемъ понятіе о договорѣ касательно вступленія въ бракъ и объ имущественныхъ отношеніяхъ между будущими супругами. Въ такомъ значеніи этотъ терминъ принятъ и въ разсматриваемомъ изданіи (I, № 226); но этимъ-же терминомъ названъ актъ, имѣющій своимъ содержаніемъ условіе вотчичей князей Кемскихъ о порядкѣ раздѣла доставшейся имъ общей вотчины. Въ новомъ текстѣ акта этого термина нѣтъ, и заимствованъ онъ изъ заголовка этого акта въ А. Ю., № 259, гдѣ ранѣе былъ напечатанъ; но неудачное названіе едва-ли надлежало заимствовать. Правда, терминъ «рядная запись» иногда прилагался современниками къ порядным крестьянскимъ записямъ (II, № 377); но въ заглавіи актъ правильно названъ порядною. Скорѣе возможно сомнѣніе, не правильнѣе-ли порядныя крестьянскія на черныя волостныя земли называть не просто порядными (I, № 374), а порядными-данными, такъ какъ таковымъ обычно соотвѣтствовали мірскія данныя, какъ это явствуетъ изъ изслѣдованія М. М. Богословскаго (Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ, II, 7—9). Да и въ изданіяхъ Археографической коммиссіи такіе акты отъ имени крестьянъ назывались въ заголовкахъ не порядными, а просто записями (Р. И. Б. XIV, 366, 400).

Послѣднее указаніе, касающееся термина кабала. Одинъ изъ актовъ получилъ названіе «заемная служилая кабала» (I, № 377), какъ онъ названъ и въ А. Ю., гдѣ былъ ранѣе изданъ; тамъ названіе дополнено еще поясненіемъ: «на холопство». Въ новомъ изданіи это неудачное и ненужное поясненіе правильно откинуто; но слѣдовало измѣнить и названіе акта. Теперь мы знаемъ, что служилая кабала до 1680 г. имѣла обычный формуляръ съ указаніемъ и суммы займа;

поэтому прибавка «заемная» къ термину «служилая кабала» совершенно лишняя. Въ другомъ случаѣ къ акту, названному «заемной кабалой» было бы точнѣе прибавить въ заглавіи указаніе на то, что одинъ изъ заемщиковъ обязался жить въ дворникахъ «хоромъ беречи и не обжичи и изгородь около поль беречи» (I, № 255), такъ какъ здѣсь простое условіе займа осложняется привходящимъ обязательствомъ.

Я на этомъ прекращаю свои сомнѣнія касательно заглавій актовъ, хотя ихъ далеко не исчерпалъ. Повторяю, это вопросъ очень трудный и спорный. Но было бы желательно, чтобы были установлены возможные общіе пріемы при подысканіи заглавій издаваемыхъ актовъ, въ особенности частныхъ. Надо надѣяться, что Археографическая Коммиссія не оставитъ безъ разсмотрѣнія этого важнаго вопроса.

М. Дьяконовъ.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00047032995